

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

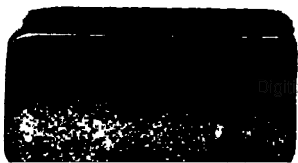
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855315 7

МОСКВИТЯНИНЪ,

7697

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Погодинъ.

1855.

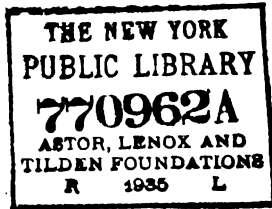
ТОМЪ III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. СТЕПАНОВОЙ.

• 1855.

19

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 27 дня,
1855 года.

Ценсоръ *И. Безсомякинъ.*

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 9.

М А Й.

Кн. 1.

ОПЫТЪ ИЗЛОЖЕНІЯ ТЕОРИИ И УСТРОЙСТВА ГРОМОВЫХЪ ОТВОДОВЪ.

Встрѣтивъ большія затрудненія въ изысканіи сочиненій объ излагаемомъ мною предметѣ, я полагаю, что тѣ изъ моихъ читателей, которые захотятъ обратить особенное вниманіе на этотъ вопросъ, будутъ мнѣ благодарны за обозначеніе источниковъ, въ особенности достойныхъ ихъ вниманія.

1. *J. J. von Felbiger*, Die Kunst Thürme und andere Gebäude von den schädlichen Wirkungen des Blitzes durch Ableitung zu bewahren, 1774, 8.

2. *Reimarus*, Vorschriften zur Anlegung einer Blitzableitung an allerlei Gebäuden. 1774, Hamburg, 8.

3. *P. Guden*, von der Sicherheit wider die Feuerstrahlen, Göttingen v. Gotha, 1774, 8.

4. *Lichtenberg*, Verhaltens—regeln bei nahem Donnerwettern nebst den Mitteln sich gegen die schädlichen Wirkungen des Blitzes in Sicherheit zu setzen. Gotha, 1778, 8.

5. Memoire sur les Conducteurs pour préserver les édifices de la foudre, par *Toaldo*, trad. de l'italien avec des additions par *Barbier de Tinau*, Strasbourg, 1779, 8.

6. Anzeige der nothwendigsten Rettungsmitteln bei nahem Gewittern, etc. *Görlitz*, 1779, 8.

7. *Esser*, Abhandlung über die Blitzableiter, Münster, 1784, 8.

8. *J. J. Hammer*, Anleitung Wetterableiter an allen Gattungen von Gebäuden auf die Sicherste Art anzulegen, mit Kupfern, Manheim, 1786, 8.

9. *Beck*, Unterricht Gebäude von dem hinschlagen des Blitzes zu bewahren. Salzburg, 1786. 8.
10. *Zandriani*, Abhandlung von Nutzen der Blitzableiter, aus dem Ital. von *G. Müller*, Wien, 1786.
11. *Butschamy*, Eine Unvollkommenheit der Blitzableiter, nebst ihre Verbesserungen. Hamburg, 1787, 8.
12. *Höckmann*, Über die Blitzableiter, Carlsruhe, 8.
13. *Stole*, Beleuchtung einiger Vortheile in Ansehung der Donnerwetter und Blitzableiter, Lind. 1790, 8.
14. *Busc*, Beruhigung über die neuen Wetterableiter, 1791, Leipzig, 8.
15. *J. A. H. Reimarus*, Neuere Bemerkungen vom Blitze, dessen Bahn, Wirkung. n. s. w. Hamburg, 1794, 8.
16. *Abbé Mann*, Über Verschiedene Erfindungen die Gebäude auf eine sehr einfache und wohlfeile Weise gegen Feuerbrünste zu sichern, Frankfurt a M. 1799, 8.
17. *Вуцманъ*, Краткое и ясное наставление о громовыхъ отводахъ. С.-Петербургъ. 1800. 12.
18. *Gilly*, Kurze Anleitung auf welche Art Blitzableiter an den Gebäuden anzubringen sind, 2-te Auflage Berlin, 1802.
19. *Bitelwein*, Kurze Anweisung auf welche Art Blitzableiter an den Gebäuden anzubringen sind, Berlin, 1802.
20. *J. K. Gütle*, Lehrbuch der theoretischen Blitzableitungslehre, Nürnberg, 1804, 8.
21. *I. K. Gütle*, Lehrbuch der praktischen Blitzableitungskunst, Nürnberg, 1804, 8.
22. Instruction sur les paratonnerres pour servir à l'établissement de ces appareils audessus des Magasins à poudre, adoptée par le Comité des Fortifications, le 27 aout, 1807. etc.—par le colonel *Bontemps*, Paris, 1808, in fol.
23. *А. Стойковичъ*, О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ, жизни. Харьковъ, 1810, 8.
24. Instruction sur les paratonnerres, adoptée par l'Académie Royale des Sciences le 23 avril 1823 et rédigée par une Commission, composée de M. M. *Poisson*, *Lejèvre-Gineau*, *Girard*, *Dulong*, *Fresnel* et *Gay-Lussac* Rapporteur. Annales de chimie et de physique, 2-ème Série, T. XXVI, p. 258—298.
25. *Н. Щегловъ*, Наставленіе о устройеніи громовыхъ отводовъ, одобренное Парижскою Академією Наукъ. Переводъ съ франц. С.-Петербургъ, 1824.

26. *Gehlers*, *Physikalisches Wörterbuch*, neu bearbeitet von *Brandes*, *Gmelin*, *Hörner*, *Muncke*, *Pfaff*, B. I, 1825, s. 1035—1092. Слово: *Blitzableiter*.

27. *Стойковичъ*, О соломённыхъ и разныхъ другихъ отводахъ молніи и града. С.-Петербургъ. 1826, 8.

28. Руководство къ сооруженію отводовъ молніи, одобренное Королевскою Французскою Академіею Наукъ, 23-го апрѣля 1823 года. Инженерныя Записки, Т. VI, 1827.

29. *Bigot*, *Anweisung zur Anlegung von Blitzableitern*, Glogau, 1834.

30. *Plieninger*, *Über die Blitzableiter*, Stuttgart, 1835.

31. *The Works of Benjamin Franklin*, containing several political and historical Tracts not included in any former edition, etc, with notes by *Iared Sparks*, London, 1844. 10 volumes. Letters and papers on electricity, въ томахъ V и VI.

Qui tractaverunt scientias aut empyrici aut dogmatici fuerunt. Empyrici, formicae more, congerunt tantum et utuntur; rationales, araneorum more, telas ex se conficiunt apud vero ratio media est, quae materiam ex floribus horti et agri elicit, sed tamen eam propria facultate vertit ac digerit.

Lord *Verulam Bacon's Works*, London 1841. Т. II, p. 449. *Nov. Organum*, lib. I, § XCV.

§ 1.

ИСТОРИЯ ГРОМОВЫХЪ ОТВОДОВЪ.

Цѣль этой статьи есть рассмотреть всѣхъ до нынѣ наиболѣе известныхъ системъ устройства громовыхъ отводовъ и отчетливое изложеніе совершеннѣйшихъ изъ этихъ системъ.

Много было писано объ этомъ предметѣ; но до сихъ поръ это изобрѣтеніе не пользуется довѣріемъ, которое оно вполне заслуживаетъ; такое недоувѣріе можно приписать двумъ причинамъ: во-первыхъ тому, что люди вообще охотно соглашаются съ отвлеченными положеніями и выводами науки, но какъ только рѣчь зайдетъ о примѣненіи теоріи къ дѣйствительности, особенно если подобное примѣненіе требуетъ матеріальныхъ издержекъ, тотчасъ рождается недоувѣріе, и скептицизмъ развивается съ удивительной быстротой. Вторая причина, относящаяся собственно къ этой отрасли Физики, заклю-

чается въ томъ, что давно уже объ этомъ вопросъ не говорятъ и не пишутъ. Никто не рѣшится опровергать законы, на которыхъ основано устройство громовыхъ отводовъ, но не смотря на то, распространеніе ихъ на практикѣ идетъ очень медленно. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоить только вспомнить о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ французскими учеными, когда они стали настаивать объ устройствѣ отвода на Стразбургской Соборной церкви (1).

У насъ въ Россіи нѣтъ ни подробнаго, ни даже краткаго сочиненія о громовыхъ отводахъ,—нѣтъ руководства, которое заключало бы въ себѣ всѣ указанія, необходимыя инженеру, которому правительство поручило бы построить отводъ, или образованному и чуждому суевѣрныхъ предразсудковъ помѣщику, который бы пожелалъ оградить надежно свой домъ отъ грозы,—руководства, освѣщеннаго безпристрастной критикой и составленнаго на основаніи новѣйшихъ ученыхъ открытій (2). Слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ Императорское Вольное Экономическое Общество поощряло сочиненія *Стойковича*, слушали рѣчи его о громовыхъ и градовыхъ отводахъ. Но въ этомъ писателѣ мы нынѣ находимъ нѣкоторые недостатки.

Конечно, было бы полезно, не приступая къ изложенію существующихъ системъ громовыхъ отводовъ, войти въ нѣкоторыя подробности о грозѣ вообще, о молніи, громѣ и проч. Но объясненіе этихъ явленій слишкомъ бы расширило предѣлы предлагаемой статьи, и потому я долженъ ограничиться ссылкой на сочиненія по части метеорологіи, считая съ другой стороны, что читателямъ извѣстны главныя основанія этой науки.

Воображеніе и разумъ едва ли не тѣ начала, которыя въ психическомъ челоѣкѣ представляютъ примѣръ дуализма, такъ часто встрѣчаемаго въ природѣ. Должно ли удивляться, что мы часто колеблемся между возможнымъ и разумнымъ,

(1) *Annales de Chimie et de Physique*, 3-ème série, T. XIII, p. 317 et sqq.

(2) Къ этому роду сочиненій невозможно причислить переводы Довесенія Ученой Коммиссіи Французской Академіи Наукъ объ Отводахъ, *Шеглова*, и другіе.

что не рѣдко созданіе воображенія нашего мы признаемъ действительно возможнымъ, реальнымъ, и что въ то же время не рѣшаемся подвергнуть его строгому анализу разсудка? Къ-несчастью, нѣтъ! Непониманіе блестящаго явленія грозы и страхъ, который оно производитъ въ большинство человеческого населенія, могутъ служить тому рѣзкимъ примѣромъ. Гораздо легче было выдумать Юпитера, нежели избрѣсть громовой отводъ.

Греки и Римляне почитали молнію первымъ оружіемъ ожесточенныхъ на проступки людей боговъ. Есть предразсудки, которые перешли отъ язычества къ христіанству; это повѣрье принадлежитъ къ этому числу; поэтому даже весьма недавно, когда человекъ уже постигъ и покорилъ своей власти это явленіе природы, многіе полагали, что это нарушеніе небесныхъ правъ (*).

Самый древній народъ (**), занимавшійся изученіемъ электрическихъ явленій въ атмосферѣ, были, какъ говорятъ, Этруране (**). Эти первые учителя Римлянъ заимствовали свою религію, свое раздѣленіе на касты, у Египтянъ и Индѣйцевъ. У нихъ гаданіе было исключительно вручено духовному классу, избранному между воинами, и по большей части состояло въ наблюденіи атмосферныхъ явленій. Между ними наблюдатели молніи (*Fulguratores*) (**) занимались изученіемъ направленія молніи и средствами ее притягивать и отталкивать (**). Они

(*) См. *Lichtenberg* Verhaltungs Regeln bei nahem Donnerwetter, nebst den Mitteln etc. Gotha 1778. Предисловіе въ 1-мъ томѣ.

(**) «Геродотъ говоритъ, что нашли средство притягивать молнію желѣзными прутами.» *Lichtenberg's* Magazin für das Neueste aus der Physik und Naturgeschichte, B. VIII, 4 Stück, p. 134, (1789); но такъ-какъ ссылки нѣтъ на греческаго историка, я не ручаюсь за справедливость этого.

(*) См. *Otfried Müller*, Etrusker, sect. 2; p. 162—178. *Sendque*, Questions Naturelles, Liv. II. ch. 41.

(*) *A. Humboldt*, Cosmos, ou description physique du monde T. II, p. 162—163.

(*) См. *Libri*, Histoire des sciences mathématiques en Italie. T. I. p. 19—22.

внимательно раздѣляли молніи, идущія съ возвышенныхъ облачныхъ странъ, отъ тѣхъ, которыя Сатурнъ, божество земли, бросалъ снизу вверхъ, и кои называли земляными молніями Сатурна ⁽¹⁾.

Впрочемъ, еще прежде было сдѣлано нѣсколько наблюдений, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, составляютъ приобретение для науки; но, очевидно, онѣ не представляютъ намъ никакого эмпирическаго интереса, потому что все тогдашнія мысли, касательно Физики и Метеорологіи, были основаны не на опытахъ, а на болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезахъ. *Аристотель* полагалъ, что молнія есть воспламенение горючихъ паровъ, находящихся въ воздухѣ; подобныя сужденія повторялись даже до начала прошлаго столѣтія; такимъ образомъ *Шейхцеръ* думалъ, что молнія образуется отъ соединенія паровъ сѣры съ парами селитры, и этой гипотезой объяснялъ цѣлый рядъ явленій ⁽²⁾; самъ *Декартъ* полагалъ, что громъ образуется, когда болѣе возвышенныя облака падаютъ на низшія, и что шумъ и свѣтъ происходятъ отъ сжатія воздуха ⁽³⁾. Подобныя сужденія болѣе новѣйшихъ ученыхъ объясняютъ и нѣсколько извиняютъ предразсудки древнихъ. Въ Римѣ, какъ говорятъ, царь *Тулій Гостилій* былъ убитъ молніею, потому что отступилъ отъ правилъ всеожженія, данныхъ *Нумой* ⁽⁴⁾. По словамъ *Лисія*, изъ всѣхъ

⁽¹⁾ «*Арунсъ (Aruns)*, ученый Этрурининъ, по словамъ *Лукана (Lucain, Pharsale, I, 6,10)*, познавши движеніе грома, могъ собрать огни молніи, разбросанные въ небѣ, и зарыть ихъ въ землю.» Нельзя явственнѣе говорить о громовыхъ отводахъ, заключаетъ *Бекерель. Becquerel, Traité expérimental de l'électricité et du magnétisme, T. VI, 1-ère partie, p. 169.*

⁽²⁾ *Scheichzer, Natur historie des Schweizer Landes, B. III, p. 38.*

⁽³⁾ *Garnier, Météorologie, p. 217.*

⁽⁴⁾ *Abrégé chronologique pour servir à l'histoire de la physique par M. de Loys. T. I, 1786.* *Буизъ* говоритъ, что онъ этому факту, утвержденному многими писателями, нигдѣ не нашелъ историческихъ доказательствъ. *Busch, Versuch eines Handbuch's der Geschichte der Erfindungen, Eisenach, 1791. T. II, p. 72.*

городовъ Италіи доносили римскому сенату, когда гдѣ-либо ударяла молнія; тогда децемвиры брались за сивильскія книги и съ величайшимъ глубокомысліемъ искали въ нихъ изъясненія этого предзнаменованія ⁽¹⁾.

А. Гумбольдтъ считаетъ древнѣйшимъ сочиненіемъ объ отношеніи между молніей и металлическими проводниками (отношеніе, которое, какъ онъ полагаетъ, открыть легко) описаніе *Ктезиаса* ⁽²⁾, который говоритъ, что имѣлъ у себя два меча, подаренные ему королемъ *Артаксерксомъ Мемнономъ* и матерью его *Перизатисъ*, и которые, будучи вложены въ землю, отталкивали облака, градъ и молнію;—онъ увѣряетъ, что самъ видѣлъ ихъ дѣйствіе, присутствуя при двухъ опытахъ, произведенныхъ самимъ королемъ ⁽³⁾. Въ то время, какъ приписывали древнимъ знаніе законовъ природы, впоследствии утраченное,—въ Германіи повторяли за отцемъ *Ангело Кортевисомъ*, что гробница *Порсенны*, украшенная, по разсказу *Варрона*, мѣдной вершиной, съ нисходящими до земли цѣпями изъ того же металла, была конденсаторомъ атмосфернаго электричества или нѣчто въ родъ громоваго отвода ⁽⁴⁾; такое же предположеніе составилъ *Михалисъ* касательно трехъ металлическихъ стержней, устроенныхъ на Соломоновомъ храмѣ ⁽⁵⁾. Считалось извѣстнымъ, что металлическіе стержни, разставленные надъ сосудами съ пивомъ, предохраняютъ его отъ вредныхъ дѣйствій грозы; полагали также, что молнія не падаетъ на лавровыя деревья, по этому предохраняли лавровыми вѣтвями винныя бочки отъ грозы, и императоръ Тиберій, на томъ же основаніи, во время грозы надѣвалъ лавровый вѣнокъ ⁽⁶⁾.

⁽¹⁾ *Стойковичъ*, О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни. Харьковъ, 1810. стр. IX.

⁽²⁾ *Ctésias*, Indica, с. 4, р. 248; изданіе Бера.

⁽³⁾ *A. Humboldt*, Cosmos, Т. II, р. 495—496. См. также *Crouzer*, Religions de l'antiquité, trad. de *Guignaut*, Т. II, р. 480 et sqq.

⁽⁴⁾ См. сарказмы противъ этого мнѣнія въ *Allgemeine Litteratur Zeitung*, 1785. Т. II, р. 108.

⁽⁵⁾ *A. Humboldt*, Cosmos. Т. II, р. 495.

⁽⁶⁾ *Zeuch's Erfindungs Lexicon*, В. I, р. 147.

Также думали, что кожи животных предохраняютъ отъ молнии, почему императоры *Августъ* и *Северій* лѣтомъ надѣвали платье изъ телячьей кожи ⁽¹⁾. Въ новѣйшее время суевѣрія въ этомъ же родѣ были раздѣляемы даже учеными, и невольно напоминаютъ намъ о распространившемся предположеніи ⁽²⁾, что будто звонъ колоколовъ ⁽³⁾ предохраняетъ отъ грозы ⁽⁴⁾.

Я могъ бы собрать еще гораздо болѣе такихъ повѣрій, но къ чему они? Я полагаю, что этихъ примѣровъ достаточно,

(1) *Busch*, Versuch eines Handbuch's der Geschichte der Erfindungen, B. II, p. 73.—*I. F. Hartmann's*, Abhandlung von der Verwandtschaft und Aenlichkeit der Elektrischen Kraft mit den Luft—Erscheimmgen. 1759, p. 98.

(2) Вотъ что объ этомъ долженъ былъ писать *Нолле*: «Les cloches en vertu de leur bénédiction, doivent écarter les orages et nous préserver de la foudre; mais l'Eglise permet à la prévoyance humaine le choix des momens ou il convient d'user de ce préservatif. Je ne sais si le son, cousidéré physiquement, est capable ou non de faire créver une nuée, et causer l'épanchement de son feu vers les objets terrestres; mais il est certain et prouvé par l'expérience, que le tonnerre peut tomber sur un clocher soit que l'on y sonne, soit que l'on n'y sonne point; et si cela arrive dans le premier cas, les sonneurs sont en grand danger, parce qu'ils tiennent des cordes par lesquelles la commotion de la foudre peut se communiquer jusqu'à eux; il est donc plus sage de laisser les cloches en repos quand l'orage est arrivé au dessus de l'église. *Nollet*, Mémoire sur les effets du tonnerre, Mém. de Paris, 1764.

(3) См. *Abbé Needham*, Recherches sur la question si le son des cloches pendant l'orage fait éclater la foudre, etc. 1781. Mém. de l'académie de Bruxelles. T. IV, p. 59.

(4) En 1718 M. *Deslaudes* fit savoir à l'académie que la nuit du 14 an 15. avril de la même année, le tonnerre était tombé sur vingt-quatre églises depuis Landernau jusqu'à St-Pol-de-Léon en Bretagne; que ces églises étaient précisément celles où l'on sonnait, et que la foudre avait épargné celles où l'on ne sonnait pas; que dans celle de Gouisnou, qui fut entièrement ruinée, le tonnerre tua deux personnes sur quatre qui sonnaient. Hist. de l'académ. des sciences de Paris, 1719.

чтобы узаконить ту истину, что съ самой глубокой древности, до XVIII столѣтія, никто не имѣлъ ни теоретическихъ, ни эмпирическихъ свѣдѣній объ электрическихъ явленіяхъ, совершающихся въ нашей атмосферѣ (1).

Съ начала XVIII столѣтія мы уже во многихъ ученыхъ видимъ стремленіе объяснить электрическія явленія атмосферы тою же причиною, которая обусловливаетъ прочія электрическія явленія, извѣстныя тогда лишь въ маломъ видѣ. Еще въ 1708 году (2) *Валль* въ Англіи первый сравнивалъ искру и трескъ наэлектризованныхъ тѣлъ съ молніею и громомъ (3). Въ 1717 году докторъ *Рейманнъ* въ Епперіесѣ въ Венгріи, произвелъ опытъ, показавшій ему, что молнія имѣетъ *кажде-то сродство къ желѣзу*: 17 іюня того же года замѣтилъ онъ, что молнія слѣдила за желѣзнымъ прутомъ, что она только тамъ разбила камни, гдѣ желѣзо было прервано, и гдѣ эги

(1) Я съ удовольствіемъ даю здѣсь примѣръ тому, какъ должно быть осторожнымъ въ приписаніи древности новѣйшимъ открытіямъ. Въ 1784 году, нѣмецкій пасторъ *Катанео*, изъ Бюндена отправился въ Саратовскую губернію. Онъ описалъ свое путешествіе въ Письмахъ къ друзьямъ, которые имѣли неосторожность ихъ напечатать. (*J. B. Cataneo, Reise durch Deutschland und Russland, Ulm, 1788*). *Катанео* между прочимъ говоритъ, что проѣзжая черезъ Новгородъ, онъ увидѣлъ на крестахъ надъ церквами цѣпи, кои онъ, разумѣется, принялъ за громовые отводы, и увѣряетъ, что въ Новгородѣ это открытіе было сдѣлано гораздо прежде *Франклина*. Разбирая это сочиненіе, нѣмецкій журналистъ могъ найти въ немъ ошибки болѣе важныя, нежели упрекаемое имъ названіе Царскаго-Села, которое *Катанео* называетъ *Gars Koeselo*, а журналистъ — *Csargezella. Allgemeine Litteratur Zeitung, 1790, B. II, s. 547—549.*

(2) *Соссюръ* (*Saussure, Voyage dans les Alpes, Note du § 678, A*) приписываетъ первую мысль объ этомъ *Гильберту* (*Gilbert, De Magnete, etc, liv. II, chap. 2, p. 58, издание 1632 г.*), но едва-ли въ этомъ мѣстѣ можно найти болѣе весьма отдаленнаго намѣка.

(3) *Philosophical Transactions, 1708, vol. XXVI, N 314.*

камни находились у нея на пути; при опытѣ, произведенномъ имъ еще въ 1673 году, онъ замѣтилъ, что когда желѣзный пруть былъ длиненъ и не прерванъ, то камни разбиваемы не были (1).

Грей, говорятъ, въ 1735 году утверждалъ, что молнія тождественна съ электричествомъ (2), но я не берусь рѣшить, на сколько были правильны мысли его объ этомъ предметѣ (3).

Въ 1743 и 1744 годахъ профессоръ *Викклеръ* въ Лейпцигѣ и *Людольфъ* въ Берлинѣ, зажгли спиртъ помощью электрической искры, и доказали этимъ справедливость положенія, высказаннаго уже прежде *Дюфеємъ*, что электрическій свѣтъ не есть фосфорическое явленіе, но настоящій огонь, зажигающій также, какъ и молнія (4).

Въ то же самое время (1743) аббатъ *Нолле* (5) въ Парижѣ говорилъ, что онъ очень желаетъ, чтобы кто-нибудь доказалъ тождество электричества съ молніею, а следовательно и то, что облака играютъ въ атмосферѣ роль главнаго проводника электрической машины. Онъ самъ находилъ большое сходство между этими двумя явленіями и полагалъ, что можно достигнуть объясненія грозы, взявши масштабомъ электрическія наблюденія. Странно, что когда его желаніе исполнилось, когда *Франклинъ* рѣшилъ этотъ вопросъ, и такъ остроумно воспользовался своимъ открытіемъ для огражденія зданій, *Нолле* довольно горячо возсталъ противъ него, и своими сомнѣніями, основанными не на ученой критикѣ, а на личной неприязни,

(1) Reimarus, Vorschriften zur Anlegung einer Blitzableitung an allerlei Gebäuden, 1774, Hamburg, 8.

(2) Philosophical Transactions, abridg. v. VIII, p. 401.

(3) См. Beschreibung eines Mathematisch-physikalischen Maschinen und Justrumenten Kabinets, von J. Cour. Gütle, 1 Stück 1790, p. 19. — *Готле* самъ не говоритъ утвердительно, а: «auch, soll. er.....» и пр. l. c., p. 19.

(4) Busch, Vers. ein Handb. d. Gesch. d. Erb. B. II, s. 74. — Gottia's Hofkalender, 1783, p. 93.

(5) См. Priestley, History of electricity, V. I, p. 204. — Nollet, Leçons de Physique, T. IV, p. 34.

противодѣйствовала распространению истины во Франціи и другихъ государствахъ ⁽¹⁾.

Халъ ⁽²⁾ и *Варбара* ⁽³⁾ также стремились доказать это дождество. Но замѣчательнее всѣхъ былъ *Винклеръ*, коему до сихъ поръ нѣкоторые нѣмецкіе писатели даютъ первенство надъ *Франклиномъ* въ открытіи громовыхъ отводовъ. Въ сочиненіи, изданномъ имъ въ 1746 году ⁽⁴⁾, въ послѣдней главѣ, онъ говоритъ о тождествѣ электричества съ молніею ⁽⁵⁾, доказывая, что вся разница между ними состоитъ въ ихъ относительной силѣ, и что сомнѣвающіеся въ этомъ находятся въ тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ если бы кто-нибудь, слушавшій во всю свою жизнь только стрельбу изъ орудій, не хотѣлъ признать сходства этого явленія съ стрельбой ребенка изъ пустаго ключа ⁽⁶⁾. Присутствіе электричества въ атмосферѣ онъ приписываетъ испаренію воды, происходящему на земной поверхности ⁽⁷⁾. Впрочемъ, въ цѣломъ сочиненіи своемъ, *Винклеръ* не говоритъ о пользѣ, которую можно извлечь изъ доказаннаго имъ тождества электрическихъ явленій съ молніею, именно о громовыхъ отводахъ.

Въ 1749 году,—стало быть нѣсколько послѣ *Винклера*, печатникъ *Франклинъ*, въ Филадельфіи, доказывалъ сходство

(1) Въ 1764 году, онъ писалъ: Je l'ai dit il y a longtemps et avec regret, toutes ces pointes de fer que l'on dresse en l'air, soit comme electrosopes, soit comme préservatif, sont plus propres à nous attirer le feu du tonnerre qu'à nous en préserver, et je persiste à dire que le projet d'épuiser une nuée orageuse du feu dont elle est chargée, n'est pas celui d'un physicien.—Laissons donc tonner et fulminer, comme nous laissons pleuvoir.—Mém. sur les effets du tonnerre, Mém. de Paris, 1764, p. 440.

(2) Considérations sur la cause physique des tremblements de terre.

(3) Dissertation sur le rapport qui se trouve entre les phénomènes du tonnerre et ceux de l'électricité.—Bordeaux, 1750.

(4) *Winkler*, Die Stärke der elektrischen Kraft des Wassers in gläsernen Gefässen.—Leipzig. 1746.

(5) Id. l. c. §§ 134, 135, 155.

(6) Id. l. c. § 134. (7) Id. l. c. § 145.

электрическихъ явленій съ молніею; доказательства его заключались въ слѣдующемъ:

1. Электричество также, какъ и молнія, отдѣляетъ свѣтъ.
2. Цвѣтъ этого свѣта въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же.
3. Въ обоихъ случаяхъ свѣтъ имѣетъ то же переломленное направленіе.
4. Въ обоихъ случаяхъ быстрота движенія необыкновенно велика.
5. Какъ электричество, такъ и молнія проводится металлами.
6. Тотъ же шумъ при взрывѣ.
7. Нахожденіе обоихъ въ льдѣ или водѣ.
8. Разрушеніе непроводящихъ тѣлъ, лежащихъ на пути при прохожденіи каждаго изъ нихъ.
9. Убіеніе животныхъ.
10. Расплавленіе металловъ.
11. Зажженіе горючихъ веществъ.
12. Одинаковій сѣрымистый запахъ ⁽¹⁾.

Электричество, продолжаетъ онъ, притягивается острыми концами,—мы не знаемъ еще, раздѣляетъ ли молнія съ нимъ и это сходство, — но такъ-какъ касательно всѣхъ другихъ свойствъ мы въ обоихъ явленіяхъ встрѣчаемъ тождество, то не даетъ ли это намъ права предположить, что и въ этомъ случаѣ оно не нарушено? — Этотъ вопросъ можетъ рѣшить только опытъ ⁽²⁾.

Стало-быть, въ 1749 году Франклинъ уже давалъ себѣ ясный отчетъ въ смѣлой мысли о тождествѣ электричества съ молніею, — и съ этихъ поръ онъ сталъ изыскивать средства доказать на опытъ справедливость своихъ сужденій, и притянуть молнію посредствомъ заостренныхъ желѣзныхъ стержней, возвышающихся до облаковъ. — Его умъ, быстро

⁽¹⁾ См. *Priestley*, *History of electricity*, T. I, p. 209—215.

⁽²⁾ См. *Franklins Works*, T. V, p. 351.—Все это излагается имъ въ письмѣ къ *Джону Линнею* 18 марта 1755; Франклинъ говоритъ, что онъ извлекаетъ это мѣсто изъ своего журнала 7 ноября 1749 года.

схватывающій возможныя приложения ученой истины, сейчас же навелъ его на мысль предохранять зданія посредствомъ металлическихъ проводниковъ. — Сообщаясь съ проволокой, проведенной вдоль зданій или кораблей и погруженной въ землю или воду, заостренные высокіе стержни, по его теоретическимъ предположеніямъ, должны были постепенно разряжать облака, и предохранять зданія или суда отъ вредныхъ дѣйствій грозы (¹). — Въ 1750 году онъ писалъ объ этомъ съ увѣренностью къ Коллинсону (²)!

Чтобъ убѣдиться на самой практикѣ въ справедливости своихъ предположеній, Франклинь съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія постройки высокой башни въ Филадельфій, на коей онъ предполагалъ удобно приступить къ производству своихъ опытовъ (³). — Во время лѣта 1752 года (⁴), не дождавшись конца этой постройки, онъ придумалъ другое средство достигнуть своей цѣли. — При первомъ появленіи грозовыхъ облаковъ, взявши на крестъ прикрученные двѣ палочки, онъ натянулъ ими шелковый платокъ, такъ-что образовался родъ змѣя, въ вершинѣ коего онъ укрѣпилъ заостренный желѣзный пруть въ 12 вершковъ длины. — Приготовивъ такимъ образомъ свой приборъ, онъ такъ мало надѣялся на успѣхъ, что, опасаяся насмѣшекъ, взялъ съ собою только сына; выйдя въ поле, онъ далъ змѣю подняться. — На концѣ веревки, удерживавшей змѣй, былъ привѣшенъ ключъ, къ которому была привязана шелковая нить; для предохраненія отъ дождя, ключъ и шелковая нить были проведены подъ ригу. — Одно грозное облако прошло надъ приборомъ, не оказывая на него никакого вліянія, — что привело испытателя нѣсколько въ удивленіе, — какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что свободные концы веревки отдалялись другъ отъ друга и явно отталкивались; утомленный тщетнымъ ожиданіемъ болѣе явныхъ электриче-

(¹) *Franklins Works*, T. V, p. 174.

(²) *Id. l. c.* T. V, p. 226 et sqq.

(³) *Priestley*, *History of electricity*, T. I, p. 216.

(⁴) Въ іюнь, — *Franklin's Works*, T. V, p. 177. — Я не могъ узнать, котораго числа.

скихъ явленій, онъ схватилъ конецъ веревки и получилъ искру.—Приблизивши согнутый указательный палецъ къ ключу, онъ также получилъ искру, и такъ-какъ веревка отъ дождя сдѣлалась совершенно мокрою, онъ успѣлъ зарядить Лейденскую банку электричествомъ, извлеченнымъ изъ облаковъ.—Радость его при этомъ успѣхѣ была невыразима: его предположенія подтвердились самымъ блестящимъ образомъ! — Практическій умъ его увидѣлъ съ перваго шагу всю цѣнность открытія: этотъ удачнымъ опытомъ были изобрѣтены громовые отводы ⁽¹⁾.

Но въ то время, какъ за морями Франклинь опытомъ доказывалъ свою теорію, два ученые въ Парижѣ достигали той же цѣли съ еще болѣе блистательнымъ успѣхомъ.

Въ Англии, какъ это вездѣ бываетъ при новыхъ открытіяхъ, Франклиновы мысли и предположенія не были сперва хорошо оценены по достоинству. — Франклинь въ письмахъ къ Коллинсону подробно описалъ, какъ опыты свои надъ дѣйствіемъ острыхъ концовъ для притяженія и отдѣленія электричества, такъ и мысли свои касательно отношеній грозы къ электричеству; онъ просилъ англійскаго ученаго повторить его опыты, улучшить ихъ и передать его мысли другимъ. — Коллинсонъ прочелъ донесеніе объ этомъ Королевскому Обществу, но англійскіе ученые не нашли его достойнымъ впечатанія въ отчетахъ своихъ. — Другая статья о тѣхъ же вопросахъ, посланная Франклиномъ другому ученому, имѣла ту же участь. — Ученый другъ отослалъ ему его работу назадъ, говоря, что знатоки надъ ней смѣялись. — Но тѣмъ не менѣе мысли Франклина сдѣлались извѣстны во Франціи, и тамошніе физики, доходившіе уже сами до одинаковыхъ съ нимъ заключеній, съ радостью приняли его предложеніе устроить длинный вертикальный стержень, чтобы посредствомъ его принять электричество облаковъ, если это возможно. — Людовикъ XV, услышавъ объ электрическихъ опытахъ Франклина, изъявилъ желаніе ихъ видѣть. — Тогда произведенъ былъ рядъ опытовъ въ резиденціи герцога д'Аланъ

(1) См. *Franklin's Works*, T. V, p. 354—355.

(D'Auен) въ Сен-Жерменъ физикомъ *Делоромъ*. — Лестное вниманіе короля къ *Франклину* возбудило въ *Бюффонъ*, *Далибаръ* и *Делоръ* ревностное желаніе испытать справедливость мыслей американскаго ученаго о громовыхъ отводахъ. — *Бюффонъ* устроилъ свой приборъ на башнѣ Монбаръ, *Далибаръ* въ Марли-ла-виль, и *Делоръ* въ своемъ домѣ на Эстрападъ въ Парижѣ, въ одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстъ въ городѣ (¹).

Приборъ *Далибара* (²) первый оказалъ признаки электричества въ облакахъ. — Онъ состоялъ изъ круглаго желѣзнаго прута въ 40 футовъ длины и почти въ одинъ вершокъ въ діаметрѣ; — при вершинѣ онъ былъ изъ стали и весьма заостренъ; — нижній конецъ былъ согнутъ два раза подъ весьма острыми, хотя закругленными углами; первый изъ этихъ сгибовъ былъ удаленъ отъ нижняго конца прута на 2 фута, другой на 3 фута отъ предъидущаго сгиба, и направленъ въ противную сторону. Для утвержденія этого прута, его привязали шелковыми шнурами къ тремъ шестамъ въ 24 фута вышины; желѣзный пруть входилъ въ маленькую будочку, въ которую можно было помѣстить столъ и наблюдателя, гдѣ онъ и былъ прикрѣпленъ къ подпорѣ, состоящей изъ деревянной доски, лежащей на бутылкахъ. *Далибаръ*

(¹) Что Французы первые доказали тождество молніи съ электричествомъ, это несомнѣнный фактъ; но что они первые его открыли, какъ нѣкоторые изъ нихъ говорятъ (*Rapport fait à l'Institut National sur un projet de disposition des parties d'un paratonnerre sur un magasin à poudre le 6 Nivose an 8, par Le Roy, et Laplace et Coulomb; Bontemps, Instruct. sur les paratonnerres, etc. p. 32*), — это другое дѣло. — Изъ сказаннаго мною выше явствуетъ, что *Франклину* единственно принадлежитъ вся честь открытія. — Приборъ *Далибара* былъ построенъ совершенно согласно предложенію *Франклина*, какъ *Далибаръ* самъ говорить.

(²) *Франклинъ* въ своемъ письмѣ къ *Коллинсону* 29 іюня 1750 года, даетъ описаніе прибора совершенно сходнаго съ *Далибаровымъ*. — *Franklin's Works, T. V, p. 237.*

принялъ все предосторожности, чтобы эта подпора не могла быть намочена дождемъ ⁽¹⁾.

Устраняя свой приборъ, *Далибаръ* имѣлъ цѣлью наблюдать два явленія: во-первыхъ, появленіе пламени на верхнемъ концѣ стержня, во-вторыхъ, отдѣленіе искръ на его поверхности.

10 мая 1752 года, во время его отсутствія, около двухъ или трехъ часовъ пополудни, нѣкто *Куафье*, отставной драгунъ, коему *Далибаръ* поручилъ наблюдать за приборомъ, и далъ все нужныя свѣдѣнія, какъ съ нимъ обращаться, услышалъ сильный громовой ударъ; онъ поспѣшилъ къ будочкѣ, приблизилъ къ пруту конецъ проволоки, вдвѣтой въ бутылку, и получилъ блестящую искру, потомъ другую сильнѣе прежней и съ большимъ шумомъ. Восхищенный этимъ успѣхомъ, онъ сталъ сзывать сосѣдей и послалъ за тамошнимъ пасторомъ *Роле*. Сей послѣдній, прибѣжалъ съ такою поспѣшностью, что прихожане подумали, что *Куафье* убитъ громомъ; тревога распространилась по деревнѣ, и градъ, который къ этому выпалъ крупными зернами, не помѣшалъ, какъ говорить *Далибаръ*, стаду слѣдить за пастыремъ. Сей послѣдній, пришедши къ прибору и видя, что испытателямъ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность, приступилъ самъ къ наблюденіямъ и сталъ получать искры ⁽²⁾. Тотчасъ по прекращеніи грозы, пасторъ послалъ къ *Далибару* самого *Куафье* съ письмомъ, въ коемъ онъ подробно описалъ видѣнныя ими явленія ⁽³⁾. *Далибаръ* заключилъ изъ этого опыта, что при-

(1) Extrait d'un mémoire de M. *Dalibard*, lu à l'Académie des Sciences le 13 mai 1752. — *Franklin's Works*, T. V, p. 288 et sqq.

(2) «J'ai répété l'expérience au moins six fois dans l'espace d'environ quatre minutes en présence de plusieurs personnes, et chaque expérience que j'ai faite a duré l'espace d'un pater et d'un ave.»—Lettre de *Raulet*, prieur de Marly. — *Franklin's Works*, T. V, p. 291.

(3) См. это письмо: *Franklin's Works*, T. V, p. 219.—Также въ *Dalibard*, histoire abrégée de l'électricité.

чна грома тождественна съ электричествомъ, и что мысль Франклина уже не догадка, а несомнѣнная истина ⁽¹⁾.

Восемь дней спустя, *Делоръ* получилъ тотъ же результатъ; приборъ его состоялъ изъ желѣзной полосы въ девяносто девять футовъ высоты, поставленной надъ смолянымъ кругомъ въ 2 квадратныхъ фута поверхности и въ 3 вершка толщины. 18 мая, около 4 или 5 часовъ пополудни, грозное облако прошло надъ этимъ приборомъ, и хотя не было ни молнии, ни грома, желѣзная полоса давала явныя электрическія искры длиною въ 9 линий ⁽²⁾.

Самые точные опыты, произведенные съ столь несовершенными приборами, были сдѣланы г. *Монниѳе*. Онъ замѣтилъ, что большое возвышеніе, которое старались дать желѣзнымъ стержнямъ, не составляетъ необходимаго условія, и основывалъ свое мнѣніе на наблюдении, что простой рупоръ, привѣшанный на шелковыхъ ниткахъ въ пяти или шести футахъ отъ земли, оказывалъ, во время грозы, явные признаки электричества; странно, впрочемъ, что при той тщательности, съ которою онъ производилъ свои опыты, онъ рѣшился увѣрять, что человекъ, стоящій на дурномъ проводникѣ посерединѣ сада во время грозы, и поднявшій одну руку вверхъ, могъ другою притягивать древесные опилки ⁽³⁾. Впрочемъ, по словамъ *Пристлея*, теорія громовыхъ отводовъ одолжена г. *Монниѳе* очень многими болѣе или менѣе точными наблюденіями ⁽⁴⁾.

Въ Англіи, гдѣ Франклинъ имѣлъ столько друзей и корреспондентовъ, нашлось мало охотниковъ повѣрить справедливость его открытій. — 21-го декабря 1752 года въ первый разъ была объ этомъ рѣчь въ Королевскомъ Обществѣ, при чтеніи письма *Ватсона*, въ коемъ онъ оправдываетъ недѣятельность своихъ соотчичей дурной погодой и рѣдкостью

⁽¹⁾ *Franclin's Works*, T. V. 293.

⁽²⁾ См. письмо аббата *Мазеаса* къ *Стефану Хейлсу (Hales)*, читанное въ Королевскомъ Обществѣ 28 мая 1752 года. — *Franclin's Works*, T. V, p. 294.

⁽³⁾ *Hartmann*, Abhandlung von der Verwandtschaft, etc, p. 29—30.

⁽⁴⁾ *Priestley*, History of electricity. T. I. p. 385—386.

грозь, описывая, впрочемъ, удачные опыты *Кантона*, *Вильсона* и *Бевиса* (1).

Пристлей оправдываетъ Англичанъ въ томъ, что они дали Французамъ опередить себя въ произведеніи опытовъ, основанныхъ на мысляхъ *Франклина*, говоря, что приборы первыхъ постоянно были намочены дождемъ, почему и полученные результаты не могли быть верны (2). Я полагаю, что *Франклинъ* въ глазахъ англійскихъ ученыхъ имѣлъ тотъ большой порокъ, что былъ Американецъ; и въ самомъ дѣлѣ, можно-ли было вѣрить въ Лондонѣ, чтобы могъ кто-нибудь сдѣлать физическое открытіе въ Филадельфій, — въ странѣ, какъ говорили тогда, дѣлымъ моремъ отдаленной отъ наукъ.

Кантонъ въ Англіи первый получилъ искры отъ стержня, уединеннаго стеклянной трубкой; нижній конецъ его былъ предохраненъ отъ дождя оловянной крышечкой; это было 20 іюля 1752 года (3). — Нѣсколько позже, онъ сталъ заниматься этимъ вопросомъ съ особеннымъ прилежаніемъ, и доказалъ, что облака могутъ быть наэлектризованы различно, — положительно или отрицательно (4).

Но все, что сдѣлано какъ Французами, такъ и Авличанами, составляетъ, такъ сказать, только вступленіе къ работамъ *Беккарія* (5) въ Туринѣ. — Его наблюденія съ змѣями и съ металлическими стержнями заслуживаютъ особеннаго вниманія, впрочемъ они собственно относятся къ изученію атмосфернаго электричества, и по этому мы оставимъ ихъ въ сторонѣ.

У насъ въ С.-Петербургѣ первые опыты, произведенные надъ облачнымъ электричествомъ, стоили жизни извѣстному

(1) Letter from *W. Watson* to the Royal Society concerning the electrical experiments in England upon Hauder Clouds. — *Franklin's Works*, T. V, p. 296—299.

(2) *Priestley*, History of electricity, T. I, p. 386—387.

(3) *Philosophical Transactions*, T. XLVII, p. 568.

(4) *Philosophical Transactions*, T. XLVIII, part. I, p. 356; part. II, p. 785.

(5) *Giam Battista Beccaria*, Dell'elettricismo artificiale e naturale, Turino 1753; id, Lettere dell'elettricismo, Bologna, 1758, fol.

профессору *Рихману* въ 1753 году. — Онъ устроилъ на крышѣ своего дома желѣзный пруть, отъ котораго нѣсколько уединенныхъ металлическихъ проволокъ проходило въ домъ и погружалось въ стеклянные сосуды. — Очевидно, какъ опасенъ такой прекращенный проводникъ; самъ *Рихманъ* говорилъ, что имѣлъ предчувствіе несчастія, но считая непремѣннымъ долгомъ произвести опытъ, онъ остался неустрашимъ. — 6 августа, услышавъ вдали громовой ударъ, онъ поспѣшилъ вмѣстѣ съ топографомъ *Соколовымъ* къ своему электрическому проводнику; подойдя къ нему, онъ нагнулся къ тому мѣсту, гдѣ металлъ былъ прекращенъ, какъ вдругъ отъ проводника отскочила искра свѣтло-голубаго цвѣта къ его лбу, и онъ упалъ мертвымъ. (1).

Въ Германіи въ первый разъ *Вилклеръ* (*) описалъ устройство громовыхъ отводовъ въ 1753 году. — Онъ совѣтовалъ на вершинѣ зданія устроить уединенный пруть, и привѣсить къ нему длинную цѣпь или проволоку въ 3 линіи толщины, провести ее черезъ воздухъ весьма далеко отъ зданія и окончить у вбитаго въ землю кола. — *Прокопцусъ Дивинъ* въ *Прендичѣ*

(1) На лбу у него осталось кровавое пятно; тѣло мѣстами было обожжено; на лѣвой ногѣ было голубоватое пятно, — чулокъ на ней остался невредимъ, а башмакъ былъ разорванъ. — При вскрытіи его нашли кровь вытекшею въ воздушные каналы и легкія, — нѣсколько жилъ вытянутыхъ отъ крови и пр. По прошествіи 48 часовъ тѣло уже было въ сильномъ гніеніи. Стеклянный сосудъ, въ который погружался проводникъ, былъ разбитъ. — *Соколовъ* былъ оглушенъ и опрокинутъ, но остался живъ. — Весь домъ былъ наполненъ дымомъ и сѣрнымъ запахомъ; дверная колода, чрезъ которую проводникъ былъ проведенъ, была повреждена, и пр. См. сочиненія *Ломоносова* С.-Петербургъ, 1847, Т. II, стр. 71. — *Halle, Geschichte der Magie*, Т. III, 1—4. — *Priestley, History of electricity*, Т. I, p. 416—420. — *Relation sur mort de M. Richmann, etc.* — *Histoire de l'Académie Royale des Sciences de Paris, Année 1753.* — Paris, 1757. — *Philosophical Transactions*, XLIX, part. I, p. 61. и пр.

(2) *De Avertendi fulminis artificio, ex doctrina electricitatis*, Lipsiae, 1753.

въ Моравіи устроилъ свой отводъ, первый, какъ говорятъ, въ Германіи, въ 1754 году ⁽¹⁾. Въ Америкѣ, гдѣ, даже въ сѣверной части, грозы несравненно чаще, нежели въ нашей части свѣта, скоро отводы были введены повсюду.

Въ Англіи ⁽²⁾ первый отводъ былъ построенъ въ 1762 году въ Пеиншиль докторомъ *Вильсономъ*; въ 1767 на церкви св. Павла въ Лондонѣ, былъ построенъ отводъ замѣчательный по тщательному устройству ⁽³⁾. Въ Баваріи, академикъ *Фонъ-Остервальдтъ*, во время лѣта 1776 года, первый предохранилъ свою загородную дачу громовымъ отводомъ ⁽⁴⁾. Однимъ словомъ, постепенно стали являться громовые отводы во всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ государствахъ ⁽⁵⁾.

Въ Италіи былъ примѣръ, весьма рѣзко доказывающій несомнѣнную пользу ихъ: въ Сіень, въ Тосканской области, высокая соборная церковь была часто повреждена громовыми ударами; непрерывныя издержки на поправки заставили прибѣгнуть къ устройенію надъ ней громоваго отвода. — Необразованная часть жителей негодовала на это, называя отводъ еретическимъ прутомъ. 10 апрѣля 1777 года явилась силь-

⁽¹⁾ *Pierer. Universal-Lexicon*, Т. III, p. 683.

⁽²⁾ 20 февраля 1762 года, *Франклинъ* изъ Лондона писалъ къ *Киннерслею* въ Филадельфію: You seem to think highly of the importance of this discovery, as do many others on our side the water.—Here it is very little regarded; so little that though it is now seven or eight years since it was made public, I have not heard of a single house as yet attempted to be secured by it.—It is true the mischiefs done by lightning as not so frequent here as with us..... etc.—*Franklin's Works*, Т. V, p. 394.

⁽³⁾ *Encyclopedie de Diderot et d'Alembert*, Т. VIII, p. 865.

⁽⁴⁾ *Dr. Franz Kaver Epp.*, Abhandlung von dem Magnetismus der natürlichen Electricität, München, 1778, 8.

⁽⁵⁾ Въ 1769 году въ Гамбургъ на *Якобстурмъ*.

Въ 1775 году въ Дрезденъ на королевскомъ дворцѣ.

Въ 1776 году на колокольнѣ площади св. Марка въ Венеціи.

Въ 1788 году въ Нюрнбергъ. — *Leuchs, Erfindungs-Lexicon*,

B. I, p. 154.

вая гроза; проводникъ дѣйствовалъ и даже такъ хорошо, что паутина, висѣвшая между башнею и отводомъ, осталась не-вредимою ⁽¹⁾.

Вмѣсто колокольчиковъ, придуманныхъ *Кантономъ* ⁽²⁾ и устроиваемыхъ на отводъ съ тѣмъ, чтобы извѣстить наблюдателя, что проводникъ наэлектризованъ, *Бое-Брунъ* предложилъ устройство, въ коемъ та же цель достигалась посредствомъ выстрѣла ⁽³⁾. *Хеммерсъ* придумалъ громоотводную трость ⁽⁴⁾; *Сенъ-Лазаръ* громоотводный зонтикъ ⁽⁵⁾; и т. п.

Первый писатель, изложившій безпристрастно съ точностью и съ глубокимъ знаніемъ дѣла мысли и опыты *Франклина*, былъ знаменитый химикъ *Пристлей* ⁽⁶⁾. Съ этого времени отводы являюся вездѣ, и намъ уже невозможно слѣдить за хронологіей устройства ихъ. — Большею частью придерживались при этомъ системы *Франклина*; даже и въ настоящее время мы можемъ найдти горячихъ приверженцевъ мыслей, изложенныхъ изобрѣтателемъ.

Нѣмецкимъ ученымъ суждено было озарить эту часть науки безпристрастной и хладнокровной наблюдательностью. *Реймарусъ* является намъ превосходнымъ пугеводителемъ въ изученіи этого физическаго вопроса, съ болѣе строгой, болѣе эмпирической точки. Мысли его изложены уже въ новѣйшее время; въ чемъ состояли онѣ—увидимъ дальше.

(1) Journal des Savants, 1778,—Février. — См. также Göttingches Taschenbuch, Jahrgang 1779, p. 37.

(2) Biot, Précis élémentaire de physique expérimentale, Paris, 1821, T. 1, p. 590.

(3) Lichtenberg's Magazin für das neueste aus der Physik und Naturwissenschaften, T. IV, 2 st. p. 92 (1787); T. V, 4 st., p. 148 (1789).

(4) Leuch's, Erfindungs-Lexicon, T. I, p. 154.

(5) Pierer, Universal Lexicon, T. III, p. 684. — Encyclopédie Méthodique de P nkouke; Physique, T. IV, p. 242.

(6) The History and present state of electricity, by Joseph Priestley,—3-d. edition, 1775; 2 vol.

**О ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ОТВОДА ИЛИ ОБЪ ОТРАЖЕННІИ ВЕРШНЫИ
ЗДАНИИ.**

Острые концы проводниковъ имѣюгъ свойство чрезвычайно легко притягивать электричество на большихъ разстояніяхъ безъ искръ. Тупые же или закругленные концы производятъ это гораздо труднѣе, такъ что для нихъ нужно большее сгущеніе электричества, и кромѣ того при этомъ всегда отдѣляются искры.

Нолле ⁽¹⁾ замѣтилъ въ 1746 году, что острые концы быстройе испускаютъ электрической свѣтъ, нежели тупые, — но что во всѣхъ другихъ случаяхъ электричество дѣйствуетъ сильнѣе, если концы проводниковъ не заострены. Въ шестомъ письмѣ своемъ ⁽²⁾ къ *Франклину*, онъ рассказываетъ, что еще прежде него это замѣчено было *Жалаберомъ* въ Женевѣ, — но опыты того и другаго были такъ несовершенны, что ихъ нельзя поставить рядомъ съ *Франклиновымъ* открытіемъ.

Франклинь былъ наведенъ на изученіе свойствъ острыхъ концевъ другомъ своимъ *Томасомъ Хопкинсономъ*, который наэлектризовалъ желѣзный шаръ съ придѣланнымъ къ нему острымъ гвоздемъ, думая получить на концѣ гвоздя сгущенное электричество; противъ ожиданія, электричество не только не сгущалось на этомъ остромъ концѣ, а напротивъ разсыпалось съ острія быстрѣе, нежели съ поверхности шара ⁽³⁾.

Пораженный этимъ наблюденіемъ, *Франклинь* предался опытамъ надъ этими явленіями, и это повело его къ открытію громовыхъ отводовъ.

⁽¹⁾ Recherches sur les causes particulières des phénomènes électriques, par l'abbé *Nollet*, Paris, 1749, 12° p. 146.

⁽²⁾ Abbé *Nollet*, Lettres sur l'Electricité, vol. I, Paris 1753, 12°, p. 130.

⁽³⁾ Letter to *Peter Collinson*, Philadelphia, 11 July, 1747; *Franklins Works*, T. V, p. 182—183.

Если шарообразный или цилиндрический проводник заряжается постоянными вращениями стеклянного круга электрической машины и испускает болѣе или менѣе частыя и длинныя искры на разрядникъ, то это мгновенно прекратится, когда тупой конецъ проводника замѣнимъ концемъ заостреннымъ, сдѣлавъ напримѣръ въ проводникъ отверстие и вставивъ въ него металлическое острие. Если тогда приблизить разрядникъ на столько, чтобы снова показались искры, то второе острие можетъ снова прекратить ихъ появленіе, и т. д.; такимъ образомъ можно дойти до того, что при самомъ скоромъ вращеніи машины невозможно будетъ получить искръ. Острые концы внутри проводника не оказываютъ никакого дѣйствія. Непременное условіе при употребленіи нѣсколькихъ подобныхъ стержней состоитъ въ томъ, чтобы они находились въ известномъ разстояніи одинъ отъ другаго; два близкіе параллельные стержня гораздо менѣе дѣйствительны, нежели одинъ. Подобное замѣчаніе высказалъ *Беккарія* ⁽²⁾, говоря, что при приближеніи двухъ острыхъ концевъ къ наэлектризованному тѣлу, искры являются на разстояніи вдвое меньшемъ, чѣмъ если приблизить только одно острие.— Дѣйствіе острыхъ концевъ не измѣняется, будетъ ли электричество положительное или отрицательное.

Хотя изъ заостреннаго проводника электричество выходитъ постепенно, и съ свойственной ему скоростью безъ отдѣленія искръ, — все же въ темнотѣ замѣчается свѣтъ, и слышится иногда особенный звукъ въ родѣ шипѣнія; — свѣтъ въ этомъ случаѣ является въ формѣ огненнаго пука, и бываетъ видимъ даже при проводникахъ, оканчивающихся шарикомъ малаго діаметра. Чѣмъ заостреніе тоньше, тѣмъ теченіе происходитъ незамѣтнѣе, тѣмъ менѣе огненный пукъ, тѣмъ тише шумъ.

Пораженный этимъ свойствомъ острыхъ проводниковъ, *Франклинъ* предположилъ, что если противопоставить грозовому облаку, которое, по его теоретическимъ предположеніямъ,

(2) Dell'Electricismo artificiale, p. 67.

совершенно тождественно съ наэлектризованнымъ проводникомъ электрической машины. — такіе острые проводники, то безъ сомнѣнія, разряженіе облака должно произойти покойно и безъ искръ.

Заостренные отводы, устроенные по *Франклиновой* теоріи ⁽¹⁾, назывались наступательными. *Франклинъ* говорилъ, что если посмотреть горизонтально на низъ наэлектризованнаго облака, то намъ представится поверхность, состоящая вся изъ продолговатостей, идущихъ къ землѣ; если же на высокомъ зданіи находится длинный стержень, то, по мыслямъ *Франклина*, разстояніе между вершиной стержня и висящими оконечностями облака можно предположить не довольно значущимъ, чтобы препятствовать притягательному дѣйствию остраго конца стержня.

Это мнѣніе не было раздѣлено противниками его теоріи ⁽²⁾. *Вильсонъ*, бывшій первоначально приверженецъ заостренныхъ стержней ⁽³⁾, горячо возсталъ противъ предположенія, что громовые отводы способны принимать облачное электричество ⁽⁴⁾. По мнѣнію этого ученаго, никакая металлическая часть не должна возвышаться надъ зданіемъ, потому что, полагая онъ, если притяженіе возможно, то оно опасно. *Беккарія*, раздѣляя мнѣніе *Франклина*, возразилъ *Вильсону*,

(1) См. Experiments, observations and facts, tending to support the opinion of the utility of long pointed Rods, for securing buildings from damage by strokes of lightning, 1772.—*Franklin's Works*, T. V, p. 435 et sqq.

(2) *Franklin's Works*, T. v, p. 313—314.

(3) См. письмо *Вильсона* къ маркизу *Рокингамъ*, *Philosoph. Transact.* v. LIV, art. 44.

(4) *Philosoph. Transact.* v. LIV, p. 249 et sqq.—См. также причины, по коимъ *Вильсонъ* отошелъ мнѣніемъ отъ комиссіи, составляющей донесеніе для отводовъ, устрояемыхъ надъ Пур-Флитовскими порохowymi магазинами.—*Franklin's Works*, T. V, p. 434—435 (прим. внизу); p. 445—446 (прим. внизу).

что никакой металл не притягиваетъ электричества болѣе, нежели способенъ провести. На этомъ споръ затихъ на нѣсколько времени, но въ 1777 году возгорѣлся снова по случаю паденія молніи 15 мая близъ Пурфлитовскихъ пороховыхъ магазиновъ, на артиллерійскую казарму, снабженную острымъ отводомъ (1).

Домъ этотъ стоялъ на возвышеніи и основаніе его было на одной высотѣ съ вершиною магазиновъ; его острая крыша была покрыта на углахъ свинцовыми полосами, проведенными къ дождевымъ трубамъ, откуда свинцовыя же трубы доходили до воды въ колодець на глубину въ 40 футовъ. На свинцовой верхней покрывкѣ крыши утверждёнъ былъ желѣзный пруть въ 10 ф. и 2 вершка длины и 1, 5 вершка толщины. Молнія ударила въ желѣзную скобу, въ разстояніи 46 футовъ отъ самаго стержня; отъ скобы она прошибла на 7 вершковъ камень, и дойдя до свинцовой полосы, соединенной съ отводомъ, была оттуда отведена въ землю, не причинивъ далѣе никакого вреда:— все дѣйствіе ея ограничилось разбитіемъ нѣсколькихъ камней, да кое-гдѣ свинець былъ найденъ расплавленнымъ. Этотъ случай, доказывающій собственно только необходимость устроить на большемъ зданіи не одинъ, а нѣсколько отводовъ,—былъ приведенъ противниками *Франклина*, какъ прямое доказательство вреднаго дѣйствія заостренныхъ стержней.

(1) Еще въ 1772 году *Франклинъ*, по просьбѣ маіора *Давсона*, написалъ сему послѣднему письмо, въ которомъ онъ изложилъ свои мысли насчетъ огражденія этихъ магазиновъ. — Вслѣдствіе этого письма, правительство приказало привести въ исполненіе нѣкоторые изъ его плановъ, — но для большаго удостовѣренія обратились къ Королевскому Обществу, прося его мнѣнія насчетъ этого. — Общество поручило Коммисіи, составленной изъ гг. *Казендиша*, *Франклина*, *Вильсона*, *Ватсона* и *Робертсона*, составить объ этомъ донесеніе; оно было написано *Франклиномъ*; *Вильсонъ*, наставивъ рѣшительно противъ заостренныхъ стержней, отказался участвовать въ этой Коммисіи. — См. *Franklin's Works*, T. V, p. 427—435; T. VI, p. 407.

Вслѣдъ за тѣмъ *Вильсонъ* произвелъ въ Пантеонѣ опыты, въ такомъ большомъ размѣрѣ, въ какомъ до него никто не дѣлалъ ихъ въ этой отрасли Физики. Во внутренности зданія онъ устроилъ огромный конденсаторъ, долженствующій разрядиться на маленькую модель Пурфолитской казармы. Когда эту модель съ острымъ отводомъ приближали къ заряженному конденсатору, то въ разстояніи 5 вершковъ происходилъ ударъ, и мгновенное разряженіе всего прибора. Если на конецъ отвода ставили шарикъ, то при томъ же разстояніи удара не было. *Вильсонъ* старался доказать, что въ Пурфолитѣ ударъ первоначально палъ на острый конецъ отвода, и что молнія потомъ уже перескочила на скобу. Путемъ различныхъ соображеній дошелъ онъ до того вывода, что хотя острые отводы могутъ безшумно разрядить одно неподвижное облако, за то, въ присутствіи двухъ движущихся или столкнувшихся облаковъ, острые отводы болѣе подвергаются ударамъ, нежели тупые. Эти опыты были произведены въ присутствіи короля, и вслѣдствіе ихъ вельно было замѣнить острые отводы дворца въ Сень-Джамскомъ паркѣ шарообразными и понизить ихъ ниже трубъ.

Г. Негри возсталъ противъ мнѣнія *Вильсона*, и произвелъ нѣсколько опытовъ, изъ коихъ заключилъ, что лучшіе отводы суть высокіе и острые, послѣ нихъ низкіе и острые, и наконецъ хуже всѣхъ высокіе и оканчивающіеся шаромъ ⁽¹⁾. Его опыты, весьма важныя для общаго изученія свойствъ электричества, не могли, впрочемъ, опровергнуть изслѣдованія, произведенныя въ томъ видѣ, какъ поступалъ *Вильсонъ*; поэтому мнѣніе самого *Вильсона* ⁽²⁾, также *Д-ра Мусграва* ⁽³⁾ и нѣкоторыхъ другихъ физиковъ, имѣло значительный перевѣсъ надъ ученіемъ *Франклина*, которое раздѣляли *Негри*, *Смифтъ* ⁽⁴⁾ и другіе. — Возникшій изъ этого споръ есть одинъ изъ

⁽¹⁾ Philosoph. Transactions, 1778, p. 825.

⁽²⁾ Id. I. с. Въ томъ же томѣ, p. 999.

⁽³⁾ Id. I. с. Въ томъ же томѣ, p. 801.

⁽⁴⁾ Id. I. с. 1779, p. 454.

самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ продолжительныхъ (*), какіе только можно встрѣтить въ исторіи королевскаго Общества (*).

Нѣсколько примѣровъ паденія молніи на зданія, предохраненныя заостренными стержнями, были тщательно описаны противниками Франклиновой теоріи отводовъ. — Кромѣ приведеннаго выше случая съ домомъ близъ Пурфлитовскихъ пороховыхъ магазиновъ, гдѣ, какъ уже сказано, молнія упала въ 46 фут. отъ отвода, въ Англии же это случилось съ домомъ *Хатсендена*, гдѣ она ударила въ трубу на разстояніи 50 фут. отъ заостреннаго стержня (*). Въ другой разъ (17 іюня 1782 года) молнія упала на уголъ крыши мастерской въ *Хекингамѣ*, близъ *Норвича*, въ разстояніи 42,5 футъ отъ ближайшаго стержня, 8 футами ниже вершины этого стержня, произведя частное воспламененіе;—зданіе это было снабжено осьмью остріями. Въ болѣе новѣйшее время *Трешмеръ* описалъ случай, при которомъ пространство, защищенное стержнемъ, было еще ограниченнѣе: молнія упала на крышу деревяннаго дома, снабженнаго двумя отводами въ 13 фут. длины, въ разстояніи менѣе 16 фут. отъ ближайшаго; домъ сгорѣлъ дотла (*).

(*) *Charles Hutton*, *Mathematical Dictionary*, V. II, p. 251—253. (Слово: *Points application of*.)

(*) *Франклинъ*, 30 марта 1773, пишетъ къ *Леру*: *М-г Wilson has grown angry, that his advice was not followed in making them (the rods) blunt for the public magazines of gun-powder, and has published a pamphlet reflecting on the Royal Society, the committee and myself, with some asperity, and endeavouring to alarm the city wth the supposed danger of pointed rods drawing the lightning into them, and blowing them up.—I find it is expected from me, that I make some answer to it, and I shall do so, though I have an extreme aversion to public altercation on philosophic points, and have never disputed with any one, who thought fit to attack my opinions.—Works*, T. V, p. 379.

(*) *Philosophical Transactions*, v. LXV, p. 536,

(*) *Gehler's Physicalisches Wörterbuch*, T. I, p. 1046.

Изъ этого мы, конечно, еще не можемъ заключить, что заостренные стержни притягиваютъ грозу; по крайней мѣрѣ ясно то, что зданіе, огражденное одними или даже нѣсколькими острыми стержнями, не можетъ еще назваться совершенно предохраненнымъ ⁽¹⁾, можно даже съ вѣроятностію сказать, что, безо всякихъ стержней, можно довольствоваться огражденіемъ всѣхъ выходящихъ и возвышенныхъ частей зданія. Уже въ 1779 году Геллеръ замѣтилъ, что пристрастіе къ заостреннымъ стержнямъ начинаетъ уменьшаться ⁽²⁾. Было много случаевъ, гдѣ молнія падала на вершину стержней ⁽³⁾; наконецъ Ландріани, едва ли не изъ первыхъ выразилъ сомнѣніе въ ихъ пользѣ ⁽⁴⁾. И дѣйствительно, трудно предположить, чтобы острия оконечности, облегчая всегда разряженіе, не были сами весьма подвержены разрушительному дѣйствию электричества ⁽⁵⁾. Впрочемъ, ни Ландріани, ни послѣдователи его не считали ихъ вредными, какъ полагали Вильсонъ и другіе Англичане. Самъ Франклинъ ⁽⁶⁾, изъясняя причины поврежденій, случившихся при паденіи молніи на отводъ въ Южной Каролинѣ, гдѣ острые стержни были расплавлены, — заключаетъ словами: «домъ и жители его были спасены отводомъ, и если бы онъ былъ устроенъ съ болѣею тщательностію и представлялъ бы электричеству совершенно непре-

(1) Халдейвъ, производившій опыты въ маломъ видѣ, былъ приведенъ къ заключенію, что, касательно притягательной силы стержней, совершенно одинаково, оканчиваются ли они шарикомъ или остриемъ. — *Nicholson's Journal of natural philosophy*, T. I, p. 433—441. — Оттуда въ *Gilbert's Annalen der Physik*, T. V, p. 126—127.

(2) См. V-ый томъ его Лексикона.

(3) На церковь della Madona Guardia, близъ Генуи. — *Sammlung zur Physik und Naturgeschichte*, T. II, p. 588; и на домъ въ Оппенвейлерѣ, *Hammer, Comment. Academ. Theodor, Palat.* T. VI, p. 523.

(4) Dell'utilità dei conduttori, p. 25. (Примѣч.).

(5) См. *Gehler's Physikalisches Wörterbuch, neu bearbeitet*, T. I, p. 1047.

(6) *Works*, T. V, p. 596—405.

рывный путь, то, безъ сомнѣнiя, и тѣ поврежденiя, которыя случились, не имѣли бы мѣста, кромѣ *расплавленiя острыхъ концевъ*.

Вообще расплавленiе остроконечной вершины громоотвода есть постоянное явленiе ⁽¹⁾; при каждомъ паденiи молнiи на острие, оно тупится и его нужно мѣнять; если же перемѣнить его нельзя, то лучше уже съ самаго начала не заострять стержня ⁽²⁾.

Въ такомъ видѣ находился вопросъ о громоотводахъ, когда парижская академiя наукъ поручила комиссiи изъ своихъ членовъ представить ей подробное донесенiе объ устройствѣ ихъ ⁽³⁾. Докладчикъ комиссiи *Гей-Люссакъ* вполне одобряетъ употребленiе острыхъ стержней. Возможность извлекать электричество изъ облаковъ посредствомъ острыхъ концевъ, была доказана многочисленными опытами съ электрическими змѣями, подобными тому, которымъ *Франклинъ* сдѣлалъ свое открытiе. *Ромасъ* произвелъ превосходный опытъ съ подобнымъ приборомъ; во время сильной грозы онъ

(1) Если приводить въ доказательство этому извѣстные примѣры, то надобно помѣстить тутъ исторiю всѣхъ отводовъ, устроенныхъ съ заостренными стержнями. Новѣйшiй примѣръ см. въ *Annales de Chimie et de Physique*, 3-ème Série, T. XIII, p. 323.

(2) *Бонтанъ*, говоря, что «расплавленiе вершины стержня происходитъ лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда сильно заряженное электричествомъ облако вдругъ входитъ въ сферу дѣйствiя отвода», — излагаетъ мнѣнiе, коему противорѣчатъ всѣ извѣстные случаи, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ. — *Bontemps*, *Instruction sur les paratonnerres*, Paris, 1808, p. 3.

(3) *Instruction sur les paratonnerres*, adoptée par l'Académie Royale des Sciences le 23 avril 1823, et rédigée par une Commission composée de *M-rs Poisson, Lefèvre-Gineau, Girard, Dulong, Fresnel et Gay-Lussac*, rapporteur. — *Annales de Chimie et de Physique*, 2-ème Série, T. XXVI, p. 258—298.

по постоянно разряжалъ имъ облака (1). Знаменитый физикъ *Шарль*, котораго имя такъ замѣчательно въ исторіи воздухоплаванія, былъ горячимъ защитникомъ острыхъ стержней для отводовъ; онъ предложилъ принять закономъ, что острый стержень предохраняетъ вокругъ себя пространство, радіусъ котораго равняется удвоенной высотѣ стержня (2).

Въ системѣ, которую приняли комиссары академіи при устройствѣ громовыхъ отводовъ, законъ этотъ былъ принятъ за основаніе. Они предположили, что, напримѣръ, на зданіи въ 60 ф. основанія достаточно одного стержня, поставленнаго въ серединѣ крыши въ 15 и до 18 ф. высоты. Описанное выше наблюденіе *Трейслера*, замѣтившаго паденіе молніи въ 16 футахъ отъ 15-футоваго стержня, доказываетъ по крайней мѣрѣ, что истина *Шарлева* закона подвержена сомнѣнію.

Изъ того, что электрическая, даже сильно заряженная машина можетъ быть разряжена безъ искръ и треска заостренными проводниками, никакъ нельзя заключить, что то же самое должно повториться при дѣйствіи острыхъ стержней на электричество облаковъ. Какъ сильно бы ни былъ заостренъ разрядникъ, все же его должно приблизить довольно близко къ проводнику, чтобы онъ могъ оказать какое-нибудь дѣйствіе. *Трейслеръ* приписываетъ рѣдкость паденія молніи въ Альпійскія долины невидимому отведенію электричества вершинами елей на Альпійскихъ горахъ: можно ли сравнить

(1) «Представьте себѣ, писалъ *Ромасъ* къ *Нолле*, что вы видите огненные полосы отъ 9 до 10 футовъ длины и въ вершокъ ширины, производящія шумъ, подобный стрѣльбѣ изъ пистолета: въ продолженіе часа мой змѣй получилъ по крайней мѣрѣ 30 таковыхъ искръ и болѣе 1000 въ 7 футовъ и менѣе». Copie d'une lettre écrite à l'abbé *Nollet* par M. de *Romas*, Mem. de Mathémat. et de Physique, T. IV, p. 514 et sqq.—*Biot*, Précis élémentaire de physique expérimentale, Paris, 1821, T. I, p. 591—592.

(2) Полковникъ *Бонтанъ* полагаетъ, что собственно притягательная сила заостреннаго стержня простирается на пространство по крайней мѣрѣ въ 10 метровъ въ радіусъ.—*Bontemps*, l. c., p. 11.

дѣйствию нѣсколькихъ сотенъ тысячъ этихъ деревьевъ, находящихся на весьма значительной высотѣ, съ дѣйствиемъ, которое способно оказывать одинокой стержень, возвышающійся надъ зданіемъ на какіе-нибудь 18 футовъ?

Если разобрать всѣ извѣстные случаи паденія молніи на предохраненныя отводами зданія, едва ли найдемъ менѣе примѣровъ при заостренныхъ стержняхъ, нежели безъ оныхъ; паденіе молніи на острые стержни случается вовсе не рѣдко. Кромѣ примѣровъ, приведенныхъ выше, можно найти еще много случаевъ, описанныхъ между прочимъ *Элинымъ* ⁽¹⁾ и *Реймарусомъ*. Во время страшной грозы 11 января 1815 года, молнія упала на башни Ламбертъ въ Дюссельдорфъ и Рейнольди въ Дортмундъ, не смотря на то, что на обихъ находились острые стержни ⁽²⁾. Мы видѣли выше, при случаѣ съ мастерской въ Хекингамъ, что даже при нѣсколькихъ стержняхъ, нельзя предположить, чтобы зданіе было совершенно безопасно отъ молніи. *Делоуъ*, излагая свою теорію грозы, находитъ рѣшительныя доказательства противъ пользы устройства заостренныхъ стержней и полагаетъ ихъ даже опасными ⁽³⁾.

(1) *Yelin*, Ueber den am 30-ten April 1822 erfolgten merkwürdigen Blitzschlag, и пр.—München, 1824, 2-te Auflage.

(2) Можно сказать вообще, что не всѣ наблюденія одинаково цѣнны; тамъ, гдѣ всѣ одинаково видятъ одинъ фактъ, часто одинъ какой-нибудь наблюдатель видитъ противное. — Этотъ случай паденія молніи тому примѣръ: всѣ нашли въ немъ рѣзкія доказательства вообще въ пользу отводовъ, *Бодде-же* (*Bodde*, Grundzüge der Theorie der Blitzableiter, Münster, 1809, 8.) былъ приведенъ къ заключенію, что отводы не должны быть устроены вертикально, а горизонтально, и пр. и пр.—См. рецензію его сочиненія *Gilberti Annalen der Physik*, T. LI, p. 80; возраженія *Хундерсона* въ томъ-же томъ, стр. 458; или въ сокращенномъ видѣ въ *Gehler's Physik*, Wörterb. neu bearbeitet, T. I, p. 1079—1086.

(3) *Gehler's Physikalisches Wörterbuch*, neu bearbeitet, T. I, p. 1051—1052.

Если бы даже заостренные стержни и проводили электричество без искры и треска, и были следовательно способны безопасно разряжать облака, — то они при этомъ, безъ сомнѣнія, должны бы такъ нагрѣваться ^(*), что расплавившись могутъ сами причинить пожаръ. Вслѣдствіе этого, а также для того, чтобы воспрепятствовать ржавнѣю, значительно уменьшающему проводимость желѣза, предложили дѣлать острыя вершины стержней изъ металловъ, лучше проводящихъ электричество, нежели желѣзо, — напримеръ изъ мѣди или латуни. и золотить верхній конецъ стержня *Пиксисъ* въ Парижѣ продавалъ за 30 франковъ стержни съ платиновыми остріями, ввинченными въ мѣдный пруть, который въ свою очередь свинчивался съ желѣзнымъ отводомъ. Но отъ этого лишь увеличиваются расходы; опытъ показалъ, что вызолоченные латуневые или мѣдные стержни плавятся весьма легко: *Эминъ* ^(*) замѣтилъ это въ Дюссельдорфѣ при случаѣ съ Ламбертовой башней. Не рѣдко бываетъ, что стержни расплавляются въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ одинъ металлъ примыкаетъ къ другому. *Эминъ*, при одномъ случаѣ, замѣтилъ, что верхняя мѣдная часть отвода была откинута на разстояніе 200 футовъ ^(*). Проводимость отвода отъ позолоты

^(*) *Петтерсонъ* предложилъ (Transactions of the American Philosophical Society, T. III, p. 321.) вершину стержня сдѣлать изъ заостренной черной мыловки (plombagine), которая хоть, положимъ, не такъ легко расплавится, но за то при первомъ ударѣ молніи очевидно отлетитъ. — См. *Van Marum's Electriche Erfahrungen, etc., Gilberti Annalen der Physik, T. I, p. 266.*

^(*) Л. с.

^(*) *Киннерслей* въ письмѣ своемъ (12 марта 1761) описываетъ *Франклину* въ подробности расплавление 9-ти-фунтоваго стержня надъ домомъ *г. Веста* въ Филадельфій, отъ паденія на него молніи. — *Киннерслей* находитъ въ этомъ случаѣ доказательство въ пользу Франклиновыхъ мыслей; по моему мнѣнію недостаточно того, чтобы отводъ служилъ на одинъ только разъ, — и вѣроятно если бы надъ домомъ *г. Веста* отводъ былъ безъ стержня, молнія точно также была бы проведена, но расплавленія не произошло бы явгдѣ. — См. *Franklin's Works, T. V, p. 375—377.*

или даже отъ употребленія платиновой, очевидно нисколько не увеличивается, и если мы гальваническими баггареями расплавляемъ такъ легко довольно толстыя платиновыя проволоки, не должно ли того же по крайней мѣрѣ опасаться при сильныхъ ударахъ молніи?

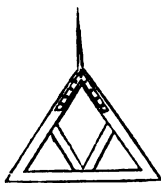
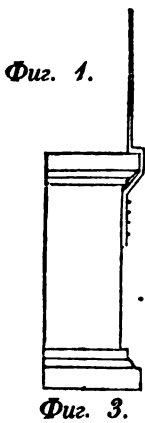
Наблюденіе показало, что когда молнія падаетъ на зданіе, то сначала поражаются выходящія части, края и выдающіеся углы, — чаще всего вершины башенъ, колоколенъ и т. п.; причина этому та, что въ этихъ точкахъ сосредоточивается отрицательное электричество земли, и ими слѣдовательно притягивается электричество облаковъ, обыкновенное положительное..

Я уже подробно описалъ мысли *Франклина*, приверженца острыхъ стержней, возвышающихся надъ зданіями. Мнѣ остается сказать, что несравненно лучше и проще система, предложенная нѣсколькими нѣмецкими физиками, поддержанная и въ особенности подробно изложенная *Реймарусомъ*. Сей послѣдній совѣтуетъ, при огражденіи домовъ, надъ всей вершиной крыши, съ одного конца до другаго, также надъ трубами, углами и фронтисписами, устраивать непрерывную металлическую полосу. Такъ какъ неизвѣстно откуда покажется гроза, то нужно все углы и выходящія части соединить одну съ другою и сообщить съ главнымъ отводомъ. Если бы при этомъ молнія ударила въ неогражденное мѣсто крыши, какъ *Трешлеръ* ⁽¹⁾ это разъ замѣтилъ, то все-таки опасность гораздо меньше, нежели при Франклиновой системѣ.

При такомъ металлическомъ огражденіи свинцовыя полосы особенно удобны. Ихъ легко припаивать къ камнямъ и прикрѣплять гвоздями къ краямъ трубъ. Многіе опыты показали, что они очень хорошо проводятъ электричество, если только имъ приданы достаточные размѣры. Раслаиваться онѣ могутъ только тогда, когда слишкомъ тонки. При подобномъ устройствѣ естественно дѣлаются ненужными притягательные стержни: это доказала практика. Если считаютъ стержни

(1) *Gilbert's, Annalen der Physik.* T. LXIV, p. 254. — *Gehler's Physik. Wörterb. n. bearb.* T. I. p. 1045.

необходимыми, то дѣлаютъ ихъ изъ желѣзныхъ полосъ, по всему протяженію по крайней мѣрѣ въ 0.75 верш. въ діаметръ (1) и непременно тупые,—даютъ имъ возвышаться надъ трубою и вообще надъ выдающеюся частью крыши никакъ не болѣе какъ на 3, много на 5 футъ. Для утвержденія ихъ въ крышѣ, въ одномъ кирпичѣ просверливаютъ дыру, накладываютъ на кирпичъ свинцовый листъ съ отверстиемъ, и впустивши въ него стержень, вбиваютъ его какъ можно крѣпче, наблюдая при томъ, чтобы стержень вездѣ тѣсно былъ обхваченъ свинцомъ, который къ первому еще прикрѣпляется желѣзнымъ кольцомъ. Чтобы по возможности предупредить гальваническое дѣйствіе сырости на два разнородные металла, непременно должно все это мѣсто покрыть густымъ слоемъ масляной краски. Стержень можетъ еще быть вставленъ какъ показано въ фиг. 1, 2 и 3.

Если же, откинувши желѣзные стержни, хотя бы, основываясь на лучшей системѣ, оградить крышу металлически, то на вершинѣ ея располагаютъ свинцовую полосу отъ 3 до 6 вершковъ толщиною и прикрѣпляютъ ее большими гвоздями и маленькими свинцовыми тамъ, гдѣ она прилегаетъ къ извести, связывающей кирпичи. Свинцовыя полосы, посредствомъ выемокъ, впускаются одна въ другую. Таковыя полосы устраиваются на краю и у колпака трубъ и сообщаются съ одной стороны съ главнымъ отводомъ.

Не смотря на пристрастіе, которымъ пользуются громовые отводы изъ желѣзныхъ полосъ, можно сказать, что они никакъ не изъ лучшихъ, именно по неудобству устройства ихъ, по трудности скрѣпленія

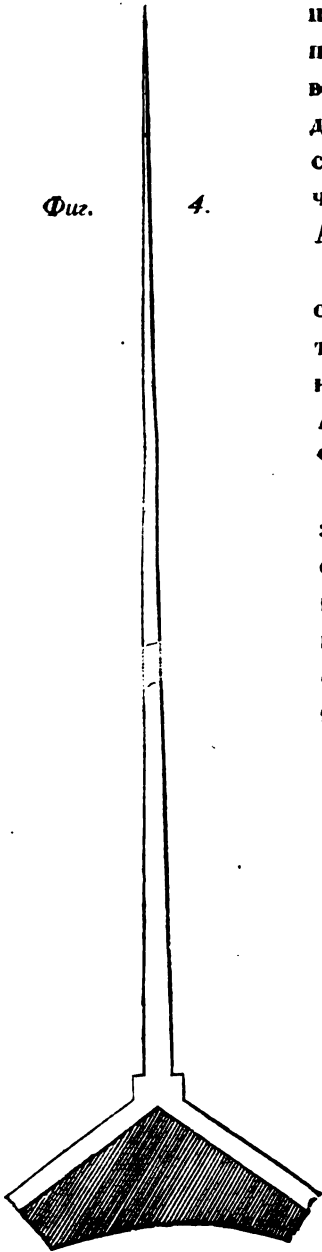

(1) Франклинъ полагалъ вообще достаточнымъ дать стержнямъ поперечникъ въ $\frac{1}{2}$ вершка, основывая это мнѣніе на опытахъ, произведенныхъ въ маломъ видѣ. — Letter to Collinson, 1753. Franklin's Works, T. V, p. 312—313.

отдельныхъ желѣзныхъ полосъ между собой, по невозможности предохранить ихъ отъ ржавчины выкрашиваніемъ даже лучшей краской, по большимъ расходамъ и проч. Какъ бы то ни было, ихъ невозможно не описать въ некоторой подробности, потому что во многихъ мѣстахъ ихъ употребляютъ почти исключительно, на прим. во Франціи, въ Австріи, въ Виртембергѣ, и пр.

Фиг.

4.

Сочиненіе, въ которомъ эта система изложена съ наибольшей тщательностью, есть, уже не разъ упомянутое мною донесеніе, представленное Гейлюссакомъ 25-го апрѣля 1823 года Французской Академіи Наукъ ⁽¹⁾.

Громовой отводъ, устроенный по этой системѣ, состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ стержня, возвышающагося надъ крышей зданія; 2) изъ проводника, идущаго отъ нижняго конца стержня вдоль зданія внизъ и входящаго въ землю.

Стержень есть желѣзный прутъ, имѣющій пирамидальную или коническую форму ⁽²⁾ и заостренный значительно при вершинѣ (фиг. 4). При длинѣ отъ 21 до 27 футъ (средняя высота стержней, устраиваемыхъ на

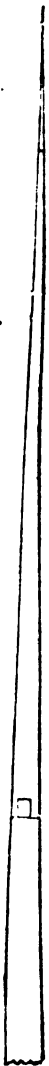
⁽¹⁾ Annales de Chimie et de Physique 2-ème série, T. XXVI, p. 258—298.

⁽²⁾ Гюмле предпочитаетъ чечевицеобразную форму пирамидальной и конической, но причины его для этого не выдерживаютъ даже нестрогой критики. *Gilbert's Annalen der Physik*, V. LXIV, p. 266.

большихъ зданіяхъ), даютъ ему основаніе въ 24 или 26 линий въ ребрь; — если стержень въ 30 футъ, то основанію даютъ А 28 линий въ ребрь.

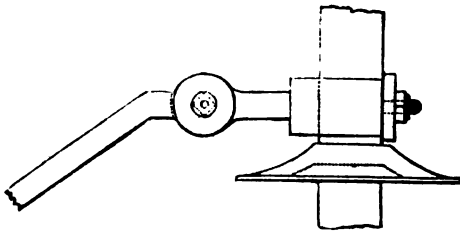
Такъ какъ железо склонно ржавѣть при одно-
временномъ дѣйствіи на него влаги и воздуха, то ко-
нецъ стержня скоро сдѣлался бы тупымъ. Чтобы
предупредить это, обрезаютъ конецъ отвода на 20
вершковъ (фиг. 5) АН и замѣняютъ его коническимъ
стержнемъ той же длины изъ желтой мѣди, вызолоченной при вершинѣ и оканчивающейся платиновой
иглой AG въ 2 вершк. длины ⁽¹⁾ Платиновую
5. иголку ⁽²⁾ припаиваютъ къ мѣдному стержню сереб-
рянымъ припаемъ, и чтобы предупредить изломъ,
Фиг. 6. могущій легко произойти, укрѣпляютъ ее

Ф.

Н

Фиг. 7.

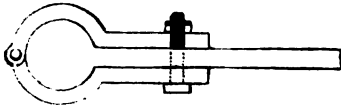
Внизу стержня на
разстояніи 3-хъ вер-
шковъ отъ крыши
находится маленькій
цоколь (фиг. 7), при-
паянный къ стержню и устроенный

- (1) Нѣкоторые предлагаютъ вмѣсто платины дѣлать эту иголку изъ монетнаго сплава: 9 частей серебра съ 1 ч. мѣди. Ann. d. Chim. et de Phys. T. XXVI, p. 280.
- (2) Пулье совѣтуетъ эту иголку замѣнить платиновымъ конусомъ, имѣющимъ при вершинѣ уголъ въ 28 или 30°. Rapport-de Pouillet à l'Acad. d. sciences, le 18 décemb. 1854, sur les paratonnerres, Institut, 1-ere sect. N 1095, 28 déc. 1854. p. 444.

для предохраненія отъ дождевой воды, могущей безъ этого процѣживаться во внутренность зданія, и гнить дерево крыши.

Посредственно надъ цоколемъ, стержень округленъ на протяженіи около 2-хъ вершковъ, и тутъ устраивается ошейникъ съ шарниромъ съ двумя ушками, между

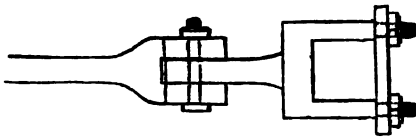
Фиг. 8

коими прижимаютъ конецъ проводника отвода (Фиг. 8).

Вмѣсто ошейника можно дѣлать четырехугольное стремя, тѣсно сжимающее низъ стержня (Фиг. 9). Но никогда не должно вы-

Фиг. 9.

пускать изъ виду, что въ этомъ мѣстѣ стержень долженъ представлять наибольшія сопротивленія и металлическую непрерывность.

Способъ прикрѣпленія стержня къ самой крышѣ зданія зависитъ отъ формы ея. Если стержень устривается надъ сводомъ, то его оканчиваютъ тремя, четырьмя или болѣе лапами или прикрѣпляютъ къ камню какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ со свинцомъ.

Гораздо прежде статьи Гей-Люссака, а именно въ 1811 году, *Unterberger* ⁽¹⁾ написалъ сочиненіе, въ коемъ онъ излагаетъ съ большою подробностію устройство отводовъ по совершенно подобной системѣ; согласно съ составленной имъ инструкціей устраиваютъ отводы въ Австріи. Его отводъ состоитъ изъ заостреннаго стержня въ 10 — 12 футъ длины, толщиною внизу въ 15 и до 19 линій, при вершинѣ же въ 8 или 9 линій. Къ этому стержню привинчиваютъ весьма острый другой стержень въ 7 вершковъ длины и вызолоченный въ огонь на протяженіи 3 вершковъ съ верху; этотъ верхній стержень долженъ быть съ нижнимъ въ сколь возможно точномъ соединеніи, что достигается обыкновенно впускаемая между этими частями стержня свинцовый листокъ толщиною въ игральную карту.

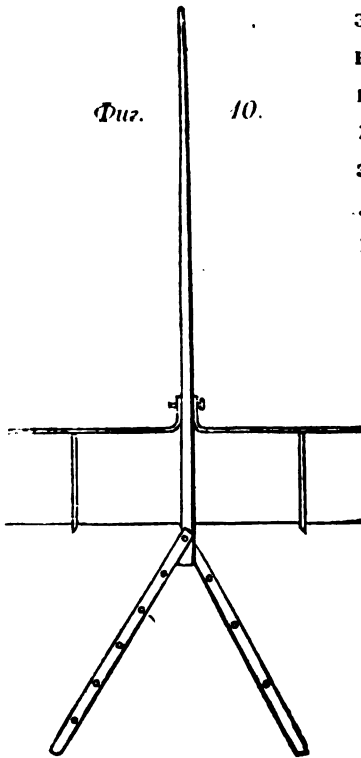
(¹) *Unterberger*, Nützliche Begriffe von den Wirkungen der Elektricität und der Gewittermaterie, Wien, 1811.

Стержень наставляется на дерево, которое обыкновенно покрывается смолою, и прикрѣпляется къ нему желѣзными полосами (1).

Безполезно заботиться объ томъ, чтобы уединить стержень: молнія никогда не оставитъ металлическій проводникъ, если онъ хорошъ; если же нѣтъ, то она безъ сомнѣнія сыщетъ себѣ путь, разорвавъ уединителя (2).

Когда отводъ устроивается на зданіи значительной длины, то обыкновенно на вершинѣ его ставятъ нѣсколько стержней; все они должны быть соединены между собою; это производятъ посредствомъ желѣзныхъ полосъ въ 12 или 13 линій шириной и въ 3 линіи толщиной.

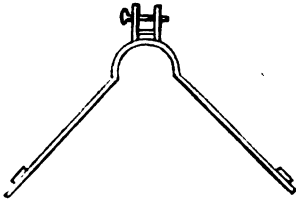
Такъ какъ въ продажѣ обыкновенно желѣзныя полосы встрѣчаются въ 8 футовъ, то для составленія длинной полосы, спаиваютъ по двѣ полосы одними концами, а другими соединяютъ съ другой, такимъ же образомъ спаянной полосой, посредствомъ трехъ винтовъ, ввинченныхъ съ свинцовыми листками. Такимъ образомъ можно соединить сколько угодно полосъ. У самаго стержня эти полососы загибаются и прикрѣпляются къ нему также винтами (Фиг. 10).

- (1) Ввинчивать стержни въ дерево вообще отсовѣтываютъ, потому что были примѣры, что молнія, упавши на отводъ, раскалывала дерево.
- (2) Докторъ *Пелисонъ*, придумавшій особенное устройство для отводовъ, при коемъ они могутъ также служить электрометрами, устраиваетъ стержень на стеклянной трубкѣ, для совершеннаго уединенія его, считая это очень важнымъ; но мнѣ кажется, это вовсе неосновательно. *Halle, Fortgesetzte Magie, T. V, p. 420 et sqq.*

Такъ какъ эти соединительныя полосы должны идти по

Фиг. 11.

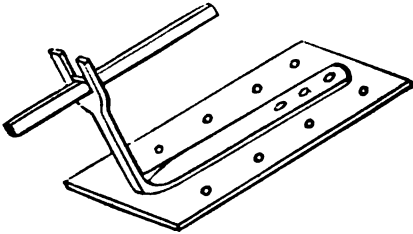
вершинѣ крыши, то необходимо устро-
ить для нихъ подпоры (Фиг. 11 и 12).
Фигуры представляютъ обыкновенную
форму этихъ подпоръ, распола-
гаемыхъ одна отъ другой на раз-
стояніе 9 или 12 футъ.

Ф. 12.

Обыкновенно ихъ устраи-
ваютъ на серединѣ цѣлыхъ желѣзныхъ полосъ, но во вся-
комъ случаѣ должно избѣгать укрѣплять эти поддержки въ
мѣстахъ соединенія двухъ полосъ отвода.

Фиг. 13.

Внизъ по крышѣ опуска-
ютъ ихъ, употребляя подпору
представленную на Фиг. 13.

При устройствѣ отводовъ
надъ крышами, покрытыми
желѣзомъ, мѣдью или жестью,
эти соединительныя полосы
могутъ конечно быть совер-

шенно откинута, нужно только непременно при нижнемъ
концѣ стержня прикрепить соединительную полосу, идущую
на довольно значительномъ протяженіи по крышѣ; прикрѣп-
леніе ея происходитъ при обоихъ концахъ посредствомъ вин-
товъ или гвоздей.

Въ системѣ *Унтербергера* можно найти много недостат-
ковъ: достаточно будетъ здѣсь замѣтить, что онъ приверже-
нецъ заостренныхъ стержней, бесполезность конхъ уже дока-
зана выше; къ-тому же, при 60-футовой длинѣ зданія, онъ
считаетъ достаточнымъ одинъ стержень съ одной отводной
полосой, что, какъ видно изъ приведенныхъ уже примѣровъ
и по собственнымъ его теоретическимъ соображеніямъ касательно
этого вопроса, совершенно недостаточно. Надѣясь много на
свой стержень, онъ не ограждаетъ проводникомъ возвышаю-
щіяся части крыши, углы, трубы и т. п.

Въ то время, какъ приписывали большую важность за-
остреннымъ стержнямъ, явилось весьма много различныхъ

способовъ устройства ихъ. Нѣкоторые устраивали нѣсколько острыхъ концевъ на одномъ стержнѣ ⁽¹⁾, и обращали ихъ то всѣ къ верху, то по всѣмъ четыремъ сторонамъ вѣтровъ; другіе располагали ихъ вертикально къ стѣнамъ при каждомъ этажѣ ⁽²⁾; другіе еще совѣтовали устраивать на крышѣ нѣсколько стержней наклонно или горизонтально ⁽³⁾; даже нашлись люди, предлагающіе направлять ихъ къ низу противъ молній, ударяющихъ съ низу въ верхъ ⁽⁴⁾.

Если же кто, не довѣряя системѣ отводовъ, предложенной *Реймарусомъ* и защищенной многими учеными, непременно захотѣлъ бы имѣть стержень на своемъ отводѣ, то, чтобы сей послѣдній былъ способенъ оказать какую-либо пользу, его не только должно устраивать на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ зданія, но также и на углахъ крыши и на всѣхъ выдѣляющихся частяхъ; стержнямъ не должно позволять возвышаться на болѣе нежели на 4 фута; они должны непременно быть тупыми, и не имѣть нигдѣ на своемъ протяженіи менѣе 0,75 вершка въ поперечникѣ. *Реймарусъ* самъ совѣтуетъ употребленіе ихъ подѣ этими условіями, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прохожденіе молніи по крышѣ можетъ быть осо-

⁽¹⁾ На зданіи въ Ботаническомъ саду въ Ливерпулѣ, отводъ оканчивается шаромъ, покрытымъ острыми концами. *J. Murray*, Manuel d'électricité atmosphérique, trad. par *Riffault*, Paris 1841, p. 141.

⁽²⁾ Encyclopédie méthodique de *Pankouke*. Physique, article: Paratonnerre, T. IV, p. 241.

⁽³⁾ *Бонтанъ* говоритъ, что вѣтеръ даетъ дождю иногда весьма наклонное направленіе; во время грозы дождь дѣлается проводникомъ облачнаго электричества; изъ этого онъ заключаетъ, что наклонные стержни могутъ быть полезны, но онъ забываетъ, что обыкновенно дождь есть уже конецъ грозы, и что, намочивши зданіе, онъ дѣлаетъ его всею поверхностью проводникомъ. См. *Bontemps*, Instruction etc, p. 11—12.

⁽⁴⁾ Memoires sur les verges ou barres métalliques destinées à garantir les édifices des effets de la foudre, въ Мém. de l'Académie des sciences, 1770, p. 63; и *Bertholon de St. Lazare*, de l'électricité des météores, T. I, p. 228.

беино опасно, какъ наприм. при соломенныхъ и камышевыхъ крышахъ, но въ семъ случаѣ должно обратить особенное вниманіе на огражденіе всякаго угла, всякой выходящей части, и всѣ эти огражденія, произведенныя свинцовыми полосами, должны быть соединены между собою.

Вильсоново предложеніе оканчивать стержни шарами и понизить ихъ ниже возвышенныхъ частей крыши совершенно противно цѣли отводовъ. Молнія найдетъ себѣ путь къ металлу сквозь крышу, - и таковое устройство можегъ только имѣть слѣдствіемъ поврежденіе сей послѣдней.

§ 3.

О СРЕДНЕЙ ЧАСТИ ОТВОДА, ИЛИ О ПРОВЕДЕНІИ ОТВОДА ПО САМОМУ ЗДАНІЮ.

Выше были изложены факты, доказывающіе какъ бесполезность острыхъ стержней при отводахъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и важность огражденія всѣхъ возвышающихся частей зданія металлическими полосами, изъ коихъ удобнѣйшія суть свинцовыя. Отъ этой, названной нами верхней части отвода, облачное электричество должно быть проведено вдоль зданія къ землѣ.

Конечно, должно избирать для устройства металлическихъ отводныхъ полосъ ту сторону зданія, которая находится ближе къ мѣсту, избранному для погруженія въ землю нижняго конца проводника; однакожь если вслѣдствіе какихъ-нибудь мѣстныхъ обстоятельствъ устройство прямолинейнаго проводника будетъ затруднительно, то можно дать ему всякій изгибъ, чтò повлечетъ за собою увеличеніе издержекъ, но не уменьшитъ годность отвода ⁽¹⁾.

Дѣйствительность его не измѣняется, если даже на нѣкоторомъ протяженіи онъ будетъ проведенъ совершенно

(1) Рѣзкое доказательство этому можно найти въ *Reimarus Vorschriften zur Anlegung einer Blitzableitung an allerlei Gebäuden.* Hamburg, 1774, 8°, p. 134.

горизонтально; мы всеми опытами убеждены, что молнія будет слѣдить за металломъ по всемъ направленіямъ, если только онъ представитъ достаточную поверхность и проводимость, и что она всегда предпочтетъ этотъ путь преломленію сквозь дурные проводники. Не должно только забывать, что отъ удлинненія проводника проводимость его нѣсколько уменьшается; по этому вертикальное положеніе не потому только лучше, что оно вертикально, а потому, что оно представляетъ самый кратчайшій путь.

Основываясь на мнѣніи много разъ упомянутаго *Реймруса*, мы можемъ сказать, что лучший матеріалъ для этихъ проводниковъ, суть мѣдныя или свинцовыя полосы, которыя прямо можно прибивать къ дереву гвоздями. При такомъ устройствѣ, если гдѣ-нибудь проводимость уменьшится по какимъ-либо обстоятельствамъ, то молнія, при перескакиваніи, можетъ только вырвать нѣсколько гвоздей, и если имѣли предосторожность прикрѣплять нижнія полосы подъ верхними, то едва ли молнія будетъ имѣть возможность вырвать цѣлую полосу.

Эти полосы обыкновенно дѣлаются въ 3, 6 и даже 8 вершковъ въ ширинѣ⁽¹⁾. Соединеніе ихъ происходитъ, какъ показываетъ фиг. 14; верхняя полоса въ этихъ изгибахъ должна входить во внутрь, нижняя же наружу;—онѣ должны быть сколь возможно крѣпче прибиты одна къ другой. Если свинцовыя полосы (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) покажутся слишкомъ слабыми, то употребляютъ мѣдныя. Мѣста соединенія двухъ полосъ иногда обвиваютъ латуновой проволокой.

Мѣдь, по многимъ произведеннымъ опытамъ, конечно лучшій проводникъ изъ всѣхъ металловъ, которые можно употребить на это. Свинецъ проводитъ электричество хуже и къ тому же еще плавится легче мѣди; но, по словамъ *Реймруса*, опытъ показалъ, что свинцовыя полосы въ 3 вершка

(1) См. Nachricht von einem merkwürdigen Blitzschlage, von *Reimarus*;—*Gilbert's Annalen der Physik*, B. IX, p. 480.

шириною проводить электричество, даже при нетщательно устроенных отводахъ, безъ всякаго поврежденія частей зданія, на коихъ онъ лежатъ. Для бôльшей вѣрности можно дать этимъ полосамъ 6 вершковъ ширины, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ зданія, гдѣ во внутренности онаго находятся большія металлическія поверхности (1).

Противъ употребленія свинца есть одно возраженіе, слишкомъ важное, чтобъ объ немъ не упомянуть: это именно вывѣтриваніе этого металла и быстрое гниеніе дерева, находящагося подъ нимъ. Эти два обстоятельства иногда оказываютъ весьма вредное дѣйствіе: отъ перваго проводимость свинца уменьшается и молнія можетъ произвести въ немъ трещины, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ одна полоса прикреплена къ другой и гдѣ уже и безъ того сообщеніе не совершенно; — отъ этого свинецъ часто просверливается, и при прохожденіи искры, дерево, находящееся подъ нимъ, имѣвшее свойство особенно скоро гнить и принявшее почти совершенно свойство трута, легко загорается. Примѣръ этому встрѣтился при паденіи молніи во время сильной грозы, на Рейнольдovu башню въ Дортмундѣ 11 января 1855 года (2).

Недостатки, замѣченные при свинцовыхъ полосахъ, еще гораздо болѣе важны при желѣзныхъ. Хотя, можетъ быть, подъ этимъ послѣднимъ металломъ дерево не такъ скоро гниетъ, — за то окисленіе самаго желѣза происходитъ такъ быстро, что устроенные изъ него отводы весьма скоро портятся. Совершенная проводимость всей системы есть необходимое условіе, которому нужно удовлетворять при устройствѣ отводовъ; ржавчина, скоро показывающаяся въ мѣстахъ соеди-

(1) При несчастномъ случаѣ паденія молніи на пароходъ Нью-Йоркъ 19 августа 1827 г., расплавилась свинцовая труба въ 30 центим. въ поперечникѣ; изъ этого случая Пулье заключаетъ, что свинецъ не годенъ для устройства проводниковъ. Мнѣ кажется, этотъ выводъ немного поспѣшенъ, потому что въ означенномъ случаѣ отводъ былъ устроенъ весьма дурно, и тутъ расплавилась бы и желѣзная полоса. — См. донесеніе Пулье, Institut, № 1095, 28 дек. 1854, р. 443.

(2) См. *Gehler's Physikal. Wörterb. n. bearb.* Т. I, р. 1056.

ненія полосъ, уменьшаетъ проводимость всей линіи и часто причиняетъ разрывы (1).

Чтобъ препятствовать окисленію и выветриванію свинца, выкрашиваютъ полосы хорошею масляною краскою (2).

Безполезно, и даже иногда вредно, вести проводникъ на некоторомъ разстояніи отъ стѣнъ, поддерживая его скобами или подпорами, какъ это обыкновенно устраивалъ Хеммеръ (3).

По мнѣнію Реймаруса, гораздо удобнѣе устраивать проводникъ непрерывно по самому зданію; при этомъ нечего опасаться, что молнія оставитъ металлъ, тогда какъ по Франклинскому опыту, электричество можетъ проходить по позолотѣ книги, не повреждая нисколько листы ея (4).

Что же касается до числа проводниковъ, то при зданіяхъ не слишкомъ значительной величины, какъ напримѣръ обыкновенные дома, достаточно вообще одного проводника; при большихъ же строеніяхъ, какъ-то церквахъ, зданіяхъ съ нѣсколькими башнями и т. п., должно устроить нѣсколько проводниковъ (5); въ мѣстахъ, гдѣ во внутренности зданія находятся большія металлическія поверхности, отводъ долженъ быть сколь возможно коротокъ. Когда зданіе покрыто металлической крышей, Реймарусъ советуетъ непременно опускать нѣсколько проводниковъ съ различныхъ концовъ ея.

Даже самыя лучшіе проводники представляютъ известное сопротивленіе прохожденію молніи, что можетъ иногда

(1) Berichtigende Bemerkungen über Blitzableiter, etc. von Reimarus; Gilbert's Annal. der Phys. T. IX, p. 473—475.

(2) См. Составъ лака для покрытія отводовъ въ Annales des Arts et Manufactures par J. N. Barbier de Fémar. Paris 1814, T. LIII, p. 108. — Оттуда въ Инженерныхъ Запискахъ, С.-Петербургъ 1827, T. V, стр. 231—232.

(3) Hemmer, Anleitung, Wetterableiter an allen Gattungen von Gebäuden auf die sicherste Art anzulegen, Mannheim, 1786, 8^e

(4) Franklins Works, T. V, p. 188.

(5) Если устраиваютъ отводы съ стержнями, согласно совету Французскихъ академикомъ, то должно, по ихъ мнѣнію, на каждые два стержня устроить одну отводную полосу. — Annales de Chimie et de Physique. T. XXVI, p. 295.

имѣть слѣдствіемъ боковыя взрывы тѣлъ, лежащихъ на пути; по этому никогда не должно впускать проводникъ во внутренность стѣны, а напротивъ оставить его по всей длинѣ снаружи зданія. Можно примѣнить къ отводу дождевыя трубы, когда онѣ проведены съ достаточной непрерывностью внѣ зданія; въ мѣстахъ же, гдѣ эти трубы проходятъ сквозь дерево или камень, должно непременно устраивать наружное сообщеніе. При нижнемъ концѣ трубы прикрѣпляется желѣзная полоса, которую должно проводить къ истоку дождевой воды.

Иногда считаютъ нужнымъ соединить всѣ металлическія части, находящіяся снаружи зданія, съ проводникомъ отвода; но въ этомъ нѣтъ необходимости. Тутъ важны лишь тѣ металлическія части, которыя значительно повышаются надъ зданіемъ и могутъ бытъ непрерывно ударяемы грозою или по своему положенію способны провести молнію, давши ей прорваться сквозь нѣсколько дурныхъ проводниковъ.

Плоскія и отдѣльныя металлическія части, находящіяся на стѣнахъ, въ отдаленіи отъ угловъ и вершины крыши, никогда не бываютъ ударяемы прямо; даже если онѣ находятся лишь нѣсколькими футами ниже крыши, молнія преимущественно ударитъ въ трубу или въ вершину крыши. Хорошій отводъ, соединенный съ огражденными углами крыши, представитъ ей всегда удобнѣйшій путь ⁽¹⁾. Если на вершинѣ зданія или на одномъ изъ возвышенныхъ угловъ его, находится выходящая часть, хорошо проводящая электричество и продолжающаяся на нѣкоторое разстояніе, на-примѣръ дымовая труба, выходящая отъ печей нижняго этажа, то весьма хорошо, если возможно, близъ этого мѣста устроить отводъ до самой земли.

(1) Въ нынѣшнихъ постройкахъ употребляютъ несравненно болѣе металловъ, нежели это дѣлалось прежде; по этому при устройствѣ отвода на современной постройкѣ, должно на это обратить особенное вниманіе. См. донесеніе *Пулье* о громовыхъ отводахъ, Французской академіи Наукъ, въ засѣданіи 18 декабря 1854 года, Institut, N° 1095, 28 décsemb. 1854 (1-ère sect.), p. 442.

Большія металлическія массы и другіе хорошіе проводники во внутренности зданія, какъ на примѣръ колокола, большіе часы и проч., могутъ быть иногда ударяемы молніею, не смотря на то, что можетъ-быть неинного далѣе она и не находитъ связныхъ отводящихъ частей; въ такомъ случаѣ легко можетъ произойти въ этой части зданія ударъ очень опасный и вредный. Два примѣра этому были замѣчены *Элинымъ* ⁽¹⁾. Въ такихъ случаяхъ, если эти металлическія части не могутъ быть соединены съ отводомъ, то лучше всего устраивать отводъ сколь возможно далѣе отъ нихъ. *Реймарусъ* ⁽²⁾, подтверждая это мнѣніе, говоритъ, что, если отводъ устроенъ близко подобныхъ предметовъ, то при могущихъ встрѣтиться поврежденіяхъ въ немъ, боковые удары дѣлаются не только возможными, но даже вѣроятными.

Вообще, если на зданіи находятся части хорошо проводящія электричество, на-примѣръ нѣсколько дождевыхъ трубъ, — металлическія соединенія на грифельныхъ крышахъ и т. п., то весь металлъ не долженъ быть нигдѣ прерваннымъ или представлять гдѣ-либо уединенную часть; этой цѣли достигаютъ посредствомъ металлическихъ полосъ. Еще при этомъ весьма важно то обстоятельство, чтобы отводъ доставлялъ всегда достаточную проводимость до самой земли.

По системѣ, предложенной комиссарами Французской Академіи Наукъ, проводникъ отвода есть желѣзная полоса, идущая отъ подошвы стержня и погружающаяся въ землю ⁽³⁾. Этой полосѣ даютъ 7 или 8 линий (отъ 15 до 20 миллиметровъ) въ толщину, впрочемъ 7 линий всегда достаточно ⁽⁴⁾.

(1) *Yelin*, Ueber den am 30-sten April 1822 erfolgten merkwürdigen Blitzschlag, 2-te Aufl. p. 14.

(2) *Berichtigende Bemerkungen über Blitzableiter etc*, von *Reimarus*, *Gilbert's Annalen der Physik*, T. IX, p. 475.

(3) Какъ уже сказано выше, *Гей-Люссакъ* раздѣляетъ отводъ только на двѣ части: на стержень и на проводникъ.

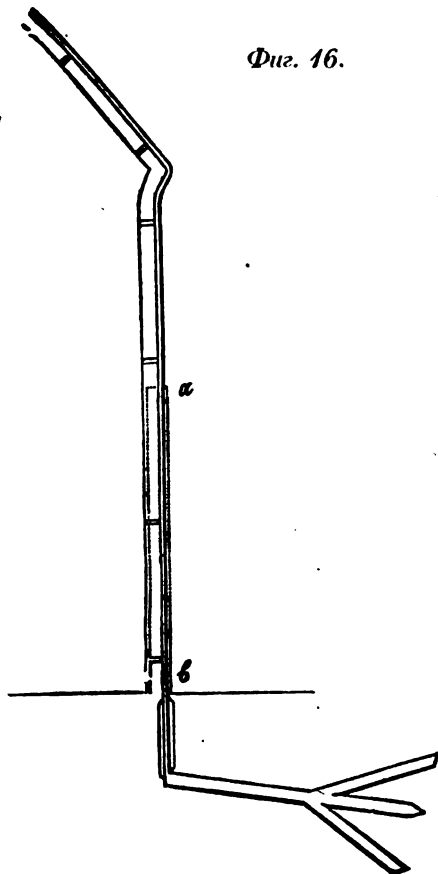
(4) *Ванъ-Марумъ* опредѣлялъ опытами съ сильной электрической машиной, толщину полосъ для отводовъ изъ различныхъ металловъ, но выводы его конечно слишкомъ слабы. См. *Gilbert's Annalen der Physik*, T. I, p. 263 et sqq.

Ф. 15. Соединение отдельныхъ желѣзныхъ полосъ производится какъ представлено въ Фиг. 15; между двумя полосами непременно должно впускать свинцовый листъ. Соединение проводника съ стержнемъ уже было описано выше.

Спускъ отвода вдоль зданія производятъ весьма просто полосами, идущими отъ крыши по кирпичамъ стѣны; советуютъ обыкновенно давать полосамъ выдѣляться отъ крыши на 1 футъ, и сохраняя это разстоянiе, проводятъ ихъ вдоль зданія до погруженiя въ землю; но, какъ сказано выше, Реймарусъ, весьма основательно, не считаетъ это нужнымъ, и располагаетъ отводъ непосредственно по стѣнѣ.

Фиг. 16.

При металлическихъ крышахъ устраиваютъ отводы при нижнемъ краѣ ихъ, наблюдая тщательно за тѣмъ, чтобы отводная полоса плотно прилегала къ металлической кровлѣ.

Въ Штутгартѣ ⁽¹⁾ отводныя полосы, начиная отъ земли, проведены отъ зданія въ разстоянiи 5 вершковъ и прикрѣплены гвоздями, входящими въ стѣну на 3 вершка. Для опоры нижней части отводной полосы устроена деревянная труба *ab*, Фиг. 16.

Уже Сосюръ ⁽²⁾ советовалъ вмѣсто желѣзныхъ полосъ,

⁽¹⁾ См. *Gehlers* Physikalisches Wörterbuch neu bearbeitet etc. T. I, p. 1075.

⁽²⁾ *Lichtenberg's* Magazin für das neueste aus der Physik

изъ коихъ первоначально устраивали всѣ отводы, употребить латунныя проволоки, толщиною въ писчее перо, и сплетенныя въ-трое. Долго никто не пробовалъ испытать это на практикѣ; наконецъ въ Баваріи, вслѣдствіе сочиненія *Еппа* ⁽¹⁾, описывающаго подробно такое устройство, они введены въ большое употребленіе; въ болѣе новѣйшее время, система эта нашла сильнаго защитника въ *Эмингъ* ⁽²⁾.

Въ Баваріи было нѣсколько случаевъ, что таковыя проволочныя веревки ⁽³⁾ были раскалены и разорваны грозою, но впрочемъ всякій разъ молнія уже была прежде отведена ими и ни разу ничего не загоралось ⁽⁴⁾. Къ-тому же при всѣхъ этихъ случаяхъ всегда или проволоки были слишкомъ тонки, или вообще отводъ былъ дурно устроенъ. *Эмингъ* заключилъ изъ своихъ наблюденій, что 10-футовая латунная проволока должна вѣсить по крайней мѣрѣ одинъ баварскій фунтъ. Впрочемъ всегда лучше взять болѣе проволокъ, нежели давать

(1) *Epp*, Abhandlung von der Magnetismus der natürlichen Electricität, München 1777.

(2) *Эмингъ* говоритъ, что безчисленное множество примѣровъ паденія молній на таковыя отводы доказываетъ ихъ совершенство; *Пфафъ*, передавая это, не безъ причины поставилъ вопросительный знакъ при словѣ написанномъ мною курсивомъ. *Gehler's Physikal. Wörterb.* T. I, p. 1070.

(3) Первоначально въ Германіи употребляли цѣпи, но онѣ оказались негодными, потому что не рѣдко во время ихъ проведенія молнія, отдѣляясь между кольцами искры; тогда прибѣгнули къ металлическимъ веревкамъ, не представляющимъ этого злокачественнаго свойства. См. *Heffenzrieder's Vorschlag die Blitzableiter zu verbessern.* Salzburg, 1785, въ видѣ прибавленія къ *Ueber's Theorie der Electricität*, отсюда въ *Halle. Magie*, T. IV. p. 2—3.

(4) *Франклинъ* рассказываетъ примѣръ паденія грозы на колокольню, не огражденную отводомъ, и въ коей молнія была отчасти отведена проволокой толщиною въ иглу; разумѣется проволока сама была расплавлена. *Letter to Dalibard, Franklins Works*, T. V, p. 357—359.

имъ большую толщину, какъ это совѣтовали Элину мюнхенскіе механики и ремесленники, ручавшіеся за непрерывность тонкихъ проволокъ гораздо больше, нежели за непрерывность толстыхъ.

Преимущество проволочныхъ веревокъ передъ желѣзными полосами значительно. Во-первыхъ, важенъ сравнительно малый вѣсъ проволоки, тогда какъ желѣзныя полосы представляютъ значительный грузъ; во-вторыхъ, проволочныя веревки удобно огибаются вокругъ всякаго мѣста зданія, желѣзо же легко при сгибаніи трескается и въ этихъ мѣстахъ быстро ржавѣетъ; проволочнымъ отводамъ можно дать желаемую длину безъ всякаго прерыванія, безъ припаяекъ и загибовъ; Элинъ говоритъ, что ловкій кузнецъ можетъ установить таковой отводъ въ одинъ день, тогда какъ при мегаллическихъ полосахъ нужно гораздо больше времени; наконецъ проволочные отводы стѣять меньшихъ издержекъ и ихъ гораздо легче сохранить въ порядкѣ. Не смотря на эти преимущества, употребленіе ихъ довольно ограничено ⁽¹⁾; чаще всего ихъ устраиваютъ надъ временными зданіями, надъ палатками, шалашами, временными складами пороха, и т. п. ⁽²⁾.

Коммиссары Французской Академіи также упоминаютъ, объ этой системѣ отводовъ ⁽³⁾: они совѣтуютъ 15 желѣзныхъ проволокъ соединить вмѣстѣ и свить потомъ четыре таковыхъ пука въ видѣ веревки, которая черезъ это получаетъ діаметръ въ 7 или 8 линий. Чтобъ предохранить эти проволоки отъ окисленія, каждый пукъ отдѣльно, а потомъ всю веревку тщательно покрываютъ дегтемъ. Къ стержню отвода, по ихъ системѣ, эта проволочная веревка прикрѣпляется ушками кольца,

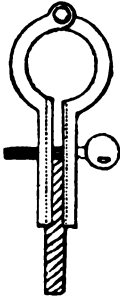
⁽¹⁾ *Bontemps Instruction sur les paratonnerres*, p. 7.

⁽²⁾ Въ новѣйшее время замѣчено, что проволочные отводы дѣлаются хрупкими и скоро ломаются. См. *Dinglers polytechnisches Journal*, CXVI, 348—352.

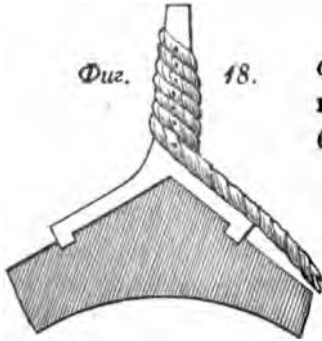
⁽³⁾ *Annales de Chimie et de Physique*, 2-ème série, T. XXVI p. 287.

находящагося внизу стержня, фиг. 17, — или какъ представлено на фиг. 18.

Фиг. 17.

Фиг. 18.

Хотя, говорить *Гей-Люсакъ* и уверяють, что таковыя веревки сохраняются безъ измененія въ продолженіи тридцати лѣтъ, все-таки жельзныя полосы должны быть употреблены преимущественнѣе, проволочныя же отводы могутъ быть въ осо-

бенности полезны при огражденіи колоколенъ, по причинѣ ихъ легкости.

Было предложено еще нѣсколько улучшеній и новыхъ устройствъ, но такъ какъ онѣ мало изслѣдованы, въ особенности технически, то мы можемъ объ нихъ умолчать, какъ наприм. о предложеніи *Лампадіуса* ⁽¹⁾ дѣлать отводы изъ жельзныхъ трубъ, ввинченныхъ одна въ другую, *Трейслера* ⁽²⁾, вмѣсто свинца и мѣди совѣтовавшаго, по причинѣ дешевизны, употребить жельзъ ⁽³⁾; и т. п.

§ 4.

О НИЖНЕЙ ЧАСТИ ОТВОДА ИЛИ О ПОГРУЖЕНІИ ОТВОДА ВЪ ЗЕМЛЮ ⁽⁴⁾.

Какъ приверженцы системы громовыхъ отводовъ со стержнями, такъ и невѣрующіе въ мистическое дѣйствіе острыхъ концевъ нѣсколько-футовыхъ стержней на высокія облака, всѣ согласны въ томъ, что главная часть отвода есть его

⁽¹⁾ *Gilbert's Annalen der Physik*. Т. XXIX, p. 60.

⁽²⁾ *Gilbert's Ann. der Phys.* Т. LXIV, p. 242 и 243. (Примѣч.).

⁽³⁾ См. между прочимъ *Hopfner's, Magazin für die Naturkunde Helvetiens* В. II, p. 15.

⁽⁴⁾ При устройствѣ отводовъ на зданіи всегда должно начинать работу снизу, въ опасеніи грозы. могущей пасть на отводъ, не соединенный еще съ землею.

нижній конецъ. Касательно устройства его почти всѣ писатели согласны. Тутъ нѣтъ ни споровъ, ни гипотезъ, всѣ признають почти одни и тѣ же истины, и самое устройство этой части отвода требуетъ лишь простаго описанія.

Изучая явленія грозы, мы должны разсматривать землю какъ большое скопище электричества; многія наблюденія доказали, что молнія распространяется лишь по земной поверхности, по этому мы можемъ вообще ограничиться довольно незначительной глубиной для погруженія нижняго конца отвода, или для достиженія того земнаго слоя, въ коемъ облачное электричество будетъ уравновѣшено земнымъ. Лемле⁽¹⁾ описалъ случай, при коемъ 16-го іюня 1787 года, въ Фрейбергскихъ рудахъ, молнія была отведена до воды на глубину 800 футовъ. Это рѣшительно ничего не доказываетъ въ пользу столь значительнаго погруженія отводнаго проводника. Едва ль извѣстенъ примѣръ, чтобы въ землѣ происходили трещины отъ того, что отводъ не былъ достаточно погруженъ.

Всегда земля способна провести по своей поверхности всякое количество электричества, какъ это можно замѣтить при дѣйствіи отвода, устройства *Вестомъ*⁽²⁾; также при паденіи молнії на отводъ гостинницы въ Стокгольмѣ⁽³⁾, замѣчено было, что мостовая покрылась свѣтомъ⁽⁴⁾; это было также замѣчено при случаѣ, о которомъ нѣсколько разъ было упомянуто выше, а именно при паденіи молнії на отводъ Рейнольдовой башни въ Дортмундѣ.

(1) *Magazin für Bergbaukunde*, B. V, p. 150 et sqq.

(2) См. *Philosophical Transactions* T. LIII, p. 94.—*Киннерслей* въ письмѣ своемъ (12 марта 1761) къ *Франклину* описываетъ этотъ случай въ подробности. *Franklin's Works*, T. V. p. 375—376.—*Франклинъ*, въ своемъ отвѣтѣ, приписываетъ распространеніе электрическаго свѣта по мостовой—сухости почвы. *Id.* l. c. p. 392.

(3) *Schwedische Abhandlungen*, B. XXXII, p. 11.

(4) См. еще: *Reimarus*, *Erste Abhandlung vom Blitze*, p. 89.—*Voigts Magazin*, B. XI, Stück, p. 75.

Пфафъ говоритъ, что если и могли встрѣтиться случаи трещинъ въ земль, то это конечно скорѣе было тамъ, гдѣ отводы были слишкомъ глубоко погружены въ землю ⁽¹⁾. *Реймарусъ* совѣтуетъ опускать отводъ до поверхности земли, и оканчивать угломъ на разстояніи одного фута отъ зданія; во время грозы это мѣсто должно быть сколь возможно больше обито водою ⁽²⁾. Онъ рѣшительно возстаеъ противъ всякаго погруженія въ землю ⁽³⁾. *Пфафъ* придерживается мнѣнія *Реймаруса*, но только примѣчаетъ при этомъ, что должно обратить особенное вниманіе на степень проводимости почвы въ мѣстѣ, куда направляется нижній конецъ отвода. Степень сырости, и стало-быть степень проводимости земной поверхности, такъ значительно измѣняется въ продолженіи года отъ бѣльшихъ или меньшихъ жаровъ, что едва ли можно надѣяться, что всегда проводимость будетъ происходить съ желаемою легкостью. Если это только возможно, должно всегда стараться погрузить конецъ отвода въ текущую воду; погруженіе въ колодезь не такъ надежно, потому-что тамъ проводимость можетъ имѣть свои предѣлы.

Такъ какъ даже сырая поверхность земли есть гораздо худшій проводникъ нежели металлы, и представляетъ электричеству тѣмъ меньшее сопротивленіе, чѣмъ болѣе точекъ соприкосновенія съ металломъ отвода, то конечно весьма хорошо устроить при самомъ концѣ нѣсколько металлическихъ отраслей или рукавовъ. Польза этого устройства была доказана весьма ясно опытами въ маломъ видѣ, произведенными *Гутлеемъ* ⁽⁴⁾.

Если конецъ отвода погруженъ въ колодезь, то даютъ

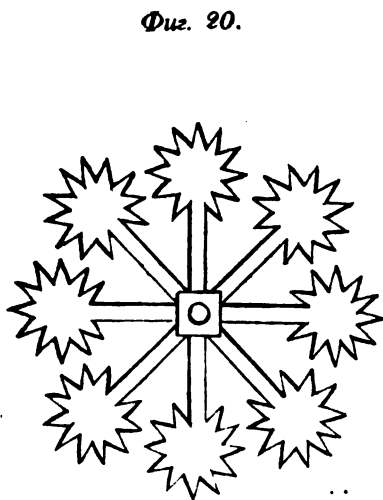
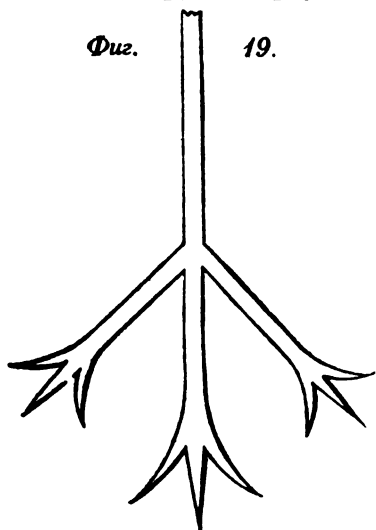
⁽¹⁾ Gechler's Phys. Wörterb. h. b. I, 1061.

⁽²⁾ Halle, Fortgesetzte Magie, B. VII, 130.

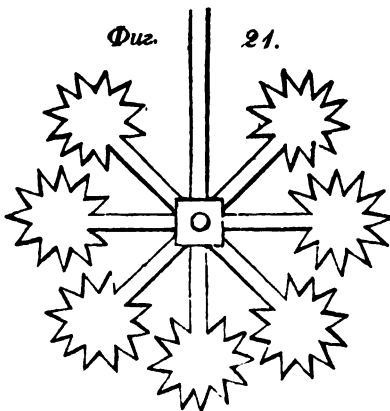
⁽³⁾ Gilbert's Annalen der Physik, B. VI, p. 389.

⁽⁴⁾ Gütle, Beiträge zur Erweiterung und Vervollkommnung der Electricitätslehre, Salzburg, 1813. XIII, Hauptstück, p. 210 et sqq.

ему одну изъ формъ представленныхъ на фигурахъ 19 и 20; если должно его кончить въ землѣ, въ особенности сухой, то для этого берутъ форму фиг. 21.

Бонтанъ ⁽¹⁾ советуетъ всю часть отвода погруженную въ землю или воду дѣлать изъ свинца. Въ новѣйшее время г. **Порро**, Сардинскій инженеръ, подтвердилъ

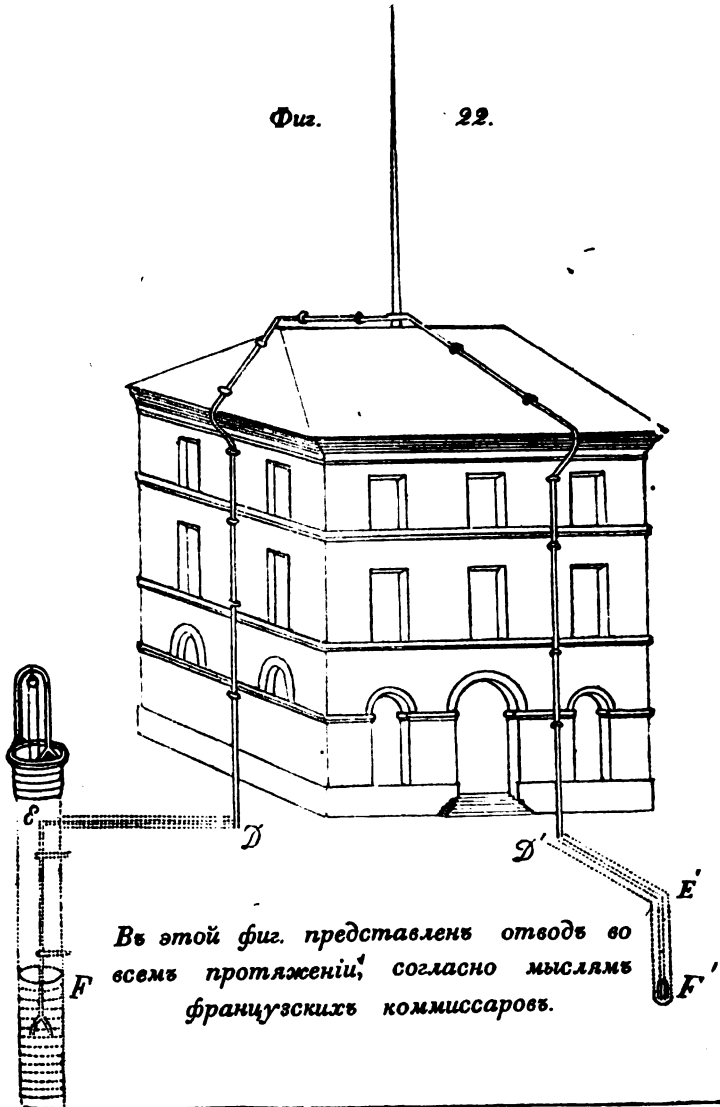
примѣромъ пользы употребленія этого металла. Въ Генуѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, свинцовая труба при громовомъ отводѣ нисколько не изменилась ⁽²⁾.

Если земля значительно сыръе на глубинѣ одного или двухъ футъ ниже того мѣста, гдѣ хотѣли окончить отводъ, то ясно, что надежнѣе погрузить отводъ до этого мѣста.

⁽¹⁾ *Bontemps*, Instruction, etc. .

⁽²⁾ Institut, journal universel des sciences, N° 839. — 30 Janvier 1850, p. 34.

Бертолонъ де Сенъ-Лазаръ (1) замѣтилъ, что опасно погружать отводы въ закрытые каналы, отводныя трубы и т. п. потому-что если въ нихъ попадетъ искра, то она можетъ зажечь находящіяся тамъ часто гремучіе газы и произвести черезъ это опасный взрывъ.

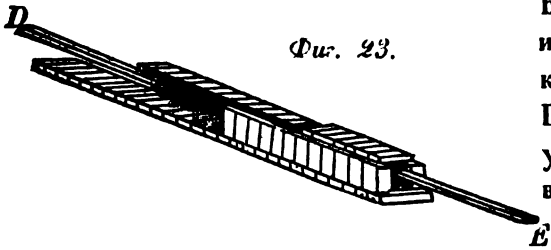

(1) *Bertholon de St-Lazare*, de l'électricité des météores, T. I, p. 261.

Займемся теперь описаніемъ устройства нижняго конца отвода въ томъ видѣ, какъ эго было предложено комиссарами Французской Академіи Наукъ.

Отводная полоса, проведенная вдоль зданія, погружается въ D или D' (фиг. 22) въ землю на 18 или 20 вершковъ ниже поверхности земли; тутъ ее загибають перпендикулярно ствѣнъ, по направленію DE или D'E' и продолжаютъ на 12 или 15 футъ (1) (4 или 5 метровъ), и потомъ погружаютъ въ колодезь EF или въ яму E'F' глубиною въ 12 или 15 футъ; если въ семь послѣднемъ случаѣ воды не окажется, и также если она не встретится выше, то очевидно дальнѣйшее погруженіе не нужно.

Желѣзо, погруженное въ землю, быстро ржавѣетъ и портится, по этому комиссары предложили заключить проводникъ въ ящикъ съ углемъ, который помѣщается между D и E или D' и E' (фиг. 22); онъ представленъ отдѣльно на фиг. 23. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: вырывши ровъ въ 20 или 22 вершка глубины, кладутъ въ него рядъ кирпичей плашмя, по краямъ коихъ располагають другіе два ряда ребромъ, покрывають слоемъ обожженнаго угля (2) (braise de

Фиг. 23.

boulangier) въ 1 верш. или въ $1\frac{1}{2}$, потомъ кладутъ проводникъ DE, засыпають снова углемъ и покрывають все новыми кирпичами.

(1) Франклинъ совѣтуетъ устраивать проводникъ погруженный въ землю, въ разстояніи 10 футъ отъ зданія. — Works, T. VI, p. 242—244.

(2) Паттерсонъ въ Филадельфій придумалъ другое средство предохранять погруженный отводъ въ землю; онъ совѣтуетъ окружить его черной мыловкой, предварительно приведенной въ состояніе тѣста съ расплавленной сѣрой, наподобіе того, какъ дѣлають тѣсто для обыкновенныхъ карандашей. — Rapport fait à l'Institut national sur les paratonnerres le 2 Nov. 1807. *Bon-temps*, Instruction etc. p. 23.

Для этого ящика можно вместо кирпичей употребить черепицы, камень или даже дерево. *Гей-Люссакъ* говоритъ, что желъзная полоса, окруженная такимъ образомъ углемъ, сохраняется безъ измѣненія въ продолженіе тридцати лѣтъ. Дѣйствіе угля при этомъ впрочемъ не ограничивается тѣмъ, что предохраняетъ желъзо отъ окисленія, — онъ самъ, какъ хорошій проводникъ электричества, способствуетъ проведенію молніи въ землю.

По выходѣ изъ этого ящика, проводникъ продолжается до воды, въ которую, при наименьшей глубинѣ ея, онъ долженъ погрузиться по крайней мѣрѣ на 2 фута. Оконечность его должна, какъ было сказано выше, состоять изъ трехъ или болѣе вѣтвей.

Это погруженіе отвода въ уголь имѣетъ противника въ *Реймарусъ*. Онъ предлагаетъ взять за правило, по всему протяженію отвода, и въ особенности при его нижнемъ концѣ, удалять его отъ легко воспламеняющихся предметовъ ⁽¹⁾; по этому присутствіе угля сопряжено, по его мнѣнію, съ опасностью. Вообще, какъ сказано выше, онъ возстааетъ противъ всякаго погруженія отвода въ землю ⁽²⁾.

Если вблизи зданія, продолжаютъ комиссары Французской Академіи, нѣтъ колодезя, въ который можно бы было погрузить отводъ, то его проводятъ въ яму отъ 7 до 15 футовъ глубиной и въ 5 или 6 вершковъ въ діаметръ, наполненную прокаленнымъ углемъ, если же возможно, должно стараться дать этой ямѣ болѣе значительный діаметръ, и углубить ее по крайней мѣрѣ на 15 футъ, если не найдутъ воды выше. Проводникъ непременно долженъ оканчиваться нѣсколькими вѣтвями, каждая изъ нихъ должна быть тщательно окружена углемъ, если онъ не погружены въ воду.

Если же зданіе, которое хотятъ оградить громоотводомъ, находится въ весьма сухомъ мѣстѣ, или на каменистой почвѣ,

⁽¹⁾ *Hemmer*, Anleitung etc. § 113, 116, съ этимъ не соглашается.

⁽²⁾ См. еще: *Berichtigende Bemerkungen über Blitzableiter und deren Anlegung von Reimarus, Gilbert's Ann. der Physik*, V. IX. p. 476—477.

то должно проводнику дать длину вдвое большую противъ выше означенной длины, и если есть въ-близости вода, то, для большей безопасности, не должно жалеть желѣза.

Вообще для расположенія нижняго конца отвода, должно избирать мѣста самая низкія, самая сырыя, и направлять къ нимъ воду текущую съ крышъ во время дождя, для сохраненія ихъ въ постоянной сырости. Устройство нижней части отвода, имѣющее огромное вліяніе на дѣйствительность всего прибора, требуетъ вообще чрезвычайной рачительности.

Ф. 24. Если вмѣсто полосы отводъ состоитъ изъ проволочной веревки, то нижній конецъ его все-таки долженъ быть изъ полосы; металлическая веревка не могла бы сохраниться достаточно долго. Проволочной проводникъ соединяется тогда съ этой полосой, какъ представляетъ фиг. 24.

Унтербергеръ ⁽¹⁾ совѣтуетъ отъ нижняго конца желѣзной полосы провести свинцовую и опустить ее въ воду или въ сырую землю. Это было уже предложено Франклиномъ при описаніи отводовъ для пороховыхъ магазиновъ ⁽²⁾.

§ 5.

ОТВОДЫ ДЛЯ СЕВЕРНЫХЪ ЗДАНІЙ.

Основываясь на общемъ описаніи отвода, всякій конечно можетъ уже самъ примѣнить къ частному случаю истины принятыя наукой. Но есть нѣкоторые случаи, встрѣчающіеся чаще и въ коихъ опытность приобрѣла кое-какія свѣдѣнія. Описанію нѣкоторыхъ такихъ выводовъ посвящены слѣдующіе параграфы.

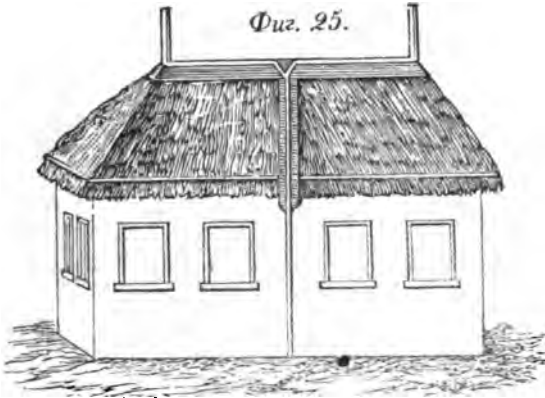
Въ Германіи, въ особенности въ сѣверной, весьма значительное количество крышъ дѣлается изъ соломы и камыша; это имѣло слѣдствіемъ желаніе придумать способъ вѣрный

⁽¹⁾ L. c.

⁽²⁾ Franklin's Works, T. V, p. 433.

для огражденія ихъ отъ молніи, конечно еще болѣе опасной для нихъ, нежели для металлическихъ и даже для деревянныхъ крышъ.

Реймарусъ и другіе нѣмецкіе ученые совѣтуютъ въ этомъ случаѣ устраивать на обоихъ концахъ крыши тупые стержни въ 4 фут. длины (фиг. 25); если вся крыша изъ соломы, то

полагаютъ болѣе надежнымъ покрыть самый верхъ ея досками, по коимъ уже располагаютъ полосу, соединяющую между собою стержни. Внизъ по крышѣ отводы также проводятся по доскѣ, лежащей на соломѣ,

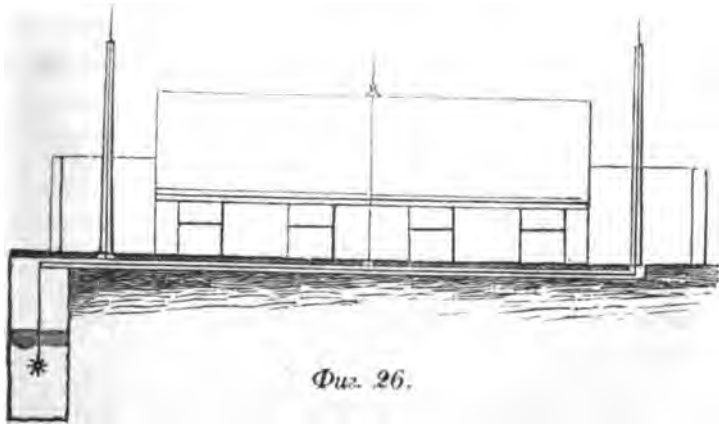
и продолжающейся по крайней мѣрѣ на 1 футъ дальше края соломы. Отъ этого мѣста отводъ, какъ всегда, проводится до земли. Обыкновенно устраиваютъ отводныя полосы по обѣимъ сторонамъ крыши. Въ большей части случаевъ это устройство оказывается совершенно достаточнымъ. Для малыхъ зданій конечно можетъ быть довольно одного стержня. Если на крышѣ находится труба, то ее непременно должно оградить металлически и соединить со стержнемъ или отводной полосой. Въ герцогствахъ Шлейзвигскомъ и Голштейнскомъ многія сельскія зданія, огражденные такимъ образомъ; сохранились неповрежденными въ продолженіи многихъ лѣтъ.

§ 6.

ОТВОДЫ ДЛЯ ПОРОХОВЫХЪ МАГАЗИНОВЪ ⁽¹⁾.

Построеніе отводовъ для пороховыхъ магазиновъ производится совершенно согласно съ правилами подробно изложенными выше, при общемъ описаніи отводовъ, только при этомъ частномъ случаѣ должно обратить особенное вниманіе на то, чтобы проводникъ былъ совершенно непрерывенъ на всемъ протяженіи и чтобы проводимость между отводами и землею была сколь возможно точная. Малѣйшее прекращеніе, этой непрерывности можетъ имѣть слѣдствіемъ образованіе искры, въ другомъ мѣстѣ можетъ быть не опасной, но при пороховыхъ магазинахъ, часто не только внутри ихъ, но и съ наружи покрытыхъ пылью мякоти, она можетъ произвести воспламененіе и даже взрывъ всей пороховой массы.

Устрашенные этимъ, комиссары Французской Академіи совѣтуютъ устраивать стержни и отводы не при самомъ магазинѣ, а въ разстояніи 6 или 9 футовъ отъ него на мачтахъ (Фиг. 26). Стержнямъ достаточно дать длину въ 6 футовъ, но самыя мачты эти должны возвышаться надъ зданіемъ на 12 или 15 футовъ.

Фиг. 26.

(¹) Я весьма жалѣю, что не могу пользоваться сочиненіемъ *Петро Турини*, гдѣ на этотъ случай обращено особенное вниманіе;—

Въ первый разъ такое устройство было предложено самимъ *Франклиномъ*; онъ полагалъ только, что мачта, къ которой прикрѣпляется отводъ, должна возвышаться по крайней мѣрѣ на 15 или 20 футъ надъ вершиною магазина, и и что къ ней должна быть приставлена желѣзная полоса, цѣльная, заостренная при вершинѣ и имѣющая 1 вершокъ въ поперечникъ ⁽¹⁾.

Бонтанъ считаетъ отводы на мачтахъ весьма надежными для пороховыхъ магазиновъ, но по причинѣ расходовъ, которыхъ они требуютъ, полагаетъ, что должно сначала на практикѣ убѣдиться въ необходимости ихъ ⁽²⁾.

Весьма полезно также при пороховыхъ магазинахъ умножить число отводовъ болѣе нежели гдѣ-нибудь, отъ того что паденіе молніи можетъ причинить тутъ несравненно болѣе вреда, нежели гдѣ-либо.

Если же пороховой магазинъ очень высокъ, если онъ состоитъ изъ башенъ, тогда устройство мачты, для поддержанія отводовъ, дѣлается затруднительнымъ, по причинѣ расходовъ и трудности дать имъ достаточную твердость; въ семъ случаѣ комиссары сами отвергають стержни и предлагаютъ отводъ, состоящій изъ двойнаго проводника, преимущественно изъ мѣди, устроеннаго на самомъ зданіи и оканчивающагося при вершинѣ шаромъ. Таковъ проводникъ, говорятъ они, хотя не распространяетъ свое дѣйствіе дальше самаго зданія, не способенъ притягивать молнію издали, но все-таки пред-

сочиненіе, писанное на итальянскомъ языкѣ, посвященное *Франклину* и печатанное въ Венеціи въ 1780 году. — См. письмо *Турини* къ *Франклину*: *Franklin's Works*, v, VI, p. 424—426.

⁽¹⁾ *Franklin's Works*, v. V, p. 407.

⁽²⁾ *Bontemps*, *Instruction sur les paratonnerres*, p. 13.

ставляетъ ту выгоду, что, при паденіи молніи на зданіе, онъ проведетъ ее безвредно до земли. Они также полагаютъ, что высокія деревья, расположенныя вокругъ зданій на разстояніи 15 или 18 футъ, могутъ предохранитъ его отъ молніи.

Реймарусъ полагаетъ, что для пороховыхъ магазиновъ достаточно отводовъ, устроенныхъ по системѣ, предложенной для сельскихъ зданій (§ 5). Если въ магазинѣ, или, что еще опаснѣе, въ его погребахъ находится значительное количество металла, то отводъ долженъ быть опущенъ въ землю сколь возможно дальше отъ таковыхъ мѣстъ. Весьма хорошо на разстояніи 10 ф. отъ стѣны зданія вбить колъ и провести до него отводъ по доскамъ отъ вершины магазина; ясно, что вмѣсто кола можетъ служить для этой цѣли всякій заборъ и т. п. Если вода, открытая и текучая, находится въ большемъ разстояніи отъ отвода, то его можно провести до нея въ деревянныхъ трубахъ надъ землею. Но такъ какъ числа, точно выражающія кругъ дѣйствія такого отвода, не извѣстны, то лучше сохранять бомбы, гранаты и т. п. по возможности въ низкихъ зданіяхъ, которыя все-таки должны быть ограждены какъ было описано выше.

Ренье ⁽¹⁾ предложилъ систему отводовъ изъ металлическихъ веревокъ, для высокаго пороховаго магазина; она можетъ быть приведена въ исполненіе съ большими преимуществами ⁽²⁾.

(1) Rapport fait à l'Institut National sur un projet de disposition des parties d'un paratonnerre pour un magasin à poudre le 6 Nivose an 8.—*Bontemps*, Instruction etc. p. 36—58.

(2) См. о предосторожностяхъ при устроеніи громовыхъ отводовъ на пороховыхъ магазинахъ: *Franklin's letter to Major Dawson, 1772, on the security of the powder-magazines at Purfleet, Works, v. V, p. 427—430.*—Report on lightning conductors for the powder-magazines at Purfleet, drawn by *Franklin*, l. c. v. V, p. 430—434.

§ 7.

ОТВОДЫ ДЛЯ ЦЕРКВЕЙ.

Куполы церквей и колокольни, обыкновенно значительно возвышающіеся надъ всеми окружающими зданіями и предметами, представляютъ для отвода, устроеннаго при вершинѣ ихъ, большой кругъ дѣйствія; по этому здѣсь не требуется чтобы стержни возвышались надъ ними на столько, какъ приверженцы ихъ считаютъ это необходимымъ при зданіяхъ съ низкой и длинной крышей. Не смотря на это, французскіе комиссары все-таки совѣтуютъ устраивать надъ ними весьма острые стержни въ 3 и до 5 ф. надъ самыми крестами, находящимися на вершинѣ ихъ. Впрочемъ они тутъ же прибавляютъ, что если представляются затрудненія для устройства этихъ стержней, то можно обойтись и безъ нихъ; въ этомъ случаѣ достаточно будетъ устроить тщательное сообщеніе между подошвой каждаго креста и землей.

Если церковь не предохранена отводомъ, устроеннымъ на колокольнѣ, то огражденіе ея производится какъ при обыкновенномъ зданіи ⁽¹⁾.

§ 8.

ОТВОДЫ ДЛЯ КОРАБЛЕЙ.

Для огражденія корабля, стержень ставится надъ гротъ-мачтой. Прикрыпленная къ нижнему концу его желѣзная

(1) См. Описаніе отвода на Стразбургской соборной церкви, и оказанную имъ явную пользу 10 іюня 1845 г.—Ann. de Chimie et de Physique 3-ème série, v. XIII, p. 517 et sqq.

полоса спускается вниз и оканчивается крючкомъ или кольцомъ, къ коему привѣшивается проводникъ, состоящій обыкновенно изъ металлической веревки, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ прикрѣпляется къ канатамъ, и соединяется у борта съ металлической полосой, проведенной до мѣдной обшивки корабля. На судахъ незначительной длины устраиваютъ лишь одинъ отводъ на большой мачтѣ, на большихъ еще другой на фокъ-мачтѣ; устройство отводовъ на каждой мачтѣ производятъ совершенно одинаково (1).

§ 9.

О ПРЕДОХРАНЕНІИ ОТЪ ГРАДА.

Нашедши средство предохранять зданія отъ паденія на нихъ молніи, многіе ученые хотѣли также сыскать средства защиты отъ града. — но до сихъ поръ ничего не сдѣлано существенно важнаго касательно этого вопроса. Хотя наши объясненія образованія града основаны болѣе на догадкахъ (2), но можно сказать почти утвердительно, что элек-

(1) *Вилліамъ Харрисъ* въ 1851 г. представилъ на Лондонскую выставку проектъ устройства громовыхъ отводовъ на корабляхъ. Этотъ проектъ принятъ англійскимъ правительствомъ, и приведенъ въ исполненіе на военныхъ корабляхъ. Онъ состоитъ въ томъ, что нижній конецъ проводника не пускается черезъ бортъ, а соединяется съ мѣдными листами, коими обшито дно корабля.—См. примѣчаніе *Дюпена* къ рапорту *Пулье* о громовыхъ отводахъ. Institut, N° 1095, 28 дек. 1854, р. 445.

(2) Градъ можно объяснить двумя гипотезами, совершенно противорѣчащими: во-первыхъ, токъ воздуха, насыщенный водяными парами, мгновенно попадаетъ на большомъ возвышеніи на пространство, температура коего весьма низка: вода замерзаетъ—образуется градъ;—во-вторыхъ, облако, состоящее изъ круп-

тричество не есть причина, а следствие образованія града. Изъ этого явствуетъ, что проводники электричества не могутъ служить защитой отъ града, — къ-тому же, по всѣмъ наблюденіямъ и предположеніямъ, градъ рѣдко падаетъ тамъ, гдѣ онъ образовался, но увлеченный бурнымъ вѣтромъ, идетъ уже готовый опустошать (*) весьма отдаленныя страны, и ясно, что никакія средства не могутъ препятствовать его паденію.

Я не стану описывать теорій града и предложеній, дѣланныхъ уже въ 1776 года, чтобъ предохраниться отъ онаго (*), предложеній, между коими *Лапостолово* (*) шарлатанство въ-несчастію играло такую важную роль.

Я выше старался доказать, что громовые отводы, устроенные на точныхъ и безсомнѣнныхъ заковахъ, никакъ не способны разряжать тучи, и по этому острые стержни совершенно бесполезны, но что, когда грозвое облако разряжается электричествомъ земли, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится

ныхъ капель, мгновенно встрѣчаетъ сильно нагрѣтый токъ воздуха—градъ образуется наподобіе того, какъ насъ научилъ *Бутини* замораживать воду въ раскаленномъ платиновомъ тиглѣ.

(†) Всѣмъ извѣстно, что въ природѣ мало такихъ грозныхъ бичей, какъ градъ; изъ тысячи примѣровъ приведу одинъ несомнѣнный: въ 1788 году одна градоносная буря сдѣлала во Франціи вредъ, оцѣненный слишкомъ въ 25 милліоновъ франковъ.

(*) Желаящій можетъ съ любопытствомъ прочесть въ *Gehler's Physical. Wörterb. neu bearbeitet*, B. V, p. 82 et sqq, статью: *Hagelableiter*—*Manuel d'électricité atmosphérique par Murray*, trad. par *Riffault*, Paris (*Rolet*). 1831, p. 147 et sqq. Защищеніе градовыхъ отводовъ, рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи И. В. Экономическаго Общества, 30 октября 1826 года, членомъ онаго Д. С. С. *Стойковичемъ*, С.-Петербургъ, 1826; и пр.

(*) *Lapostolle*, traité des parafoudres et des paragrèles en cordes de paille, 1820.

металлическій непрерывный проводникъ, зданіе предохранено совершенно отъ ударовъ той части облака, которая находится надъ нимъ. Если дѣйствительность самыхъ громовыхъ отводовъ такъ ограничена, то ясно, что градоотводы могутъ только быть произведеніями игриваго воображенія.

§ 10.

ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Въ вышеизложенной статьѣ я старался вести сколь возможно параллельно изложеніе двухъ до сихъ поръ соперничающихъ системъ громовыхъ отводовъ. Мнѣ самому не удалось на опытѣ изучить преимущество той или другой, — и рѣзкое мое пристрастіе къ системѣ отводовъ безъ стержней, въ особенности къ системѣ *Реймаруса*, основано единственно на опытахъ и наблюденіяхъ другихъ, тщательно изученныхъ. «Тѣ, которые излагаютъ науку, говоритъ великій *Бейконъ* ⁽¹⁾, «бываютъ эмпирики или догматики: первые, подобные муравьямъ, собираютъ все и пользуются имъ; другіе же, какъ пачуки, черпаютъ свои произведенія въ себѣ самихъ; участь «пчелъ средня между ними: онѣ поглощаютъ вещество цвѣтовъ сада и полей, и преобразуютъ его уже своей собственной силой». Скучна и часто неблагоприятна работа ученаго, ограничивающаго свою дѣятельность передачею произведеній другихъ, свой умъ въ выраженіяхъ ума другихъ. Но есть вопросы, въ коихъ цѣль: быть полезнымъ, можетъ придать бодрости и таковой работѣ. Вопросъ, которымъ я занялъ читателя, такого рода, что сысканіе новыхъ явленій, до него касающихся, даже повѣрка старыхъ наблюденій, превышаетъ многимъ средства частнаго человека, требуетъ изслѣдованій поддержанныхъ съ одинаковою тщательностью, съ одинако-

(1) См. эпиграфъ на третьей страницѣ.

вымъ вниманіемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но такъ какъ уже теперь существуетъ довольно значительный запасъ несомнѣнныхъ фактовъ, и какъ этотъ вопросъ, интересный для всѣхъ и для всѣхъ важный, не былъ изложенъ на нашемъ языкѣ въ новѣйшее время, то я, ни сколько не надѣясь на достоинства излагателя, а убѣжденный въ цѣнности изложеннаго, рѣшился передать печати эту статью.

Полагаю, что читатель, послѣ изложеннаго выше, приведенъ къ слѣдующимъ заключеніямъ, опредѣляющимъ какъ важность отводовъ, такъ и пользу, которую можно отъ нихъ ожидать:

1. Причина молніи есть несомнѣнно электричество облаковъ, разряжающееся или между облаками, или между ими и землей; мы можемъ въ семъ последнемъ случаѣ, посредствомъ проводниковъ, облегчить это разряженіе, и сдѣлать покойнымъ и невреднымъ для возвышенныхъ предметовъ, находящихся на землѣ ⁽¹⁾.

2. Мысль *Франклина*, нашедшая горячихъ приверженцевъ во Франціи, разряжать облака посредствомъ острыхъ стержней, если не совершенно противна истинѣ, то по крайней мѣрѣ не нашла до сихъ поръ достаточныхъ доказательствъ для своего подтвержденія ⁽²⁾.

(1) Il importe de bien remarquer que jamais la foudre ne s'élance sans savoir où elle va, que jamais elle ne frappe au hasard: son point de départ et son point d'arrivée, qu'ils soient simples ou multiples, se trouvent marqués d'abord par un rapport de tension électrique, et au moment de l'explosion, le sillon de feu qui la suit, allant à la fois de l'un à l'autre, commence en même temps par ses deux extrémités.» Rapport de Pouillet, Institut, 28 décembre 1854 N° 1095, p. 443.

(2) Man ist jetzt allerdings ganz von der Idee zurückgekommen, durch die Hülfe der Blitzableiter die Gewitterwolken selbst

3. Для того, чтобы предохранить зданіе отъ паденія на него молніи, достаточно огражденія вершины его и всѣхъ возвышающихся и выделяющихся частей посредствомъ металлическихъ полосъ (лучше всего свинцовыхъ), проведенныхъ до земли или текучей воды и представляющихъ совершенно непрерывную линію.

Изъ этого мы можемъ заключить, что громовой отводъ есть приборъ, устраиваемый надъ зданіями съ тѣмъ, чтобы провести удары молніи къ землѣ ⁽¹⁾.

Многіе уже приведенные примѣры доказываютъ, что зданія предохраняются совершенно, если при устройствѣ отвода соблюдены всѣ правила, на коихъ основана его годность ⁽²⁾. Если мы встрѣтили нѣсколько примѣровъ паденія молніи на

zu entkräften und den Blitz zu verhüten; um so gewisser kann man aber durch sie, wenn sie nur zweckmässig angelegt sind, den Anfall desselben auf Gebäuden unschädlich machen.— *Pfaff, Gehler's Physikal. Wörterb. neu bearb. B. I, p. 1091*

(1) Опредѣленія отводовъ во всѣхъ сочиненіяхъ, защищающихъ теорію притягательныхъ стержней, вообще не точны и даже невѣрны, на прим. un paratonnerre est un conducteur électrique armé d'une pointe et plongé dans le réservoir commun. (*Bontemps, l. c. p. 4*); longue tige métallique très pointue, placée sur les corps, les édifices qu'on veut préserver de la foudre (*Encyclopédie Methodique, Physique, v. IV, p. 241*) и пр. и пр.—Лучшее еще опредѣленіе *Гей-Люсака*: Un paratonnerre est un conducteur que la matière électrique de la foudre choisit de préférence aux autres corps environnants pour se rendre dans le sol et s'y répandre.—*Annal. de Chim. et de Phys. v. XXVI, p. 262.*

(2) La ville de Gènes, située sur la crête des contreforts qui de l'Apennin descendent à la mer, est sujette à de violents orages, pendant lesquels la foudre produirait les plus grands ravages sans les innombrables paratonnerres, dont la ville, les villas des environs, et les fortifications, sont pourvues.— Notice sur les paratonnerres, par *Porro*, Institut, N° 839, 30 Janvier 1850, p. 34.

зданія, предохраненныя отводами, какъ Пурфлитовскіе магазины, башня въ Дюссельдорфѣ, и проч., то причину всегда можно сыскать или въ недостаточно тщательномъ устройствѣ отводовъ, или въ самыхъ правилахъ, на коихъ основано ихъ построение.

Въ сѣверной части Россіи, конечно, громовые отводы не имѣютъ большой важности по причинѣ рѣдкихъ грозъ; въ южной же, умноженіе числа ихъ можетъ безсомнѣнно предупредить большія несчастія.

Я не стану разбирать мыслей и возраженій, къ-несчастью, довольно многихъ писателей, возставшихъ противъ отводовъ ⁽¹⁾, потому что онѣ не достойны критическаго изслѣдованія; какъ на прим. мнѣнія, что зданіе съ отводомъ опасно для сосѣднихъ ⁽²⁾; что они, не давая грозъ разрядиться, мѣшаютъ очищенію воздуха, и могутъ причинить эпидемическія болѣзни ⁽³⁾, и т. п. Такого рода сужденія опровергаются сами собою, и ни одинъ человекъ, сколько-нибудь ознакомленный съ наукой, не можетъ быть ими приведенъ въ заблужденіе.

(1) См. между прочимъ: Neuere Einwendungen gegen.... die Blitzableiter, *Gehler's Phys. Wörterb neu bearb. v. I, p. 1079 et sqq.*—Beiseitigung einiger Einwürfe gegen die Blitzableiter. и пр. id. l. c. p. 1089 et sqq.

(2) Это мнѣніе *Вольфа, Gilbert's, Annalen der Physik, V. VIII. p. 74.*

(3) Это полагаетъ *Д-ръ Пелисонъ, Halle, Fortgesetzte Magie, V. V, p. 423—425.*

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о самой дорогѣ въ Севастополь. На всякой дорогѣ не безъ приключеній. Я выѣхалъ изъ Кишинева съ однимъ гусарскимъ офицеромъ 5 февраля, ночью. Мы отправлялись съ разными порученіями. Дорога была ни то, ни се: ѣздили на саняхъ и въ телѣгѣ. Мы предпочли сани, и чуть не раскаялись: рѣка Быкъ, которую надо переѣзжать тотчасъ по выѣздѣ изъ города, — чужая весна, разыгралась, и версты двѣ мы тащились водою, едва не зачерпывая въ сани. Оставался какой-нибудь вершокъ. Волны плескали такъ близко, что можно было касаться до нихъ рукой, нисколько не нагибаясь. Разумѣется, эти двѣ версты показались намъ за десять. Это было самое несносное путешествіе. Но за то, выбравшись изъ волнъ, мы ударили по всѣмъ по тремъ. Дорога пошла ровнымъ косогоромъ. По сторонамъ тянулись бессарабскія помогія горы, которыя въ потьмахъ трудно было разглядѣть: стояли въ воздухѣ какіе-то туманные чертежи. Къ утру уже мы были въ Бендерахъ. При взглядѣ на старую цитадель, построенную Генуэзцами, — мнѣ пришли на мысль знакомыя всякому имена. Говорятъ, недалеко отъ города, въ одной деревнѣ, уцѣлѣлъ еще тотъ домъ, въ которомъ Карлъ XII отстрѣливался отъ Турокъ. — Мы долго двигались по длинной гати, между

деревьями. Вдали видно было китѣвіе крѣпостныхъ работъ: повсюду возводились баттарей; каруцы, нагруженныя военными снарядами, то въѣзжали въ крѣпость, по временнымъ мостамъ, то выѣзжали оттуда; съ валовъ глядѣли пушки. Въ концѣ гати насъ ожидала двоякая переправа: Днѣстръ уже тронулся, и часть льда прошла. Наканунъ переправляли на поромѣ. Но въ ночь явились новыя льдины, и у самаго перевоза сдѣлалась *зажора*, т.-е. затерло ледъ. Не много ниже, по чистому, ходили лодки, но большая часть проѣзжающихъ переправлялась прямо пѣшкомъ. Такъ сдѣлали и мы. Нѣсколько солдатъ взяли наши вещи, и мы гуськомъ перешли черезъ ледъ. Подставы лошадей, какъ водится, не было. Какой-то малороссіянинъ взялся сбѣгать въ селеніе Перканъ, гдѣ была станція, — всего какую-нибудь версту. Тѣмъ временемъ я накинулъ въ бумажникъ старую шапталель. Кажется, башни прежде кончались зубцами: видны ихъ слѣды; и притомъ крышечки, накиннутыя сверху, какъ-то свѣжи и новы.

Скоро прѣѣхала тельга особеннаго колоніальнаго устройства, съ откиднымъ задкомъ на цѣпяхъ. Одинъ солдатъ замѣтилъ другому, смѣясь: «У насъ въ Россіи въ такихъ-то навозъ возятъ!» Но тутошній мужикъ обидѣлся и сказалъ: «Ахъ ты навозъ, навозъ! эту тельгу на тридцать цѣлковыхъ не купишь! навозъ, навозъ!» — Въ самомъ дѣлѣ, тельва была хорошая, чистой нѣмецкой работы, съ тонкими колесами на желѣзныхъ осяхъ. Но она не спасла насъ отъ невыносимыхъ толчковъ по колоти, или, какъ тамъ называютъ, по *грудѣ*. Никогда я не испытывалъ такихъ мученій въ дорогѣ. Между тѣмъ въ воздухъ начинало теплѣть. Взвивались жаворонки и слышалось вѣяніе весны. Мы сбросили шубы; но къ вечеру захолодало опять. Въ Кучурганъ, на второй станціи отъ Бендеръ, предстояла новая переправа. Никто не взялся переправить ночью, и намъ пришлось переночевать на станціи. Утромъ съ верховымъ впереди, мы поѣхали по узкой греблѣ въ бродъ. Говорили намъ, что бѣда свернуть съ гребли: направо и налево омутъ. Въ самомъ

дѣль волны крутились и шумѣли по сторонамъ. Однако мы переправились благополучно. Опять *груда* и мученія! Въ колоніи Мангеймъ, въ сорока верстахъ отъ Одессы, извозчикъ указалъ намъ на русскій трактиръ, гдѣ можно было перевести духъ. Русскій бородачъ-хозяинъ пилъ чай. Кругомъ все было по-русски; на стѣнахъ лубочныя картинки духовнаго содержанія. Словомъ, это былъ русскій островокъ на нѣмецкомъ морѣ. Измѣняла одна печь, сложенная въ видѣ какого-то кувшинчика.

Черезъ три станціи мы подѣхали къ Одессѣ. Подѣздъ былъ самый неудачный. Все было забрызгано грязью. Длинное предместье Молдованка показалось еще длиннѣе. Мы все дожидались Одессы, восхваляемой Одессы, и моря; не было ни Одессы, ни моря! Сѣрѣя однообразныя зданія изъ мѣстнаго бута, который замѣняетъ тамъ кирпичъ, тянулись направо и налево. Мы ѣхали какимъ-то болотомъ, а не мостовой. Вотъ и Одесса! огромныя зданія, начавшія выростать одно за другимъ, показали намъ, что мы уже въ городѣ. Пошли выѣски съ русскими и итальянскими надписями. Улицы также переводились на итальянскій языкъ: *конная* — *estrada* *copla*... А вотъ и море, и статуя Дюка!... Европейская гостиница, у которой мы остановились, — одно изъ лучшихъ зданій въ городѣ, съ прекрасной рестораціей. Насъ обдало блескомъ и сіяніемъ. Отдохнувъ минуту, среди всевозможнаго комфорта, я побѣжалъ на Щеголевскую батарею, которая была не далеко подъ горой, на краю небольшой косы. Кругомъ шумѣло опустѣлое море. Щеголевская батарея очень проста, съ земляными траверсами. По дорогѣ я видѣлъ много сваленнаго камня. Готовятся новыя укрѣпленія. На зданіяхъ, идущихъ по горѣ, замѣтно нѣсколько пробоинъ ядрами. Статуя Дюка тутъ же, когда поднимешься на знаменитую Воронцовскую лѣстницу. Мѣсто, гдѣ отлетѣлъ кусокъ въ осаду 11 апрѣля, задѣлано металломъ со вставкою ядра. Мы выѣхали ночью. Первые двѣ станціи идутъ берегомъ моря, подѣ самыхъ волнъ. Казалось, волны плескали въ колеса телеги, и шумъ ихъ отдавался въ тишинѣ,

*

подобный раскату по мостовой тысячи экипажей. Было что-то особенное, что-то приятное, укачивающее въ этомъ ночномъ невидимомъ гуль... но вотъ гудящiе раскаты стали затихать. Дорога повернула влѣво. Мы прѣхали въ селенiе Варваровку и опять къ ночи, а надо было переправляться черезъ Бугъ, версты двѣ по тонкому льду, который весь былъ въ окошкахъ. Опять не нашлось проводниковъ, и мы волей или неволей переночевали въ Варваровкѣ. На зарѣ явилось шесть человекъ такъ называемыхъ лоцмановъ, въ башлыкахъ, въ толстыхъ суконныхъ сермягахъ, и съ особенными желѣзками подъ сапогами, чтобы не раскатываться по льду. Они взяли наши вещи, и мы пошли гурьбою къ рѣкѣ. Но едва мы ступили на ледъ, какъ насъ понесло вѣтромъ. Никакъ нельзя было держаться, даже съ помощью подкованныхъ лоцмановъ; мы съѣли на салазки, куда сложены были наши вещи, — и покатились. Везти было легко по причинѣ дувшаго въ спину вѣтра. Мы служили парусомъ. Пятеро лоцмановъ, ухватившись за веревки, не шли, а бѣжали, подгоняемые санями Шестой, съ небольшимъ багромъ въ рукѣ, шель, катясь, впереди, и указывалъ дорогу, безпрестанно пробуя ледъ. Скоро мы очутились среди рѣки, на ледяной и, казалось, безконечной равнинѣ. Кругомъ мело и крутило снѣжную пыль, и за нею нельзя было разглядѣть береговъ. Закутавшись въ шубу, я смотрѣлъ на синiй, прозрачный ледъ, по глади котораго несло вьющимися полосами мелкiя снѣжины, и приглядѣвшись казалось, что мимо насъ несутся волны... но вотъ, сквозь снѣжную пыль, стали являться зданiя Николаева, и деревья, похожiя на неподвижный дымъ. Мы причалили, и оставивъ салазки подъ горой, начали подыматься въ гору великолѣпнымъ садомъ, мимо бесѣдокъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Николаевъ произвелъ на насъ самое выгодное впечатлѣнiе: свѣтлые дома, прямыя, широкiя улицы; не потому ли все это такъ свѣтилось, что кругомъ сiялъ только-что выпавшiй снѣгъ, которому мы чрезвычайно обрадовались. Разумѣется, явсь на станцю, мы потребовали сани. Такъ-какъ къ снѣгу завернулъ и морозъ, то надо было

кушитъ теплые сапоги, или кенги. Но кенгъ мы не нашли въ цѣломъ Николаевѣ и обулись въ медвѣдя. За Николаевымъ становится замѣтнѣе однообразіе Херсонскихъ степей. Вплоть до Симферополя идетъ какъ бы одна и та же степь, изчерченная безчисленными дорогами, съ возвышающимися кое-гдѣ известными курганами. На станціяхъ не спрашивайте ничего: съ трудомъ найдется кусокъ чернаго хлѣба. Лѣнь и сонъ царствуютъ на всемъ необъятномъ пространствѣ степи. Лѣнь даже брать деньги. На бѣду мы попали туда въ такую пору, когда нельзя было скоро ѣхать. Чудеса происходили на станціяхъ. Это было переходное состояніе почтовыхъ дворовъ, отъ частныхъ лицъ къ казнѣ. Мы пересѣли въ телѣгу еще, можно сказать, среди зимы: степью, по сторонамъ большой дороги, лежалъ снѣгъ и былъ прекрасный санный путь. Пришлось опять колотиться *по грудѣ*. На бѣду ямщикамъ попался татаринъ, не говорившій по-русски, и не знавшій дороги. Въѣхавъ въ Перекопъ, онъ подвезъ насъ къ какому-то дому и сказалъ: *пушта!* то-есть почта. Но это оказался частный домъ, а почта была еще далеко. Лошади не довели и стали среди груды. Мы дошли пѣшкомъ и спросили, гдѣ трактиръ. Намъ указали черезъ дорогу на свѣтившееся зданіе. Мы перешли по мерзлымъ кочкамъ грязи. Нашимъ взорамъ предсталъ бильярдъ, на которомъ спалъ какой-то господинъ. Сонный трактирщикъ объявилъ, что ничего нѣтъ, все вышло! Мы вернулись на станцію и спросили у смотрителя: нѣтъ ли чего закусить? — Ничего нѣтъ! отвѣчалъ онъ. — Да нѣтъ-ли хоть чернаго хлѣба? — Нѣтъ! — На полу, у печки, лежалъ какой-то казакъ: онъ сдобрился, всталъ и сказалъ, что найдетъ хлѣба. Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ лопотъ. — А соли? — Сейчас! — За солью надо было бѣжать черезъ улицу. Онъ принесъ и соли въ горсти и высыпалъ на столъ. Мы успѣшили выѣхать. Безконечно тянулась степь съ своими станціями. На одной, какой-то добрый геній въ видѣ русскаго полковника предложилъ намъ франзоль, т. е. французскій хлѣбъ, и мы напильсь съ нимъ чаю. Тутъ же, откуда не возьмись нашъ обратный

курьеръ изъ Севастополя. Онъ далъ намъ жаренную куропатку и совѣтовалъ запастись съѣстнымъ въ Симферополь. Но въ Симферополь мы попали ночью. Однако достучались въ гостиницу *Золотога якоря* и добыли ветчины. За Симферополемъ виды измѣнились; показались горы и въ небѣ орлы. Къ Бахчисараю горы етали выше, а дорога труднѣе. Поминутно приходилось переѣзжать глубокіе горные ручьи. Десятки конскихъ труповъ разбросаны были по садамъ и въ поля. Къ-счастью, подъ самымъ Бахчисараемъ, — на ужасной станціи по глинистымъ косогорамъ, размытымъ тающими снѣгами, — намъ попался лихой ямщикъ, русскій и вмѣстѣ татаринъ. Онъ родился въ татарской деревнѣ, говорилъ бойко по-татарски, и имѣлъ нѣкоторыя татарскія ухватки, но смѣтливость въ немъ осталась русская. Удивительно спускалъ онъ въ ручьи, объѣзжалъ косогоры, крича на Русскихъ по-русски, по-татарски на Татаръ, которые шли при обозахъ, запряженныхъ волами и верблюдами. Онъ былъ боекъ на все. Зналъ названія горъ и переводилъ ихъ по-русски. «А знаешь ты Чатырдахъ?» — Какъ не знать! По-русски Палать-гора; но отсюда ее не видать, а видно съ Алминской станціи, и то въ яеную погоду! — Съ этимъ лихачемъ мы въехали въ Бахчисарай, ища глазами ханскихъ дворцовъ, съ ихъ садами и фонтанами. Но они были въ городѣ, который остался налѣво. Заѣзжать было некогда. На станціи, окруженной нѣсколькими домиками, какъ бы выселками изъ города, — мы велѣли переложить лошадей, а между-тѣмъ зашли къ жидамъ закусить. Какой-то офицеръ сидѣлъ уже за столомъ и завтракалъ. На окнѣ подлѣ него стояла машинка съ музыкой — вѣроятно купленная также у жида, которую онъ безпрестанно заводилъ. Только-что она перестанетъ, онъ сейчасъ въ карманъ за ключемъ, — тррр! тррр! — и пошла опять музыка. Жидовка подала намъ преизрядный супъ и жаркое. Мы пообедали исправно, и притомъ подлѣ музыку. Повхали, опять между горами, обгоняя безчисленные обозы. Виды становились лучше и лучше. И вотъ Дуванка, послѣдняя станція передъ Севасто-

полеми! Почтовый дворъ — длинный домикъ татарскаго покроя, съ черепичной крышей съ навѣсами и сзади высокая горы.

Село раскинуто ниже, въ лоцинѣ, домъ надъ домомъ, а за ними опять идутъ горы синей полосой, и по ней свѣтлѣющими столбами встаютъ съ низу пирамидальные тополи. Вся Дуванка просится въ картину. Мы поѣхали удивительными мѣстами. Направо, надъ нами высились горы, съ выдавшимися индѣ каменными утесами, на которыхъ были видны слѣды плескавшего въ нихъ когда-то моря. По гребнямъ иныхъ поднебесныхъ холмовъ, чернѣли низкіе, приземистые дубки, прищипившіеся подобно грибамъ. А налѣво, внизу, темнѣли сады, съ густовѣтвистыми грушами и чистымъ, веселымъ орѣхомъ. Посрединѣ бѣжала какая-то рѣчка, и разбросанныя хаты лѣпились по утесамъ; а за ними, дальше, горы и горы.... Но сердце билось, и намъ было не до видовъ. Неужели тутъ, сейчасъ, Севастополь? Непрїатели? осада? Мы въѣхали на горы и ожидали скоро увидѣть городъ. Оставалось верстъ шесть-семь, но Севастополь не появлялся. Казалось, мы въѣзжали на послѣднюю гору, за которой долженъ былъ открыться городъ; но за этой горой слѣдовала еще другая, выше, и еще испытаніе нашему терпѣнію. Городъ показывается не ближе какъ верстахъ въ четырехъ — Отдаленная гора и по ней разсыпаны строенія. Впереди синяя бухта съ кораблями. Направо и налѣво горы. Когда мы подъѣзжали, не было никакихъ выстрѣловъ, ничего. «Гдѣ же непрїатель? гдѣ наши?» Ящикъ-татарченокъ ничего не могъ намъ объяснить, и притомъ едва говорилъ по-русски. Сперва онъ указалъ на палатки влѣво и сказалъ: «вотъ тутъ Французъ!» А потомъ, поворочавшись немного, сказалъ: «нѣтъ, тутъ не Французъ, а Французъ тамъ!» Мы больше его не спрашивали, и все глядѣли на городъ, ожидая выстрѣловъ. Немного погодя, прямо противъ насъ, но очень далеко, какъ-бы за городомъ, взвилась бомба; потомъ взлетѣло еще двѣ-три въ перекрестку, слабый звукъ долетѣлъ послѣ. Мы все ѣхали прямо, спускаясь въ лоцину. Налѣво, очень близко, у бухты, показав-

лось нѣсколько домиковъ, похожихъ одинъ на другой. — Дорога поворотила вправо, и мы остановились у станціи, — довольно большаго каменнаго дома, съ огромными закопте-лыми окошками. Предполагалось много комнатъ, но комната, принадлежащая станціи, была одна, и что это за комната? Въ углу, направо, за досками, былъ ссыпанъ овесъ, въ дру-гомъ стояла кровать смотрителя; налѣво подъ окнами еще постель, на которой спалъ какой-то офицеръ; посерединѣ былъ устроенъ столъ, на окнахъ и по угламъ стояли ружья и полусабли. У печки, въ родѣ лежанки, сидѣло на разныхъ почтовыхъ тюкахъ и на чемъ попало нѣсколько офицеровъ въ шинеляхъ и въ фуражкахъ, или въ папахъ; кипѣлъ самоваръ, и виднѣлась бутылка съ ромомъ. Еще нѣ-сколько лежало на овсѣ. Полъ былъ каменный. Мы вынули изъ тельги вещи, бросили тутъ же въ кучу на полъ, и пошли являться по начальству.

Штабъ расположенъ въ одномъ изъ немногихъ од-нообразныхъ домиковъ, которые мы видѣли, подѣзжая, у бухты, налѣво. Въ остальныхъ помѣщаются госпи-тали. Затѣмъ идетъ небольшая площадь; пройдя ее, къ бухтѣ, налѣво же, стоятъ два каменныхъ сарая, тотчасъ за ними пристань, и домикъ въ одинъ этажъ, въ три окна, въ которомъ жилъ главнокомандующій. Отъ него, направо въ гору, четвертый номеръ укрѣпленія и рядомъ палатка, называемая *Одесской гостиницей*. Еще правѣ, по горѣ идутъ палатки торгующихъ разными съестными при-пасами. Тутъ же палатки одной роты Якутскаго полка; множество разныхъ экипажей — тарантасовъ, тельгъ, жидов-скихъ будъ, молдаванскихъ каруцъ, татарскихъ арбъ, на-ставлено тутъ же безъ всякаго порядку. Лошади, верблюды, волю кормятся подлѣ, и при нихъ безотлучно живутъ ихъ хозяева. Подъ возами лаютъ собаки. Вы видите вѣчное дви-женіе въ гору и съ горы къ бухтѣ, на пристани, и отъ бараконъ на ту же гору. Солдаты, ямщики, Татары, Молда-ваны и Русскіе снуютъ взадъ и впередъ, то пѣше, то вер-хами. Но больше всего солдатъ и офицеровъ. Поднявшись на

гору, мимо четвертаго укрѣпленія, вы увидите позади его большой оврагъ, по тамошнему *балку*, и новую бухту, на берегу которой разбросано нѣсколько домиковъ; потомъ гора и новая балка, и въ ней опять строенія и бухта. На выдавшихся мысахъ, огромными массами выдвигаются два укрѣпленія. Гораздо правѣе и ближе идетъ еще укрѣпленіе, называемое Сѣвернымъ — и вотъ *вся сѣверная сторона*. Но это не городъ: городъ за главной бухтой, его видно отовсюду, но до него двѣ версты водой, хотя и кажется ближе. Вы видите множество зданій, раскинутыхъ по горѣ и поднимающихся неровными зубцами по ея окраинѣ. Выше всѣхъ стоитъ библіотека. Сокровища ума царствуютъ надъ городомъ, не боясь никакихъ выстрѣловъ. Левѣе, почти прямо противъ сѣверной стороны идетъ еще гора, также покрытая строеніями. На третьей горѣ ихъ уже меньше. И наконецъ идутъ голыя горы, которыхъ возвышенныя точки заняты нашими и непріятельскими баттареями. Осады не видать: она тамъ за краемъ, и оттуда взлетываютъ бомбы.

Я отдѣлался ранѣе товарища и пошелъ въ Одесскую гостинницу. Хозяинъ палатки — между прочимъ нашъ военный маркитантъ — какъ-то скоро со мной познакомился. Его зовутъ Александръ Ивановичъ. Въ его палаткѣ чего хочешь, того просишь: по полу, по краямъ, стояли боченки съ виномъ, масломъ, икрой и селедками. На нихъ — банки съ огурцами, грибами, пикулями. На прилавкѣ, посерединѣ, громоздились ящики съ конфектами, сигарами, сухарями; подъ потолкомъ качалась рядами сушеная рыба, колбасы, харьковскіе крендели. Въ задней части палатки изъ трехъ кирпичиковъ сложена была печь, вѣчнодымящаяся: тамъ пекли блины, поджаривали рыбу.... Три расторопныхъ прикащика бѣгали изъ угла въ уголь, услуживая безконечнымъ посѣтителямъ, изъ которыхъ кто сидѣлъ, кто стоялъ. Найдти мѣсто было трудно. Два небольшихъ столика по обѣ стороны ширмъ, на которыхъ собирались ночевать куры, — были уже заняты. Александръ Ивановичъ устроилъ мнѣ пристанище на прилавкѣ и обѣщаль напоить чаемъ; а чай у него отличный,

московскій, и лучшая въ городѣ вода, чистая какъ стекло, пропускаемая сквозь машину. Съ тѣхъ поръ, какъ непріатели заняли рѣку, никто не беретъ изъ нея воды. Довольствуются колодцами. Но Александръ Ивановичъ отрылъ воду въ какой-то Голландіи, верстахъ въ пяти отъ города, откуда носятъ ему солдаты въ боченкахъ, и получаютъ за это по чаркѣ водки и кромѣ того особое награжденіе деньгами. Всѣмъ дѣло до Александра Ивановича, и всѣ его знаютъ. Онъ извѣстенъ даже всѣмъ сановникамъ города. Александръ Ивановичъ никогда не ночуетъ въ палаткѣ, потому-что тамъ холодно, а имѣетъ пріютъ на ночь на пароходѣ, а не то на кораблѣ. Александръ Ивановичъ всегда веселъ. Онъ не можетъ говорить съ вами безъ улыбки, нѣсколько плутоватой, выражающей больше самодовольствіе, нежели смѣхъ, больше «ты молъ тамъ что ни толкуй, а мы знаемъ, что знаемъ!» Костюмъ его—пальто, или шинель, подпоясанная крестъ на крестъ шарфомъ; на головѣ — особенный картузь, немного старомодный. Черезъ плечо перекинута сумка, гдѣ пропасть всякой мелочи, но онъ никому не даетъ, и умѣетъ всегда такъ открыть сумку, что вы не увидите денегъ, или увидите два двухгривенныхъ, и рублевою бумажку. «Вотъ послѣднія!» скажетъ вамъ Александръ Ивановичъ. Въ его сумкѣ двадцать перегородокъ.... Таковъ Александръ Ивановичъ. Онъ напоилъ меня чаемъ, и потомъ моего товарища, который между тѣмъ подошелъ. Взялъ съ насъ не дорого, дешевле кишиневскаго. Порція у него какъ и въ городѣ, по таксъ, установленной Остенъ-Сакеномъ—25 копѣекъ. Провизія свѣжая, прекрасная. Однако надо было проститься съ Александромъ Ивановичемъ и подумать о переправѣ. У насъ не было ни пароходовъ, ни кораблей для ночевки. Мы спустились прямо подъ гору, къ пристани, но шлюбки уже перестали ходить: было часовъ семь, послѣ этого часу запрещено плаваніе по бухтѣ. Мы постояли у моря, поглядѣли на чернѣющія массы кораблей, и пошли на станцію. Въ комнату, которая за два часа кипѣла народомъ, не было ни души. Я осмотрѣлъ вещи: они лежали какъ были положены. Немного спустя стали приходять тѣ

же офицеры и располагаться спать на овся. Мы съ товарищемъ легли тутъ же, и черезъ минуту заснули. Часа въ три утра меня разбудило какое-то движеніе и шумъ. Слышно было сильную стрельбу. Я всталъ и вышелъ за ворота; тамъ уже толпилась кучка народу. Встали два-три офицера и толковали, что бы значила эта стрельба; а солдаты, явившіеся откуда-то тутъ же, рассуждали такъ: «ишь ты расходился! то было смолкъ, а то опять! давно ужъ такъ не падали!» О непріятель говорятъ здѣсь обыкновенно въ третьемъ лицѣ: *онъ, палилъ, смолкъ...* Бомбы огненными полосами рѣзали небо, тамъ, далеко, на краю; а лѣвъе, на бугръ, шла частая ружейная перестрѣлка. Я поглядѣлъ немного, и ничего не понималъ и порядочно озлябши, воротился опять на овся, и опять уснулъ. Товарищъ мой и не просыпался. Мы встали утромъ довольно поздно и узнали, что было дѣло на нобомъ редутъ, у Килень-балки, и что наши крѣпко его побити. Взявши вещи, мы отправились къ переправѣ, но хотѣли зайти къ Александру Ивановичу. Солдаты, несшие вещи за нами, сказали, что будутъ ждать насъ тамъ, у пристани, въ сараѣ. Мы махнули рукой, и поднялись въ гору къ Одесской гостинницѣ.

Александръ Ивановичъ встрѣтилъ насъ разговоромъ о славномъ ночномъ дѣлѣ, и указалъ черезъ бухту мѣсто, гдѣ дрались. Толпившіеся въ палаткѣ офицеры только и говорили, что объ этомъ дѣлѣ. Слышались разные вѣсти, полки перепутывались, начальники также. Не было двухъ сходныхъ показаній,—между тѣмъ событіе было такъ недавно и такъ недалеко....

A pomyślałem w duszy, cóż są gminne dzieje?
 Popiół, w którym za ledwie iskra prawdy tleje;
 Hieroglif, mchem zarosty zdobiący kamienie.
 Napis którym spowite usnęło znaczenie;
 Odgłos sławy wiejący przez lat oceany,
 Odbity o wypadki, o kłamstwa złamany,
 Godzien śmiechu uczonych... Lecz nim się zaśmieje,
 Niechaj powie uczone: «Czém są wszystkie dzieje?» (*)

(*) «И подумалъ я въ душѣ, что такое народное сказаніе? Пепель, въ которомъ едва тлѣетъ искра правды; гіероглифъ, украшающій поросшія мхомъ»

Впослѣдствіи я разспрашивалъ у самихъ Вольнцевъ, переспросивъ чуть не весь полкъ. Дѣло происходило такъ: за нѣсколько дней прежде заложенъ былъ нами на Сапунъ-горь новый редутъ. Мѣсто выбрано превосходное: съ него можно было обстрѣливать нѣсколько непріятельскихъ батарей. Но орудія еще не были поставлены, и на редутъ находилось всего два полка: Вольнскій и Селенгинскій, и то не въ полномъ составѣ. Въ ночь нападенія (съ 11-го на 12-е февраля) Вольнскій полкъ оставался въ прикрытіи, довольно безопасно, а Селенгинскій былъ на работѣ. Непріятель обошелъ съ двухъ сторонъ, въ числѣ (какъ говорили мнѣ Вольнцы) пяти тысячъ человекъ, но какъ потомъ утверждали многіе почтенные лица въ городѣ — только въ числѣ двухъ тысячъ человекъ, а именно: двухъ ротъ зуавовъ, двухъ ротъ Венсенскихъ стрѣлковъ, и небольшого числа морскихъ артиллеристовъ. Въ прикрытіи у нихъ былъ 31-й линейный полкъ, остававшійся все время въ бездѣйствіи. Часть нападавшихъ была съ лопатами, — они надѣялись взять редутъ навѣрное и срыть. Безъ выстрѣла прорвались они сквозь нашу цѣпь, которая дала залпъ. Наши и не думали о Французахъ, какъ вдругъ: en-avant! раздалось на самомъ валу. Нѣсколько уже вскочило на валъ. Тутъ полковой командиръ Вольнцевъ крикнулъ: къ ружью! Голосъ его зазвучалъ какъ выстрѣлъ, и наши скрестили штыки съ непріателемъ надо рвомъ редута. Французы были опрокинуты, но скоро оправились снова, и отгѣснили нашихъ. Тутъ подоспѣвшіе Селенгинцы ударили въ лопаты, бывшія у нихъ въ рукахъ: за ружьями некогда было бѣжать! — произошла рукопашная свалка; три раза отбивали наши непріятеля отъ редута, и три раза были отгѣсняемы назадъ... Въ это время одинъ офицеръ (А. О. Тюнинъ), сбѣжавши внизъ, къ бухтѣ, подалъ знакъ пароходамъ — Владиміру,

каменя; надпись, которою повитое уснуло значеніе; отголосокъ славы, вьющій черезъ океаны глѣть, обитый о случайности, изломанный объ ложь, достойный смѣха ученыхъ ... Но прежде, чѣмъ засмѣется, пускай скажетъ ученый, что такое всякое сказаніе....» (Рораз w Uricie).

Громоноспу и Херсонесу, и они стали пускать бомбы; къ нимъ присоединился корабль Чесма; выстрѣлы ложились необыкновенно удачно, и это окончательно смѣшало непріателя— онъ отступилъ къ своимъ траншеямъ, устилая трупами балку. Одинъ зуавъ ухватилъ за-воротъ командира полка генераль-маіора Хруцова и потащилъ къ своимъ рядамъ, но бывшій подлѣ гарнизѣ ударилъ зуава на-отмашъ пипкой трубы въ голову и убилъ наповалъ. . . Французы дрались отлично. Я слышалъ потомъ похвалы отъ многихъ солдатъ. Русскій человекъ на это честенъ: онъ никогда не обойдетъ похвалой своего врага, если врагъ того стоить. И никто такъ просто-душно не хвалитъ, какъ русскій человекъ. Французы потеряли убитыми и ранеными около 500 человекъ. Однихъ зуавовъ выбыло изъ строю (какъ говорили сами Французы) 330 чел., въ числѣ ихъ четырнадцать офицеровъ и полковникъ Кларе, котораго всѣ любили. Пльнные зуавскіе офицеры (ихъ было пять) не хотѣли вѣрять, чтобы онъ былъ убитъ, и когда показали имъ трупъ, лежавшій вмѣстѣ съ другими,—они прослезились. Нельзя не упомянуть о почтеніи Русскаго человека къ мертвому, кто бы онъ ни былъ: свой или врагъ. Утомленные боемъ Волынцы и Селенгинцы, лишь только разсвѣло, бросились убирать трупы, и свои и непріательскіе класть рядомъ и перевозить на сѣверную сторону для преданія землѣ. Образованная нація считаетъ это излишней церемоніей, и у нихъ по двѣ недѣли валяются во рвахъ неприбранныя тѣла.

Напившись чаю у Александра Ивановича, мы спустились къ пристави. Наши солдаты стояли и ожидали насъ — какъ было сказано — въ одномъ сараѣ, куда свозили убитыхъ до погребенія. Тутъ мы увидѣли нѣсколько жертвъ ночной схватки наканунѣ. Русскіе и Французы лежали рядомъ въ однихъ рубашкахъ и нижнемъ платьѣ, безъ обуви. Въ головахъ у Русскихъ теплились восковыя свѣчи, приткнутыя къ землѣ. Страшный видъ! Блѣдныя лица, кровь, тяжелыя раны. Я насчиталъ тридцать труповъ. Два зуава поразили меня своей красотой. Они лежали рядомъ. Оба были черноволосые; волосы раскинулись космами по землѣ; высокіе лбы, правиль-

ныя черты, небольшіе усы и бороды; у одного были голубые глаза; выраженіе лицъ было полувосточное. Коленкоровыя сорочки были чисты; брюки красныя. У одного я замѣтилъ подъ рубашкой голубой шарфъ, и этотъ несчастный былъ еще нѣсколько живъ. Высокая грудь, пробитая пулей, поды малась, и онъ шевелилъ рукой. — Но черезъ минуту, кажется, онъ уже не жилъ. Въ углу лежалъ, тоже убитый пулей, молодчина русскій фельдфебель, весь въ крови... Мы вышли, спѣша освѣжиться отъ тягостнаго впечатлѣнія.

«На Графскую, на Графскую!» кричали у пристани: это означало — на Графскую пристань въ городъ!—Я шелъ машинально по доскамъ, и скоро волны закачали яликъ—съверная сторона съ ея трупами побѣжала прочь. Мы прошли мимо громаднаго корабля «Храбрый»; за нимъ видѣлся корабль «Великій Князь Константинъ»; ялики и катера неслись навстрѣчу, мчались вдали; то стихалъ, то раздавался снова громъ весель, дружно ударявшихъ по водѣ—и вотъ ближе и ближе удивительный городъ; ярче и ярче пестряющая масса зданій... Мы пролетѣли мимо Николаевской баттарей, этихъ страшныхъ пушечныхъ рядовъ, всегда готовыхъ заревѣть... вотъ и берегъ! — Баста! — крикнулъ рулевой; веслы попадали въ яликъ; одинъ гребець вскочилъ съ багромъ на-носъ и уцѣпился за камень... Перевозъ въ двѣ версты стѣитъ копѣйку серебромъ! Иные платятъ нѣсколько дороже, но, кажется, не выше трехъ-копѣекъ.

Пристань кипѣла народомъ. Налѣво, у кучи складенныхъ ядеръ, бабы торговали яблоками, янцами и разными разностями; шумѣло нѣсколько самоваровъ со сбитнемъ; толпились солдаты, матросы, мужики... Къ намъ подбѣжали носильщики, предлагая услуги; одинъ хотѣлъ забрать все, но мы взяли двухъ, и пошли налѣво по широкой улицѣ, нѣсколько въ гору. Направо показалось прекрасное зданіе собранія, гдѣ былъ въ настоящее время госпиталь; передъ нимъ, на площадкѣ, стояли пушки и сложены были въ кучахъ ядры. Позади этого зданія, высоко вверху, видѣлся бульваръ Казарскаго, и на немъ памятникъ этому герою: на бѣломъ пьедесталѣ

темный яликъ. Свѣтло глядѣль Севастополь. Направо и налево шли красивыя дома, и между ними соборъ, обращенный къ бухтѣ. Подлѣ него другая отстраиваемая церковь, и тутъ же поперегъ улицы, баррикада изъ благаго камня. Но ничего разрушеннаго. Народъ двигался по улицамъ, попадались и женщины; всего болѣе, конечно, было военныхъ солдатъ и офицеровъ, — и все это въ шинеляхъ, въ длинныхъ сапогахъ сверхъ брюкъ, и въ фуражкахъ. Нигдѣ эпюлетъ, или кивера! Городъ смотрѣлъ такъ, что не вѣрилось, будто онъ въ осадѣ. Къ-тому же ни выстрѣла! — Мы прошли съ версту до первой гостиницы Шнейдера, нѣтъ ни одного номера! Спросили дальше у Томаса: тотъ же отвѣтъ! Чтѣ было дѣлать? Мы вспомнили объ одномъ пріятелѣ, совоспитанникѣ по московскому университету, К*, бывшемъ на ординарцахъ при Остенъ-Сакенѣ. Мы нашли его спящимъ. Въ ночь онъ былъ при командующемъ войсками, въ дѣлѣ, и усталъ. Но сонъ прошелъ въ минуту, при встрѣчѣ съ старыми знакомыми; студенческое, московское сердце заговорило. Онъ жилъ тѣсно, втроемъ съ двумя другими, въ небольшой комнаткѣ, и потому пріютить насъ не могъ; но пока пріютилъ наши вещи. Мы и тому были рады. Отпустили носильщиковъ, разговорились, и забыли думать, гдѣ будемъ ночевать. Судьба послала намъ пріютъ: явился одинъ гусарскій офицеръ и предложилъ намъ у Шнейдера номеръ; онъ занималъ два, и ему было много. Мы сейчасъ же перебрались. Я былъ въ нетерпѣннѣ видѣть скорѣе городъ, бастіоны, осаду, но оказалось, что вдругъ сдѣлать этого нельзя. На бастіоны нужно проводниковъ; притомъ Севастополь не похожъ на другіе города; чтобы ходить по немъ, необходима нѣкоторая привычка, а не то вы устанете на первой полуверстѣ: онъ весь въ горахъ и въ балкахъ. Обыкновенныхъ улицъ, похожихъ на всякія другія улицы, не много: пять-шесть во всемъ Севастополь; остальное—это холмы и косогоры, покрытые строеніями, и между ними идутъ неправильныя переулки, безъ мостовой и троттуаровъ; часто даже не переулки, а не знаешь какъ назвать: стоятъ стоямя гора; въ ней врыты каменя, то въ видѣ ступеней, то какъ

случится; дома, идущіе къ верху, кажутся построенными одинъ на другомъ; между ними — то широко, точно какая площадка, то узкій корридоръ, и вдругъ спускъ внизъ по такимъ же камнямъ... а тамъ бухта въ версту шириной, и надо ждать ялика, не то обходите версть пять кругомъ. За бухтой новый городъ. Среди мелкихъ домиковъ, разсыпанныхъ по горѣ, выступаютъ громадныя строенія верфей, казармъ и баттарей... Прошли мимо ихъ, — тамъ еще балка, на днѣ ея нѣсколько красивыхъ дачъ... Обернитесь назадъ — тамъ бухта и море... Таковъ поэтическій Севастополь, трудный для путешествій. Его никакъ не окинешь взглядомъ весь, а надо разсматривать по частямъ, и долго разсматривать.

И такъ, въ первый день, я не видалъ осады вовсе, и, отъ нечего дѣлать, пошелъ къ пристани. Какъ-то тянуло на сѣверную сторону, и все отъ того, что она была чуть-чуть знакомѣе. «На сиверную! на сиверную!» кричалъ какой-то старикъ, стоя въ лодкѣ съ другимъ гребцомъ. Я сѣлъ къ нему; набралось еще человекъ пять-десять, и мы отчалили. Я пробылъ на сѣверной до вечера, и все почти у Александра Ивановича. Я вслушивался въ толки входившихъ и уходившихъ; вглядывался въ фізіономіи. Тутъ же познакомился съ однимъ чиновникомъ государственныхъ имуществъ В*, который занимался поставкою дровъ для арміи. Онъ жилъ давно въ Севастополѣ, и зналъ хорошо все и всѣхъ. Онъ говорилъ мнѣ о тяжкихъ минутахъ, пережитыхъ городомъ, когда шелъ непріятель — и кругомъ пылали огромные запасы корабельныхъ лѣсовъ. Ихъ зажгли сами Русскіе. Никто не думалъ, что Севастополь удержится. Для спасенія его посланъ былъ Провидѣніемъ Корниловъ: онъ одушевилъ жителей, самъ ходилъ по домамъ, просилъ и приказывалъ. Все бросилось на работы, и въ пять дней создали то, для чего нужны были мѣсяцы. Тотлебенъ и Фолькмутъ завѣдывали постройками баттарей; и подошедшій поздно непріятель увидѣлъ семь грозныхъ бастіоновъ. Говорятъ, Арно изорвалъ шляпу, когда узналъ, что дравшееся съ нимъ на Альмѣ

войско было у Севастополя послѣднее, было все.... даже говорить, это ускорило его смерть. В* пригласилъ меня къ себѣ въ городъ, и мы вмѣстѣ пошли на пристань.

В* жилъ за бульваромъ Казарскаго. Проходя мимо, я увидѣлъ близко простой памятникъ, съ простою надписью: *Казарскому.*

Не далеко оттуда построена баррикада и стоятъ пушки большого калибра. Левѣе, черезъ нѣсколько шаговъ, еще баррикада. Это мѣсто чрезвычайно высоко, вѣроятно самое высокое въ городѣ. Оттуда весьма хорошо видно Чатырдахъ, не смотря на восемьдесятъ верстъ разстоянія. Съ другихъ точекъ онъ виднѣе хуже. Домикъ В* немного ниже этой точки. Изъ него также видно не менѣе полгорода и между прочимъ нѣсколько бастіоновъ. Я просидѣлъ у него часовъ до девяти, говоря о Севастополѣ и дожидаясь выстрѣловъ, которые обыкновенно начинаются около этого времени. Но не дождался и пошелъ домой, съ проводникомъ Татаринимъ, который почти бѣжалъ передо мною, прыгая въ-потьмахъ по камнямъ, какъ будто днемъ, то спускаясь, то подымаясь. Я безпрестанно отставалъ отъ него. Такъ мы добѣжали до большой улицы, на которой я жилъ, и разстались. Оттуда я уже зналъ дорогу. Никого не встрѣчалось на улицахъ. Было совершенно тихо и темно, какъ вдругъ загремѣли выстрѣлы. Я чуть не воротился, чтобъ поглядѣть на полетъ бомбъ, но чувствовалъ большую усталость. Мой товарищъ былъ уже дома, и я засталъ его лежащимъ спать. Онъ былъ большой оригиналъ и флегматикъ, видалъ бомбы не разъ и ближе, и мало объ нихъ думалъ. Смотря на него, и я легъ и тутъ же заснулъ. Къ утру выстрѣлы стихли. Вставши, мы уже не слышали ничего. Напившись чаю, я перѣхалъ на северную, чтобы увидѣться съ докторомъ, княземъ Долгорукимъ, и быть на операціяхъ. Я встрѣтилъ его у бараконъ, и мы вошли вмѣстѣ въ операціонную палату. Бараконъ — это длинное каменное строеніе въ одинъ этажъ. Внутри стоятъ кровати въ два ряда, направо и налево. Надъ ними родъ шкапчиковъ, куда больные кладутъ свои вещи. Въ операціонномъ бараконѣ оставлена нѣкоторая пустота при входѣ,

гдѣ ставится только одна кровать для операціи. — Дальше, на кроватяхъ, лежали Русскіе и Французы, раненые въ последнее дѣло. Французовъ было трое и всѣ зуавы: капитанъ и два солдата. Капитану только-что отняли ногу. Онъ глядѣлъ очень бодро. У него было восточное лицо; маленькая бородка съ просѣдью, славные усы и густыя брови. Бѣлая повязка на головѣ въ видѣ чалмы, которую надѣваютъ нерѣдко послѣ операціи, дѣлала его совершенно похожимъ на Араба. Онъ лежалъ довольно далеко отъ дверей, вблизи которыхъ собирались дѣлать операцію одному русскому солдату, раненому пулей въ локоть. Все столпилось около него: четыре доктора осматривали рану; двѣ-три сестры милосердія готовили инструменты, бинты, корпію, воду... нѣсколько солдатъ устанавливали кровать. Въ это время я подошелъ къ капитану. Онъ обратился ко мнѣ и просилъ дать знать, что онъ съѣхалъ на одинъ край кровати, и можетъ упасть: это моя смерть! прибавилъ онъ. «Да не могу ли я вамъ помочь?» — Ну, нагнитесь! — Я нагнулся, онъ обхватилъ руками мою шею, но едва я сталъ приподнимать его, какъ онъ опустилъ въ изнеможеніи руки: нѣтъ... оставьте, оставьте!... сказалъ онъ: вы очень скоро!.. Черезъ минуту мы принялись снова, и въ три приѣма я положилъ его какъ надо. Налѣво подлѣ него лежалъ зуавскій солдатъ, бывшій въ дѣлѣ подлѣ его командой. Ему предстояла такая же операція. Лицо его было совершенно восточное, темное, но безъ бороды и съ легкими усами. Удивительно яркіе, большіе глаза блуждали въ орбитахъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ: не надо ли ему чего? — онъ поглядѣлъ на меня и отвѣчалъ неохотно: ничего! — Третій лежалъ направо отъ капитана, чрезвычайно красивый, чистый Арабъ, съ небольшою черной бородой, въ фесѣ и въ синемъ мундирѣ съ галунами на плечахъ и рукавахъ. Смертная тоска была во всѣхъ его чертахъ; на черныхъ глазахъ какъ бы туманъ. Онъ безпокойно двигался по кровати, то пряталъ руки подъ одеяло, то клалъ ихъ подъ голову. Пуля попала ему ниже живота и засѣла въ такомъ мѣстѣ, откуда никакъ нельзя было вынуть. Рѣшили не дѣлать операціи, и онъ долженъ былъ умереть, и

кажется зналъ объ этомъ. На всѣ вопросы окружающихъ онъ не отвѣчалъ ни слова, или очень неохотно. — Стали дѣлать операцію солдату, дали хлороформъ; потекла кровь... операція была трудная, и тянулась долго. Солдатъ стоналъ все время и бранился. И всегда стонуть въ этомъ странномъ снѣ. Я съ трудомъ высмотрѣлъ всю операцію, но за то слѣдующія мнѣ были уже ничего. Сестры милосердія, довольно молодыя дѣвушки, смотрятъ совершенно спокойно, и безпрестанно подмываютъ текущую рѣчьми кровь. Ногу солдату зуаву отрезали вмигъ и стали перевязывать жилы. Тутъ уже отнимаютъ хлороформъ. Шесть человекъ держали руки, но зуавъ былъ такъ силенъ, что въ минуты невыносимой боли, когда ему приставляли къ ногъ теплую губку, — онъ подымалъ державшихъ, крича: *au nom de Dieu! vous me brulez! vous me brulez!*... Капитанъ все время смотрѣлъ на операцію и одушевлялъ товарища: *«Tenez vous brave, mon enfant! Nous arrivons bien, voyez-vous!»* Таковъ онъ былъ со своими дѣтьми, но тутъ же находился по какому-то случаю одинъ перебѣжчикъ, — вѣроятно его сунули до распоряженій о немъ. Капитанъ зуавовъ и солдаты тотчасъ почували, что это не плѣнный, и никто съ нимъ не хотѣлъ говорить; да и Русскіе смотрѣли на него косо. Онъ былъ въ синей шинели съ короткимъ капюшономъ, бѣлокурый, съ голубыми глазами, и все какъ-то жался, какъ-будто зябъ. Скоро и солдату зуаву окончили операцію и положили его неподалеку отъ капитана. Всѣ удивлялись его крѣпкому сложенію, но одинъ докторъ замѣтилъ, что онъ изнуренъ, и потому... «Богъ вѣсть, что будетъ! Зачѣмъ вы его такъ много заставляли работать?» сказалъ докторъ капитану. Капитанъ не отвѣчалъ ни слова. Я вышелъ и отправился по другимъ баракамъ. Въ одномъ нашелъ плѣнныхъ Англичанъ вмѣстѣ съ Французами. Какая разница въ физиономіяхъ! Всѣ были бѣлокурые, не красивые, въ шапкахъ, совершенно похожихъ на наши франтовскія ямщицкія, съ короткими полями. Напередѣ былъ приткнутъ номеръ. Одинъ былъ въ красной курткѣ съ бѣлыми петлицами, и въ голубомъ нижнемъ платьѣ; другіе въ черныхъ шинеляхъ, похо-

жихъ на французскія. Красный все расхаживалъ, присаживался на разныя кровати, а тѣ два занимались писаніемъ письма. Тутъ же былъ одинъ французскій драгунъ. Онъ сидѣлъ на постель, въ одной рубашкѣ, и намазывалъ на лодку чорнаго хлѣба что-то въ родѣ масла, и ѣлъ. Въ третьемъ баракѣ я увидѣлъ еще двухъ раненыхъ зуавовъ: одинъ пулей въ подъемъ ноги; другой въ грудь, и этотъ уже умиралъ. Онъ былъ очень похожъ на того, которому въ первомъ баракѣ отняли ногу, какъ будто братъ. Когда я подошелъ, онъ лежалъ съ закатившимися глазами, и хрипѣлъ. Но потомъ вдругъ устремилъ на меня свои большіе глаза, уже подернутые пеленою смерти, глядѣлъ съ минутой; потомъ опять глаза его закатились, и онъ захрипѣлъ. Я воротился въ первый баракъ взглянуть на тѣхъ, кому дѣлали операцию. Русскій солдатъ смотрѣлъ совершенно спокойно, и разговаривалъ со своими. Съ капитаномъ зуавовъ говорилъ одинъ докторъ. Между прочимъ спросили у него: Женатъ ли онъ? — «Non! les femmes — c'est folie! Nous avons quelques officiers, qui sont mariés, mais... C'est la folie!»...

«Вы сходите на перевязочный пунктъ, въ городъ! скажите мнѣ Долгорукій: тамъ Пироговъ; когда онъ дѣлаетъ операцию, надо стать на колыни!»—Но я узналъ послѣ, что Пироговъ боленъ, и мнѣ не удалось его видѣть.

Изъ бараковъ я зашелъ на время къ Александрѣ Ивановичу. Онъ накормилъ меня какой-то маленькой свѣжей рыбкой, которую можно доставать только у моря, и еще блинами. Блины у Александра Ивановича дешевле, нежели въ Кишеневѣ: двадцать копѣекъ порція, три большихъ блина, а въ Кишеневѣ — два, и при томъ маленькихъ. Я заговорился съ нимъ и опоздалъ на переправу. Отчаливали послѣдніе ялики. Я сѣлъ на одинъ, очень маленькій съ двумя пьяными гребцами; на руль помѣстился какой-то офицеръ, совсѣмъ не умѣвшій править. Мы три раза налетали на катеръ и чуть-чуть не попали подъ пароходъ. Страшныя колесы прошумѣли надъ самыми ушами. Къ двумъ пьянымъ гребцамъ — присоединился еще одинъ пьяный пассажиръ. Онъ все

вставалъ и расхаживалъ.... Признаюсь, когда я ступилъ на камни, мнѣ долго казалось, что они качаются и такъ же зыбки, какъ лодка. — Часу въ девятомъ я былъ дома и нашелъ товарища за чаемъ. Немного погодя, мы услышали выстрѣлы. Слуга, пришедшій изъ гостинницы, сказалъ намъ, что непріятель пускаетъ бомбы и что четыре упало недалеко въ улицѣ. Мы напились чаю и пошли поглядѣть, но стрѣльба стихла. Мы съѣли у воротъ одного дома на камень и смотрѣли въ сторону непріятеля. Было очень тихо и пустынно въ улицахъ. Черезъ полчаса стали подыматься бомбы съ нашихъ бастіоновъ. Мы прослѣдили бомбъ тридцать и пошли домой. Непріятель не отвѣчалъ. Мы легли спать подъ выстрѣлы, которые становились рѣже и рѣже.—Я проснулся очень рано, можетъ быть меня разбудила стрѣльба: непріятель опять пускалъ бомбы. Ихъ разрывало гдѣ-то близко, по слуху налѣво. Я подошелъ къ окну: на улицѣ уже двигался народъ, не обращая никакого вниманія на бомбы. Только двое, стоявшіе на противоположномъ троттуарѣ, по-видимому купцы, взглядывали вверхъ всякій разъ, какъ слышался взрывъ, и крестились, потомъ опять начинали разговаривать. Черезъ часъ стрѣльба утихла. Товарищъ мой всталъ, и мы пошли вмѣстѣ къ своему университетскому знакомцу. Тамъ собралось нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ намѣревался идти на шестой бастіонъ, къ начальнику 1-й линіи, капитану 1-го ранга Зорину. Я просилъ взять меня съ собой.—Что жъ, пойдѣте, я васъ представлю Зорину, и вы можете увидѣть всю линію бастіоновъ, которые подъ его командой, начиная съ пятого по десятый. — А мнѣ только этого и хотѣлось.

Мы поднялись на гору, мимо бульвара Казарскаго, и повернувъ налѣво, зашли поклониться праху Лазарева и Корнилова, положенныхъ вмѣстѣ, подъ одной доской. Надъ ними воздвигается соборъ.—Оттуда мы зашли въ Библиотеку. Это одно изъ лучшихъ зданій города. По бокамъ великолѣпной лѣстницы лежатъ два мраморные сфинкса. — Наверху были прежде такіе же статуи, но теперь сняты, потому-что непріятель обыкновенно цѣлитъ въ этотъ домъ. Въ первой залѣ стоитъ большая модель корабля *Девятнадцать Апостоловъ*, едва не доставая мач-

тами до потолка. Бомба упала надъ одной изъ мачтъ, пробила потолокъ, но не тронувъ ни одной снасти, пролетѣла въ уголь, и тутъ ее разорвало. Попорченъ немного шкафъ и полъ. Въ слѣдующей комнатѣ я нашелъ читающихъ газеты, всего болѣе морскихъ офицеровъ. Это и есть собственно морская библиотека, гдѣ читаютъ только моряки и члены. Но теперь обстоятельства войны открыли двери всѣмъ. — На столѣ лежали всевозможные журналы. По стѣнамъ висѣли превосходныя русскія ландкарты, какихъ мнѣ не случалось видѣть. Мебель изящна до послѣдней степени. Мы взошли потомъ наверхъ, на открытую террасу, откуда видѣнь весь городъ, бастионы, четыре непріятельскихъ лагеря и ихъ корабли. Духъ захватываетъ отъ неописаннаго чувства восторга, когда окинешь все это глазами... Эти живописные холмы, съ ихъ буграющимися улицами, эти бухты, захлебнувшіяся кораблями, которымъ не даютъ простора... Боже мой! И такой городъ отдать....»

Пятый и шестой бастионы оттуда ближе всѣхъ, версты полторы, не больше. Но видны одни казематы, — каменные зданія въ одинъ этажъ, гдѣ помѣщаются офицеры и часть прислуги. Дальше ихъ и соединяющей ихъ стѣны не видно ничего. Они кажутся какъ бы на горизонтѣ. Передъ ними балка съ бѣляющими домиками. Въ улицахъ двигался народъ. Мы спустились съ террасы и пошли по направленію къ этимъ бастионамъ, и скоро пересѣкли одну широкую улицу, которая называлась *Большой Морской*. Это была некогда одна изъ самыхъ населенныхъ улицъ, съ вѣчнымъ движеніемъ и дѣятельностью. А теперь стояли брошенные дома, съ разбитыми окнами; ходившій народъ — были единственно солдаты. Встрѣтилась еще одна баба съ ребенкомъ на рукахъ, и нѣсколько мальчишекъ, которые катили ядро. Имъ платятъ на бастионахъ по копѣйкѣ за штуку. Но все-таки видишь много валяющихся ядеръ, даже на большой улицѣ, у самой Графской пристани. Потомъ мы пошли обыкновенными севастопольскими улицами, по холмамъ. «Вотъ, здѣсь недавно убило одного солдата штуцерной пулей», сказалъ мой спутникъ. Это мѣсто было еще сажень въ

200 отъ бастіоновъ. Я такъ усталъ, что хотѣлъ-было сѣсть и отдохнуть, но домикъ Зорина ужь былъ не далеко. Онъ помещался въ немъ съ адъютантами и канцеляріей. Мы на-шли всѣхъ дома, за работою. Все были моряки, и всѣ въ шинеляхъ, или въ сюртукахъ безъ эполетъ. Зоринъ принялъ меня какъ стараго знакомаго; — мы сѣли закусить. Со мной рядомъ сидѣлъ Ахбауеръ, бывшій адъютантъ Шильдера; онъ былъ здѣсь старшимъ сапернымъ офицеромъ и завѣды-валъ работами на пятомъ и шестомъ бастіонахъ. Онъ, можно ска-зать, жилъ на этихъ работахъ, вѣчно подъ штуцерными пу-лями. Но Богъ хранилъ его. Онъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ послѣ обѣда на пятый бастіонъ. — Надо было идти мимо стѣны, построенной еще давно и неконченной. Вну-тренняя часть каземата была во многихъ мѣстахъ пробита насквозь, и послѣ того пробойны завалены камнями. Крыша сбита совсѣмъ. На ней едва видна небольшая земляная на-сыпь, и посерединѣ стоитъ нѣсколько туровъ, т.-е. круг-лыхъ плетенкъ, наполненныхъ землей.

По всему двору были видны земляныя насыпи съ отверстіями, обдѣланными въ срубъ. Это—землянки солдатъ, или, какъ зовутъ на бастіонахъ—блиндажи, по-солдатски — курлыги. Фасъ бастіона, обращенный къ непріятелю, состо-ялъ изъ землянаго вала, боченковъ, мышковъ съ землей и туровъ. Въ валу продѣланы амбразуры, занавѣшенные ве-ревочными щитами, введенными Зоринымъ, потому-что дере-вянные разбивало ядрами и даже пулями, и щепками било прислугу. Въ амбразурахъ стоятъ пушки преимущественно морскія, большаго колибра; внизу, у лафетовъ, сложены въ пирамиды ядры, свалена картечь, патроны; протягивается толстый канатъ, сдерживающій орудіе, когда отдастъ его выстрѣломъ; мотаются тали, — особенныя веревки съ блоками... валъ сажени въ двѣ. Вокругъ сдѣланы ходы по доскамъ, на которыхъ стоятъ вахтенные съ трубами, слѣдя за непріате-лемъ. Нѣсколько штуцерныхъ стоитъ тутъ же и каждый ожидаетъ случая выстрѣлить. На дворъ всегда кипитъ работа: роютъ блиндажи, возятъ землю, офицеры ходятъ

между работающими, наблюдаютъ, кричатъ, садятся на пушки и разговариваютъ другъ съ другомъ, нисколько не думая о пуляхъ, которые иногда звенятъ объ то орудіе, на которомъ они сидятъ.... А вотъ въ амбразуръ, на полу, помѣстился цѣлый десятокъ матросовъ, поставили котель и ѣдятъ кашу. Одинъ, пожалуй, расскажетъ вамъ, какъ вчера убило у нихъ товарища на этомъ самомъ мѣстѣ. — Вдругъ вахтенный кричитъ: бомба!—чугунный шаръ хлопается на дворъ, и начинаетъ крутиться; кто прилегаетъ, кто остается такъ; бомбу разорвало, осколки, жужжа, летятъ надъ головами.... и опять все пошло по прежнему. Вотъ вамъ бастионъ и жизнь бастиона!—пятый бастионъ одинъ изъ опасныхъ. Здѣсь траншеи непріятелей довольно близко, саженьхъ въ 250. Я взглянулъ въ отверстіе щита у одного орудія: далеко въ полъ шель едва замѣтный желтый валъ, сливаясь съ грунтомъ земли—это были траншеи непріятелей. Мѣстами выскакивалъ дымокъ — выстрѣлъ изъ штуцера, но безъ звука, — и только. Больше никакой жизни; никто не показывается изъ-за вала, и не вѣришь, что тамъ много народу. А между тѣмъ смерть поминутно несется изъ-за этого безжизненнаго вала.... Французы очень осторожны. Впоследствии я глядѣлъ на ихъ траншеи по цѣлымъ часамъ,—ничего кромѣ вала. Если и покажется кто-нибудь, то верстахъ въ двухъ, или еще дальше.

Познакомившись съ бастиономъ, я сталъ рисовать разбитую стѣну каземата, прислонясь спиной къ мѣшкамъ на валу. Пули безпрестанно ложились черезъ валъ и шелкали въ камни зданія. Я боялся за работавшихъ во дворъ, но ничего не случилось. Потомъ я накиннулъ два лагера, англійскій и французскій, въ трубу, которую мнѣ держалъ матросъ. Мы загородились мѣшками и были безопасны отъ выстрѣловъ. Я такъ зарисовался, что забылъ о пуляхъ и уже не слышалъ ихъ свисту. Матросъ, соскучившись, или уставши держать трубу, сталъ обкладывать ее камнями, которые доставалъ тутъ же на валу, безпрестанно высовываясь. Я замѣтилъ ему это. «Ничего, ваше благородіе!» отвѣчалъ онъ, какъ обыкновенно отвѣчаетъ Русскій человекъ. Въ это время пуля ударила въ мѣшокъ, противъ моего уха.

«Видишь!» сказалъ я. «Пулька!» отвѣчалъ онъ, нисколько не перемѣняя положенія и глядя черезъ валъ, какъ-будто не его дѣло. Вообще наши очень неосторожны. Когда нужно идти траншеями, идутъ гдѣ случится, попряме; часто высовываются изъ-за валу. Или ужъ такъ смѣло созданы Русскій человекъ! Мнѣ рассказывали такой случай, — кажется уже извѣстный всѣмъ, но я его повторяю, какъ слышалъ тамъ: летѣю передъ пятымъ бастиономъ стадо драхвъ. Наши выстрѣлили въ одно время съ Французами; четыре драхвы упало между ими и нами. Долго никто не рѣшался идти подымать. И чтожь? первый пошелъ Русскій, одинъ матросъ, поднялъ двѣ драхвы, а двѣ оставилъ имъ, сказавши: «возьмите, можетъ и ваши!» Другой разъ, на вылазкѣ, былъ убитъ одинъ матросъ и остался въ траншеяхъ непріятеля. На зарѣ наши видятъ: что-то чернѣется въ полѣ, стали стрѣлять, но потомъ разглядели, что это ихъ убитый товарищъ, подпертый сзади и выставленный на посмѣшище. Горе взяло Русскихъ православныхъ людей, и одинъ матросъ, именемъ Кошка, взялся сходить за тѣломъ товарища, и пошелъ. Богъ довелъ его благополучно подъ градомъ пуль. Онъ взялъ тѣло, загордился имъ, и пришелъ невредимымъ на бастионъ, благословляемый товарищами. Кто другой, кромѣ Русскаго, свершитъ такой смѣлый и вмѣстѣ умилительный подвигъ?

Я кончилъ рисовать. Меня окружили офицеры — артиллеристы и моряки. Лейтенантъ Марковъ, командующій на бастионъ, пригласилъ взглянуть на его блиндажъ. Это была небольшая подземная комнатка, съ печью и кроватью. Правда, въ ней едва можно было повернуться, но за то тепло и совершенно безопасно отъ бомбъ. Я нарисовалъ и ее — и простился съ храброй семьей пятого бастиона.

Время уже было къ вечеру, когда я воротился къ Зорину.

Во время ужина пришли доложить, что противъ 6-го бастиона непріятель возводитъ баттарею и ставитъ пушки. Зоринъ велѣлъ сдѣлать до пятидесяти выстрѣловъ съ пятого бастиона

ядрами, и до ста съ шестаго, гранатами (*). Скоро загудѣли выстрѣлы. и у насъ затряслись окна и двери. Я не дослушалъ до конца и заснулъ. Знаю только, что непріятель не отвѣчалъ.

На другой день, 15 февраля, я пошелъ на 6-й бастіонъ, имѣя провожатымъ матроса. Шестой бастіонъ совершенно похожъ на пятый: такой же казематъ, немного цѣлье; такого же устройства валъ, непріятель почти въ такомъ же разстояніи. Тутъ я познакомился съ лейтенантами: Шемякинымъ и Гедеоновымъ, и комендантомъ бастіона, полковникомъ Лидовымъ, человекомъ весьма простымъ и добрымъ, но столько же точнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ едва не взялъ меня подъ арестъ потому только, что я былъ въ другой формѣ, не виданной на бастіонахъ; далъ секретное приказаніе не выпускать меня, покуда не будутъ наведены справки. Я ничего этого не зналъ; онъ самъ мнѣ рассказалъ послѣ очень простодушно. Мы пошли траншеями въ блиндажъ Шемякина, который былъ въ четверти версты отъ бастіона, подлѣ баттарей, называвшейся Шемякинской. Я сталъ рисовать морскія орудія. Пули безпрестанно посвистывали черезъ валъ, но я уже къ нимъ привыкъ. Потомъ мы вошли въ блиндажъ, явился хересь, сыръ и какая-то рыбка. Мы пробесѣдовали довольно долго, какъ вдругъ услышали глухой ударъ пули подлѣ дверей блиндажа. Всѣ выскочили взглянуть: не убитъ ли кто? Но оказалось, что пуля попала въ бѣлье, повѣшенное для просушки, пробила насквозь двѣ мокрыхъ рубахи, одну за другою, и зарылась въ мелкихъ камняхъ. Сила полета штуцерной пули изумительна. Здѣсь было до четырехъ-сотъ сажень разстоянія между ихъ и нашими траншеями: мнѣ показывали пули, которыя случалось отыскать— это смятыя, или растиснутыя комки свинцу. — Воротясь къ Зорину, я нашелъ у него адмирала Нахимова. Онъ былъ въ сюртукъ и въ эполетахъ. Зоринъ представилъ меня. Адми-

(*) Слова *граната* и *бомба* употребляются на бастіонахъ одно вмѣсто другаго; да на самомъ дѣлѣ бомба есть ничто иное, какъ большая граната.

ра.тъ—это само простодушіе и доброта. Онъ позволилъ мнѣ видѣть всѣ бастіоны и обѣщаль дать проводниковъ.

Я рѣшился прочесть ему:

Дядя! братъ твой незабвенный
 Былъ студенческой отецъ! (*)

Его тронули рассказы и воспоминанія о братѣ. Онъ охотно слушалъ меня, и мы проговорили около часу.

На другой день я пошелъ на десятый номеръ баттарен, которая находится рядомъ съ баттареей Шемякина. Номера идутъ не по порядку. Матросъ повелъ меня сначала траншеями, а потомъ сказалъ, что надо вылезть и идти прямо, потому что тутъ траншеи очень мелки, да и всѣ такъ ходятъ. «Вонъ видите идетъ!» — Дѣйствительно шелъ какой-то водоносъ, и притомъ очень тихо. То же совѣтовали сдѣлать и солдаты, сидѣвшіе въ траншеяхъ. Мы вылезли и пошли прямо, и скоро догнали водоноса. Три человека были порядочною цѣлью. Я видѣлъ всѣ линіи непріятельскаго вала какъ на ладони. Тамъ, во всемъ полѣ, не было ни души. Вдругъ подлѣ насъ ударила пуля. «Видишь, сказалъ я матросу: по насъ стрѣляютъ! Я тебѣ говорилъ, что надо идти траншеями». — Э, ваше благородіе, которая наша, отъ ней нигдѣ не схоронишься! — Другая пуля пролетѣла между мной и водоносомъ. Я пошелъ скорѣе, и черезъ пять минутъ мы уже были на баттарев. Она стоитъ на углу, однимъ фасомъ къ морю, другимъ къ небольшой бухтѣ; третій фасъ обращенъ въ поле, къ шестому номеру. За бухтой, прямо, видна возвышенность, гдѣ былъ древній Херсонесъ. Теперь отъ него осталась только небольшая стѣнка, вьющаяся по скату къ бухтѣ, и то я сомнѣваюсь, чтобы это была древняя стѣна. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ говорили. Издали она совершенно похожа на траншею, но не траншея. Больше ничего нѣтъ на мѣстѣ Херсонеса — ничего стараго, да и новаго не много: разрушенная церковь св. Владиміра, и, у самой бухты, также разрушенные домики карантина, неосторожно

(*) Стихи М. А. Стаховича (помѣщенные въ 6 книгѣ Москвитянина прошлаго года).

оставленные неприятелямъ. Они устроили тутъ завалы и въ последнее время даже поставили пушки. По этой-то батарее велѣлъ накануне Зоринъ сдѣлать полтораста выстрѣловъ. Ее сбили, и послѣ сбивали не разъ, но черезъ день она являлась опять, и удержалась.

Все это мѣсто, гдѣ былъ Херсонесъ, прелестно, не смотря на пустынность. Не налюбуешься этими переливами холмовъ, за которыми тотчасъ идетъ море, и на немъ корабли, конечно не наши.

Въ бухту садятся безпрестанно утки, но никто не смѣетъ за ними охотиться —

Nikt bez straty Zycia lub swobody
Niemogt przestąpić zakazanej wody;
Tylko stowiki kowienskiej dąbrowy
S bracią swojemi Zapuszczanskiej góry
Wiodą iak dawniej Litewskie rozmowy (*).

Конечно утки въ бухтѣ разговаривали по-русски...

Десятая батарея имѣетъ особенное устройство: она сложена изъ глиняныхъ кирпичиковъ, очень правильно и красиво. По ней стрѣляютъ такъ же, какъ по пятому и шестому бастионамъ, но, по замчанію командира ея капитанъ-лейтенанта Андреева—черезъ день. «День молчать, а на другой ихъ какъ будто что прорветъ!» выражается онъ, и въ эти дни обыкновенно никого къ себѣ не приглашаетъ. «Приходите завтра, завтра не будетъ стрѣльбы!» Но то бѣда, что бывають ошибки въ наблюденіяхъ храбраго капитана, и вдругъ ихъ *прорветъ* совсѣмъ не въ тотъ день, когда онъ разсчитываетъ, и озадаченные гости не знаютъ что дѣлать. Я попалъ по счастью въ день спокойный. Ни одного выстрѣла въ продолженіи часа, который я провелъ тамъ, сидя все время въ амбразурѣ на пушкѣ и любуясь видами, и думая о старомъ Херсонесѣ, о тѣхъ, которые давно здѣсь также бились—и улеглись.... и вотъ ихъ сонъ встревоженъ новыми громами.

(*) Никто безъ потери жизни или свободы не могъ переступить запретныхъ водъ. Только соловьи Ковенской дубровы съ братьями своими Запущанской горы ведутъ какъ прежде литовскіе разговоры....

Артиллерійскій офицеръ, находившійся при орудіи, смотря въ одну со мной сторону, думалъ тоже о снѣ, только о другомъ: онъ рѣшилъ, что Французъ должно быть спитъ, и потому не стрѣляетъ. «А вотъ вчера стрѣлялъ!» — Онъ показалъ мнѣ засѣвшія въ лафетъ пули. Немного спустя, очень далеко, явились какіе-то всадники; они ѣхали шагомъ, опустивъ поводья. Все это можно было разсмотрѣть только въ трубу. Съ пятаго бастіона пустили по нимъ бомбу, но они не обратили на нее никакого вниманія, хотя она лопнула очень близко. Потомъ показалась кучка зуавовъ, шедшихъ изъ-за горы съ ведрами въ рукахъ. По нимъ также пустили бомбу; часть прилегла къ землѣ, а другіе продолжали идти, и черезъ минуту уже были въ балкѣ. Наконецъ и нашему бастіону нашлось равлеченіе: у церкви св. Владимира все маячилъ какой-то человекъ, выходилъ изъ-за стѣны, прохаживался, и опять уходилъ. До него было больше версты и стрѣлять не слѣдовало, но стали стрѣлять отъ скуки. Однако пули ложились отлично. Изъ десяти-пятнадцати выстрѣловъ вѣрныхъ пять брали не дальше какъ на сажень: это видно было по взвивающейся пыли.

Съ десятой баттарей я пошелъ на седьмой и восьмой номеръ, которые соединены вмѣстѣ и не такъ далеко отъ десятаго, по направленію къ городу. Артиллерійскій офицеръ, любовавшійся со мной Херсонесомъ, проводилъ меня нѣсколько шаговъ, и указалъ на свой разрушенный казематъ изъ масла и сыру, въ которомъ засѣло нѣсколько ядеръ, пущенныхъ непріятелями съ моря въ осаду 5-го октября. Огромныя пирамиды французскихъ и англійскихъ ядеръ возвышались подлѣ. «Вотъ, что мы собрали у себя во дворѣ, а сколько еще не собранныхъ тамъ, въ полѣ!» сказалъ офицеръ. По его словамъ, въ этотъ день непріателемъ было пущено въ городъ, со стороны моря, до двадцати тысячъ ядеръ и бомбъ.

Седьмая и восьмая баттарей стоятъ также на берегу моря. По выкладкѣ они похожи на своего сосѣда—десятый номеръ. Тутъ очень тихо. Рѣдко пролетаютъ пули, и то разумѣется шальныя. Прицѣльныхъ быть не можетъ, по раз-

стоянію и мѣстности. Я засталъ матросовъ въ ученьѣ: они примѣривались къ орудіямъ, дружно взмахивали банниками, перебѣгали съ мѣста на мѣсто. По валу ходилъ какой-то офицеръ съ подозрнѣйшей трубкой. Я поднялся къ нему и просилъ позволенія взглянуть на баттарею. Онъ повелъ меня самъ, объясняя все подробно и просто. Это былъ капитанъ-лейтенантъ Луговскій, простой и смѣтливый морякъ. — А каковъ у насъ видъ, — сказалъ онъ, обернувшись къ морю. Нельзя было не остановиться и не полюбоваться. По самому горизонту тянулись ниткой корабли и пароходы, скрываясь налѣво за мысъ Херсонеса. Одинъ пароходъ стоялъ ближе, направо, на вахтѣ. Я постоянно видѣлъ его на этомъ мѣстѣ. «Нельзя не отдать чести, сказалъ капитанъ: повѣрите-ли — этотъ пароходъ, какъ пришелъ и сталъ, такъ и не тронулся во всю зиму и выдержалъ самыя крѣпкія вѣтры. Другіе корабли раскидало, а онъ устоялъ. Не знаю, кто другой здѣсь выстоитъ столько!» Мы повернули на задній фасъ баттареи, гдѣ уже идетъ восьмой номеръ, обращенный къ городу. «Вотъ тутъ вчера упало десять ракетъ, сказалъ Луговскій: и одна въ кучу рабочихъ, которые ужинали, говорятъ даже въ чашку, но не задѣла никого!» Луговскій также былъ 5-го октября на баттареѣ и хвалилъ мнѣ нашихъ матросовъ. «Не перескажешь никакими словами, что это за народъ: съ ними нельзя робѣть!» Онъ повернулся во дворъ, смотря на тѣхъ, которые учились, и какъ-бы лелѣя ихъ глазами, задумался, и такъ мы простояли молча минуты двѣ. Кто знаетъ, какія отмѣтки дѣлала его память, когда глазъ перебѣгалъ по лицамъ... Насъ обоихъ разбудилъ выстрѣлъ. Съ вала пустили бомбу по работавшимъ налѣво отъ Херсонеса. Мы прослѣдили полетъ ея и взрывъ. Бомба пролетѣла около трехъ верстъ. Судите, что же можно было разглядѣть на такомъ разстояніи. Я искалъ кучки работавшихъ, но ничего не могъ найти, и насилу увидѣлъ ихъ въ трубу, потому-что высовывались только головы. Я простился съ Луговскимъ, исполненный къ нему уваженія.

На Александровской баттареѣ, которая считается девятымъ номеромъ, и находится тутъ-же, подлѣ седьмой и вось-

мой, я снова любовался моремъ. Капитанъ-лейтенантъ Козловскій далъ мнѣ проводника матроса, который провелъ меня по валу, показывая красивые ряды орудій, только-что очищенныхъ. На этой батарее въ настоящее время больше нечего дѣлать, какъ чистить орудія. Ей будетъ работа, если начнутъ бомбардировку съ моря.

Я воротился домой, когда уже стемнѣло, и пошелъ къ Шемякину, который меня давно звалъ, и какъ-то особенно пришелся мнѣ по душѣ, но ворота бастиона были заперты. Часовой свѣсилъ ружье и спросилъ отзывъ. Я послалъ своего матроса узнать отзывъ, или привести ефрейтора, а самъ съѣлъ у воротъ на камень, и сталъ смотрѣть въ сторону засыпающаго города. Было очень тихо. По горамъ горѣли огни. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ поднявшуюся ракету, очень далеко, версты за четыре. Ихъ пускали обыкновенно съ возвышенности надъ Килень-балкой. Ракета летитъ такъ: вдругъ освѣщается площадка, и потомъ видно по небу огненную полосу, не больше какъ четверть всего полета; дальше ракета уже летитъ въ потемкахъ. Вслѣдъ за первой взвилась еще. Я насчиталъ семь, пока воротился мой матросъ. Иныя падали гдѣ-то близко; слышно было свистъ, одна загремѣла по камнямъ. На ту пору, не знаю почему, я испугался. Подпусти страхъ на сажень, онъ запустилъ лапы въ сердце. Когда захлопывалась за мной калитка бастионныхъ воротъ, мнѣ казалось, что ракета сейчасъ щелкнетъ меня по затылку. Мы прошли дворомъ и потомъ спустились въ траншею. Слышалась перестрѣлка ложементовъ (*). На темныхъ валахъ темными тѣнями двигались часовые. Я не нашелъ Шемякина въ блиндажъ: онъ былъ въ казематъ. Надо было идти туда. На одной площадкѣ, между траншеями, пуля ударила подлѣ моей ноги. Бѣжалъ отъ ракетъ и чуть не попалъ подъ пулю! Можетъ-быть и правъ матросъ, сказавши: «которая наша, отъ нея не схоронишься!» это игра въ счастье и несчастье... на ту пору страхъ опять былъ отъ

(*) Небольшой завалъ, насыпь, впереди траншеи, ближе къ неприятелю, куда залезаютъ ночью, и уже остаются тамъ цѣлый день.

меня далеко. Мудреный инструментъ человеческая душа: что ни мигъ—натягиваются невидимой рукой новыя струны....

Въ казематъ я нашелъ большое общество офицеровъ. Мнѣ предложили превосходнаго хересу. Комендантъ-полковникъ Лидовъ, о которомъ я уже упоминалъ, рассказалъ мнѣ о 24-мъ октября.—Колонны Французовъ доходили до шестаго бастіона и были на возвышенности, между шестымъ и десятымъ Ихъ прогналъ Минскій полкъ и картечные выстрѣлы съ десятаго номера. Полторы недѣли валялись не убранные трупы. Непрiятель не убиралъ и не позволялъ намъ. Наконецъ ихъ подобрали—и все-таки мы. Черезъ шесть дней послѣ дѣла, одинъ солдатъ принесъ изо рва раненаго, нашего-же рядоваго, который былъ еще живъ.

Я пробылъ въ казематъ часовъ до десяти. Утромъ 16-го, подняли Французы сильную стрѣльбу съ новой батареею по шестому бастіону, и сбили у насъ три мѣшка, выстрѣливъ 25 разъ. Значить вовсе плохо. Ихъ заставили замолчать бомбой. Съ того же бастіона замѣтили движеніе непріятельскихъ колоннъ отъ моря, въ полной парадной формѣ и подъ музыку. Я побѣжалъ на бастіонъ взглянуть, и захватилъ только хвостъ, спускавшійся въ балку; вахтенный сказалъ мнѣ, что было тысячъ до пяти. Говорятъ, они дѣлають не рѣдко такія эволюціи, чтобы занять насъ чѣмъ-нибудь. Ночью отправятся на берегъ, и утромъ идутъ въ парадъ, какъ-будто новыя войска, — а между-тѣмъ гдѣ-нибудь становятся пушки.

Послѣ чаю я рѣшился идти на четвертый бастіонъ, какъ говорили, самый опасный. Я слыхалъ объ немъ еще въ Кишиневѣ. Зоринъ далъ мнѣ въ товарищи одного изъ своихъ адъютантовъ, лейтенанта Н.—Я чувствовалъ себя не хорошо, и никакъ не могъ разсѣять тягостныхъ мыслей. Звучали новыя струны. Мы прошли нѣсколько улицъ, почти пустыхъ. Подъ-конецъ, близко къ бастіону, нашли дома, совершенно разрушенные бомбами. Мѣстами торчали одни неправильные зубцы стѣнъ; крышь не было, эти дома могли служить самыми лучшими естественными баррикадами. А въ иныхъ и нарочно были пробиты амбразуры. На мостовой и троттуа-

рахъ валялись ядры и осколки гранатъ. Тутъ дѣйствительно чувствуешь осаду. Въ концѣ послѣдней улицы идетъ площадка, на которой стоитъ католическая церковь, — самое крайнее зданіе къ бастиону. Говорятъ, во время осады 5-го октября, первое ядро сбilo надпись на этомъ храмѣ—*raх in terra*. Первое говорится для большаго курьозу. Затѣмъ начинается подъемъ въ гору, довольно пологій. Здѣсь былъ когда-то бульваръ, теперь нѣтъ и слѣда украшавшихъ его деревьевъ. Крѣпкая дорога, мѣсто прежней бульварной дорожки, — почти вся покрыта чугунными черепками и врывшимися ядрами. Взойдя на гору, мы спустились въ траншею и тотчасъ услышали свистъ пуль. Такъ дошли мы до большаго блиндажа, гдѣ помѣщается адмиралъ Новосильскій съ капитаномъ I-го ранга Кутровымъ. Кутровъ вышелъ къ намъ навстрѣчу. Его невыразимо-спокойная фizioномія ободрила меня. Въ это время одна пуля ударила въ блиндажъ шагахъ въ двухъ отъ насъ, и еще ближе отъ кучки матросовъ, стоявшихъ тутъ-же. Никто изъ нихъ и не пошевелился, и, кажется, я одинъ видѣлъ эту пулю. Это меня совершенно успокоило. Съ той минуты до конца, часа два сряду, проведенные мною на четвертомъ бастионѣ — я уже не чувствовалъ ни малѣйшаго страха. Мы пошли опять траншеями, втроемъ, съ Кутровымъ. Выстрѣлы изъ пушекъ гремѣли безпрестанно. Ружейныхъ было вовсе не слышно, или слышно только временами, и то какъ звукъ пистоновъ. «Вотъ на этомъ мѣстѣ, въ самой траншеѣ, сегодня убило трехъ вдругъ одной пулей, сказалъ Кутровъ: пуля прошла по головамъ; и вотъ здѣсь еще одного!» Весело было слушать тѣмъ, кто переступалъ черезъ это мѣсто! -- Траншеи были полны солдатами, которые сидѣли и лежали въ самыхъ безопасныхъ положеніяхъ, конечно не думая о пуляхъ. Вскорѣ открылся бастионъ, совершенно отличный отъ тѣхъ, которые я уже видѣлъ. Это была площадка, вся изрытая землянками, вся въ буграхъ. Тамъ и сямъ чернѣли отверстія—входы въ блиндажи. Пороховой блиндажъ возвышался надо всеми. Кругомъ на сдѣланной изъ земли насыпи въ видѣ вала, шли тѣсные, земляные же траверсы, съ наложенными на нихъ мѣшками.

Штуцерные были въ постоянномъ движеніи, подбѣгали, выстрѣливали, — и опять заряжался штуцеръ. Весь бастионъ представлялъ какое-то суетливое, и вмѣстѣ грозное кипѣніе. Гдѣ-то бухали пушки; ясно было слышно гудѣніе ядра — кто стрѣлялъ? мы? они?—разобрать было трудно. Наши выстрѣлы сливались съ выстрѣлами непріятеля, который таился тутъ-же, за валомъ, всего въ семидесяти саженьяхъ. Мнѣ все какъ-то не вѣрилось, что онъ такъ близко. — «Отсюда вы можете видѣть непріятеля», сказалъ мнѣ капитанъ, подведя меня къ одному орудію, укрытому щитами такъ плотно, что едва оставалась щель для глаза. «Но пожалуйста поосторожнѣе — прибавилъ онъ; учтивые Французы здѣсь вовсе не учтивы!» Я поднялся на орудіе и взглянулъ между мѣшковъ, лежавшихъ на траверсѣ; желтъя траншейный валъ, лежали такіе же мѣшки, какъ и у насъ, мѣстами выскакивалъ дымокъ безъ звука, какъ пыль съ вала—и только. Тоже, что я видѣлъ и съ другихъ бастионовъ, только яснѣе. Потомъ мы пошли дальше мимо траверсовъ. Вдругъ осколокъ бомбы, разорвавшейся въ непріятельскихъ траншеяхъ, прожужжалъ надъ нашими головами, и упалъ въ кучку работавшихъ внутри бастиона. «Вотъ какъ у насъ, сказалъ Кутровъ: своимъ какъ-разъ убьетъ! — Что, никого? крикнулъ онъ внизъ. — Никого! — отвѣчали оттуда. «Ну, слава Богу!» Такіе случаи бываютъ не рѣдко. Осколки бомбъ французскихъ летятъ къ нимъ назадъ. Слѣдя за полетомъ осколка, я увидѣлъ между блиндажами, въ одной сторонѣ бастиона, образъ на столбикѣ, подъ досчатымъ навѣсомъ. Передъ нимъ теплилась неугасимая лампада.... Я помолился. Невыразимо благодатно дѣйствуетъ тамъ молитва, и все-бы молился,—и за эту горсть храбрыхъ, что всякую минуту ложатся костями, и за всѣхъ тѣхъ, отдаленныхъ, скорбящихъ на всемъ великомъ пространствѣ Русской земли, и за всю православную Русь.... Я не много помню такихъ минутъ....

Вскорѣ насъ окружили офицеры, командующіе орудіями, и ходили вмѣстѣ съ нами. Я пожелалъ снять часть бастиона съ его любопытными курлыгами. Но вдругъ пошелъ дождикъ. Услужливые и добрые моряки сейчасъ устроили надо

мною навѣсь изъ лубковъ. Явился столъ и стулъ, и это подлѣ гремящихъ орудій; но я не слыхалъ ихъ грома. Черезъ четверть часа привыкаешь къ нимъ, и кажется какъ будто не стрѣляютъ. Я срисовалъ два фаса, ближайшіе къ непріятелю.

Подлѣ пороховаго блиндажа есть спускъ въ мину. Мнѣ было разрѣшено спуститься. Мы пошли вдвоемъ съ однимъ офицеромъ, нагнувшись, сперва въ полусвѣтъ, потомъ въ совершенныхъ потьмахъ. Когда слышно было, что кто-то идетъ навстрѣчу, кричали: *держи налево* или *направо*, чтобы не столкнуться. Но было такъ узко, что всегда задѣвали другъ-друга. Наконецъ я усталъ и поползъ на рукахъ и коленяхъ. Товарищъ мой отделился отъ меня далеко, мнѣ было слышно только его голосъ, — *держи налево, направо!*... вдругъ я почувствовалъ подъ руками воду; — надо было встать. Мина шла уже и уже. Сперва я ошупывалъ по бокамъ доски и столбы, но потомъ все это кончилось: пошелъ голый, земляной корридоръ. Тягостное чувство испытываетъ непривычный человекъ подъ этими тѣсными сводами, что-то сдавливающее, удушающее. Мы дошли до того мѣста мины, гдѣ наша галлерей сошлась съ непріятельскою. Тутъ зажженъ фонарь и сидятъ на полу солдаты. Я видѣлъ непріятельскія работы. Ихъ мины немного шире, больше нѣтъ никакой разницы. Говорятъ, встрѣтятся съ нами, они бросили копать и ушли. Тутъ поставлена большая воронка съ порохомъ, и засыпана землей. Мы отдохнули и повернулись назадъ. Признаюсь, хотѣлось скорѣе вылезть изъ этого длиннаго гроба. Въ концѣ, уже близку къ выходу, мой товарищъ пригласилъ меня зайти къ штабъ-капитану Мельникову, завѣдывающему минными работами, въ его нишу, которая устроена тутъ же въ минѣ. Изъ гроба мы очутились въ довольно-порядочной комнатѣ, увѣшанной коврами. Посреди стоялъ столикъ и кипѣлъ самоваръ. По стѣнамъ шли земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подлѣ одной стѣны была печь, ростомъ въ человека, не доходящая до потолка. На ней, сверху лежали разныя тетради, бумаги, чертежи и — *Мертвые души*....

*

Хозяинъ и вмѣстѣ создатель этой комнаты, — молодой человекъ, украшенный георгиевскимъ крестомъ — называемый въ шутку моряками *оберъ-кротъ*, — принялъ меня какъ давно-невиданнаго брата, и угостилъ чаемъ. Между-тѣмъ я снялъ его подземное жилище....

И онъ вѣчно тамъ—при огняхъ! Полковникъ Тотлебенъ бываетъ у него всякій день, обходить всѣ галлерей, всѣ рукава. Мельниковъ любитъ его какъ отца. Когда онъ говорилъ мнѣ объ немъ, у него дрожала голосъ отъ невыразимаго уваженія и преданности къ этому человеку. О, если бы написать исторію этихъ бастионовъ, не вычеркивая ни одного дня, не стирая ни одной черты, — сколько умиляющаго, поучительнаго, исторгающаго сладостнѣйшія слезы было-бы на ея страницахъ!

Мельниковъ вывелъ меня на свѣтъ другимъ путемъ. Мы очутились во рву, гдѣ было много работающихъ. Работы здѣсь тяжелы по причинѣ каменистаго грунта. Каждый вершокъ стбитъ усилій. Черезъ ровъ, надъ нами, свистѣли пули и осколки бомбъ. Мельниковъ говорилъ мнѣ, что наканунѣ у него убило во рву двухъ человекъ осколкомъ нашей же бомбы. Я снялъ входъ въ мину, подлѣ котораго мы стояли. Мы разстались съ Мельниковымъ какъ братья, и я не знаю, есть-ли два Русскихъ человека, которые тутъ не сдѣлаются братьями.

Меня повели опять траншеями, и сказали, что адмиралу угодно меня видѣть. Когда я вошелъ въ его блиндажъ — большую, просторную комнату, съ длиннымъ столомъ посрединѣ, на которомъ лежали книги и журналы, — я увидѣлъ человека среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ темными волосами, съ привлекательнымъ выраженіемъ лица, въ сюртукъ безъ эпопестъ. Рѣдко-встрѣчаемый извѣстный бѣлый крестъ украшалъ его шею. Сомнѣнія не было — это былъ Новосильскій. Я представился... Вскорѣ въ блиндажъ вошло человекъ десять офицеровъ — въ шинеляхъ и морскихъ черныхъ пальто. Я провелъ съ ними самые пріятные полчаса. Адмиралъ, привыкшій къ своему блиндажу, какъ къ

дому, и давно забывшій объ опасностяхъ, сказалъ мнѣ простодушно: заходите какъ-нибудь вечеромъ, напьемся вмѣстѣ чаю. Онъ далъ мнѣ провожатаго до дому, потому-что уже стало смеркаться, и я могъ сбиться съ дороги. Мы пошли траншеями. Навстрѣчу намъ, также траншеями шли солдаты, свѣсивъ ружья, цѣлый полкъ, въ прикрытіе на ночь. Они шли, не думая о встрѣчныхъ, и даже не глядѣли впередъ. Я нѣсколько разъ отводилъ рукою штыкъ, чтобы не на-ткнуться. А ужь извѣстно, что куча солдатъ не своротить съ дороги. Мнѣ надобло отводить штыки, которыхъ впереди казалось безконечно много — и я предпочелъ вылезть изъ траншей и идти по сторонѣ горою. Но по мнѣ не стрѣляли. Вообще къ вечеру прекращается перестрѣлка баттарей, а идетъ перестрѣлка однихъ ложементовъ.

Прощай, славный четвертый бастионъ! Не знаю, увижу ли тебя еще разъ, а если увижу—тъ ли меня встрѣтятъ?..

Уже стемнѣло совсѣмъ, когда я отворилъ дверь въ мою комнату у Зорина, гдѣ ждали моего возврата. Всѣ знали, что я на четвертомъ бастионѣ. Собралась большая компанія. Ахбауеръ, только что воротившійся съ работъ, рассказывалъ случаи въ траншеяхъ: онъ шелъ позади двухъ солдатъ. Одинъ старшій, все кланялся пулямъ, а шедшій за нимъ молодой подтрунивалъ надъ нимъ: «Э, дѣдушка! Что ты все кланяешься, полно!» А вотъ, погоди, поклонись и ты!—«И поклонюсь, какъ убьютъ... дай Господи только наповаль!» Въ эту минуту пуля ударила его прямо въ сердце, и онъ повалился къ ногамъ Ахбауера. — Говорили между прочимъ о ракетахъ, которыя пускалъ непріятель наканунѣ. Одинъ офицеръ, пріѣхавшій изъ городу, рассказывалъ, что ихъ насчитали пятьдесятъ семь, и что нѣсколько упало на сѣверную сторону; одна подлѣ Одесской палатки. Тутъ я опять вспомнилъ слова моего проводника матроса объ *нашей*, отъ которой не схоронишься... ни на сѣверной, нигдѣ... Рассказывавшій офицеръ былъ молодцоватый морякъ; онъ пріѣхалъ на несѣдланной казацкой лошади; черезъ плечо его морскаго пальто моталась богатая турецкая шашка, добытая въ Синопѣ.

Утромъ 17-го мы увидѣли снѣгъ. Дуль ужасный вѣтеръ. Было очень холодно, какъ зимой, и я не воображалъ, что куда-нибудь выйду; но адмиралу Нахимову угодно было прислать мнѣ лошадь и адъютанта въ товарищи, для осмотра остальныхъ бастионовъ. Пообѣдавши, мы поѣхали на третій бастионъ, идущій нальво отъ четвертаго, за огромной балкой. Дорога шла обыкновенными севастопольскими улицами, и между прочимъ надъ бухтой, по глинистому гребню горы, размытому снѣгомъ. Лошади наши скользили и катились. Вся большая бухта, корабли, сѣверная сторона, укрѣпленія были оттуда какъ на ладони. Очаровательные виды!

Въ то время сердце было полно!

Я думалъ, какъ мы будемъ переправляться черезъ мостъ, чуть не въ версту, устроенный на судахъ и фрегатахъ, посредствомъ перекинутыхъ досокъ. Въ двухъ мѣстахъ, по неровности фрегатовъ, эти доски возвышались и понижались, и на нихъ были прибиты поперечныя планки, и все это скрипѣло и качалось вмѣстѣ съ фрегатами. Съ горы мостъ казался узенькой досчатой полоской, и не вѣрилось, что по немъ можно проѣхать на лошади. Подѣхавъ ближе, я нашелъ его также не слишкомъ широкимъ: три-четыре доски, и никакихъ перилъ. Однако мы поѣхали. Вѣтеръ сильно парусилъ мнѣ въ бурку; лошадь катилась по мокрымъ доскамъ, подъ которыми далеко внизу синѣли бурлившія волны. Справа и слѣва, безпрестанно мелькали солдаты, шедшіе туда и навстрѣчу. Я чуть-чуть не слѣзъ, чтобы вести лошадь въ поводу, но товарищъ мой ѣхалъ впереди такъ спокойно, какъ по широкой улицѣ, поглядывая по сторонамъ, и кажется, еще люблюсь видами. «Вы бросьте поводья и забудьте все!» сказалъ онъ мнѣ, замѣтивъ мою нерѣшимость: «лучше будетъ!» Я такъ и сдѣлалъ, и точно вышло лучше. Поднимаясь потомъ въ гору, я думалъ опять о чувствѣ страха. Кажется, что за вздоръ: ѣхать подъ пули, и бояться моста!.... Мы проѣхали какую-то слободку, среди которой было десять-двадцать лавокъ съ разными съѣстными припасами; толпились солдаты....

Потомъ миновали нѣсколько большихъ строеній, церковь, площадку, уставленную солдатскими ружьями въ козлахъ, и очутились на бастионѣ. Третій бастионъ отличенъ отъ другихъ. Въ иныхъ амбразурахъ нѣтъ вовсе щитовъ, и какъ въ окно видишь въ нихъ глубокую живописную балку, съ раскиданными по ней рѣдкими домиками, когда-то живыми, приманчивыми, полными поэзіи. Вдали, на краю возвышенія, виднѣлся четвертый бастионъ. Было непріятно-холодно. Карандашъ вываливался изъ рукъ. Я вошелъ въ одинъ солдатскій блиндажъ, который топился. Человѣкъ пять солдатъ сидѣло въ однихъ рубашкахъ на общихъ подмосткахъ, протянувъ ноги, и каждый занимался своимъ дѣломъ. Кто шилъ, кто читалъ азбуку. На стѣнахъ я замѣтилъ образа и лубочныя картинки. Было такъ тепло, что я не счелъ за грѣхъ отворить двери и въ нихъ рисовать одно орудіе, которое пришлось какъ разъ напротивъ. Отъ холоду, или отъ чего другаго непріятель молчалъ: ни штуцерныхъ (такъ называютъ штуцерныя пули), ни бомбъ, ничего. Да и вообще по этому бастиону стрѣляютъ мало. Разстояніе отсюда до ихъ траншей довольно велико: околю версты. Это обстоятельство позволяетъ намъ быть нѣсколько безопасными и не занавѣшивать иныхъ пушекъ щитами.

Потомъ артиллерійскій офицеръ, командующій тѣмъ орудіемъ, которое я снялъ, повелъ меня въ церковь, устроенную въ казематѣ. Въ большой мрачной комнатѣ, уставленной ружьями, заваленной аммуниціей, сіяла лампадами одна небольшая частица стѣнки, покрытая образами — это былъ иконостасъ бастионной церкви. Бомба пробила въ одномъ мѣстѣ потолокъ, но не повредила ничего, даже не ранила никого изъ солдатъ, находящихся тутъ постоянно. Всѣхъ ихъ человѣкъ десять. Здѣсь говѣла на первой недѣлѣ команда бастиона, но послѣ этого было приказано командующимъ войсками ѣсть скоромное, вслѣдствіе испрошеннаго на то разрѣшенія Святѣйшаго Синода.

Я не побѣхалъ на другіе бастионы, потому-что уже вечерѣло. Мы возвратились въ городъ совсѣмъ въ-потьмахъ.

У Зорина собирались на вылазку противъ карантина, чтобы взглянуть на новую батарею, а если удастся, такъ и заклепать пушки. Также хотѣли завалить какой-то колодець. Матросъ, ординарецъ Зорина, обыкновенно ходившій со мной, пришелъ проситься на вылазку, но его не пустили, сказавши, что ничего не будетъ, и въ самомъ дѣлѣ ничего не было по причинѣ ясной ночи.

На другой день, часу въ девятомъ утра, я отправился къ Нахимову, и засталъ его уже одѣтымъ и готовымъ куда-то ѣхать. Онъ хотѣлъ однако, чтобы я посидѣлъ нѣсколько. Говорили конечно о Севастополѣ.

Онъ велѣлъ адъютанту свозить меня на корабль, и потомъ къ нему обѣдать, въ двѣнадцать часовъ, но предупредилъ, что у него постное. Мы полетѣли на гичкѣ, въ двадцать веселъ, и остановились подъ громадой трехъ-дечнаго корабля Великій Князь Константинъ. Надо было взбираться по мудреной лѣстницѣ стоймя. Я не надѣялся на ноги, которыя болѣли отъ путешествія въ мину, и вошелъ въ бортъ окошкомъ. Мы осмотрѣли всѣ подробности. Это не корабль, а игрушка. Мнѣ показали между прочимъ двѣ пробитыя палубы, упавшею наканунѣ ракетой. Въ третьей она остановилась, измявшись какъ сапогъ. Времени еще было довольно, и мы отправились на пароходъ Владиміръ, стоявшій оттуда не больше какъ въ верстѣ. Я никогда не забуду приѣма добрыхъ моряковъ, которымъ они меня почтили. Случилось, что между ними былъ одинъ мой товарищъ по 1-й московской гимназій, Новиковъ. Онъ узналъ меня сію минуту и представилъ своимъ сослуживцамъ. Черезъ мигъ я былъ между товарищами, какъ-будто бы всѣ они со мной учились. Мы пошли по пароходу. Известно, что имъ взяты съ бою турецкій пароходъ *Первѣзъ-Бахрѣй*. Я видѣлъ много вещей, взятыхъ оттуда. — Послѣ осмотра явилась закуска: устрицы, свѣжее сливочное масло, какого не найдти въ городѣ ни за какія деньги, но моряки знаютъ «гдѣ раки зимуютъ». Въ свѣтлой, просторной комнатѣ, съ прекрасною мебелью, въ теплѣ, я забылъ, что подъ нами волны... не хотѣлось уходить; рѣчи кипѣли; но

самые вѣрные — морскіе песочные часы показали, что скоро двѣнадцать. Надо было ѣхать противъ вѣтра двѣ версты. Я вырвался изъ объятій новыхъ друзей, и гичка полетѣла.... Адмиралъ ожидалъ насъ, и мы сѣйчасъ же съѣли обѣдать.

Вечеромъ и ночью этого дня не было вовсе стрельбы. За то поднялась сильная утрюмъ. Я не ходилъ никуда до обѣда, и сидѣлъ подъ окномъ, смотря на бродившихъ кучами греческихъ волонтеровъ, которые только что прибыли изъ Евпаторіи. Говорятъ, они дрались такъ хорошо, что многіе изъ нихъ получили кресты. Костюмъ ихъ былъ обыкновенный клефетскій: шитая куртка, какого случится цвѣту, подъ нею бѣлая фустанелка (короткая юбка) и широкой поясъ, изъ-за котораго торчалъ цѣлый арсеналъ оружія: чуть не десятокъ разныхъ дреколій, пистолетовъ и кинжаловъ. Обувь была своя, изъ особенныхъ перевязей, а у иныхъ и русскіе сапоги. Многіе имѣли сверхъ куртки свою короткую овчинную шубу съ прорѣзными рукавами, и опять-таки русскіе полушубки. У бока мотались ятаганы и наши кортики, пшпаги, сабли. На головахъ фески, съ напштыми напередѣ крестами. У ббльшей части были большіе мѣдные кресты съ шеи. Все это странное войско, похожее на маскерадъ, отдано было подъ команду гусарскому майору князю Урусову. Они сами просили въ начальники Русскаго, или Грека. Волонтеры часто толпились у квартиры своего начальника, сидя на его крыльцѣ и курия трубки. Однажды онъ вздумалъ сдѣлать имъ смотръ. Капитаны, одѣтые попараднѣе, выбранные изъ нихъ же, поставили ихъ въ возможно-ровные ряды, на той же большой улицѣ, какъ-разъ противъ напшихъ оконъ, и мы могли видѣть этотъ смотръ. Скоро они смѣшались опять въ кучу, переходя другъ къ другу для разговора, и все-таки курили трубки. Князь Урусовъ проѣхалъ мимо ихъ верхомъ; они крикнули: *Z'oto Oύρουσσοφ!* и тѣмъ все кончилось. Ихъ разослали по разнымъ бастіонамъ, въ ложементы. Всъ проснулись на четвертый. Но въ тотъ же день на желанномъ четвертомъ бастіонѣ ранили одного пулей. Не знаю, какимъ образомъ случилось, что не достали носи-

локъ: одинъ Грекъ понесъ товарища на плечахъ. Нѣсколько другихъ пошло за нимъ, повѣсивъ голову. Это была трогательная картина, какъ товарищъ товарища несъ, не утомляясь, слишкомъ версту, и донесъ до конца. Я забылъ утреннія комедіи и маскерадный видъ волонтеровъ. Думалось со-всѣмъ другое...

Я сидѣлъ довольно долго подѣ окномъ. Провели французскаго перебѣжчика; народъ останавливался и говорилъ: «ишь молодчикъ!»—Нынче перебѣгаетъ мало: одинъ-два въ день. Но въ холодные дни къ намъ перебѣгало до тридцати человекъ въ сутки.

Мы обѣдали въ городѣ въ гостинницѣ Томаса. Готовятъ не дурно и провизія свѣжая, но подаютъ нестерпимо медленно. Столько требованій, что можно не заботиться о посѣтителяхъ. Оттуда зашли въ лавки, находящіяся тутъ же, на большой улицѣ. Офицерскія вещи, которыя мы спросили, оказались немногимъ чѣмъ дороже московскаго и нисколько не дороже кишневскаго. Большая часть лавокъ принадлежитъ Караимамъ (евреямъ); русскихъ двѣ-три, небольше. Въ последнее время однако купцы стали выбираться и уѣзжать.

Передъ вечеромъ я побѣхалъ отъ нечего дѣлать на северную сторону; Александръ Ивановичъ принялъ меня по старому; мы не видались нѣсколько дней. «Говорятъ, у васъ упала ракета?» сказалъ я. Какъ же, вотъ тутъ! отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, да еще какъ: съ комфортомъ!—«Какъ такъ?»—Мы сидѣли въ большой компаніи и пили чай; такъ себѣ расположились чудо, угрошенье такое — вдругъ хлопъ! ракета!» Это называлось у него съ комфортомъ. Къ ночи я воротился въ городъ. Началась сильная стрѣльба съ бастіоновъ. Непріятель отвѣчалъ только ракетами и то къ утру. Я проснулся и слышалъ ихъ свистъ при паденіи. Вдругъ разразился ударъ надъ нашимъ домомъ. Раздался взрывъ, подобный взрыву бомбы, полетѣли жужжащія верешки и зазвенѣли стекла. У насъ въ корридорѣ поднялся шумъ и бѣготня. Я рѣшилъ, что это бомба, упавшая въ одинъ изъ номеровъ,

но встать и посмотреть было лѣнь. Товарищъ мой и не просыпался. Черезъ нѣсколько минутъ я и самъ заснулъ. Мы встали поздно и пошли поглядѣть: оказалось, что это была ракета, ударившая во второй номеръ. Она пробила часть крыши, у самага краю, потомъ капитальную каменную стѣну наискось, столъ, и зарылась въ мѣшкѣ съ овсомъ. При ударѣ послѣдоваль разрывъ гранаты, которая была утверждена въ переднемъ концѣ ракеты, и потому показалось мнѣ, что это бомба. Въ трехъ номерахъ: первомъ, второмъ и третьемъ лопнули всѣ стекла, а въ нашемъ четвертомъ, который былъ напротивъ втораго черезъ корридоръ,—ни одного. На диванѣ, подлѣ стола, который пробило, спалъ деньщикъ офицера, занимавшаго номеръ. Его не задѣло нисколько. Мы спросили: «Что, испугался, или нѣтъ?»—Нѣтъ, только проснулся, отвѣчалъ онъ: значить, не моя смерть!—Мы осмотрѣли ракету, и развинтили ее. Это былъ родъ конгревовой ракеты, съ желѣзной гильзой, и съ желѣзной приставкой на концѣ, въ которую утверждался деревянный хвостъ. Для чего-то было много винтовъ, сдѣланныхъ очень отчетливо. Хвостъ въ разрѣзѣ представлялъ звѣзду о пяти углахъ. Я видѣлъ ракетъ до десяти, и всѣ онѣ были совершенно одинаковы. Цѣльная, не согнутая ракета, будетъ больше роста человѣка.

Послѣ чаю я отправился на Малаховъ, нынѣ Корниловъ курганъ, въ память убитаго на немъ Корнилова. Со мною былъ офицеръ, данный адмираломъ Нахимовымъ, для того, чтобъ представить меня командиру бастіона Истомину. Мы нашли его объѣдающимъ, и я не рѣшился войти. Офицеръ вошелъ одинъ, и получилъ позволеніе показать мнѣ бастіонъ. Адмиралъ Истоминъ живетъ въ остаткахъ башни, которая была разбита непріятельскими выстрѣлами въ дѣло 24 октября. Эту башню выстроило городское общество. Ее видно со всѣхъ концовъ Севастополя по причинѣ весьма высокой мѣстности. Я просилъ прежде всего показать мнѣ мѣсто, гдѣ убить Корниловъ. — На немъ выложенъ крестъ изъ бомбъ. Корнилова ранило осколкомъ гранаты въ нижнія части живота. Тутъ-же у пушки, на блиндажѣ, сдѣлали ему пере-

вязку, но онъ жилъ только два часа.... Миръ праху твоему, спаситель Севастополя! Твоимъ дѣятельнымъ духомъ, и твоею любовью къ Русской землѣ воздвигнуты валы бастионовъ, удерживающіе врага; и до нынѣ этотъ духъ пребываетъ въ защитникахъ и ты невидимо бьешься вмѣстѣ съ ними на твоихъ бастионахъ, безсмертный герой!

На Корниловомъ курганѣ очень тихо. Траншеи непріятелей около 700 сажень. Рѣдко приносится ихъ пуля. Не часто посыпаютъ и бомбы. Однако орудія всѣ до одного занавѣшаны щитами.

Оттуда я пошелъ на второй и первый номера баттарей, которые находятся не далѣе какъ въ полумерствѣ отъ Корнилова кургана. Тамъ также тихо. Еще рѣже летаютъ пули, хотя непріятель ближе. Но онъ занятъ здѣсь новымъ редутомъ, возводимымъ (и уже возведеннымъ) подлѣ того, на которомъ было дѣло съ 11-го на 12 февраля. Эти редуты какъ-разъ противъ втораго номера, черезъ балку, называемую *Килень-балка*, какъ онъ говорили, отъ корабельныхъ *килей*, которые тутъ прежде складывались. Командиръ второй баттарей объяснялъ мнѣ движеніе непріятелей, показывая рукою мѣста.

Подлѣ перваго номера, въ глубокой балкѣ, обратили мое вниманіе остатки большаго городского сада, — разбитая ядрами бесѣдка, валяющіяся статуи — и только. Деревья вырыты и ими завалены одинъ фасъ баттарей. Это, кажется, единственныя севастопольскія деревья, росшія въ такомъ большомъ количествѣ, и росшія здѣсь давно. По поводу ихъ устроили садъ, поставили бесѣдку, было гулянье, но мѣсто очень неудобно, и далеко отъ центра города. Такъ неудобно, что не вѣрится, будто здѣсь былъ садъ и гулянье. Конечно, на этомъ мѣстѣ не увидятъ больше деревьевъ. Другое дѣло, когда они выросли случайно и достигли такого развитія, какое рѣдко встрѣтишь на каменистой почвѣ Севастополя. Здѣсь деревья совсѣмъ не принимаются, и вѣрно сажать ихъ на мѣстѣ бывшаго сада никто не станетъ. Странное дѣло: какъ-то скучно на бастионѣ безъ выстрѣловъ. Чего-то не достаетъ.

Бастіонъ, такъ бастіонъ, со всѣмъ, что должно быть на бастіонѣ. Выстрѣлы и свистящія пули — поэзія бастіоновъ.

Есть упоеніе въ бою....

По истинѣ, въ иныя минуты мнѣ было пріятно слышать свистъ пуль.

Съ перваго номера я отправился въ городъ берегомъ моря, и любовался движеніемъ париходовъ и яликовъ въ бухтѣ. Херсонесъ бросалъ якорь. Темнѣющіе на водѣ катера завозили канатъ.... Какой-то безпечный охотникъ хлопалъ съ берега изъ ружья по бакланамъ. Вечеръ опускался на море, и на непріятельскихъ корабляхъ блеснули огни. Ночью, по горизонту моря всегда линія огоньковъ. Мнѣ говорили, что до нихъ верстъ двѣнадцать, а кажется очень близко: три-четыре версты.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ я вышелъ изъ квартиры, не зная куда пойду, какъ вдругъ навстрѣчу К*. «Куда вы?»—На новый редутъ, посылаетъ Сакенъ. Не хотите-ли?—Мы пошли на Графскую. Казенный катеръ уже дожидался. Съ нами было еще двое: молодой С. и гусарскій ротмистръ М. Можно было пристать въ двухъ мѣстахъ, не дожжая до Георгіевской пристани, куда никто не ѣздитъ, потому-что эта пристань находится подъ горою у редутовъ, и туда уже летаютъ пули. Но намъ не хотѣлось идти много пышкомъ, и мы поѣхали прямо на Георгіевскую. Ровняясь съ Сапунъ-горой, мы спросили у гребцовъ: «Ѣхать-ли дальше? Если кто-нибудь изъ насъ будетъ убитъ, это наше дѣло, а что ихъ безъ нужды мы не хотимъ подвергать опасности, и причалимъ тамъ, гдѣ обыкновенно причаливаютъ». Мы знали, что говоримъ эту рѣчь, что называется, для блезиру, но надо было сказать. — Нешто мы тутъ не ѣзжали, отвѣчали намъ матросы: двухъ смертей не бывать, одной не миновать!— и продолжали грести. Мы обогнули Сапунъ-гору, и въѣхали въ Георгіевскій заливъ. Налѣво виднѣлось нѣсколько палатокъ Селенгинскаго полка; направо, подъ скалой, закопченной дымомъ костровъ, десятка два солдатъ варили кашу

Составленные въ козлы ружья свѣтились на темномъ фонѣ впадины. Подлѣ были остатки рыбацкой хижины. Такъ и просилась картинка на бумагу. Я чуть не остановился. Но нельзя было отстать. Мы причалили къ остаткамъ какихъ-то воротъ, изъ бѣлаго камня, вышли и стали подыматься въ гору, какъ вдругъ видимъ, что къ намъ бѣгутъ двое: это былъ полковникъ Сабашинскій, командиръ Селенгинскаго полка, и еще одинъ офицеръ «Куда вы? куда?» кричали они. На новый редутъ!—«Да тутъ не ходятъ: васъ убьютъ. У меня сегодня убило солдата, вонъ тамъ внизу, у палатокъ! Надо идти кругомъ, черезъ Волинскій редутъ!»—Но К* не послушалъ. «Ну, какъ хотите, пойдите пожалуй и тутъ! Я не отстану: мнѣ не въ первый!»—Мы прошли вверхъ еще шаговъ десять, какъ вдругъ двѣ пули, одна за другой, ударились въ землю направо отъ насъ, саженьхъ въ двухъ, потомъ нѣсколько свиснуло надъ нами. Гусарь съѣлъ на землю; К* и С*, согнувшись, пошли къ стѣнкѣ редута, который былъ уже въ виду, шагахъ въдвадцати; а я остановился съ полковникомъ на горѣ. Мнѣ почему-то не хотѣлось идти. Въ это время пуля свиснула между мной и Сабашинскимъ, такъ близко, что пахнулъ вътеръ. Сдѣлай мы шагъ впередъ, — расчетъ этой пули былъ бы иной. Я хотѣлъ вспомнить чѣмъ-нибудь это мгновеніе, и нагнувшись, увидѣлъ подъ ногами три желтыхъ цвѣтка; я сорвалъ ихъ всѣ и уложилъ въ бумажникъ.

Потомъ мы пошли вправо, къ Волинскому редуту (такъ названъ редутъ, на которомъ было дѣло съ 11-го на 12-е). Тамъ гораздо тише. Я прислонился къ траверсу и отдохнулъ. Но тутъ мнѣ пришли на мысль мои товарищи, оставшіеся подъ стѣнкой. Я боялся за нихъ: какъ-то они пройдутъ пространство, уже пройденное нами? — Но скоро увидѣлъ ихъ входящими въ редутъ. А гдѣ остался гусарь, никто не зналъ объ этомъ. Мы стали смотрѣть изъ-за щита, заслонявшаго одно орудіе, на траншеи непріятелей, откуда посылается все это множество пуль: едва видно было валъ, и нужна была нѣкоторая привычка, чтобы отличить въ горѣ эту желтѣющую насыпь. До нея покрайней мѣрѣ было четьреста сажень. А къ низу до палатокъ отъ редута вѣрныхъ двѣсти.

Между тѣмъ солдатъ, о которомъ говорилъ Сабашинскій, былъ пробитъ пулею насквозь!—Выстрѣловъ не видно вовсе. Пули сыпались, посылаемыя неизвѣстно къмъ и откуда. Мнѣ не совѣтовали долго глядѣть и высовываться, говоря, что непріятель видитъ у насъ малѣйшее движеніе — и сейчасъ посылаетъ пулю. Но ихъ летало черезъ этотъ редутъ немного. Я сталъ отъ нечего дѣлать прислушиваться къ ихъ свисту. Иныя летѣли съ особеннымъ шуршаніемъ. Однажды я даже усомнился, точно-ли это пуля, и спросилъ у солдатъ: «Что, это пуля?» — Точно такъ! — «Отъ чего жъ она такъ странно свиститъ?» — Да это *молоденькая!* — Молоденькими солдаты называютъ пули Минье, съ чашечками.

«А это какая!» — Это *лебедушка!* — Такъ называютъ они пулю глухую, безъ чашечки, съ небольшою впадиной.

Офицеры мнѣ говорили, что есть и еще названія, но сами вспомнить ихъ не могли, а я не слыхалъ.

Мы хотѣли идти опять той же дорогой, но Сабашинскій не пустилъ, и повелъ насъ нѣсколько лѣвѣе, гдѣ, какъ онъ говорилъ, меньше пуль. Но я скоро могъ показать ему свѣжо-вздранную ими землю. Такъ мы дошли до его блиндажа, устроеннаго въ концѣ горы, почти у самой пристани. За блиндажемъ идетъ нѣсколько палатокъ. Мы почитали себя безопасными. Выпили по рюмкѣ добраго хересу за здоровье полковника и его храбрыхъ Селенгинцевъ. Поговорили о дѣлѣ на Инкерманскихъ высотахъ, гдѣ Волынцы и Селенгинцы опять были вмѣстѣ,—и простились. Къ пристани пошли мы уже одни, и тутъ откуда-то вывернулся нашъ отставшій гусарь. Онъ встрѣтилъ насъ смѣхомъ: *mais vous avez entandés comme nous assiffa!* — Мы молча сѣли въ лодку и черезъ часъ были опять въ городѣ. Какъ-то особенно хорошо пообедалось у Томаса. Вечеромъ я ходилъ въ Корабельную слободку къ Волынцамъ, и тутъ они мнѣ сообщили подробности о дѣлѣ съ 11 на 12, въ томъ видѣ, какъ я передалъ ихъ выше. Рассказывали между прочимъ, будто непріятели пустили однажды въ городъ огромный самоваръ, начиненный разными горючими веществами, но его не разорвало, и что

будто бы онъ у кого-то сохраняется. Я не успѣлъ навѣсть справокъ, потому-что на другой день мы получали разрѣшеніе выѣхать. Энергически, въ пять минутъ, собрались мы въ дорогу; я съѣздила на Сѣверную проститься съ однимъ артиллерійскимъ генераломъ, командиромъ четвертаго номера. Зашелъ также къ Долгорукому и узналъ, что капитанъ зуавовъ (фамилія его была Лесажъ) и его солдаты умерли (они, кажется, носили арабскія имена); но Русскимъ всѣмъ лучше и раны идутъ хорошо. Воротаясь въ городъ, я сходилъ на шестой бастионъ и простился съ Зоринымъ.

Когда я шелъ домой, непріятель сталъ пускать бомбы. Двѣ разорвало почти надъ моей головой, нѣсколько въ боку, и долго стояли въ воздухѣ неразвѣваемые ветромъ облачка, которыя всегда бываютъ послѣ разрыва. Это были единственныя непріятельскія бомбы, видѣнныя мною близко. А я еще ходилъ ихъ смотреть нарочно. Судите, сколько же приходится видѣть человѣку, который нигде не выходитъ. Вѣроятно, не больше одной въ недѣлю. А между тѣмъ непріятель пускаетъ въ день около ста. Но такъ великъ городъ, что это незаметно. Также не слышно, чтобы онъкого-нибудь ранили. Много грома и тревоги. Больше всего вреда отъ штуцерныхъ пуль. Только и слышишь: тамъ убило штуцерной, тамъ убило. Кажется, скоро бросятъ все,—и возьмутъ въ руки штуцера.

Въ послѣдній разъ пообѣдали мы у Томаса, и потомъ, собравъ вещи, пошли на пристань. Было пріятно услышать крики: «На сиверную! на сиверную!» хотя и не скучно было въ Севастополь, хотя этотъ городъ имѣетъ въ себѣ что-то притягивающее. Теперь я бы опять поѣхалъ туда, но въ то время хотѣлось въ Кишиневъ. Тамъ ждали товарищи; тамъ было больше своего, знакомаго; тамъ былъ домъ, а тутъ гости. Я думалъ о моей маленькой хатѣ, о моей доброй хозяйкѣ, любившей меня какъ сына, о невозмутимой тишинѣ, окружавшей мое жилище.

На станціи мы опять нашли офицеровъ на овсѣ, но уже другихъ. Лошадей не было; мы ждали часовъ пять и выѣхали, когда уже стало совсѣмъ темно. Надо было еще захватить къ

Липранди, который стоитъ съ отрядомъ верстахъ въ шести, около Черной рѣчки, на случай встрѣтить непріятеля, если онъ вздумаетъ перебираться на Сѣверную. Татарченко, везшій насъ, какъ водится, не зналъ дороги; мы поѣхали такъ, на-авось, направо, по своимъ соображеніямъ, потому-что видѣли лагерь Липранди изъ Севастополя. Мы ѣхали и ѣхали все по горахъ, и что-то казалось долго. Была тьма кромешная. Невольно приходили въ голову Французы, ихъ разѣзды, хотя до встрѣчи съ ними мы должны были проѣхать нашу цѣпь. А все-таки мерещилось. Но вотъ затемнѣли палатки... Удивительное дѣло это русское авось! Какъ рѣдко оно измѣняетъ Русскому человѣку!—На дорогу выѣхать уже было не мудрость. Держи налѣво—и кончено!

На разсвѣтъ показалась живописная Дуванка, съ ея садами, тополями и горами, которыя окружили насъ совершенно, когда мы поѣхали слѣдующую станцію. Дорога была суха и крѣпка какъ камень. Кое-гдѣ уже начинала пробиваться зелень. Облака ластились къ горахъ, поминутно задерживая ихъ своимъ млчнымъ пологомъ. Я вспомнилъ, что мнѣ кто-то говорилъ въ Москвѣ — и еще крѣпко спорилъ — что Чатырдагъ никогда не покрываютъ облака и что онъ слишкомъ расписанъ поэзіей. Не только Чатырдахъ, но и самыя незначительныя горки въ томъ краю бываютъ покрыты не рѣдко облаками. Притомъ я замѣтилъ, что въ гористыхъ мѣстахъ есть какія-то особенныя облака, дружныя съ горами. Они не отходятъ отъ горъ. Иное задвинется въ ущелье и стоитъ, какъ-будто ему тамъ пріятно и лѣнь тронуться съ мѣста. Между тѣмъ вверху всегда есть облака, играющія съ одними воздушными вихрями. Они вѣчно ходятъ высоко и не мѣшаются въ затѣи своей мелкой братьи. Въ ровныхъ мѣстахъ этого нѣтъ. Тамъ одно высокое облачное небо. И если случится какая-нибудь одинокая горка, къ ней никогда не спустится облачко; а будь эта самая горка въ мѣстахъ гористыхъ — ее бы всякое утро лелѣжали туманы.

Скоро я отличилъ снѣжную вершину Чатырдага, къ которому привыкъ въ Севастополь. Онъ дѣйствительно не бросается въ глаза, но до него оттуда далеко — верстъ шестьдесятъ.

Названіе *Палатъ-гора* очень ловко, хотя и дано вѣроятно какимъ-нибудь Татаринемъ, переводившимъ Русскому его значеніе. Собственно Чатырдахъ значить *Шатеръ-гора*, и *четырь* конечно есть прародитель *шатра*. По-сербски *Чадаръ*. И онъ похожъ на шатеръ, а не на *мачту Крыма-корабля*, какъ провеличалъ его поэтъ. Но пусть будетъ такъ, а я все-таки повторилъ:

Drżąc muślinin całuje stopy twój opoki,
Maszcie Krymskiego statku, wielki Chatyrdachu (*)!

Съ Алминской станціи, второй отъ Севастополя, онъ показывается очень живописно, между ближайшими горами, которыя идутъ справа и слѣва, и какъ будто нарочно раздвигаются, чтобы открыть его зрителю. Онъ между ними какъ въ рамѣ. Я любовался этой картиной, стоя у воротъ, и тутъ подошелъ ко мнѣ ящикъ, везшій насъ въ Бахчисарай, — лихачъ, и Русскій и Татаринъ вмѣстѣ. Мы тотчасъ узнали другъ друга. «Вотъ, ваше благородіе, и Чатыртау!» сказалъ онъ мѣстнымъ произношеніемъ, и опять перевелъ мнѣ его по-русски. — А что, сколько отсюда будетъ до Чатыртау? — спросилъ я. «Верстъ пятьдесятъ, а то и всѣ шестьдесятъ будетъ!» — А можно дойти до него такъ, прямо? — «Какъ можно — отвѣчалъ онъ: дичина, и та не можетъ! Тутъ такіе яры, что сохрани Богъ!» — Я опять вспомнилъ поэта:

Gdzie orły drogę nie wiedzą. kończy się chmur jazda... (**)

Но *хмуры* хотѣли мнѣ какъ нарочно доказать, что поэзія не права, и что тутъ вовсе не кончается ихъ *ъзда*: живая картина стала ими задвигаться, и скоро остались одни рамы, и еще занавѣсъ, которая больше не поднималась.

Въ Бахчисараѣ мы имѣли бумаги къ коменданту, и это заставило насъ заѣхать въ городъ. Бахчисарай лежитъ между горами. Когда ѣдешь по лѣвому скату, длинной и предлинной улицей, кажется одной изъ главныхъ, — направо, внизу,

(*) Трещца цѣлуетъ мусульманинъ подошву твоей скалы, мачта Крыма-корабля, великій Чатырдахъ!

(**) Гдѣ орлы дорогу не знаютъ, кончается тутъ *ъзда*...

виднѣнь весь городъ, — какая-то каша строений, мелкихъ бѣленькихъ домиковъ, съ черепичными нависнувшими крышами; не видно ни улицъ, ни площадей, ни заборовъ, и кажется ничего этого нѣтъ. Мѣстами возвышается два-три минарета — бѣлыя, тонкія башни съ остроконечной крышей, похожія на бунчуки. Мѣстами возносятся тополи — и вотъ Бахчисарай. Улица, которая мнѣ показалась главною, очень узка, такъ-что съ большимъ трудомъ можно развѣхаться двумъ экипажамъ. Это какой-то — (на ту пору грязный) — корридоръ между татарскими лавками, которыя въ то же время какъ будто и домъ. Вся улица состоитъ изъ этихъ домиковъ-лавокъ. Подъ навѣсомъ, утвержденнымъ на деревянныхъ столбикахъ, сидятъ торговцы-татары, въ халатахъ, курткахъ, въ широкихъ шароварахъ, въ черныхъ овчинныхъ шапкахъ или въ рыжихъ верблюжьихъ, и въ туфляхъ — иногда на прилавкахъ, иногда просто на полу, между выставленнымъ товаромъ. Тутъ висятъ на ниткахъ кожаные мѣшки для табаку, кошельки, ремешки, сапоги, стоитъ треугольникомъ бурка; тамъ краснѣются яблоки, вмѣстѣ съ пряниками, бѣлѣтъ брынза — особенный сыръ изъ творогу, въ-видѣ приплюснутыхъ хлѣбовъ; а вотъ табакъ и трубки; хозяйка сидитъ и куритъ, и къ нимъ зашелъ гость въ двойныхъ желтыхъ туфляхъ по случаю гризи, которыя неизвѣстно какъ держатся у него на ногахъ. Онъ свѣсилъ ноги съ помоста на улицу, избоченился, и тоже куритъ, а вонь мелькнуло что-то бѣлое, — это прошла черезъ улицу Татарка, покрытая чадрой; блеснули въ отверстіе покрывала одни черные глаза — и больше ничего.... Мы ѣдемъ дальше, и все мимо такихъ же лавокъ. Вотъ лавка-кузница въ вѣчномъ движеніи. Два Татарина гремятъ молотками по раскаленному желѣзу. Рядомъ лавка сапожника: онъ спидитъ и тачаетъ сапоги. За нею лавка-трактиръ: кипитъ и бурчитъ масло на сковородахъ; Татаринъ въ бѣлой рубашкѣ съ засученными рукавами, вытаскиваетъ изъ котла какіе-то катышки изъ говядины и кидаетъ на сковороду.... дальше Татаринъ-шапочникъ, окруженный безчисленными шапками, устраиваетъ еще одну шапку. Посторонніе, прохожіе Татары, стоятъ у лавокъ, переходятъ со

стороны на сторону, бормочать, перекликаются через улицу-корридоръ. Вотъ ѣдетъ на верблюдахъ арба, и навстрѣчу четыре пары воловъ... Улица запружена совсѣмъ... крикъ, бормотня еще больше... а тутъ еще рота солдатъ съ барабаномъ; давай имъ дорогу!... но волы уперлись и нейдутъ, грязь по колено... солдатамъ не ждать—они проходятъ гуськомъ и подва врьдъ подъ низкими навѣсами татарскихъ лавокъ — и вверху и внизу, и всюду солдаты... а тутъ опять бурки, башлыки, ремни, кошельки и брынза... А вотъ и русскій чайный трактиръ. Гдѣ же дворцы? — Тамъ на концѣ. Прѣехали еще лавокъ пять съ кошельками, яблоками и туфлями, какъ вдругъ направо показалось довольно большое пестрое зданіе, похожее на персидскій коверъ. Изъ-за него выглядывалъ бѣлый минаретъ. Мы въѣхали въ арку воротъ, у которыхъ стоялъ какой-то инвалидъ, неизвѣстнаго племени, говорившій плохо по-русски. «Что, можно взглянуть на дворцы?» спросилъ я у него, покажешь мой товарищъ пошелъ отыскивать коменданта. — Можно! — «А гдѣ фонтанъ Маріи?» — А вотъ тутъ направо, гдѣ тополь! — Высокая и красивая тополь выступала изъ-за пестрыхъ зданій, которыя были связаны одно съ другимъ, составляя какъ бы заборъ; въ этомъ заборѣ была новая арка и ворота. «А гдѣ гробница Потоцкой?» — Неизвѣстное племя знало и гробницу Потоцкой: «А вонъ!» — Я взглянулъ: прямо на скатъ, подъ горой, тоже задвинутая строеніями и арками, стояла низкая башня, съ круглымъ куполомъ.

W kraju wiosny pomiędzy roskoszniemi sady
Uwiedłaś młoda różo... (*)

Я хотѣлъ пойти и поклониться юной розѣ, кто бы она ни была, но меня остановила непроходимая грязь. На дворе появился какой-то унтеръ-офицеръ, брякавшій ключами. Ясно было, что онъ намѣренъ показать намъ дворцы. Мой товарищъ воротился, и мы пошли за солдатомъ съ ключами. Войдя въ арку и пройдя нѣсколько шаговъ, мы остановились

(*) Въ краю весны, между роскошными садами, увяла ты, юная роза...

въ большихъ сѣняхъ, и проводникъ указалъ намъ на лѣво «Фонтанъ Маріи Потоцкой.» Онъ воображался мнѣ иначе. Не имѣя понятія о восточныхъ фонтанахъ, я все думалъ о фонтанѣ, бьющемъ въ верхъ. Фонтанъ Маріи — бьетъ изъ мраморной стѣны, сверху внизъ, изъ отверстія наподобіе почки какого-то цвѣтка. Онъ напоминаетъ печь съ украшеніями. Вода падаетъ на четыре карниза, помѣщенные одинъ подъ другимъ, катится струйками по мрамору—

И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Сами собой повторяются стихи, какъ-будто созданные подъ эти немолчные плески...

Весь мраморъ исписанъ именами. Я искалъ слѣдовъ двухъ поэтовъ... Многое стерлось временемъ, а многое и руками желавшихъ непременно явиться на мраморѣ. Новыя имена заступали мѣсто прежнихъ. Болѣе скромные писали въ сторону, на сѣромъ плитнякѣ и алебастрѣ. Притомъ это вѣрнее: кто хочетъ остаться дольше, пиши на алебастрѣ, а на мраморѣ можетъ быть смоеютъ тебя завтра жь. Вверху фонтана, въ ниши, возведенъ остроконечный куполь;

Надъ нимъ крестомъ осынена
Магометанская луна.

Не знаю, что говорить надпись, и не помню, чтобы она была гдѣ-нибудь списана.

Ключникъ отворилъ намъ двери во дворецъ. «Вотъ комнаты Маріи Потоцкой!» сказалъ онъ. «А вотъ ея молельня!»—Здѣсь опять странная луна съ крестомъ... «А вотъ судейская!»—Это была довольно большая комната со стѣнами подъ мраморъ, съ цвѣтными фигурными стеклами, съ узорнымъ красивымъ потолкомъ и хрустальной люстрой. Потолокъ лучше всего. Замѣчательна также мастика, употребленная на стѣны: она обманываетъ и зрѣніе, и осязаніе. Только по звуку это не мраморъ. Кто-то догадался и покрылъ эти чудесныя стѣны новой краской на мѣлу, но кто-то другой стеръ въ

одномъ мѣстѣ новую краску. Чичероне объ этомъ знаетъ и показываетъ. — Въ концѣ залы, подѣ самымъ потолокомъ, вы видите частую зеленую рѣшетку. Тамъ есть небольшая комната, въ которую можно пройти изъ палатъ хана. Говорятъ, ханъ за этой рѣшеткой невидимо присутствовалъ при засѣданіяхъ судилища. Мы осмотрѣли и ханскія комнаты. Вездѣ узорныя, красивыя потолки. Подѣ ногами особаго рода мелкія рогожки, но не знаю, тѣ-ли, по которымъ двигались ханскія туфли. Окна бѣлаго стекла съ рѣбью, а мѣстами и цвѣтныя. Въ одной комнатѣ, по краямъ, подѣ потолокомъ — мелкая живопись, изображающая разные виды, деревья, домики; все это сохранилось весьма хорошо. Въ двухъ комнатахъ быють фонтаны вверхъ, въ нѣсколько отверстій; кругомъ диваны, обтянутые красной шерстяной матеріей; по угламъ низкіе восточные столики чорнаго дерева, выложенные перламутромъ. Мы были и въ той комнатѣ, откуда изъ-за рѣшетки ханъ будто бы смотрѣлъ на купающихся женъ. Но гдѣ тамъ было купаться? — Купальня, которую мы осмотрѣли потомъ, очень мала: это бассейнъ, длиною около сажени и глубиною въ полъ-аршина. На небольшой луговинѣ подлѣ этой купальни растутъ двѣ пышныхъ мирты, а по каменному забору, идущему кругомъ садика, вѣтся виноградъ. Тутъ же стоитъ и та чудесная тополь, которую мнѣ указалъ со двора привратникъ. Въ концѣ садика бьетъ еще два фонтана. Потомъ мы осмотрѣли ханскія спальни, столовую, приемную, посольскую и комнату для бритья. До сихъ поръ цѣло парчевое покрывало, которымъ занавѣшивали послѣдняго Гиряя. Оттуда вожатый привелъ насъ въ покои ханскихъ женъ — довольно большія комнаты, съ зеркаломъ въ каждой, и съ особенными деревянными шкапами для платья. Шкапы эти сдѣланы грубо и выкрашены одноцвѣтной масляной краской. Подѣ ногами вездѣ рогоженная подстилка. Въ одной комнатѣ висятъ два опахала изъ страусовыхъ перьевъ...

● Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?...

Грустно, пустынно раздаеся шагъ зашедшаго туда

посѣтителю. Тлѣютъ пышные дворцы. Съ каждымъ часомъ рука времени стираетъ черты, но поэзія облекла вѣчнымъ очарованіемъ забытыя сѣни ханскихъ палатъ —

Еще понынѣ дышитъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ...

Могилъ гарема намъ не показали. Онѣ въ вѣдѣніи мусульманскаго духовенства и входъ въ каменную ограду всегда запертъ. Два низкихъ круглыхъ зданія съ куполами выходять наружу. Намъ сказали, что тамъ похоронены ханы. Подлѣ, въ горѣ, журчитъ ключъ, дающій жизнь всѣмъ фонтанамъ сада.

Gdzież jesteś, o miłości, potęgo i chwało?
Wy macie trwaé nawieki, źródło szybko płynie,
O hańbo! wyście prseszły, a źródło zostało! (*)

Задумавшись выѣзжаешь изъ Бахчисарая. Мы не замѣтили, какъ татарскіе кони втащили насъ на огромную гору, откуда еще виднѣе поэтической странный городъ. Но его видишь минутой! Дорога поворачиваетъ вправо — и бугоръ закрываетъ все. Мелькнувшимъ сномъ припоминается Бахчисарай и его опустѣлыя пестрые дворцы...

Мы опять стали встрѣчаться съ обозами. Горы пошли понижаться — и предъ Симферополемъ пропали совсѣмъ. Потянулась степь, грязь. По степи показались суслики: они безпрестанно мелькали за кочками, то выходясь сѣрой плоской, то торчащими столбиками, и здѣсь и тамъ бѣжалъ трусливый звѣрокъ, настораживая уши; останавливался, прилегалъ, и каждый думалъ, что имъ занято все, что ни идетъ и ни ѣдетъ, и что на него мчится тройка чудовищъ... быстро несся онъ къ норѣ; еще разъ мелькалъ и глядѣлъ изъ-за кочки своими вострыми глазами, и вдругъ нырлялъ въ норку какъ въ воду. Жаворонки пѣли одинъ передъ другимъ. Дрофы перелетывали стадами съ мѣста на мѣсто. Бѣжали потоки

(*) Гдѣ жъ любовь, владчество и слава? Вамъ пребывать вѣчно... Источникъ быстро бѣжитъ... о позоръ! Вы миновали, а источникъ остался!

отъ растаявшихъ снѣговъ, и часто надо было далеко объѣзжать эту журчащую поэзію степей. Въ Перекопѣ мы едва не съѣли. Экипажъ Великихъ Князей (небольшая коляска) — влекся одиннадцатю парами воловъ и двумя верблюдами. Великіе Князья оставили его и пересѣли въ другой болѣе легкій. Тимъ, издатель Художественнаго Листка, разѣзжалъ по городу верхомъ, ожидая прибытія на станцію этой коляски. Онъ мнѣ и разсказалъ все дѣло. — Мы потащились изъ Перекопа шагомъ. Грязь, грязь и грязь. Наконецъ и мы стали, въѣзжая въ Николаевъ. Четверка лошадей не брала простой курьерской тельжки. Пришлось выпрячь лошадей, съѣсть верхомъ и такъ добхать до станціи, — версты четыре, грязными улицами города. Вещи мы взяли на лошадей. Кто вытащилъ потомъ тельгу, неизвѣстно. Впослѣдствіи мы находили много брошенныхъ въ полѣ тельгъ и тарантасовъ, безъ всякаго присмотра. Увезти было некому. Не добъжая трехъ станцій до Одессы, мы опять застряли въ грязи. Было версть девятнадцать до перемѣны лошадей, и стало уже темно. Къ-счастью, намъ попался расторопный и ловкій ямщикъ. Въ совершенныхъ потьмахъ, такъ-что мы не видали другъ-друга, онъ выпрягъ лошадей, перевязалъ возжами наши вещи, поддѣлалъ намъ веревочныя стремена, усадилъ, — и мы двинулись въ походъ, бросивъ тельгу. На бѣду пошелъ дождикъ. Отѣхавъ версть пять, мы сбились съ дороги. По сторонамъ выли волки и такъ близко, что наши лошади храпѣли. Сколько мы ни улюлюкали, волки не уходили. Все это вмѣстѣ было нисколько не лучше путешествія подъ штуцернымъ огнемъ. Мы кружили, кружили — и все-таки не находили дороги. «А какъ тамъ былъ дождикъ, когда мы побхали?» сказалъ геній-ямщикъ. — Въ лѣвое плечо! — «Точно въ лѣвое плечо! Такъ и надо стать, и вѣхать.» Стали такъ и побхали, и выѣхали на дорогу. Чтобы не сбиться еще, мы распорядились такимъ образомъ: побхали гуськомъ другъ за дружкой, и каждый смотрѣлъ внизъ, и въ то же время слушалъ звукъ копыта. Если казалось кому-нибудь, что сбились, онъ давалъ знать — другіе два повѣряли. Ямщикъ иногда слѣзалъ и щупалъ рукой. Такъ добхали мы до какихъ-то стоговъ. «Должны

быть стоги на дорогѣ?»—Дожны!—«Значить такъ ѣдемъ!»—
 Такъ! — Да тутъ есть и землянка, прибавилъ ящикъ: не
 перегодить-ли намъ до свѣту, ваше благородіе?—«Давай пере-
 годимъ!»—Эй, мальи! крикнулъ геній-путеводитель: пусти въ
 землянку!—Чей-то перепуганный голосъ отвѣчалъ, запинаясь:
 Я пожалуй, да у меня, дяденька, ничего нѣтути, и огни
 нѣтути! — Ничего и не надо! — Мы полезли въ какую-то
 соломенную нору, щупая кругомъ: все была солома, но по-
 покрайней мѣрѣ сухая. Лошадей мы сунули къ сѣну. Клажа
 осталась на нихъ; а сами всѣ втроемъ, четвертый мальчикъ,
 забрались въ землянку, и черезъ мигъ заснули. Мнѣ слу-
 чилось встать раньше всѣхъ. Я разбудилъ товарищей. Свѣтъ
 едва брезжилъ, но дождикъ пересталъ. Мнѣ мелькнула передъ
 землянкой сонная фигура малаго, сторожившаго стога, которые
 наши лошади немного пораздергали. Но мальи былъ за это
 не въ претензіи. Чемоданы наши были сохранны, какъ-будто
 кто стерегъ. Мы поѣхали по дорогѣ и скоро увидѣли станцію.
 Больше такого непріятнаго безсѣдельнаго странствованія не
 случилось. Еще разъ мы ѣхали верхомъ цѣлую станцію, но
 уже на осѣдланыхъ лошадяхъ. Подъѣзжая къ Одессѣ бере-
 гомъ моря, на этотъ разъ днемъ, мы опять слышали его
 шумъ и раскаты, но странно: это было совсѣмъ не то, что
 ночью. Тѣ же волны, а плескали не такъ. Я старался создать
 прежній звукъ разными усиліями, закрывался, предавался мыс-
 лями одному этому шуму: и все было не то... До Бендеръ не
 случилось ничего особеннаго. Но тутъ, въ Перкань, у
 Днѣстра, задержалъ насъ ледъ. Мы жили три дни въ од-
 номъ болгарскомъ семействѣ, состоявшемъ изъ старухи-хозяй-
 ки, двухъ ея сыновей и двухъ невестокъ. Одна была строй-
 на какъ пальма. Я спѣлъ ей одну болгарскую пѣсню, гдѣ
 говорилось о красавицѣ, которая когда шла лѣсомъ, — сухое
 дерево распускалось... «Гдѣ ты выучился по-болгарски?»
 спросила она меня; я отвѣчалъ, что въ Россіи.» Нѣтъ, не
 можетъ быть, сказала красавица: откуда тамъ Болгары!.. А ты
 вѣрно былъ въ Болградѣ.»—Болградъ—это ихъ лучшая колонія
 въ Бессарабіи, можно сказать городъ, дальше и лучше котораго
 они ничего не знаютъ. Красавицѣ было только шестнадцать

лѣтъ, а мужу ея девятнадцать, и онъ былъ также красивъ. Она одѣвалась всегда хорошо, и подпоясывала свой стройный станъ широкимъ поясомъ съ большими серебряными бляхами. Домикъ, въ которомъ жило все это семейство, былъ очень недурень, въ двѣ комнаты съ особенной кухней; на дворѣ кричали гуси и утки. Все было просто и тихо. Къ нимъ ходилъ всякій вечеръ одинъ старикъ изъ низу, съ рѣки, гдѣ онъ имѣлъ сады. Его звали *Сусидъ*, и мы такъ стали называть. Сусида всѣ уважали, и хозяйка всегда ставила ему стулъ. А что, нельзя-ли какъ переправиться? — спросили мы его однажды. «Нельзя! отвѣчалъ Сусидъ: крыча такая идетъ, что о!» — Да нѣтъ-ли тамъ кого, кто-бы перевезъ? — «Хошь до неба кричи, никого не найдешь! Прошлый годъ такъ-то побхали: чисто всѣхъ утопило!» — Всѣхъ? — «Ого!» Этимъ онъ кончилъ рѣчь.

Такъ мы сидѣли у моря и ждали погоды. Наконецъ привыкли и забыли наблюдать за льдомъ. На третій день вечеромъ пришелъ къ намъ Сусидъ и сказалъ съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ: «Ну, завтра будетъ переездъ — крыча проходить!» Сусидъ былъ трусоватъ и ему никакъ не вообразалось, что перевозъ начнется раньше завтрашняго дня, и уже начался, покуда онъ шелъ снизу. Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ ходящія отъ берега до берега лодки. Мы бросились увязывать чемоданы, побѣжали за лошадьми, — но покуда запрягли, уже стемнѣло, — и лодки перестали ходить. Утромъ чѣмъ свѣтъ, вскочили мы, чтобы ѣхать... и что же? — крыча шла еще сильнѣе. Сусидъ опустилъ голову и не говорилъ ни слова. Тутъ набѣжалъ къ намъ молодой С*, посланный вслѣдъ за нами изъ Севастополя. Мы всѣ втроемъ пошли на рѣку, и рѣшились, во чтобы то ни стало, переехать. Ледъ шелъ сильно только посерединѣ; къ краямъ было жиже, а мѣстами и совсѣмъ чистая вода. Стоило только пробиться сквозь среднюю полосу — и тогда мы тамъ. Мы достали большую лодку и десять багровъ, чтобы отпихивать ледъ. Трусливый Сусидъ говорилъ, что нельзя, и всѣ говорили, что нельзя, а вышло можно. Мы съми благословясь. Много народу собралось на той и другой сторонѣ смотрѣть, какъ мы будемъ

переправляться. Изъ крѣпости также вышли кучки и глядѣли. До встрѣчи съ полосой мы ѣхали благополучно, но тутъ ледъ окружилъ насъ и понесъ. Напрасно багры впи-вались въ него, и толкали: самая маленькая льдинка была на бѣгу своемъ сильнѣе чловѣка.... Тутъ поднялся крикъ и шумъ, мы стали работать веслами и баграми — и какъ-то выбрались на чистое мѣсто.... Но это былъ еще не конецъ: огромная льдина неслась прямо на лодку, угрожая насъ опрокинуть. Всъ увидѣли ее вдругъ, и вдругъ ударили въ веслы; лодка вынеслась, льдина прошла мимо, и мы причалили къ берегу, гдѣ ожидали насъ лошади.

Три станціи къ Кишиневу пролетѣли мы летомъ, потому-что дорога была прекрасная, по горамъ; но послѣдняя станція оказалась грязная; и на бѣду повезъ Молдаванъ, сонный, неповоротливый, не знавшій дороги и не говорившій по-русски. Блаженъ, кто не имѣлъ несчастья ѣздить съ этимъ народомъ. Къ-тому-же надо прибавить, что у нихъ почти нѣтъ никакой упряжи. Лошади везутъ на особыхъ лямкахъ безъ хомутовъ и никогда не взнузданы. У четверни всего двѣ возжи. Пристяжныя скачутъ безъ возжей. Разумѣется, подъ гору тройка несеть, и какъ еще не ломаютъ никому шей, это совершенно непостижимо. Слѣзть-же въ такихъ случаяхъ нѣтъ и заведенія. У меня никогда такъ не замирало сердце, какъ въ тѣ минуты, когда молдаванскія не взнузданныя кони мчали насъ въ потьмахъ подъ гору, не извѣстно куда; а мой товарищъ, больше меня привыкшій къ этимъ штукамъ, обыкновенно хохоталъ во все горло. Стало-быть ко всему можно привыкнуть. Въ довершеніе всѣхъ удовольствій, испытанныхъ на этой несчастной станціи, криковъ съ Молдаваномъ и по-русски и по-молдавански, — мы съли въ грязь, и гдѣ-же? — уже въѣзжая въ городъ, едва не въ виду своихъ жилищъ! Огни Кишинева приветно горѣли тутъ, сейчасъ за-мостомъ, и манили насъ къ себѣ. Дѣло впрочемъ знакомое: выпрягай лошадей и поѣдемъ верхомъ! — Къ-счастью вблизи случилась будка. Мы крикнули буточнику. Онъ явился и оказался преловкой и преуслужливый малой. Огня у него не нашлось. Въ потьмахъ, какъ некогда

гений-путеводитель, перевязалъ онъ намъ вещи, пока ямщикъ выпрягалъ лошадей... какъ вдругъ мы услышали сзади звонъ бубенчиковъ: наѣхала обратная тройка, пустая телѣга. «Возьми насъ съ собой!» — Что жь, можно, отвѣчалъ русскій человекъ: вы кто будете? — «Такіе-то!» — Ну что жь, садитесь!

И такъ мы въѣхали въ Кишиневъ совсѣмъ не тѣми улицами, какъ выѣзжаютъ обыкновенно. Ямщикъ, избѣгая грязи, не поѣхалъ прямо. Черезъ часъ мы стучали въ ворота своей хаты. На душъ было невыразимо-пріятно. Кишиневъ показался мнѣ роднымъ городомъ.

н. в.

Мартъ, 1856.
Кишиневъ.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДЕНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ. Географическій Сборникъ, издаваемый Николасмъ Фроловымъ. Тома 1 и 2. Москва. 1852—1853.

Рѣдко случается читать что-нибудь столь богатое по содержанию и добросовѣстное по изложенію, какъ этотъ Сборникъ. Каждая статья читается съ наслажденіемъ. Еслибъ подобныя сборники явились по каждой другой наукѣ, то нельзя бы было жаловаться на недостатокъ свѣдѣній въ общемъ оборотѣ.

Сборникъ начинается двумя статьями Д. М. Перевощикова: 1) Историческое обозрѣніе изслѣдованій о фигурѣ и величинѣ земли, и 2) О суточномъ и годичномъ движеніи земли. Въ первой статьѣ авторъ излагаетъ исторію математической или астрономической географіи въ Александрійской школѣ, потомъ, упомянувъ объ Арабскихъ ученыхъ, переходитъ къ трудамъ Парижской Академіи, именно къ трудамъ Пикара, Лагира, Д. Кассини, Рише, и къ современнымъ имъ знаменитымъ трудамъ Лондонскаго Королевскаго Общества, именно Гука, Врена, Галлея и Ньютона, потомъ переходитъ къ работамъ Гюйгенса, Ж. Кассини, Мерана, Бернульи, Мопертюи и Бугера, — потомъ говоритъ пооробно объ изслѣдованіяхъ Клеро, о трудахъ Делабра, Меженя, Біо и Лапласа, и затѣмъ излагаетъ труды Русскихъ ученыхъ по этому предмету. Во второй статьѣ авторъ излагаетъ отчетливо и общепонятно господствующую теорію движенія земли, опровергаетъ теорію Птолемея и оканчиваетъ разсмотрѣніемъ способовъ опредѣлять географическую долготу и широту.

Отдавая должную справедливость глубокой учености, добросовѣстности и ясности изложенія автора, мы не можемъ однакожъ отказать себѣ въ удовольствіи поспорить съ нимъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ предметахъ, а именно:

Авторъ начинаетъ свое историческое обозрѣніе съ Александрійской школы, упомянувъ только вскользь о Фалесѣ, Анаксимандрѣ и Анаксагорѣ. «Анаксимандру приписываютъ даже», говоритъ онъ, «изобрѣтеніе географическихъ картъ: но какъ правильной гео-

графической карты нельзя составить без употребленія долготъ и широтъ, а между тѣмъ совсѣмъ невидно, чтобъ Греческіе философы и тѣ народы, отъ которыхъ заимствовали они астрономическія свѣдѣнія, имѣли понятіе о назначеніи мѣстъ на земной поверхности посредствомъ ихъ широтъ и долготъ: то безъ сомнѣнія (?) Анаксимандрова карта была картинка, на которой, по рассказамъ путешественниковъ, изображались извѣстные въ то время города и цѣлыя страны съ ихъ взаимными разстояніями и положеніями относительно четырехъ странъ свѣта, или относительно четырехъ главныхъ точекъ горизонта. Тогда не знали также способа означать положеніе свѣтилъ на небѣ посредствомъ ихъ прямыхъ восхожденій и склоненій. Вся древняя Астрономія состояла въ наблюденіяхъ надъ восхожденіемъ и захожденіемъ замѣчательныхъ звѣздъ, надъ ихъ покрытіями луною и планетами, надъ движеніемъ солнца между тѣми же звѣздами, наконецъ надъ временемъ затмѣній луны, которыя доказали, что земля есть тѣло шарообразное, потому что тѣнь ея, падающая на луну, представляется въ видѣ круга».

Мы не споримъ о томъ, что авторъ имѣлъ право не останавливаться на древнѣйшей Астрономіи, потому что эта Астрономія не дошла до насъ; но съ другой стороны врядъ ли онъ имѣлъ право ограничивать ее столь тѣсными предѣлами. Нельзя сомнѣваться, что Геометрія существовала задолго до Эвклида, и что Эвклидъ былъ только ея излагатель или преподаватель, а ни мало не ея отецъ, потому что въ изложеніи Эвклида она является уже наукою зрѣлою и строгою, что конечно не могло сдѣлаться съ разу. Система Коперника, господствовавшая въ полномъ развитіи въ школѣ Пизагора, есть неминуемо плодъ продолжительныхъ наблюденій и глубокихъ соображеній. Въ этой же школѣ вѣроятно развилась, по крайней мѣрѣ господствовала, и знаменитая Египетская система, дошедшая потомъ до Гиппарха и Птолемея въ обезображенномъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эксцентрической кругъ и эпициклъ не были придуманы для объясненія одного и того же явленія, какъ утверждаетъ Птоломей, — ибо для объясненія одного явленія достаточно было бы одной гипотезы, а потому весьма вѣроятно, что эксцентрической кругъ придуманъ для объясненія движенія планетъ, а эпициклъ для объясненія движенія спутниковъ, что и будетъ весьма близко къ истинѣ. Другая ошибка Птолемея, доказывающая, что онъ, какъ вѣроятно и Гиппаръ, дурно понимали древнѣйшую Астрономію, дошедшую до нихъ уже въ искаженномъ видѣ состо-

ить въ допущеніи равномернаго движенія по эксцентрическому кругу (*μετακέντρους ὀμαλαί' μεν εἰσι πάσαι καὶ ἐγκυκλαὶ τῆ φύσει*). Въ такомъ предположеніи не было никакой надобности; на оборотъ, если сила движущая небесное тѣло заключается въ центральномъ тѣлѣ, то при положеніи сего послѣдняго внѣ центра круга движеніе периферическаго тѣла не могло быть равномернымъ, иначе — третій законъ Кеплера одинаково приложимъ къ разнымъ частямъ одного круга, какъ и къ разнымъ кругамъ. Этимъ замѣчаніемъ древняя Египетская система до того сближается съ системою Кеплера, что обѣ становятся почти тождественными.

Говоримъ все это для того, чтобы показать, что по изложенію Птолемея нельзя судить о древнѣйшей Астрономіи. Разумвется, еще менѣе можно судить о ней по отрывкамъ Аристотеля, Цицерона, Макровія или Плутарха, вовсе не бывшихъ астрономами или геометрами, а потому и заключеніе автора, что Анаксимандръ или кто другой не могъ составить хорошей географической карты, намъ кажется преждевременнымъ.

Смѣлость и рвительность, съ какими Гиппархъ приступилъ къ своимъ работамъ, показываютъ, что эти работы не были въ его время новостью. Онъ искалъ точности въ опредѣленіяхъ, но самыя вопросы и способы ихъ разрѣшенія очевидно были въ общемъ ходу. Да и быть не могло иначе. Египтяне знали истинную величину года, дѣлили кругъ на градусы, минуты и секунды, знали, что земля есть шаръ, а послѣ этого не могли не приложить дѣленія круга къ шару, иначе — не могли не измѣрять долготу и широту. Къ сожалѣнію — можно сказать, вся математическая и физическая ученость древняго міра погибла.

Говоря о трудахъ Александрійскихъ астрономовъ для опредѣленія величины земли, авторъ между прочимъ приводитъ мѣсто изъ Аристотеля, который говоритъ, что древніе геометры полагали окружность земли въ 400,000 стадій. Если подлинность этого мѣста не подлежитъ сомнѣнію, то очевидно первое измѣреніе величины земли гораздо древнѣ Александрійской школы. А какъ несомнѣнно, что нельзя было измѣрить цѣлый кругъ, а должно было довольствоваться измѣреніемъ какой-либо его части, то несомнѣнно также, что древніе задолго до Аристотеля имѣли понятіе о географической долготѣ и широтѣ. Замѣчательно, что по изслѣдованію Бальи цифра, принимаемая Аристотелемъ, Птоломеемъ и Птолемеемъ, совершенно сходится съ цифрою Пикара, тогда какъ цифра Ератосеена значительно отъ нея разнится. Арабскіе ученые, измѣ-

*

равніе градусъ меридіана по порученію Каліфа Альмамона, сдѣлали еще большую ошибку, если только ихъ цифра дошла до насъ неискаженною.

Считаемъ излишнимъ говорить объ измѣреніяхъ Пикара, а равно и о наблюденіяхъ надъ маятникомъ Рише и Галлея. Известно, что по измѣренію Пикара градусъ меридіана — 57060 туазовъ, а изъ наблюденій Рише и Галлея выведено—(правильно или нѣтъ)—слѣдствіе, что тяжесть дѣйствуетъ слабѣе подъ экваторомъ и сильнѣе подъ полюсами, а слѣдовательно земля подъ экваторомъ выпукла и подъ полюсами сжата. Остановимся на минуту на этомъ положеніи, потому что оно составляетъ переходъ къ знаменитой теоріи Ньютона.

Опытность показываетъ, что направленіе свободно падающаго тѣла вездѣ перпендикулярно къ поверхности стоячей воды, изъ чего и заключено, что всѣ тѣла стремятся къ центру земли и притомъ въ первую секунду времени проходятъ около 15 парижскихъ футовъ. Но это показаніе опытности есть призракъ и это заключеніе есть ошибка. Для упрощенія нашего вопроса допустимъ, что поступательное движеніе земли прекратилось, и пусть одинъ наблюдатель наблюдаетъ паденіе тѣла подъ полюсомъ, а другой въ какой-либо точкѣ экватора. Если у того и другаго наблюдателя тѣло падаетъ въ продолженіи одной секунды, то ясно, что, для полярнаго наблюдателя, кажущееся пространство, пройденное падающимъ тѣломъ, есть вмѣстѣ и истинное пространство, ибо полюсъ оставался неподвижнымъ. Но наблюдатель подъ экваторомъ самъ передвинулся къ востоку въ секунду на 1422 фута, слѣдовательно и падающее тѣло въ то же время описало—кромя 15 футовъ—дугу въ 1422 фута длины. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ наблюдателямъ было возможно отдѣлаться отъ земли и помѣститься въ какой-либо неподвижной точкѣ пространства, то наблюдатель полярный увидѣлъ бы, что падающее тѣло движется перпендикулярно къ площади его горизонта, а для наблюдателя экваторіальнаго оно опишетъ кривую линію.

Отъ какой же силы или отъ какихъ силъ происходятъ линіи, описываемыя падающимъ тѣломъ? Линія полярнаго паденія есть прямая и потому очевидно происходитъ отъ одного притяженія. Но кривая линія, описываемая падающимъ тѣломъ подъ экваторомъ или въ какой-либо иной точкѣ земной поверхности, неминуемо есть слѣдствіе дѣйствія двухъ силъ, изъ которыхъ одна движетъ тѣло по радіусу шара, другая по касательной круга. Первая есть сила средостре-

нительная, вторая средобъжная. Цифра 15 футовъ выражаетъ разность обвѣхъ силъ, т.-е. если напряженность тяжести $=a$, то напряженность центробъжной силы $=a-15$. Обвѣ силы названы центральными силами. Еслибъ земля была совершенный шаръ, то разность обвѣхъ центральныхъ силъ была бы всегда и вездѣ постоянна: при измѣненіи фигуры земли она можетъ измѣниться, но только до известныхъ предѣловъ. Далѣе, если центробъжная сила происходитъ отъ вращенія и следовательно измѣняется съ быстротою вращенія, если потомужъ сила центростремительная имѣетъ съ ней постоянную разность, то ясно, что и эта послѣдняя развивается отъ той же причины. Только тяжесть дѣйствуетъ по направленію радіусовъ шара, а направленіе центробъжной силы опредѣляется направлениемъ радіусовъ экватора и параллельныхъ ему круговъ.

Эти идеи были высказаны Кеплеромъ и развиты Гюйгенсомъ въ его *Horologium oscillatorium*. Оставалось выразить ихъ въ цифрахъ, что нисколько не было бы трудно, еслибъ былъ извѣстенъ радіусъ земли. Но покуда собирались точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ,—Гюйгенсъ умеръ (1695), за годъ до обнаруженія изслѣдованій его противника Ньютона.

Мы не можемъ обвинить именно г. Перевощикова въ общемъ грѣхѣ—т.-е. въ несправедливости къ Гюйгенсу и даже къ Кеплеру и въ пристрастіи къ Ньютону; но признаемся, съ удивленіемъ прочли слѣдующія слова: «нѣтъ сомнѣнія, что Гюйгенсовы теоремы «нашелъ самъ Ньютонъ, потому что Гюйгенсова книга *«О качаніяхъ маятника»*, въ которой содержатся эти теоремы, вышла въ свѣтъ позже шестью годами». Во-первыхъ, это заключеніе вовсе не логическое: неужели все, что явилось послѣ Ньютона, следуетъ приписать Ньютону? Во-вторыхъ, Гюйгенсъ, какъ выше замѣчено, умеръ въ 1695, а трактатъ Ньютона въ первый разъ явился въ 1696 году; въ-третьихъ, въ первой книгѣ «Началъ», въ примѣчаніяхъ къ своей знаменитой четвертой теоремѣ, Ньютонъ говоритъ: *Et hujusmodi propositionibus Hugenius in eximio suo tractatu de Horologio oscillatorio vim gravitatis cum revolventium viribus centrifugis contulit.*

Выпишемъ теперь слова автора о трудахъ и заслугахъ Ньютона:

.... «Ньютонъ предложилъ себѣ вопросъ: не простирается ли дѣйствіе земной тяжести до самой луны и не она ли удерживаетъ луну въ ея орбитѣ? — Къ рѣшенію своего вопроса Ньютонъ приступилъ такимъ образомъ: если луна обращается дѣйствіемъ тяже-

сти, то планеты должны повиноваться тяготѣнію солнца и постоянство или изменение его должны обнаруживаться въ скоростяхъ планетъ; но Кеплеръ открывъ, что квадраты времени обращенія планетъ пропорціональны кубамъ ихъ среднихъ разстояній отъ солнца; слѣдственно отсюда надлежало вывести, по какимъ законамъ изменяется тяготѣніе солнца: вычисленіе показало, что эта сила обратно пропорціональна квадратамъ разстояній....» (Слѣдуетъ вышеприведенное мѣсто о теоремахъ Гюйгенса).

«Открывъ такимъ образомъ законъ тяготѣнія планетъ къ солнцу и допустивъ тожество между тяготѣніемъ и земною тяжестью, Ньютонъ долженъ былъ повѣрить свое предположеніе, т.-е. надобно было опредѣлить, *какое пространство пройдетъ луна по направленію къ землѣ въ данную единицу времени, когда уничтожится дѣйствіе силы средобѣжной?* Вычисленіе требовало точнаго знанія скорости обращенія луны въ данномъ разстояніи отъ земли, скорости паденія тѣлъ на землѣ и величины земнаго радіуса....»

Слѣдуетъ разсказъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ Ньютонъ, о приложеніи измѣреній Пикара и наконецъ о составленіи «*Philosophiae naturalis principia mathematica*». Авторъ заключаетъ:

«Въ удивительной книгѣ «Началъ» въ первый разъ была предложена математическая теорія земли, основанная на слѣдующихъ пяти предложеніяхъ: 1) Частицы земнаго вещества взаимно притягиваются пропорціонально массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ ихъ взаимныхъ разстояній; 2) тяжесть земли есть составная сила изъ притяженія всѣхъ ея частицъ; 3) Вещество земли однородно или имѣетъ одинакую плотность по всему ея объему; 4) Однородная жидкость, обращающаяся около оси, въ случаѣ равновѣсія ея частей, должна принять форму эллипсоида; 5) Приращеніе тяжести отъ экватора къ полюсамъ земли пропорціонально квадратамъ синусовъ географическихъ широтъ. Изъ этихъ предположеній Ньютонъ вычислилъ во-первыхъ, что средобѣжная сила, дѣйствующая на каждую частицу земнаго вещества, уменьшаетъ тяжесть подъ экваторомъ на $\frac{1}{289}$ ея долей, т.-е. если тѣло вѣситъ подъ полюсомъ

289 фунтовъ, то подъ экваторомъ будетъ вѣсить 288 фунтовъ, слѣдственно маятникъ долженъ качаться медленнѣе подъ экваторомъ, нежели подъ полюсомъ; и во-вторыхъ, что радіусъ земнаго экватора къ радіусу соответствующему полюсу земли относится какъ 230 къ 229.... Изъ той же теоріи слѣдуетъ, что градусы земнаго

меридіана увеличиваются отъ экватора къ полюсамъ пропорціонально квадратамъ синусовъ широтъ.»

Въ этомъ изложеніи г. Первозииковъ впалъ въ ту самую ошибку, въ которую обыкновенно впадаютъ Ньютоніанцы, именно— онъ приписалъ Ньютону нѣкоторыя идеи, ему не принадлежащія, и принялъ за доказанныя истины предположенія голословныя и парадоксальныя. Мы съ своей стороны не отрицаемъ заслугъ Ньютона для Астрономіи и Географіи, но далеко не раздѣляемъ общаго восторга ученыхъ и думаемъ напротивъ, что Кеплеръ и Гюйгенсъ были ближе къ истинѣ.

Существенные недостатки теоріи Ньютона состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ ней совершенно произвольно и непоследовательно допущена сила первоначальнаго толчка, въ-слѣдствіе котораго тѣло шло по прямой линіи (*vis tangentialis, inertia*).

б) Въ ней ничѣмъ и никакъ не объясняется суточное движеніе небесныхъ тѣлъ, т.-е. обращеніе ихъ около осей; между этимъ движеніемъ и движеніемъ периферическихъ тѣлъ около центральныхъ нѣтъ никакой связи.

с) Совершенно произвольно допущено начало, что притяженіе пропорціонально массамъ тѣлъ.

д) Совершенно не обращено должнаго вниманія на законы дѣйствія силы центробѣжной.

Если допустимъ, что Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитерь, Сатурнъ, Уранъ, и пр., получили по толчку каждая и отъ дѣйствія этихъ толчковъ пошли по прямой линіи мимо солнца, то ясно, что главный элементъ ихъ скоростей былъ бы пропорціоналенъ этому толчку и ни мало не зависѣлъ бы отъ дѣйствія центрального тѣла. Такимъ образомъ Земля напр. могла двигаться быстрѣ Венеры, Сатурнъ быстрѣ Меркурія и пр. На дѣлъ оказывается, что чѣмъ ближе периферическое тѣло къ центральному, тѣмъ больше его скорость, — и что именно *скорости обращающихся тѣлъ обратно пропорціональны квадратнымъ корнямъ разстояній*. Стало бытъ, онѣ находятся въ явной зависимости отъ дѣйствія центрального тѣла.

Если бы направленіе движенія зависѣло отъ первоначальнаго толчка, то одно тѣло пошло бы отъ запада къ востоку, другое отъ востока къ западу, третье отъ сѣвера къ югу, четвертое отъ юга къ сѣверу. Но всѣ, до сихъ поръ извѣстныя тѣла движутся въ одномъ направленіи, и именно въ томъ, въ которомъ централь-

ныя тѣла обращаются около оси. Тутъ не могло быть случайности, очевидно напротивъ, что оба явленія состоятъ во взаимной связи и зависимости.

Допустивъ, что какая-нибудь часть скорости движущагося тѣла независима отъ центрального тѣла, а происходитъ отъ вѣшняго толчка, мы должны допустить, что эта часть скорости остается неизмѣнною. Но тогда мы уже не можемъ объяснить себѣ измѣненія скоростей въ движеніи сильно эксцентрическихъ тѣлъ. Положимъ напр., что какое-нибудь тѣло движется по своей орбитѣ съ среднею скоростью 30240 миль въ часъ и что половина этой скорости зависитъ отъ первоначальнаго толчка, а другая отъ притяженія центрального тѣла. Если бы теперь сила центрального тѣла совершенно уничтожилась, все-таки скорость движенія не могла быть меньше 15120 миль въ часъ. Но комета Галлея имѣетъ наибольшую скорость 59500 миль и наименьшую 980 миль въ часъ. Желалъ бы я, чтобы гг. послѣдователи Ньютона объяснили это явленіе! Комета 1680 года по вычисленію Энке проходитъ въ перигелии 73,58 миль въ секунду, въ афелии 12,5 парижскихъ футовъ!

Напротивъ въ теоріи притяженія и средобѣжной силы, въ теоріи Кеплера и Гюйгенса, все это ясно до очевидности. Центральное тѣло притягиваетъ къ себѣ периферическое тѣло по направленію радіуса орбиты; въ то же время, обращаясь около своей оси, силою средобѣжною оно движетъ его по тангенсу орбиты. Если обѣ силы равны, то при неизмѣнности направленія силъ, по закону параллелограмма силъ тѣло должно двигаться по сторонѣ вписаннаго квадрата. Но какъ вслѣдствіе вращенія центрального тѣла направленіе обихъ силъ непрерывно перемѣщается, то сторона квадрата изогнется въ дугу круга или другой кривой, безъ измѣненія скорости.

Если это такъ, то нужно найти, во сколько времени периферическое тѣло при дѣйствіи одного притяженія центрального тѣла достигло бы центра сего послѣдняго и какая была бы средняя скорость его паденія. Очевидно, что когда тѣло при паденіи пройдетъ по радіусу круга—при сложномъ движеніи оно пройдетъ по сторонѣ вписаннаго квадрата, слѣдовательно средняя скорость простаго паденія къ средней скорости сложнаго движенія будетъ относиться какъ 1 къ $\sqrt{2}$, и время паденія къ времени полного обращенія, какъ сторона вписаннаго квадрата къ окружности круга, какъ $\sqrt{2}$ къ 2π . Вычисленіе подтверждаетъ это во всѣхъ известныхъ тѣлахъ. Ясно притомъ, что тѣло периферическое не можетъ двигаться по кругу перпендикулярному къ экватору центрального,

ибо при полюсах средобъжная сила равняется нулю. Ясно далѣе, что съ удаленіемъ периферическаго тѣла отъ центральнаго объ силы уменьшаются въ одинаковой мѣрѣ, съ приближеніемъ также увеличиваются.

Суточное движеніе тѣлъ въ теоріи Ньютона нимаю не есть необходимость и не состоитъ ни въ какой связи съ движеніемъ поступательнымъ, а потому для него не можетъ быть никакихъ определенныхъ законовъ. А потому и положенія Ньютона, выставленныя г. Перевощиковымъ и приведенныя нами выше, представляются чисто произвольными. Правда, что и Гюйгенсъ объяснилъ его не лучше.

Но всего болѣе произвольности въ допущеніи предположенія, что притяженіе пропорціонально массамъ тѣлъ. Во-первыхъ, въ этомъ предположеніи нѣтъ никакой нужды: всѣ явленія объясняются и безъ него. Напримѣръ, чтобы опредѣлить, сколько падающее тѣло проходитъ въ первую единицу времени на поверхности Солнца, Земли, Юпитера, Сатурна или Урана, мнѣ вовсе не нужно знать ни массы, ни удѣльнаго вѣса этихъ тѣлъ, а надобно знать время обращенія какой-либо планеты около Солнца или спутника около планеты, разстояніе и величину радіуса центральнаго тѣла. Ибо, раздѣливъ обращенія периферическаго тѣла на отношеніе окружности круга къ сторонѣ вписаннаго квадрата $\left(= \frac{2\pi}{\sqrt{2}} = 4,44288306 \right)$, я получаю время паденія; раздѣливъ разстояніе, выраженное въ какихъ-либо единицахъ, напр. въ футахъ, на квадратъ найденнаго времени, я узнаю, сколько периферическое тѣло, падая къ центральному, прошло бы въ первую единицу времени; помноживъ это число на квадратъ разстоянія, выраженнаго въ радіусахъ центральнаго тѣла, я найду, сколько падающее тѣло проходитъ въ первую единицу времени на поверхности центральнаго тѣла. Къ чему же мнѣ массы?

Во-вторыхъ, гипотеза массъ самымъ неприятнымъ образомъ щекочетъ здравый смыслъ человѣка. Если на поверхности солнца тяжесть дѣйствуетъ въ 29 разъ сильнѣе, чѣмъ на поверхности земли, то очевидно каждая частица солнечной коры претерпѣваетъ давленіе въ 29 разъ большее, чѣмъ частица земной коры. Понятно, что чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ больше плотность вещества. Какимъ же образомъ понять, что удѣльный вѣсъ солнца въ четверо менѣе удѣльнаго вѣса земли? Въ-третьихъ—выше сказано и, надѣюсь, доказано, что сила, движущая небесныя тѣла по орбитамъ,

слагается из двух равных сил: притяжения и силы средобвж-ной. Но послѣдняя ни мало не зависитъ отъ массы, а зависитъ отъ объема тѣла и скорости его вращенія. Следовательно отъ тѣхъ же причинъ зависитъ и первая сила.

Обращаясь за тѣмъ къ Парижской Академіи, авторъ упоминаетъ о геодезическихъ трудахъ Д. Кассини, продолженныхъ сыномъ его Ж. Кассини, объ изысканіи Гюйгенса, хотѣвшаго опредѣлить фигуру землн, не прибѣгая къ предположенію взаимнаго притяженія между частицами земной массы, и получившаго выводъ, что земля сжата при полюсахъ,—о заслугахъ въ этомъ отношеніи Мопертюи и экспедиціи, состоявшей изъ Кондамина, Годена и Бугера, о знаменитыхъ теоретическихъ трудахъ Клеро и потомъ объ измѣреніи долготъ Парижской и Гринвичской обсерваторій французскими и англійскими астрономами вмѣств.

По поводу введенія во Франціи новыхъ мѣръ, для которыхъ нужно было знать точную величину меридіана, измѣренія производимы были на большемъ пространствѣ Делабромъ и Мешенемъ; труды послѣдняго съ большимъ успѣхомъ были продолжаемы Бю и Араго. Въ Швеціи, послѣ экспедиціи Мопертюи, геодезическія работы были произведены снова Шванбергомъ. По распоряженію Остъ-Индской компаніи онѣ были произведены въ Индіи полковникомъ Ламптономъ. Сравнивъ всѣ исчисленныя измѣренія и предположивъ, что земля есть правильный эллипсоидъ, авторъ выводитъ слѣдующіе элементы для ея формы:

Квадратъ эксцентритета	==0,0064877.
Большая полуось	==3271985,32 туаз.
Меньшая полуось	==3261354,19 —
Сжатіе	$\frac{1}{307,8}$
Градусъ подъ экваторомъ	==56736,42 туаз.
— подъ полюсомъ	==57293,6.

Но какъ эти цѣфры, выведенныя изъ сравненія градусовъ Французскаго и Перуанскаго, даютъ значительныя разности съ цѣфрами, выведенными изъ другихъ измѣреній, то и слѣдуетъ заключить, что земля не есть эллипсоидъ вращенія въ строгомъ математическомъ смыслѣ.

Переходя за тѣмъ къ исторіи наблюденій качаній маятника, авторъ описываетъ сперва снарядъ Борды, и способъ производства наблюденій, потомъ говоритъ о наблюденіяхъ Біо, Араго, Матье, Фрейсине, Дюперре, Кезлера, Сайнца и Литке. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій, равно какъ и изъ измѣреній слѣдуетъ, что земля есть сжатый и неправильный сферондъ. Надъ математической теоріей сфероида трудились Даламбергъ, Матюрень, Лагранжъ, Лежандръ и наконецъ Лапласъ. Авторъ посвящаетъ изысканіямъ послѣдняго довольно обширную и прекрасно написанную главу. Основная теорема Лапласа, доказывающая (?) разнородность земныхъ слоевъ, есть слѣдующая: «Если къ длинѣ секунднаго маятника, соответствующей какому-нибудь мѣсту на земной поверхности, придано будетъ произведеніе самой длинны на половину высоты мѣста надъ океаномъ, определенной посредствомъ баромѣтра и раздвѣленной на меньшую половину землѣ: то въ предположеніи однородности земной массы на небольшой глубинѣ, исправленная такимъ образомъ длина маятника, начиная отъ экватора, будетъ увеличиваться произведеніемъ этой длинны подъ экваторомъ на квадратъ синуса широты и на пять четвертей отношенія средобъжной силы къ тяжести также подъ экваторомъ или на число 0,0043.» Такъ какъ въ основаніи теоріи Лапласа лежитъ гипотеза Ньютона о зависимости притяженія отъ массъ и силъ средобъжной дается значеніе по Ньютону, а не по Гюйгенсу, то мы и не можемъ входить въ разсмотрѣніе этой теоріи.

Затѣмъ авторъ посвящаетъ двѣ главы трудамъ Русскихъ ученыхъ по предмету измѣренія земли.

Въ статьѣ о суточномъ и годичномъ движеніи земли, авторъ прежде всего ставитъ девять положеній простыхъ началъ о тѣлахъ и силахъ. Остановимся на одномъ послѣднемъ.

9. «Движеніе тѣла по сомкнутой кривой линіи не можетъ происходить отъ дѣйствія одной силы: для него необходимо по крайней мѣрѣ двѣ силы, изъ которыхъ одна *центральная* должна быть «ускорительная, дѣйствующая изъ одной точки по измѣняющимся «направленіямъ. Когда эта сила уничтожится, тогда тѣло приметъ «движеніе равномерное съ приобретенною скоростью и по прямой «линіи, касательной къ его криволинейному пути или къ его траекторіи. Изъ этого видно, что въ продолженіи криволинейнаго движенія тѣло оказываетъ стремленіе удалиться отъ описываемой имъ «кривой линіи: такое стремленіе или усиліе называется силою цен-

«тробьною, которой величина зависитъ отъ скорости движенія и «и отъ кривизны траекторій.»

Въ этомъ опредѣленіи авторъ отступилъ отъ теоріи Ньютона въ томъ, что прямолинейное движеніе у Ньютона предполагается предсуществовавшимъ, произшедшимъ отъ первоначальнаго толчка и продолжающимся по закону косности. Центробъжная сила г. Перевощикова развивается въ самомъ круговомъ движеніи. Опредѣленіе не полно, ибо не видно, отъ какихъ же причинъ происходить самое круговое движеніе, если центробъжная сила не предсуществовала. Одинъ шагъ впередъ въ обобщеніи явленій, одно простое вычисленіе среднихъ скоростей паденія какого-либо тѣла на центральное тѣло и движенія его по орбитѣ—и авторъ долженъ бы былъ дойти до моего заключенія: а) что сила средобъжная равна притяженію; б) что она измѣняется въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній отъ центра центральнаго тѣла; с) что следовательно она зависитъ отъ движенія центральнаго тѣла на его оси.

Изложивъ первоначальныя понятія о суточномъ движеніи земли, авторъ описываетъ опыты Фуко, какъ наглядное доказательство этого движенія. Мы съ своей стороны не видимъ надобности искать наглядныхъ доказательствъ того, что очевидно для всякаго мыслящаго чловека, ни наглядности въ доказательствахъ Фуко, хотя и соглашается, что оно придумано очень остроумно.

Переходя къ годичному обращенію земли, авторъ излагаетъ первоначальныя понятія объ этомъ предметѣ, описываетъ инструменты для опредѣленія величины года, т.-е. полуденную трубу и гномонь, сравниваетъ движеніе земли съ движеніемъ планетъ, излагаетъ сущность открытія Ремера о скорости свѣта и наблюденія Брайля и Боливе надъ его абераціею, и наконецъ переходитъ къ связи суточного движенія съ годовымъ. Здѣсь онъ впадаетъ снова въ господствующую теорію первоначальнаго толчка, направленаго *мимо центра тѣла*, и въ теорію массы!

Авторъ оканчиваетъ потомъ свою статью двумя главами: объ измѣреніи времени и о началахъ опредѣленія географическихъ долготъ и широтъ.

Объ статьи написаны съ тою ясностью, отчетливостью и даже теплою, къ какой г. Перевощиковъ приучилъ насъ давно. Все, что принадлежитъ ему, заслуживаетъ полное одобреніе и благодарность: недостатки и ошибки надобно отнести къ вліянію школы, отъ котораго трудно освободиться.

Послѣ статей г. Перевощикова помѣщена статья г. Спасскаго объ атмосферѣ. Она раздѣлена на слѣдующія главы: Вступленіе. — 1) Высота и форма атмосферы. — 2) Вѣсъ атмосферы и давленіе производимое ею на поверхность земли. — 3) Главныя составныя части воздуха. — 4) Содержаніе въ воздухѣ постороннихъ примѣсей: а) углекислоты и б) водяныхъ паровъ; 5) о случайныхъ примѣсяхъ воздуха; и б) объ общемъ движеніи атмосфернаго воздуха.

Странно, что авторъ не хотѣлъ пользоваться изобрѣтенною Ньютономъ теоріею флюксій, посредствомъ которой, по словамъ г. Перевощикова, можно, такъ сказать, проникать до самаго основанія явленій и образованіе ихъ по закону непрерывности выражать алгебраическими знаками. А не пользуясь этимъ средствомъ всевѣдѣнія, г. Спасскій оставляетъ безъ разрѣшенія большую часть вопросовъ, ему представлявшихся, или разрѣшаетъ на-удачу вопросы, которые, по крайней мѣрѣ безъ теоріи флюксій, не могутъ быть изъ его данныхъ разрѣшены. Надобно замѣтить притомъ, что г. Спасскій смертельный врагъ всѣхъ гипотезъ, и слѣдовательно мы имѣемъ право желать, чтобы рѣшенія его были вполне положительны.

Вотъ напр. представляется первый вопросъ: *«о высотъ и формъ атмосферы.»* По теоріи флюксій онъ рѣшается очень просто: *«атмосфера имѣетъ предѣль и въ тоже время безпредѣльна.»* Это ясно, какъ $2 \times 2 = 4$. Но г. Спасскій, избѣгая теоріи флюксій, рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Повинуясь общему закону тяжести (притяженію земли), воздухъ не можетъ совершенно оставить поверхность земнаго сфероида; повинуясь же въ то же время закону упругости, онъ не можетъ расположиться около этой поверхности ровнымъ и однороднымъ слоемъ подобно тому, какъ располагается вода вокругъ твердой коры земной: внѣшнее (неизмѣримое) пространство, въ которомъ земля совершаетъ свое движеніе, *безпредѣльно* позволяетъ ему расширяться. Если бы расширительная сила (упругость) воздуха при *всѣхъ* условіяхъ оставалась постоянною, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что воздухъ мало по малу разсѣялся бы по всему небесному пространству, потому-что земное притяженіе на его частицы уменьшается, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ земли. *Но упругость воздуха, какъ выше объяснено, также уменьшается и притомъ гораздо быстрѣе, чѣмъ его тяжесть, по мѣрѣ его удаленія отъ земной поверхности; потому-что на него со внѣшней стороны производится постепенно меньшее и меньшее давленіе. Слѣдовательно на*

«нѣкоторомъ разстояніи отъ поверхности земнаго сфероида между означенными *противоположными* силами должно установиться «равновѣсіе—слѣдовательно воздушная оболочка земли (земная атмосфера) должна имѣть предѣль.» Во-первыхъ, назвать какое-либо свойство воздуха его упругостью или расширительной силой, не значить еще опредѣлить это свойство; во-вторыхъ, ни изъ чего не видно, чтобы упругость воздуха уменьшалась съ удаленіемъ отъ земли гораздо быстрее, чѣмъ его тяжесть, да и быть этого не можетъ, ибо тогда воздухъ на земной поверхности съ каждымъ моментомъ времени сгущался бы болѣе и болѣе до превращенія въ жидкость; въ-третьихъ, напрасно ищетъ авторъ предѣла, гдѣ должно установиться равновѣсіе между этими обоими противоположными свойствами. Это равновѣсіе есть вездѣ, гдѣ воздухъ спокоенъ; въ-четвертыхъ, несомнѣнно, что причина сгущенія воздуха около земли есть притяженіе или лучше вращательная сила земли, слѣдовательно по всей вѣроятности и предѣлы атмосферы совпадаютъ съ предѣлами этой силы.

Да и къ чему было заниматься вопросомъ, котораго положительно разрѣшить невозможно? Всякое рѣшеніе, какое бы оно ни было, будетъ чистая гипотеза, позволительная намъ мечтателямъ, но непозволительная г. Спасскому, какъ отъявленному врагу гипотезъ. А онъ не довольствуется еще вышесказаннымъ заключеніемъ, а весьма серьезно толкуетъ о высотъ и даже о фигуръ атмосферы, и разумѣется оканчиваетъ тѣмъ, что мы въ этомъ ничего не знаемъ.

Гораздо лучше разрѣшенъ вопросъ о вѣсѣ атмосферы и о давленіи, производимомъ ею на поверхность земли. Здѣсь г. Спасскій въ своей области, потому-что вопросъ рѣшается положительными явленіями барометра. Но за тѣмъ онъ снова задаетъ себѣ неразрѣшимый вопросъ: измѣняется ли количество атмосфернаго воздуха въ теченіе вѣковъ, или остается постояннымъ?

Въ третьей главѣ разсматривается химическій составъ атмосферы, и именно главныя ея составныя части — кислородъ и азотъ. Здѣсь авторъ принимаетъ мнѣніе большинства химиковъ, считающихъ воздухъ механическою смѣсью азота и кислорода; положимъ, что онъ правъ, но все-таки слѣдовало бы упомянуть о мнѣніи меньшинства, по которому воздухъ считается химическимъ соединеніемъ, недокисломъ азота (N_2O) съ небольшимъ избыткомъ свободнаго кислорода. Этими-то именно избыткомъ и поддерживаются животнo-химическіе процессы на земной поверхности. — Впрочемъ вслѣдъ за тѣмъ авторъ весьма отчетливо и ясно излагаетъ и разсматриваетъ

гипотезу, по которой кислородъ, поглощаемый животными, возвращается растениями, и весьма основательно замѣчаетъ и доказываетъ цифрами, что если количество кислорода и уменьшается, то уменьшение его не можетъ быть замѣтнымъ. Но если мы отъ настоящаго обратимся къ временамъ прошедшимъ, если сообразимъ, что въ каждомъ пудѣ напр. известняка содержится 19 фунтовъ кислорода, и что онъ входитъ въ огромномъ количествѣ въ составъ всѣхъ безъ исключенія горныхъ породъ, и что весь этотъ кислородъ произошелъ изъ воздуха, то конечно должны заключить, что составъ воздуха съ той поры измѣнился

За тѣмъ авторъ разсматриваетъ гипотезу о существованіи водорода въ верхнихъ слояхъ атмосферы. По его мнѣнію эта гипотеза совершенно опровергается закономъ Бертолета, по которому *газообразныя вещества, не дѣйствующія химически одно на другое, при взаимномъ смѣшиваніи распространяются свободно по всему доступному для нихъ пространству*. Мы не думаемъ защищать гипотезу, но съ другой стороны опроверженіе находимъ неудовлетворительнымъ. Дѣло въ томъ, что положеніе Бертолета строго примѣняется только къ газамъ, содержащимся въ замкнутомъ, ограниченномъ пространствѣ, да и тутъ для смѣшенія нужно значительное время. Известно, что въ угарной комнатѣ скорѣе можно угорѣть вверху, чѣмъ внизу; на-оборотъ, въ погребахъ, гдѣ происходитъ броженіе, легче дышать вверху, чѣмъ внизу. Значитъ окисль углерода и угольная кислота не скоро смѣшиваются съ воздухомъ, а сначала располагаются сообразно своему удѣльному вѣсу. Въ атмосферѣ, ничѣмъ не запертой, весьма естественно водородъ можетъ подняться на необъятную высоту прежде чѣмъ смѣшается съ воздухомъ. Но повторяемъ, мы не защищаемъ гипотезы, потому что считаемъ ее не нужною.

Слѣдующая за тѣмъ глава—о постоянныхъ примѣсяхъ въ атмосферѣ, т.-е. объ угольной кислотѣ и водяныхъ парахъ, написана весьма тщательно и отчетливо, особенно послѣдній ея отдѣлъ, болѣе трудный, но съ особеннымъ вниманіемъ изученный авторомъ. Опредѣляя затѣмъ значеніе каждаго газа, авторъ останавливается на вопросѣ—къ чему служить азотъ? Не находя удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, авторъ довольствуется догадкою, что азотъ служить частію для умѣренія дѣйствія другихъ газовъ, частію для приданія атмосферѣ большей плотности, для распространенія звуковъ и пр.

Въ статьѣ о случайныхъ примѣсяхъ въ воздухѣ авторъ считаетъ

возможным и правдоподобным предположением, что миазмы служат причиною многих эпидемических болезней, и на-оборотъ строго отзывается о тѣхъ ученыхъ, которые приписываютъ начало эпидемій особенному распространенію въ атмосферѣ такъ называемыхъ невѣсомыхъ физическихъ дѣятелей: теплоты, электричества и магнетизма, или особенному какому-то планетному вліянію. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ авторомъ, потому что теплоту, электричество, магнетизмъ считаемъ не особыми какими-либо веществами или силами, а явленіями, обнаруживающимися въ веществахъ. Но за то мы не можемъ согласиться съ авторомъ въ основной мысли его послѣдней главы—о перемѣщеніи воздуха, или о вѣтрахъ. Главную причину перемѣщенія воздуха онъ видитъ въ его различной температурѣ: но гдѣ же главная причина различной температуры?

Если мы много спорили съ г. Спасскимъ, какъ и съ г. Перешиковымъ, это отнюдь не доказываетъ, чтобы мы не были довольны ихъ статьями. Напротивъ мы рѣдко читали что-нибудь лучшее въ этомъ родѣ. Для начинающихъ серьёзно учиться естественнымъ наукамъ эти статьи особенно важны, ибо при общепонятномъ изложеніи представляютъ имъ если не рѣшеніе важнѣйшихъ для нихъ вопросовъ относительно этого предмета, то по крайней мѣрѣ самые вопросы—и слѣдовательно заставляютъ ихъ подумать.

Слѣдуютъ статьи Риттера; а) о географическомъ распространеніи кофейнаго дерева; б) о чаѣ; в) о сахарномъ тростникѣ, и статья Форстера о хлѣбномъ деревѣ. Здѣсь мы находимъ весьма любопытныя подробности о свойствахъ каждаго изъ этихъ растений, о ихъ географическомъ распространеніи, и исторію ихъ искусственнаго разведенія и обработки.

Любопытна также статья Эдвардса — о физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ Исторіи, переведенная и дополненная г. Грановскимъ.

За тѣмъ помѣщена обширная и чрезвычайно важная для Географіи Россіи статья г. Бабста о рѣчной области Волги. Статья раздѣлена слѣдующимъ образомъ: глава 1. Верхнее теченіе Волги. (Источники Волги. Верхняя часть ея теченія до Зубцова. Тверь и Тверца. Вышневолоцкая система. Теченіе Волги отъ Зубцова до Мологи и Шексны: искусственныя водныя сообщенія, находящіяся въ связи съ Мологой и Шексною, т.-е. системы Тихвинская и Марининская. Рыбинскъ и значеніе его въ Волжской торговлѣ. Общая характеристика мѣстности и жителей на верхнихъ частяхъ Волги). Глава 2. Среднее теченіе Волги. Ока. (Естественная граница между промышленной и земледѣльской полосой Россіи. Характеристика

Ярославской и Костромской губерній. Ярославль. Кострома. Унжа и барочное дѣло по Унжѣ. Ветлуга и лычное производство по Ветлугѣ. Путь Волги до впаденія въ нее Оки. Характеристика бассейна Оки и историческое его значеніе. Истоки Оки. Орель и Мценскъ. Характеристика губерній, лежащихъ по верхнимъ частямъ Оки. Калуга и Тула. Серпуховъ и Коломна. Москва и историческое значеніе ея. Рязанская губернія: Мокша и Цна. Тамбовская губернія. Муромъ и Владиміръ. Рѣчная область Клязьмы. Путь Оки до Нижняго. Нижній и значеніе его во внутренней торговлѣ Россіи. Путь Волги отъ Нижняго до Казани). Глава 3. Кама. (Значеніе рѣчной области Камы и величина ея. Источники Камы и верхнее ея теченіе. Вишера, Колва и Чердынъ. Слѣды древней пермской цивилизаціи и древнѣйшіе торговые пути. Древнѣйшіе пути отъ Камы къ Бѣлому морю и новое сообщеніе посредствомъ Екатерининскаго канала. Чусовая. Вогулы. Бѣлая. Башкирцы. Вятка и Хлыновъ. Вотяки. Общая характеристика странъ прикамскихъ. Хлѣбопашество, судоходство и торговля по Камѣ. Соляные промыслы Пермскіе.) Глава 4. Казань и степи. (Характеристика Казанской губерній. Народонаселеніе. Татары, Черемисы, Чуваши, Мордва. Значеніе Казани. Волга въ Симбирской губерніи и характеристика послѣдней. Признакъ близости степей. Различныя горныя цѣпи горной стороны Волги. Характеристика волжскихъ береговъ отъ Сызраня и до Царицына. Царицынскій Волокъ и Дубовка. Послѣдніе притоки Волги—Ерусланъ и Сарпа. Поворотъ Волги и степь. Характеристика Саратовской губерній. Нѣмецкія колоніи. Волжскія степи. Солёные озера. Эльтонъ. Волжская дельта. Астрахань. Винодѣліе, шелководство и рыбная ловля въ Астрахани. Астраханская природа).

Статья наполнена любопытными свѣдѣніями географическими, геогностическими, этнографическими, статистическими и даже историческими. Изложеніе обнаруживаетъ внимательное и добросовѣстное изученіе предмета. Къ-сожалѣнію, это переводъ, и мы не нашли въ ней нашихъ собственныхъ свѣдѣній, а кому бы знать кажется Волгу, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ не намъ? Къ-тому же на Волгѣ у насъ есть нѣсколько гимназій, высшій лицей, и даже университет!

Во второмъ отдѣлѣ перваго тома Сборника помѣщены слѣдующія статьи: 1) статья Араго: Оказываетъ ли луна замѣтное вліяніе на нашу атмосферу. Это попытка рѣшить по существующимъ наблюденіямъ слѣдующіе вопросы: а) оказываетъ ли луна вліяніе на

дождь? b) оказывает ли она влияние на направление ветра? c) оказывает ли она действие на давление атмосферы? d) оказывают ли фазы луны действие на переменную погоду? e) какое значение имеют 9 и 19-ти-летние периоды; f) о предзнаменованиях заимствуемых от некоторых видов луны; g) о предполагаемом действии, производимом луною на органическую природу, на болотни и пр. Статья любопытная, какъ и всѣ статьи знаменитаго ученаго; но вопросы все-таки остаются не разрешенными.

2) Статья о воздухоплавании. Здесь содержится краткая история воздухоплавания отъ его открытiя до нашего времени. Между прочимъ говорится о замѣнѣ водорода водоуглеродомъ и о покрытiи шара коллоидомъ для непроницаемости.

3) Статья г. Спасскаго о назначенiи и употребленiи барометра очень кстати, какъ дополнение выше разобранной статьи объ атмосферѣ.

4) Алмазы восточной Индiи—статья Риттера. По заглавию мы надѣялись въ этой статьѣ найти гораздо больше, чѣмъ нашли. Геогностическiе признаки алмазныхъ копей не ясно обозначены. Изъ числа гипотезъ о образованiи алмазовъ внимательно разсмотрѣна только одна, дающая имъ органическое (растительное) происхожденiе.

5) Большой водяной змѣй.

6) Сибирскiя бѣлки, ст. г. Корнилова—содержитъ любопытныя свѣдѣнiя объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ Сибирской охоты.

7) Распространенiе нѣмецкой народности, ст. г. Коляндера.

8) Отаити изъ Попинга, представляетъ любопытную, но мрачную картину этого острова подъ влиянiемъ европейской цивилизации. Здесь по видимому должно повториться то же, что дѣлается въ Америкѣ: туземное племя окончательно уничтожится.

9) Поездка въ Илецкую защиту. Мы не совсемъ довольны этой статьѣй и помнитса, читали гораздо лучшую въ Горномъ журналѣ.

Во второмъ томѣ Сборника мы съ удовольствiемъ встрѣтили два, знакомыя намъ въ подлинникѣ, произведенiя: Идеи о природѣ А. Гумбольдта и Идеи о сравнительномъ землѣвѣденiи Карла Риттера. Сочиненiе Гумбольдта дѣлится на слѣдующiя отдѣльныя статьи:

1) Пустыни и степи; 2) Водопады Ореноко близъ Атура и Майнура, 3) Ночная жизнь животныхъ въ первобытномъ мiрѣ; 4) Идеи о физиономикѣ растений; 5) о строенiи и образѣ дѣйствiя

вулкановъ въ различныхъ странахъ свѣта; б) возвышенная плоскость Кахамарки, древней столицы Инки, Атахуальна. Первый взглядъ съ хребта Андской цѣпи на Тихій Океанъ. Остановимся на минуту на пятой статьѣ о строеніи и образѣ дѣйствія вулкановъ, по нашему мнѣнію болѣе другихъ любопытной.

До конца прошлаго столѣтія все, что знали о вулканахъ, выводилось единственно изъ наблюденій Везувія и Этны. Везувій сдѣлался типомъ, по которому дѣлали заключенія о рядахъ громадныхъ вулкановъ Мексики, южной Америки и острововъ Азіи. Внимательное изученіе Средиземнаго моря могло бы тотчасъ же уничтожить это одностороннее воззрѣніе. Здѣсь между спорадами поднимались изъ глубины моря трахитовыя скалы и образовали острова, подобныя Азарскому, который въ три столѣтія три раза поднимался періодически чрезъ равныя почти промежутки времени.

Между Эпидавромъ и Трезеною въ Пелопонесѣ находится Monte-piuvo, описанная Страбономъ и видѣнная потомъ Додвелемъ. Она выше Фларейскихъ полей близъ Байи (около Неаполя), выше можетъ быть и Хорулло, новаго вулкана Мексиканскихъ равнинъ, который авторъ нашелъ окруженнымъ тысячею выдвинутыхъ изъ земли маленькихъ и теперь еще дымящихся базальтовыхъ конусовъ. На Искію, у Эпомео, на Лепантійской равнинѣ близъ Халциса лава вытекала изъ разверзавшихся вдругъ трещинъ. Во многихъ мѣстахъ сверхъ того находятъ группы коническихъ трахитовыхъ возвышеній, прорвавшихъ известняки, но не изливавшихся потоками.

Обыкновенно называютъ вулканическими все изверженія подземнаго огня и расплавленныхъ веществъ, дымовыя и паровыя столбы, спорадически поднимающіеся изъ скалъ, — глинистыя конусы, выбрасывающіе сальзы, или влажную грязь, асфальтъ и водородъ, горячіе ключи, напр. Гейзеръ, вообще все дѣйствія грозныхъ силъ природы, таящихся глубоко въ недрахъ земли. Въ Средней Америкѣ и на Филиппинскихъ островахъ туземцы раздѣляютъ вулканы на водные и огненные, разумѣя подъ первыми горы, изъ которыхъ, по временамъ, при сильныхъ землетрясеніяхъ извергаются подземныя воды съ глухимъ трескомъ.

Обыкновеннѣйшая форма вулкановъ есть конусообразная; но иногда находятъ жерла и въ длинныхъ протяженіяхъ зубчатыхъ хребтовъ и при томъ не всегда въ срединѣ ихъ стѣнообразныхъ вершинъ, а нерѣдко на оконечностяхъ ближе къ склонамъ. Все эти вершины состоятъ изъ трахита, называвшагося прежде траиновымъ порфиромъ, — зернистой, растрескавшейся и расщеленной

*

горной породы, состоящей из полевого шпата (олигоклаза, лабрадора, альбита), авгита и роговой обманки, иногда с примесью слюды и даже кварца. Тамъ гдѣ вполне сохранились свидѣтели прежнихъ изверженій, — древнѣйшія подмостки, отдельные конусообразныя горы окружены кольцеобразной, высокой скалистой ствнѣю наслоившихся пластовъ. Эти ствны называются *кратерами подвѣма*. Группы вулкановъ иногда образуютъ архипелагъ, иногда тянутся вдоль горныхъ цѣпей, иногда пересѣкаютъ эти цѣпи перпендикулярно ихъ оси.

Всѣ американскіе вулканы находятся на западной сторонѣ противъ Азіи; тутъ же и богатство матеріаловъ. Вулканы растянуты въ Андской цѣпи почти по направленію меридіана на 1800 миль. Гористая возвышенность Квито есть одинъ подземный очагъ и выбрасываетъ поочередно огонь изъ своихъ вершинъ—Пигингъ, Котонахи и Тужгурагуа. Прогрессивное движеніе огня въ теченіи уже трехъ столѣтій направлено отъ сѣвера къ югу. Землетрясенія показываютъ подземную связь между вулканами значительно удаленными другъ отъ друга. Такъ въ 1797 году изъ вулкана Пасто, на востокъ отъ рѣки Гвайтаро, поднимался непрерывно въ теченіи трехъ мѣсяцевъ высокій дымовой столбъ и исчезъ, когда на разстояніи 60 миль отъ него произошло страшное Ріобамбское землетрясеніе и грязевое изверженіе Мойи, лишившее жизни отъ 30 до 40 тысячъ Индійцевъ. Представивъ еще нѣсколько разительныхъ примѣровъ подземной связи, авторъ обращается къ измѣреніямъ Везувія. Изъ этихъ измѣреній слѣдуетъ, что сѣверный край Везувія не измѣнился со времени Соссюра, а юговосточный понизился на 60 футовъ. Измѣненіе формы Везувія, представленное ридунками, происходитъ отъ образованія конусовъ изверженія въ срединѣ самаго жерла. Одинъ изъ такихъ конусовъ въ 1816 и 1818 годахъ поднялся такъ высоко, что сдѣлался виднымъ изъ-за юговосточнаго края Везувія; въ 1822 году онъ поднялся на 100—140 футовъ выше даже сѣвернаго края; но потомъ рухнулъ и теперь вершина его на 750 футовъ ниже сѣвернаго и на 200 футовъ ниже южнаго края.

Черезъ день послѣ того, какъ рухнулъ конусъ окалинъ, и когда уже кончилось истеченіе небольшихъ, но многочисленныхъ потоковъ лавы, началось огненное изверженіе пепла и Rapilli и продолжалось непрерывно двѣнадцать дней, но въ первые четыре было сильнѣе. Выстрѣлы внутри вулкана были столь сильны, что отъ нихъ во дворцѣ Портичи лопнули потолоки. Атмосфера до того

наполнилась пепломъ, что по улицамъ днемъ ходили съ фонарями. Горячій водяной паръ образовалъ вокругъ огненно-пепельнаго столба густую тучу съ безпрестанными молвіями и громомъ, который ясно можно было отличить отъ подземнаго грома волкана. Разнесся слухъ, что изъ кратера показался потокъ кипящей воды, низвергающійся по пепельному конусу: но это была не вода, а тоже пепель. За тьмъ—послѣ продолжительной засухи последовалъ сильный и продолжительный дождь. Это явленіе обыкновенно обозначаетъ конецъ изверженія. Отъ этого ливня со всѣхъ сторонъ пепельнаго конуса изливаются потоки грязи. Въ Андахъ въ горныхъ пещерахъ скопляются озера воды. Эти пещеры отъ потрясенія всего волкана разверзаются и выпускаютъ свою воду и рыбу *Rupelodes Cusclorum*, *Prenadilla*. Отъ гніенія этой рыбы развивается въ народонаселеніи гнилая горячка. Сила разныхъ изверженій вулкановъ, особенно раздѣленныхъ длинными промежутками времени, по мнѣнію автора, не подлежитъ сравненію.

Нѣкоторые итальянскіе химики утверждаютъ, что они нашли въ пеплѣ слѣды серебра и золота: но Розе не нашелъ ни того ни другаго.

Произведенія этихъ горъ, даже близкихъ между собою, весьма различны: лейцитовыя и полевошпатовыя лавы, обсидіанъ съ пемзой и базальтовидныя массы, содержащія оливинъ. Вершины нѣкоторыхъ горъ сдѣлались уже лабораторіей возстановленной сѣры, а изъ боковъ горы все еще вытекаютъ огромные потоки лавы—базальтовидной въ глубинѣ и обсидіановидной къ верху.

За тьмъ авторъ обращается къ другому роду вулканическихъ явленій, служащихъ къ объясненію явленій первобытнаго міра. Трахитовыя горы вдругъ разверзаются, извергаютъ лаву и пепель и потомъ снова замыкаются, можетъ быть навсегда. Жилы базальта, долерита и порфира, прорѣзывающія почти всѣ формации, сіенитъ и авгитовый порфиръ, образовались вѣроятно подобнымъ образомъ.

Всѣ явленія вулканическія авторъ приписываетъ внутренней теплотѣ земнаго шара на большихъ разстояніяхъ отъ поверхности.

Пожелаемъ полнаго успѣха этому превосходному Сборнику и скорѣйшаго выхода слѣдующихъ томовъ. Глубочайшая благодарность отъ всѣхъ друзей науки благородному, просвѣщенному издателю.

А. Студитскій

ОБРАЩИКЪ МОДНОЙ РЕКРИТИКИ.

Въ N 4-мъ Отеч. Записокъ появился отвѣтъ на отзывъ мой во 2-мъ N Москвитянина о статьѣ О. Зап., написанной по поводу моего разсужденія о *Питику* Аристотеля. Этотъ отвѣтъ удивилъ меня не менѣе прошлогодней статьи. Тамъ говорится, что я «увѣряю, будто бы я сдѣлалъ свой переводъ хорошимъ языкомъ»; далѣе, что я теперь «раздѣляю общее (?) мнѣнiе ученыхъ, что текстъ Аристотелевой *Питики* — отрывокъ черноваго эскиза, страдающій неисправностями всякаго рода; если такъ, продолжаетъ рецензентъ О. З., значить, г Ордынскій принялъ нынче мнѣнiе, которое старались защитить (*чьмъ это?...*) и мы *противъ* (*курсивъ О. З.*) его разсужденія, доказывавшаго, что *Питика* — сочиненiе полное, оконченное, дошедшее до насъ въ цѣлости, а не отрывокъ черноваго эскиза »

Ничего похожего нѣтъ ни въ книгѣ моей, ни въ статьѣ 2 N Москвитянина! О переводѣ своемъ вотъ что я говорю въ статьѣ:

«*Питику* Аристотеля называетъ рецензентъ «отрывочнымъ» «сокращенiемъ или черновымъ эскизомъ, въ которомъ текстъ до-вольно сильно искаженъ.» Положимъ, что и такъ. Но кому неизвѣстно, какъ пишутся отрывочныя сокращенiя, черновые эскизы? «Кому неизвѣстно, что пишущiе ихъ всего меньше заботятся объ изяществѣ? Я перевелъ такой эскизъ, такое сокращенiе (я почти согласенъ назвать такъ *Питику*), и рецензентъ О. З. упрекаетъ «меня въ изяществѣ перевода!... Хоть бы онъ вспомнилъ, что и другiе переводчики, даже французскiе, переводя этотъ эскизъ, это «сокращенiе, объ изяществѣ не заботились и предваряли объ этомъ читателей. Хоть бы онъ вспомнилъ, что я говорю въ своемъ предисловiи!»

Гдѣ-же я *увѣряю*, что переводъ мой сдѣланъ хорошимъ языкомъ? Изъ чего же видно, что я принялъ мнѣнiе рецензента? Не изъ того ли, что я почти согласенъ назвать *Питику* черновымъ эскизомъ или отрывочнымъ сокращенiемъ? Но рецензентъ О. З. не только мои слова искажаетъ, но даже свои собственныя: прежде онъ называлъ *Питику* отрывочнымъ сокращенiемъ или черновымъ

эскизомъ (какое-нибудь изъ этихъ двухъ предположеній еще можно принять, хотя съ большими ограниченіями; да я ни прежде, ни теперь не считаю этого вопроса важнымъ и въ разсужденіи моемъ нарочно обошелъ его, держась общаго мнѣнія, мнѣнія, котораго держатся Лессингъ, Германъ, Гартунгъ, Еггеръ, Дюнцеръ, и наконецъ у насъ С. П. Шевыревъ); а теперь — отрывкомъ изъ черноваго эскиза!... То ли это?

Истинно сожалею, что я вступилъ въ полемику съ такимъ противникомъ. Онъ называетъ мой отвѣтъ во 2 N Москвитянина «очень горячей репликою.» Увѣряю его, что перомъ моимъ водила не горячность, не раздраженіе, а совсѣмъ другое, очень холодное, чувство.... Писалъ я не «о самомъ себѣ», заступался не за себя, а за бѣдный здравый смыслъ, который такъ терзаютъ многіе наши рецензенты. Собственно для меня обиднаго въ статьѣ О. З. ничего не было, но потому-то именно я и отвѣчалъ на нее. Повторяю, рецензію О. З. не я обиженъ, а здравый смыслъ, истина, наука, литература.

Къ хиткамъ и другимъ экспертамъ, предлагаемымъ рецензентомъ О. З., обращаться не за чѣмъ. Пожелземъ только, чтобъ наши критики и рецензенты хоть бы приводили точныя слова своихъ противниковъ, хоть бы писали о той книгѣ, заглавіе которой выставляютъ, и не ратовали противъ выдуманнаго ими фантома. Пожелаемъ, чтобъ читатели по напечатанной статьѣ, а не хитки по рукописнымъ отбѣткамъ, могли судить, читалъ ли рецензентъ разбираемую имъ книгу, или нѣтъ.

В. ОРДЫНСКІЙ

БІОГРАФІЧЕСКІЯ СПРАВКИ О ВИНІУСѢ.

Перелистывая на дняхъ X томъ Энциклопедическаго Лексикона, одного изъ полезнѣйшихъ изданій А. А. Плюшара, мы невольно остановили продолжительный взоръ нашъ на 207 и 208 страницахъ и задумались. Небольшая статья (менше двухъ столбцовъ), обратившая на себя вниманіе наше, называется: «Виніусъ или Веніусъ»; она принадлежитъ перу князя Д. А. Эристова. Авторъ, при составленіи этой статьи, руководствовался извѣстными сочиненіями гг. Гамеля и Германа; но такъ какъ послѣдній изъ нихъ писалъ собственно о Сибири по части минералогіи, то всѣ данныя о Виніусѣ заимствованы княземъ Д. А. Эристовымъ изъ «Описанія тульскаго оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніи»; соч. І. Х. Гамеля. Статья о Виніусѣ сжата, суха, поверхностна и, слѣдовательно, не удовлетворительна. — Спора нѣтъ, что предѣлы энциклопедическихъ очерковъ должны быть по возможности кратки, но въ этой тѣсной рамѣ извольте высказать все, что только извѣстно о такой замѣчательной личности, какимъ былъ Андрей Денисвичь Виніусъ. Основатель «въ Россіи перваго вододѣйствующаго завода для отливанія чугуновыхъ вещей и для дѣланія желѣза по иностранному способу изъ чугуна», конечно, стоилъ того, чтобы посвятить ему гораздо болѣе изслѣдованій, времени и труда. Біографія этого умнаго, дѣятельнѣйшаго, предпримчиваго иностранца столько же любопытна, какъ и поучительна. Справедливость требуетъ впрочемъ сказать, что нѣкоторыя ошибки въ статьѣ князя Д. А. Эристова отнюдь не относятся къ нему, а принадлежатъ тому источнику, изъ котораго онъ почерпалъ свои свѣдѣнія. Сочиненіе І. Х. Гамеля мы всегда ставили на ряду съ твореніями истинно-добросовѣстными; оно до сихъ поръ единственное въ своемъ родѣ.... Обмолвки и недосмотры вкрались въ него, разумѣется, не по желанію автора, какъ вкрадывается въ вашъ домъ не желанный гость. — Разберемъ дѣло по порядку.

Статья въ Энциклопед. Лексиконѣ начинается такъ: «Виніусъ или Веніусъ, Андрей Денисовичъ, рудопрмышленникъ, родомъ Голландецъ, жилъ въ Москвѣ и вмѣстѣ съ братомъ торговалъ хлѣбомъ.»

Кто внимательно читалъ Гамеля, тотъ согласится, что мы имѣли достаточную причину задуматься надъ выписанною нами фразою; она ввела насъ невольнo въ искушеніе—навести біографическія справки о такихъ историческихъ предметахъ, которые съ перваго взгляда рѣзко бросаются въ глаза потому, что они ложны въ своемъ основаніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно назвать Виніуса рудопрмышленникомъ, именовъ довольно унижительнымъ, когда железо выдѣлывалось у насъ гораздо прежде него изъ глыбовою руды, вынимаемою тогда изъ земли близъ бывшаго города Дѣдилова и также на Устюжнѣ; а Флетчеръ говоритъ, что оно добывалось и въ странѣ Кореловъ, Каргополь (Карамз. И. Г. Р. Т. X. пр. 425). Развѣ нашихъ гражданъ Демидовыхъ и Баташевыхъ называютъ въ письменныхъ памятникахъ рудопрмышленниками? а они имѣли собственные мѣдные и желѣзные заводы. Нѣтъ, ихъ вездѣ чествуютъ именами заводчиковъ, фабрикантовъ. Что онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ его называетъ біографъ, это доказывается очевидными фактами, во-первыхъ: царскою грамотою 1632 года, въ которой Виніуса титулуютъ «гостемъ, мастеромъ», умѣвшимъ выдѣлывать железо «мельничнымъ» заводомъ; во-вторыхъ, чугунной руды онъ не отыскивалъ, ее добывали изстари при рѣчкѣ Аленѣ и возили на Городищинскіе его заводы. Заметимъ, кстати, что онъ былъ едва ли не одинъ изъ образованныхъ и, прибавимъ, благонамѣренныхъ у насъ иностранцевъ того времени.

На какомъ основаніи, желаемъ мы знать, сказано, что Виніусъ постоянно жилъ въ Москвѣ и съ братомъ торговалъ хлѣбомъ? Объ этомъ нигдѣ не упоминается. У I. X. Гамеля находимъ мы краткое извѣстіе, что «отецъ его Денисъ Теркнесъ, жилъ въ Амстердамѣ. Самъ же онъ производилъ значительный торгъ хлѣбомъ», (стр. 7 въ примѣч.) И какъ могъ Виніусъ проживать въ Москвѣ, когда его дѣятельность (прежде коммерческая) сосредоточивалась въ Архангельскѣ, потомъ устройство Городищинскихъ заводовъ и непрерывное производство на нихъ работъ (*), поглощало у него

(*) Въ Энциклопед. Лексиконѣ сказано, что «Городищинскими заводами управлялъ Англичанинъ Тома Андрюсъ. У I. X. Гамеля читаемъ (стр. 11): «Прикащикомъ на Городищинскихъ заводахъ былъ сперва какой-то Христофоръ Ивановъ, а послѣ Англичанинъ Тома Андрюсъ.»

все время, въ которое онъ проживалъ Тульскаго уѣзда въ пустоши Горхово, или въ деревнѣ Слободкѣ (см. ниже). Что касается оптовой торговли хлѣбомъ, вывозимымъ Голландскими купцами изъ Россіи черезъ одинъ Архангельскій портъ, то въ этомъ случаѣ мы ссылаемся на челобитную Виніуса, поданную Царю Михаилу Феодоровичу. Въ челобитной написано:

«Во 139 (1631) году при Голландскихъ послахъ договорился (я) принять у Архангельскаго города сто тысячъ чети ржи самую большою цѣною безъ всякой хитрости и безъ прибыли, а за всякую четь въ Московскую мѣру платилъ я въ приказъ Государевы большіе казны по сороку по шести алтынъ по четыре деньги, а платилъ тѣ деньги всѣ ефимками, и въ той хлѣбной покупкѣ и въ ефимкахъ (*) учинилъ я Государю прибыль больше ста тысячъ рублей.»

О братѣ Виніуса—ни слова.

Далѣе въ Энциклопед. Лексиконѣ: «До 1632 года не было въ Россіи чугуноплавильныхъ заводовъ, хотя и упоминается о желѣзномъ производствѣ, которое будто бы существовало до 1630 года въ Сибири на рѣкѣ Ницѣ, но нѣтъ доказательствъ, что оно было доменное.»

І. Х. Гамель пишетъ (стр. 4 въ примѣч.): «Полагать надобно, что и начатое въ 1628, (а не въ 1830) году у рѣки Ницы приготовленіе желѣза было въ ручныхъ горнахъ.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (стр. 17): «Я нашелъ въ старыхъ дѣлахъ, что Виніусъ уже въ 1631 году объявилъ Государю перваго своего дѣла желѣза прутаго 100 пудовъ; да дошатаго 43 пуда и получилъ за сіе количество деньги по уговорной цѣнѣ.»

По надлежащемъ соображеніи историческихъ событій, вытекавшихъ одно изъ другаго, выходитъ, что Виніусу въ 1632 году дана была царская грамота, которой дозволялось ему устроить желѣзные и чугунные заводы между Тулою и Серпуховымъ тамъ, гдѣ онъ найдетъ удобнымъ; но что первое желѣзо съ его «мельничныхъ» заводовъ поступило въ Пушкарскій приказъ не прежде 1636 года. Оно такъ и должно быть. І. Х. Гамель, выписавъ изъ подлиннаго документа извѣстіе о первомъ желѣзѣ, добытомъ на Городищинскихъ заводахъ, сомнѣвается въ достовѣрности этого извѣстія. «Можетъ быть, прибавляетъ онъ (*idem*), желѣзо сіе за не-

(*) Въ одной грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича, писанной 1658 годѣ, сказано: «по двадцати по одному алтыну по двѣ деньги ефимокъ.» О алтынѣ см. Энциклопед. Лексиконъ Т. II. стр. 40 и 41.

достаткомъ домы, приготовлено было въ горну по прежнему способу.» Это не болѣе какъ предположеніе, но неужели, спрашиваемъ мы, въ теченіе четырехъ лѣтъ сряду не успѣли приготовить этой домы? Предположеніе не вѣроятное! Отъ неутомимой дѣятельности Винюса этого не могло случиться. Гдѣ истина ясно доказывается актами, тамъ темныя сомнѣнія дѣлаются излишними и не имѣютъ мѣста (1). Прибавимъ ко всему сказанному нами, что на Руси имѣли достаточное понятіе объ этой доменной печи, она не составляла для предковъ нашихъ «заморской хитрости.» Еще во второй половинѣ XVI вѣка Андрей Чоховъ отливалъ у насъ мѣдныя орудія огромныхъ размѣровъ (см. Карамзина И. Г. Р. Т. X. пр. 453). Покойный В. А. Жуковскій видѣлъ въ замкѣ Гринстольмъ двѣ пушки, отнятыя Шведами у Русскихъ въ 1581 году и вылитыя упомянутымъ русскимъ мастеромъ одна въ 1575, а другая въ 1579 годахъ (2). Следовательно «доменное дѣло» хорошо было намъ извѣстно, но мы не умѣли ни плавить чугуна, ни выдѣлывать желѣза; и за это усовершенствованіе технической части въ искусствѣ, разумѣется, обязаны Винюсу.

Далѣе въ Энциклопед. Лексиконѣ говорится о томъ, что «жельзо выдѣлывалось изъ руды и выковывалось ручными молотами или болтами, а оттого не могло быть совершенно очищено и получалось въ видѣ небольшихъ прутьевъ, «батоковъ.»

У насъ, на Руси, было два сорта желѣза: батажное и укладъ. Намъ не извѣстно, происходитъ ли слово батаги отъ батажнаго, только слово батажное не могло произойти отъ батаговъ. I. X. Гамель называетъ это желѣзо прutowымъ и очень основательно. Впрочемъ полосное, прutowое и листовое—это только виды желѣза, а не качества его.

Въ упомянутой статьѣ сказано, что «дороговизна и трудность доставленія внушили предприимчивому Винюсу мысль завести въ Россіи первый чугуноплавильный и желѣзодѣлательный вододѣйствующіе заводы.»

Дороговизна—такъ, но что касается до трудности доставленія, то съ такимъ положеніемъ нельзя согласиться. Доставка тяжестей

(1) Грустно читать, что почтенный изслѣдователь, упоминая во многихъ мѣстахъ своего сочиненія о архивныхъ находкахъ, которыя могли бы пролить какой-нибудь свѣтъ на Русскую Исторію, не извлекалъ изъ нихъ любопытнаго и не напечаталъ въ прибавленіяхъ своихъ подлиннаго текста письменныхъ памятниконъ, найденныхъ имъ. Это значить не любить того предмета, которымъ постоянно занимаешься.

(2) См. Москвитянинъ 1853 года, N 19, статью: Очерки Швеціи, стр. 155.

всегда и вездѣ болѣе или менѣе затруднительна тамъ, гдѣ не имѣется водяныхъ сообщеній. Мы думаемъ, что одна изъ главныхъ причинъ, внушившая Виніусу мысль приняться за «доменное дѣло,» это — худое качество нашего желѣза, которое выдѣлывалось въ ручныхъ горнахъ и потому не соответствовало своему назначенію. Если вѣрить Флетчеру, наше желѣзо имѣло существенный недостатокъ: оно было «очень ломко» (Карамз. И. Г. Р. Т. X. 253). Вотъ для чего выписывали мы изъ Швеціи этотъ металлъ, удовлетворявшій наши необходимыя относительно выковки изъ него «самопального дѣла» и вообще всякаго рода оружія, не исключая даже пушекъ.

Имя Виніуса имѣетъ неразрывную связь съ Городищинскими заводами, имѣ построенными; а такъ какъ мы, внимательно изучивъ мѣстность, гдѣ они существовали, находимъ не вѣрными топографическія указанія Энциклопедическаго Лексикона, то и намѣрены рассмотреть эти данныя съ надлежащею подробностію.

Надобно знать, что заводы, извѣстные по стариннымъ актамъ подъ именемъ Городищинскихъ, получили свое названіе отъ древняго городища ⁽¹⁾, близъ котораго они въ половинѣ XVII вѣка существовали. Эта мѣстность, достопримѣчательная для насъ, тулянь, лежитъ на 13-й верстѣ отъ Тулы по столбовому тракту на Веневъ. «Въ описи, говоритъ I. X. Гамель, составленной Пушкинскаго приказа подъячимъ Севергинымъ, значится: «въ Тульскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ на Тулицѣ ⁽²⁾ построенъ верхній желѣзный заводъ, на наемной землѣ по правую сторону Тулицы Тимофея Иванова сына Ржевскаго, на пустоши Торхово ⁽³⁾; да на патріаршей приписнаго Венева монастыря на пустоши, что бывало старое

(1) Его привыкли называть «городкомъ», разумется, здѣшніе крестьяне. Преданіе о немъ замѣчательно своимъ фантастическимъ вмѣшательствомъ...

(2) Большая или Синяя Тулица беретъ свое начало въ дачѣ села Сухотина, верстѣ десять отъ городища, на сѣверъ. Истокъ другой рѣчки этого имени начинается въ дачѣ деревни Мокрой, лежащей на старой дорогѣ изъ Тулы въ Москву. Здѣсь она называется Мокрая-Тулица, протекая далѣе принимаетъ названіе Малой, которой устье ниже села Крюкова.

(3) Въ половинѣ прошедшаго столѣтія оно было уже село, то-есть, имѣло церковь. (См. ниже). Такъ называемый верхній заводъ существовалъ тамъ, гдѣ нынче находится Торховская мельница, у самой плотины, современной Городищинскимъ заводамъ. Замѣтимъ, что сынъ Тимофея Ивановича генералъ-адъютантъ Ржевскій продалъ село Торхово въ 1727 году генералъ-полиціймейстеру графу А. М. Девіеру, родоначальнику графовъ Девіеровыхъ, что видно изъ подлиннаго крепостнаго акта, хранящагося у насъ.

тульское городище (1). А выше той Тимофеевой и монастырской земли, наемная жь земля Кирила Иванова Сухотина (2); а оброку съ тѣхъ наемныхъ земель платять имъ помѣщикамъ и въ монастырь, по сороку рублевъ на годъ.» (См. описаніе Тульского оружейнаго завода въ прибавленіи стр. 21).

При излучинѣ Большой-Тулицы, именуемой на планѣ генеральнаго размежеванія Синяя-Тулица (3), при впадении въ нее протока Глядьшки, почему-то прозванной Мурзинъ-Верхъ, въ которомъ она протекаетъ (4), на оконечности горы находится упомянутое городище. Оно изъ чернозема, обнесено валомъ, имѣетъ эллиптическую фигуру и одинъ входъ съ сѣвера. По-видимому площадь его когда-то была горизонтальна, но въ настоящее время она имѣетъ значительное наклоненіе къ сказаннымъ двумъ рѣчкамъ. Вотъ размѣры его: въ длину—48 сажень, въ ширину—27 сажень, высота 9 сажень при устьѣ Глядьшки, но тамъ, гдѣ еще насыпь

(1) Въ дачѣ деревни Слободки, или, какъ называютъ ее обитатели деревни, Слободъ—Городище. Не была ли она предмѣстіемъ, слободою Старой Тулы?

(2) Въ Справкахъ вотчиннаго Департамента, эта мѣстность названа: пустошь Ширина, Котенево дожъ. Нынѣ деревня Погибляка, лежащая по правую сторону Синей и по лѣвую Малой Тулицы. Слѣдовательно, третій заводъ Винюса устроенъ былъ гораздо выше городища, почти напротивъ деревни Слободки.

(3) Это прилагательное дано ей, безъ сомнѣнія, по глинѣ, находимой въ руслѣ сказанной рѣчки. Синяя глина, принявъ какія угодно формы и высохнувъ, дѣлается весьма твердымъ веществомъ, не уступающимъ камню. Въ XVII вѣкѣ существовала еще Синяя деревня, лежавшая за Торховымъ при протоцѣ Грязновкѣ, пересыхающемъ лѣтомъ. Отъ этой деревни получилъ свое названіе Синій-Лугъ; находящійся близъ дороги, пролегающей изъ дачи Торхова въ село Панское, Дорофеево, Толстое тожъ. Синяя деревня переселена по уничтоженіи Городищинскихъ заводовъ въ пустошь Торхово, лежащую въ дачѣ Синей-деревни. А въ 1762 году построена церковь во имя Грузинскія Божіей Матери, въ одномъ изъ предѣловъ которой (св. Николая Чудотворца) покоятся прахъ графа А. А. Девіера.

(4) Это татарское имя напоминаетъ о Баскакахъ, т. е. правителяхъ (См. рус. Временникъ 1. стр. 135). Ужь не жилъ ли на городищѣ одинъ изъ Баскаковъ царемъ Тайдулы? (См. Арцибашева Т. II пр. 964). Какъ бы то ни было, только мы должны здѣсь замѣтить, что названія многихъ овраговъ, верховъ и урочищъ имѣютъ если не историческое, то по крайней-мѣрѣ областное значеніе. Они прозваны или въ память событія, или въ память знаменитаго лица близъ нихъ жившаго. Такъ, напримѣръ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Мурзина-Верха, есть овраги, вершины и урочища—Разбойничій, Пугаевъ, Пагожевъ, Проклятый, Дѣдовскій, Кудиновъ, Сорокино, Козин-верхи.... О каждомъ изъ нихъ сохранилось преданіе, иногда правдоподобное.

не осыла (у дороги), сохранилась въ первобытномъ своемъ видѣ; эта высота отъ подошвы горы до верхняго пункта вала достигаетъ 117 сажень. Окружность при основаніи 198 сажень, вверху 145 сажень. Въ исходѣ XVIII вѣка дремучіе лѣса росли по всей этой горѣ, а также и на правой сторонѣ Тулицы по нагорью. Таково устройство описаннаго нами городища, принадлежащаго, какъ видите, къ доисторическимъ временамъ, о которыхъ такъ много писалъ Черноцкій, извѣстный у насъ подъ именемъ Доленги-Ходаковского.

Но ни І. Х. Гамель, ни князь Д. А. Эристовъ не вѣрятъ въ существованіе этого городища.... Последній, основываясь на первомъ, пишетъ:

«Первая доменная печь была устроена Виніусомъ... въ 15 верстахъ отъ Тулы на рѣкѣ Тулицѣ подъ горою, на которой встарину находилось тульское городище; отъ него впослѣдствіи цѣлый округъ получилъ названіе «Стараго городища,» а заводы, тамъ устроенные, названы «Городищинскими.»

Спорить о томъ, гдѣ именно была первая доменная печь—совершенно бесполезно. Самъ І. Х. Гамель ничего не говоритъ о первой доменной печи; онъ рассказываетъ только о мѣстности, на которой устроены были четыре вододѣйствующіе заводы. «Заводскія строенія Виніуса, говоритъ онъ, расположены были при четырехъ плотинахъ, изъ коихъ самая верхняя была сдѣлана нѣскольکو выше прежняго городища подъ экономической деревнею Слободкою, принадлежавшею тогда Николаевскому Веневскому монастырю» (*). Остатки старинной плотины положительно доказываютъ, что одинъ изъ заводовъ дѣйствительно построенъ былъ въ 60-ти сажняхъ отъ городища, при излучинѣ Тулицы, гдѣ саженьные камни, обросшіе мхомъ и плесенью, страшилищами выглядываютъ изъ нѣдръ земли; другіе висятъ, готовые обрушиться въ Тулицу, въ которой уже лежатъ огромные камни, скатившіеся съ горы (**). Деревня Слободка лежитъ отъ этой плотины едва ли не дальше версты. Кто насъ увѣритъ, за недостаткомъ данныхъ, что

(*) Трудно понять, какимъ образомъ упомянутая Слободка была деревнею въ 1560 году, когда въ Синодикѣ тульскаго Предтечева монастыря, рукописи, писанной въ XVII вѣкѣ, сказано: «Родъ Предтечева монастыря чернаго попа Феодосія съ Глядѣшки.» Остатки развалинъ упраздненной церкви замѣтны близъ городища. По этому мы думаемъ, что церковь при Глядѣшкѣ принадлежала селенію Слободкѣ потому, что она отстояла отъ него въ близкомъ разстояніи, и входила въ монастырскую землѣ.

(**) Не должно думать, чтобы это были крѣпостные матеріалы: камни разбросана рука природы; они составляютъ свойство горы, на которой находятся.

первая доменная печь сделана была не въ Торховѣ? Мы не знаемъ, въ какомъ мѣстѣ существовалъ желѣзный заводъ, но о чугуноплавильномъ имѣемъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія. Ещё 20 тому назадъ торховскіе крестьяне находили въ тѣхъ называвшемся бучилѣ (у мельницы) чугуиныя гранаты и ядра, малаго калибра, которыми они, раскаливши, парили бочки и кадки. Эти артиллерійскія снаряды мы видѣли собственными глазами. Еще и теперъ можно видѣть сотни оскретковъ, т.-е. маленькіе кусочки перегорѣлаго чугуна, въ видѣ губки, вымытые водою вмѣстѣ съ камешками изъ упомянутого бучила, два года тому назадъ зятянутого наносною землею изъ пруда (*).

Обращаемся къ слѣдующимъ за тѣмъ словамъ той же фразы. Мы не смѣемъ, да и не вправѣ обвинять автора выписанныхъ нами строкъ въ явной неправдѣ того, о чемъ онъ пишетъ, потому что онъ заимствовалъ свѣдѣнія свои у Гамеля, который лично самъ осматривалъ мѣстность, лежащую подъ Городищенскими заводами. Ума не приложимъ, какимъ образомъ правдивый писатель могъ сказать (стр. 7): «въ трехъ-стахъ саженьяхъ отъ второй (плотины) подъ самую горою, на которой въ древнія времена стояло городище» и прочее. Стояло? да оно и въ настоящее время стоитъ, если только городища могутъ стоять; оно и теперъ невредимо существуетъ, наклонившись къ двумъ протокамъ, свидѣтелямъ его грознаго величія и таинственнаго назначенія; его нельзя не замѣтить не только вблизи, но и ѣхавъ по столбовой дорогѣ, въ Торховѣ. (Село Торхово лежитъ на почтовой дорогѣ, пролегающей изъ Тулы въ Веневь, а городище отъ церкви въ 650 саженьяхъ, по прямому направленію на сѣверо-востокъ). На картѣ, приложенной къ описанію тульскаго оружейнаго завода, эта мѣстность чрезвычайно небрежно, не хорошо нанесена, а городища совсѣмъ не означено.... Странно! Гамель говоритъ (стр. 8, во второмъ примѣчаніи):

«Отъ онаго въ послѣдствіи времени весь станъ, даже до Упы, получилъ названіе свое «Стараго городища», и полагать можно, что перемѣщеніе сего городища на устьѣ Тулицы дало начало нынѣшнему городу Туль.»

Нѣтъ, не потому, что здѣсь существовали Городищенскіе заводы, весь станъ получилъ въ послѣдствіи свое названіе, а гораздо прежде. Въ царской грамотѣ, написанной 1622 года, именно ска-

(*) Бучиломъ называлась яма, колдобина въ Тулицѣ (ниже Торховской плотины), образовавшаяся отъ паденія воды во время водополюя.

зано, что еще во 144 (1606) году нынѣшній второй станъ назывался: «станъ стараго городища.» (См. исторію общес. образ. Тульской губер. стр. 47). Что же касается до словъ: «полагать можно, перемѣщеніе сего городища на устьѣ Тулицы дало начало Туль», то мы думаемъ, что этого полагать никакъ не можно, потому, во-первыхъ, что перемѣщать городища съ одного мѣста на другое нѣтъ физическихъ средствъ, во-вторыхъ, жители старой (древней) Тулы, переселившись съ береговъ Тулицы и Глядѣшки на устьѣ первой, усвоили и названіе города, ибо они были Туляне. Такъ дѣлалось въ незапамятныя времена со многими другими городами: Рязанью, Каширою, Алексиномъ, Крапивною.

Теперь само собою возникаютъ вопросы: почему Виніусъ, какъ говорится, облюбовалъ описанную нами мѣстность для сооруженія на ней четырехъ своихъ заводовъ? Что здѣсь находилъ онъ особеннаго въ сравненіи съ другими мѣстностями, на которыхъ впоследствии существовали такіе же заводы? Развѣ здѣсь таились въ землѣ обширные пласты чугунной руды, до него никому неизвѣстной? Не трудно отвѣчать на такіе вопросы....

Свѣдущіе люди по части гидравлики пишутъ, что «для водохранилищъ преимущественно избираются лощины между горъ, чтобы можно было въ нихъ умягчать наибольшее количество воды, при наименьшемъ поверхностномъ пространствѣ; этимъ уменьшается утрата воды черезъ испареніе. Если при такомъ мѣстоположеніи случатся низменности, которыми вода можетъ стекать, ихъ заграждаютъ плотинами.»

Именно такая лощина, обставленная горами (если только отлогія возвышенности дозволено назвать горами), избрана была Виніусомъ въ пустоши Торховской и въ прилегающихъ дачахъ разныхъ владѣльцевъ; а такъ-какъ она имѣетъ низменное мѣстоположеніе, то и заградили ее четырьмя плотинами. Овакожь Торховскій прудъ былъ обширенъ, онъ заливалъ пространство до 22 десятинъ: отъ плотины, что у нынѣшней мельницы, до городища. Весною 1851 года, когда прорвалась эта плотина, то сильнымъ теченіемъ вода промыла рвы, глубиною отъ 6 до 7 аршинъ. На двѣ ровы оказалось нѣсколько пней ивы и лозины, лежащихъ горизонтально, но нѣкоторая часть корней углублена въ землю,—доказательство, что они росли на этомъ мѣстѣ, а не занесены сюда полою водою. По этому судите о первоначальной глубинѣ Торховскаго водохранилища.... Вокругъ лощины росли въковые лѣса, следовательно весенней водѣ, кромѣ древеснаго листа и сухихъ сучь-

евъ, нечего было сносить въ упомянутое водохранилище, но когда губительный топоръ сокрушилъ весь лѣсъ, окаймлявшій его, и соха оратая распахала землю, лежащую подъ нимъ, то и водохранилище годъ отъ году мелѣло да мелѣло отъ наноснаго ила съ пашенныхъ полей такъ, что наконецъ все это пространство залужало. Другая причина избранія сказанной мѣстности Виніусомъ была, по видимому—обиліе родниковъ или ключей, доставляющихъ воды десятью процентами болѣе рѣчки Тулицы, которая напрасно носитъ названіе Большой, ибо она — ручей, котораго воды недостаточно и на одно колесо для мукомольной мельницы.

Вотъ, по мнѣнію нашему, что увлекло вниманіе Виніуса избрать эту мѣстность для основанія на ней Городищинскихъ заводовъ, а не чугунная руда, о которой онъ и не заботился и которой присутствія до-сихъ-поръ нигдѣ въ окрестностяхъ Торхова не замѣчается.

Въ разбираемой нами статьѣ Энциклопедическаго Лексикона еще выпущено изъ вида очень важное біографическое извѣстіе, а именно, что Виніусъ, убѣжденный въ истинѣ нашего вѣроисповѣданія, принялъ православную религію. «Уже въ 1646 году, говорить Гамель (Прибав. стр. 9 въ прим.), онъ писалъ, что «хочетъ хреститься по русски.» Пусть біографы Виніуса примутъ это къ надлежащему свѣдѣнію. Я нашель много бумагъ, продолжаетъ Гамель, его рукою на русскомъ языкѣ писанныхъ.» Жаль, очень жаль, что изслѣдователь не сообщилъ своей находки читателямъ! Если онъ, какъ самъ выражается, «извлекъ изъ забвенія имя Виніуса, о которомъ до него никто не упоминалъ ни слова (*), то замѣтки этого умнаго иностранца въ высшей степени любопытны: грѣхъ было не извлечь ихъ изъ забвенія. «Записка» Виніуса о заслугахъ его, приложенная къ челобитной, обрисовывающая благородный его характеръ и дипломатическую дѣятельность, «записка», на которую не удостоилъ бросить бѣлаго взгляда князь Д. А. Эристовъ, доказываетъ, что Виніусъ хотя не былъ литераторомъ, но гораздо лучше писалъ по русски своихъ современниковъ-грамотѣевъ.

(*) Потому, что никто объ немъ не зналъ. Но вотъ странность, что трудолюбивѣйшій Арцыбашевъ, котораго превосходное «Повѣствованіе о Россіи» до сихъ поръ не оценено по достоинству, молчитъ о Виніусѣ тогда, какъ сочиненіе Гамеля вышло въ свѣтъ въ 1826 году, а III-й томъ Повѣствованія о Россіи напечатанъ 1843 года. Сочиненія Гамеля нѣтъ даже въ реестръ историческихъ матеріаловъ, которыми руководствовался и на которые ссылается Арцыбашевъ.—Неужели онъ сомнѣвался въ источникахъ, приложенныхъ къ описанію тульскаго оружейнаго завода?

«Въ послѣдствіи, говоритъ авторъ статьи, товарищами Виніуса были Голландецъ Акема (*) и Марцелисъ (изъ Гамбурга); они построили, около 1650 года, на рѣкѣ Скнигъ Соломенные заводы (***) и на нихъ обрабатывали Городищинское желѣзо.»

Кто они? Всѣ трое? это не правда. Прежде нежели построили заводы близъ села Венденскаго, оно, «по челобитью» Акемы и Марцелиса, приписано было къ Городищинскимъ заводамъ, состоявшимъ въ вѣдѣніи Виніуса. Но такъ какъ жалованная грамота дана была имъ въ 1644 году, апрѣля въ 5 день (Арцыбан. Т. III, пр. CLXVI), а Соломенные заводы построили около 1650 года то, судя по времени, товарищество этихъ иностранцевъ не долго продолжалось.

Князь Д. А. Эристовъ продолжаетъ:

«Потомъ Марцелисъ и Акема отъѣхали отъ Виніуса, завели съ нимъ тяжбу, и едва не потеряли права на свои заведенія.»

У Гамеля и Языкова (Энциклопед. Лекс. Т. I, стр. 348) все это рассказано совсѣмъ иначе. Акема и Марцелисъ просили Царя о дозволеніи устроить на рѣкѣ Скнигъ желѣзные заводы, и когда Виніусъ узналъ о челобитной ихъ, то и возникли между ими враждебныя отношенія. Виніусъ подалъ самъ челобитную, жалуюсь въ ней на Акему и Марцелиса, которыхъ Соломенные заводы сдѣлають, писалъ онъ, подрывъ заводамъ Городищинскимъ. Правительство держало сторону Виніуса, покровительствовало ему, но это имѣло кратковременный результатъ, потому, что за Акема и Марцелиса вступился князь Черкасскій, могущественный вельможа того времени. Онъ склонилъ Царя на милость. Тогда покровительство его перешло на упомянутыхъ двухъ иностранцевъ, соперниковъ Виніуса. Заводъ ихъ уволенъ отъ платежа въ казну пошлинъ и Акема награжденъ былъ двумя-стами душъ крестьянъ. Кончилось тѣмъ, что у Виніуса взяли въ казну Городищинскіе заводы, и онъ лишился всего своего состоянія. Таковы были гибельныя послѣдствія вражды, таковъ былъ печальный конецъ Андрея Денисовича Виніуса, достойнаго лучшей участи. Не извѣстно, гдѣ и когда онъ скончался. Ему, какъ изволите видѣть, и тогда не отдавали надле-

(*) И. Х. Гамель называетъ его Индикъ Франъ Акемъ, а Языковъ, напротивъ, Акемъ-Тилиманъ-Лусъ. (см. Энциклопед. Лексиконъ т. I, стр. 348).

(**) Получившія свое названіе отъ рѣчки Соломенки, впадающей въ Скнигу, на которой они были построены.

жащей справедливости. Рядко отдають современникамъ надлежащую справедливость (*).

Разбираемая нами статья заключается слѣдующимъ извѣстіемъ:

Матвѣй Виніусъ, наследникъ (чего?) Андрея, былъ стольникъ, и въ 1700 году содержателемъ почтъ въ Россіи.»

Въ Запискахъ Желябужскаго (стр. 136 и 154) Андрей Виніусъ названъ думнымъ дьякомъ; а въ замѣчаніяхъ и объясненіяхъ къ Запискамъ Желябужскаго г. Языковъ говоритъ (стр. 287): «Андрей, (а не Матвѣй) Виніусъ, думный дьякъ, (а не стольникъ), человѣкъ съ хорошимъ просвѣщеніемъ; онъ былъ первымъ директоромъ почтъ, (а не содержателемъ), и управлялъ Сибирскимъ приказомъ.»

Вообще надобно сказать, что въ статьѣ о Виніусѣ очень мало собрано фактовъ, а которые собраны, тѣ изложены ошибочно, не вѣрно, потому-что явно противорѣчатъ истинѣ исторической.

И. АНДРЕЕВЪ.

Тула.
Ноябрь.

(*) Крайне сожалѣемъ, что мы не имѣли случая читать «Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею» (томъ пятый, С.П.Б. 1853 года), гдѣ напечатана «жалованная грамота Голландцу Акемъ на желѣзные заводы въ Малоярославскомъ и Оболенскомъ уѣздахъ, и акты о тульскихъ и каширскихъ желѣзныхъ заводахъ, 1665—1671 года».

О П И С А Н І Е.

Въ чемъ состояла помощь механика Кулибина при спускъ 130-пушечнаго корабля Благодати, Августа 2 числа 1800 года.

Разсматривая онъ Кулибинъ еще прежде его къ тому призыва, что обыкновенно употребляемыя силы, какъ-то, ваги и шпилы, дать начальное кораблю движеніе весьма удобны, но во время его хода, продолжать помощь свою далеко не могутъ; а какъ уже и второй корабль съ перваго движенія остановился, то и побудило его Кулибина сыскать такое пособіе, которое бы слѣдовало съ корабельнымъ ходомъ въ непрерывности продолжительнѣе означенныхъ силъ, что и расположено имъ было слѣдующимъ образомъ.

По обѣимъ сторонамъ корабля разнесены были трехъ-шкняныя большія гини; два изъ нихъ блока привязаны къ концамъ саней подъ корабельнымъ носомъ, что представляется при семъ на чертежъ подъ литерами А. А.; а другія два блока привязаны у фундаментальныхъ угловъ возвышеннаго берега подъ литерами Б—Б; изъ сихъ блоковъ проведены концы канатовъ и чрезъ одношквныя блоки, находящіяся подъ литерами В. В., склонены оба въ одну сторону, гдѣ избрано къ тому было длиною и шириною пространное ровное и чистое мѣсто, подъ цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6 и такъ далее, привязаны къ тѣмъ канатамъ не длинныя веревки, къ каждому концу ихъ поставлено по 4 и по 5 человекъ, а всего рабочихъ людей дано ему было 500 человекъ, кои раздѣлены были по 250 къ канату, люди поставлены между собою пространно, въ намереніи томъ, когда корабль пойдетъ скоростію противъ средняго человеческого хода, тогда чтобъ можно имъ было бежать съ канатомъ безпрепятственно, и тѣмъ подать непрерывную къ движенію корабля помощь, когда же корабль разойдется такъ скоро, что тѣ люди бежать съ канатомъ не успеютъ, съ такового разбѣгу и остановиться ему будетъ трудно.

Со стороны Адмиралтейства oprичъ приготовленія вагъ и шпелей, привязаны были два каната къ корабельнымъ санямъ, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ привязаны блоки Кулибина, разнесены по обе-

имъ сторонамъ корабля до тѣхъ угловъ берега, гдѣ другія его блоки, и тутъ чрезъ привязанныя одношкивныя блоки протянуты обратно и ведены внутрь Адмиралтейства прямолинейно; къ симъ двумъ канатамъ поставлено также 500 человекъ по 250 къ каждому канату, съ темъ же чтобъ тянуть ихъ прямолинейно; такимъ образомъ устроенными вообще вышепомянутыми машинами, корабль съ мѣста тронуть, но изо всѣхъ оныхъ помогали въ провожаніи его хода далѣе чрезъ реченныя трѣхшкивныя и одношкивныя блоки канаты, тянутыя въ рупную по прямымъ линіямъ, прочіе же силы успѣвать съ ними не могли: о чемъ объяснится, а притомъ о изчисленіи и сравненіи силъ, ниже сего подробно.

Расположеніемъ Кулибина тянутыя канаты числомъ 500 человекъ чрезъ трѣхшкивныя блоки, увеличивали силу равную противъ 3000 человекъ, каковыя силы терялось вразсужденіи тренія въ блокахъ немного, ибо ихъ шкивы были мѣдныя большаго діаметра и съ желѣзными осями выточены акуратно; скорость тѣхъ людей хода, противъ корабельнаго движенія въ 6 разъ скорѣе, почему оны и должны были бѣжать по ровному и пространному мѣсту свободно и безъпрепятственно довольно скоро, (что примѣчено было очевидно), для неослабленія каната, дабы тѣмъ спомоществовать корабельному ходу такимъ средствомъ, въ случае подобныхъ надобностей можно употреблять по 500, даже и по 1000 человекъ къ каждому толстому съ крепкими блоками канату, а такимъ количествомъ людей тянуть тяжести и чрезъ двухшкивныя блоки силы будетъ довольно; чрезъ одношкивныя блоки канаты тянутыя числомъ такъ же 500 человекъ, но сила ихъ помощію блоковъ не увеличивалась, такъ же и ходъ ихъ противъ корабельнаго былъ не скорѣе.

Шпильи одинарныя безъ гиней сначала и потомъ во время самаго тихаго корабельнаго движенія, помогать могутъ, а когда оны пойдутъ хотя нѣсколько поскорѣе, тогда уже будутъ не въ состояніи, потому именно, что валъ шпилья, представленной на чертежъ подѣ литерами Г—Г, на которой обвивается для тяги канатъ, имѣетъ діаметръ $15\frac{1}{2}$ вершковъ аршина, воротовыя ручки по ихъ діаметру отъ конца одной до конца другой составляютъ меры 9 аршинъ и 11 вершковъ, концами тѣхъ ручекъ, во время вертенія, описывается кругъ въ діаметрѣ въ 10 разъ больше діаметра речепнаго канатнаго новая (?), что представляется подѣ литерами Д—Д; въ шпилью ручекъ вкладывается 8, концы ихъ перевязываются одинъ съ другимъ все вокругъ шпилья веревками, между веревокъ и станка Е—Е въ коемъ движется шпилья, поставить по четыре человека подѣ циф-

рами 1, 2, 3, 4, къ каждой ручкѣ; а болѣе для скорого ихъ бѣгу будутъ тесниться, да по внѣшнюю сторону къ веревкамъ челоуѣка по два и болѣе, между концовъ ручекъ, послѣднія только, съ прочими вообще силами, тронуть корабль съ мѣста помогагь будутъ, а продолжать помощь свою немогутъ, ибо имъ должно бежать въ десять разъ скорѣе корабельнаго хода, да и между 4-хъ челоуѣкъ, стоящихъ у ручки подѣ цифрами, взять средину, коею описываютъ они кругъ діаметромъ въ $7\frac{1}{2}$ разъ болѣе діаметра реченнаго капитаннаго навол, что представлено подѣ литерами А—А; слѣдственно и сихъ работниковъ скорость бега противъ скорости движенія корабельнаго, должна быть по сложности въ $7\frac{1}{2}$ разъ скорѣе, и на такомъ скоромъ бѣгу надобно имъ вокругъ шпилья вертеться и успѣвать перешагивать чрезъ канатъ въ двухъ мѣстахъ, въ каждомъ шпилья обороте, почему ускорить съ корабельнымъ движеніемъ и такимъ, которое бы было скоростію противъ средняго челоуѣческаго хода, неуспеютъ, да и при самомъ тихомъ движеніи корабля, по малолюдству дѣйствующихъ работниковъ, противъ другихъ средствъ, силы составить много немогутъ, что означится ниже.

У осми ручекъ, работныхъ людей при шпиль 32 челоуѣка, и каждой тянуть по сложности за $7\frac{1}{2}$ челоуѣкъ, или двоя за 15, а 15-ю умножить 16, то-есть половину числа 32-хъ челоуѣкъ работниковъ, произойдетъ сила ровная числу 240 челоуѣкъ; такихъ шпильей безъ гиней поставлено было на берегу Васильевскаго острова 2 шпилья, съ коихъ взята была и вышеописанная мѣра, да съ трехшквивными гинями поставлено въ Адмиралтействѣ 6 шпильей, а сихъ послѣднихъ каждая сила умножилась помощію гиней трехшквивныхъ въ шесть разъ болѣе вышереченныхъ ординарныхъ шпильей, и равна была 1440 челоуѣкамъ; скорость же ихъ бѣга должна быть въ 45 разъ уже скорѣе корабельнаго движенія, при коихъ шпильяхъ люди не могутъ успѣть провести корабля ни на одинъ аршинъ безъ ослабленія каната; ваги съ гинями употреблены были изъ толстыхъ и широкихъ дубовыхъ брусьевъ въ разныхъ 13 мѣстахъ, и каждая дѣйствовала несравненно сильнѣе шпилья съ гинями, но и такія чрезвычайно сильныя ваги, проводили корабль много что на 2 аршина, въ коемъ разстояніи изтощали всю силу своего заряда безъ остатку. По сему по правилу механики вычисленію, ясно видно, какія средства въ провожаніи корабельнаго движенія, къ спуску его продолжительнѣе способствовали.

Первоначальное содержаніе Академіи Художествъ.

Вѣдомость нынѣшняго состоянія Академіи Художествъ.

Изъ статсъ-конторы на содержаніе оной Академіи полу- чается.	6000 —
Отъ Оберъ-Директора таможеннаго Шемякина.	20000 —

Кураторъ Иванъ Шуваловъ, по именному Ея Император- скаго Величества указу, получаетъ жалованья въ годъ.	1000 —
Архитекторъ Александръ Какориновъ за Директора.	700 —

Профессора:

Живописи, Господинъ Торелли.	1500 —
Скульптуры, Г. Жилеть.	1200 —
Архитектуры, Г. Ламоть.	1200 —
Гридорованья, Академикъ Чемизовъ.	800 —
Анатоміи Докторъ Пекинъ.	300 —

Учители:

Толкователь Катехизиса іеромонахъ Кадетской.	100 —
Исторіографія Дюбуле на Французскомъ.	400 —
———— Максимъ Тихомировъ на Русскомъ.	50 —
Математики Студентъ Федоровъ.	50 —
Французскаго языка Петръ Семеновъ.	50 —
Итальянскаго языка Петръ Эминъ.	150 —

Адъюнкты:

Антовъ Лосенковъ { на время возвращенія изъ Парижа	400 —
Василій Баженовъ { посланъ въ Римъ изъ Парижа.	400 —
Федоръ Рокотовъ.	300 —
Кирила Головачевской.	300 —
Иванъ Саблуковъ.	300 —
Ученикъ Иванъ Старовъ посланъ въ Парижъ.	300 —
Учениковъ на казенномъ содержаніи 40 человекъ.	3600 —
Учениковъ на двенадцати-рублевомъ окладѣ 30 человекъ.	360 —
На пансіонеровъ сверхъ содержанія ихъ за прилежность и успѣхи выдается.	180 —

Подмастерья:

Петръ Столетовъ	120 —
Николай Калпаковъ	150 —
Дмитрей Герасимовъ	150 —
Федоръ Титовъ	120 —
Гофмейстерскую должность праващій отставной капитанъ Алексѣй Сонцовъ	120 —
Испекторскую и казначейскую должность инвалидной порутчикъ Иванъ Пахомовъ	120 —
Библиотечарскую должность и при смотрѣніи чистоты надъ картинами Андрей Горстейнъ	100 —

На содержаніе классовъ:

На живописной	1190 —
На скульптурной	472 —
На архитектурной	150 —
На гридоровальной	1018 —
На содержаніе дома	1470 —
Двумъ писарямъ	105 —

Инвалидныхъ:

Двумъ унтеръ-офицерамъ	20 —
Двадцети человѣкамъ салдать	120 —
Капраль Береговъ	30 —
За нанятой домъ для комедіантовъ, вмѣсто того дома, гдѣ нынѣ состоятъ Академія	700 —
За нанятой домъ для учителей	250 —

20175 —

Достальная сумма полагается на покупку нужныхъ для Академіи вещей, какъ картинъ, рисунковъ, книгъ, и прочаго; также починокъ и пристроекъ, что точно положить невозможно; такожь и для оплаты долгу пяти тысячъ рублей, которые Академія для покупки у Мишеля дому для перестройки и для заведенія при учрежденіи многихъ вещей принуждена сдѣлать была. — Кураторъ Иванъ Шуваловъ. 28 Генваря 1763 года.

МАЙСКІЯ НОВОСТИ.

(Письмо изъ Петербурга въ редакцію «Москвитянина.»)

Телеграфическія депеши черезъ Малороссію.—Повѣдка по морю.—Разскащикъ объ Альмѣ.—Г-жа Орлова въ Крыму.—Новые костюмы для штатскихъ.—Вѣсти литературныя.—Новый выпускъ политическихъ каррикатуръ.

Въ кондитерскихъ давка отъ получаемыхъ *телеграфическихъ депешей* черезъ Кіевъ изъ Севастополя. Какая быстрота! На пятый день мы знаемъ, утромъ, что было у Селенгинскаго и Камчатскаго редутовъ. Новость такая въ продолженіе получаса уже облетаетъ полъ-Петербурга. Черезъ часъ эту новость несутъ почтальоны и частные разносчики газетъ подписчикамъ городскихъ Вѣдомостей; прежде она появляется въ отдѣльныхъ прибавленіяхъ Инвалида, потомъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей и Свверной Пчелы, наконецъ въ листѣ Полицейскихъ Вѣдомостей. Эти же газеты несутъ ее уже далье, по Россіи, на другой день. При этомъ нерѣдко газетный листъ, съ телеграфической депешей, встрѣчаетъ, на половинѣ пути между Петербургомъ и Севастополемъ, курьера, который везетъ только болве подробную депешу о томъ-же. Говорятъ, былъ случай, что въ полуую воду, близъ Полтавы, такъ встрѣтились обѣ депеши, посланныя изъ Севастополя въ одинъ день, одна прямо на Харьковъ, Курскъ, Орель, Тулу и Москву, конная, а другая черезъ Кіевъ телеграфическая, побывавшая, значить, уже въ Петербургъ и въ типографіяхъ всѣхъ газетъ.

На улицахъ, то и дѣло, видишь группы, особенно близъ Гостиного двора и у Пассажа, въ срединѣ которыхъ читаются на расхватъ разносимыя газеты и прибавленія къ нимъ съ депешами.

Недавно, возвращаясь изъ Петергофа, по морю (3 мая), гдѣ еще недавно были куски льду, я любовался редутами и пушками, усвѣявшими входъ изъ залива Кронштадтскаго въ Неву. Темныя пушки, по двѣнадцати и шести, посматриваютъ, пока, на свободѣ къ море, на встрѣчу давно-ожидаемымъ гостямъ. Кронштадтъ, съ

своими твердынями, рисовался въ отдаленьѣ, утопая въ блѣдно-розовомъ туманѣ. Былъ вечеръ. На палубѣ пароходика, въ группѣ дамъ, едва прикрывшихся бурнусами, и толпы длиннополыхъ пальто, сидѣлъ чрезвычайно любопытный петербургскій гость, именно: одинъ изъ храбрыхъ пѣхотныхъ офицеровъ нашихъ, раненныхъ подъ Альмой. На головѣ его была серебряная бляха во весь лобъ, закованная по ободку, подъ волосами, на затылкѣ. Онъ раненъ осколкомъ гранаты въ черепную кость, при чемъ осколокъ пробилъ кость и снесъ мясо со лба. Офицеръ былъ веселъ, говорилъ очень живо и остро о жаркомъ дѣлѣ; говорилъ о своихъ ранахъ (у него еще прострѣлена нога и правая рука)—и, главное, говорилъ о нашихъ солдатикахъ....

— «Вообразите! рассказывалъ онъ: стою я въ жалонерахъ, машу пашкой, строю фронтъ: рука устала. Вдругъ налетаетъ на меня, изъ строя наступавшихъ французовъ, французскій адъютантъ, и давай напирать на меня. Стали мы фехтовать. Рука моя усталая запросила отдыха; онъ чуть не снесъ мнѣ черепа — прощай тогда *постройка* моего взвода.... Вопросъ порѣшилъ мой солдатикъ; проткнулъ его съ боку штыкомъ! Погорячился французскій адъютантъ!»

Вообще, рассказы этого храбраго и замѣчательнаго офицера показываютъ, чего мы вправѣ ожидать для нашей литературы воспоминаній и военныхъ мемуаровъ, когда новое, молодое поколѣніе нашихъ севастопольцевъ и всѣхъ воюющихъ въ Крыму, на Кавказѣ и близъ Турціи, воротится, по окончаніи похода, домой....

Готовьте, господа помѣщики и госпожи горожанки и помѣщицън дочки, ваше гостепрѣимство будущимъ нашимъ триумфаторамъ. Дѣло севастопольское такое дѣло, что каждому отдельному члену изъ его защитниковъ необходимо въ будущемъ отдельный триумфъ, отдельный пиръ горой — въ мирныхъ городскихъ и сельскихъ обществахъ нашихъ.

Изъ новостей городскихъ есть нѣсколько любопытныхъ.

Актриса *П. И. Орлова* уѣхала, говорятъ, подъ Севастополь, принять, если возможность будетъ, участіе въ трудахъ сестеръ милосердія близъ раненыхъ. Если этотъ слухъ вѣрнъ, нельзя не порадоваться за подобное примѣненіе къ пользѣ вакантныхъ дней петербургской сцены, по случаю печальнаго траура, общаго всей Россіи.

Передовые винтовые корабли англійскаго флота уже показались близъ Ревеля. Вчера напечатана о нихъ телеграфическая депеша. Флотъ идетъ по пути къ Кронштадту. Но Петербургъ спокойно куритъ и читаетъ майскія книги журналовъ, гдѣ бранятъ другъ

друга фельетонисты — задняя фаланга, резервъ журнальныхъ коалицій, гдѣ бравятъ и нашъ смиренный Вѣстникъ за то, что онъ не описываетъ любимыхъ предметовъ этихъ фельетонистовъ—Дюссо, ссоры поэтовъ, перепалки журнальныхъ корифеевъ и другіе предметы ихъ афоризмовъ, иносказаній и пародій. Флотъ англійскій идетъ, не измѣняя даже въ этомъ будничной, неизмѣнной жизни Петербурга.

Что же еще дѣлаетъ Петербургъ?

Онъ фантатитъ и съ любопытствомъ разсматриваетъ въ окнахъ эстампныхъ магазиновъ *рисунки новыхъ костюмовъ* гражданскихъ чиновниковъ. Полукафтанъ — благословляется всѣми; онъ такъ родственъ нашему климату, нашей исторіи и нашимъ преданіямъ.

Печальное событіе, крушеніе нашего фрегата «*Дианъ*» у береговъ Японіи, отъ подводнаго землетрясенія, сильно занимаетъ теперь умы столицы. Въ эскадрѣ нашей, посѣтившей берега Японіи, былъ между прочимъ и нашъ романистъ *Ив. А. Гончаровъ*. Послѣдній давно возвратился въ Петербургъ, напечаталъ уже два отрывка изъ своихъ путевыхъ записокъ въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» и отдалъ одинъ отрывокъ въ «*Морской Сборникъ*», гдѣ на дняхъ онъ будетъ напечатанъ.

О другихъ литераторахъ скажемъ, что г. *Щербина* теперь въ Петербургъ, и, какъ слышно, готовитъ большую повѣсть въ прозѣ.

Г. Полонскій, чье собраніе стихотвореній уже отпечатано и появится къ осени, теперь въ Москвѣ.

Г. Писемскій, въ последнее время, читалъ въ нѣкоторыхъ домахъ отрывки изъ новаго романа своего «*Тысяча душъ*», о которомъ мы уже упомянули недавно; этому произведенію общаются большой успѣхъ.

Г. Григоровичъ и г. *Дружининъ* также уѣхали изъ Петербурга по пути черезъ Москву. Отъ перваго здѣсь ожидаютъ романа «*Переселенцы*» и повѣсти «*Пахарь*»,—а второй къ осени готовитъ большой романъ, въ новомъ вкусѣ, изъ событій уличной жизни Петербурга.

Только-что вышелъ второй выпускъ каррикатуръ г. *Степанова*, сюжетомъ которымъ служатъ теперь «*Политическія событія*» на западѣ и въ Крыму. Вотъ главныя изъ подписей этого мастерскаго альбома:

- 1.) Два фравта въ Парижъ: Отчего ты назвалъ своего бульдога Севастополемъ? — Попробуй взять его — такъ узнаешь....
- 2.) *Наполеонъ*, съ завязанными глазами, сводить пальцы и

гадаеть: *пду въ Крымъ, не пду въ Крымъ*.... А по бокамъ два журналиста записываютъ въ свои депеши каждое его слово.

3.) *Французы* мерзнуть, стоя на часахъ, а Канроберъ держитъ изъ-подъ тулупа имъ рвчъ: «Французы! Сорокъ взковъ смотрять съ египетскихъ пирамидъ на дядюшку, дядюшка смотреть на племянника, племянникъ смотреть на Францію. Фравція смотреть на васъ, вы смотрите семь мѣсяцевъ на Севастополь, а я смотрю на ваши открытыя и веселыя лица....»

4.) *Поле сраженія*; подбитыя орудія валяются; а Сентъ-Арно ходитъ и пшетъ: «Пушки вашего величества заговорили.»

5.) *Англійская армія въ Крыму*: пушки и Англичане бдутъ на Туркахъ.... Рисунокъ мастерской!

6.) *Наполеонъ* верхомъ на палочкѣ, а утка въ платьѣ парижской кухарки говоритъ: «Экой проказникъ! Въдь въ Крымъ затблялъ бхатъ!» — и т. д.

Повторяю: рисунки мастерскіе. Выпускъ этотъ еще лучше перваго. — Первый распродается очень быстро. — Адресоваться можно въ магазинъ *Бегрова*, на Невскомъ, у площади; цѣна за выпускъ изъ десяти каррикатуръ въ большой листъ, не раскрашенныхъ, съ пересылкою 4 р. сер., а раскрашенный 6 р. сер.

Желая читателямъ весело провести лѣто въ деревнѣ и на дачѣ, мы на время прекращаемъ наши письма, въ надеждѣ съ первыми днями осени снова къ нимъ вернуться. День теплый нынче, солнце свѣтитъ ярко, — по улицамъ гремятъ экипажи, зелень и цветы носятъ передъ окнами, а вѣтеръ такъ и вызываетъ въ поле, къ березовымъ, буковымъ и липовымъ рощамъ!

До свиданія!

Ж. Ж.

P. S. При Академіи Наукъ готовится изданіе замѣчательнаго труда историческаго: «*Die Sabier und der Sabismus, oder die Heiden und das Heidenthum in Mesopotamien zur Zeit des Chalifats, grösstentheils nach handschriftlichen Quellen, bearbeitet von D-r D. A. Chvolson.*» — Это сочиненіе покажетъ, какимъ богатствомъ восточныхъ рукописей владѣетъ наша Академія Наукъ.

Отвѣтъ. Калязинской корреспондентъ Московскихъ Ведомостей, въ отвѣтъ на мое историческое замѣчаніе, (1853 г. N 19), стоитъ крѣпко на вѣрности своего извѣстія, мною опровергнутого, ссылаясь на подлинную грамоту, и заключаетъ, въ послѣдней своей статьѣ (N 70, іюня 11): «ошибки въ чтеніи даты не было, следовательно (церковь Іоанна Златоустаго въ Переславль Рязанскомъ) построена въ 1095 году и есть одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи, если только существуетъ досель».

Отвѣчаю ему вновь: еслибъ двадцать было грамотъ, то и двадцати вѣрить бы было не должно, ибо въ 1095 году не было извѣстно даже имя Переслава Рязанскаго, который въ первый разъ встрѣчается около 1445 года, не было ни одного князя Ивана Васильевича на пространствѣ всей Россіи, и самыя христіанскія имена употреблялись въ народѣ очень мало.

Но что же дѣлать съ грамотою?

Грамоту эту, благодаря доброму расположенію Калязинскаго корреспондента, я получилъ. Точно—годъ выставленъ 6603, т.-е. 1095, но этотъ годъ по вышеприведеннымъ причинамъ должно счесть ошибкою писца, которой поставилъ его, списывая первую грамоту, неправильно, а прочіе документы ее повторяли безъ дальнѣйшихъ соображеній.

«Странно, что ни одинъ Рязанецъ ни однимъ словомъ не отозвался ни на мою замѣтку, ни на замѣчаніе г. Погодина», продолжаетъ Калязинскій корреспондентъ. «Ужели въ самомъ дѣлѣ князь Иванъ Рязанскій миеъ? Ужели попъ Иванъ устроилъ такое исторически-нечестивое дѣло, что сочинилъ этотъ миеъ? О, еслибъ кто-нибудь изъ Рязанцевъ возсталъ на защиту своего князя и древности церкви! Вѣдь быть можетъ (все можетъ быть, и пропавшіе князья отыскивались, бывали примѣры) попъ Иванъ и не сочинилъ в. князя Ивана Васильевича большіе области третнаго.»

Не бывъ Рязанцемъ, имѣю честь представить почтенному Калязинскому корреспонденту князя Ивана Васильевича Третнаго: это не миеъ, а живой человекъ, жившій только гораздо поздне, и скончавшійся въ 1500 году. Этотъ Иванъ Васильевичъ долженъ быть зятемъ В. К. Московскаго Ивана Васильевича, и отцемъ послѣдняго Рязанскаго князя Ивана, бѣжавшаго въ Литву. Г. Воздвиженскій въ своемъ Историческомъ обзорѣнн Рязанской губерніи, 1822, с. 177, упоминаетъ о духовномъ завѣщаніи Ивана Васильевича *Третнаго*, но дѣлаетъ кажется также ошибку, которой разобрать нельзя не выдавъ завѣщанія. Постараюсь продолжать свои справки, и объ успѣхъ сообщу въ свое время читателямъ. **М. Ц.**

СРЕДСТВО ОТЪ ХОЛЕРЫ.

(Письмо къ редактору).

Покорнѣйше прошу васъ слѣдующее извѣстіе удостоить напечатанія въ Москвитянинѣ.

Во время повсемѣстнаго посѣщенія Божія, считаю долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія объ испытанномъ мною противъ холеры цѣлебномъ свойствѣ цвѣтовъ растенія, извѣстнаго подъ названіемъ *деясилла* (*inula*), которые, какъ извѣстно, неупотребительны въ медицинѣ. Я наставлялъ ихъ въ спиртѣ, мѣшая цвѣты различныхъ видовъ этой растительной породы (*inula helenium*, *inula salicina* — преимущественно же перваго вида), и давалъ холернымъ больнымъ, страдавшимъ сильнѣйшими судорогами и уже посинѣлымъ, отъ 20 до 40 капель этой жидкости въ полрюмкѣ воды черезъ полчаса и черезъ двадцать минутъ. Обнаруживались слѣдующія явленія: 1) прекращалась жгучая боль и давленіе подъ ложечкой; 2) появлялся потъ, и, постепенно усиливаясь, чрезъ два или три приѣма лилъ, какъ говорится, градомъ; 3) ослабвали судороги и послѣ нѣсколькихъ приѣмовъ совершенно исчезали; при чемъ, для ускоренія дѣйствія, я приказывалъ тереть пораженные мѣста тою же настойкою; 4) наступалъ глубокой, спокойный сонъ, очень благотворный, какъ оказывалось послѣ пробужденія. Средство это узнано мною въ началѣ августа настоящаго (1854) года, и послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ Саратовѣ надъ бѣдными людьми, которые не въ состояніи были обратиться къ врачамъ и аптекамъ, я нашелъ умѣстнымъ немедленно сдѣлать общезвѣстнымъ это открытіе, дабы гг. профессора медицины и ученые врачи почтили его своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ, для пользы страждущаго человечества. Да испытаютъ и увидятъ!

Н. Касомаровъ.

Августа 30, 1854 года.
Саратовъ.

СЕБАСТЯНЪ ЮСИФЪ ДЕ КАРВАЛЬО

МАРКИЗЪ ДЕ ПОМБАЛЬ.

Соч. Докт. Беттигера.

Преобразования въ государствахъ, совершаемыя во имя общаго блага верховною властію, всегда носятъ на себѣ знаменіе небеснаго благословія: эта власть, поставленная Провидѣніемъ выше всякихъ личныхъ интересовъ и пристрастія, свободно создаетъ своими реформами общее благо, которое долго переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, залогъ особенной милости неба...

Не таковы реформы, съ которыми навязывается народу какой-нибудь смѣлый умъ, не имѣя на то инаго права, кромѣ энергической воли, и инаго полномочія, кромѣ стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ и счастія. Не смотря на спасительность его стремленій, онъ не сохраняется отъ увлеченія въ своихъ дѣйствіяхъ, отъ личныхъ побужденій и вліянія страсти: онъ преступитъ должную мѣру и не избѣжитъ обвиненій въ своекорыстіи, потому-что ничѣмъ, кромѣ духовныхъ преимуществъ, не отличается отъ народа. Ему не повѣрятъ и будутъ видѣть личный произволь и насилие въ его поступкахъ, какъ бы ни были они запечатаны желаніемъ общей пользы. Съ такой точки зрѣнія смотримъ мы на замѣчательнаго министра Португаліи, Маркиза Помбаля.

Домъ Себастьяо Юсе де Карвальо е Мельо, Графъ Оэйрасъ, Маркизъ Помбаль (родился въ Лиссабонѣ, въ 1699 году), принадлежалъ по происхожденію къ низшему дворянству. Его отецъ былъ кавалерійскій капитанъ, изъ числа тѣхъ военныхъ, которые въ то

время въ мундирахъ исправляли должность служителей за стульями вельможъ. Мать его была изъ болѣе знатной фамиліи Мендоза. Занятія юриспруденціею въ Коимбрѣ не долго нравились Карвалю. Высокій и статный, съ красивою наружностію и крѣпкимъ здоровьемемъ, сверхъ того одаренный необыкновенною силою, онъ, казалось, рожденъ былъ для военной службы. Его дядя, извѣстный королю Іоанну V-му прелатъ столицы, записалъ его въ гвардію. Тамъ съ знатною молодежью велъ онъ самую разгульную жизнь: каждую ночь затѣвалъ смертельныя драки на удицахъ, въ наслажденіяхъ не зналъ мѣры; вполнѣ предавался своему главному пороку, мстительности. Наконецъ набожный король, при одномъ общемъ производствѣ въ чины, обошелъ его, и когда Карвалю попросилъ отставки, ему намекнули, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы

Онъ удалился въ деревню Суре, постарался исправить грубые недостатки своей натуры, и вскорѣ прослылъ за самаго любезнаго и вѣжливаго джентльмена. Разумѣется, у него не было недостатка въ сердечныхъ связяхъ; но самую серьезною была съ богатою и знатною вдовою, Терезою де Норонья. Онъ сватался, но получилъ отказъ отъ гордыхъ родственниковъ невѣсты. Однакожъ онъ хотѣлъ имѣть ее, чего бы то ни стоило: получивъ согласіе вдовы, онъ увезъ ее и обвѣнчался съ нею. Родные Мендозы поклялись убить похитителя, и нѣсколько времени жизнь его была въ рукахъ наемныхъ убійцъ, но онъ грозилъ своимъ гонителямъ такимъ же возмездіемъ, — и его оставили въ покоѣ. Въ это время, кажется, получилъ онъ ненависть къ высшему дворянству и твердо рѣшился трудами достигнуть того, въ чемъ отказывала ему родословная.

Около 1739 года Карвалю опять явился въ столицѣ и при дворѣ, гдѣ представленъ былъ королевѣ, а чрезъ нее — королю. Тѣмъ только можно объяснить, что онъ, не имѣя другомъ перваго министра, кардинала Мотту, получилъ званіе посланника въ Лондонѣ. Въ Англіи онъ увидѣлъ миръ въ большихъ раздѣлахъ, но хорошо также узналъ тѣ хитрыя сѣти, въ которыхъ Англія тогда держала Португалію: тамъ же изучилъ онъ ту меркантильную политику, которая такъ хорошо объясняется политическимъ положеніемъ Англіи, но будучи примѣнена къ маленькому государству, она сдѣлалась бы непростительною ошибкою. По возвращеніи Кар-

валя въ 1745 году въ Лиссабонъ, королева послала его къ императрицѣ Маріи Терезіи, по дѣлу о договорѣ между Португалією и Имперією съ папою Бенедиктомъ XIV и церковью. Въ Вѣнѣ узналъ онъ о кончинѣ жены. Уже пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, онъ началъ тогда искать руки прекрасной и молодой графини Даунъ; но старинныя клеветы о его происхожденіи и нравственности едва не разстроили сватовства, если бы королева, по просьбѣ Карвальо, не прислала о немъ самыхъ почетныхъ отзывовъ, и не назначила его настоящимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Ни тѣмъ, ни другимъ не былъ однакожь доволенъ кардиналь Мотта.

Вскорѣ Карвальо воротился въ Лиссабонъ съ молодою женою. Въ то время онъ всего болѣе добивался добраго мнѣнія іезуитовъ, очень сильныхъ тогда при дворѣ. Лестъ и лицемеріе такъ пособили ему въ этомъ случаѣ, что хитрые отцы скоро стали считать его своимъ, а онъ короче ознакомился съ составомъ ордена. Но больше подвинула его къ дѣли кончина короля Іоанна V, который всегда говорилъ про него, что «у этого человѣка поросшее волосями сердце.» По ходатайству придворнаго духовника, Морейры, новый король Іосифъ Эмануэль далъ Карвальо мѣсто одного изъ трехъ статс-секретарей своихъ. Іосифъ—его супруга была испанская принцесса, Анна Марія Викторія, нѣкогда отосланная изъ Франціи — преданный женщинамъ, былъ очень ограниченнаго ума, при томъ подозрителенъ и боязливъ — довольно ручательствъ въ успѣхѣ для такого даровитаго человѣка, какъ Карвальо. Вѣримъ, что онъ имѣлъ твердое намѣреніе — доставить величіе и благо своему маленькому королевству, если для этой дѣли и для удовлетворенія его ненависти къ знатымъ дадутъ ему самому напередъ сдѣлаться великимъ и сильнымъ. Въ Англіи, Франціи и Германіи онъ видѣлъ много новаго; тогдашнія политическія идеи, вѣроятно, не были ему неизвѣстны; но въ его реформы, имѣвшія дѣлію возвышеніе королевской власти, вмѣшивался личный эгоизмъ; назначенныя для народа, онѣ не были вызваны потребностію, сознаваемою народомъ; притомъ, имѣя началомъ частныя интересы, онѣ были насильственны и не давали пощады ни правамъ, ни обстоятельствамъ. Эти реформы не внушали довѣрія, а потому и не были прочны....

Правда, что въ Португаліи все требовало реформы: армія,

*

Флотъ, полиція, духовенство, наука, народное воспитаніе, внѣшнее положеніе, промышленность, финансы. Армія походила на толпу нищихъ подъ начальствомъ камердинеровъ; оборонительное положеніе береговъ было до того жалко, что Варварійцы отваживались доплывать до самыхъ стѣнъ Лиссабона. На улицахъ каждую ночь находили трупы убитыхъ. Богатое духовенство не платило ничего на государственныя нужды, а между тѣмъ управляло народомъ безусловно. Свобода религіозныхъ мнѣній стѣснялась инквизиціею: не хотѣли даже признавать истинными христіанами крещеныхъ жидовъ. Орденъ іезуитовъ пользовался столь же великими богатствами, какъ и влияніемъ: отцы занимали при дворѣ всѣ мѣста духовниковъ, и многихъ братьевъ короля считали въ числѣ своихъ духовныхъ дѣтей. Высшія должности занимали исключительно знатные, — и горе было бѣдному дворянину или гражданину, если онъ попадалъ какъ-нибудь въ высшіе предѣлы государственной службы. Относительно внѣшняго положенія королевство всею тяжестью опиралось на Англію, у которой въ рукахъ была его торговля. Португальскіе алмазы и золото Англія переводила въ свои каналы; однакожь пошлины и доходы съ колоній были лучшія финансовыя средства, потому-что большая часть коронныхъ мнѣній находилась во власти дворянъ.

Карвальо сначала завѣдывалъ только дѣлами иностранными: внутренними управлялъ слабый Мотта Мендоза ди Зее. Но по смерти вдовствующей королевы, въ 1754 году, Карвальо болѣе возвысился, и Мендоза былъ удаленъ. Берега скоро приведены были въ оборонительное положеніе; но армія требовала издержекъ, возможныхъ только въ томъ случаѣ, когда устроены будутъ финансы. Раздѣляя близорукія мнѣнія меркантильной системы, что самая счастливая страна — та, которая ведетъ активную торговлю и получаетъ болѣе денегъ продажей, нежели теряетъ покупкою, Карвальо хотѣлъ, чтобы земля не только производила для внутренняго потребленія, но и для продажи. До того времени Англія доставляла шерстяные товары и брала за нихъ портвейномъ, по той цѣнѣ, какую назначала сама. Бразильское золото переходило въ Англію. Вдругъ вывозъ золота былъ запрещенъ. Внутреннія мануфактуры должны были доставлять все нужное для государства:

велѣно носить одни португальскія сукна, и какъ ни грубы они были, король подалъ примѣръ первый. Поставили полицейскихъ на улицахъ, чтобы они рѣзали на проходящихъ платья изъ иностраннаго сукна и обрывали заграничныя пуговицы. Для торговли съ Китаемъ, Ост-Индією и Американскими колоніями учреждены торговыя компаніи съ правомъ монополій. Это вредило колоніальной торговлѣ іезуитовъ, и они возстали, подстрекая народъ къ мятежу въ самыхъ проповѣдяхъ. Для умноженія работающаго класса запрещено монастырямъ принимать новыхъ монаховъ. Но еще въ 1753 году Карвальо учредилъ судъ для розысканій, какія имѣнія принадлежали коронѣ и отъ чего она потеряла ихъ. Кто не представлялъ наслѣдственныхъ актовъ, — терялъ свои помѣстья, не смотря ни на какую давность. Дворянство подняло страшный шумъ. Булла папы Бенедикта даровала *fidelissimo regi* на 15 лѣтъ третью часть дохода съ церковныхъ имѣній: подаркомъ тотчасъ воспользовались; но духовенство въ свою очередь заговорило....

Чтобы возвысить земледѣліе, множество виноградниковъ истреблено было силою. Пусть бы Карвальо сдѣлалъ начало съ своихъ собственныхъ виноградниковъ; но онъ оставилъ ихъ въ цѣлости, подавъ поводъ къ толкамъ, что эта мѣра придумана имъ для своихъ интересовъ. Чтобы исторгнуть у Англичанъ торговлю винами, одной компаніи дано было исключительное право—продавать всякаго рода вина. Она имѣла преимущество во всѣхъ торговыхъ домахъ и акціяхъ. Къ-сожалѣнію, министра заподозрили въ долѣ съ нею. Въ Лиссабонѣ запрещень портвейнъ, чтобы усилить тамъ разведеніе хлѣбныхъ растений. Въ Оporto поднялся бунтъ; туда отправили войско: наказали не только нѣкоторыхъ бунтовщиковъ, но и цѣлый городъ. Акціи всѣхъ компаній обращались подобно движимымъ имуществомъ, и велѣно принимать ихъ вмѣсто звонкой монеты. Большая денежная награда назначена тому, кто обнаружитъ порицателей правительства, и говорившіе худо о министрѣ осуждальсь на смертную казнь, какъ преступники противъ величества. Робкаго короля все страшало; если бы не видали министра, подающаго ему доклады на козляныхъ, какъ требовалъ обычай, то затруднились-бы отгадать, кто настоящій король. Городская полиція дѣйствовала съ наспіемъ: дозоры обязаны были вѣшать всякаго, пойманнаго въ

воровствѣ. Улицы, дѣйствительно, стали безопасны. Въ домашнемъ хозяйствѣ короля, подверженномъ разному мошенничеству, былъ заведенъ порядокъ, и число восьмидесяти кухмистеровъ уменьшено было до двадцати.

Но всѣ эти мѣры, отчасти умныя, отчасти безразсудныя, остановлены неслыханнымъ произшествіемъ. 4-го ноября 1755 года въ десять часовъ утра началось страшное землетрясеніе, отъ котораго пострадала большая половина столицы, а особливо церкви и монастыри. Многія тысячи домовъ, 48 церквей, не считая часовень, разрушились и подавили развалинами множество народа. Городъ представлялъ картину, страшную въ цѣломъ, но, можетъ быть, еще болѣе ужасную въ подробностяхъ. Къ большому бѣдствію вездѣ распространялся пожаръ и уцѣлѣвшее отъ разрушенія поггло въ огнѣ. Не замедлило и третье несчастье: рѣка Тайо выступила изъ береговъ и потопила все, пощаженное пламенемъ, съ новыми тысячами народа. Къ-счастью, король въ это время былъ на дорогѣ въ Белемъ; но его дворецъ, стоявшій до 15-ти милліоновъ, лежалъ въ развалинахъ. Всего народа поггло отъ 20 до 30-ти тысячъ человѣкъ. Повсюду слышались падающія стѣны, клочотаніе пламени, бушеванье рѣки, стоны умирающихъ, вопли бѣжавшихъ, молитвы церковныхъ процессій, звонъ колоколовъ. Подобно природѣ и человѣкъ вышелъ изъ границъ: никакіе законы не уважались; узы повиновенія расторгнулись; страсти получили свободу; воры и убійцы могли дѣлать все что хотѣли. Цѣна убытковъ столицы и сосѣднихъ съ нею мѣстечекъ и городовъ простиралась до 575 милліоновъ талеровъ. Многіе думали навсегда покинуть развалины столицы.

Дѣятельность администратора при всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ была неуспѣшна: надобно сказать правду, что Карвальо явился тутъ какимъ-то высшимъ, небеснымъ геніемъ: онъ утѣшалъ, распоряжался, уговаривалъ, приказывалъ; коляска была его домоу, въ которой онъ дѣлалъ порученія, писалъ приказы, давалъ аудіенціи; туда приносила ему жена чашку буйльона. Онъ успѣвалъ вездѣ: въ одномъ мѣстѣ приказывалъ ломать стѣны, въ другомъ — укрѣплять ихъ; тамъ заставлялъ разбирать мусоръ и отыскивать погибшихъ, здѣсь очищалъ улицу. Онъ утѣшалъ отчаянныхъ; осуждалъ на ви-

сѣлицу злодѣевъ; ставляя караулы къ спасенному имуществу; заботился о подвозѣ сѣстныхъ припасовъ.... Народъ большею частію искалъ убѣжища на окрестныхъ высотахъ, гдѣ разбили шатры для самаго короля. Іосифъ, для ободренія народа, долженъ былъ принимать личное участіе въ работахъ при очисткѣ города. Іезуиты также не оставались праздными: они давали пріютъ несчастнымъ и ходили за ними. Бѣдствія еще не кончились: продолжительные дожди, голодъ, нужды произвели болѣзни. Построеніе новой столицы требовало чрезвычайныхъ суммъ: необходимы были новые налоги, которые особенно пали на иностранцевъ и ихъ товары.

Духовенство не преминуло приписать бѣдствія гнѣву Божию за нововведенія Карвальо. Но оно не успѣло убѣдить въ томъ короля; напротивъ, подобные толки строго запрещены подѣ страхомъ смертной казни

Постройку города вызывались принять на свой счетъ евреи, если позволять имъ воротиться въ Португалію. «Карвальо былъ бы очень радъ тому», говорили тогда; но духовенство не согласилось на предложеніе евреевъ.

Въ первые годы послѣ землетрясенія Карвальо имѣлъ бездну работы. Но при всей дѣятельности, онъ не могъ заслужить благодарности у дворянъ и іезуитовъ, и видѣлъ въ нихъ самыхъ опасныхъ своихъ враговъ. Дворянство насмѣхалось надъ гордымъ выскочкою и отталкивало его отъ себя (!): за то онъ пользовался всякимъ случаемъ къ униженію обонхъ званій, и гдѣ было можно, низлагалъ ихъ. Смерть Мотты въ 1756 году сдѣлала его первымъ и неограниченнымъ министромъ. Король несомнѣнно вѣрилъ, что съ паденіемъ Карвальо неразлучно его собственное: когда статс-секретарь Мендоза осмѣлился однажды поспорить съ новымъ министромъ, его тотчасъ сослали въ Африку.

Въ августѣ 1758 года, одинъ прибывшій изъ Италіи іезуитъ Малагрива началъ распространять пророчество, что король проживетъ не долго. Карвальо презиралъ его, какъ безумнаго изувѣра, но въ народѣ онъ пользовался уваженіемъ. Въ ночи на 4-е сентября 1758 года король, съ одной изъ обыкновенныхъ своихъ ночныхъ поѣздокъ — можетъ быть, къ молодой графинѣ Тавора — воротился домой легко раненый. Еще къ счастью, что королевскій

камердинеръ Техайра, человекъ очень хитрый, и герцогъ Авейро, при первомъ блескѣ оскѣпшася у злодѣевъ ружья, спрятали короля въ глубину коляски и велѣли кучеру скорѣе повернуть лошадей назадъ, чтобы не попасть въ другую толпу убійцъ. Карвальо тотчасъ явился во дворецъ и строго запретилъ кучеру и камердинеру рассказывать объ этомъ случаѣ. Короля уложили въ постель съ опущенными занавѣсами; едва дозволили войти къ нему одной королевѣ. Но случай сдѣлался извѣстнымъ въ ту же ночь.

На утро герцогъ Авейро, маркизь Тавора и другіе изъ знатныхъ явились посѣтить короля и предложить свои услуги для отысканія злодѣевъ. Карвальо оставилъ ихъ въ полномъ невѣдѣніи о здоровьѣ короля, а для объясненія происшествія нѣсколько намекнулъ на ревность королевѣ⁽²⁾. Обезпечивъ такимъ образомъ знатныхъ, онъ въ глубокой тайнѣ началъ подробные розыски: мстительный, онъ легко понялъ, что могло выйдти изъ этого случая. Не трудно было сообразить, что нѣкоторые изъ знатнаго дворянства должны питать сильныя неудовольствія на короля: таковъ былъ герцогъ Авейро, едва удостоивавшій взглядомъ министра, за то король лишилъ его значительныхъ доходовъ и не позволялъ его сыну жениться на дочери герцога Кадавала. Вся фамилія Тавора была оскорблена тѣмъ, что король отказалъ ей въ герцогскомъ титулѣ. Въ самомъ дѣлѣ открылось, что камердинеръ Авейро, Антонио Альвецъ, вмѣстѣ съ какимъ-то Ацеведо, находился въ числѣ убійцъ⁽³⁾.

Полагая, что вѣроятныя причины происшествія вполне открыты, Карвальо между тѣмъ не велѣлъ никого допускать къ королю, кромѣ себя, королевѣ, хирурга и камердинера. Въ это время онъ сыгралъ свадьбу своей дочери съ графомъ Цамбайо: въ Белемѣ и Англійской факторіи давались балы по этому случаю; но только что они кончились, 13-го декабря 1758 года, все семейство Тавора, а чрезъ сутки и герцогъ Авейро, котораго камердинеръ бѣжалъ, были арестованы въ ихъ помѣстьяхъ и отведены въ оковахъ въ самыя дурныя тюрьмы. Дома іезуитовъ были заняты солдатами, когда старшій Тавора въ мученіяхъ пытки обвинилъ монаховъ, но потомъ отрекся отъ своихъ словъ. Страшное смятеніе овладѣло городомъ, дворянами, духовенствомъ. Нарядили судъ:

послѣ самаго противозаконнаго слѣдствія, веденнаго самимъ Карвалью, онъ представилъ суду для подписанія приговоръ, по которому всѣ Таворы съ зятями ихъ, (кромѣ одной невѣстки, которую посѣщала король — другія были заключены въ монастырь), и герцога Авейро съ его служителями, какъ уличенные въ злодѣйствѣ, осуждались на жестокую казнь. Приговоръ былъ исполненъ 13-го января 1759 года въ присутствіи короля и министра, смотрѣвшихъ издали: десять человѣкъ погибли медленными и страшными казнями: ихъ вѣшали, рубили имъ головы, колесовали; въ заключеніе одинъ камердинеръ привязанъ къ столбу, положенъ на эшафотъ и вмѣстѣ съ нимъ и всѣми орудіями казни сожженъ живой. Помилваніе для старой маркизы опоздало: ей повѣсили на шею петлю, и, по португальскому обычаю, спереди отрубили голову; она и всѣ другіе умерли съ твердостью, утверждая клятвами свою невинность. Эта казнь произвела сильное впечатлѣніе на наследницу престола Марію: тому приписывали позднѣйшее помѣшательство въ умѣ принцессы. Заговоръ былъ обнародованъ краткимъ манифестомъ, написаннымъ Карвалью; не смотря на то, единогласно говорили, что этотъ процессъ самая дерзкая насмѣшка надъ всѣми судебными формами.

Даже въ наше время мнѣнія о винѣ и невинности осужденныхъ разногласны, — и новѣйшія изслѣдованія по крайней мѣрѣ съ Таворовъ и иезуитовъ снимаютъ всякую вину. Одинъ Авейро былъ участникъ. Другіе находятъ вѣроятіе, что Авейро хотѣлъ убить одного камердинера; нѣкоторые наконецъ утверждаютъ, что Карвалью самъ затѣялъ заговоръ, для насыщенія своей ненависти къ знатнымъ. Главныхъ жертвъ было не довольно; послѣ того многіе другіе дворяне были изгнаны и имѣнія ихъ конфискованы; утверждаютъ, что при низложеніи Карвалью не менѣе 9800 человѣкъ томилось въ тюрьмахъ Португаліи. Дворцы осужденныхъ были разрушены, имѣнія взяты въ казну; фамиліи уничтожены. Странно, что послѣ паденія Карвалью, когда процессъ подвергнулся вторичнымъ изслѣдованіямъ и осужденные объявлены невинными, до новѣйшаго времени имена Тавора, Авейро и Атунья остаются стертыми съ купола гербовой залы въ Чинтрѣ, и все еще стоятъ позорные столбы на мѣстѣ дома Авейры. Хотя и нынѣ нельзя сказать

ничего положительнаго о винѣ и невинности осужденныхъ, но даже нѣкоторая ихъ виновность не освобождаетъ Карвальо отъ упрека, что онъ изъ одной мстительности довелъ это дѣло до такихъ кровавыхъ результатовъ. Вскорѣ потомъ, 6-го іюня 1759 года, король сдѣлалъ его графомъ Оэйрасъ и далъ ему стражу изъ пятидесяти человѣкъ.

Иезуиты должны были знать о заговорѣ (*), и король въ письмѣ къ Сальдандо, визитатору ордена, называетъ ихъ явными мятежниками, предателями и врагами, но какъ нельзя было казнить ихъ безъ согласія папы, то они заключены въ тюрьму, а патеръ Малагрида преданъ инквизиціи, которая въ 1761 году сожгла его. Но тогда политическое существованіе ордена уже кончилось въ Португаліи. Съ иезуитами испанскими продолжалась вражда съ давняго времени. Подъ видомъ миссій они основали въ Парагваѣ (Матто-Гроссо) маленькое государство, съ 10,000-ми жителей Индѣйцевъ, и управляли имъ такъ независимо, что ни одинъ испанскій человѣкъ не осмѣлился туда показаться. Отцы воспитывали дикарей, обучали ихъ ружью; Индѣйцы вносили плоды трудовъ своихъ въ общую кассу, брали изъ нея нужное для содержанія и — какъ говорятъ — были очень счастливы. Но иезуиты получали милліоны дохода. Когда между Португаліею и Испаніею договорились отъ обмѣнѣ португальскаго владѣнія С. Сакраменто на испанское Матто-Гроссо, иезуиты рѣшительно воспротивились заключенію трактата: они сами взяли за оружіе противъ португальско-испанскихъ солдатъ въ 1752 году. Въ слѣдующемъ году Карвальо послалъ въ Америку своего брата, Франца Ксавера Мендозу, въ званіи губернатора Пары и Мараньона, съ порученіемъ совершить обмѣнъ, и въ случаѣ надобности поступать съ иезуитами какъ можно строже. Индѣйцы разрѣшены были отъ повиновенія ордену. Впрочемъ эти мѣры, по причинѣ событій въ Португаліи, ограничились арестомъ нѣсколькихъ иезуитовъ, сосланныхъ въ Европу. Но еще съ 1754 года министръ началъ отнимать у нихъ значительныя мѣста придворныхъ духовниковъ. 16-го сентября 1757 г. они лишались этихъ мѣстъ совершенно по королевскому указу. Съ горестію разставались отцы съ инфантами и инфантинями: можно было видѣть, какъ сроднились они съ придворною жизнью; но со-

противленіе было невозможно. Карвальо отнялъ у нихъ и торговлю: именно, на меркантильныя стремленія отцевъ, противныя его планамъ, онъ жаловался папѣ. Въ 1758 году 1-го апрѣля папа Бенедиктъ XIV объявилъ имъ генеральную визитацію и реформу въ Португаліи, запретилъ торговлю, потомъ право исповѣди и проповѣди. Наконецъ, не смотря на несогласіе расположеннаго къ іезуитамъ папы Климента XIII, исправленіе всякихъ обязанностей навсегда запрещено для ордена въ Португаліи. До тысячи іезуитовъ выслано въ Италію; другіе заключены въ глубокія тюрьмы, часто затопляемыя при большомъ разлитіи воды.^(*) Послѣ паденія Карвальо 50 іезуитовъ получили свободу. Ихъ имѣніе конфисковано. Такъ уничтоженъ былъ и этотъ врагъ. Но Карвальо едва ли могъ предвидѣть, что его мѣры противъ отцевъ послужатъ примѣромъ для другихъ государствъ и будутъ вступленіемъ къ повсемѣстному изгнанію ордена; потому и нельзя исключительно ему приписывать заслугу въ этомъ отношеніи: орденъ самъ былъ виновникомъ своего паденія.

Карвальо даже умѣлъ довести короля до совершеннаго разрыва съ папою. Когда папскій нунцій, не бывъ увѣдомленъ оффиціально о бракосочетаніи Бразильской принцессы Маріи съ ея дядею, Дономъ Педро, не иллюминировалъ своего дома, его подъ стражею выпроводили за границу и отозвали изъ Рима португальскаго посланника. За то Климентъ XIII утвердилъ уставъ и права іезуитскаго ордена. Вѣроятно, министръ совѣтъ освободилъ бы Португалію отъ вліянія Рима, если бы новый папа, Климентъ XIV, не былъ благосклоннѣе къ его планамъ.

Королева, испанская принцесса, не жаловала Карвальо, оттого онъ всегда былъ противъ Испаніи. Во время тогдашней войны между Франціею и Англіею онъ оставался нейтральнымъ, но положеніе Португаліи сдѣлалось гораздо опаснѣе, когда Франція и Испанія заключили фамильный договоръ Бурбоновъ противъ Англіи, и пригласили Португалію въ немъ участвовать, или по крайней мѣрѣ закрыть ея гавани для Англичанъ. Карвальо отказался и предлагалъ нейтралитетъ. Ему не дозволили того, и война стала неизбежною. Но у министра не было ни флота, ни арміи. Наскоро

собралъ онъ до шестнадцати тысячъ солдатъ, но четыре тысячи изъ нихъ разбѣжались передъ однимъ испанскимъ патрулемъ (*). Французско-испанская армія вторгнулась тремя колоннами и заняла въ 1762 году Альмейду. Тогда Англія прислала около трехъ или четырехъ тысячъ солдатъ, а особливо генерала, стоявшаго по крайней мѣрѣ такой же арміи.

Вильгельмъ, графъ Липпе-Бюкебургскій, родился 9-го января 1724 года — въ Лондонѣ, и былъ по матери, урожденной Ойнгаузенъ, внукъ герцогини Кедалъ и Георга I-го, короля англійскаго. Неоспоримый военный талантъ свой образовалъ онъ теоретически въ Женевѣ подъ руководствомъ Каландрини, потомъ служилъ прапорщикомъ въ англійской гвардіи, сражался при Деттингенѣ, потомъ въ Италіи. Чтобы избавиться отъ своей женственной наружности, онъ окрасилъ себѣ лицо въ орѣховый цвѣтъ. Не было наѣздника отважнѣе его, и однажды, оборотясь спиною къ лошадиной гривѣ, онъ промчался верхомъ отъ Лондона до Эдмбурга и выигралъ закладъ по этому случаю. Въ семилѣтнюю войну Липпе сражался при Минденѣ подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго: чтобы похвастать искусствомъ своихъ канонеровъ, онъ велѣлъ имъ стрѣлять ядрами черезъ палатку, въ которой тогда обѣдалъ съ ганноверскими офицерами. Прибывъ въ Португалію, нашелъ онъ вмѣсто восьмидесяти только девять тысячъ такъ называемыхъ солдатъ безъ аммуниціи и вовсе необученныхъ; при арміи не было ни провіанта, ни обозовъ, ни генеральнаго штаба; гвардейцы, подставляя шляпы, просили милостыни во дворцѣ; одинъ капитанъ собиралъ по домамъ бѣлье и носилъ его для стирки своей женѣ: она была прачка! Увидѣвъ одного ротмистра, исправлявшаго должность камердинена за обѣдомъ у графа Аркоса, Липпе посадилъ его съ собою рядомъ за столъ. Какъ ни строго запрещались дуэли въ арміи, онъ старался ввести ихъ между Португальцами для оживленія воинской чести.

Сдѣлавъ слишкомъ много по другимъ частямъ, Карвальо очень мало думалъ о войскѣ: графъ Липпе долженъ былъ снова начинать все.—Но къ-счастію, три испанскіе корпуса не соединялись, оставаясь при осадѣ крѣпостей, и вождь ихъ былъ совершенно безъ дарованій. Сверхъ того испанскіе генералы, смотря въ зрительныя

трубки на графа Липпе, сначала думали видѣть настоящаго Дон-Кихота въ этомъ высокомъ, худощавомъ, смугломъ и странно-одѣтомъ полководцѣ. Правда, что его положеніе было самое затруднительное: ему надлежало имѣть дѣло съ непокорностію войска, робостію двора, тайнымъ недоброжелательствомъ Карвальо. Однакожь съ помощію Тоунегенда и его Англичанъ, онъ успѣлъ занять превосходную позицію въ горахъ и прикрыть столицу, гдѣ уже нѣсколько разъ собирались къ отъѣзду; наконецъ угрожая тылу Испанцевъ и ихъ сообщеніямъ, онъ принудилъ ихъ отступить. Между тѣмъ Карвальо снискалъ расположеніе королевы-матери въ Испаніи, подкупилъ министровъ, и чрезъ это, можетъ быть, ускорилъ заключеніе прелиминарнаго мира: въ Фонтенбло 3-го ноября 1762 года король привѣтствовалъ графа Липпе, какъ спасителя, называлъ его кузеномъ, *il mio primo*, возвелъ въ *Altezza*. Тогда получили возможность докончить устройство арміи: она простиралась уже до 32,000, и Португалія очень благоразумно приведена въ оборонительное положеніе. Построенная графомъ крѣпость, которой еще удивлялся Веллингтонъ, получила отъ признательнаго короля имя *la Lippe*. Явились небывалыя зрѣлища маневровъ и веселыхъ лагерей, учреждены инженерныя и артиллерійскія школы. Но графъ всегда встрѣчалъ оппозицію особенно со стороны духовенства: бывали даже покушенія на его жизнь. Окончивъ свое дѣло и сдавъ армію Карвальо, какъ фельдмаршалу, Липпе возвратился въ Англію, уважаемый за таланты и безкорыстіе, потому-что онъ презиралъ огромныя жалованья и подарки. Однакожь изъ Португаліи нерѣдко просили у него совѣтовъ, и онъ другой разъ посѣтилъ эту страну, гдѣ многое пошло опять по старому. Этотъ храбрый воинъ былъ жестоко пораженъ кончиною своей жены и впалъ отъ того въ злую чахотку, которая свела его въ могилу въ 1777 году.

Карвальо, безъ сомнѣнія, не былъ полководцемъ, но тѣмъ усерднѣе обращалъ свои старанія на другіе предметы. Онъ уничтожилъ монополію табакомъ, учредилъ ярмарки, старался усилить общую дѣятельность посредствомъ народнаго воспитанія. Для нищихъ и бродягъ явились ремесленныя, для купцевъ коммерческія школы. Изгнаніе іезуитовъ оставило большой пробѣлъ въ общественномъ воспитаніи: Карвальо старался пополнить недостатокъ учрежденіемъ

педагогическаго института для молодыхъ дворянъ и гражданскихъ и латинскихъ училищъ. Онъ опредѣлялъ учителей и преобразовалъ Коимбрскій университетъ, бывший до него истиннымъ пріютомъ лѣни и невѣжества. Вакаціи вмѣсто 8-ми мѣсяцевъ сокращены на два, за то студентовъ едва осталась тысяча изъ пяти тысячъ. Изгнанный итальянецъ Пагліарини учредилъ придворную типографію. Новый учебный уставъ призывалъ монаховъ къ большей дѣятельности; нѣкоторыя духовныя общества уничтожены. Карвальо учредилъ королевскую цензуру — *regia stampa censoria*—болѣе снисходительную, нежели прежняя, ко всему, что только не касалось до министра, и дозволявшую Вольтера, Фридриха II-го, энциклопедистовъ, Фебронія и другихъ (1769). Когда епископъ Коимбрскій строгою пастырскою грамотою вновь запретилъ эти книги, былъ онъ за государственную измѣну осужденъ на смерть, однакожь только заключенъ въ Томарскую тюрьму, а его грамота изорвана рукою палача и сожжена предъ биржею. На театрѣ играли «Тартюфа» въ іезуитской одеждѣ, переведеннаго на португальскій языкъ, и дворъ долженъ былъ посѣщать представленія. Самъ министръ читалъ Сарпи и Джіанионе и старался возвысить власть епископовъ, чтобы сдѣлать ненужнымъ папу. «Аутода-фе» были запрещены; инквизиція, въ смягченной формѣ, находилась въ рукахъ министра, потому-что его братъ занималъ тамъ мѣсто втораго президента.

Пугая короля убійствами и мятежами, онъ держалъ его въ полной зависимости. Все, направленное противъ министра, по логикѣ Карвальо, относилось и къ королю. 17 сентября 1770 года король пожаловалъ его маркизомъ Помбаль. Теперь онъ совершенно сравнялся съ высшею знатью.

Онъ удалялъ изъ королевской службы всѣхъ, кто не былъ лично преданъ ему; но не имѣлъ никакихъ любимцевъ и ввѣрялся только самому себѣ. Опасаясь нерасположенія къ себѣ королевы, набожной Маріи, Бразильской принцессы и ея ограниченнаго мужа, Дона Педро, Помбаль принялъ странную мѣру: онъ держалъ постоянно при себѣ, въ видѣ заложника, сына Маріи, принца Беирскаго. На немъ основывалъ онъ планы своей будущей власти по смерти короля, потому-что, по его расчетамъ, Марія должна будетъ пись-

менно отказаться отъ короны въ пользу этого принца. Однакожь принцессу предостерегли, и когда король велѣлъ ей подписать актъ отреченія, она отвѣчала, что должна испросить на то согласія матери. Такъ уничтожился планъ, рассчитывавшій на опрометчивость и слѣпое повиновеніе принцессы. За то не удалось также и покушеніе — взорвать министра пороховъ, спрятаннымъ въ его коляскѣ: виновникъ, генуэзецъ Пелъ, былъ открытъ и четвертованъ!

Изъ ненависти къ Испаніи и тамошнему министру Гримальди, Помбаль въ послѣднее время былъ на сторонѣ Англіи, и велѣлъ сдѣлать въ Америкѣ нападенія на испанскую область; его великія вооруженія показывали, что война перенесется и въ Европу. Испанскій флотъ отплылъ тогда въ Америку и завоевалъ Сан-Сакраменто и другія мѣста. При упадавшемъ здоровьѣ короля казалось, что министръ силою вооруженной арміи хочетъ доставить корону Португаліи принцу Беярекому, котораго женилъ на одной изъ королевскихъ сестеръ гораздо старѣе его. Однакожь королева была назначена регентшею. Помбаль или не могъ помѣшать тому, или считалъ себя необходимымъ для нея въ тогдашнихъ запутанныхъ обстоятельствахъ, а особливо при угрожавшей войнѣ. Но непонятно, почему такъ мало извѣстно было ему состояніе здоровья короля, и только 4-го февраля 1777 года онъ узналъ, что Іосифъ въ ночи того дня кончилъ жизнь. Вѣроятно отъ него скрывали, сколько можно, близкую кончину короля.

Онъ ужаснулся; но уже было поздно. Молодая королева Марія, во всемъ руководимая матерью, не отвѣчала на просьбу Помбаля — представить ей отчетъ въ его управленіи; но за то она отворила тюрьмы, изъ которыхъ выходили толпами враги министра. Она отмѣнила многія изъ его распоряженій, лишила его всѣхъ побочныхъ должностей. Онъ просилъ отставки и получилъ ее вмѣстѣ съ позволеніемъ — удалиться въ мѣстечко Помбаль. Бумаги его были опечатаны. Дворянство и духовенство опять завладѣли правленіемъ; инквизиція снова потѣшила вѣрующихъ зрѣлищемъ Auto-da-fe въ 1779 году.

Чернь, подстрекаемая дворянствомъ, требовала казни Помбаля и сорвала его портретъ съ пьедестала королевской статуи. Все

обратилось съ жалобами на падшаго временщика, и онъ заваленъ былъ процессами. Впрочемъ, къ числу его недостатковъ нельзя причислять корыстолюбія: въ противномъ случаѣ, въ казнѣ не осталось бы до 70-ти милліоновъ крусадовъ. Прикидываясь равнодушнымъ и бѣднякомъ, онъ жилъ въ наемной квартирѣ, предъ которою каждый день кормилъ нищихъ, и вскорѣ написалъ брошюру въ защиту своего управленія; въ ней всего больше толкуеть онъ о своемъ безкорыстіи и сравниваетъ себя съ великимъ Сюлли. При всѣхъ обвиненіяхъ и допросахъ, которые долженъ былъ выдерживать большой, въ постелѣ, онъ всегда ссылался на приказанія короля, но, безъ сомнѣнія, ихъ легко было доставать любимому министру. Родные Таворовъ и Авейро заставили вновь пересмотрѣть процессъ о покушеніи на короля, и королева, осаждаемая ихъ просьбами, наконецъ объявила невинными казенныхъ. Впрочемъ, это не принесло никакихъ вредныхъ послѣдствій лично для Помбала. Въ окончательномъ приговорѣ наряженной надъ нимъ комиссіи сказано, что «хотя Помбаль достоинъ примѣрнаго наказанія, но какъ обнаружилъ раскаяніе въ преступленіяхъ и просилъ прощенія у королевы, то смертная казнь, по особенной милости, обращается для него въ изгнаніе за 20 миль отъ столицы. Однако жъ всѣ имъ обиженные не лишаются права—преслѣдовать его законнымъ порядкомъ».

Кальвадосскія воды не поправили разстроеннаго здоровья Помбала, и онъ умеръ 8-го мая 1782 года, не примиренный съ дворянами и духовенствомъ, на 83 году жизни. По словамъ Ольферса, его простой, безъ всякихъ украшеній гробъ въ углу Помбальской церкви все еще ожидаетъ лучшаго пріюта, котораго не хотятъ дать даже собственные потомки Помбала, обязанные ему своимъ возвышеніемъ. Только въ народѣ сохранилась къ нему привязанность, что показываетъ поговорка: *mal por mal, melhor Pombal*. Но если спросить, какія послѣдствія оставилъ по себѣ занимавшій такое высокое мѣсто, столь энергическій и даровитый человекъ, то нельзя не замѣтить, что его жизнь скорѣе походила на бурю, которая дѣлаетъ много опустошеній, не освѣжая надолго воздуха, нежели на благотворное, живительное солнце. Въ его лучшихъ планахъ оскорбляетъ насъ ихъ необдуманная дерзость и эгоизмъ. Реформы, произведенныя насиліемъ и страстію, рѣдко на долгое время переживаютъ своихъ виновниковъ....

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

Въ Германіи весьма много книгъ, въ которыхъ легко найдти объясненія на краткую біографію Беттигера. У насъ еовсѣмъ не то: вотъ почему я счелъ необходимыми примѣчанія.

- (1) Намекая на слово *Carvalho*, означающее дубъ, старая маркиза Тавора говорила, что въ Португаліи не много дѣлается изъ дуба, и когда министръ сваталъ одну изъ Таворовъ за своего сына, ему замѣтилъ, что «у синьора Карвальо слишкомъ высокія мечты.» (Беттигеръ. *Weltgesch. in Biograph.*)
- (2) Французскій посланникъ Сент-При дѣйствительно писалъ въ Парижъ, 12-го сентября 1758 года, что королева изъ ревности затѣяла это предпріятіе, чтобы избавиться отъ соперницы, которая много разъ пользовалась колыскою герцога Авейро, — и отъ самого герцога, посредника между королемою и графинею Тавора. Raumer — *Beiträge*, III — 25.
- (3) Опперманъ въ своемъ сочиненіи: «Помбаль и іезуиты» говоритъ: «Безъ сомнѣнія, свѣдома, можетъ быть, и по наущенію іезуитовъ, въ домъ Таворовъ замышляли умертвить короля Иосифа. Изъ этой фамиліи многія дамы были соблазнены королемою, если можно назвать соблазномъ совершенную преданность этихъ дамъ королевской волѣ съ согласія ихъ супруговъ, отцевъ и другихъ родныхъ. Но не оскорбленная честь побудила заговорщиковъ къ такому злодѣйству, а мелочное самолюбіе и оскорбленные интересы. Патеръ Гаспардъ, францисканскій монахъ, предшественникъ Помбала, убѣдилъ короля пожаловать отцу тогдашняго графа Авейро значительные доходы по самую его смерть. Когда графъ умеръ, Помбаль конфисковалъ ихъ. Король отказалъ также въ своемъ согласіи на бракъ сына Авейро съ сестрою несовершеннолѣтняго герцога Кадоваля. Помбаль, по замѣчанію Іоанна Миллера, вообще не охотно видѣлъ супружескіе союзы между знатными фамиліями. Когда обнаружилась склонность короля къ его невесткѣ Іоаннѣ, графинѣ Тавора, гордый герцогъ заглушилъ въ себѣ ненависть къ іезуитамъ и помирился съ маркизою Элеонорою Тавора, съ которою былъ въ ссорѣ до того времени. Маркизъ давно хотѣлось герцогскаго титула, за заслуги въ Индіи ея мужа, кавалерійскаго генерала, бывшаго прежде губернаторомъ въ Гоа Карвальо отказалъ ей, потому что въ этомъ титулѣ весь Лиссабонъ увидѣлъ бы награду, сдѣланную лично невесткѣ маркизы, графинѣ Іоаннѣ, какъ королевской любимицѣ. За то маркиза возненавидѣла Помбала, а еще болѣе — короля, позволявшаго управлять собою министру. Не подвержено никакому сомнѣнію, что тайныя пружины заговора противъ короля находились въ рукахъ этихъ двухъ лицъ — герцога и маркизы, хотя онѣ никогда не были обнаружены, чтобы вмѣстѣ съ ними не открылись личныя отношенія короля къ участникамъ въ заговорѣ. Къ сожалѣнію, многіе документы, впрямую, самыя важныя, уничтожены въ царствованіи преемницъ Іосифа I-го. О приговорахъ надъ осужденными Опперманъ, апологистъ Помбала, продолжалъ: «судебный приговоръ прокричали не только слишкомъ жестокииъ, но и несправедливиимъ, внутреннимъ Помбалу мстительностию, даже потомъ уничтожили его, какъ не дѣйствительный; особенно этотъ процессъ старались приводить въ доказательство того, что Помбаль проникнуть былъ правиломъ іезуитовъ: цѣль освящаетъ средства. Въ самомъ дѣлѣ, надобно согласиться съ этимъ мнѣ-

ніемъ, если не представляется никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ обнародованныхъ въ 39-ти обвинительныхъ статьяхъ, послужившихъ основаніемъ этому приговору. Вся онѣ утверждаются на признаніи графа Авейро и другихъ виновниковъ, вынужденномъ мученіями пытки; даже говорятъ, что Авейро письменно отрекся потомъ отъ словъ своихъ. Единственный свидѣтель, показавшій главное, былъ башмачникъ, который, имѣя любовную интригу въ домѣ Авейро, будто бы слышалъ совѣщанія заговорщиковъ »

- (*) Брюль, конечно, защитникъ іезуитовъ, въ своей Исторіи Іезуитскаго ордена говоритъ, что еще въ 1769 году, въ то самое время, когда Гонзальво Перейрасъ получилъ приказаніе конфисковать имѣнія іезуитовъ и продать съ аукціона, Помбаль велѣлъ напечатать и раздавать брошюру, подъ названіемъ: «Безбожныя и возмутительныя заблужденія сочленовъ Іезуитскаго ордена». Больше 18-ти епископовъ разныхъ націй просили папу положить конецъ непристойностямъ этой ругательной книги. Папа прислалъ буллу къ своему нуницію въ Мадридъ, осуждавшую это сочиненіе, какъ «порожденное завистію и нечестіемъ». На основаніи буллы, все самыя первыя изданія этой книги были въ Мадридѣ сожжены рукою палача, къ великому стыду Помбала. Теперь видно, какое отношеніе имѣеть этотъ случай къ виновности замѣшанныхъ въ процессъ трехъ іезуитовъ. (По Опперману, ихъ было четыре: Малагрида, Габріэль, Александръ Суца и Іоаннъ Матось). Изъ числа десяти подозрительныхъ, трое объявлены формальными соучастниками въ заговорѣ, но безъ всякихъ допросовъ или очныхъ ставокъ съ свидѣтелями. Доказанное преступленіе одного состояло въ томъ, что онъ часто навѣщалъ домъ Таворовъ; другой возвращался съ ними, по случаю, на одномъ кораблѣ, изъ Индіи; наконецъ Малагрида требовалъ, чтобы маркизъ Тавора дозволены были религіозныя упражненія, въ которыхъ никому нельзя отказывать, и, за нѣсколько времени до провѣствія съ королемъ, старался предостеречь его отъ грозящей опасности. Резолюція папы еще ожидалась, и Карвалло сочинилъ подложную, въ формѣ буллы, дозволяющую ему самое обширное полномочіе относительно іезуитовъ. Онъ имѣлъ смѣлость ее обнародовать и распустить по всей Европѣ. Между тѣмъ папа Климентъ XIII, жертвовавшій всѣмъ для избѣжанія раскола, которымъ Помбаль угрожалъ церкви, прислалъ буллу. Это было неожиданно для Помбала, потерявшаго чрезъ то прекрасный случай къ разрыву съ Римомъ. Онъ утаилъ настоящую бумагу, успѣвъ узнать ея содержаніе, хотя папа далъ точное приказаніе вручать ее королю. Настоящую буллу отослали назадъ къ папѣ и приписали ему другую, въ которой Климентъ заклиналъ короля Іосифа «поощрять посвященныхъ Богу людей, не изгонять изъ королевства безъ различія всѣхъ іезуитовъ и не губить множества невинныхъ вмѣстѣ съ виновными, если такіе находятся между отцами». Возвратимся къ Малагридѣ: если бы онъ дѣйствительно написалъ то, что взводятъ на него инквизиторы, то и въ такомъ случаѣ заслуживалъ бы не позорной смерти отъ палача, а медицинскихъ пособій: умъ его пришесть въ разстройство отъ мученій пытки. Приговоръ надъ этимъ славнымъ миссіонеромъ, котораго Англичане называютъ Бразилскимъ Апостоломъ, порицаетъ даже Вольтеръ, говоря, что въ немъ чрезвычайно много безумнаго, смѣшнаго и имѣсть постыднаго. Гейнрихъ Лео замѣчаетъ о процессѣ, что онъ—«веденъ

съ самымъ гнуснымъ нарушеніемъ формъ и несправедливостію», — а историкъ Шлоссеръ говорить, что — «одного страшнаго мщенія Помбала уже достаточно, чтобы сдѣлать его столь-же гнуснымъ, какъ Дантона и Марата.»

Помбаль ненавидѣлъ иезуитовъ за ихъ вліяніе на дворъ и народъ; при томъ философское направленіе внушило ему мысль объ учрежденіи національной церкви по образцу Англиканской. Но главную причину ненависти Помбала къ отцамъ надобно искать въ его надеждахъ на огромныя богатства, которыя думалъ найти, вымѣнявъ у Испаніи шесть иезуитскихъ редуцій въ Парагваѣ и Уругваѣ. Однакожь эти надежды были обмануты. Этою мѣрою открылъ онъ войну съ ордевомъ въ 1751 году Трактатъ съ Испанією объ обмѣнѣ колоніи Сакраменто на иезуитскія области, для прекращенія постоянныхъ споровъ о границахъ, былъ уже заключенъ королемъ Іоанномъ, но встрѣтилъ непредвиденное препятствіе въ сопротивленіи Индѣйцевъ. Они не хотѣли, чтобы съ ними поступали, какъ съ вещью, и изъ мѣрныхъ и спокойныхъ жилищъ перевели ихъ въ неизвѣстную и бесплодную страну; но это самое условіе предписывалось договоромъ. Не усомнились приписать иезуитамъ сопротивленіе Индѣйцевъ, но они не принимали въ томъ участія, хотя бы и должны были. Напротивъ, истощивъ всѣ доводы благоразумія и справедливости въ представленіяхъ Лиссабонскому и Мадридскому Дворамъ, отцы старались уговорить Индѣйцевъ, чтобы они покорились желѣзной необходимости и дозволили поступить съ собою, какъ съ стадомъ овецъ; тѣмъ самымъ они навлекли на себя подозрѣніе Индѣйцевъ, лишились ихъ довѣрія, и прекрасная узы, соединявшія съ ними эти общины, числомъ изъ 30,000 душъ, были расторгнуты. Бѣдняки покорились въ 1756 году, послѣ долгой кровопролитной войны, во время которой они испытали такую же участь, каковая некогда постигла бѣдныхъ Мексиканцевъ и Перуанцевъ. Наконецъ обмѣнъ не состоялся; но цѣль была достигнута: миссія погибла. Шлоссеръ такъ говорить о томъ: «Пусть думаютъ, что хотѣтъ, о иезуитахъ, однакожь не подвержено сомнѣнію, что въ Америкѣ, во время спора съ Португалією и Испанією, они потерпѣли не только за свое дѣло, но и за человечество. Индѣйцы, которыхъ голосъ всего важнѣе, наслаждались лучшею участію подъ властію иезуитовъ, нежели тысячи свободныхъ работниковъ въ Англіи, когорымъ часто нечего бываетъ ѣсть, или когорымъ хлѣбъ въ рабочихъ домахъ отпускается на вѣсъ золота, такъ что они едва поддерживаютъ свое жалкое существованіе. Помбаль — вмѣсто основаннаго на предразсудкахъ и суевѣрїи устройства Индѣйцевъ, хотѣлъ имъ навазать другое, истекавшее изъ философіи XVIII вѣка. Онъ хотѣлъ слѣдовать духу и политикѣ новаго времени, и слѣдовалъ тому въ постановленіяхъ, столь же тиранническихъ въ ихъ обнародованіи, какъ и въ исполненіи разными чиновниками и плутами.» (Брюль *Gesch. der Gesellsch. Jesu.* стр. 600—603.)

Но о Помбалѣ говорить нечего: его осудила Исторія. Относительно же иезуитовъ, пострадавшихъ за дѣло человечества, справедливость требуетъ сказать, что въ Америкѣ они только для собственныхъ интересовъ соблюдали правила человеколюбія. Въ той же странѣ ихъ поведеніе отличалось рѣшительною жестокостію, если того требовали выгоды. Нѣсколько времени иезуиты представляли въ Парагваѣ прекрасное, рѣдкое зрѣлище мудраго духовнаго управленія дикимъ народомъ, для котораго съ помощію

религія они сдѣлали доступными успѣхи цивилизаціи; для этой цѣли они пользовались своимъ искусствомъ обуздывать умы, губительнымъ среди нашихъ образованныхъ обществъ, но полезнымъ и спасительнымъ между грубыми дикарями. Они поступали съ Индѣйцами, какъ отцы съ маленькими дѣтьми: нѣсколько ударовъ прутомъ или отлученіе отъ общественной молитвы были главныя наказанія въ этомъ духовномъ государствѣ. Но особенная забота іезуитовъ состояла въ томъ, чтобы удержать своихъ подданныхъ отъ всякихъ сношеній съ другими народами и сохранивъ въ глубокой тайнѣ свое управленіе. Вообще они руководились тою же политикою, которой въ началѣ нашего столѣтія слѣдовалъ докторъ Франсія, вѣроятно, ихъ воспитанникъ. Можно представить себѣ опасенія отцевъ, когда они узнали въ 1644 году, что Бернардинъ Карденаса, достойный прелатъ, назначенный въ епископы Парагвая, намѣренъ посѣтить различныя провинціи своей епархіи, и въ числѣ ихъ Парану и Уругвай, находившіяся въ полной зависимости отъ іезуитовъ. Намѣреніе прелата казалось тѣмъ опаснѣе, что онъ не только въ санѣ епископа явится въ Парагвай и Уругвай, но и въ званіи визитатора, уполномоченнаго испанскимъ королемъ для законнаго прекращенія всѣхъ неустройствъ, особливо такихъ, которыя стѣсняють права короны. Іезуиты сначала старались остановить прелата, предложивъ ему 20,000 скуди, но нашедши его твердымъ и неподкупнымъ, они подарили 30,000 скуди губернатору, въ согласіи съ нимъ ввели въ Ассумціонъ 800 вооруженныхъ Индѣйцевъ и объявили вакантнымъ мѣсто Парагвайскаго епископа. Потомъ самовольно поставили епископомъ одного слабоумнаго каноника, напали на Карденаса въ стѣнахъ святаго храма, вытащили его оттуда, и бросивъ въ ядлу, предали его на волю вѣтра и волнъ. Едва онъ успѣлъ спастись...

Между тѣмъ губернаторъ, почувствовавъ раскаяніе, отказался помогать іезуитамъ и вскорѣ умеръ. Граждане города Ассумціона, получивъ отъ короля полномочіе—избрать себѣ новаго губернатора, единодушно предложили эту должность Карденасу: такова была общая къ нему привязанность. Для предупрежденія новыхъ безпокойствъ Карденасъ въ 1619 году изгналъ мятежныхъ монаховъ и въ королевскомъ судѣ привелъ въ ходъ два процесса объ ихъ преступленіяхъ. Но іезуиты не теряють мужества: они набирають 4,000 вооруженныхъ Индѣйцевъ, подступаютъ къ Ассумціону; не соглашась ни на какіе переговоры, силою вторгаются въ городъ, грабятъ и предають его звѣрской жестокости Индѣйцевъ. Въ губернаторы навазываютъ они жителямъ какого-то отлученнаго отъ церкви, и низложивъ Карденаса, осаждаютъ его въ храмъ, заключаютъ въ тюрьму, морятъ голодомъ, въ третій разъ изгоняють въ Санта-ѳа. Дряхлый, убитый скорбію старецъ идетъ 360 мѣ пѣшкомъ въ Лаплату искать себѣ правосудія: народъ принимаетъ его съ торжествомъ, какъ святаго, а іезуиты осмѣиваютъ въ непристойныхъ стихахъ:

Vulgo loco y desatento,
 Ya te pagas de mentiras,
 Pues cos mas afecto miras
 Lo que menos te esta à cuento;

 Vas ciego, perdido y solo,

Quando vas sin Compañia,
 Todos nos hau menester,
 Frailes, Cabildos y Audiencia,
 Y todos en competencia
 Tremblan de nuestro poder,
 Y pues hemos de vencer
 Esta canalla enemiga
 Todo este pueblo nos siga
 Y no quieran inconstantes
 Perder amigos gigantes
 Por Obispo Hornigo.

Глупая, неосторожная чернь,
 Ты въ восторгъ отъ своего ослѣпленія,
 Ненстова стремишься къ тому,
 Чтò всего менѣе тебѣ полезно.
 Ты будешь покинута, слаба,
 Ты погибнешь, если станешь дѣйствовать безъ нашей помощи.
 Мы необходимы для всѣхъ, —
 Для монаховъ, священниковъ, правительствъ.
 Всѣ взапуски трепещутъ,
 Когда мы возвышаемъ свой голосъ.
 Мы навѣрное побѣдимъ
 Эту оборванную сволочь, враговъ нашихъ,
 Потому что весь народъ за насъ:
 Вѣроломно и бессмысленно онъ
 Не станетъ противиться исполняемъ
 Изъ-за епископа — муравья!...

Изъ этихъ стиховъ видно, чего вальдали парагвайскіе отцы, но, къ счастью, успѣхъ не соответствовалъ ихъ ожиданіямъ. Королевскій судъ въ Лаплатѣ далъ полномочіе Карденасу назначить себѣ викарія на время его отсутствія, потому что оскорбленный старикъ собирался въ Испанію искать защиты у самаго короля. Лезуиты успѣваютъ помѣшать ему. Онъ возвращается въ Потози, но тамъ они вооружаютъ на него новыхъ враговъ, принуждаютъ его покинуть городъ и блуждать въ пустыняхъ. Эти ужасныя страданія однакожъ не побѣдили его обыкновеннаго спокойствія и мужества и не охладили въ немъ усердія къ цивилизаціи и благу Индѣйцевъ: во время своихъ долгихъ, медленныхъ странствованій по дикимъ и глухимъ пустынямъ, онъ давалъ дикарямъ поучительные совѣты при всякомъ удобномъ случаѣ. То была возвышающая душу картина, когда онъ блѣдный и измученный, въ лохмотьяхъ, но съ веселымъ лицомъ и сіяющимъ небесною любовью взоромъ бесѣдовалъ съ бѣдными дикарями и раздавалъ имъ пищу слова Божія.

Съ такимъ примѣромъ геройскаго терпѣнія, около того же времени, соревнуетъ примѣръ геройской вѣрности и дружбы. Францисканецъ Іоаннъ Виллалонъ, собратъ по монашескому ордену и подчиненный достойнаго Карденаса, отправился въ 1652 году въ Испанію, съ единственною цѣлю — представить королю дѣла своего епископа. Для этого онъ составилъ длинную

записку, въ которой излагалъ подробно происшествіе съ Карденасомъ и энергически оправдывалъ этого прелата. Разсказъ весьма простъ и обстоятеленъ во всѣхъ подробностяхъ, такъ что самъ говорить за свою достоверность. Патеръ Педраца издалъ для его опроверженія двѣ книги, въ которыхъ зотъ върный общему стилю общества іезуитъ замѣняетъ недостатки въ доказательствахъ клеветами и обидами. Въ двухъ другихъ сочиненіяхъ Виллалонъ обнаружилъ ничтожность его доводовъ и предположеній и принудилъ іезуитовъ къ молчанію. Въ 1654 году онъ воротился въ Индію, потомъ опять отправился въ Испанію, но захваченный корсаромъ, отвезенъ въ Англію и находился тамъ въ плѣну. Получивъ свободу, онъ явился въ Испанію, снова взялся защищать Карденаса, не смотря на всѣ козни и страшное могущество іезуитовъ въ Испаніи; но когда они, между разною другою ложью, называли незаконнымъ посвященіе епископа, неутомимый Іоаннъ отправился въ Римъ, представилъ папѣ записку, въ защиту Карденаса, сочиненную славнымъ юристомъ Алонзо Карильо, выхлопоталъ благоприятный декретъ у конгрегациі Тридентинскаго собора и рескриптъ Александра VII, предписывавшій полное возстановленіе Карденаса въ санъ епископа. Въ Мадридѣ онъ успѣлъ испросить у короля утвержденіе папскому приговору и на исполненіе его полномочіе вице-королю въ Перу, разрывавшее въ случаѣ надобности насильственнымъ мѣры. Такъ кончилось это дѣло, и благодаря усердію, способности и честности, также неуспышной дѣятельности бѣднаго монаха, Карденасъ, на перекоръ іезуитамъ, введенъ въ епископство, — и *муравей* оказался сильнѣе *исполиновъ*. — Arnauld перевелъ большую часть записокъ Виллалона: (Oeuvres tom. 34, pag. 3 — 161; tom. 32 — pag. XXXVI, XXXVII, XXXVIII. Касательно миссіи іезуитовъ въ Парагваѣ вообще, смотри «Relation concernant la republique, etablie par les Iesuites de Portugal et d'Espagne. Pineault.)

- (⁶) Одинъ іезуитъ такъ описываетъ страданія узниковъ: «Наши темницы, пишетъ онъ въ 1766 году, похожи на глубокіе казематы, темные и полные вредныхъ испареній. Воздухъ едва проходитъ сюда чрезъ маленькія отверстія шириною въ три дюйма. Наши кушанья неприятны и въ недостаточномъ количествѣ: къ нимъ даютъ намъ каждый день по фунту хлѣба; для питья получаемъ воду, гнилую и съ разными навскоими. Въ тюрьмахъ нестерпимый запахъ отъ недостатка въ свѣжемъ воздухѣ и отъ морской воды, проникающей сквозь стѣны. Все погибаетъ здѣсь очень скоро: не многое, что даютъ намъ для одежды, въ короткое время сгниваетъ. Недавно комендантъ, посѣщавшій наши тюрьмы, вскричалъ: «Странно! все гибнетъ, все гниетъ, кромѣ самихъ узниковъ!» Лекаръ въ крѣпости, гдѣ мы заключены, не постигаетъ, какъ можно переносить такіа страданія. Но самое худшее и чувствительное для насъ зло — лишеніе святаго причастія: намъ дозволено пріобцаться только предъ смертію, но и тогда лекаръ долженъ утвердить присягою, что болѣзнь опасна. Онъ, равно какъ и священникъ — живутъ въ крѣпости, и потому ночью мы лишены всякихъ пособій для души и тѣла. Но въ замѣну того является Божія помощь: дѣйствительно, многіе выздоровѣли послѣ благочестивыхъ обѣтовъ Господу. Одинъ изъ нихъ, готовясь умереть, вкусилъ муки, чудесно умноженной св. Лудовикомъ Гонзагою, — и въ ту же минуту выздоровѣлъ. Другой, предъ вратами вѣчности, внезапно исцѣлелъ, пріобщась Святыхъ таинъ. Эти чудеса такъ часто повторяются, что лекаръ, когда

зовуть его къ больному, обыкновенно говорить: «я знаю средство, необходимое для его излеченія:—это христіанское напутствіе». Взирая на эти чудеса и укрѣпляясь милостію Господа, мы радуемся вмѣстѣ съ отходящими изъ этого міра и завидуемъ ихъ участи, не потому, что у предѣла своихъ страданій, но особливо потому, что заслужили слѣдующій ихъ подягу вънецъ. Повѣрять ли? Многіе изъ насъ просятъ у Бога кончить здѣсь дни свои. Мы постоянно страдаемъ и однакожъ наслаждаемся постоянною радостію; терпимъ во всемъ недостатокъ, и ничто не смущаетъ духа нашего. Собратья наши изъ Макао, изъ которыхъ многіе потерѣли у неврныхъ плѣнь, побои и другія мученія, были вызваны изъ ихъ миссій и раздѣляютъ наши узы. Кажется, Богъ прославляется болѣе тѣми мученіями, которыя терпятъ они невинно въ этой тюрьмѣ, нежели ихъ самопожертвованіями въ земляхъ неврныхъ». (Брюль—*Gesch. Soc. Iesu.*—стр. 605.)—

- (*) Настоящимъ фельдмаршаломъ былъ съ 1706 года святой патронъ Португаліи, Антоній Падуанскій, родившійся будто бы въ Лиссабонѣ; но какъ до званія фельдмаршала дослуживаются съ низшихъ чиновъ, то на рѣзномъ изображеніи святаго надѣвали сначала солдатскій, потомъ унтеръ-офицерскій, офицерскій мундиръ и т. д. до фельдмаршальскаго съ 150-ю дукатовъ жалованья. Когда генералъ Бервикъ встрѣтилъ Португальцевъ первыми выстрѣлами изъ пушекъ при Бадахозѣ, то, къ крайнему изумленію, узналъ, что во время ночи португальская армія поспышно отступила, потому что однимъ ядромъ снесло голову у статуи святаго (*Gesch. in Biograph.—Bottiger's*).

РАЗГОВОРЪ ВЪ ЦАРСТВѢ МЕРТВЫХЪ

МИРАВО И Г-ЖИ КОТТЕНЬ.

(Виконта Дарленкура).

(Г-жа Коттень сидитъ на вершинѣ горы, на дерновой скамьѣ; она окружена цвѣтами; въ ея рукѣ подзорная труба, которую она отъ времени до времени подноситъ къ глазамъ своимъ.)

МИРАВО (клянясь ей).

Вы, кажется, очень задумались, благородная дама! Не сочиняете ли еще какую очаровательную книгу среди здѣшнихъ плѣнительныхъ садовъ?

Г-жа Коттень (улыбалась).

Я не сочиняю болѣе, я смотрю.

МИРАВО.

Да, я вижу у васъ въ рукѣ одни изъ нашихъ чудныхъ очковъ, одинъ изъ тѣхъ невообразимыхъ телескоповъ, которые находятся только въ небесныхъ селеніяхъ....

Г-жа Коттень (прерывая его):

И въ которые отсюда превосходно видно всё, что дѣлается на землѣ.

МИРАВО.

Понимаю. Ваше око устремлено на *Босфоръ*, и вы отыскиваете тамъ поваго *Малекъ-Аделя*, возвращающагося изъ *Палестины*!...

Г-жа Коттень.

Нѣтъ.

МИРАВО.

Вы обращали ваши взоры на *Империю Царей*!

Г-жа Коттень.

Вовсе нѣтъ. (Съ тяжкимъ вздохомъ). Теперь нѣтъ болѣе *Малекъ-Аделей!*

Мирабо (съ ироніей).

За немѣтніемъ изобрѣтають.

Г-жа Коттень (задумчиво).

И это никому не мѣшаетъ.

Мирабо.

Напротивъ, это всегдѣ нравится; и потому, описывая Арабскаго вождя, обрисовываютъ всѣхъ героевъ—мусульманъ, или по крайней мѣрѣ, такъ себѣ воображаютъ. Примеръ: «*Матильда во власти Малекъ-Аделя. Она взглянула: о диво! вмѣсто демона, предъ нею величественнѣйшій образъ въ мірѣ, видѣ гордый и мучественный; взгляды, въ которомъ свѣтитъ благородство прекрасной души... и пр. и пр. (1) Гордый Арабъ, изумленъ, трепещетъ передъ женщиной... Онъ заключаетъ ея въ свои объятія... старается овладѣть ея руками... и пр. и пр. (2).* Однимъ словомъ, нѣтъ ничего любезнѣе великаго Турка!!

Г-жа Коттень (съ зѣвкомъ).

Вы смѣтаетесь, кажется!

Мирабо.

Боже избави. И кто не дивился вашей Матильдѣ, которая въ 16 лѣтъ «какъ презрѣннаго раба сковала у ногъ своихъ — Льва битва, Молнію Востока!... (3).»

Г-жа Коттень (печально).

Левъ битва! Молнія Востока! нынѣ это — устарѣлая поэзія, любезнѣйшій Мирабо. Миеологія не въ модѣ.

Мирабо.

Дѣйствительно: *non erat hic locus.*

Г-жа Коттень (встывая).

Ахъ! пожалуйста безъ латини. Мнѣ больше нравится ваша древняя французская проза. «Мы здѣсь по волѣ народа, и выйдемъ отсюда только силою штыковъ.»

(1) Матильда, т. I-й, гл. III. (2) Та же книга, то же мѣсто. (3) Та же книга, т. II, гл. XII.

МИРАБО (*важно*).

Не смѣйтесь надъ этимъ, дражайшая! Это немного устарѣло, — согласенъ. Это несовременно, — признаюсь. Но тогда это было ново; и когда я декламировалъ, — было прекрасно.

Г-жа Коттень.

Да; но вспомните эту поговорку:

«Во всемъ усматривай конецъ.»

И такъ, еслибъ вы его *усмотрѣли*, то предвидѣли бъ конечный результатъ вашихъ парламентскихъ выходовъ — ужасающую знаменитость машины доктора *Гильотина*.

МИРАБО.

Вы на меня жестоко нападаете; но Ламартинъ послѣдовалъ моему примѣру.

Г-жа Коттень.

Онъ слѣдуетъ всякому примѣру; ему слѣдовало бъ быть вѣрнымъ самому себѣ.

МИРАБО (*одушевленно*).

Я не хотѣлъ, разумѣется, смерти Людовика XVI.

Г-жа Коттень.

Такъ же какъ не думали сами погибнуть отъ яду.

МИРАБО.

«Увы! говорилъ г-нъ де Калонъ, *участь Франціи поучаться своими несчестіями.*»

Г-жа Коттень.

Если это правило вѣрно, Франціи слѣдовало бъ быть теперь очень наученною.

МИРАБО.

Стало быть все еще мало....

Г-жа Коттень.

Развѣ вы вѣрите этимъ изреченіямъ?

МИРАБО.

Многимъ изъ нихъ? — много. Тѣмъ, кто ихъ высказываетъ? — очень мало. Вотъ примѣры: судите.

— «*Всякая власть отъ Бога, сказалъ президентъ Сегье во время реставраціи. Непозволительно народу ея самоуправствовать.*»

— «*Республика есть пустой истуканъ, который сдѣлается предметомъ посяганія и презрѣнія,*» сказалъ г-нъ Прудонъ, въ 1848, въ своемъ журналѣ *Le peuple*.

— «*Правленіе законной династіи будетъ правленіемъ вѣчнымъ,*» сказалъ г-нъ баронъ Паскье, въ 1815.

— «*Должно избирать въ депутаты только подданныхъ вѣрныхъ, враговъ вѣстолюбія и друзей законности,*» сказалъ г-нъ Дюпень въ томъ же году.

— «*О какое счастье, насладясь любовію народа, горизонтально умирать въ своей постели!*...»

Г-жа Коттень (*съ удивленіемъ прерывалъ его*).

Но, это ваша фраза!

МИРАБО.

Виновать, это разсѣянность. Я хотѣлъ указать только на живыхъ.

Г-жа Коттень.

Не мало живыхъ мертвецовъ!

МИРАБО.

Ну, эти могутъ воскреснуть; кто знаетъ!

Г-жа Коттень.

Тогда, другія времена, другія мнѣнія. Примутся взапуски *патинодировать*.

МИРАБО.

Тѣмъ еще лучше. Франція любитъ посягаться.

Г-жа Коттень.

Что не мѣшаетъ ей плакать.

МИРАБО.

Дождь бури не дологъ.

Г-жа Коттень (*грустно*).

Что продолжительно во Франціи, мой другъ! ведро иль ненастье, счастье иль несчастье?!

МИРАБО.

Да; но такъ же-ль продолжительнъ желѣзный вѣкъ, какъ золотой.

Г-жа Коттень.

Увы! Искуствѣннѣе ошибаются. Генералъ Фoa мнѣ говорилъ однажды, на этомъ самомъ мѣстѣ: «Франція идетъ къ просвѣщенной цивилизаціи, которая скоро не допуститъ болѣе международныхъ войнъ.» А вы видите чтѣ дѣлается!

МИРАБО.

Генералъ Фoa, какъ человекъ политическій, часто говорилъ вздоръ. Не въ трибунѣ ли ему мерещились эти безсмысленныя предвидѣнія, когда въ Парижѣ былъ парламентъ! Да наконецъ надобно сознаться, дражайшая: немало глупостей мы всѣ наговорили и писали въ свою жизнь.

Г-жа Коттень.

Да; и ваши преемники продолжаютъ. Но оставимъ это. Когда вы ко мнѣ подошли, я смотрѣла на Финскій заливъ, на городъ Петербургъ, на провинціи Дуная, на Черное море и Константинополь

МИРАБО.

Какъ! Русскихъ, Турокъ, Грековъ! вы обняли все это разомъ!

Г-жа Коттень.

Обняла! *fi donc!* Мирабо.

МИРАБО.

Виновать, тысячу разъ виновать; она слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, но если вы наблюдали надъ Невною, Прутомъ, Дарданеллами, включая Вѣну и Берлинъ, скажите, чтѣ дѣлаетъ настоящая дипломатія въ Европѣ?

Г-жа Коттень.

Она изучаетъ *вопросъ*.

МИРАБО.

Еще! а вооружившіяся власти?

Г-жа Коттень.

Они изучаютъ *европейское равновѣсіе*.

МИРАБО.

Хорошо. А соединенные флоты?

Г-жа Коттень.

Они изучают море.

Мирабо.

Пусть такъ, а неприятельскія войска?

Г-жа Коттень.

Они изучают мѣстность.

Мирабо.

Это правда. А геній войны?

Г-жа Коттень.

Опъ изучаетъ генія мира.

Мирабо.

А что думаетъ объ этомъ христіанство?

Г-жа Коттень.

Ничего. Оно изучаетъ исламизмъ.

Мирабо.

Великій Боже! Сколько прекрасныхъ изученій! (*Ударивъ себя въ лобъ.*) По чести! тщетно стараюсь я углубиться во все эти высокіе предметы: признаюсь, я въ нихъ мало что понимаю.

Г-жа Коттень.

Ба! Такое высокое понятіе какъ ваше!...

Мирабо.

Но вы, любезнѣйшая дама! объяснили-ли вы мысль свою?...

Г-жа Коттень (*прерывая его*).

Избави Богъ! къ чему!

Мирабо.

Дѣйствительно; мудрецъ сказалъ: *Воздерживай себя*. И Турки теперь въ полной лунѣ *Рамазана*.

Г-жа Коттень

Да, великая эпоха мусульманъ. Это время года представляетъ странное смѣшеніе воздержанія и праздниковъ. Это постъ подбитый карнаваломъ.

Мирабо (*задумчиво*).

Не слышали-ли вы о старинномъ предсказаніи относительно Византійской имперіи? Оно формально ограничиваетъ владычество Турокъ въ Константинополѣ четырьмя-стами годами. А эти четыре вѣка миновали.

Г-жа Коттень.

Да, я знаю, что это пророчество временъ священныхъ войнъ вездѣ распространилось на востокъ и ему тамъ вѣрятъ. Мишо недавно меня въ этомъ увѣрялъ, указывая на одну изъ страницъ своихъ «*Крестовыхъ походовъ*»: *Константинопольская Имперія и ея религія* будутъ совершенно сокрушены и уничтожены 1854—1856 (1).

МИРАБО.

Однакожь, не смотря на Оракула, мусульмане считаютъ себя непобѣдимыми.

Г-жа Коттень.

Они торжествуютъ всѣ.

МИРАБО.

И всѣ благодарятъ небо.

Г-жа Коттень.

Это естественно, мой любезнѣйшій. Есть медаль, которая говоритъ, что Богъ всѣмъ имъ покровительствуетъ. Говорятъ, конечно, объ отступленіи войскъ, объ очищеніи княжествъ; но есть отступленія, которыя стоятъ побѣдъ, и очищенія, которыя стоятъ завоеваній. Ловкіе пятятся, чтобъ лучше перескочить. Говорятъ также, что были убитые и раненые съ той и другой стороны. Но такія несчастія суть пальмы. Павшій воинъ возносится. Многіе журналы дурнаго вкуса, которые будто не вѣрятъ войнѣ, говорятъ, что *ампутации* во враждебныхъ станахъ могли быть *импутированы* только простымъ недоразумѣніямъ; впрочемъ, то же было во Франціи, во время июльскихъ происшествій 1830: многіе видѣли въ этой революціи одно лишь *qui pro quo*.

МИРАБО.

Нельзя ли того же сказать и объ восточной войнѣ?

Г-жа Коттень.

Ну нѣтъ: по крайней мѣрѣ я такъ думаю. Вчера я гуляла съ Готфридомъ Бульонскимъ; онъ былъ въ ужасномъ гнѣвѣ....

(1) Ученый *Кваресмій*, въ своемъ твореніи подъ заглавіемъ «Духовная и нравственная исторія Святой земли» (напечатанномъ на Лат. яз. въ 1639), выражается такъ, т. I-й, ст. 264. 4. *Hoc regnum et secta penitus destructa et abolita erunt anno domini 1854 vel 1856.*

МИРАБО.

Въ зньтъ! въ Елисейскихъ поляхъ!... Полноте! Это невозможно. Это неумѣстно.

Г-жа Коттень.

Его слова были безсвязны; онъ повторялъ, пылая очами: «О Филиппъ—Августъ! О святой Лудовикъ! Христось и Магометъ «подъ однимъ знаменемъ!... *Крестовый походъ за Турокъ!*»

МИРАБО.

Онъ человекъ запоздалый: это весьма просто. Отсюда онъ не могъ идти вмѣстѣ съ вѣкомъ.

Г-жа Коттень.

Я думаю посоветоваться съ принцессою Матильдой.

МИРАБО.

Съ которой?

Г-жа Коттень.

Э! конечно съ моей. Дочь короля Англiи, сестра Ричарда Львиного—сердца, плѣнница султана Саладина, та, которая такъ любила....

МИРАБО (*прерывая ее*).

Своего Бога... и своего Турка. Ну она, нѣкогда, ничего бы, можетъ быть, такъ не пожелала, какъ чтобъ христіанское войско бросилось въ объятiя мусульманской фаланги. Она приняла бы участiе, не правда ли?

Г-жа Коттень (*строго*).

Ваши рѣчи оскорбляютъ меня.

МИРАБО.

Я увѣренъ, что принцесса Матильда принимаетъ еще живое участiе въ преемникахъ фамилiи Саладина; и въ этомъ она подражаетъ Европѣ, которая, благодаря вамъ, также очень любила Малекъ—Аделя.

Г-жа Коттень (*съ глубокимъ поклономъ*).

Благодарю. Прощайте, Мирабо.

БОЛОТИСТЫЯ И НАМЫВНЫЯ ПОЛОСЫ ЕВРОПЫ.

Если бы намъ удалось проникнуть до самыхъ первыхъ началъ земледѣлія, когда оно еще только-что начало развиваться на почвѣ, уступленной ему отступившими волнами океана, то отъ этого не только бы выиграла скучная наука сельскаго хозяйства, но и самая исторія была бы воздѣлана гораздо лучше, нежели какъ привыкли думать наши естествоиспытатели и историки, сошедшіе съ ума отъ кочеваго быта, изверженій вулкановъ и революцій земнаго шара. Въ наше время естественныя науки такъ часто поддерживали исторію тамъ, гдѣ ее покидали документы, памятники и гіероглифы: посмотримъ, не представляетъ ли намъ агрономія еще болѣе пособій для ея изученія! «Сама исторія находится не подлѣ природы, а въ ней самой.»

Ученые привыкли думать, что въ первобытныя времена природы, подобно учителю, который розгами возбуждаетъ въ своихъ ученикахъ вкусъ къ Софоклу или Пиндару, любила полагать препятствія человѣческому роду въ странахъ, теперь богатыхъ и плодородныхъ, чтобы тѣмъ побудить его къ размышленію и развитію умственныхъ способностей. Мы не раздѣляемъ этого школьнаго воззрѣнія, ибо думаемъ, что человѣкъ никогда охотно не покорялся принужденію, а скорѣе искалъ природы, которая могла обѣщать ему даровое наслажденіе, и охотнѣе покупалъ умственное развитіе тогда, когда оно сулило ему обезпеченіе и увеличеніе его матеріальныхъ наслажденій.

Оттого-то человѣческія племена прежде всего стали селиться и заниматься земледѣліемъ, а слѣдовательно и развивать всѣ извѣстныя намъ вѣтви цивилизацій, на тучныхъ наносахъ болотистыхъ странъ. Поселенцы болотныхъ странъ были первыми народами, запавшимися земледѣліемъ, и прежде нежели еще исторія взяла въ

руки перо, они могли уже пережить много длинных периодов, образовать общества и государства и посвятить сѣмена высшего образованія. Не въ одномъ только Египтѣ и горной Бактріи были мрачныя тысячелѣтія и доисторическія времена народныхъ движеній, и употребленіе плуга предшествовало употребленію желѣза! Кто можетъ опредѣлять время, когда возникло преданіе, что Девкаліонъ, сошедши съ Парнасса, увидалъ Віотійскую долину, которая разстилась передъ нимъ, какъ необъятное озеро, какъ остатокъ міроваго потопа. Эта долина по осушеніи доставила древнѣйшимъ племенамъ Еллады плодоноснѣйшія поля, на которыхъ царство Минійцевъ, подобно царству Колхидянъ на тинистомъ Фазисѣ, Египтянъ на Нилѣ, Вавилонянъ на Тигрѣ и Евфратѣ, легко достигло цвѣтущаго состоянія, хотя земледѣліе его и не было сопряжено съ унавоживаніемъ и другими тяжелыми работами. Даже въ Китаѣ, въ долинѣ Хукуанкь, глубочайшей намывной странѣ Ита-Кіанга, и въ рѣчной долинѣ Хоанго, которую осушилъ нѣкто Юю въ миѣцескія времена Яо, сохранились воспоминанія о первоначальномъ земледѣліи на намывной почвѣ; а въ долинѣ Кашмира возникло преданіе о Казіапѣ, внукѣ Брамь, который чрезъ осушеніе одного озера создалъ высокую горную долину (Hochgebirgsthal).

Въ Италіи болотное воздѣланіе Етрурціи на Арно и По, на Омброне и Тибрѣ было также самымъ древнимъ. Много первобытныхъ народовъ сѣнили здѣсь другъ друга, прежде нежели Тиренскіе Пелазги пристали на этотъ осушенный берегъ, поселились на немъ и завели торговыя сношенія съ янтарнымъ островомъ, который по своей болотистой почвѣ представлялъ аналогію съ занятою имъ странкою. Это древнее земледѣліе уже въ первобытныя времена побуждало сооружать изумительныя водяныя и земляныя строенія и проводить великолѣпные отводные и заточные каналы.

Въ южной Германіи Туски, переименованные впоследствии въ Ретійцевъ, а въ особенности племена Кельтовъ, которыхъ почву Гаспаренъ еще недавно называлъ болотною, и на обоготвореніе которыми воды указалъ еще Гриммъ, издавна стали воздѣлывать болотистую страну на предѣлахъ постепенно осушавшихся долинъ сѣверной алпійской равнины. Племена, жившія въ сѣверозападной Германіи между Эмсомъ, Везеромъ и Эльбомъ, также издавна начали

строить плотины для защиты от частых наводнений и воздѣлывать свою болотную почву.

Низменности Балтійскаго и Нѣмецкаго морей съ одной стороны, и Дунайскія равнины съ многочисленными горными равнинами съ другой, не составляютъ существенной основы различія между сѣвѣрной и южною Германію — лежація между обѣими частями узлы горъ отъ Юры до Тевтобургскаго мыса суть не раздѣлительныя, а соединительныя члены. По моему мнѣнію, полиморфическую основу Германіи образуетъ холмистая и гористая страна Великой Германіи; она даетъ ей географическую индивидуальность, и она же была первоначальнымъ мѣстопробываніемъ германскаго населенія; ибо, во-первыхъ, первобытные народы (еще необразованные) спускались въ обширныя равнины и вымоины рѣкъ по мѣрѣ убыванья воды и долго господствовали надъ равнинами; во-вторыхъ, Дунайскія болота и низменности Нѣмецкаго и Балтійскаго морей въ отношеніи къ пространству далеко уступаютъ гористой Германіи, простирающейся отъ Porta Westphalica до Бреннера. Обитатель Альпъ въ южной Германіи и обитатель самыхъ тучныхъ низменностей въ сѣвѣрной и средней Германіи имѣютъ даже значительное сходство между собою, причина чего заключается въ одинаковости климата и зависящаго отъ него образа жизни, и только горная Германія обуславливаетъ дальнѣйшія крайности. Ошибочно сравнивать только узкія омежности, когда въ серединѣ находится огромная однородная масса. Но возвратимся къ нашему предмету.

Между всѣми названными болотистыми полосами Европы самый величественный характеръ представляетъ великая балтійская плоскость, составляющая часть уральской или восточно-европейской низменности. Огромныя растительныя формации болотъ и торфяницъ, верескъ и сосновыя лѣса господствуютъ въ этой низменности, въ которой наименѣе измѣнился германскій характеръ. Здѣсь возвышается высокая, песчаная Люнебургская степь, простирающаяся до области Эльбы и Везера, Гунте и Эмса, и идущая то кругомъ торфяницъ, то кругомъ роскошныхъ луговъ, то кругомъ тучныхъ болотистыхъ полей. Мѣстами почва покрыта здѣсь сѣрымъ багульникомъ, голубикою и клювкою, толоквянкою и ползучею березою,

образующими приличную обстановку для пляски шекспировских вѣдьмъ.

Большое различіе и вмѣстѣ съ тѣмъ сходство имѣютъ съ этою страню болотистыя полосы Віотин и Етрурін. Въ Копандскомъ (Корайс) болотѣ въ изобиліи плаваютъ большіе ярко-зеленыя листья морской розы и темный рѣчной листъ (Flussblatt), а нѣжныя листья рѣчнаго ранункула украшаютъ глубокое дно моря, послужившее выходомъ для нимфъ, выселившихся изъ волнъ Олмеіуса. На краю болота растетъ кипарисъ, на гигантскихъ стволахъ котораго развѣваются надъ поверхностью моря пучки цвѣтовъ, и густой тростникъ, служащій лѣтомъ мѣстопробываніемъ волковъ и шакаловъ, подстерегающихъ здѣсь стада пасущихся чеупановъ. Напротивъ болотистаго устья Меласа этотъ непроходимый тростникъ образуетъ изъ своихъ корней и отломковъ отъ своихъ стволовъ плотную массу дерноваго торфа (Rasentorf), которая поднимается во время прилива и опускается во время отлива, напоминая пловучіе острова Теофраста! На крайней южной границѣ известна только одна эта торфяница; на восточномъ берегу моря у Тополиады находится на довольно-значительномъ протяженіи старый черный и хорошій торфъ, но въ немъ очень много земляной пригнѣси.

Болотная растительность Етрурін мало разнится отъ болотной растительности Віотин, а болота на югѣ Дуная, вслѣдствіе болѣе ровной водяной температуры, противодѣйствующей крайностямъ атмосферы, имѣютъ совершенно такую же. Правда, болотный мохъ является здѣсь обманчивою оболочкою, скрывающею подъ собою настоящій болотный илъ, совершенно уничтожающій всю прелесть мѣстности; но онъ болѣе преобладаетъ въ нѣкоторыхъ и то весьма немногихъ частяхъ баварскихъ болотъ.

Дунайскія болота, на которыхъ снова плаваютъ болотныя розы Копанды, окружены блѣднорозовыми болотными фіалками и иглицыи ежеголовками, *Sparganien*. благовоннымъ кальмусомъ, тростникомъ, осокою и остроугольными породами кипариса, которыя вездѣ напоминаютъ о святомъ лотосѣ Индіи и древняго Египта, первой пищѣ, данной богами человѣку.

Но у насъ болота имѣютъ также свои темныя стороны. На безконечной равнинѣ, не имѣющей ни холма, ни дерева, прекрас-

ная солнечная роса и скороспѣлка едва ли могутъ сдѣлать для насъ пріятными однообразные звуки сверчковъ и пеголицъ, журлыканье выси и кваканье лягушекъ. Все это также обыкновенно на берегахъ Арно и у Копанды, какъ и на берегахъ Изара и Дуная, Эмса и Везера, въ уединеніе пустыни только изрѣдка прерывается здѣсь одинокими журавлями, а тамъ гордо плавающимъ по воздуху пеликанами или высокими цаплями.

Что касается до Маремми, то вотъ въ какихъ прекрасныхъ стихахъ описываетъ ихъ Сестини:

Sentier non segna quelle lande incolte
 E lo sguardo nei lor spazi si perde;
 Genti non hanno, e sol mughian permolte
 Mandre, quando la terra si rinverde....

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 10.

М А Й.

Кн. 2.

ПРОГУЛКА

НА БЕЛЪБЕКЪ И ИНКЕРМАНЪ.

Сидя однажды на берегу Большой Севастопольской бухты, напротив Селенгинскаго редута, я увидѣлъ вдаль, по направлению къ Инкерману, развалины какой-то башни и стѣны. Съ перваго взгляда эта башня казалась на непріятельской сторонѣ, вблизи ихъ батареи, которой ядра не рѣдко падали въ бухту. Я видѣлъ даже движеніе людей по скату горы, который шелъ какъ будто прямо къ башнѣ. Но послѣ я разсмотрѣлъ, что башня стоитъ на нашей сторонѣ и въ трубу различилъ нѣсколько бѣлокъ (*), отдѣляющихъ отсюда крайнюю непріятельскую батарею; увидѣлъ даже Черную рѣчку и ея камыши. Разумѣется, во мнѣ возникло желаніе съѣздить къ башнѣ, посмотреть поближе на эти остатки древняго Инкермана. Случай представился скоро. Одинъ изъ

(*) Овраговъ.

моихъ товарищей по службѣ пригласилъ меня прогуляться верхомъ на Бельбекъ.

— Но что тамъ на Бельбекъ?

« Прекрасный садъ, соловьи, мы разопьемъ бутылку добраго вина! »

— Но я укажу вамъ другое мѣсто, гдѣ можно также распить бутылку вина, и кромѣ того кое-что видѣть.

« Гдѣ же это? »

Я рассказалъ объ Инкерманской башнѣ.

— Пойдемте къ Инкерманской башнѣ, сказалъ мой пріятель, тамъ закусимъ и оттуда проѣдемъ на Бельбекъ: кстати я знаю и дорогу!

Мы велѣли сѣдлатъ лошадей. Между тѣмъ я занялся разсматриваніемъ жилища моего пріятеля. Онъ всегда отличался умнѣемъ устраивать комфорты въ самыхъ некомфортныхъ обстоятельствахъ. Можно сказать даже, что онъ имѣлъ слабость къ комфортамъ. Былъ просто гений комфорта. Онъ не смущался никакими препятствіями, и едва мы останавливались въ походѣ, — его умъ сейчасъ же начиналъ работать, прискивать, сочинять удобства; давать всякой вещи оригинально полезное назначеніе; и межъ-тѣмъ какъ другіе еще сидѣли повѣсивъ носы, растерявшись отъ недостатка того, этого, жалуясь, что здѣсь течеть, а тамъ печеть, — онъ уже отдыхалъ на лаврахъ комфорта. Какъ-то случилось, что у него на бивакахъ появлялись вещи, о которыхъ мечтать не смѣла наша мудрость. И такъ я занялся разсматриваніемъ его жилища. Жилище его составлялъ на ту пору какой-то корридоръ, или галерея въ сѣняхъ одного дома. Чтобы устроить непроходимую комнату, онъ перегородилъ корридоръ парусиной. Парусина эта была ничто иное, какъ палатка, служившая ему и подъ Силистріей, и подъ Журжей, и мало-ли гдѣ. Если бы вы вздумали заняться разсматриваніемъ этой палатки, увидѣли бы, что ея устройство было совсѣмъ отличное отъ всѣхъ палатокъ, что это была палатка съ необыкновенными затѣями, крючками, застежками, карманами и разными разностями. Въ одномъ углу этого

полупарусиннаго жилища стояла желѣзная кровать, также совершившая множество путешествій. Надъ кроватью вѣялъ тиковый пологъ для защиты отъ мухъ и отъ пыли. Маленькой столикъ передъ кроватью былъ покрытъ узорною набивною скатертью въ два цвѣта. Въ другомъ углу помещался чемоданъ, какой едвали вамъ случалось видѣть. Въ немъ было все: кастрюльки, тарелки, умывальники, ножи, вилки, ложки въ значительномъ количествѣ, прикрѣпленные ремнями къ крышкѣ очень красиво, наподобіе того, какъ убираютъ въ арсеналахъ стѣны разнымъ оружіемъ. Наконецъ торчалъ и топоръ, для котораго было особое отдѣленіе и футляръ, чтобы онъ не прыгалъ, и не повредилъ другихъ вещей, въ особенности петербургскаго бѣлья, вымытаго на удивленіе... о, чего стоило мытье этого бѣлья на бивакахъ! Въ третьемъ углу лежали выюки, покрытые одеждами для разныхъ временъ года, размѣщенными такъ, что изъ всего этого выходила другая постель, предназначавшаяся для отдохновенія гостя. Стоило однако жъ потревожить эту постель и приподнять различныя одежды, чтобы поглядѣть на выюки. Выюки были необыкновенныя. Наконецъ въ четвертомъ углу лежало два ядра, упавшихъ на дворъ вблизи полупарусиннаго жилища. Пріятель мой увѣрялъ, что одно просвистѣло надъ его головою, и ушло въ землю на два аршина, было тотчасъ вырыто и оказалось каленымъ. Когда положили его на столъ, оно прожгло до половины доску. Я люблю все изслѣдовать, а потому приподнялъ пышную скатерть въ два цвѣта, чтобы увидѣть пятно...

« Не этотъ столъ, сказалъ мой пріятель, а другой, тамъ... но вотъ я вамъ покажу вещицу дѣйствительно не дурную.» — У него явилась въ рукахъ черная гладкая трость, не толще пальца: щелкнула пружинка — и насъ осѣнилъ изящный шелковый зонтикъ, скользящій изъ внутренности волшебнаго жезла. Щелкнула другая пружинка — выскочила сабля, которая чуть-чуть не отрубила мнѣ голову. Гдѣ-то еще скрывался пистолеть и кажется цѣлая батарея орудій, на случай непріятельской атаки.

— Гдѣ это вы достали? спросилъ я: неужели здѣсь?

*

«Здѣсь! отвѣчалъ мой пріятель: въ корабельной, у солдата. Разумется отбить у какого-нибудь англичанина... а вотъ напримѣръ непромокаемый плащъ — это на рынкѣ въ Большой Морской! А вотъ еще монета въ десять гиней! — Большая золотая монета пріятно звякнула объ столъ. — Не хотите ли взглянуть на Французскую конно-артиллерійскую шапку?... Но вонъ подали лошадей! Я думаю, пора ѣхать: четыре часа!»

Въ то время, какъ мы разговаривали, человекъ укладывалъ въ маленькій сѣдельный чемоданъ небольшой коврикъ, закуску и бутылку марсала. Садясь, я взглянулъ на сѣдла — сѣдла были превосходныя, отъ Валтера изъ Петербурга.

Мы повѣхали на Инкерманъ. Дорога шла по горамъ, покрытымъ мелкимъ дубовымъ кустарникомъ и усѣяннымъ цвѣтами, какихъ не видишь на сѣверѣ. Мой пріятель оставался и срывалъ нѣкоторыя на память. Надо замѣтить, что онъ былъ немного мечтательнаго свойства.

«Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь стихотворенія съ романтическимъ содержаніемъ и чтобы тутъ упоминалось о Севастополь?» спросилъ онъ меня, когда мы оставили за собою городъ и ближайшіе лагери, и очутились на пустынныхъ возвышенностяхъ, совершенно одни, въ виду засыпающагоhalb моря, и направо отдаленныхъ непріятельскихъ и нашихъ баттарей, съ которыхъ изрѣдка тамъ и тамъ подымался круглый клубъ дыма.

— Нѣтъ, такого стихотворенія не имѣю, отвѣчалъ я; все это осталось въ Бессарабіи.

«А согласитесь, что здѣсь все располагаетъ — продолжалъ мой пріятель: это море—вы видите закатъ солнца въ море? два солнца? А тутъ гремящія баттарей, выстрѣлы...

— Да... но для романтическихъ приключеній этого мало; нужно еще кое-что. Можетъ ли быть что-нибудь подобное тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ женщинъ, кромѣ бабъ, торгующимъ лукомъ, да еще пожалуй прачекъ, моющихъ...

«Конечно... однако вотъ напримѣръ случай! — Онъ

немного подумалъ и разсказалъ мнѣ приключеніе съ одной хорошенькой Гречанкой, которой мужъ, греческой волонтеръ, пропалъ безъ вѣсти на вылазкѣ съ шестаго бастіона. Разумѣется, при этомъ разсказѣ не были забыты выстрѣлы и море.

— Но это такая же рѣдкость, какъ зонтикъ съ баттареей, — сказалъ я.

Между тѣмъ мы все подвигались далѣе и далѣе, держась то рядомъ, то одинъ за другимъ, чтобы объѣхать какой-нибудь камень или кустъ. Передъ нами были камни, да кусты, да пригорки — и больше ничего. Множество тропинокъ вилось по горамъ. Оказалось, что мой путеводитель не знаетъ дороги. Ксчастію, мы скоро догнали Фурштатскую тѣлугу.

«Куда ѣхать на Инкерманъ?»

— А вотъ извольте прямо, доѣдете до могилки, поверните направо.

Мы поѣхали прямо, проѣхали довольно много, но могилки никакой не было. Вдали показалась балка и гора, покрытая кустарникомъ, на которой виднѣлся такъ называемый *Верхній маякъ*. На лѣво открылся лагерь Липранди. Тутъ уже можно было ѣхать по своимъ соображеніямъ. Мы спустились въ балку и опять поднялись на гору въ виду маячной баттарей. Кое-гдѣ по кустамъ показались солдаты въ однихъ рубашкахъ. Баттарей была уже не далеко, какъ вдругъ съ ней взвилось бѣлое облако и грянулъ выстрѣлъ.

«Знаете ли что, сказалъ мой спутникъ, мы нынче не попадемъ на Инкерманъ, я вижу по всему! мы лучше отправимся для этого нарочно, а теперь не ѣхать ли прямо на Бельбекъ?»

— Но мы почти уже на Инкерманъ, сказалъ я: башня, о которой я вамъ говорилъ, должна быть сейчасъ за этой горой.

«Такъ, но туда не пустятъ, потому-что это за чертой нашихъ баттарей!»

— А вотъ мы спросимъ, пустятъ, или не пустятъ?

«Да гдѣ же мы спросимъ?»

— На батгарей.

Какъ нарочно въ эту минуту поднялось новое облако дыма. Лошади вздрогнули отъ выстрѣла.

«Послушайте, вѣдь если эта батгарей стрѣляетъ къ нимъ, ихъ батгарей могутъ стрѣлять сюда!» сказалъ мой пріятель.

— Конечно, но что же изъ этого?

«Ничего, я такъ спросилъ.... вы повѣжайте на батгарей, и узнайте тамъ, а я здѣсь отдохну: я что-то усталъ, да и лошадь пусть попасется!»

Я поѣхалъ одинъ и вскорѣ замѣтилъ вдали двухъ всадниковъ. Я ударилъ лошадь и догналъ ихъ. Одинъ оказался знакомымъ человѣкомъ. Мѣсяца три тому назадъ, мы встрѣтились съ нимъ подъ Алминской станціей, при переправѣ чрезъ цѣлый десятокъ слившихся ручьевъ. Оба мы ѣхали отъ Севастополя. Вдругъ у него разсыпалось колесо и я обогналъ его.

«Пожалуйста возьмите меня съ собой, сказалъ онъ мнѣ: я долженъ спѣшно ѣхать; а здѣсь провозишься долго! Клади у меня одинъ чемоданъ!»

Надо замѣтить, что онъ былъ адъютантъ Липранди, и посланъ былъ курьеромъ. Разумѣется, я присадилъ его, но только что мы выбрались изъ этого сплетенія ручьевъ, какъ и у меня разсыпалось колесо. Что было дѣлать? Выпрячь лошадей, навьючить и ѣхать верхомъ. Но у меня былъ извожикомъ Татаринъ, а Татары куда не мастера устраивать что-нибудь подобное. Онъ предложилъ намъ лучше навьючить вещи на него.

— А лошади какъ?

«А пусть постоятъ, кому ихъ тронуть!» отвѣчалъ Татаринъ, и указалъ намъ въ гору цѣлое стадо лошадей, бродившихъ и бѣгавшихъ безъ всякаго присмотра. На другой гору точно также бродили верблюды.

Татаринъ, котораго звали Мегметъ, а мы прозвали Мегметъ-Куль, въ память *Сибирскихъ странъ богатыря*, — собралъ

наши вещи, два чемодана, шубы, мѣшокъ съ провизіей, самоваръ, перевязалъ, взвалилъ на плечи и понесъ. Дѣйствительно это былъ Мегметъ-Куль, или родня ему. На разстояніи трехъ верстъ онъ только одинъ разъ попросилъ позволенія остановиться и отдохнуть. Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь накормить его на привалѣ, но со мной ничего не было, кромѣ вяземскихъ пряниковъ, купленныхъ въ Бахчисараѣ. Я отдалъ ему всѣ пряники; Мегметъ-Куль съѣлъ тотчасъ все, и опять тронулся въ путь. Отдыхъ продолжался не болѣе пяти минутъ,—словомъ, то время, которое было необходимо чтобы съѣсть три-четыре пряника. Мы прибыли на Алминскую станцію благополучно и даже довольно скоро. Мегметъ, сложивши вещи, не отдыхая отправился за своими лошадьми, а мы сѣли на новыя тройки и покатали далѣе. Въ продолженіе всего пути мы то разлучались, то сѣзжались опять. Такъ утвердилось наше знакомство. Черезъ два мѣсяца я встрѣтилъ этого офицера на дорогѣ изъ Кишинева въ Севастополь. Третья встрѣча была подъ Инкерманомъ.

Все, что я такъ долго рассказываю моему читателю, мы припомнимъ въ одно мгновеніе. Сама судьба послала мнѣ въ путеводители этого человѣка. Живя въ лагерь Липранди, онъ зналъ всѣ окрестныя мѣста какъ свои пять пальцевъ.

«Скажите пожалуйста, до какихъ мѣстъ я могу здѣсь странствовать?» спросилъ я его.

— До какихъ вамъ угодно, но совѣтую вамъ окончить этой баттареей и на другія не ѣздить: тамъ просто обсыпаетъ ядрами.

«А здѣсь?»

— Здѣсь.... поменьше!

«А можно ли проѣхать къ башнѣ, которая находится на Инкерманъ?»

— То-есть къ Генуезской башнѣ: туда мы ѣдимъ только ночью; тамъ есть казачій пикетъ въ 15 человѣкъ, но и они не показываются днемъ, по причинѣ штуцерныхъ пуль, летающихъ съ того берега. Даже и траву косятъ ночью.

«А какъ же они берутъ воду изъ рѣчки? неужели за-
пасаютъ?»

— Для этого есть условіе, и оно сдѣлалось само собою: если хочетъ пить русскій, онъ выходитъ и показываетъ кружку, его допускаютъ къ рѣкѣ и не стрѣляютъ. Онъ набираетъ воды сколько нужно и удаляется. Также точно дѣлаютъ и Французы.... но вы можете рассмотреть эту башню съ батареей.

Мы простились. Я поѣхалъ на батарею. Эта отдаленная батарея содержится не такъ строго, какъ южныя. Неизвѣстный человекъ можетъ разчитывать на открытый входъ. Меня пропустили свободно. Начальника на ту пору не было. Я далъ поддержать лошадь первому встрѣчному солдату, и вѣзъ на одну пушку. Бухта очутилась у меня подъ ногами. Верстахъ въ двухъ виднѣлась башня, стоявшая на небольшой возвышенности. Говорятъ, ниже ея, въ скаль, вырублены кельи и церковь, гдѣ жилъ, въ IV вѣкѣ, папа Климентъ. Въ церкви до сихъ поръ сохранились его образа. Я рассмотрѣлъ довольно хорошо берега рѣки, и потомъ слѣзъ съ своей чугуниой обсерваторіи и пошелъ къ воротамъ. Признаюсь, я немного боялся; что меня задержатъ. Но этого не случилось: мнѣ преспокойно подали лошадь—и я выѣхалъ въ поле. Когда я сталъ приближаться къ мѣсту, гдѣ оставилъ товарища, вдали, на высотахъ, мелькнули штыки—больше и больше, и скоро показались цѣлыя колонны войскъ. Блестящія острія красиво переливались на солнцѣ. До меня долетали звуки музыки и пѣсни. Сзади двигался обозъ и катились пушки. Это была одна изъ одушевляющихъ военныхъ картинъ. Сердце невольно откликалось отголоску простой солдатской пѣсни.

Я не нашелъ моего товарища, гдѣ предполагалъ найти, и началъ осматривать кусты и пригорки, перебѣгая отъ предмета къ предмету, и что же? Я увидѣлъ, что онъ пристроился къ рядамъ воиновъ и держалъ съ ними одинъ путь.

«Что это значитъ? спросилъ я, подъѣзжая къ нему.

— Я надѣялся», что вы меня увидите и поѣдете со мной

вмѣстѣ. Эти полки идутъ въ лагерь Липранди. Получено извѣстіе, что непріятель готовитьъ атаку съ Чорной рѣчки, и потому послано подкрѣпленіе.

Мы ѣхали въ колоннахъ, среди пѣсенъ. Генераль встрѣтилъ войска—и ура отозвалось въ ущельяхъ.

Мы остановились у палатки маркитанта, и проводили глазами ряды солдатъ. Пѣсни и музыка смолкли за горою.

«Теперь, я думаю, можно и домой!» сказалъ я.

— А на Бельбекъ? возразилъ мой пріятель: поѣдьте на Бельбекъ! расчетъ почти одинъ и тотъ же, разница въ двухъ-трехъ верстахъ!

«Поѣдьте на Бельбекъ!»

Мы пустили лошадей рысью и опять очутились на пустынныхъ возвышенностяхъ. На дорогѣ все тѣ же камни. Жалѣя лошадей, мы иногда сворачивали въ кусты и ѣхали по травѣ. Навстрѣчу намъ мелькали фурштаты съ ихъ зелеными тельгами извѣстнаго покроя. Иногда попадались казаки, съ навьюченнымъ сѣномъ по бокамъ лошадей. Всюду видѣлось движеніе войны. Горы налѣво стали возвышаться болѣе и болѣе, и намъ открылся широкой каменный путь по косогору. Направо, за небольшимъ уступомъ, чернѣлъ глубокой оврагъ, усыянный дикимъ алымъ макомъ, который горѣлъ въ глубинѣ подобно разсыпаннымъ огонькамъ. Вдали, въ лощинѣ, блеснула рѣчка Бельбекъ, окруженная садами, среди которыхъ выплывали изъ зелени черепичныя крыши маленькихъ домиковъ, когда-то живыхъ, но теперь опустошенныхъ. Татары бѣжали Богъ знаетъ куда.... И такъ вотъ дорога, по которой прошелъ непріятель послѣ дѣла подъ Альмою. Мой товарищъ сорвалъ одну маковину на память объ этихъ мѣстахъ. Спустившись въ доль, мы поворотили налѣво, между горами, берегомъ рѣчки. Сады шли вдоль безконечно. Красивые, правильные ряды орѣха мѣшались съ высокой и красивой грушей, которая разнообразила картину. Сотни соловьевъ заливались въ кустахъ. Было тихо въ этой счастливой долинь, орошаемой кристалльными струями Бельбека. Можно было замечаться, но вашу мечту вспугивалъ

вдругъ глухой, дальній выстрѣлъ.... между тѣмъ солнце готово было скрыться за отдаленными вершинами. Небо стало темнѣть.

«Я думаю, намъ ѣхать прямо на Севастополь, не останавливаясь на Бельбекѣ для закуски, которой, признаюсь, я вовсе не хочу!» сказалъ я моему спутнику.

— Закуски пожалуй и я не хочу, отвѣчалъ онъ, но какже не распить бутылку вина?

«Распить, отъ чего не распить, но будетъ поздно. Забудьте, что мы здѣсь одни, безъ проводниковъ. Мы можемъ сбиться съ дороги».

— Впрочемъ и то, сказалъ онъ: поѣдемъ прямо!

Оставалось версть шесть. Мы пустили большой рысью и скоро увидѣли море. Великолѣпный закатъ солнца совершился въ нашихъ глазахъ.

«Посмотрите, какой чудесный кустъ ясмина среди дороги!» сказалъ мой товарищъ.

Мы подъѣхали, и между тѣмъ какъ я вдыхалъ несравненные ароматы, а лошадь моя принялась обрывать листья, мой спутникъ мигомъ отстегнулъ чемоданчикъ, бросилъ на землю коверъ, и штопоръ зазвѣнѣлъ объ горлышко бутылки. Кустъ ясмина былъ прикрытіемъ маленькой хитрости. Я увидѣлъ, что бутылку надо было неизбѣжно распить. Мы оставили лошадей заниматься ясиномъ, а сами съѣли на коверъ, еще наслаждаясь послѣдними лучами заката и розовымъ отливомъ моря. Изящный граненый стаканчикъ, который явился къ нашимъ услугамъ неизвѣстно откуда, какъ будто выплылъ изъ кристалловъ розоваго моря, наполнился марсаломъ разъ и другой.

«Послушайте, надо допивать! Куда же годится пол-бутылки!» сказалъ мой пріятель.

— Но вы знаете, я не пью!

«Ну такъ я брошу бутылку въ море!»

Стаканъ наполнился третій разъ и потомъ четвертый.

Когда мы съѣли на лошадей, было уже совсѣмъ темно. Пріятелю моему пришли на память разныя цыганскія пѣсни

и романсы, когда-то занимавшія его въ Россіи. Покачиваясь на сѣдлѣ отъ удовольствія (мы ѣхали шагомъ), онъ распѣвалъ съ какимъ-то разваломъ, и переходилъ изъ пѣсни въ пѣсню. Вдругъ мимо насъ пронесся казакъ и встревожилъ тишину и наши напѣвы. Но скоро звукъ копытъ пропалъ вмѣстѣ съ съдокомъ. Пріятель мой запѣлъ снова. Но суждено было, чтобъ и на этотъ разъ произошла помѣха: мы услышали въ кустахъ чей-то стонъ, похожій на ребячій.

«Неужели это ребенокъ?» сказалъ мой товарищъ, сдерживая лошадь.

— Можетъ быть и ребенокъ, отвѣчалъ я, дитя какой-нибудь Гречанки...

«Но можетъ и не ребенокъ!» замѣтилъ мой спутникъ.

— Лучше всего поѣхать и узнать! — Я повернулъ лошадь и поскакалъ къ кустамъ. Стонъ раздавался въ густотѣ вѣтвей, и за темнотой ничего нельзя было разглядѣть. Но вблизи стонъ уже не походилъ на ребячій. Надо было думать, что это былъ щенокъ или волчонокъ, брошенный матерью. Я слѣзъ съ лошади и увидѣлъ въ кустахъ маленькое животное. Я подумалъ нѣсколько о томъ, нельзя ли какъ спасти его отъ смерти, но ничего не придумалъ и воротился къ товарищу.

«Ну что?»

— Какой-то щенокъ!

«Да хорошо ли вы разглядѣли?»

— Кажется хорошо!

Мы поѣхали дальше, и когда поровнялись съ послѣдними лагерями, въ нихъ уже играли зорю. Въ сѣверномъ укрѣпленіи, черезъ которое лежалъ неизбежно путь, часовой вздумалъ свѣсить ружье и заградить намъ дорогу: стой! кто ѣдетъ? что отзываетъ?

Мы объяснили ему, что зорю еще не пробьли, а только бьютъ, и потому онъ не имѣетъ права насъ останавливать. Часовой смутился и пропустилъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ полупарусинномъ жилищѣ и тотчасъ велѣли поставить самоваръ. Тонкія струи

дыма стали пробиваться сквозь полотняную стѣну и беспокоить обоняніе моего товарища. Вѣрно было отнести самоваръ чуть не на ту сторону бухты. Я, признаюсь, не слышалъ дымныхъ струй и завалился на постель изъ выюковъ, предназначенную для гостя. Я чувствовалъ усталость; мы съѣдали верстъ 25. Едва-едва я не задремалъ, какъ вдругъ въ головахъ у меня раздался молдаванскій разговоръ, приподнялась парусина и явилась волшебная рука съ хлѣбомъ на тарелкѣ. Мой пріятель отвѣчалъ тоже по-молдавански. Скоро устроился чай. Хлѣбъ, сообщенный волшебной рукой, оказался необыкновеннымъ и невиданнымъ мною въ Севастополѣ, хотя я, будучи охотникъ до хорошаго хлѣба къ чаю, исходилъ всю пекарни, и былъ для этого въ подбормной части города. Одинъ мой пріятель въ состоявіи былъ отыскать такой хлѣбъ. Онъ говорилъ, что есть одна только пекарня, гдѣ пекутъ такіе хлѣбы, и надо послать чѣмъ-свѣтъ.... однако я до сихъ поръ не могу добиться этого хлѣба...

Севастополь.

9 мая, 1855.

СЕЛО ЗАКВАСИНО — ПАНФИЛОВО ТОЖЬ.

(Посвящено Е. С.)

—
Чѣмъ богать, тѣмъ и радѣ.
—

I.

Въ августѣ мѣсяцѣ 185. . года, парныя дрожки домашней работы скакали по проселочной дорогѣ изъ села Покровскаго въ село Закувасино, Панфилово тожь. Въ дрожкахъ, завернувшись отъ пыли въ клетчатый пледъ, куриль сигарку молодой человекъ лѣтъ двадцати, недавно прѣхавшій въ мирныя страны губерніи съ благимъ намереніемъ посмотрѣть на то огромное пространство земли, которое, по словамъ графа Соллогуба, лежитъ за Петербургомъ.

Дорога шла душистыми коноплянниками, потомъ обогнула ровъ запущеннаго сада, и наконецъ дрожки остановились передъ деревяннымъ подъездомъ барскаго дома.

«Баринъ дома?» спросилъ прѣзжіи у выбѣжавшаго навстрѣчу ему лакея.

«Никакъ нѣтъ-съ», отвѣчалъ лакей: «изволили вчерашній день уѣхать въ Воронежъ».

«А барыня?»

«Барыня дома-съ».

«Ну такъ доложи: графъ Владимиръ Александровичъ Границкій».

Прѣзжіи взбѣжали на крыльцо и вошли въ переднюю, гдѣ трое лакеевъ въ синихъ фракахъ, съ длинными, остроконечными фалдами и мѣдными пуговицами, вскочили при

видъ его съ залавка, на которомъ играли въ карты, сняли съ него пальто и отворили дверь въ гостиную.

«Барыня сейчасъ выйдетъ, изволить одѣваться», сказалъ, выходя изъ противоположныхъ дверей, лакей, ходившій доложить о гостѣ.

Пріѣзжій сталъ разсматривать комнату. Мебель была такая, какая была въ модѣ въ двадцатыхъ годахъ: тоненькія ручки кресель опирались на головы вызолоченныхъ сфинксовъ, ножки оканчивались въ видѣ лапъ какого-то звѣря, столы и зеркала были украшены мѣдными кружками и бордюрами, и все это стояло въ томъ чинномъ и чопорномъ порядкѣ, который всякій изъ моихъ читателей запомнить вѣроятно въ гостиной своей бабушки или старой тетушки. Не смотря на чистоту, какая-то дряхлость дышала во всемъ убранствѣ; позолота во многихъ мѣстахъ сошла, ножка красного дерева кой-гдѣ замѣнена была крашеною, видно было, что когда-то все въ этой комнатѣ было рассчитано со вкусомъ и вниманіемъ, но что давно уже все, что касалось благовидности, было вполне предоставлено попеченіямъ судьбы и слуги, мѣтшаго комнаты, а обветшалое поправлялось только съ видами удобства.

Дверь отворилась, и съ пріятнѣйшею улыбкою вошла хозяйка. Прасковья Никитишна, такъ звали помѣщицу села Заквасина—Панфилова тожь, была миниатюрная, желтенькая, веселенькая старушка; правильныя черты лица, быстрые, черные глазки, въ которыхъ впрочемъ было болѣе жизни, нежели ума, ясно доказывали, что когда-то она была очень недурна собою. Дѣтей у Прасковьи Никитишны не было, хозяйствомъ занимался мужъ, и такъ, проводя жизнь безвыѣздно въ деревнѣ, въ чтеніи романовъ и въ болѣзняхъ настоящихъ или воображаемыхъ, безъ заботъ и безъ волненія, Прасковья Никитишна осталась въ пятьдесятъ лѣтъ почти тою-же мечтательною барышнею, какою вывели ее изъ пансіона. Вся ея личность, физическая и нравственная, напомнила персикъ или абрикось, который, осужденный судьбою рости гдѣ-нибудь въ углу оранжереи, въ тѣни, переспѣлъ, съежился, но не созрѣлъ.

— А, любезный графъ, сказала старушка, — наконецъ-то кто-нибудь изъ вашихъ заѣхалъ въ нашу глушь! — И на долго?

— Мѣсяца на два, отвѣчалъ графъ, подходя къ ручкѣ; старушка поцѣловала его въ лобъ.

— Да, я понимаю, что вамъ въ деревнѣ скучно, и что вамъ хочется скорѣе въ вашу чудный Петербургъ.

— Я въ Петербургъ съ дѣтства, а въ деревнѣ въ первый разъ, — она мнѣ нравится даже какъ новость.

— Какъ бы то ни было, а вамъ здѣсь будетъ скучно.

— Въ такомъ случаѣ, тетушка, позвольте почаще ѣздить къ вамъ, отвѣчалъ графъ и закусилъ губы, чтобы скрыть невольную улыбку.

— Ахъ, да какой онъ миленькій! воскликнула Прасковья Никитишна, всплескивая руками и тая отъ любезности Границкаго, тѣмъ болѣе, что онъ назвалъ ее тетушкой, не смотря на ихъ очень дальнее родство. — Весь въ папеньку, такъ-же миль, уменъ, хорошъ! Да что-же мы здѣсь стоимъ, — продолжала она, — сядемъ вотъ сюда! — И старушка повела гостя въ другую комнату, гдѣ кромѣ мебели двадцатыхъ годовъ стояли двое кресель и рабочій столикъ новѣйшей работы, случайно выписанные изъ Москвы.

— Ахъ, *mon cousin*, говорила Прасковья Никитишна, — если бы вы знали, какая скука въ деревнѣ! — мужъ занимается хозяйствомъ, и я, не смотря на привычку, иногда со всѣмъ не знаю куда дѣваться! — Моя добрая кузина, ваша маменька, часто звала меня въ Петербургъ — да мнѣ какъ-то не удавалось, а теперь уже кажется поздно. — Ахъ, какая красавица была ваша маменька! а папенька! а тетушка!

«А дядюшка!» подумалъ Границкій и опять закусилъ губы. Жалобы на деревенскую скуку, похвалы всему семейству Границкихъ казались неистощимыми источниками краснорѣчія Прасковьи Никитишны; графу становилось нестерпимо скучно, а онъ зналъ, что уѣхать такъ рано, по деревенскимъ обычаямъ, было бы совершенно неприлично; повертѣвшись на стулѣ, онъ вдругъ напалъ на счастливую мысль: «единственное средство унять тетушку», подумалъ онъ, «разбол-

таться самому, авось мнѣ будетъ повеселѣе теперешняго.»— Пользуясь тѣмъ, что Прасковья Никитишна пріостановилась на минуту, чтобы велѣть подавать чай и позвать какую-то Вѣру Павловну, Границкій принялся рассказывать столичные новости, сплетни, анекдоты: не трудно пріѣзжому изъ столицы заинтересовать провинціаловъ, — черезъ четверть часа любопытство Прасковьи Никитишны взяло верхъ надъ ея словоохотливостью, и она была въ восхищенъ отъ петербургскаго племянника. — Подали чай; въ дверяхъ послышался шорохъ, и въ комнату, краснѣя и не зная какъ войдти, вошла молодая дѣвушка.

— Моя племянница Вѣра Павловна Т.... графъ Границкій, — сказала Прасковья Никитишна.

Границкій поклонился учтиво, Вѣра присѣла, отправилась въ уголь почти за спиною графа, и оттуда принялась слушать его со вниманіемъ, особенно свойственнымъ деревенскимъ барышнямъ при встрѣчѣ съ молодымъ человѣкомъ.

Границкій говорилъ обо всемъ и про все, иногда остро, иногда съ увлеченіемъ, но всегда съ тою легкостію и свободою выраженія, которая пріобрѣтается привычкою къ гостиннымъ разговорамъ. Вѣра Павловна, какъ большая часть деревенскихъ барышень, была несравненно образованнѣе мужчинъ, съ которыми встрѣчалась; въ первый разъ видѣла она молодого человѣка, въ которомъ ничто не отзывалось ни псарней, ни претензіями губернскаго франта; она слушала Границкаго и заслушивалась, а Прасковья Никитишна безпрестанно выражала восхищенъ свое вслухъ. Воодушевляясь мало по малу, Границкій разболтался не на шутку.

Пробило двѣнадцать.

Владимиръ Александровичъ взялся поспѣшно за фуражку.

— Извините, тетушка, сказалъ онъ, — что я у васъ такъ засидѣлся, вы вѣрно рано ложитесь, — вамъ бы слѣдовало прогнать меня.

— Я и не замѣтила какъ вечеръ прошелъ, отвѣчала старушка, — да впрочемъ я ложусь поздно, а ей, — продолжала она,

указывая на Вѣру Павловну, — сегодня, кажется, совсѣмъ спать не хочется!

Вѣра Павловна вспыхнула.

— Вы будете совершенно милы, сказала Прасковья Никитишна, провожая Границкаго, если прїѣдете къ намъ обѣдать.

— Когда прикажете?

— Хоть завтра.

Границкій уѣхалъ.

— Какой онъ миленькій! шепнула Вѣра Прасковья Никитишна, прощаясь съ нею. Молодость и пылкость Границкаго будто воскресили въ старушкѣ давно забытыя воспоминанья ея собственной молодости; она невольно переносилась на мѣсто Вѣры, и ей хотѣлось уловить во всей свѣжести произведенное графомъ впечатлѣнїе. Вѣра обняла тетушку, чтобы скрыть свое смущенье, и ушла въ свою комнату. Разказы Границкаго какъ бы приподняли завѣсу ея однообразной жизни; внезапный лучъ озарилъ передъ нею другую жизнь, незнакомый свѣтъ со всеми его обольщенїями. Долго не могла она заснуть, а потомъ ей все снилось про далекій Петербургъ съ его громадными дворцами, про Петергофъ въ волшебномъ огнѣ иллюминацій и фейерверковъ, про блистательные балы при громѣ чудной музыки; ей было радостно и грустно, и во всѣхъ ея снахъ какую-то неопредѣленную, но очень важную роль игралъ Владимиръ Александровичъ.

Прїѣхавъ домой, Границкій зѣвая закурилъ сигарку, зѣвая сказалъ себѣ, что спать ему еще недостаточно хочется чтобы лечь; вдругъ лучъ мѣсяца выглянулъ изъ-за сторы, — Владимиръ Александровичъ потушилъ свѣчи и отворилъ окно въ садъ. Высоко въ синемъ небѣ блестяли серебристыя верхушки тополей, вдали между зубчатыми тѣнями прибрежныхъ деревьевъ игралъ мѣсяцъ по пруду. Отсутствїе чего-то тяготило Границкаго: «Влюбиться, непременно влюбиться!» подумалъ онъ... «Какое блаженство было бы въ такую прекрасную ночь гулять по этому прекрасному саду вдвоемъ съ любимой женщиной!... Следить влюбленными глазами за ее взоромъ, цѣловать украдкой ея локоны, дѣлать съ нею задушевныя мысли, свѣтлыя думы....» Когда сигарка докури-

дась, Границкій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что ему положительно хочется спать.

Стукъ дрожекъ раздался у подъезда.

— Ma tante, графъ! вскрикнула Вѣра Павловна, вскакивая изъ-за пялецъ, будто собиралась бѣжать. Вошелъ Границкій, Прасковья Никитишна протянула ему руку. Вѣра Павловна присѣла не совсѣмъ ловко, какая-то длинная фигура поклонилась изъ угла.

— Нашъ докторъ, Иванъ Ивановичъ Зербрейтъ, сказала Прасковья Никитишна, указывая на длинную фигуру. Границкій пожалъ доктору руку и заговорилъ съ нимъ очень любезно.

Зербрейту было лѣтъ двадцать пять отъ роду. Росту былъ очень большаго и чрезвычайно худой; лице у него было длинное, носъ длинный, брови поднималъ онъ безпрестанно, какъ можно выше, и волосы носилъ щеткой; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго притязанія на франтовство, и былъ неловокъ и застычивъ. Отправились обѣдать. Вообразите себѣ, мой благосклонный читатель, что, заранѣе позавтракавъ и запасшись терпѣньемъ, вы пріѣхали обѣдать къ какой-нибудь старой тетушкѣ. Ваши ожиданья вполне сбылись, обѣдъ нестерпимо плохъ, вино скверно, старушка болтливые обыкновеннаго, и вдругъ вы замѣчаете, что противъ васъ восемнадцатилѣтняя хорошенькая дѣвушка, которая не смѣетъ взглянуть на васъ, краснѣетъ подъ вашимъ взоромъ, которой опущенные взоры, кажется, ждуть только искры, чтобы загорѣться очаровательнымъ огнемъ. Не правда ли, читатель, вашему сердцу становится какъ-то тепло, взглядъ на окружающее благосклоннѣе, обѣдъ кажется вамъ сносенъ, и всѣ почтенныя качества тетушки вдругъ бросаются вамъ въ глаза. Все это случилось съ Границкимъ. Какъ не замѣтилъ онъ наканунѣ, что Вѣра хороша и мила, объясняется только тѣмъ, что Владимиръ Александровичъ пріѣхалъ въ Закурасино съ столичнымъ убѣжденіемъ страшно скучать, и по этому Вѣры вовсе не замѣтилъ. Мало по малу Границкому удалось побѣдить застычивость Вѣры; она стала смѣяться его шуткамъ,

потомъ шутить сама; къ концу обѣда они уже болтали какъ старые знакомые.

Послѣ обѣда Прасковья Никитишна повела гости въ садъ, показывать ему свою любимую аллею, свой любимый цвѣтникъ, скамейку на берегу пруда подъ навѣсомъ ивъ, куда, бывало, ходила читать Ричардсона, и гдѣ теперь читаетъ Дюма, и тому подобныя замѣчательности Заквасина. Границкій, по долгу учтивости, разговаривалъ съ нею, а между тѣмъ посматривалъ на Вѣру, которая шла позади съ докторомъ и даже подслушивала ихъ разговоръ.

— Хотите сегодня заняться ботаникой?

— Я не расположена, отвѣчала Вѣра, — да впрочемъ мнѣ жасмины вчера ужасно надоѣли!

— Вотъ какъ! а мнѣ было именно вчера показалось, что васъ ботаника начинаетъ занимать серьезно!... Говорятъ, въ Покровскомъ чудные цвѣты! прибавилъ докторъ будто про себя, но въ голосъ его слышался насмѣшливый намекъ. Вѣра не отвѣчала и отошла къ теткѣ.

— Видали ли вы въ Петербургъ такія деревья? говорила Прасковья Никитишна, остановясь передъ огромнымъ дубомъ.

— Кстати, ma tante, сказала Вѣра: надобно бы показать графу нашъ большой дубъ въ лѣсу.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! хотите, mon cousin? C'est magnifique!

— Съ большимъ удовольствіемъ; когда же?

— Хоть завтра, сказала Вѣра въ пол-голоса, какъ говорятъ дѣвушки, когда хотятъ подать другимъ мысль, не принимая на себя отвѣтственности.

— А какъ же мы туда поведемъ? замѣтилъ докторъ. Вѣра быстро обернулась къ нему:

— Верхомъ, непременно верхомъ, сказала она, утвердительно кивая головкой.

— Пожалуй! я не прочь! рѣшила Прасковья Никитишна.

Вѣра чуть не прыгнула отъ радости и насмѣшливо посмотрѣла на доктора, какъ бы говоря ему: «г. докторъ, и на нашей улицѣ бываетъ праздникъ».

Возвратясь въ комнаты, Границкій хотѣлъ уехать,—лично Вѣры Павловны замѣтно было вытянулось, Прасковья Никитишна самымъ любезнымъ образомъ удержала графа; вечеръ прошелъ незамѣтно.

— Она удивительно мила! думалъ Границкій, закуривая сигарку на сонъ грядущій...—и я ей понравился не въ шутку!—Вмѣстѣ съ благовоннымъ дымомъ сигарки влился однѣ за другою самыя пріятныя мечты, и спать въ тотъ вечеръ захотѣлось ему очень поздно.

II.

Барскій домъ села Покровскаго, каменный, просторный, по плану знаменитаго въ свое время архитектора, окружень былъ пространнымъ садомъ, доходившимъ съ лицевой стороны до пруда широкаго и свѣтлаго какъ озеро. Серебристый и пирамидальный тополь, букъ, кедръ, лиственница, дорогіе кустарники и растенья были выписаны для этого сада прадедомъ Владимира Александровича. Въ шестьдесятъ лѣтъ все это разрослось на плодородной почвѣ: домъ и садъ вполнѣ напоминали широкую роскошь Екатерининскихъ временъ.

Не было въ Покровскомъ выдумокъ и прихотей новѣйшаго зодчества, не было золоченыхъ, рѣзныхъ рѣшетокъ англійскаго *country-manoir*, отдѣляющихъ роскошный паркъ и дворъ, наполненный фешенебельной челядью, отъ многозаботной жизни окружающихъ жилищъ. Видно было, что владѣлецъ этого дома не эпикуреецъ, который былъ бы радъ, если бы пустынная *campagna di Roma* окружила его виллу и избавила его отъ непріятнаго зрѣлища бѣдныхъ сосѣдей; ни грозный завоеватель, передъ мечемъ и бойницами котораго склоняется окружная страна; ни холодный и образованный лордъ, озаботившійся тѣмъ, чтобы чужія нужды и не совсѣмъ благовоспитанные нравы не нарушали чинности и комфорта жилища, гдѣ отдыхаетъ и мыслить *his-selp*. Усадьба села Покровскаго была коренной русскій барскій домъ. Общеніе помѣщика съ крестьянами видно было во всякой мелочи, и нищій могъ безпрепятственно подходить къ самымъ окнамъ.

Въ углу сада, гдѣ вырытъ былъ колодезь, послышался визгъ колеса, стукъ ведеръ, говоръ крестьянскихъ бабъ, потянулось стадо, съ верхушки самой высокой березы съ карканьемъ поднялись вороны, первый лучъ восходящаго солнца зажегъ багровымъ отблескомъ окна барскаго дома.

На балконѣ уже накрытъ былъ столъ, кипѣлъ самоваръ, и отставной полковникъ, Андрей Николаевичъ Зурко, управляющій всемъ имѣніемъ Границкихъ, наливалъ чашку чаю немного заспанному Владимиру Александровичу.

— А вы, графъ, плохой охотникъ, сказалъ Андрей Николаевичъ: солнце уже встало, а вы еще не въ полѣ!

— Сейчасъ ѣду, отвѣчалъ Владимиръ Александровичъ: дрожки закладываютъ. Кстати, продолжалъ онъ, обращаясь къ камердинеру, — вели отвести Ворона въ Заквасино, да смотри чтобы онъ былъ тамъ до жары.

Андрей Николаевичъ улыбнулся.

— Вы, кажется, стали всякій день ѣздить къ тетушкѣ, сказалъ онъ; берегитесь, васъ того гляди женять.

— Неужто? отвѣчалъ графъ тоже шутя.

— Да—вы не знаете нашихъ дамъ: такія охотницы до сватбъ, что просто.... Хотите еще чашку?

Андрею Николаевичу было за пятьдесятъ. Его умъ и полная довѣренность къ нему стараго графа, отца Владимира Александровича, придавали много вѣсу словамъ его во мнѣніи нашего героя.

— Ну, а что за бѣда, если въ самомъ дѣлѣ женять? спросилъ Границкій.

— Бѣды нѣтъ никакой, отвѣчалъ Андрей Николаевичъ, повидимому погрузясь всеми своими способностями въ нарѣзыванье тончайшихъ ломтиковъ ветчины;— ну, а можетъ выйти плохо. — Проклятый ножикъ! Вѣдь велѣлъ наточить, таки нѣтъ! Эхъ!— Тутъ Андрей Николаевичъ кликнулъ челоуѣка и принялся бранить его за нена точенный ножикъ.

— А почему-же будетъ плохо? спросилъ Границкій, когда Андрей Николаевичъ опять занялся ветчиною.

— Да гдѣ-же вамъ еще жениться! Поэзии еще много.... Неужели вы думаете, въ свадбѣ только и дѣло, что за невѣ-

стей: вы сто тысячъ дѣвухекъ найдете, которыя равно достойны будутъ вашей любви.—Вѣдь это только поэты говорятъ про симпатію двухъ душъ, исключительно созданныхъ одна для другой, какъ будто уже вотъ такъ и летятъ двѣ души другъ дружку навстрѣчу черезъ всю вѣчность съ распростертыми объятіями! А дѣло въ томъ, что тутъ многое зависитъ отъ обстоятельствъ, и человѣку-то, самому, чтобы жениться, надобно до известной степени развиться и возмужать! — Въ хорошей женѣ кладъ, прибавилъ онъ вздохнувъ, вѣроятно, о своей покойницѣ, а этотъ кладъ надобно заслужить—это не любовная интрижка! Къ-тому-же въ ваши лѣта, вы едва ли еще и способны любить какъ слѣдуетъ:—любить-то надо сердцемъ, а не воображеніемъ, тогда будешь любить на всю жизнь... жизнь вѣдь проза, а вы еще черезъ-чуръ способны любить въ стихахъ!

Въ эту минуту къ Андрею Николаевичу явился прикащикъ за приказаніями, а Владимиръ Александровичъ отправился на охоту.

Графъ любилъ потолковать съ Андреемъ Николаевичемъ. Добросовѣстно сознавая свою молодость, послушавъ его, онъ обыкновенно становился веселъ: ему казалось, что собственный его взглядъ на вещи дѣлается яснѣе.

«Старикъ правъ», думалъ онъ, бодро шагая по болоту; «мнѣ жениться!» При этой мысли онъ улыбнулся. «Жениться, когда чувствуешь безпрестанное броженіе мысли, когда на всякомъ шагу замѣчаешь за собою, что увлекаешься самыми далекими отъ дѣйствительности мечтами!»

Собака его сдѣлала стойку и тѣмъ прервала его размышленія; тревожно-тяжелымъ полетомъ изъ травы поднялся дупель; раздался выстрѣлъ; дымъ отошелъ облачкомъ и легъ на ближній кустъ; собака бережно принесла дупеля къ ногамъ Границкаго.

Въ тотъ же день вечеромъ, въ Заквасинѣ, Прасковья Никитишна садилась въ коляску, Вѣра Павловна на хорошенькую каравую лошадку, а Границкій на заводскаго воронаго жеребца. — Вдругъ позади ихъ раздался быстрый и неровный топотъ: рыжая кляча, натуживъ упрямо голову и

прыгая разомъ со всѣхъ четырехъ, мохнатыхъ и не гибкихъ ногъ, не смотря на отчаянныя усилія сѣдока, несла доктора прямо въ конюшню. — Прасковья Никитишна вскрикнула, Вѣра Павловна засмѣялась, Границкій хотѣлъ было пуститься въ погоню, потому что до конюшни было довольно далеко, — къ-счастью изъ-за угла выскочилъ босой дворовый мальчикъ, бойко бросился навстрѣчу Зербрейту, и схвативъ его лошадь за узду, повернулъ ее головою къ коляскѣ. Зербрейтъ подвѣхалъ сконфуженный и красный, — отправились въ путь.

— Графъ, прошу надо мной не смѣяться, сказала Вѣра Павловна: я взяла всего двадцать уроковъ у берейтора полка, и слѣдовательно не могу такъ хорошо ѣздить, какъ ваши петербургскія дамы.

— Вы сидите прекрасно, отвѣчалъ Границкій, а впрочемъ, если позволите, я буду радъ вамъ давать совѣты.

— Вы совершенно убѣждены, что ѣздите превосходно? спросила Вѣра, улыбаясь немного насмѣшливо изъ-подъ полей своей круглой шляпки и кокетничая по инстинкту.

Улыбка Вѣры задѣла самолюбіе Границкаго; — искусство его позволяло ему порисоваться на конѣ, а рисоваться была у него маленькая страсть; и такъ онъ не вытерпѣлъ: принялся рассказывать про смѣшную посадку многихъ дамъ, гуляющихъ весною въ Лѣтнемъ саду, и между-тѣмъ сталъ горячить свою лошадь шпорами; — не прошло минуты, Воронъ взвился на дыбы; графъ ждалъ этого, спокойно натянулъ поводья, далъ шпоры; и двумя сильными ударами своего хлыстика привелъ лошадь въ окончательное повиновеніе; все это было сдѣлано такъ искусственно-просто, что Вѣра Павловна, которая поблѣднѣла и чуть не вскрикнула, Владимиръ Александровичъ показался чѣмъ-то въ родѣ неустрашимыхъ героевъ Жоржа-Занда.

Границкій замѣтилъ впечатлѣніе, которое произвелъ, скрывъ самодовольную улыбку и продолжалъ начатую фразу про амазонокъ Лѣтняго сада.

Въ это время они вѣхали изъ околицъ Заквасина; передъ ними лежала широкая поляна, а вдали чернѣлъ лѣсъ.

— Попробуемъ галопомъ! сказалъ Границкій; — оба поскакали.

Разговаривая шутя, и перегоняя другъ друга, они доехали до льсу, запыхались и пустили лошадей шагомъ. Полторы версты галопомъ разругняли щеки Вѣры Павловны, разстроили чинность прически и ускорили биеніе сердца Границкаго. Коляска отстала далеко, докторъ тоже, потому что рыжая кляча его скакала только въ конюшню, а рысь ея несносна была для всякаго, особенно же для человѣка, у котораго, какъ у доктора, не было никакихъ мягкихъ частей.— Рѣзко обрисовывались темныя вѣтви на свѣтло-пурпуровомъ небѣ, густо ложилась тѣнь; лучи солнца, вскользь просвѣчивая тихо колеблемый листь, подвижными узорами золотили дернъ, толпы мошекъ красноватыми роями толклись въ воздухъ; стѣило прислушаться, и торжественная тишина вечера наполнялась ихъ гуломъ.

Богъ вѣсть, какъ разговоръ молодыхъ людей своротилъ на любовь; Вѣра стала молчалива, но по временамъ что-то особенное мелькало въ глубинѣ ея взора, звучало въ незначительномъ словѣ, и потомъ опять исчезало подѣ привѣтливымъ равнодушіемъ хорошо воспитанной дѣвушки. Самый утонченный расчетъ хитрой кокетки не могъ бы дѣйствовать вѣрнѣе. Границкій говорилъ много и быстро, какъ бы боясь потерять время и самъ не обращая вниманія на то, что говорилъ. Вѣра слушала, опустивъ глаза и въ смущеніи играя хлыстикомъ. Ей казалось, будто волшебная музыка вторила внутри ея словамъ Владимира Александровича; а лѣсъ былъ такъ живописенъ, вечерній воздухъ такъ упоительно душистъ, такъ мило колебался гибкій станъ Вѣры подѣ шагъ ея лошади!

«Дуракъ, если упустишь такой случай!» шепнуло что-то Границкому; она тебя любитъ, смѣлѣе впередъ!»

Вдругъ лошадь Вѣры Павловны чего-то испугалась и бросилась въ сторону; Вѣра вскрикнула и выпустила поводья; Границкій бросился къ ней.

— Эта несносная Зигри убьетъ меня! говорила Вѣра почти сквозь слезы.—Я хочу сойти!

— Не бойтесь, какой вы ребенок! Она сейчас успокоится!

И обхватив Вѣру одною рукою, графъ другою сталъ управлять ея поводьями. — Зигри успокоилась.

— Какъ можно такъ пугаться! сказалъ Владимиръ Александровичъ.

— Съ вами я ничего не боюсь, отвѣчала почти безсознательно Вѣра.

Эти слова подѣйствовали электрически-быстро на Границкаго.

«Безъ пошлыхъ объясненій!» подумалъ онъ, и вдругъ вспыхнулъ и поцѣловалъ ее. — Вѣра вздрогнула, хотѣла вырваться, но Границкій держалъ ее крѣпко. Она молча опустила голову.

— Вѣра! шепталъ графъ, — не сердись на меня, развѣ ты не видишь, что я тебя люблю!

Могучее чувство заговорило въ груди Вѣры громче всѣхъ противорѣчій; она невольно подняла голову, посмотрѣла на Границкаго и по непреодолимому влеченью нагнулась къ нему. Границкій прижалъ ее въ горячемъ и долгомъ поцѣлуѣ.

Стукъ колесъ раздался позади, оба быстро оправались въ сѣдлахъ. Вѣра была блѣдна и слегка дрожала, брови ея стянулись отъ сильнаго волненія. Владимиръ Александровичъ взглянулъ на нее, и что-то неожиданно кольнуло его въ сердце.

«Что я надѣлалъ», подумалъ онъ: «она любитъ меня въ самомъ дѣлѣ!»

Онъ понялъ, что увлекся, что не имѣетъ силъ отвѣчать на истинное, глубокое чувство, которое прочелъ въ глазахъ Вѣры.

Прасковья Никитишна не показалось страннымъ, что молодые люди оставались такъ долго вдвоемъ: романтическая старушка видѣла только, что ея племянницѣ было весело съ графомъ, и отъ этого Границкій казался ей вдвое милѣе. Докторъ, быть можетъ, и замѣтилъ кое-что, но не показалъ виду.

Лѣсъ доходилъ до крутаго обрыва глубокой впадины, бывшаго русла когда-то широкой рѣки. Надъ самымъ обрывомъ возвышался дубъ, который былъ цѣлью прогулки. Издалека, взрывая дернъ, сползались его корни, могучими узлами свивались они въ объемистый стволъ, широко, развѣсисто раскидывались полныя растительной силы вѣтви. Случай, а можетъ быть какой-нибудь тайный законъ природы, обстановилъ столѣтняго великана вполнѣ достойно красоты его: край обрыва у самыхъ корней сворачивалъ въ сторону; лѣсъ, какъ бы признавая его царемъ и прадедомъ, почтительно отступалъ кругомъ; онъ одиноко возвышался надъ долиной.

На днѣ долины вился ручеекъ, послѣдній остатокъ рѣки, на противоположномъ низменномъ берегу разстилались луга, кой-гдѣ темнѣла роща, виднѣлась деревушка, синѣлъ дымокъ, сіялъ крестъ на колокольнѣ; верстъ на двадцать видна была окрестность.

— Знаменитый дубъ, который спасъ жизнь Карлу II-му, не могъ быть лучше нашего старика! воскликнула Прасковья Никитишна, когда коляска подъѣхала къ старому дубу. Какъ хорошъ былъ бы онъ въ поэмъ!

— Онъ и въ дѣйствительности очень хорошъ! отвѣчалъ докторъ.

Бываютъ минуты, когда внутреннее расположеніе чело-вѣка не позволяетъ ему сочувствовать природе; онъ видитъ, онъ судитъ, быть можетъ, какъ художникъ цѣнить изящность, но остается холоденъ. Случается, когда-нибудь, давно видѣнное вдругъ встаетъ живое и свѣтлое въ его памяти, онъ постигаетъ красоту, сладостное чувство разливается по груди; но есть наслажденіе выше: когда случай даритъ чело-вѣка прекрасною картиной именно въ ту минуту, когда душа его расположена къ сочувствію. Вышнія чувства, во-ображеніе, сердце, все наслаждается вполнѣ, и эта полнота нравственнаго наслажденія доходить до вещественности ощу-щенія физическаго. Такія минуты не забываются и стано-вятся свѣтлыми точками въ жизни.

Въ такомъ счастливомъ настроеніи была въ тотъ вечеръ Вѣра Павловна. Остановивъ свою лошадь на самомъ краю обрыва, она смотрѣла на заходящее солнце и молча улыбалась.

— Посмотрите, графъ, сказалъ докторъ: этотъ дубъ истощаетъ одинъ растительную силу почвы на десять сажень вокругъ. Я думаю даже, что сила сцѣпленія его корней сдерживаетъ надъ пропастью край, на которомъ мы стоимъ. Очень замѣчательное растение!

Границкій едва отвѣчалъ.

«Какъ она хороша», думалъ онъ, глядя на Вѣру Павловну; «и она меня любитъ, а я!..»

Ему стало совѣстно, страшно и жалко.

На обратномъ пути молодые люди молчали и не отставали отъ коляски, Прасковья Никитишна занялась разговоромъ съ докторомъ про свое здоровье.

III.

Границкій находился на той точкѣ перелома, между дѣтствомъ и возмужалостью, когда человѣкъ стремится стать хозяиномъ собственныхъ чувствъ, дать себѣ отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ и согласить съ ними свою внѣшнюю жизнь. Дорогою изъ лѣсу до дому онъ обсудилъ свое поведеніе съ Вѣрой и произнесъ надъ собою строгій приговоръ: совѣсть въ немъ говорила ясно, онъ рѣшился уѣхать изъ Покровскаго.

Успокоенный твердымъ рѣшеніемъ, Владимиръ Александровичъ съ достоинствомъ принялъ чашку чаю изъ рукъ Вѣры Павловны.

«Она меня любитъ», думалъ онъ; «мой долгъ не нарушать ея спокойствія; честно и благородно исполню свой долгъ!» «Ты идеаль великодушій!» шепнуло что-то ему. «Такое самоотверженіе показалось бы невѣроятнымъ въ романѣ!»

Онъ медленно прихлебывалъ изъ чашки, и собственный образъ рисовался передъ нимъ въ необъятномъ величій.

Прасковья Никитишна видимо устала и полу-дремала; Вѣра Павловна была весела какъ никогда не бывала, дотолѣ

неиспытанное блаженство наполняло ея грудь; развѣ когда-то что-то подобное грезилось ей во снѣ. Она заботливо и мило ухаживала за теткой, шутила и смѣялась съ докторомъ, и вдругъ обращаясь къ графу, становилась застынчива. Сердце сердцу вѣсть подастъ: если бы Границкій любилъ ее истинно, то понялъ бы, чтѣ въ ней происходитъ, и былъ бы счастливъ, но для него ея любовь не говорила сердцу, а только ласкала самолюбіе; а самолюбіе требуетъ не сочувствія, а торжества въ собственныхъ глазахъ. Чѣмъ болѣе Вѣра была мила, тѣмъ графъ становился пасмурнѣе; ему казалось, что побѣда его по крайней мѣрѣ сомнительна, что Вѣра въ лѣсу съ нимъ просто кокетничала, и вдругъ рушилась вся прелесть великодушнаго поступка, который онъ обдумывалъ.

«Неужели я въ дуракахъ!» подумалъ онъ, «надобно въ этомъ увѣриться!»

Тотчасъ послѣ чаю Границкій собрался домой.

— Черезъ полчаса я буду ждать васъ въ крайней аллеѣ у рва! шепнулъ онъ Вѣрѣ, прощаясь, и вышелъ не дожидаясь отвѣта.

Уложивъ спать Прасковью Никитишну, Вѣра осторожно отворила дверь на балконъ и вышла въ садъ. Сначала пошла она нерѣшительно и тихо, потомъ скорѣе, потомъ чуть не бѣгомъ. Прочъ боязнь, сомнѣнья, прочъ грусть и скука прошлой жизни: она любитъ, она любима!

Обѣзжая шагомъ садъ, графъ увѣрилъ самого себя, что назначилъ Вѣрѣ свиданье единственно по благородному побужденію ей откровенно во всемъ сознаться, и приготовилъ рѣчь въ родѣ рѣчи Онѣгина Татьянѣ. «По крайней мѣрѣ разстанемся друзьями!» заключилъ онъ со вздохомъ, останавливаясь у назначеннаго мѣста. Привязавъ лошадь, Владимиръ Александровичъ перескочилъ ровъ и увидѣлъ въ темной аллеѣ бѣлое платье.

— Вы? шепнула Вѣра.

— Мой ангелъ! отвѣчалъ Границкій, и голосъ его задрожалъ, изъ головы мигомъ пропало все передуманное.

Остроумный французскій писатель гдѣ-то сказалъ: «Un jeune homme aime d'abord la femme, puis les femmes, enfin

и не гетте». Владимиръ Александровичъ былъ именно во второй эпохѣ: въ минуты хладнокровія онъ ясно сознавалъ, что не любитъ Вѣры истинно, но шорохъ платья женщины какъ она, ея взоръ, ея голосъ какъ бы очаровывали его, и переноса въ фантастическій міръ, заставляли дѣйствовать по увлеченію.

— Вѣра, мой ангелъ, повторялъ графъ: благодарю, что ты пришла, что ты вѣришь моей любви...

Вдругъ сухой кашель раздался въ нѣсколькихъ шагахъ....

— Докторъ! шепнула съ испугомъ Вѣра.

Владимиръ Александровичъ подумалъ секунду и спрыгнулъ въ ровъ, Вѣра скрестила руки и стала смотреть въ поле.

— Вѣра Павловна! воскликнулъ съ удивленіемъ докторъ, что вы здѣсь дѣлаете?

— А вы, докторъ? отвѣчала Вѣра, слегка повертывая голову.

— Я по вечерамъ вышиваю графинъ воды и потомъ хожу часъ.... Знаете ли, что поздно?

— Если я и скажу вамъ, что я здѣсь дѣлаю, то вы не поймете!

— Однако?

— Я смотрю на эту чудную ночь и мечтаю!

— А!.. а позвольте спросить, о чемъ, или уже лучше сказать, о комъ вы изволите мечтать?

— Что значить о комъ? сказала Вѣра, твердо посмотрѣвъ ему въ лицо.

— Извините, Вѣра Павловна, отвѣчалъ докторъ добродушно, приподнимая въ то же время брови и кланяясь немного на бокъ,—извините, но на правахъ старой дружбы.... Я человекъ правдивый и не могу..... я сказалъ «о комъ» потому, что такъ думаю.

Вѣра немного смутилась, однако оправилась.

— Я думала о графѣ Границкомъ! отвѣчала она насмѣшливо.

— А!... а позвольте узнать, прибавилъ почтительно докторъ, что же именно вы изволили думать о немъ?

— Я думала, что графъ удивительно ѣздитъ верхомъ и не струсилъ бы, если бы я распустила зонтикъ передъ носомъ его лошади, а помните вы на прошлой недѣль?

Докторъ улыбнулся.

— Если бы вы знали, какимъ уморительнымъ голосомъ вы просили меня перестать! продолжала Вѣра. Къ-тому же у васъ волосы стали дыбомъ и ваша фуражка à la chasseur d' *Afrique* приподнялась на пол-вершка! отъ смѣху Прасковья Никитишна не могла заснуть всю ночь, хотя вы въ этомъ не хотѣли сознаться!

— Ого! вы сегодня въ воинственномъ расположеніи. Однако я вамъ замѣчу, что я хотя и весьма плохой ѣздокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ быть докторомъ. позвольте же какъ доктору посовѣтовать вамъ идти домой; ночь очень сыра.

— Благодарю за совѣтъ. однако я останусь здѣсь; впрочемъ не хочу мѣшать вашей гигиенической прогулкѣ: прощайте, докторъ!

Въ эту минуту лошадь Владимира Александровича очень некстати заржала въ нѣсколькихъ шагахъ; докторъ сталъ догадываться.

— Во что бы то ни стало, не оставлю ихъ однихъ, подумалъ онъ.

— Прощайте, докторъ! повторила Вѣра.

— Какъ вамъ угодно, а я не могу оставить васъ здѣсь; вы непременно простудитесь; посмотрите: вы въ кисейномъ платьѣ, а я въ толстомъ пальто; я буду за васъ отвѣчать Прасковья Никитишна.

— Нисколько! какое вамъ до меня дѣло? я не ребенокъ! а что вы въ толстомъ пальто, это ничего не доказываетъ: вы надѣли его изъ кокетства! я совѣтовала бы вамъ носить его всегда: чѣмъ толще, тѣмъ лучше!

— Какъ бы то ни было, такъ какъ я не могу увести васъ отсюда, то буду сидѣть вотъ на этой скамейкѣ, пока вы не уйдете, чтобы донести Прасковья Никитишна, въ которомъ часу вамъ угодно будетъ возвратиться въ комнаты.

Споръ продолжался, докторъ говорилъ рѣшительно, и Вѣра Павловна убѣдилась, что ей нельзя будетъ отъ него отдѣлаться.

— Впрочемъ, сказала она подумавъ, — ваше прозаическое присутствіе разогнало всѣ мои мечты: успокойтесь, я иду спать!

— Пожалуйте ручку, — сказалъ докторъ.

— Нисколько, вы этого не стоите!

И скрестивъ руки, Вѣра быстро пошла по аллеѣ и вдругъ остановилась.

— Если бы вы знали, докторъ, сказала она будто въ шутку, — какой чудный романъ я сочиняла, когда вы мнѣ помѣшали! Надо по крайней мѣрѣ съ нимъ проститься! Прощайте! продолжала она, возвратившись на прежнее мѣсто и обращаясь къ звѣздамъ, прощайте, милый графъ, до свиданья завтра! Прощайте! прибавила она тихо, нѣжно и грустно.

— Прощайте! сказалъ докторъ, почтительно снимая фуражку *à la chasseur d'Afrique* и кланяясь немного на бокъ, — Прощайте поэтическій графъ, удивительно вѣдающій верхомъ и не боящійся никакихъ дамскихъ зонтиковъ!

Они ушли. Подождавъ немного, Границкій выскочилъ изорва, отвязавъ лошадь и крупной рысью поскакавъ домой.

Смѣшно положеніе любовника, спрятаннаго въ довольно нечистомъ рву. Двадцать разъ хотѣлось Границкому выскочить въ аллею и надѣлать много глупостей. Самолюбіе его кипѣло; онъ чувствовалъ, что въ глазахъ доктора, если онъ что-нибудь подозреваетъ, поведеніе его не могло быть ничѣмъ другимъ, какъ непростительнымъ ребячествомъ, или порочнымъ расчетомъ, и это сознаніе его удерживало, а тяжело было сознаваться въ томъ послѣ усладительныхъ мечтаній, которыми ласкалось его воображеніе за чаемъ.

Задумчиво возвращаясь домой, Вѣра услышала издали звонкій топотъ Ворона, и ей стало грустно, какъ будто она прощалась на вѣки съ своею первою любовью.

Утро было сырое и холодное, повременамъ накрапывалъ мелкій дождикъ, по гладкой степной дорогѣ катилась коляска съ поднятымъ верхомъ. Кучеръ покрикивалъ и по-свистывалъ, размахивая кнутомъ; сонный лакей покачивался на козлахъ, меланхолически опершись на перекладину фартука. Владимиръ Александровичъ курилъ сигарку и смотрѣлъ на облака. Рядомъ съ нимъ, пріютившись въ самый уголь, полу-сидѣлъ, полу-лежалъ Андрей Николаевичъ.

Графъ заснулъ поздно, спалъ тревожно, всталъ недовольный собою и всѣмъ міромъ. Осенняя погода приходилась подь ладъ его настроенію. Повременамъ онъ, вздыхая, по-сматривалъ на сосѣда. Ваточная фуражка Андрея Николаевича была надвинута на брови и округливалась на головѣ наподобіе ночнаго чепчика; покраснѣвшій носъ мирно покачивался изъ-за поднятаго воротника пальто, синіе отливы виднѣлись на щекахъ. Не смотря на холодъ, Андрей Николаевичъ былъ вполне погруженъ въ блаженство сладостной утренней дремоты! — А есть же люди, которые спятъ спокойно, думалъ глядя на него Границкій, и ему казалось, будто добродушное лицо старика готово сквозь сонъ насмѣшливо улыбнуться какъ бы въ отвѣтъ на его вздохъ.

Поперегъ дороги лежалъ глубокій оврагъ; глинистый спускъ былъ крутъ и весь изрытъ весенними ручьями. Рядомъ съ коляской съѣзжалъ тяжело нагруженный возъ, на самомъ верху котораго, широко развалиясь, спалъ мертвецки пьяный мужикъ. Въ то же время по косогору взбирался отставной солдатъ. — Кучеръ Границкаго, извѣстный по всей деревнѣ балагуръ, уже собирался пустить насчетъ пьянаго колкую шутку, а можетъ быть и любезно потревожить его кнутомъ. Лакей, видя значительную гримасу кучера, готовился расхохотаться его остротѣ, — какъ вдругъ тельга покачнулася, пьяный свалился, какъ снопъ, и легъ неподвижно между колесъ. Тельга всею тяжестью напирала на оглобли; лошадь тихо сдѣлала шагъ, колесо, скрипя, коснулось шеи мужика.

При видѣ опасности пьянаго, Границкій поблѣднѣлъ, опростетью прыгнулъ изъ коляски, схватилъ лошадь за узду и спасъ бѣдняка отъ неминуемой смерти.

— Молодецъ баринъ! крикнулъ сверху отставной солдатъ, приподнимая свой изношенный картузь, дай Богъ вамъ здоровья, не погнушались спасти мужичка!

Кучеръ и лакей подняли пьянаго и уложили его такъ, чтобы онъ не могъ упасть.

— Это съ Точилховской мельницы! сказалъ кучеръ, хлестнувъ лошадь, — лошадь сама дорогу знаетъ.

— А вотъ и Махрово! сказалъ Андрей Николаевичъ просыпаясь и оправляя фуражку, когда коляска выѣхала изъ оврага.

Село Махрово, въ сорока верстахъ отъ Покровскаго, недавно куплено было графомъ Александромъ Владимировичемъ, отцомъ Владимира Александровича, съ намѣреніемъ отдать эту вотчину впоследствии въ полное владѣніе сына. Въ тотъ день въ Махровѣ былъ храмовой праздникъ. Андрей Николаевичъ хотѣлъ воспользоваться стеченіемъ народа, чтобы показать село Владимиру Александровичу и молодаго барина крестьянамъ.

Утро прояснилось; солнце ярко освѣщало зеленую крышу и вновь выбѣленные стѣны церкви. Когда коляска выѣхала въ село, обѣдня только-что началась; у открытыхъ дверей и оконъ толпились прихожане, не заставшіе мѣста въ церкви. На лужайкѣ противъ паперти кружками сидѣли крестьянскія бабы съ грудными дѣтьми на рукахъ, во внутренности свѣтились паникадилы передъ иконами и звучалъ громкій голосъ дьякона.

При видѣ управляющаго, ближніе крестьяне посторонились, Владимиръ Александровичъ и Зурко пробрались на крыльцо.

Послѣ обѣдни въ толпѣ расходящихся крестьянъ Зурко замѣтилъ отставнаго солдата, котораго мы видѣли на косо-горѣ, и подозвалъ его. Хотя это былъ и старикъ — но отъ прежней службы осталась у него бодрая походка и бойкій

взглядъ, рѣзко отличавшіе его отъ крестьянъ. — Поговоривъ съ управляющимъ, солдатъ вдругъ обернулся къ Границкому.

— Дай Богъ вамъ здоровья, ваше сіятельство! сказалъ онъ, спасли христіанскую душу! видно Богу было угодно, чтобы вы тутъ случились!... и какъ прыгнули-то, я подумалъ не вывѣхнули бы вы себя ноги!—И что-то братски-ласковое блеснуло въ его взглядъ и улыбка.

— Яблочко ты наше красное, солнышко ненаглядное! Спасибо кормилецъ! сказала въ то же время старая крестьянка, входя къ графу и кланяясь въ поясъ.

— Что такое? чему обрадовались? спросилъ Зурко.

— Вѣдь моего-то сына выгнали въ утро въ изъ-подъ колеса! отвѣчала крестьянка;—знать Господь насъ наградить хочетъ, коли такихъ господъ посылаетъ!

Границкій покраснѣлъ какъ дѣвушка, но это смущенье было ему не въ тягость. Зурко сказалъ за него слова два крестьянкѣ; они отправились по деревнѣ.

Крыши, густо покрытыя соломой, тесовыя ворота, коигдѣ добрая телѣга и здоровая лошадка ясно говорили про богатство села; въ деревнѣ та особенность, что внѣшняя благовидность неразрывно связана съ благосостояніемъ жителей: въ деревнѣ нѣтъ населенныхъ подваловъ, отвратительныхъ и многочисленныхъ заднихъ дворовъ, скрывающихся за богатыми фасадами столичныхъ зданій; по состоянію крыши заключаешь, что въ домѣ живетъ въ довольствѣ цѣлое семейство. Вотъ отчего видъ богатой деревни производитъ какое-то успокоивающее, теплое впечатлѣніе.

Андрей Николаевичъ повелъ графа по всему хозяйству, съ гумна на мельницу, съ мельницы на скотный дворъ, потомъ на маслостойку, потомъ въ поле. Лицо старика видимо веселью, находя все въ порядкѣ, глядя на богатую жатву, которая уже слагалась на зиму или ярко зеленѣла для будущаго года. Ничто не скрывалось отъ его зоркаго глаза. Староста, прикащикъ и выборный, которые почтительно слѣдили за ними, безпрестанно получали отъ него мѣткія приказанія. Границкій начиналъ уставать, а дѣятельный старикъ

все становился бодрѣе и бодрѣе. — Владимиръ Александровичъ слушалъ, смотрѣлъ и думалъ. Утренній случай въ операгъ настроилъ его къ добру и измѣнилъ направленіе его мыслей. Размышленія новаго для него рода послѣдовательно развивались въ головѣ: съ дѣтства зналъ онъ Андрея Николаевича издали, уважалъ его, такъ сказать, по преданью, и вдругъ замѣчалъ, что понятіе его объ немъ измѣняется. Мало по малу дѣловой, прозаическій, насмѣшливый Андрей Николаевичъ возрасталъ въ его глазахъ до высоко-привлекательной личности. Онъ оцѣнялъ пользу, которую этотъ человекъ распроотранялъ вокругъ, и мысль его невольно возвращалась къ нему самому.

«Бывали минуты, когда какая-нибудь случайная причина вдругъ пробуждала во мнѣ невѣдомую силу... казалось, я всѣмъ готовъ жертвовать для благородной цѣли... А это кончалось чѣмъ?... вспышкою воображенія, несбыточною мечтою.... Неужели всѣ высокія стремленія, которыми я такъ горжусь передъ собою, только въ моемъ воображеніи... А съ Вьрой?... Неужели я ее обманываю!...» И вдругъ въ груди Гранницкаго вспыхнуло такое презрѣніе къ самому себѣ, что онъ чуть не высказался вслухъ.

Послѣ трехъ-часовой прогулки, они очутились у избы старосты.

— Ну-съ, пора и пообѣдать! сказалъ Зурко.

По распоряженію Андрея Николаевича столъ былъ уже накрытъ въ свѣтлицѣ. У Андрея Николаевича аппетитъ былъ вообще хорошій, а въ этотъ день казался еще лучше обыкновеннаго; онъ кушалъ и похвалявалъ заранѣе высланнаго изъ Покровскаго повара. Гранницкій, напротивъ, ѣлъ мало и былъ задумчивъ.

— Знаете что, Андрей Николаевичъ? сказалъ онъ вдругъ: ваша жизнь мнѣ ужасно нравится!

— Да что-же, отвѣчалъ Зурко, я, слава Богу, здоровъ, жить своими трудами еще могу.... поваръ у меня славный, прибавилъ онъ съ улыбкой, такъ и живу себя пригвѣваючи!

— Да не то нравится мнѣ въ вашей жизни, а то, что она не пропадаетъ даромъ! Я знаю, въ какомъ страшномъ разо-

реніи было Махрово, когда батюшка его купилъ, а вы его поправили въ четыре года, а вѣдь это счастье восьми-сотъ душъ!

Отлично изжаренная котлетка отвлекла вниманіе Андрея Николаевича, онъ не отвѣчалъ; Границкій погрузился въ мечтанье.

«Что бы сталъ дѣлать этотъ человекъ въ моемъ положеніи съ Верой? думалъ Владимиръ Александровичъ, вспоминая вчерашній вечеръ. — Здраво взглянувъ на свои отношенія къ ней, рѣшилъ бы, что увлекается пустяками, что тратитъ понапрасну силы и, можетъ быть, вредитъ невинной дѣвушкѣ... Для меня шутка, я уѣду, забуду... забуду непременно... а она? Что будетъ съ нею, когда она замѣтитъ, что я шутилъ?»

Припоминая хладнокровно разныя сава замѣченныя имъ обстоятельства, взоръ, улыбку, выраженіе голоса, онъ ясно видѣлъ, что для Веры любовь не игрушка.

«Если бы даже я и былъ влюбленъ въ нее серьезно, то и тогда дѣятельная или по крайней мѣрѣ разсыянная жизнь, которую я веду, тысячи интересовъ, которые меня занимаютъ, спасли бы меня отъ страданій, а для нея нѣтъ разсыянности: — она одна въ деревнѣ съ мечтательной теткой, безъ цѣли въ жизни, безъ здраваго совѣта...»

Сердце Границкаго не было испорчено, онъ понялъ страданья, ожидавшія Веру, и ему показалось безжалостнымъ ухачь, оставивъ по себѣ такое несчастье.

«А что-же дѣлать?» думалъ онъ, «какъ поправить свою вину?»

Вмѣстѣ съ появленіемъ кофе на столъ, въ сѣняхъ показались разныя официальные и полу-официальные лица села Махрова. Конторщикъ въ праздничномъ длиннополомъ сюртукѣ, бывшемъ когда-то бутылочнаго цвѣта, но въ теченіе долголѣтней службы успѣвшимъ приобрести желто-сѣро-зеленый; староста съ подобострастной физиономіей; выборный въ свитѣ изъ чернаго полу-шленскаго сукна, подпоясанный краснымъ кушакомъ, съ кнудомъ за поясомъ, безпрестанно откидывающій назадъ въ кружокъ остриженные волосы и готовый по первому мановенію скакать на край вотчины на своей кля-

ченкъ; писарь, десятскій, прикащикъ и т. д. Въѣсть съ ними появились шнуrowья книги, счетныя доски, засаенныя записки на лоскуткахъ бумаги. Андрей Николаевичъ закуриль трубку, скрестилъ ноги, пустиль струю дыма и махнулъ конторщику. Все собраніе правительствующихъ лицъ почтительно вошло въ комнату. Владимиръ Александровичъ добрался тихонько до фуражки, захватилъ какой-то романъ, который привезъ на этотъ случай изъ Покровскаго, и юркнулъ воиъ.

На дворъ закладывали коляску; начинало темнѣть, когда Андрей Николаевичъ, кончивъ свои расчеты и обдѣливъ всякаго изъ слушателей надлежащею бранью или наставленіями, вышелъ на крылечко свѣтлицы. Въ двухъ шагахъ отъ него, на только что вываленномъ, благоухающемъ снѣ, Владимиръ Александровичъ спалъ сномъ самымъ обиднымъ для автора романа, который валялся у него подъ рукою. Двое мальчишекъ старосты, спрятавъ руки въ рукава и перешептываясь, попеременно разсматривали то коляску, то молодого барина. Курицы и гуси мирно расхаживали кругомъ.

Андрей Николаевичъ сталъ торопить людей, и черезъ пол-часа коляска выѣхала изъ Махрова.

Границкій выпался на славу тѣмъ спокойнымъ сномъ, который утромъ казался ему такъ завиденъ, и весело глядѣль на дорогу, которая вилась передъ нимъ, на кусты по краямъ, принимавшіе самыя фантастическіе образы, на звѣзды, которыя одна за другою показывались на небѣ; даже однообразно-глухой стукъ колесъ по мягкой дорогѣ казался ему пріятенъ, и онъ прислушивался, какъ бы желая уловить отдаленную музыку.

Коляска стала спускаться въ знакомый уже намъ оврагъ, и утреннее воспоминаніе живо представилось Границкому. Спасая мужика, Владимиръ Александровичъ сдѣлалъ вещь очень обыкновенную, однако его безотчетная готовность служить ближнему вознаграждалась глубоко-сладостнымъ чувствомъ. Искренняя похвала старика-солдата, благодарность старой крестьянки радовали его до слезъ.

«Что же мнѣ дѣлать съ Вѣрой?» подумалъ онъ, «какъ

уничтожить впечатлѣніе, которое такъ необдуманно произвѣлъ на нее?.. Въ три дня!.. Кто бы могъ подумать, чтобы такъ сильно подвѣйствовали на нее такіе пустяки!»

Графъ былъ въ такомъ расположеніи духа, что могъ осудить окружающее съ большою ясностью, нежели обыкновенно.

«Съ доброй волей можно сдѣлать многое, лишь бы самому не увлечься!» заключилъ онъ наконецъ.

Коляска остановилась.

— Пріѣхали! сказалъ, потягиваясь, Андрей Николаевичъ, котораго гармонія колесъ постоянно усыпляла.

V.

Докторъ былъ человѣкъ добрый и неглупый. Замѣтивъ пылкость Границкаго и не доверяя твердости разсудка Въръ, къ которой онъ искренно привязался въ теченіе двухъ лѣтъ, прожитыхъ въ Заквасинѣ, онъ счелъ долгомъ благоразумнаго человѣка помѣшать ихъ свиданью, и рѣшился за ними наблюдать.

Воздухъ былъ такъ тихъ, что свѣчи горѣли ясно на балконѣ. Погрузясь въ кресла московской работы и кушая жиденькій чай съ особеннымъ, домашняго приготовленія, вареньемъ, одареннымъ какими-то тайными цѣлебными свойствами, Прасковья Никитишна наслаждалась яснымъ вечеромъ и запахомъ жасмина, которымъ обсаженъ былъ балконъ. Вѣра Павловна, волнуемая ожиданьемъ, старалась спокойно намазывать масло на ломтики хлѣба. Докторъ, поднявъ брови, неподвижно смотрѣлъ на мотылька, который вился около свѣчки, и думалъ, право не знаю о чемъ. Вошелъ Границкій. Въ душѣ его глубоко лежало желанье поправить вредъ, который онъ надѣлалъ Вѣрѣ, а какъ, онъ самъ не зналъ, и рѣшился предаться обстоятельствамъ. Поздоровавшись, онъ разсѣянно сѣлъ возлѣ Прасковьи Никитишны. Старушка стала говорить ему про романъ, который только-что прочла.

— Да-съ, тетушка, безъ сомнѣнія! отвѣчалъ Границкій, не думая о томъ, что говорилъ. — Я самъ очень люблю романы графини Дашь!

— Она одна въ наше время понимаетъ любовь! продолжала Прасковья Никитишна.

— И съ какимъ утонченнымъ искусствомъ выражаетъ это чувство! Какъ мило и вѣрно рисуетъ граціозныя женскіе профили! отвѣчала Владимиръ, продолжая вторить старушкѣ.

Докторъ взглянулъ на него насмѣшливо. Границкій замѣтилъ, что сказалъ глупость, и вдругъ ему пришла странная мысль: онъ небрежно растянулся въ креслахъ и самодовольно поправилъ воротнички.

— Она вѣрно изучала Петрарку! сказала оцъ протяжно.

«Вретъ и не краснѣетъ!» ясно выразилось въ глазахъ Зербрейта, который, впрочемъ, поспѣшно опустилъ голову отъ порядочно нахальнаго взгляда Владимира Александровича.

— Вы правы, mon cousin, продолжала Прасковья Никитишна, и знаете, что? меня удивляетъ, что молодой человекъ нашего вѣка и къ-тому же петербургскій *gant-jeune* такъ хорошо цѣнитъ вѣрное выраженіе нѣжнаго чувства. Нашъ вѣкъ такъ матеріаленъ! Вы рѣдкость!

— Не знаю, *ma tante*, какъ другіе, а я читаю только тѣ романы, въ которыхъ вѣрно и съ чувствомъ выражена любовь.

— Однако, замѣтилъ докторъ, «*Recherche de l'absolu*» Бальзака, одинъ изъ лучшихъ романовъ нашего времени, а въ немъ любовь играетъ роль второстепенную, и безъ любви есть въ жизни много интересовъ.

— Въ жизни положимъ, а въ романъ?

Докторъ былъ искренній поклонникъ Бальзака и Гоголя. Онъ вѣрилъ, что литература—могучій двигатель, онъ вѣрилъ въ священное назначеніе ея, и съ жаромъ принялся развивать свою теорію. Графъ слушалъ, небрежно улыбаясь.

— Неужели вы не вѣрите, сказалъ докторъ, воодушевляясь мало по малу,—что великій писатель и великій мыслитель, какъ Бальзакъ, можетъ имѣть сильное и благотворное вліяніе?

— Не вѣрно нисколько! отвѣчалъ спокойно графъ;— а читали ли вы... продолжалъ онъ, обращаясь къ Прасковья Никитишнѣ.

— Поищите, графъ, воскликнулъ Зербрейтъ, да въ

вашъ вѣкъ это ересь непростительная! Неужели люди, какъ Гоголь наприимѣръ, рождаются только чтобы доставить намъ нѣсколько минутъ забавы! Неужели....

Владимиръ Александровичъ повернулъ тихо голову и холодно-удивленнымъ взглядомъ остановилъ выходку Зербрейта: — Ваша правда, сказалъ онъ, помолчавъ секунду, — невзвратно, чтобы Гоголь родился для моего удовольствія, потому что я никогда не могъ раскрыть его безъ зѣботы! — И графъ улыбнулся, довольный удачнымъ отвѣтомъ, а докторъ притихъ какъ испуганная мышь, и молчалъ весь вечеръ. Я уже сказалъ, что онъ былъ застѣнчивъ. Границкій продолжалъ сентиментальный разговоръ съ Прасковьей Никитишной. Подстрекая ее все болѣе и болѣе, онъ скоро завлекъ свою собесѣдницу въ розовыя страны Pays du Tendre, въ точности слѣдуя картѣ Скюдери. Прасковья Никитишна воодушевлялась, таяла, проповѣдывала любовь до гроба и за гробомъ, любовь единственную, цѣль и счастье всей жизни. Съ точки зрѣнія, на которую она становилась, человѣкъ созданъ только для любви, всѣ остальные влеченія его, даже самыя благородныя, мелочи, не стоящія вниманія.

— А любовь на землѣ не возможна! сказалъ, поднимая глаза къ небу, Владимиръ Александровичъ въ заключеніе длиннаго исчисленія всѣхъ препятствій, которыя встрѣчаетъ любовь на нашей планетѣ. — Вы видите передъ собою одну изъ тѣхъ патетическихъ организацій, которыя всю жизнь жаждутъ любви и умираютъ, не находя на землѣ сей божественной пищи въ ея чистомъ, газообразномъ состояніи!

Графъ выговорилъ это съ подобающею меланхоліею и остановился: еще недавно самъ онъ увлекался мечтами въ родѣ тѣхъ, которыя теперь выставилъ на посмѣяніе. Неужели, подумалъ онъ, подобныя глупости могли хоть на минуту казаться мнѣ дѣйствительностью. Неужели есть люди, которые убѣждены, что любовь исключительная цѣль, единственное счастье жизни? — И въ умъ Границкаго безсознательно обрисовался образъ прозаическаго Андрея Николаевича, полнаго силы и огня, не смотря на сѣдины, въ виду дряхлой Прасковьи Никитишной, которая все еще заливала

самыл метафизическія теоріи про любовь жиденскимъ чаемъ съ вареньемъ.

Докторъ изъ-подлюбья посматривалъ на Границкаго и бѣсился на самого себя, какъ всѣ застычивые люди, за то, что у него не хватало духу въ трехъ словахъ вывести на чистую воду нахальнаго мечтателя. Вѣра чувствовала, что графъ говоритъ не такъ, какъ бы должно, и она на него сердилась не въ шутку. Не смотря на это, она вздрогнула и чуть не заплакала, когда дождикъ застучалъ по желѣзной крышѣ балкона и тѣмъ помѣшалъ свиданью, на которое она надѣялась, когда Прасковья Никитишна ляжетъ спать.

Андрей Николаевичъ ѣздилъ въ губернской городъ по дѣламъ и воротился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; Границкій вошелъ въ его кабинетъ съ открытымъ письмомъ въ рукахъ; онъ казался озабоченъ.

— Чтò вамъ пишутъ изъ Питера? спросилъ Зурко, въ то же время выводя въ умъ самые выгодные итоги цѣны за проданнаго имъ хлѣба.

— Батюшка пишегъ, что открылась ваканція въ канцеляріи у С... С. общалъ ждатель меня недѣли двѣ, больше никакъ нельзя. Батюшка совѣтуетъ не упускать этого случая выгодно опредѣлиться на службу.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Право не знаю, я было расположился прожить здѣсь всю осень—привезъ книгъ...

— Книги не уйдутъ, лишь стало бы охоты!

Границкому видимо не хотѣлось послѣдовать совѣту отца. За недостаткомъ другихъ выводовъ, онъ заговорилъ про удовольствіе провести осень въ деревнѣ, про необходимость подышать подольше воздухомъ полей, отдохнуть отъ городского шума, и прочее въ томъ же родѣ.

— Знаете что, графъ? сказалъ вдругъ Андрей Николаевичъ, скрестивъ халатъ и пуская облако дыма, въ то же время сѣрые глаза его блеснули насмѣшкой, — знаете что? мнѣ кажется, вамъ просто виць-мундиръ не нравится? И вы правы, препрозаическая одежда!... То ли дѣло, продолжалъ Зурко, замѣчая, что насмѣшка его попала очень

мѣтко.—то ли дѣло эпанча какал-нибудь, шляпа съ перомъ, шпага съ розеткой, привязанной какой-нибудь Жульеттой!

— Позвольте, замѣтилъ Границкій, стараясь оправиться.

— Ночь, знаете, продолжалъ подмигивая и подсмѣиваясь Андрей Николаевичъ, венеціанская ночь!... море, звѣзды, звонъ гитары подъ окномъ!—И наклонивъ голову на бокъ, Зурко замахалъ пальцами надъ чубукомъ своей трубки, какъ будто игралъ на гитарѣ.

— Какъ хотите, сказалъ, невольно засмѣившись, Границкій,—а тутъ уже вы совсѣмъ не правы!... Если бы я и желалъ носить другое платье, то не эпанчу и шляпу съ перомъ, а кафтанъ и шапку моихъ предковъ.

— Ну вотъ это дѣло другое! Каюсь, ошибся, совсѣмъ ошибся! совсѣмъ не тотъ костюмъ, не та декорация!... Ну а пьеса, кажется, все останѣтся та же? А-съ, графъ?—И Зурко засмѣялся.

— Чтѣ вы мнѣ советуєте? сказалъ графъ, подумавъ немного.

— Безъ сомнѣнія ѣхать! Это не можетъ быть вопросомъ!

— Сказать вамъ мои задушевные мысли? отвѣчалъ Границкій.—Мнѣ хочется выпросить у отца позволеніе остаться здѣсь и съ вашей помощью приняться за управленіе имѣньями!

— Такъ вотъ куда вели шапка и кафтанъ вашихъ предковъ! сказалъ Зурко и опять засмѣялся.

— Вы все шутите! сказалъ Владимиръ немного жалобнымъ тономъ,—а право я иногда вижу себя въ такомъ безвыходномъ положеніи, что сердцу больно!

— Безвыходномъ положеніи? прервалъ его съ удивленіемъ Зурко.... Послушайте, графъ, хотите искренняго совета? Побѣжайте въ Петербургъ, служите добросовѣстно.... Съ вашими связями, съ вашими способностями вы будете чрезвычайно полезны въ несравненно обширнѣйшемъ кругу, нежели здѣсь... Лѣтъ черезъ десять женитесь, и весь вѣкъ проживете счастливо. Только не увлекайтесь мечтами направо и налево, а идите бодро по пути, который передъ вами! Задача жизни прожить полезнымъ и счастливымъ!

— Полезенъ, счастливъ! повторилъ графъ, — странно, а мнѣ какъ-то иногда не вѣрится въ эти слова!...

— Васъ больно слушать! прервалъ его Андрей Николаевичъ.— Вамъ, именно вамъ предстоитъ самое завидное поприще! Много благороднаго дѣла передъ вами, и вы... Эхъ, графъ, и откуда это берутся у нашей молодежи такія мысли?— И Андрей Николаевичъ, разгорячаясь постепенно, напалъ на одинъ послѣ другаго на всѣ современные умышленные недуги, мечтательство, сентиментальность, байронизмъ, какъ онъ говорилъ, и довелъ графа до того, что онъ сознался себѣ, что все, что говорилъ Андрей Николаевичъ, именно то, что въ инныя минуты добросовѣстности ясно говорили ему разсудокъ и совѣсть.

— Спасибо, что поучили уму-разуму! сказалъ Границкій, дружески прощаясь съ старикомъ.

Благородный пылъ Андрея Николаевича утихъ, онъ улыбнулся какъ улыбаются старики, когда молодые люди добросовѣстно слушаютъ ихъ совѣты.

— О чемъ вы такъ пасмурно задумались? говорила Вѣра доктору, наигрывая что-то очень веселое на фортепьяно?

Докторъ поднималъ голову съ листовъ бумаги, на которые раскладывалъ растенія для сушки. — Я думалъ, отвѣчалъ онъ, о томъ, какія странныя понятія встрѣчаются между нашею молодежью. Напримѣръ, Границкій, кажется, уменъ и образованъ, а вѣрить въ самыя нелѣпыя бредни! Неужели въ Петербургѣ принялись за Скюдери?

— Вы сегодня не въ духѣ, отвѣчала Вѣра, и преувеличиваете. Графъ молодъ и не скрываетъ того;— не всѣмъ же прикидываться холодными эгонстами, какъ вамъ иногда приходится фантазія.

— Рвѣчь не обо-мнѣ. — А вотъ если бы вы сказали, что графъ, говоря про любовь, увлекается по какой-нибудь особенной причинѣ, отвѣчалъ Зербрейтъ съ лукавой улыбкой, посмотрѣвъ на нее изъ-подлобья, — то это извинило бы его въ моихъ глазахъ;— но, сознайтесь, не могу же я этого знать!

Сердиться или смѣяться? подумала Вѣра, и рѣшилась смѣяться. — Я, докторъ, сказала она, впрочемъ не всѣмъ спокійно, — созналась вамъ какъ старому, истинному другу, что

сочиняю предлинныя романы на счетъ графа Границкаго — но графъ, кажется, не подавалъ вамъ повода заключать... Докторъ опять посмотрѣлъ изъ-подлобья, Вѣра показала, что онъ видитъ ея мысли насквозь.

— «Wer reitet so schpät durch Nacht und Wind?
Es ist kein Vater mit seinem Kind!»

сказалъ Зербрейтъ въ пол-голоса и тотчасъ же опустилъ голову на свои растенья. Этотъ намекъ ясно говорилъ Вѣрѣ, что докторъ все угадалъ. Она вскочила изъ-за фортепьяна и въ совершенномъ смущеньи убѣжала въ свою комнату.

Если Границкій честный мальчикъ, какъ мнѣ кажется, подумалъ докторъ. — дай ей Богъ! они могутъ быть очень счастливы, не смотря на его нелѣпую сентиментальность и постыдную запоздалость въ литературу! — Его размышленья были прерваны прїездомъ Границкаго. Прасковья Никитишна брала какую-то цѣлебную ванну, Вѣра ны за что не рѣшалась выйдти къ графу при докторѣ и въ отсутствїи тетки; Владимира Александровича пришлось принять Зербрейту; онъ повелъ его въ садъ.

Разговоръ очень естественно коснулся ботаники. Докторъ былъ страстенъ къ этой наукѣ, и скоро сталъ говорить съ жаромъ, тѣмъ болѣе, что Границкій умными вопросами показывалъ ему, что слушаетъ его съ удовольствїемъ. Вдругъ Владимиръ Александровичъ, который шелъ по аллеѣ задумчиво, опустилъ голову, и, не смотря на видимое вниманіе къ словамъ доктора, погруженъ былъ въ размышленья совсѣмъ другаго рода, остановился, выпрямился, посмотрѣлъ на Зербрейта и улыбнулся насмѣшливо. — Докторъ спутался въ начатой фразѣ, замаялся и замолчалъ, не спуская удивленныхъ глазъ съ Границкаго и даже слегка разинувъ ротъ.

— Мнѣ жаль, что вы такъ добросовѣстно теряете трудъ и время, любезный докторъ! сказалъ Границкій, по-прїятельски взявъ его подъ руку. — Я самъ много занимался батаникой...

И графъ принялся доказывать, что ботаника наука самая пустая, и сверхъ того, что онъ, Границкій, вполне ручается, что онъ, Зербрейтъ, въ ботаникѣ ровно ничего не знаетъ. Доводы Границкаго, какъ легко себя вообразить, не были высокаго логическаго достоинства, но за то онъ говорилъ съ

самою спокойною увѣренностью; иногда подкрѣплялъ свою рѣчь шуточкой, и совершенно озадачилъ Зербрейта.

— Неучь, дуракъ, нахаль, думаль докторъ, скрывал свое негодованіе подъ кроткою задумчивостью, — и воображаетъ себя, что онъ великъ какъ Иванъ Великій!

Къ нимъ подошелъ человекъ и доложилъ, что Прасковья Никитишна ихъ ждетъ въ столовой.

— Сознайтесь, говорилъ графъ, небрежно заложивъ руки за спину и играя тросточкой, — что я вамъ открываю новый міръ въ наукѣ! Вотъ прочтите-ка... ахъ, все забываю, какъ его зовутъ — и вы увидите, что я правъ!

— Можетъ быть, можетъ быть! проговорилъ докторъ, уже рѣшившійся ему ни въ чемъ не противорѣчить. — Прасковья Никитишна насъ ждетъ въ столовой!

«На первый разъ довольно!» подумалъ Границкій.

Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ день Границкій одѣлся съ необыкновеннымъ тщаніемъ и къ лицу; *Rose moussese* красовалась въ петлицѣ, онъ былъ немного завить, легкій румянецъ придавалъ свѣжесть щекамъ и оживлялъ взоръ.

«Какой хорошенькій!» подумала, увидя его, Прасковья Никитишна; «вотъ бы партія для Вѣрочки!»

Какъ вы находите, *mes dames*, вотъ эту матерію? сказалъ графъ за обѣдомъ, небрежно засунувъ большой палецъ за обшлагъ жилета. Не правда-ли, узоръ восхитителенъ? — А какъ сшить этотъ жилетъ! Да! продолжалъ онъ, отвѣчая на утвердительныя восклицанья Прасковьи Никитишны, — мой портной великій человекъ! и надо же сознаться, что портной имѣетъ значительное вліяніе на судьбу человека тѣмъ, что можетъ измѣнить его турниру и всю наружность! Правда, прибавилъ онъ, бросая вскользь насмѣшливый взглядъ на несчастный потертый галстукъ доктора, — что есть наружности, которыхъ и Шармеру не передѣлать! — Докторъ вспыхнулъ, хотѣлъ было что-то сказать и опустилъ носъ въ тарелку. Вѣра посмотрѣла на графа съ удивленіемъ, Прасковья Никитишна улыбнулась очень любезно.

— Вообразите, *ma tante*, продолжалъ Границкій какъ бы ни въ чемъ не бывало, — я, кажется, хорошо одѣтъ, а есть

люди, которые не любят Шармера и предпочитают Сарра! Во-первых, Шармеръ...—и графъ пустился въ длинную и очень ученую диссертацию насчетъ портныхъ и модъ. Подъ конецъ обѣда графъ провелъ платкомъ по щекъ, и докторъ къ своему невыразимому удивленію замѣтилъ слѣды румянъ.

Прасковья Никитишна поднялась изъ-за стола; отправились въ садъ.

— *Le bras aux dames!* сказала Границкій доктору, нахально подавая руку Въръ; онъ понималъ, что ему уже нечего церемониться съ Прасковьей Никитишной. Зербрейтъ принужденъ былъ подать руку старушкѣ.

Графъ незаметно прибавилъ шагу; изгибистая дорожка часто скрывала ихъ изъ виду. Въръ казалось, что все, что съ ней происходитъ, сонъ; до сихъ поръ она знала любовь только по наслышкѣ, вѣрила ей издали, а теперь въ самой близкой дѣйствительности то, до чего едва смѣли доходить ея сны. Она старалась забыть все на свѣтъ, сосредоточить всѣ впечатлительныя силы въ настоящемъ; она шла съ графомъ, не смѣя взглянуть на него; взоръ ея слѣдилъ за живописными изгибами деревьевъ, доходилъ съ ними до темно-зеленыхъ верхушекъ, и сладостно отрываясь отъ земли, утопалъ въ безпредѣльности свѣтлаго неба.

— И такъ вы меня любите? сказалъ Границкій.—О, не скрывайтесь, вотъ такъ точно дрожала на моей рукѣ ручка княжны Мери С... а она меня любила!

Вѣра опустила голову; что-то непонятное поразило ее въ словахъ Границкаго, какъ фальшивая нота въ чудной музыкѣ. Графъ нѣжно поцѣловалъ ей руку и продолжалъ:

— Меня часто любили и, признаюсь... я болѣе не вѣрю любви на землѣ... Любить вѣчно, безпредѣльно, какъ любить способенъ я!...

— Я васъ люблю сколько могу любить! отвѣчала Вѣра просто.

Графъ взглянулъ на нее, она опустила глаза,

«Какъ будто слышала укоръ
За невозвратные порывы!»

какъ говорить поэтъ. Въ эту минуту сердце ея рвалось къ нему. Одинъ отвѣтный звукъ, и Вѣра полюбила бы Границкаго на всю жизнь. Кровь прихлынула къ сердцу Владимира Александровича, онъ поблѣднѣлъ, но рѣшеніе его глубоко лежало въ волю; онъ медленно поднималъ лорнетку до глаза:

— Это мнѣ часто говорила княжна Мери! сказалъ онъ, поглядывая на Вѣру.

Кокетка поклялась бы въ эту минуту, что дорого заплатить графъ за эти слова, у Вѣры что-то оборвалось въ груди. Сама не давая себѣ отчета, почему, она едва могла удержать слезы. Графъ оправился отъ минутнаго смущенія и сталъ рассказывать остроумно-эффектнымъ слогомъ модныхъ романовъ, свое приключеніе съ княжной Мери.

Вечеромъ Границкій говорилъ про свою знатную родню, про балы, на которыхъ ему удалось блеснуть ловкостью, про успѣхъ двухъ-трехъ его остротъ, довольно смѣшно рассказывалъ кое-какіе анекдоты.

«Такъ это-то любовь?» думала Вѣра, ложась спать. Ей казалось, что всякій звукъ этого голоса долженъ идти ей прямо въ сердце, что всякое слово его должно запечатлѣться въ ея памяти, а все, что онъ говорилъ, было такъ пусто, такъ пусто. Бѣдная дѣвушка убѣдила себя, что виною страннаго впечатлѣнія, которое въ этотъ вечеръ произвелъ на нее Границкій, ея совершенное незнаніе жизни и свѣта, а что графъ говорилъ именно такъ, какъ слѣдуетъ свѣтскому молодому человеку.

VI.

Не смотря на шутивыя предостереженія Андрея Николаевича, Границкій продолжалъ часто ѣздить въ Заквасино. Вѣра находилась въ странномъ состояніи недоумѣнія.

«Онъ глупъ и смѣшонъ», шептала ей разсудокъ. «Я его люблю, я его хочу любить!» говорило сердце или та способность, которою чувствуется потребность любви.

Доктора удалось Владимиру Александровичу взбѣсить не на шутку, Зербрейтъ возненавидѣлъ графа, на сколько могла

ненавидѣть его добрая душа. Съ объясненія у фортепьяно онъ уже не упоминалъ о немъ Вѣрь, но надѣялся, что она скоро сама собою разочаруется, и ждалъ случая тому окончательно способствовать. — Прасковья Никитишна замѣтила, что частыя посѣщенія молодаго человѣка относятся болѣе къ Вѣрь, нежели къ ней самой, и начинала помышлять объ ихъ сватѣбѣ.

Разъ, разваливъ въ креслахъ у окна, Границкій пустился въ диссертациі про англійскую филантропію. Докторъ, привыкнувшій было не обращать никакого вниманія на его слова, поневоль сталъ прислушиваться къ его быстрымъ и вѣрнымъ очеркамъ, умнымъ заключеніямъ. Вѣра торжествуя посматривала на Зербрейта, какъ бы говоря: «вотъ видите, онъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ вы думаете!» — Въ то время къ окну подошелъ вищій.

— На погорѣлыхъ, кормилецъ, Христа ради! сказалъ онъ, прерывая фразу, которую Владимиръ Александровичъ очень удачно округливалъ. Докторъ положилъ руку въ карманъ.

— Пошолъ прочь! грозно крикнулъ графъ, сердясь за то, что потерялъ конецъ своей фразы. — Бѣднякъ отошелъ съ кротостью, особенно свойственною деревенскимъ нищимъ.

— Зачѣмъ вы его гоните! сорвалось у Вѣры.

— Вамъ его жаль? — и не дожидаясь отвѣта, Границкій бросилъ нищему цѣлковый и улыбнулся Вѣрь, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что обыкновенно никогда не отказывалъ въ милости, а въ этотъ день поступилъ изъ особенной цѣли, которую читатель вѣроятно уже угадалъ. — Отъ доктора не ускользнуло, что эта улыбка не совсѣмъ сгладила непріятное впечатлѣніе, произведенное на Вѣру суровостью Границкаго.

— *Beau, jeune et généreux!* сказала Прасковья Никитишна, улыбаясь изъ своихъ креселъ: какъ можно такъ бросать цѣлковые въ окно!

Улыбка и слова Прасковьи Никитишны взбѣсили Зербрейта; онъ съ сердца сталъ перелистывать брошюры какой-то *Revue*, которыя графъ въ тотъ-же вечеръ привезъ читать жителямъ Заквасина. — И вдругъ докторъ странно посмо-

трѣль на Границкаго, скрыль злую улыбку и принялся слушать его очень внимательно, по временамъ потирая себѣ руки и поглядывая въ *Revue*.

«Фитиль загорѣлся», взглянувъ на него, подумаль Границкій, «скоро будетъ взрывъ!»

Графъ былъ правъ. На другой день утромъ, въ саду, докторъ измѣннически-учтивымъ шагомъ подошелъ къ Вѣрь съ номеромъ *Revue* въ рукахъ.

— Вамъ понравилось все, что говорилъ вчера графъ про англійскую филантропію? спросилъ Зербрейтъ.

— Да, надѣюсь и вамъ тоже? отвѣчала Вѣра просто.

— Безъ сомнѣнья!—чтобы не забыть всѣ эти прекрасныя вещи, не угодно ли вамъ ихъ перечестъ? Слово въ слово. У графа завидная память!—И Иванъ Ивановичъ подаль Вѣрь брошюрку.—Впрочемъ, продолжалъ докторъ, рѣшившійся покончить дѣло разомъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что графъ Владимиръ Александровичъ беретъ свой умъ изъ книгъ: вѣдь онъ свою восхитительную турнюру беретъ-же у портнаго и красоту въ косметическомъ магазинѣ?—Вы не замѣтили, что онъ румянится?—Докторъ переъмнилъ разговоръ, чтобы дать Вѣрь оправиться, и подъ какимъ-то предлогомъ скоро отошелъ.

Вѣра страдала? — Да, даже поплакала; но любовь не успѣла вкорениться въ сердце, болѣе всего страдало воображенье, лишаясь своего идеала.

Границкій еще раза два побывалъ въ Заквасинѣ и сталъ поговаривать объ отъздѣ въ Петербургъ. Удѣствовившись, что эта вѣсть не печалитъ Вѣры, онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи Андрею Николаевичу, и утромъ назначеннаго дня отправился верхомъ въ Заквасино.

Осеннее утро сіяло во всей красѣ. По крайней дорожкѣ сада быстро ходила взадъ и впередъ Вѣра Павловна; она держала книгу, но не читала.

То хорошо въ молодости, что какъ бы ни былъ силенъ ударъ, онъ рѣдко убиваетъ силы: стѣнитъ сказать себѣ, что не все пропало, что еще передъ нами молодая жизнь, что есть непременно для насъ въ будущемъ счастье — и желанья, и воля воскресаютъ въ прежней свѣжести, и мы опять способны жить, мыслить и любить.

Вѣра была спокойна, хотя задумчива. На свой романъ съ Границкимъ она смотрѣла какъ на сонъ чудно увлекательный, кончившійся непріятнымъ разочарованьемъ, но который за то привѣтственно подвинулъ ее впередъ, заставивъ пере-

думать многое, о чем она прежде никогда не думала. Въ послѣдніе дни взглядъ ея карихъ глазокъ сталъ тверже, походка рѣшительнѣе; изъ ребенка Вѣра становилась женщиной.

Посмотрѣвъ въ поле, Вѣра Павловна издали узнала Границкаго. Онъ доволенъ былъ собою и не раскаявался въ томъ, что сдѣлалъ, но мѣстность невольно напоминала ему то, что онъ думалъ и чувствовалъ, проѣзжая мимо тѣхъ же предметовъ нѣсколько дней тому назадъ. Любовь такое волшебное чувство, что даже когда сознаешь, что она не въ сердцѣ, что она игра воображенья, что она противорѣчитъ вѣсьмъ другимъ, не менѣе благороднымъ потребностямъ души, трудно удержаться отъ задумчивости при малѣйшемъ воспоминаньи объ ея самыхъ слабыхъ искахъ. Опустивъ небрежно поводья и наклонивъ голову, графъ ѣхалъ шагомъ и говорилъ про себя Вѣрѣ долгое: прости!

«Какъ обманчива бываетъ наружность», думала Вѣра, «какъ привлекательна кажется его задумчивость!... а онъ, быть можетъ, думаетъ о новомъ фасонѣ жилета, или, что еще хуже, твердитъ про меня сентиментальную фразу изъ какого-нибудь романа! Избави Богъ меня отъ такой любви! Лучше нашъ сосѣдъ Тельгинъ, хотя онъ съ ошибками говорить по-французски и рѣдко надѣваетъ перчатки... было бы сердце!... а любить сердцемъ и есть то счастье, про которое грезилось мнѣ тому недѣля... на этомъ самомъ мѣстѣ!» Границкій проѣхалъ, не замѣтивъ Вѣры. Вѣра пошла тихо домой и встрѣтила доктора

— Я забыла васъ поблагодарить, сказала она ему дружески: вы меня вылечили!

Когда Вѣра и докторъ вошли въ гостиную, Прасковья Никитишна просталась съ Границкимъ.

— Прощайте, прощайте, любезный графъ, говорила старушка, нѣсколько разъ цѣлуя его въ лобъ; смотрите же, прѣзжайте скорѣе съ нами повидаться.

Владимиръ обратился къ Вѣрѣ, и едва прощаясь съ нею, могъ совладѣть съ своимъ смущеніемъ. Вѣра этого не замѣтила; она простилась съ Границкимъ холодно, немного насмѣшливо, едва учтиво. Владимиръ протянулъ руку доктору, чего не дѣлалъ въ послѣднее время, и дружески пожалъ его руку, въ душѣ искренно прося у него прощенья за свое гоненье на него. Докторъ растерялся и пробормоталъ что-то очень невнятно. Прасковья Никитишна утерла двѣ слезинки.

«Больше не прѣдетъ», подумала она, «его изъ Петербурга»

холостымъ не выпускають; жаль мнѣ Вѣрочки: такой хорошенкѣй!»

Вѣра Павловна и Границкій встрѣтились въ жизни еще разъ. Прошло восемь лѣтъ. Вечеръ былъ пасмурный. Нѣсколько площадкѣ, разставленныхъ на подъѣздѣ дома Дворянскаго Собранія... губернскаго города печально отражались по многочисленнымъ лужамъ площади. Февральская оттепель превратила въ топи примыкающіе къ площади улицы и переулки. Губернскій городъ, въ подражаніе столицамъ, давалъ дѣтскій праздникъ изъ благотворительныхъ видовъ. Загремѣла полковая музыка. Малютки, а кой-гдѣ и взрослые, пошли подпрыгивать на славу.

За рядомъ желтыхъ штукатурныхъ колоннъ, Границкій ходилъ подъ-руку съ молодымъ человѣкомъ, по всемъ признакамъ воспитаннымъ въ столицѣ. Молодой человѣкъ говорилъ съ жаромъ и по-англійски, что ужасно не нравилось многимъ любопытнымъ. Въ толпѣ шло много разнородныхъ толковъ про нашего героя. Постараемся, послушавъ ихъ, составить себѣ понятіе о настоящемъ его положеніи.

«Онъ часто бываетъ у моей двоюродной сестры!» говорила очень громко губернаторша.

«Графъ изъ Петербурга!» шепнула тоненькая семнадцатилѣтняя блондинка такой же семнадцатилѣтней брюнеткѣ, проходя мимо нея въ кадрили. Онѣ переглянулись, неясная надежда мелькнула въ ихъ глазкахъ, и объ величавѣ обыкновеннаго подали ручки своимъ губернскимъ кавалерамъ.

«Присланъ по особымъ порученіямъ!... Говорятъ, бойскій мальчій!» сообщалъ своему сосѣду толстый помѣщикъ въ пестромъ жилетѣ и съ золотою цѣпью черезъ весь жилетъ. «Пускай ихъ потасуетъ!» прибавилъ онъ, подмигнувъ на кого-то въ толпѣ.

«Здравствуйте, Алексѣй Степановичъ!» подавленнымъ голосомъ сказалъ какой-то убитый горемъ лысенькій старичекъ невзрачной наружности.

«Заѣлъ собака!» ирочно отвѣчалъ Алексѣй Степановичъ невысказанной, но понятной для него мысли собесѣдника. Лысенькій старичекъ судорожно махнулъ рукой, какъ бы говоря: «все кончено! пропали мы съ тобой!»

«Мальчишка, помилуйте. Въ дѣлахъ бѣльмеса не смыслить! Фанфаронъ, и больше ничего!» рѣзко судилъ въ кружкѣ добродѣтельныхъ слушателей щедушный господинъ въ золотыхъ очкахъ, слывшій удивительно умнымъ по всей губерніи.

«Скотина!» сильнымъ басомъ утвердительно замѣтилъ одинъ изъ слушателей, плотный, усастый мужчина съ оплывшимъ краснымъ лицомъ и глазами, помутившимися отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ.

Въ эту минуту тотъ, о которомъ говорили всѣ эти господа, прошелъ возлѣ; усастый мужчина пошатнулся и чуть не упалъ, болѣе чѣмъ учтиво посторонившись. Лицо господина въ очкахъ приняло пріятное выраженіе, Алексѣй Степановичъ и лысенкій старичекъ поклонились немного мѣшковато, но за то очень низко.

«И такъ, любезный графъ, союзъ?» говорилъ молодой человекъ, ходившій подъ руку съ Границкимъ.

«Вотъ вамъ мое слово!» сказалъ Владимиръ Александровичъ.

«Granitzky for ever!» отвѣчалъ молодой человекъ, крѣпко пожавъ ему руку. Они разошлись.

«Молодецъ, ей-Богу, молодецъ!» говорилъ про себя молодой человекъ, проходя быстро между нетанцующихъ мужчинъ; «такихъ бы людей побольше!» А благородная физіономія этого молодого человека была такова, что всякій могъ бы погордиться его дружбой.

Веселенькіе глазки разрѣзавшихся малютокъ стали замѣтно мигать и слипаться. Пробыло одиннадцать. Изъ-за колонны, опершись на которую, онъ кое-какъ отвѣчалъ на докучливые вопросы какого-то губернскаго жителя Петербурга, Границкій узналъ Вѣру, которая выводила за руки двухъ хорошенькихъ дѣтей. На лѣстницѣ Вѣра принялась ихъ укутывать.

«Каковъ Границкій, Вѣрочка?» сказалъ ей молодцеватый помѣщикъ лѣтъ тридцати пяти, улыбаясь добродушно, какъ, говоря съ хорошенькой женщиной, улыбаются только мужья. «Онъ, кажется, тебѣ и не поклонился, а ведь когда-то чуть не сватался!»

«Петербургскій!» отвѣчала Вѣра равнодушно, заботливо подвязывая наушники краснощекому мальчику.

Границкій съ перваго взгляда понялъ Вѣру и мужа, и угадалъ, что въ грязномъ... губернскомъ городѣ есть свѣтлый уголокъ семейнаго счастья; ему стало легко на душѣ. Вѣра повела дѣтей съ лѣстницы.

«Ferrewell until we met again in heaven!» подумалъ Границкій, провожая ее глазами.

Оба были счастливы.

В.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПОХОДѢ ВЪ ВЕНГРІЮ

ВЪ 1849 ГОДУ (*).

(Записки пѣхотинца).

(Окончаніе).

VII.

Медвѣдь реветь, корова реветь, самъ
чертъ не разбереть, кто кого дереть
(Пословица).

25-го іюля, подвигаясь далѣе въ преслѣдованіи Венгровъ, мы проходили огромныя деревни, заселенныя Сербами и Хорватами и разоренныя Венграми. Странное дѣло! Посмотрите въ венгерскія газеты, сколько тамъ жалобъ на разныя притѣсненія и несправедливости, претерпѣваемыя Венграми отъ Австрійцевъ; но теперь посмотримъ, какъ сами Венгры поступали съ подвластными имъ народами, какъ на примѣръ съ Сербами. Вотъ отрывокъ изъ частнаго письма, напечатаннаго въ Москвитянинѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ:

«Всѣмъ извѣстно, какое участіе принимали южныя Славяне: Хорваты и Сербы, въ войнѣ Австріи съ возмущившимися Венграми; съ какимъ постояннымъ мужествомъ они выдерживали борьбу съ огромною силою, далеко превосходившею ихъ собственныя.

(*) См. 8 N «Москвитянина» сего года.

«Двѣ причины вызвали Хорватовъ и Сербовъ на войну съ Венграми — преданность своему законному правительству и привязанность къ своей народности. Возмущившаяся Венгрія явилась столько же врагомъ австрійскаго дома, сколько и народности славянской. Желая уничтожить цѣлость имперіи и основать независимое венгерское государство, они стремились, въ то же время, уничтожить народность славянскую, а Хорватовъ и Сербовъ превратить въ Маляръ. не столько вліяніемъ нравственнымъ, котораго они не имѣли, сколько силою.

«Первая эпоха войны Венгровъ съ Сербами, австрійскими подданными, окончилась блистательно для Сербовъ. Венгерскія войска нѣсколько разъ были разбиты; и послѣ осады Сербобрана прекратили на время свои нападенія. Къ Сербамъ, австрійскимъ граничарамъ, подоспѣли на помощь ихъ соотечественники изъ княжества; венгерскія же войска обратились къ другой цѣли. Они, какъ бы мимоходомъ затронувъ военную границу, двинулись въ противоположную сторону Венгріи, къ Пешту и Коморну. Встрѣтивъ на одной изъ своихъ границъ сильный отпоръ Сербовъ, Маляры побѣдоносно прошли всю Венгрію до другой границы, и тамъ встрѣтили Хорватовъ, которые, подъ начальствомъ своего бана, спасли Вѣну. и война противъ мятежниковъ приняла другой оборотъ.

«Послѣ взятія австрійскими войсками Пешта въ 1849 году, венгерскія войска принуждены были отступить за рѣку Марышъ (въ Банатъ) и городъ Суботицу (Терезіанополь, въ Бачкѣ) и сосредоточились у Старога Арада и Сегедина.

«Между тѣмъ Сербы, раздѣленные на мелкіе отряды, разбросанные на значительномъ пространствѣ, отъ римскихъ укрѣпленій до Францова канала, были еще болѣе обезсилены удаленіемъ Князянина съ вспомогательными войсками княжества. Непріятель могъ почти безпрепятственно воротиться въ Петровородинъ; оттуда, подъ предводительствомъ Перцеля, онъ пошелъ на Сербобранъ. Послѣ упорной защиты, Сербобранъ былъ взятъ мятежниками: 700 человекъ Сербовъ долго защищались въ городскихъ улицахъ противъ 6000 Венгровъ, но не могли устоять и въ числѣ трехъ сотъ человекъ едва могли спастись. Городъ былъ сожженъ, разграбленъ.

жители безъ разбора пола и возраста, перерѣзаны. Сербобранъ, такъ храбро отразившій первое нападеніе Венгровъ, считался Сербами неприступнымъ. Взятіе его произвело сильное дѣйствіе, и малочисленныхъ Сербовъ, лишенныхъ всякой помощи, повергло въ большое отчаяніе. Оно усилилось еще болѣе, когда Перцель, опустошивъ окрестности Сербобрана, двинулся къ римскимъ укрѣпленіямъ и одержалъ новую побѣду. Сербскихъ войскъ не существовало: всѣ разбрелись по сторонамъ; уцѣлѣвшее отъ меча сербское населеніе изъ областей, занятыхъ непріятелемъ, сосредоточилось въ чайкашскомъ батальонѣ и въ Срѣмъ (Сирми). Начались всеобщіе беспорядки: путь къ Тителю и оттуда въ Срѣмъ былъ открытъ для непріятеля. Надобно вспомнить, что въ это самое время австрійская главная армія, подъ командою барона Вельдена, по новому плану компаніи, сосредоточилась около Пресбурга, въ ожиданіи русской вспомогательной арміи, а банъ хорватскій, съ своимъ войскомъ, еще находился подъ Пештою, откуда долженъ былъ пройти Венгрію во всю длину, чтобъ явиться на югъ для защиты Сербовъ. Банатъ и Срѣмъ, совершенно отрѣзанные отъ арміи, остались безъ помощи, безъ регулярныхъ войскъ, почти безъ артиллеріи, даже безъ извѣстія о томъ, что дѣлается на сѣверъ и западъ королевства.

«Почтенный старецъ, патріархъ сербскій, Іосифъ Раяичъ, управлялъ вмѣстѣ и гражданскою частію и православною церковью, и умѣлъ внушить своему народу такую же вѣрность къ престолу, такую же непреодолимую твердость и терпѣніе, какія самъ, какъ истинный пастырь православный, показалъ въ это роковое время, и какими невольно напоминаетъ намъ, русскимъ, тѣхъ великихъ мужей нашей церкви, которые, въ бѣдственные для отечества времена, такъ много способствовали къ спасенію Россіи. Видя отчаянное положеніе края, ему вѣрннаго, патріархъ упросилъ сербскаго князя вновь прислать на помощь Князянина съ отрядомъ войскъ. Князянина, собравъ, наскоро, тысячу человекъ, явился въ Новый Садъ, и потомъ въ Карловацъ, куда пришло уже извѣстіе о пораженіи при Римскихъ укрѣпленіяхъ. Уныніе было такъ велико, что, не смѣря на всеобщее уваженіе и довѣрен-

ность къ Кнѣзю, ему не удалось собрать достаточнаго количества войска, чтобъ идти на встрѣчу Перцелю и огра- дить Срѣмъ отъ вторженія. Кнѣзь объявилъ патриарху, что гибель неминуема, что онъ не успѣетъ дожидаться нужной помощи изъ княжества, что непріятель въ-десятеро сильнѣе его, и народъ совершенно упалъ духомъ, и что развѣ одинъ человекъ успѣетъ спасти ихъ: этотъ человекъ Георгій Стратимировичъ (племянникъ покойнаго митрополита сербскаго, Стефана Стратимировича). Въ 1848 году, какъ извѣстно, молодой Стратимировичъ командовалъ охотниками сербскими, отразилъ съ ними нападеніе Мадяръ, показалъ блистательныя военныя способности и заслужилъ неограниченную довѣренность и любовь войска. Онъ въ это время находился въ Землинѣ, вице-президентомъ комиссіи правленія. Не смотря на бывшую между ними съ нѣкотораго времени осуду, патриархъ, тотчасъ же по полученіи письма Кнѣзя, обратился къ Стратимировичу и спросилъ: рѣшится ли онъ взять на себя собрать разбитыя, разсыянныя войска, отправиться въ Тестель и спасти всю южную Венгрію? Стратимировичъ показалъ себя достойнымъ довѣренности народа и его начальниковъ: забывъ свои прежнія неудовольствія, принялъ полномочіе отъ патриарха и, явившись въ Титель, успѣлъ въ двое сутокъ собрать войско и воодушевить его своимъ присутствіемъ, черезъ пять дней разбилъ главный отрядъ Перцеля, и съ семью батальонами граничаръ и 1500 сербскихъ охотниковъ, подъ начальствомъ Кнѣзя, защищался противъ непріятеля въ-двое большаго числомъ и съ сильною артиллеріей, въ теченіи шести недѣль, до прибытія бана съ своимъ войскомъ.

«Такимъ образомъ Сербы отстояли остальные богатыя провинціи южной Венгріи и дали новый оборотъ войнѣ, кончившейся въ пользу вѣрныхъ защитниковъ престола, народности и вѣры.

«Между тѣмъ страны, по которымъ прошли венгерскія орды, были опустошены и разграблены, села и города сожжены. Война кончилась — но не кончились бѣдствія Сербовъ: — возвратившееся въ опустошенныя страны — народонаселеніе

не нашло ни домовъ, ни храмовъ; безъ хлѣба и крова оно должно было провести зиму.

«Не станемъ повторять грустныхъ описаній положенія сербской границы, которыми были наполнены, не только славянскія, но даже нѣмецкія газеты и журналы, а ограничимся только исчисленіемъ церквей и монастырей, разрушенныхъ Венграми въ воеводствахъ Сербскомъ:

Въ приходѣ Новосадскомъ, въ Бачкѣ.	49
— Темешварскомъ.	54
— Вершацкомъ.	11
— Будимскомъ.	1

«Всѣхъ разрушенныхъ и разграбленныхъ православныхъ храмовъ 115.»

Послѣ этихъ строкъ мнѣ нечего объяснить причину вражды Сербовъ съ Венграми. Великое воеводство Сербское, упоминаемое въ этомъ письмѣ, образовалось въ 1849 году, изъ части военной границы, населенной православными Сербами, и Темешварскаго баната. Австрійскій императоръ титулуется въ немъ великимъ воеводою, а непосредственнымъ начальникомъ считается кроатскій банъ Јелашичъ.

Но пора возвратиться къ нашему походу. 26-го іюля пришли мы на ночлегъ въ огромную деревню Бешенову, замѣчательную тѣмъ, что она составляетъ точку соприкосновенія разноплеменныхъ массъ населенія южной Венгріи (смотри народописную карту славянскихъ племенъ, составленную Шафарикомъ). Къ сѣверо-западу отъ нея, сплошною массою, живутъ Венгры, къ сѣверо-востоку Валахи, а на юго-западѣ, юго-востокѣ и югѣ — Сербы и Хорваты. Это соприкосновеніе замѣтно было съ перваго взгляда: когда мы проходили Бешенову, то на каждой площадкѣ, образовавшейся пересѣченіемъ нѣсколькихъ улицъ, стояли толпами жители особаго племени, ибо здѣсь, кромѣ упомянутыхъ Венгровъ, Сербовъ и Валаховъ, живутъ еще Болгары и Нѣмцы.

Я заранѣе, какъ только могъ, позапасся нѣсколькими употребительнѣйшими фразами на разныхъ языкахъ, существующихъ въ Венгріи. Такъ напримѣръ: какъ называется

эта деревня (или городъ)? По-словацки: якъ ся называ ова дедина (или място)? По-венгерски: хотъ гѣакъ ефъ о фальва (варушь)? По-молдавански: кумъ сетями сати а эшги? и т. п. И здѣсь представился мнѣ богатый случай блеснуть предъ товарищами своими филологическими знаніями.

Такъ какъ въ встрѣчавшихся прежде деревняхъ жили Сербы, то, у первой попавшейся намъ въ Бешеновъ толпы, я спросилъ по-словацки названіе этой деревни. Въ отвѣтъ на это мужики произнесли нѣсколько непонятныхъ для меня фразъ, въ которыхъ я узналъ однакожь звуки венгерскаго языка, по этому спросилъ то же самое по-венгерски — и получилъ въ отвѣтъ — Бешенова. У слѣдующей толпы, отличавшейся одеждою отъ предыдущей, — я опять спросилъ: якы они народъ? но въ отвѣтъ услышалъ непонятное бормотанье на незнакомомъ языкѣ: *Мадляръ!* — *Румуны!* — Тутъ я вспомнилъ, что гдѣ-то начиталъ, что названіе Румуновъ, т.-е. Рымлянъ, присвоиваюгъ себѣ Валахи; — это они и были.

Въ слѣдующей толпѣ, когда я спросилъ опять то же самое, одинъ мужчина сказалъ мнѣ: што ѓни говорятъ? якы народъ ѓни? — Србы.

Почти всѣ Славяне, которыхъ я встрѣчалъ въ Австріи, во второмъ лицѣ множественнаго числа, вмѣсто *вы*, употребляютъ *ѓни*, подобно какъ Нѣмцы *Sie* вмѣсто *Ihr*.

На бивакъ пришли мы часа въ четыре по-полудни, въ довольно ненастную погоду; чтобы обогрѣться и обсушиться, я, съ однимъ изъ товарищей, отправился въ ближайшую избу, въ которой жили Болгары или Бугары, какъ они себя называютъ.

Пока мой деньщикъ хлопоталъ объ обѣдѣ, я старался разговориться съ хозяевами, состоявшими изъ старика и двухъ старушекъ (молодые же мужчины, изъ опасенія быть взятыми въ солдаты, куда-то скрылись); но ничего не могъ добиться, кромѣ: *што, рано*, и какого-то *морно*, да еще то, что они Болгары.

Изба во всемъ похожа на избу великорусскаго мужика, за исключеніемъ конусообразной печи, довольно чисто содер-

жимой. На полкъ подъ образами я замѣтилъ книгу, оказавшуюся краткимъ Катехизисомъ на болгарскомъ языкѣ: онъ былъ напечатанъ латинскими буквами.

Теперь спрашивается: какимъ образомъ можетъ развиваться болгарская письменность, состоящая, въ настоящее время, изъ нѣсколькихъ букварей и священныхъ книгъ, когда, при самомъ такъ сказать, ея возрожденіи, книги печатаются тремя различными алфавитами? Ибо печатающіяся въ Турціи болгарскія книги имѣютъ обыкновенно греческія буквы, въ Россіи и Сербіи — славянскія, а въ Австріи — латинскія. Значитъ, каждый бѣдный Болгаринъ, желающій научиться чему-нибудь изъ болгарскихъ книгъ, долженъ прежде уметь разбирать латинскія, греческія и славянскія буквы!!!

Вотъ для примѣра молитва Господня на болгарскомъ языкѣ, выписанная мною изъ упомянутаго Катехизиса: *Otse nash, koj jesj na Nebesih! svètise Ime tvoje, pridi Krajstvo tvoje, budi Volja tvoja kako na Nebu, tako i na Zèmlji. Kruh náš svakdanji daj nam danas; i odpusti nam Duge nashe, kako i mi odpustjamo Duxnikom nashim, i neuvèdi nás u Nápást. da izbavi nás od Zla. Amen.* Большими буквами, на нѣмецкій ладъ, обозначены здѣсь всѣ существительныя имена; *cs* выговариваются какъ *ч*, *sh* — *ш*, *h* — *х* и *x* какъ *ж*.

На бивакъ возвратился я, когда уже совершенно смерклось, и здѣсь представилась мнѣ картина во вкусъ Рембранда. По всему биваку разложены были костры, вокругъ которыхъ солдаты, въ одеждѣ нашихъ праотцевъ, сушили свое бѣлье. Въ темнотѣ ночи, освѣщаемые огнями костровъ, они больше походили на краснокожихъ индѣйцевъ, чѣмъ на европейцевъ.

Добрые солдаты нашей роты устроили мнѣ изъ тростника шалашъ, непроницаемый для вѣтра и дождя, такъ что въ немъ я спокойно провелъ ночь. Я забылъ сказать, что при этой деревнѣ, равно какъ почти при всѣхъ, у которыхъ мы имѣли ночлегъ, на пути изъ Сегедина въ Темешваръ, австрійскій авангардъ имѣлъ стычку съ Венграми, съ незначительнымъ урономъ съ той и другой стороны.

Промежутокъ времени отъ прихода нашего въ Сегединъ до сраженія при Темешварь; т.-е. съ 22-го по 29-е іюля, солдаты наши очень выразительно назвали *страстной недѣлей*, потому что въ это время, кромѣ двухъ сраженій, почти каждый день происходили стычки съ венгерцами; переходы дѣлались очень большіе, — отъ пятидесяти до шестидесяти верстъ въ сутки. Наши войска едва успѣвали варить кашу, а Венгры, по рассказамъ отставшихъ и бѣглыхъ съ ихъ стороны, и того не могли дѣлать, войска ихъ питались преимущественно сухарями и сырою кукурузой.

Область, которую мы проходили, называется Банатомъ. Она одна изъ плодороднѣйшихъ странъ Австріи. Главный городъ въ ней Темешваръ.

Главное населеніе ея, какъ я уже сказала, составляютъ Сербы; но кромѣ того тамъ много Валаховъ, а къ сѣверу отъ Темешвара — Венгровъ и Болгаръ. Растительность здѣсь необыкновенная; поля засѣяны, большею частію, кукурузой; между кукурузой посажены обыкновенно огурцы, арбузы и дыни; по этому солдаты той роты, которой приходилось идти въ боковой цѣпи для прикрытія артиллеріи, приходили на бивакъ, обремененные съedomою добычею.

27-го іюля мы ночевали при д. Ловринъ (по-нѣмецки Gothlob), заселенной нѣмецкими колонистами; здѣсь мы нашли много отставныхъ Венгровъ и между нихъ двухъ офицеровъ.

28-го іюля мы проходили д. Кишъ-Бечкеренъ, заселенную Сербами; священникъ этой деревни, съ почетнѣйшими жителями, вышелъ къ намъ на встрѣчу и сказалъ приветственную рѣчь. При проходѣ черезъ деревню, наши солдаты, по обыкновенію, пѣли пѣсни, между которыми попадались нѣкоторыя не совсѣмъ приличныя, но имѣвшія протяжный напѣвъ. По этому случаю сказано было въ сербскихъ газетахъ, попавшихся мнѣ въ руки впоследствии, что Русскіе очень набожны, и что, проходя д. Кишъ-Бечкеренъ, они пѣли священные гимны. Наши офицеры много смѣялись этому. Ночевали мы въ селеніи Полетъе, заселенномъ Нѣмцами.

VIII.

Еще напоръ, и врагъ бѣжить.
(Полтава, А. Пушкина).

29-го числа поднялись мы, по обыкновенію, въ 3 часа утра и двинулись къ Темешвару, къ которому приблизились въ 3 часа по полудни. Тамъ Австрійцы еще до нашего прихода начали сраженіе, и потому нашъ полкъ прямо съ похода вступилъ въ дѣло.

Такъ-какъ наши войска не имѣли недостатка въ провіантѣ, слѣдовательно не были такъ изнурены, какъ Венгры, и притомъ имѣли лучшую позицію, то съ самаго начала можно было сказать, что побѣда останется на нашей сторонѣ.

Мѣстность, съ нашей стороны, командовала тою, на которой расположены были Венгры, по этому всѣ ихъ войска видны были какъ на ладони.

Первоначально Венгры дѣйствовали довольно вяло; но потомъ мы замѣтили, съ ихъ стороны, нѣкоторое воодушевленіе, — это воодушевленіе, какъ мы узнали впоследствии отъ плѣнныхъ, произошло вслѣдствіе прибытія Бема, потерпѣвшаго не задолго передъ этигъ пораженіе въ Трансильваніи.

Но восторгъ Венгровъ былъ очень кратковремененъ: — часть нашего отряда, бывшая въ резервѣ, вступила въ сраженіе, и мы начали сильно тѣснить ихъ. Въ самомъ разгарѣ сраженія, мы замѣтили какую-то нестройную толпу, бѣжавшую съ венгерской стороны къ нашему лѣвому флангу, а за этой толпой эскадронъ гусарь; впоследствии мы узнали, что толпа состояла изъ венгерскихъ пѣхотинцевъ, бѣжавшихъ, чтобъ сдаться нашимъ войскамъ, но за ними погнались гусары, рубившіе всѣхъ, кого могли настичъ. Наши артиллеристы были сначала въ затрудненіи насчетъ того, что имъ дѣлать: стрѣлять по сдающимся не приходится, — *лежачаго не бьютъ*, говоритъ пословица; а не стрѣлять, такъ гусары могутъ наскочить на баттарею, перерубить прислугу и даже захватить орудія. Наконецъ рѣшились стрѣлять выше роста человѣческаго; — гусары повернули назадъ, а съ ними часть бѣглецовъ. Другіе же говорили, будто непріятель, замѣтивъ, что на нашемъ лѣвомъ флангѣ не было кавалеріи, рѣшился обойти его,

для чего и посланы были туда гусары, но это, однакожь, ему не удалось.

Къ вечеру Венгры начали отступать, черезъ лѣсъ, отдѣлявшій ихъ отъ Темешвара. Въ этомъ лѣсу осталось множество венгерскихъ солдатъ, которыхъ на другой день нашъ полкъ собралъ и сдалъ Австрійцамъ.

Это сраженіе имѣло очень важное вліяніе на весь ходъ войны Венгерскія войска, по словамъ Гиргея (котораго записки о венгерской войнѣ, въ русскомъ переводѣ, ходили впоследствии по рукамъ между офицерами нашего корпуса), послѣ этого сраженія пришли въ такое разстройство, что перестали быть плотною, удобо-управляемою массою.

Вслѣдъ за Венграми, первые три баталіона нашего полка, вступили въ лѣсъ.

Такъ-какъ наши выюки и деньщики поотставали, то всѣ мы провели ночь подобно тому, какъ послѣ сраженія подъ Сегединомъ; только ночь была гораздо холоднѣе и роса выпала гораздо больше.

Венгры же, переночевавъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нами, то-есть на полянѣ возлѣ лѣса, въ которомъ мы ночевали, тронулись дальше, часа въ 2 ночи, провожаемые выстрѣлами съ темешварской крѣпости.

Четвертый же батальонъ нашего полка, по окончаніи сраженія, вступилъ на ночь въ Темешваръ.

«И око не видѣ, и ухо не слыша» (говорилъ извѣстный краснобай нашего полка) такого восторга, какой изъявили жители Темешвара, при вступленіи въ городъ этого батальона. Мужчины, женщины и дѣти, безъ различія состояній, бросались нашимъ солдатамъ и офицерамъ на шею; всѣ, кто только имѣлъ даръ слова, кричали: *живатъ Руссь!* Батальонъ былъ не разобранъ, а расхвтанъ жителями на квартиры. Солдатъ и офицеровъ угощали, чѣмъ только могли; правда, у нихъ бѣдныхъ и у самихъ не много осталось: хлѣба, во всемъ городѣ, ни крошки, но лошадинаго мяса, копченаго свиного сала и вина довольно. Лошадиное мясо я, мзъ любопытства, пробовалъ на другой день; вкусомъ оно похоже на жилистый кусокъ

мяса, но цвѣтомъ темнѣе. Въ трактирахъ за кусокъ этого мяса, величиною съ ладонь, платили по гульдену.

Не лишнимъ, я думаю, объяснить причину восторга жителей Темешвара. При самомъ началѣ венгерскаго возстанія, Темешваръ, въ которомъ, кромѣ незначительнаго числа регулярной кавалеріи, гарнизонъ состоялъ изъ сербскихъ граничаръ, былъ неожиданно лишенъ всякаго сообщенія съ австрійскими войсками.

Командующій этой крѣпостью австрійскій генералъ Руквинз, родомъ Чехъ, рѣшился защищаться до послѣдней крайности, на что и жители этого города, Сербы и Валахи, ненавидящіе Венгровъ, изъявили полное согласіе. Тогда Руквина, выславъ всѣхъ лишнихъ, т.-е. неспособныхъ носить оружіе, — кромѣ женщинъ и дѣтей, а также всѣхъ, временно проживавшихъ въ этомъ городѣ, объявилъ, что повѣситъ каждаго, кто первый заговоритъ о сдачѣ крѣпости Венграмъ, и просилъ съ нимъ самимъ сдѣлать то же, если онъ первый заговоритъ объ этомъ.

Потомъ приказалъ запечатать всѣ лавки и склады хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, и сдѣлавъ точное исчисленіе жителямъ, приказалъ выдавать пищу не иначе какъ съ его разрѣшенія, съ такимъ разсчетомъ, чтобы находящагося въ городѣ провіанта хватило больше, чѣмъ на полгода.

Такъ-какъ все, выдаваемое купцами, записывалось, кому и сколько выдано, и притомъ выдавалось все въ строгой соразмѣрности съ количествомъ душъ въ семействѣ, то цѣны на съѣстные припасы не могли возвыситься и пропитанія достало всѣмъ жителямъ на все время осады. Кромѣ того старались доставать провіантъ во время вылазокъ. Пороху и вообще военныхъ снарядовъ въ крѣпости было довольно.

Такимъ образомъ Темешваръ, управляемый мужественнымъ комендантомъ и защищаемый храбрымъ гарнизономъ, выдержалъ, до нашего прихода, шестидневную осаду, несмотря на нѣсколько тысячъ бомбъ, пущенныхъ въ него Венграми.

Будучи пробужденъ на другой день утреннимъ холодомъ, я былъ очень опечаленъ извѣстіемъ, что вьюки и обозъ нашъ еще не прибыли, слѣдовательно нѣтъ надежды согрѣться стаканомъ другимъ чаю. Къ-счастью, одинъ расторопный

фельдфебель успѣлъ добыть свѣжаго молока. Это молоко, разумеется, разогрѣтое, послужило завтракомъ для офицеровъ всего нашего батальона.

Пока мы такимъ образомъ завтракали, на поляну, гдѣ провелъ ночь нашъ батальонъ, вышло нѣсколько отсталыхъ венгерскихъ солдатъ, которые объявили, что въ лѣсу скрывается много ихъ товарищей, но они боятся выходить, думая, что здѣсь расположены Австрійцы.

При этомъ извѣстїи, всѣ наши офицеры, въ томъ числѣ и я, взявши съ собою нѣсколько солдатъ, отправились на поиски. Побродивши съ часъ по лѣсу, я встрѣтилъ толпу, человекъ въ двадцать, венгерскихъ солдатъ, которымъ, сдѣлавъ рукою знакъ слѣдовать за собою, скомандовалъ маршъ; и вмѣстѣ съ своими плѣнниками я воротился на поляну, гдѣ былъ расположенъ нашъ батальонъ.

Здѣсь я нашелъ сущее Вавилонское столпотвореніе: — венгерскіе плѣнные, которыхъ, при нашемъ батальонѣ, набралось человекъ до трехъ-сотъ, разговаривали между собою, чуть ли не на всѣхъ нарѣчіяхъ, существующихъ въ Австріи. Съ одной стороны слышалась воодушевленная рѣчь Итальянца; съ другой Сербъ на своемъ языкѣ старался объяснить нашимъ солдатамъ, что онъ православной вѣры и силой взять въ венгерскую службу; дальше нѣсколько Поляковъ, собравшись въ кучу, дѣлали предположеніе, что съ ними сдѣлають: *можетъ бытъ, же пошлѣнъ до Сиберїи*; наконецъ гнулъ Еврей, встрѣтивши *своихъ единопѣрцевъ* между нашими солдатами. Кромѣ упомянутыхъ, здѣсь были еще Нѣмцы, Словаки, Моравцы и Богъ вѣсть, кого еще не было.

Одежду венгерскихъ солдатъ я уже прежде описывалъ; польскіе и итальянскіе легіонеры одеждой мало отличаются отъ прочихъ венгерскихъ солдатъ; только вмѣсто киверовъ у первыхъ были извѣстныя кракусскія шапки, съ небольшимъ козырькомъ, съ краснымъ четырехъ-угольнымъ верхомъ и съ чернымъ бараньимъ околышкомъ, а у вторыхъ темнозеленыя, трапецеобразныя колпаки, обшитые, въ видѣ ломаной лїній, бѣлою тесьмою. Тѣ и другіе вооружены были штуцерами. Было еще довольно всякаго сброду, числившагося въ

пѣхота, одѣтаго и вооруженнаго тѣмъ попало, такъ что у однихъ были деревянныя подобія ружей, съ желѣзными штыками, у другихъ — косы; третьи же были вооружены желѣзными полосами, съ заостренными верхушками, и согнутыми при концѣ въ видѣ штыка. Не прошло и часа послѣ того, какъ были собраны плѣнные, наши солдаты уже успѣли сойтись съ ними самымъ дружескимъ образомъ. Когда же была привезена каша и водка, то наши добродушные солдаты, узнавъ, что гости уже два питались одною сырою кукурузою, согласились подѣлиться съ ними тѣмъ и другимъ. Надо было видѣть при этомъ радость бѣдныхъ, проголодавшихся *Кошутовъ*; особенно Итальянцы пришли въ неистовый восторгъ и начали кричать: *виватъ синьоры Русси!* Когда обѣдь была кончена, плѣнныхъ подъ конвоемъ отправили въ Темешваръ для сдачи Австрійцамъ; а нашъ батальонъ пошелъ на общій бивакъ, находившійся по другую сторону Темешвара, по дорогѣ въ Лугошъ. Отдохнувши отъ трудовъ предыдущихъ дней, я отправился осматривать Темешваръ. При входѣ въ городъ прежде всего бросаются въ глаза дома, въ буквальномъ смыслѣ изрѣшегченные венгерскими бомбами; это, впрочемъ, говорится о каменныхъ домахъ, деревянныя же, даже въ самой срединѣ города, все погорѣли. По всемъ улицамъ устроены были баррикады, изъ дровъ и тому подобнаго матеріала, покрытыя навозомъ и землею; за этими баррикадами жители скрывались отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Всѣ встрѣчавшіеся мнѣ жители имѣли видъ изнуренный, лица блѣдныя. Это происходило, какъ вслѣдствіе недостатка въ пищѣ, такъ и отъ того, что во все время осады они жили, большею частію, въ погребехъ и подвалахъ; въ домахъ же почти никто не жилъ, изъ опасенія быть убитымъ.

На гауптвахтахъ караулы занимали сербскіе и молдаванскіе шерезжане или граничары; послѣдніе были одѣты въ черныя и красныя казакины, сверхъ которыхъ были куптуши, съ разрывными рукавами, узорчато вышитыя красною тесьмою. На головахъ имѣли черныя, остроконечныя бараньи шапки въ родѣ персидскихъ. Вооружены саблями и шгуцерами; портупей и перевязи сдѣланы изъ пеньки, такимъ образомъ, какъ дѣлаются у насъ подпруги.

Въ Темешварѣ есть университетъ, въ которомъ, съ недавняго времени, науки читаются на венгерскомъ языкѣ. Я сказалъ: съ недавняго времени, потому что, дѣйствительно, прежде всѣ предметы, даже венгерская грамматика, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Венгріи, читались на латинскомъ языкѣ. Нигдѣ, кажется, въ цѣлой Европѣ латинскій языкъ не распространенъ такъ, какъ здѣсь. — даже многія венгерскія дамы умѣютъ говорить и читать по-латинѣ. Венгерскій языкъ введенъ тамъ въ употребленіе въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Въ настоящее время изъ Пешта въ Темешварѣ, чрезъ Сегединъ, проведена желѣзная дорога

Возвратясь изъ города на бивакъ, я увидалъ здѣсь одно изъ бѣдствій, посѣщающихъ иногда русскія южныя губерніи, а именно — саранчу. Она легла съ юго-востока огромною тучею; слово туча нисколько не преувеличиваетъ понятія о количествѣ саранчи. Когда она пролетала чрезъ нашъ бивакъ, то солдаты убивали ее, чѣмъ и сколько могли, но, я думаю, имъ не удалось истребить и тысячной ея доли. Лѣсокъ, находившійся позади нашего бивака, и на который она опустилась, былъ лишенъ листьевъ меньше чѣмъ въ два часа.

Вслѣдъ за саранчею посѣщали нашъ бивакъ, также зло южной Россіи, плащеватые цыгане. Взрослые были покрыты кой-какими лохмотьями, но дѣти, моложе четырнадцати лѣтъ, безъ различія пола, были наги, какъ создала природа. Они, повидимому, одарены необычайною цѣпкостью; все, что имъ попадалось по пути имъ: бумажка, веревочка, тряпочка, все это схватывалось и передавалось старухамъ, опускавшимъ добычу въ свои бездонные мышки.

1 августа нашему отряду объявлено было, что мы стоимъ подъ Темешваромъ цѣлую недѣлю, т.-е. пока не сблизятся съ нами войска, предводительствуемые баномъ Іелашичемъ, для генеральнаго сраженія, котораго ожидали подъ Лугошемъ. Солдаты повьстраивали себѣ прочные шалаши; я же, не ожидая внезапнаго подъема, верхомъ отправился купаться къ р. Марошу; находившейся верстахъ въ трехъ отъ нашего бивака. Каково жъ было мое изумленіе, когда, возвра-

щаясь съ купанья, я увидалъ, что, говоря словами поэта, колебаясь и сверкая, движутся полки, т.-е. полкъ Е. С. Князя Варшавскаго, шедшій походомъ впереди, а по этому и подымавшійся всегда нѣсколькими минутами раньше нашего, уже двинулся впередъ. Едва успѣлъ я, передавши лошадь денщику для навьючиванья, стать на свое мѣсто, какъ батальонный командиръ скомандовалъ: *на плечо! Батальонъ, впередъ, по знаменнымъ полувводамъ, изъ середины въ колонну стройся; вольнымъ шагомъ маршъ!* И мы тронулись.

Эта перемена въ распоряженіяхъ, какъ я узналъ послѣ, слѣлана была вслѣдствіе полученнаго въ тотъ день извѣстія, что Гиргей, со всею своею арміею, сложилъ предъ русскими войсками оружіе, между деревнями Шелюшь и Вильгошъ.

Много жалѣли, впоследствии, наши офицеры объ этомъ раннемъ выступленіи изъ-подъ Темешвара: изъ газетъ узнали мы, что на другой день, по выходѣ нашемъ оттуда, пришелъ къ Темешвару банъ Іелашичъ съ своими Кроатами, съ которыми намъ любопытно было бы познакомиться поближе.

Такъ какъ въ этотъ день мы выступили въ шесть часовъ по полудни, то на слѣдующую станцію, близъ деревни Рекашъ, пришли мы утромъ на другой день. Рекашъ находится въ одномъ переходѣ отъ Лугоша.

IX.

И оба войска, кончивъ бой,
 Съ музыкой, съ пѣснями, съ пальбой,
 Съ торжественностью ратной,
 Вступили въ путь обратной.
(Ленора Шиллера, пер. Жуковскаго).

Въ шесть часовъ по полудни, нашъ отрядъ, внезапно переменявъ направленіе, двинулся къ северу. по дорогѣ къ крепости Арадъ, для соединенія съ войсками третьяго пѣхотнаго корпуса. Ночлегъ имѣли у деревни Балиндъ, а на другой день у деревни Визенгейдъ, населенной нѣмцами. Здѣсь мы узнали, что венгерскія войска, собравшіяся было при Лугошъ, распушены по домамъ.

Едва пришли мы 5-го августа къ селенію Эглишъ-

Брунневъ, находящемуся въ двухъ верстахъ отъ Арада, какъ генераль-маіоръ Бутурлинъ, пришивавшій Арадъ отъ венгерскаго полковника Коссильча, потребовалъ полкъ Е. С. Ки. Варшавскаго для занятія караула въ этой крѣпости. Въ Арадѣ найдено до тысячи воловъ, большое количество провіанта и съѣстныхъ припасовъ.

Замѣчательно, что къ этой крѣпости гораздо прежде насъ прибыли Австрійцы, но Венгры не соглашались сложить орудіе иначе, какъ предъ Русскими. То же самое сдѣлать и Клапка, запершійся въ Коморнъ: для принятія отъ Венгровъ этой крѣпости, нарочно былъ посланъ русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Граббе.

7 августа, нашъ отрядъ въ городѣ Арадѣ перешелъ на правый берегъ Тиссы. Во время перехода черезъ городъ, служившій послѣднимъ притономъ для венгерскаго революціоннаго правительства и наполненный обезоруженнымъ непріятелемъ, генералъ Шликъ прощался съ войсками нашего отряда, тогда какъ Гейнау и другіе, бывшіе съ нами, австрійскіе генералы не догадались этого сдѣлать, что произвело невыгодные толки между нашими солдатами.

8 августа отрядъ нашъ раздѣлился по полкамъ, которые съ своими батальонами разставлены были по деревнямъ на квартиры. Нашему батальону достался ночлегъ въ деревнѣ Карегъ, населенной Болгарами и Валахами. Одеждою Валахи почти не отличаются отъ нашихъ простолюдиновъ, чаще всего случалось видѣть ихъ въ нагольныхъ тулупахъ, у которыхъ вмѣсто воротниковъ пришиты цѣльные ягличьи смушки, т.-е. выдѣланныя кожи съ ножками и хвостами. Наши солдаты не безъ пропіи замѣчали, что здѣшніе мужики вышлютъ себя на шею цѣлыхъ барановъ.

На другой день, т.-е. 9-го августа, первой и второй батальонъ нашего полка перешли въ г. Панкоту, а нашъ, т.-е. третій, въ деревню Мадяратъ, лежащую у подножія горъ, отдѣляющихъ Банатъ отъ Трансильваніи; а четвертый батальонъ остался въ Корсти. Въ Панкотѣ мы встрѣтились съ полками седьмой пѣхотной дивизіи.

Деревня Мадяратъ, въ которой мы простояли двое

сутокъ, пока другія войска дивизіи откроютъ намъ путь, заселена Молдаванами, занимающимися разведеніемъ винограда и выдѣлкою вина, извѣснаго въ торговль подъ именемъ Мадларата. Во время нашей стоянки въ этой деревнѣ, послылись слухи о разбояхъ, производимыхъ въ Трансильванскихъ горахъ распущенными венгерскими солдатами, изъ корпуса дѣйствовавшаго въ Трансильваніи.

12 августа мы имѣли ночлегъ въ деревнѣ Мишкѣ, заселенной Молдаванами. Мнѣ пришлось стоять у нотаріуса, которій въ Венгріи въ каждой порядочной деревнѣ исправляетъ почти ту же должность, чѣмъ у насъ волостной писарь. Онъ считается подчиненнымъ сельскому старостѣ (Nülrichter), но на дѣль староста играетъ при немъ самую независимую роль. Въ Венгріи сельскій староста, какъ и у насъ, выбирается мужиками изъ своей среды, а правительство даетъ ему, какъ бы въ помощники, нотаріуса, обыкновенно, человека довольно образованнаго, кончившаго курсъ въ одномъ изъ венгерскихъ университетовъ. Отъ этого происходитъ, что староста сидитъ на кухнѣ или въ прихожей у подчиненнаго ему по законамъ нотаріуса.

Вечеромъ къ нотаріусу пришелъ въ гости учитель тамошней школы, говорившій немного по-нѣмецки, по этому я старался разспросить его о состояніи грамотности у Молдаванъ; но узналъ очень не много, а именно: что на молдаванскомъ языкѣ учатъ только въ школахъ, да и то не во всѣхъ деревняхъ, заселенныхъ Молдаванами; кто же желаетъ получить большее образованіе, тотъ долженъ поступать въ венгерскую гимназію.

Впоследствии я начтала въ газетахъ, что жители Буковины, состоящіе преимущественно изъ Молдаванъ, послали къ австрійскому императору депутацію, съ просьбой позволить тамошнему дворянству основать университетъ въ г. Черновичахъ, въ которомъ науки преподавались бы на молдаванскомъ языкѣ; не знаю, достигла ли своей цѣли эта депутація.

Въ слѣдующіе дни мы имѣли станціи: въ м. Зирандѣ, м. Надъ-Салантъ, деревнѣ Сентъ-Миклошъ, и 17 августа пришли къ Гросъ-Вардейну (Nagy-Warad; Вельки-Варадишъ),

ишли дневку близъ этого города въ деревнѣ Боршь. Населеніе всѣхъ упомянутыхъ мѣстъ составляютъ Молдаване и Венгры кальвинисты. Къ сѣверу отъ Гросъ-Вардейна Молдаване уже больше намъ не встрѣчались. Здѣсь мы были обрадованы извѣстіемъ, что нашъ отрядъ остается, на зимнія квартиры, въ Галиціи Нашему полку назначена была стоянка въ г. Хеси-ровѣ, не далеко отъ Перемышля.

Это извѣстіе обрадовало насъ потому, что каждому изъ насъ желательно было лучше ознакомиться съ Австріей; а тутъ представилась возможность исполнить это желаніе, что конечно, не трудно было сдѣлать, проведши цѣлую зиму въ австрійскихъ владѣніяхъ. Но этой надеждой мы питались только до мѣстечка Орлика, гдѣ, по измѣнившимся распоряженіямъ, получили новый маршрутъ для слѣдованія, чрезъ г. Краковъ, въ царство Польское.

Въ этотъ день я былъ немного нездоровъ, по этому не могъ посѣтить Гросъ-Вардейна, а слѣдовательно не могу ни чего сказать о немъ.

Потомъ, чрезъ деревни Беретто-Уй-Фальви и Деречке, мы слѣдовали на городъ Дебрецинъ, куда прибыли 22-го августа. Дебрецинъ, служившій временною станціею венгерскому революціонному правительству, по выѣздѣ его изъ Пешга, большой, но некрасивый и неопрятный городъ, съ немощеными улицами, застроенъ, по большей части, деревянными домами. Жители его состоятъ изъ Венгровъ-Кальвинистовъ, съ значительною примѣсью Евреевъ.

Разсказываютъ, будто бы въ числѣ убитыхъ Венгровъ, въ сраженіи подъ Дебрециномъ, происходившемъ между русскими и венгерскими войсками, найдено было нѣсколько передѣтыхъ женщинъ.

По выходѣ изъ Дебрецина, 24-го августа, нашъ баталіонъ имѣлъ ночлегъ въ деревнѣ Бигонь. Прийдя на квартиру, я приказалъ деньщику купить мнѣ молока; хозяинъ, понявъ слово молоко, приказалъ тотчасъ женѣ своей подать его, а самъ повелъ ко мнѣ длинную рѣчь на венгерскомъ языкѣ, при-мѣшавая славянскія слова, изъ которыхъ я разобралъ только:

валахская вѣра; наконецъ, видя, что я все-таки не понимаю его, обратился къ углу, гдѣ стояли иконы, и прочелъ на славянскомъ языкѣ Отче нашъ; тогда только я догадался, въ чемъ дѣло: — хозяинъ хотѣлъ объяснить, что онъ съ нами одной вѣры.

Между тѣмъ жена его вышла изъ хаты и чрезъ нѣсколько времени возвратилась въ сопровожденіи какой-то старухи, одѣтой такъ, какъ одѣваются деревенскія женщины въ Малороссіи. Старуха привѣтствовала меня малорусскимъ: *добры день*, и потомъ рассказала, что она пришла съ жалобой на солдагъ — своихъ постояльцевъ. «*Пришли*», говорила она, «*дай кинуть: давай намъ м'яса. Я кажу имъ—нема въ мене м'яса; отъ маете молоко и бандуркы (*)*, *дакъ и йажте; а воны зачалы лаяты менѣ, да такъ паскудно, цо я й зъ роду не чула.*»

Разговорившись съ этой старухой, я узналъ, что все жители, какъ этой, такъ и прилежащихъ деревень — малоруссы или, какъ ихъ здѣсь называютъ, Русинки, но такъ омадарены, что только старики помнятъ родной языкъ. — Въ школахъ, находящихся здѣсь въ каждой деревнѣ, учатъ по-венгерски, даже, въ последнее время, разосланы по церквамъ священныя книги на венгерскомъ языкѣ, а на славянскомъ запрещено исправлять службу. Встрѣча Русиновъ въ здѣшней сторонѣ очень меня удивила, тѣмъ болѣе, что даже на народописной картѣ Славянъ Шафарика, они здѣсь не обозначены.

26-го августа, деревня Мизиричи подъ Токаемъ, по ту сторону рѣки Тиссы. Жители Русины. Отдохнувъ немного, я отправился въ городъ, чтобы осмотрѣть его и попробовать токайскаго вина. Токай городъ небольшой, но очень растянутый, потому-что ему некуда расширяться: съ одной стороны тѣснить его горы, довольно высокія, покрытыя виноградниками, а съ другой рѣка Тисса, заливающая весною лѣвый берегъ на значительное пространство. Но мы уже въ другой разъ встрѣчаемся съ Тиссой, по этому не будетъ лишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ. Она любимая рѣка

(*) Картофель. Въ Галиціи — змиякъ.

Венгровъ и славится въ ихъ пѣсняхъ, такъ же часто, какъ у насъ Донъ, Днѣпръ и Волга. О изобиліи рыбы въ этой рѣкѣ свидѣтельствуетъ венгерская поговорка: «гребую часть Тиссы составятъ рыбы.» Но вода ея для непривыкшихъ очень не хороша—сильно разстроиваетъ желудокъ, по этому въ войскахъ нашихъ, тамъ находившихся, много солдатъ померло отъ холеры.

Гуляя по городу, я зашелъ въ одну лавку купить табаку, но, къ моему изумленію, на австрійскую ассигнацію въ два гульдена (1 руб. 20 к. с.) не нашлось сдачи, какъ въ этой, такъ и въ сосѣднихъ лавкахъ. Это произошло, можетъ быть, отъ недостатка звонкой монеты, а можетъ быть и отъ того, что купцы не хотѣли принимать австрійскихъ ассигнацій, которымъ не очень доверяли.

Надо сказать, что знаменитое токайское вино выдѣлывается не въ самомъ Токаѣ, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, въ Талійской долинѣ, такъ называемой по находящемуся въ ней мѣстечку Талин, гдѣ виноградъ лучшаго качества.

Выходя изъ города, мы замѣтили значительное количество свѣжихъ могилъ, свидѣтельствовавшихъ о свирѣпствовавшей здѣсь, въ войскахъ, холерѣ. Жители сказали намъ, что въ этихъ могилахъ лежатъ русскіе. За Токаемъ на нѣсколько верстъ провожали насъ довольно крутыя горы, покрытыя виноградниками. Я не разъ вспоминалъ басню: Лисица и Виноградъ, видя, какъ наши солдатики, почесывая затылки, посматривали на виноградъ. Вѣдь вотъ бѣда, онъ, во-первыхъ, довольно высоко отъ дороги, во-вторыхъ, онъ отдаленъ непроницаемою живою изгородью, за которою сидитъ сторожъ, готовый не задумываясь выстрѣлить въ каждаго, кто бы дерзнулъ тронуть виноградъ, что и повѣрилъ на опытъ деньщикъ одного изъ нашихъ офицеровъ, оставши отъ батальона, чтобъ полакомиться виноградомъ.

Потомъ мы проходили мѣстечко Керештуръ, замѣчательное по своему живописному положенію и по бывшему близъ него, до нашего вступленія въ Венгрію, сраженію между Австрійцами и Венгерцами.

Ночевали въ мѣстечкѣ Санто, населенномъ Русинами. Мнѣ досталось стоять у униатскаго священника, родомъ венгерца, довольно образованнаго чловѣка. Съ нимъ вмѣстѣ ходилъ я къ вечернѣ въ униатскую церковь, которая съ виду больше походитъ на польскій костель, чѣмъ на православную церковь. Служеніе производится на славянскомъ языкѣ, въ которомъ сильно замѣтно малорусское произношеніе. Буква *ль* вездѣ произносится какъ *і*. Послѣ вечерни, я разговорился съ хозяиномъ, принимавшимъ меня, какъ и всѣ венгерцы, у которыхъ мнѣ приходилось стоять на квартирѣ, очень радушно. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ зѣвшеі сторонѣ Венгріи, чистыхъ Венгровъ мало, а жители состоятъ изъ Словаковъ—кальвинистовъ и Русиновъ—униатовъ. Разспрашивалъ меня о Россіи и, въ особенности, о Сибири, имѣющей въ Венгріи громкую и грозную извѣстность,—чему причиною, я полагаю, польскіе выходцы. Каждый грамотный, едва знающій о существованіи Петербурга и Москвы, непременно знаетъ, что въ Россіи есть сторона Сибирь, вѣчно покрытая снѣгомъ и заселенная волками и медвѣдями. Можетъ быть, спросятъ: какъ могъ я объясняться съ хозяиномъ, не зная по-венгерски? Я говорилъ ему по-польски, а онъ отвѣчалъ мнѣ по-словацки, и мы прекрасно понимали другъ друга.

Разсматривая небольшую библіотеку своего хозяина, между венгерскими книгами, я нашелъ одну, приведшую меня, урожденнаго Малорусса, въ неописанный восторгъ. Какъ бы вы думали, что это была за книга?... Малорусскій или русинскій букварь! Да-съ. Причина моего восторга та, что, видя эту книжечку, я убѣдился, что есть на земной поверхности уголокъ, гдѣ грамотность распространяется на малорусскомъ языкѣ, следовательно малорусская словесность можетъ существовать для того, чтобы приносить пользу, распространяя между мнми соплеменниками полезное знаніе, а не для того только, чтобы служить поприщемъ для упражненія въ виршахъ господъ Стецька и Грицька Коршенокъ и компаніи; и много, много отраднхъ мыслей навѣялъ на меня бѣдный, на грубой сѣрой бумагѣ напечатанный, русинскій букварь.

Впоследствии я видѣлъ также двѣ русинскія грамматики;

одна на нѣмецкомъ языкѣ, составленная Карломъ Владимировъ Пихлеромъ, отличается своею точностью и краткостью; а другая на польскомъ — Юсифа Лозинскаго, очень подробная, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень неопредѣлительная. Въ Галиціи я узналъ много утѣшительныхъ вещей насчетъ русинской словесности, о чемъ расскажу въ свое время.

29-го августа прошли мы мѣстечко Гидасъ-Немети, и остановились въ м. Гёнзъ (Gönz). Отсюда уже не отрогами, а крутыми горами обозначаются Карпаты. Близъ города есть минеральные источники, при которыхъ устроены ванны.

Товарищъ мой, съ которымъ я ходилъ въ эти ванны, въ день прихода въ это мѣстечко, пошелъ еще на другой день (здѣсь мы имѣли дневку), вслѣдствіе чего у него оказалась такая сильная сыпь, что онъ принялъ было ее за чесотку. Этотъ же офицеръ довольно забавнымъ образомъ объяснилъ выразительность русскаго языка. Хозяинъ нашъ, докторъ, говорившій по-нѣмецки, спросилъ насъ: какое отличительное свойство русскаго языка? — Мы отвѣчали: выразительность. И когда докторъ просилъ объяснить это примѣромъ, то мой товарищъ, наклонясь подъ столъ, гдѣ два щенка, ползая, немилосердно визжали, довольно громко вскрикнулъ: *молчать!* Испуганные щенки, разумѣется, притихли. — «А что, сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину, — попробуйте сказать имъ по-нѣмецки: *штилле!* или по-французски: *силансъ!* Вѣдь не поймутъ, а по-русски поняли.»

31-го августа мы проходили Кашицы (Kaschau), довольно важный городъ. Здѣсь остался нашъ полковой штабъ, нашъ же батальонъ ночевалъ въ деревнѣ, верстахъ въ двухъ отъ Кашицъ. Жители этой деревни, равно какъ и всей сѣверо-западной части Кашицкаго комитата, состоятъ изъ Сотаковъ, составляющихъ племя среднее, сколько можно замѣтить по ихъ языку, между Словаками и Русинами. Это родное, сильное племя отличается отъ другихъ Словаковъ, населяющихъ сѣверо-западную часть Венгріи, нѣкоторыми особенностями своего нарѣчія и еще своею кальвинскою вѣрою, тогда какъ западные Словаки, почти всѣ, католики.

За Кашицами дорога проходить по крутымъ горамъ,

представляющимъ на каждомъ шагѣ живописныя виды, особенно подѣ Прешовымъ (Prešpôk), гдѣ мы ночевали. Въ Прешовѣ находятся Императорскіе соловаренные заводы. Мнѣ пришлось ночевать у одного чиновника при этихъ заводахъ, отставнаго австрійскаго офицера, родомъ Словака. Во время ужина хозяинъ потчивалъ меня бардѣевскою водою, которая, если подлить въ нее немного бѣлаго вина, — пѣнится какъ отъ содовыхъ порошковъ. Это происходитъ, я думаю, отъ заключающейся въ ней угле-кислоты. Бардѣевской она называется потому, что получается изъ горныхъ источниковъ близъ города Бардѣва (Bartfeld, Bartufalva).

Разсматривая книги, находившіяся въ моей комнатѣ, я нашелъ между ними тетрадь чистописанія сына моего хозяина. Изъ этой тетради я узналъ, что этотъ мальчикъ (10-ти лѣтъ) учится разнымъ пяти языкамъ, а именно: *нѣмецкому*, какъ главному правительственному языку Австрійской имперіи; *венгерскому*, какъ правительственному языку Венгріи; *латинскому*, какъ языку ученыхъ людей Венгріи, на которомъ тамъ написаны не только всѣ ученія сочиненія, но и всѣ законы; *французскому*, какъ общеупотребительному языку образованныхъ людей всей Европы; наконецъ *словацкому*, какъ мѣстному употребительнѣйшему языку.

Вообще въ Австріи, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, языкознаніе сильно развито. Мнѣ случалось встрѣчать простыхъ унтеръ-офицеровъ, говорящихъ на пяти, даже на шести языкахъ.

2-го сентября нашъ батальонъ ночевалъ въ деревнѣ, названія которой не помню, заселенной Гуцулами, т.-е. горцами русинскаго (малорусскаго) племени, живущими по Бескодамъ, (такъ называется сѣверо-восточная часть Карпатовъ, въ отличіе отъ сѣверо-западной части этихъ горъ, называющихся Татрами). Языкъ этихъ горцевъ есть нарѣчіе русинскаго; но въ немъ много словъ и оборотовъ рѣчи словацкаго языка. Улицъ въ этой деревнѣ нѣтъ, потому-что улицей нельзя назвать ручья, вдоль котораго, на большомъ разстояніи одна отъ другой, разбросаны бѣдныя хаты Гуцуловъ; этотъ ручей служитъ вмѣсто дороги, подобно тому какъ въ Кіевѣ историческая рѣчка

Глубочица. Горцы Словацкаго племени, живущіе по Татрамъ, въ отличіе отъ Гуцуловъ, называются Гуралями.

3-го сентября мы имѣли ночлегъ въ укрѣпленномъ городкѣ Бардіевѣ, въ которомъ находился большой складъ провіанта для главной русской арміи. Дорога здѣсь, т.-е. до Бардіева и дальше до Змиграда, по причинѣ крутыхъ горъ, была бы непроходима не только для артиллеріи, но и вообще для всякаго рода повозокъ, если бы австрійское правительство не устроило тамъ прекраснаго шоссе.

4-го сентября полкъ нашъ почевалъ въ мѣстечкѣ Зборовѣ. Дорогою мы встрѣтили батальонъ русицкихъ стрѣлковъ, шедшихъ къ Коморну и состоявшихъ, большею частію, изъ Гуцуловъ. Стрѣлки эти были одѣты въ свой народный костюмъ: въ казакшны или кафтаны краснаго сукна, стлнутые кожаными поясами, усаженными мѣдными пуговицами; къ этимъ козамъ прикрѣплены были патронташи; на головахъ имѣли войлочные шляпы; сверхъ казакшновъ накинуты были короткія бурки съ канифонами изъ грубаго сѣраго сукна. Вооруженіе ихъ составляли штуцера, съ длинными ножеобразными штыками. Патронташи поддерживались еще двумя кожаными перевязями, присегнутыми сзади у пояса; эти перевязи также украшены были маленькими мѣдными пуговицами. Отъ этихъ-то красныхъ кафтановъ произошло названіе Червоной (т.-е. красной) Руси, подобно тому какъ Бѣлая Русь получила свое названіе отъ бѣлаго цвѣта, преобладающаго въ одеждѣ ея жителей.

Подходя къ Зборову, мы любовались живописнымъ видомъ замка Рокочія, расположеннаго на краю крутой горы, покрытой дремучимъ дубовымъ лѣсомъ. Круглыя башни его видѣются, изъ-за горъ, на дальнемъ (верстъ за 10-ть съ двухъ сторонъ) разстояніи.

5-го сентября пришли мы въ м. Орликъ, получившее свое названіе отъ извѣстнаго наперстника Мазепы, украинскаго генеральнаго писаря, Филиппа Орлика, долгое время жившаго здѣсь. Я никакъ не могъ добиться, здѣсь ли онъ умеръ; но преданіе о немъ свѣжо въ памяти жителей. Здѣсь мы имѣли дневку.

X.

Невадѣніе (наше о Галиціи) до того простирается, что многіе изъ насъ, въ глубинѣ души, увѣрены; что Лембергъ есть главный городъ одной, чисто немецкой, области, и никакъ не въ состояніи растолковать себѣ, отъ чего онъ носитъ еще другое названіе, и при томъ славянское, Львовъ.

(Предисловіе Осипа Бодянского къ переводу Исторіи Галицкой или Червонной Руси. Д. Зубрицкаго).

7-го сентября мы имѣли ночлегъ въ м. Коморникахъ, лежащемъ на границѣ Венгріи и Галиціи.

Такъ-какъ Галиція не совсемъ чужда намъ — Русскимъ, во-первыхъ потому, что большею своею частью, (округами Львовскимъ и Станиславовскимъ) составляла древнюю русскую область, известную сначала подъ именемъ «Червленской земли», а впоследствии подъ именемъ королевства Галицкаго, а во-вторыхъ тѣмъ, что въ большей части своей территоріи, а именно въ двухъ вышеупомянутыхъ округахъ, заселена одноплеменными намъ Русинами, т.-е. Русскими: вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, да позволено будетъ мнѣ сказать нѣсколько словъ о прошедшемъ и настоящемъ этой страны.

Достоверная исторія Червонной Руси, не основанная на *кажется и вѣроятію*, начинается съ 982-го года, т.-е. времени завоєванія ее русскимъ великимъ княземъ Владимиромъ Равноапостольнымъ; потомъ она, вслѣдствіе удѣльной системы, раздѣлилась на многія княжества, какъ-то Галицкое, Владимирское, Перемышльское, Хельмское, Бельзское и другія (*). Такъ-какъ многіе червонно-русскіе князья родились съ соседственными князьями и королями венгерскими, то случалось, что венгерскимъ князьямъ доставались по наследству русскія княжества. Такъ въ числѣ государей этой страны встрѣчаются венгерскіе царевицы, какъ напримѣръ: Андрей, Коломанъ

(*) Эти два послѣднія княжества, равно какъ и остальная часть Надвислянской Руси, названной, впоследствии, Люблинскимъ воеводствомъ, рано были отторгнуты Поляками отъ остальной Червонной Руси и не входили въ составъ королевства Галиціи.

и друг. Вслѣдствіе этого венгерскіе короли имѣли притязаніе на Галицію и титуловались, между прочимъ — «королями Галиціи и князьями Лодомиріи» (т.-е. Владиміріи; здѣсь буква в отброшена по свойству венгерскаго языка, подобно какъ въ имени Владиславъ, по-венгерски Ладисло (Ladiszlo) и въ др.)— Австрійскіе императоры, по завладѣніи Галиціею, также титулуются королями Галиціи и Лодомиріи. Усилившіеся князья галицкіе соединили тамошнія удѣльныя княжества подъ одну власть и стали именоваться королями Галиціи.

Одинъ изъ этихъ королей, Романъ Мстиславичъ, именовался даже *великимъ самодержцемъ всея Руси*.

Казиміръ III-й, король польскій, воспользовавшись безпорядками въ Галиціи, по смерти ея государя Болеслава Тройденевича, отравленнаго своими подданными, овладѣлъ ею въ 1340 г. Потомъ она досталась было Венгріи, но въ 1387-мъ году ею окончательно овладѣли Поляки, успѣвшіе и эту страну, подобно какъ и всѣ свои владѣнія, привести въ крайнее ничтожество, а жителей обратить въ унию. Въ 1774 году, при первомъ раздѣлѣ Польши, Галиція досталась Австріи.

Въ составъ нынѣшняго королевства Галиціи, кромѣ Червоной Руси, входятъ еще два польскихъ округа, Тарнавскій и Краковскій; по этому, въ отношеніи народонаселенія, она раздѣляется на двѣ неравныя части: на восточную, большую, гдѣ главное населеніе составляютъ Русины, и западную, меньшую, занятую Поляками. Границею этихъ двухъ племенъ русскій писатель Д. Зубрицкій полагаетъ рѣки Вислоку и Сань, или же чергу, идущую чрезъ города Радошице, Санокъ, Ясеницу, Ржешовъ и Лежайскъ. Впрочемъ и въ восточной части Галиціи довольно много Поляковъ, составляющихъ тамъ, во-первыхъ, все сословіе дворянъ, а во-вторыхъ, значительную часть мѣщанъ.

Дворяне русскаго происхожденія, принявшіе католичество, такъ ополчились, что ихъ не отличишь отъ коренныхъ Поляковъ.

Нѣмцы, Жиды и, въ небольшомъ числѣ, Армяне, разсыяны по городамъ и мѣстечкамъ. Есть много нѣмецкихъ осадъ, особенно близъ Львова.

Язык Русиновъ, какъ я уже сказалъ, есть нарѣчіе малорусское; но какъ они находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Поляками, чѣмъ Малоруссы, то въ ихъ нарѣчіе вошло больше польскихъ словъ, а отъ сосѣдства съ Венграми, вошло много венгерскихъ, напримѣръ: газда—хозяинъ, легеникъ—разбойникъ и друг.; межъ тѣмъ какъ въ малорусскій языкъ, отъ сосѣдства съ Татарами, вошло много татарскихъ словъ. Кромъ того въ словосочетаніи русинскаго языка есть нѣкоторыя особенности, какъ напримѣръ, отдѣленіе отъ глаголовъ мѣстоимѣнія *ся*; они говорятъ: де ты *ся* барывѣ, вмѣсто—де ты барився и т. п.

Образованность Русиновъ подъ польскимъ и венгерскимъ владычествомъ (*) совершенно было померкла, изрѣдка печатались только богослужебныя книги. Но въ нынѣшнемъ столѣтіи и у Русиновъ пробудилась умственная жизнь. Кромъ двухъ вышеупомянутыхъ грамматикъ русинскаго языка, — Пихлера и Лозинскаго, тамъ есть еще грамматика Вагилевича и Левицкаго; послѣдняя считается лучшею изъ всѣхъ

Кромъ того, на русинскомъ языкѣ вышло нѣсколько литературныхъ сборниковъ: *Днѣстровска Русалка*, напечатана въ Пешгѣ; *Мотыль* — въ Перемышлѣ и друг. «Тарась Бульба» и «Старосвѣтскіе Помѣщики» переведены на малороссійскій языкъ и напечатаны въ Львовѣ. Есть тамъ нѣсколько очень полныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень; изъ нихъ попадались въ руки: *Вицлава зъ Олеска* и Русское *Весилле*; послѣдній сборникъ составленъ Лозинскимъ.

Въ Австріи, сколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время выходятъ двѣ газеты на русинскомъ языкѣ; изъ нихъ одна во Львовѣ, *Зоря Галицки*, выходитъ два раза въ недѣлю, а другая въ Вьнѣ: *Вьдѣньскій Вѣстникъ*; послѣдней я не видалъ.

Русинскія книги и эти двѣ газеты печатаются славянскими буквами. Извѣстно, что новѣйшіе законы Австріи напечатаны на десяти употребительнѣйшихъ языкахъ этой имперіи, въ томъ числѣ и на русинскомъ. Въ послѣднее время науки въ народныхъ школахъ и въ двухъ гимназіяхъ: Львов-

(*) Въ Венгріи находится до 400,000 Русиновъ; оны, главнѣйше, заселяютъ Мармарошскій комитатъ.

ской и Станиславской, а также богословскія науки, для униатовъ, въ Львовскомъ университетѣ, читаются на русинскомъ языкѣ.

Въ Львовѣ существуетъ теперь общество, подъ названіемъ: *Галицко-Русская Матица*, имѣющее цѣлью распространять въ Галиціи образованность на русинскомъ языкѣ. Замѣчательно стремленіе Русиновъ къ образованности, съ тѣхъ поръ, какъ позволено въ училищахъ преподавать науки на народномъ языкѣ: напримѣръ, деревушка, состоящая всего изъ 45 дворовъ, проситъ позволеніе учредить у себя школу, на своемъ содержаніи. Подобныя примѣры часто можно начитать въ *Зорѣ Галицкой*, издаваемой Галицко-Русскою Матицей.

Эго показываетъ, какъ быстро распространилось бы просвѣщеніе, если бь оно вездѣ введено было на родныхъ языкахъ.

Главнымъ двигателемъ этого стремленія Русиновъ къ образованности служить, надо сказать къ чести его, униатское духовенство.

Но однако жь, я слишкомъ заговорился о Галиціи, и, можетъ быть, даже наскучилъ ею читателю; по этому обращаюсь опять къ своему походу.

И такъ, въ м. Коморникахъ мы вступили въ Галицію; первое, что намъ въ ней очень понравилось, это—обозначеніе пути дорожными столбами. Въ Венгріи эгого нѣтъ, а потому походомъ пренепріяно было: идемъ, идемъ, и не знаемъ, много ли остается еще идти до почлега. Венгерская миля равняется слишкомъ десяти верстамъ, такъ, что если тамъ говорятъ: до такого-то мѣста остается двѣ мили то можно почти на-вѣрное полагать верстъ двадцать пять. Въ Галиціи же разстояніе считается немецкими милями (семь верстъ), и каждая четверть мили обозначена дорожнымъ столбомъ.

8 сентября вошли мы въ городъ Дукла, расположенный въ веселой долинѣ, у подножія Карпатовъ. Видомъ своимъ Дукла напоминаетъ старинныя польскія мѣстечки, какъ-то: Славковъ, Свежъ. Коло и другіе: та же вебольшая квадрат-

ная площадь, окруженная одноэтажными бляенькими домиками, съ однимъ общимъ навѣсомъ, подобно какъ въ русскихъ гостинныхъ дворахъ, образующихъ вокругъ площади рядъ крытаго троттуара; та же ратуша посреди площади, обсаженная вокругъ тополями, или вязами; однимъ словомъ, все то же, дышущее почтенною стариною.

Нашему батальону досталось ночевать въ помѣщичьей деревнѣ, верстахъ въ двухъ отъ Душлы. Трудно себя представить бѣдность, какую мы нашли въ этой деревнѣ. Полуразрушенныя курныя избы съ растрепанными соломенными крышами, все повалились, какъ бы пригорюнившись, на бокъ. Вокругъ избъ, чтò называется, ни кола, ни двора, улицъ тамъ нѣтъ, потому что избы беспорядочно разбросаны на небольшой площадкѣ. Такъ какъ у тамошнихъ мужиковъ хлѣвовъ нѣтъ, то скотъ, т.-е. жалкая коровенка или лошаденка, у кого есть, помѣщается въ избѣ вмѣстѣ съ людьми. Офицерамъ, какъ водигся, назначаютъ квартиры у зажиточныхъ мужиковъ, по этому мнѣ часто случалось ночевать въ избѣ, изъ которой, за полчаса только до моего прихода, выведенъ былъ скотъ. Но хозяева-то, самые хозяева: Боже мой! Какой у нихъ жалкій видъ! Какіе униженные поклоны, приемы и ухватки! Мой товарищъ, родомъ Полякъ, по этому жаркій защитникъ всего польскаго, и тотъ не могъ не сознаться, что это отвратительно.

Какъ я выше сказалъ, русинскія селенія начинаются вправо отъ Вислоки, следовательно, остались вправо отъ нашего пути. Я думаю, и тамъ простой народъ живетъ не лучше здѣшняго.

По дорогѣ въ Ясло или, лучше сказагь, въ Краковъ, безпрестанно встрѣчаются столбы съ многоглагольнымъ обозначеніемъ, что этотъ участокъ принадлежитъ такому-то князю, помѣщику, герба такого-то, владѣльцу такой-то и такой-то деревни. Сверхъ надписи обыкновенно изображенъ двойной гербъ, т.-е. владѣльца и его супруги. Я, между прочимъ, замѣтилъ одинъ, состоящій изъ свиньи и слѣпой вороны.

Объ городѣ Ясло, который мы проходили 9 сентября,

можно только замѣтить, что онъ видомъ своимъ оправдываетъ свое названіе: потому что расположенъ въ довольно глубокой круглой долинь, какъ бы въ ясляхъ. Нашему батальону досталось ночевать въ большомъ селеніи Гурный Ланъ.

При входѣ въ помѣщичье селеніе изъ Галиціи, хотъ бы, на примѣръ, въ Гурный Ланъ, самый невнимательный наблюдатель замѣтитъ рѣзкую противоположность между богатствомъ и пышностью помѣщиковъ и бѣдностью ихъ крестьянъ. Домъ помѣщика, обыкновенно, каменный, двухъ или трехъ-этажный, окруженъ всеми удобствами; и здѣсь же рядомъ, покривившіяся и почернѣвшія избы крестьянъ, вокругъ которыхъ, не говоря уже объ огородахъ, не видно ни хлѣба, ни ограды, ни чего либо подобаго. Приблизительно вѣрное понятіе о помѣщичьихъ селеніяхъ въ Галиціи можно себѣ составить, прочитавши въ «Мертвыхъ Душахъ» описаніе деревни Плюшкина.

11 сентября проходили мы м. Пильзно. 12 Бжостекъ.

Одна пріятная особенность бросается въ глаза, по мѣрѣ приближенія къ Кракову, а именно красота женщинъ. Близко къ правдѣ сказалъ Пушкинъ:

Нѣту въ свѣтѣ царицы
Кромѣ польской дѣвицы.

Это въ особенности относится къ Краковянкамъ и Билгорайкамъ. Мѣстечко Билгорай находится близъ австрійской границы въ югозападномъ углу Люблинской губ. Жители этого мѣстечка, Уніаты, занимаются издѣліемъ и продажей ситъ и рѣшетъ, по этому мужчины круглый годъ разъѣзжаютъ по югозападнымъ губерніямъ. Въ Билгораѣ рѣдку женщину нельзя назвать красавицей, или, по крайней мѣрѣ, хорошенькой. Невѣрующіе пусть справятся у стоявшихъ тамъ на квартирахъ офицеровъ дѣйствующей арміи

14 сентября, —Тарновъ, —большой торговый и довольно красивый городъ. Гуляя по немъ, я зашелъ въ книжную лавку. Въ ряду новѣйшихъ книгъ чаще всего встрѣчались

книги и брошюры, описывающія послѣднюю революцію 1848 года.

15 сентября, м. Войница. Нашъ батальонъ въ м. Камениць. Мнѣ досталось ночевать въ корчмѣ.

16 сентября, м. Бшезно. Здѣсь мы имѣли дневку. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобъ осмотрѣть знаменитыя копи каменной соли въ Величкѣ и Бохнѣ. Объ этихъ копахъ такъ много писано, что трудно сказать что-либо новое. Развѣ подтвердить только, что онѣ дѣйствительно огромны, и имѣеть съ тѣмъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ книгахъ встрѣчаются преувеличенныя описанія этихъ копей: такъ напримѣръ, въ одной Географіи я начиталъ, что въ Величкѣ (копальни которой больше бохненскихъ) подъ землею цѣлый городъ, съ улицами и часовнями!—Не городъ, а, можно сказать, огромное зданіе; такъ называемыя же улицы — не что иное какъ корридоры въ сажень и меньше шириною; также не часовни, а всего одна часовня, правда презамѣчательная сама по себѣ, потому-что въ ней все—стѣны, изваянія, алтарь, подсвѣшники и т. п., сдѣлано изъ соли; при освещеніи бенгальскими огнями, эта часовня представляетъ великолѣпное зрѣлище. Свѣтъ, дробясь въ безчисленныхъ кристаллахъ, превращаетъ часовню въ гротъ. Еще достойно вниманія здѣсь небольшое круглое озеро, находящееся какъ бы въ чашѣ, потому-что подъ нимъ, по всѣмъ направленіямъ идутъ копи. Озеро это имѣетъ сажени двѣ глубины и сажени шесть въ діаметръ; черезъ него переѣзжаютъ на небольшомъ паромѣ.

19 сентября, м. Гдовъ. Здѣсь мы имѣли дневку.

Сентября 21, въ довольно ненастную погоду, вступили мы въ Краковъ. Отдохнувши немного, я отправился къ своему старому хозяину, предсказывавшему мнѣ смерть подъ Пресбургомъ. Онъ, по видимому, мнѣ обрадовался, принялъ очень радушно; жаловался, что Австрійцы учредили таможни, которыхъ прежде не знали въ Краковѣ, вслѣдствіе этого все вздорожало. Посидѣвъ у него съ часъ, я возвратился на квартиру.

XI.

Здравствуй, здравствуй, Русь святая,
Ты непобедима!

Ты Творцемъ и грудью русской
Будешь вѣкъ хранима.

(Солдатская пѣсня).

На другой день я, чуть свѣтъ, былъ разбуженъ пушечными выстрѣлами; спрашиваю, что это значить? и узнаю, что сегодня тезоименитство австрійскаго императора.

Грустныя мысли занимали меня при выступленіи изъ Кракова. И такъ, думалъ я, военная жизнь, военное время, полное тревогъ и опасностей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, беззаботное время, кончилось.

Впереди же представлялись, въ безконечной перспективѣ, стоянки въ грязныхъ, полныхъ скуки и собакъ, деревняхъ, квартиры въ грязныхъ хатахъ, съ бочками кислой, смрадной капусты, съ неопрятными крикливыми ребятишками и вѣчно ворчащими хозяевами, потомъ лагеря, смотры, бѣлье, брюки, пыль, выѣдающая глаза. Размышленія мои были прерваны громко раздавшеюся пѣснью:

Здравствуй, здравствуй, Русь святая,
Ты непобедима!

Ты Творцемъ и грудью русской
Будешь вѣкъ хранима.

Мы обратно переходили границу. На томъ же мѣстѣ, гдѣ и передъ походомъ, было отслужено и теперь молебствіе и панихида по убитымъ. Каждый изъ насъ усердно помолился Всевышнему Творцу за сохраненіе своей жизни и за упокой братій, падшихъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество. Генералъ Свьякинъ краткою, но умною рѣчью поблагодарилъ солдатъ и офицеровъ за усердную службу и храбрость въ битвахъ, потомъ полкъ побатальонно разошелся на квартиры.

ВОГУСЛАВЪ ЛУТИНСКІЙ.

1849
1855 г.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНАХЪ.

(Окончаніе).

LXXIV.

Общественное и политическое значеніе религіи у Балтійскихъ Славянъ. Образование есократин. Жрецы. Религіозное развитіе Ранъ и святиня Арконская.

Такимъ образомъ Балтійскіе Славяне, осужденные обстоятельствами совершить свою историческую жизнь въ язычествѣ, показали себя въ своемъ кругу развитія вѣрными коренному свойству Славянскаго племени: и у нихъ вѣра составляла средоточіе всей мысли, всѣхъ стремленій. Но сколь плодотворна была для другихъ славянскихъ народовъ, пріобщившихся къ Христіанству, эта глубокая преданность вѣрѣ, столь пагубное дѣйствіе имѣла она на языческое племя Балтійскихъ Славянъ.

Народъ выражаетъ наибольшую преданность свою вѣрѣ тѣмъ, что себя всего, всю жизнь свою ей подчиняетъ; но когда вѣра вышняя, то и это подчиненіе является вышнимъ: низведенное на землю, челоуѣкообразное божество признается за высшую мірскую власть, вѣра становится верховнымъ гражданскимъ учрежденіемъ. Дѣйствительная власть достается тогда жрецамъ, какъ вѣстникамъ и толкователямъ воли боговъ, и ихъ ближайшимъ служителямъ, и образуется правленіе *есократическое*, самое неподвижное и мертвенное, ⁽⁷⁶⁰⁾, самое враждебное живому

(760) Такой отзывъ объ языческо-есократическомъ правленіи, очевидно, не можетъ относиться къ есократическому правленію Израильтянъ.

пониманію божества, живой мысли, живому развитію; такъ образовалось оно у всѣхъ тѣхъ языческихъ народовъ, которые наиболѣе преданы были религіозному созерцанію, такъ оно явилось и у Балтійскихъ Славянъ.

Другія славянскія племена, какъ сказано, не имѣли особыхъ жрецовъ. Конечно, тамъ существовали волхвы и кудесники, люди умѣвшіе по гаданіямъ излагать волю боговъ; но они не пользовались, сколько видно, ни исключительнымъ правомъ богослуженія, ни общественною властію. У Балтійскихъ Славянъ, напротивъ, являются жрецы съ рѣзко опредѣленнымъ значеніемъ и съ великою властію въ обществѣ (761). Даже у Вагровъ, стихійное поклоненіе, воздававшееся Перуну въ Старогардскомъ лѣсу, отличалось тѣмъ отъ стихійнаго поклоненія прочихъ Славянъ, что его совершалъ жрецъ, и этотъ жрецъ стоялъ во главѣ гражданскаго общества, какъ бы на ряду съ княземъ Вагрскаго племени. Составляли ли жрецы у Балтійскихъ Славянъ совершенно замкнутую касту, назначали ли они сами себѣ преемниковъ, или достоинство ихъ было доступно всякому по народному выбору (762), неизвѣстно; но то достоверно, — это самое важное, существенное обстоятельство, — что жрецы здѣсь имѣли значеніе особаго, строго отдѣленнаго отъ народа, сословія. Мы указали уже на соответствіе этого явленія съ другимъ, также отличающимся бытъ Балтійскихъ Славянъ отъ кореннаго славянскаго быта, съ развитіемъ аристократіи. — У Балтійскихъ Славянъ жрецы владѣли исключительнымъ правомъ приносить

(761) Германцы признавали издавна, какъ намъ извѣстно, особихъ жрецовъ; но трудно угадать, имѣли ли они въ этомъ отношеніи какое-нибудь вліяніе на Балтійскихъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, если и было первоначально такое вліяніе, то вскорѣ жрецы славянскіе далеко превзошли значеніе и силу германскихъ, которые были только хранителями вѣры и исполнителями богослужебныхъ обрядовъ, безъ особенной власти въ гражданскомъ обществѣ.

(762) Thietm. VI, 17 говорятъ: «Ad haec (vexilla deorum) curiose tuenda ministri sunt specialiter ab indigenis constituti»; и эти *ministri* совершали жертвоприношенія, гаданія и проч.; но трудно сказать, значить ли «ab indigenis constituti» то, что жрецы избирались народомъ, или просто, что жрецское сословіе было установлено въ Радгоцѣ для храненія святилищ и для богослуженія.

богамъ жертвы (⁷⁶⁵) и исполнять другіе обряды языческаго богослуженія; (⁷⁶⁴) они совершали въ святилищахъ всенародныя моленія (⁷⁶⁴) и тѣ гаданія, которыми узнавалась воля боговъ и которыя руководствовали народными предпріятіями; (⁷⁶⁶) они могли назначать общественныя празднества для служенія богамъ; (⁷⁶⁷) они пророчествовали и говорили народу отъ имени

(763) Thietm. VI, 18. quæ placabilis hostia diis offerri a ministris debeat. Helm. I, 52. post cæsam hostiam, sacerdos etc. II, 12. Inter varia autem libamenta sacerdos (въ Арконахъ) nonnumquam hominem christianum litare solebat. Ebbo 64. sacrificia quæ copios apparatus sacerdotibus et fanis idolorum, exhibebantur.

(764) Sefr. 128 sacerdos qui illic (in Hologasta civitate) idolo ministrabat. Saxo 824. Hujus sacerdos etc. Thietm. VI, 17. sacerdotes.... invicem clanculum mussantes.

(765) Saxo 824. tum sibi, tum patriæ bona civibusque opum ac victoriarum incrementa *solemnium verborum nuncupatione* poscebat.

(766) Saxo 827. equus a sacerdote.... productus etc.—Sefr. 107. (equum) sacerdos.... ducebat etc. Thietm. VI, 17. ministri.... terram cum tremore infodiunt, quo sortibus emissis rerum certitudinem dubiarum perquirant. Quibus finitis.... equum. .. ducunt, et præmissis sortibus, quibus id explorare prius.... denuo augurantur. Helm. I, 52. sacerdos (у Варговъ) juxta sortium nutum etc. II, 12. Rex apud eos (Ranos) modicæ æstimationis est, comparatione flaminis. Ille enim responsa perquirat, et eventus sortium explorat. Saxo 824. Placentam.... sacerdos sibi ac populo mediam interponens etc. Впрочемъ, кромѣ этихъ торжественныхъ гаданій, связанныхъ съ богослуженіемъ и совершавшихся въ храмахъ, были у Балтійскихъ Славянъ и разныя частныя гаданія, которыя всякій дѣлалъ или самъ для себя, по приметамъ (ad varia.... negotia profecturi ex primo animalis occursu votorum auspicia capiebant. Sax. 827, о Ранахъ), по жребию (nec sortium eis usus ignotus extitit, тамъ же; ligneas calculationes, Sefr. 108; «sortilogi non sint» въ числѣ запрещеній Оттона Поморяна, Pertz VIII, 263) и т. п., или при посредствѣ особыхъ волхвовъ и ворожей: о ворожеяхъ у Балтійскихъ Славянъ именно свидѣтельствуетъ Оттонъ Бамбергскій въ своей грамотѣ (P. VIII, 263: «phytonissas non adeant»), и можетъ быть, что ихъ имѣлъ въ виду и Саксонъ, говоря о женщинахъ, которыя гадаютъ по золь на очагъ (827); о волхвахъ извѣстій не сохранилось, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что они, при жрецахъ, не могли имѣть у Балтійскихъ Славянъ важнаго значенія; но вѣроятно, что и у нихъ были какіе-нибудь гадатели и вѣщунны, оставшіеся вѣвъ собственнаго богослужебнаго сословія.

(767) Helm. I, 52. solemnitates diis dicandas sacerdos juxta sortium nutum denunciat. Ebbo 100. Major ille pontifex idolorum (въ Щетинѣ), convocatis

боговъ (768), объясняли ему ихъ значеніе и природу (769); они, хранители храмовъ и святилищъ (770), одни могли вступать во внутреннее святилище кумира (771) и садиться внутри храмовой ограды (772), одни прикасались къ нѣкоторымъ предметамъ особеннаго благоговѣнія (773); они пользовались особеннымъ почетомъ (774) и богатствомъ, распоряжались и доходами съ помѣстій, принадлежавшихъ храмамъ, и обильными приношеніями поклонниковъ (775), наконецъ они отличались отъ народа и

amicis suis, diem festum idolis agi praesepit. Но нѣкоторые праздники были постоянные: въ Арконѣ главное празднество совершалось послѣ уборки хлѣба (Saxo 824), въ Волмѣвъ при началѣ лѣта (Ebbo 62).

(768) Saxo 825. sub simulacri nomine praesentem turbam consalutabat etc. (арковскій жрецъ). Helm. I, 52. (у Варговъ) sacerdos de cruore libat, ut sit efficacior oraculis capessendis II, 12. sacerdos (арковскій) accersitis rege et populo, nunciat irata vehementius numina. Справ. Ebbo 65. sacerdotes.... dicebant,.... omnes subito morituros etc.; Sefr. 128 и др.

(769) Ebbo 64. asserentibus idolorum sacerdotibus etc.

(770) Thietm VI, 17. Ad haec curiose tuenda etc. Sefr. 107.

(771) Saxo 824. sacellum quod ei soli intrandi fas erat.

(772) Thietm. VI, 17. sedent hi dumtaxat, ceteris assistantibus.

(773) Saxo 826 Hunc (equum Svantoviti) soli sacerdoti pascendi insidendi que jus erat.

(774) Helm. II, 12. Rex apud eos (Ranos) modicæ aestimationis est, comparatione flaminis. I, 83. illic (въ Старорусской волости).... populus terrae cum lamina et regulo convenire solebant propter judicia. I, 69.... visitavit Aldenburg.... et receptus est a barbaris habitatoribus terræ illius.... Porro nomen flaminis, qui praerant superstitioni eorum, erat Mike. Sed et princeps terræ vocabatur Rochel: такимъ образомъ у Равъ жрецъ былъ выше князя, у Варговъ онъ стоитъ почти на ряду съ нимъ; на Поморьѣ значеніе жрецовъ не было, кажется, такъ велико, но и здѣсь они являются въ общественныхъ совѣщаніяхъ подлѣ знати и старшинъ, и, какъ видно по всему, что рассказываютъ жизнеописатели Оттона, пользовались въ народѣ большимъ почетомъ и вліяніемъ.

(775) Saxo 825. Hoc ... numen trecentos.... satellites.... militantes habebat, quorum omne lucrum.... sacerdotis custodiae subdebatur. Ebbo 64. sacrificia, quae copioso apparatu sacerdotibus et fanis idolorum exhibebantur.... тамъ же: sacerdotes.... prioris pompae delicias.... sibi decrescere solentes.... 65. antiquos deos sacrificiis et solitis placarent muneribus. Sefr. 128. sacerdotes.... sua lucra cessatum iri non ignorantes etc. О помѣстьяхъ, принадлежавшихъ храмамъ, говоритъ Саксонъ (834): agros ac latifundia deorum; что доходы ихъ

вышними знаками, на примѣръ бѣлою одеждою, какъ въ Волегощѣ (776), бородою и длинными волосами, какъ на Ранѣ, гдѣ народъ ходилъ бритымъ и коротко остриженнымъ (777).

Въ богослужебномъ сословіи существовала у Балтійскихъ Славянъ іерархія: были храмовые прислужники (778), быть можетъ, ученики, готовившіеся къ жречеству, были жрецы высніе и низшіе: такъ Саксонъ грамматикъ говоритъ, что въ Арконѣ находился верховный жрецъ Святовита, и что ему были подчинены, въ разныхъ мѣстахъ, другіе храмы этого бога и жрецы, къ нимъ приставленные (779); такъ и Житіе Оттона отличаетъ въ Щетинѣ одного верховнаго жреца отъ другихъ, низшихъ (780), и кажется, что верховный жрецъ былъ тотъ, который смотрѣлъ за кутиною главнаго кумира Триглава и за конемъ его (781). Число жрецовъ было, по видимому, соразмѣрно съ числомъ храмовъ и особыхъ кумировъ. Житіе Оттона говоритъ о четырехъ кутинахъ или священныхъ зданіяхъ въ Щетинѣ и о четырехъ жрецахъ, при нихъ находившихся (782); напротивъ, въ Арконѣ, гдѣ былъ всего одинъ храмъ и одинъ кумиръ Святовитовъ (783), мы видимъ и одного только жреца, но жреца, власть котораго превышала все то, до чего доходила еократія въ другихъ странахъ; подобнымъ образомъ одинъ былъ жрецъ

были въ рукахъ жрецовъ, мы заключаемъ и изъ того, что вообще жрецы у Балтійскихъ Славянъ, по вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, распоряжались всѣмъ тѣмъ, что шло въ казну «боговъ», и изъ того также, что, при введеніи Христіанства, эти поимствія обращены были въ пользу священнослужителей (in sacerdotiorum usus, Саксонъ, тамъ же): а извѣстно, что, по средневѣковымъ понятіямъ, христіанское духовенство въ новообращенныхъ земляхъ имѣло право на всѣ тѣ мірскія выгоды, которыми пользовались прежде жрецы (ср. Ebbo 64).

(776) Segr. 139.

(777) Saxo 824. срав. 823.

(778) Saxo 827. ministrorum opera.

(779) Saxo 826.

(780) Ebbo 65. summus idolorum pontifex. 100. major ille pontifex idolorum.

(781) Мы заключаемъ такъ изъ того, что при введеніи Христіанства этого именно жрецъ оказывалъ самое важное сопротивленіе, и что на его протестъ народъ обращалъ наибольшее вниманіе (Segr. 109).

(782) Segr. 107. unum de quatuor sacerdotibus templorum.

(783) Saxo 824. Helm. II, 12.

и при Старогардской рошѣ, посвященной тоже исключительно одному богу (784), а зато въ Радигощѣ, гдѣ въ одномъ храмѣ соединено было нѣсколько божествъ, находилось нѣсколько жрецовъ (788). Не ведетъ ли все это къ заключенію, что Балтійскіе Славяне для каждаго божества, которому поклонялись въ извѣстномъ мѣстѣ, назначали особаго жреца?

Между всѣми племенами поморья, Ранское племя по преимуществу предалось религиозной жизни: у Ранъ, какъ выражается Гельмольдъ (786), наисильнѣе разгорѣлось пламя идолопоклонства, здѣсь-то, болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ Балтійскихъ Славянъ, развилась общественная власть религіи, развилась еократія. Для общественнаго поклоненія Ране отвели величественное мѣсто, Аркону, о которой не разъ уже приходилось говорить. Вотъ какъ описываетъ ея положеніе очевидецъ, Саксонъ грамматикъ (787). На сѣверной оконечности Равы, на небольшомъ полуостровѣ Витовѣ, который съ Раню связывается узенькимъ перешейкомъ, стояла, вдавшись въ море, высокая гора (сажень въ 30 вышиною) (788); съ сѣвера, востока и юга она ограждалась обрывами, отвѣсными какъ стѣны; до верху ихъ, говоритъ Саксонъ, не долетѣла бы стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія, обрывы омывались моремъ. Съ западной стороны гора защищена была крѣпкимъ валомъ. На этой-то горѣ стоялъ священный городъ: по своему положенію неудобная ни для торговли (мы упоминали, что, по видимому, особая торговая свобода возникла неподалеку, внѣ укрѣпленій), ни для средоточія гражданской власти (которая, впрочемъ, была у Ранъ весьма слаба), Аркона принадлежала богослуженію. Она или стояла совершенно пустая, даже безо всякой стражи, защищаемая только запоромъ воротъ и хранимая, по народному вѣрованію, Святови-

(784) Helm. I, 52. 69. 83.

(785) Thietm. VI, 17.

(786) Helm. II, 12. *superstitionum fomes plus omnibus Slavis apud Ranos invaluit.* I, 36. *Rani.... idololatriæ supra modum dediti.*

(787) Saxo 822.

(788) Около 200 (пруссикъ) футовъ: эта цѣфра опредѣлена новѣйшими измѣреніями; см. Fabricius, I, 78.

томъ (789), или же вдругъ наполнилась, на время, огромнымъ стечениемъ народа, почти всею населениемъ острова Раны и поклонниками со всего Славянскаго поморья. На площади, занимавшей середину города, находилась святиня, которая связывала Балтійскихъ Славянъ въ одинъ народъ, храмъ Святовита. Значеніе самаго бога намъ извѣстно. Храмъ этотъ былъ деревянный, но, по словамъ Саксона, весьма изящно построенный. Онъ окруженъ былъ заборомъ, который привлекалъ взглядъ тщательно отдѣланными рѣзными изображеніями различныхъ предметовъ, но раскришенными грубо и неискусно. Въ заборѣ были одни только ворота. Самое капище состояло изъ двухъ отдѣловъ: снаружи ограждали его стѣны и покрывала красная кровля; внутренняя часть отдѣлялась лишь четырьмя столбами и, вмѣсто стѣнъ, прикрыта была завѣсами изъ богатыхъ пурпуровыхъ ковровъ, еще блестящихъ, но столь ветхихъ, что нельзя было до нихъ дотронуться: при малѣйшемъ прикосновеніи гнилая ткань разрушалась. Съ наружными стѣнами храма это внутреннее святилище, въ которомъ и стоялъ истуканъ Святовита, соединялось только кровлею и нѣсколькими поперечными балками. Кромѣ принадлежностей бога (сѣдла, узды, меча и другихъ, которыхъ Саксонъ не исчисляетъ) Арконскій храмъ украшенъ былъ рогами разныхъ животныхъ, необыкновенными, говоритъ этотъ писатель, и удивительными не только по своей природѣ, но и по отдѣлкѣ (790).

Чрезвычайное благоговѣніе питали Славяне къ этому храму: не легко рѣшались они клясться имъ, и даже во время военной тревоги, даже когда непріятель осаждалъ Аркону, съ великимъ тщаніемъ берегли священную ограду отъ всякаго оскверненія (791). По свидѣтельству Саксона, даже властители сосѣднихъ наро-

(789) Saxo 742. munimentum... habitatore vacuum serarumque duntaxa claustris firmatum, existimantibus indigenis, parum humanae tutelae egenum, quod praesentis numinis excubiis esset vallatum.

(790) Sax. 822, 823. 838.

(791) Helm. I. 52. Mira autem reverentia circa fani diligentiam affecti sunt: nam neque juramentis facile indulgens, neque ambitum fani vel in hostibus temerari patiuntur.

довъ чествовали Святовита дарами; «между прочими, онъ говорить, Датскій король Свенъ (христианинъ, въ половинѣ XII вѣка), чтобы задобрить его (лучше сказать, чтобы задобрить Ранскаго жреца и народъ Ранскій), почтилъ его кубномъ превосходнаго издѣлія» (792).

LXXV.

Общественное значеніе арконской святыни въ Ранскомъ народѣ.

Общественное значеніе Арконы было огромное. Здѣсь было у Балтійскихъ Славянъ мѣсто исключительнаго господства религіи, и здѣсь-то проявились во всей полнотѣ и съ послѣдними крайностями, тѣ начала, къ которымъ должна была привести ихъ сила религіозныхъ стремленій, развившихся въ средѣ языческаго матеріализма. — Народу лишенному свѣта христіанства, отвергнутому всею христіанскою Европою, осужденному на духовное сиротство въ язычествѣ, не будетъ поставлена въ упрекъ грубая вещественность его религіозныхъ понятій; среди этой тьмы безпристрастная мысль различить и оцѣнить въ Балтійскихъ Славянахъ глубокое, безпредѣльное благоговѣніе передъ Божествомъ, и святыня арконская предстанетъ намъ какъ одно изъ отраднѣхъ и прекраснѣхъ проявленій славянскаго духа.

Выше былъ уже описанъ способъ, какимъ Ране угадывали волю Святовита; отъ этой воли, выраженной священнымъ конемъ Святовитовымъ, зависѣло всякое ихъ общественное дѣло, по ея приговору объявлялась война и заключался миръ, предпринималось или отлагалось морское плаваніе (793) —. Принадлежавшее Святовиту (794) знамя, такъ называемая *станица*, была для Ранскаго народа выше всѣхъ властей и учрежденій. По словамъ Саксона, Ране, когда несли станицу передъ собою, считали себя въ правѣ касаться всего, и божескаго и человѣческаго; — что бы имъ ни

(792) Sax. 825.

(793) Saxo 827.

(794) *Станицу* (*stanitia* 830) Саксонъ называетъ: *singulare simulacri signum* (832), разумя подъ ранскимъ «*simulacrum*» именно Святовита (см. 823—27).

вздумалось, на все они покушались; разорить города, ниспровергнуть алтари, уничтожить всякіе законы, разрушить и сжечь всё дома на Ранѣ могла бы станица; и до того, говоритъ датскій историкъ, они предались этому суевѣрію, что небольшою кусокъ ткани превышала свою властію силу самаго ранскаго царя ⁽⁷⁹⁵⁾.

При всей странности такого явленія, оно понятно: присвоивая божественную силу Святовита вѣшнему предмету, который былъ ему по преимуществу посвященъ (это не рѣдкій случай у языческихъ народовъ), Ране тѣмъ самымъ дѣлали этотъ предметъ представителемъ той высшей гражданской власти, которою они думали почитать своего бога, и потому знамя Святобитово было у нихъ выше племеннаго государя, выше всѣхъ законовъ.

Но, собственно, земная власть, принадлежавшая Святовиту, находилась, разумѣется, въ рукахъ жреца. Жрецъ былъ настоящимъ повелителемъ и властелиномъ Ранскаго племени. Совершитель гаданій, онъ объявлялъ народу волю Святовита. Нѣсколько разъ повторяетъ Гельмольдъ разсказъ о власти ранскаго жреца, такъ она его поражала: ⁽⁷⁹⁶⁾ «жрецъ почитается у Ранѣ болѣе царя», говоритъ онъ; «сравнительно съ жрецомъ, пишетъ онъ опять въ другомъ мѣстѣ, значеніе царя на Ранѣ ничтожное: ибо жрецъ узнаетъ и объявляетъ прорицательные отвѣты божества, толкуетъ гаданія; онъ зависитъ отъ гаданій, а царь и народъ отъ него зависать» ⁽⁷⁹⁷⁾. Власть жреца не измѣнялась ни войною, ни миромъ: на войнѣ онъ опредѣлялъ гаданіемъ, куда вести войско ⁽⁷⁹⁸⁾. въ мирное время, когда представлялся какой-нибудь особенный

(795) Saxo 831 eum prae se ferentes in humana divinaque grassandi potestatem habebant, nec quicquam eis, quod libitum foret, illicitum habebatur. Populari urbes, aras demoliri, fas ac nefas in aequo ponere, cunctosque Rugiæ penates aut ruinis aut incendiis evertere potuisset; tantumque superstitioni indultum est, ut, exigui panni auctoritas regiæ potestatis vires transcenderet.

(796) I, 6. I, 36. II, 12.

(797) Helm. II, 12. Rex apud eos modicae æstimationis est, comparatione flaminis. Ille enim responsa perquirat et eventus sortium explorat. Ille ad nutum sortium et porro rex et populus ad illius nutum pendunt.

(798) Helm. I, 36. Major flaminis quam regis veneratio apud ipsos est; qua sors ostenderit, exercitum ducunt.

случай, онъ же призывалъ царя и народъ на сходку, объявлялъ имъ волю боговъ, и тѣ повиновались⁽⁷⁹⁹⁾. — У Арконскаго храма были обинирныя помѣстья⁽⁸⁰⁰⁾. Ему платились подать, которую Ране сами на себя наложили: каждый мужчина и каждая женщина вносили ежегодно по одной монетѣ для устройства служенія Святовиту, и эта подать называлась даромъ⁽⁸⁰¹⁾. Куцамъ, пріѣзжавшимъ въ Рану, не позволялось начинать торговли, прежде нежели они не пожертвовали Святовиту часть приезженныхъ вещей, не иначе какъ что-нибудь весьма цѣнное: тогда только они могли выставить товары на рынокъ для продажи⁽⁸⁰²⁾. Ловлю сельдей у береговъ своихъ Ране предоставляли всякому, но подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы предварительно уплачена была Святовиту закономъ положенная подать⁽⁸⁰³⁾. Еще замѣчательное извѣстіе сохранилъ намъ Гельмольдъ; онъ говоритъ, что Ране дѣлили народы, которые имъ удавалось покорить, данниками своего храма⁽⁸⁰⁴⁾. Третью часть военной добычи Ране отдавали Святовиту⁽⁸⁰⁵⁾; по другому же извѣстію⁽⁸⁰⁶⁾, все золото и серебро, пріобрѣтенное ими на войнѣ, шло въ казну арконскаго бога, а прочія вещи они между собою дѣлили. Вообще, драгоценные металлы не допускались у Ранъ въ обращеніе. Деньгами служили у нихъ не мѣха, какъ у Русскихъ въ-старину, а полотна, и также мѣдная монета⁽⁸⁰⁷⁾: золото и серебро, пріобрѣтенное на войнѣ, или иными путями, они либо употребляли для женщинъ на серьги и

(799) Helm. II, 12.

(800) Sax. 834. agros et latifundia deorum: это относится, по смыслу всего повѣствованія Саксона, именно къ святынямъ Арконской.

(801) Sax. 825.

(802) Helm. I, 6.

(803) Helm. II, 12.

(804) Helm. I, 36. Gentes, quas armis subegerint, fano suo censuales faciunt.

(805) Sax. 825.

(806) Helm. I, 36.

(807) Helm. I, 38. Apud Ranos non habetur moneta, nec est in comparandis rebus consuetudo nummorum, sed quicquid in foro mercari volueris, panno lineo comparabis. Подѣ деньгами Гельмольдъ разуметь здѣсь, безъ сомнѣнія,

украшеніи, либо отдавали въ казну Святовита ⁽⁸⁰⁸⁾. Наконецъ, дѣло неслыханное въ языческомъ мірѣ, Ране, какъ бы предупреждая средневѣковое учрежденіе Рямско-Католической Европы, введенное папами во время ихъ величайшаго могущества, Ране установили религіозное воинство, которое исключительно служило храму Святовитову: триста конныхъ воителей принадлежало верховному богу Ранскому ⁽⁸⁰⁹⁾; имъ былъ списокъ, и содержала ихъ, вѣроятно, Святовитова казна, а за то вся добыча, полученная ими и въ военныя походахъ и въ разбойническихъ на бѣгахъ, отдавалась жрецу; часть ея онъ употреблялъ на разныя принадлежности кумировъ и на украшеніе храма, а часть пряталъ, за крѣпкими замками, въ сундуки, въ которыхъ, по словамъ Саксона, кромѣ множества денегъ, хранился великій запасъ драгоценныхъ тканей, распадавшихся отъ ветхости ⁽⁸¹⁰⁾.

LXXVI.

Всепародное у Балтійскихъ Славянъ значеніе Арконы: общій религіозный ихъ союзъ.

Возведенный въ честь верховнаго бога всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, окруженный такимъ благоговѣніемъ, одаренный столькими богатствами и такою огромною властію, Арконскій храмъ единогласно признанъ былъ первенствующимъ святилищемъ Славянскаго поморья и сдѣлался средоточіемъ Славянскаго язычества ⁽⁸¹¹⁾. Его посѣщали моельщики изъ всѣхъ странъ поморья для поклоненія Святовиту, для жертвоприношеній и гаданій; отовсюду доставлялись ему дары, по обѣтамъ не только частныхъ лицъ, но

только золотыя и серебряныя; употребленіе мѣдныхъ денегъ у Ранъ доказывается свидѣтельствомъ Саксона, что *одна монета* вносилась ежегодно Святовиту каждымъ жителемъ Раны.

(808) Helm. I. 38. *Aurum et argentum, quod forte per rapinas et captiones hominum vel undecumque adepti sunt, aut uxorum suarum culibus impendunt, aut in ærarium dei sui conferant.*

(809) Sax. 825. *Hoc quoque numen trecentos equos descriptos totidemque satellites in eis militantes habebat.*

(810) Sax. 825—826; объ этой казѣ упоминаеть и Гельмольдъ: *ærarium locuples.* II, 12.

(811) См. Helm I, 36, 52. II, 12.

и цѣлыхъ племенъ. Существовала, мы знаемъ, общаа между Балтійскими Славянами вѣра, что Арконскій богъ даетъ самыя знаменитыя побѣды, самыя дѣйствительныя прорицанія, и за этими прорицаніями, по словамъ Гельмольда, приходили къ нему изъ всѣхъ земель Славянскихъ (812). Тотъ же лѣтописецъ говоритъ, что *весь* Славянскій народъ (т.-е. на Балтійскомъ поморьѣ) (813) питалъ къ Ранскому храму Святовита *особенное* благоговѣніе, и подобное свидѣтельство о всеобщемъ почитаніи этого святилища передаетъ намъ также Исторія Саксона Грамматика (814).

Каждое племя Балтійскихъ Славянъ посылало Арконскому богу ежегодную дань (815), какъ бы земному властителю. Даже въ концѣ XII в. самое отдаленное отъ Раны племя, Вагры, не смотря на то, что всѣ силы и средства ихъ были посвящены борьбѣ съ Германією, не забывали отправлять дань къ Святовиту (816). Съ этою данью были, несомнѣнно, связаны жертвоприношенія, которыя также, по словамъ Гельмольда, ежегодно совершались въ Арконѣ, отъ всѣхъ земель Славянскаго поморья, на ихъ иждивеніе и въ установленной мѣрѣ (817). Впослѣдствіи, когда Нѣмцы стали страшнымъ насиліемъ вводить на поморьѣ Христіанскую вѣру, и война Славянъ съ ними превратилась въ религіозную борьбу, понятно, что общественное поклоненіе Славянской земли въ Арконѣ приняло характеръ протеста противъ исповѣданія, которое налагалъ на нее завоеватель. Таковъ былъ, очевидно, смыслъ кроваваго обряда, которымъ сопровождалось это покло-

(812) Helm. I, 6 (Rani)..., nomine S. Viti gloriantur, cui etiam templum ac simulacrum amplissimo cultu dedicaverunt, illi primatum deitatis specialiter attribuentes. De omnibus quoque provinciis Slavorum illic responsa petuntur et sacrificiorum exhibentur annuæ solutiones.—II, 12. nostra adhuc ætate... omnes Slavorum provinciæ illuc tributa annuatim transmittabant. Тоже самое повторяетъ Гельм. I, 52.

(813) Helm. I, 39. primatum præferentes in omni Slavorum natione....

(814) Sax. 825. Hanc igitur statuam totius Slaviæ pensionibus cultam....

(815) Sax. I. c. Helm. II, 12.

(816) Helm. II, 12.

(817) Helm. II, 52. Quin et de omnibus Slavorum provinciis statutas sacrificiorum impensas illo transmittabant. I, 6. De omnibus quoque provinciis etc.

неніе: ежегодно въ Арковѣ приносился Святовиту въ жертву христіанинъ, выбранный по жребію ⁽⁸¹⁸⁾, безъ сомнѣнія изъ плѣнныхъ. Совершая жертву эту, жрецъ проповѣдывалъ народу, что кровь христіанина болѣе всего вѣселитъ боговъ ⁽⁸¹⁹⁾. Сами Ране, хотя они по отдаленности своей, не подвергались, до половины XII вѣка, особенной опасности отъ христіанскаго оружія, должны были однако же, какъ обладатели первенствующаго языческаго святилища, какъ ревностнѣйшіе поклонники Святовита, еще болѣе, чѣмъ всѣ соплеменники ихъ на поморьѣ, горѣть ненавистью къ вѣрѣ, которая угрожала ихъ кумирамъ: «ненависть къ христіанскому имени и сила языческихъ суевѣрій преобладала въ Ранскомъ народѣ болѣе чѣмъ во всѣхъ прочихъ Славянахъ», такъ говоритъ Гельмольдъ ⁽⁸²⁰⁾, и часто ненависть эта не довольствовалась ежегодною жертвою одного Христіанина и требовала еще другихъ. Вотъ что рассказываетъ Гельмольдъ ⁽⁸²¹⁾: Однажды собралось у ранскаго берега для ловли сельдей великое множество промышленниковъ, Христіанъ, и къ нимъ пріѣхалъ также священникъ Годескалкъ изъ Бардевика, для совершенія требъ. Провѣдавъ объ этомъ, жрецъ созвалъ сходку и объявилъ ранскому царю и народу, что гнѣвъ боговъ надъ ними и можетъ только быть умилостивленъ кровью иностраннаго священника, который дерзнулъ на ихъ землѣ совершать обряды чужеземнаго поклоненія. Язычники, какъ громомъ пораженные этою вѣстью, говоритъ Гельмольдъ, призвали промышленниковъ и велѣли выдать священника, чтобы принести его въ жертву своему богу; встрѣтивъ отказъ, они даже соглашались дать за него 100 маркъ (серебра), а при вторичномъ отказѣ, хотѣли уже прибѣгнуть къ силѣ и на другой день назначили бой; однако Христіане ушли

(818) Helm. I, 52. etiam in peculium honoris annuatim hominem Christicolam, quem sors acceperit, eidem litare consueverunt.

(819) Helm. II, 12. Inter varia autem libamenta, sacerdos nonnumquam hominem christianum litare solebat, hujuscemodi cruore deos omnino delectari jactitans.

(820) II, 12,

(821) Тамъ же.

ночью съ своими кораблями, уже нагруженными добычею ловли, и спасли священника.

Общее уваженіе Славянскаго поморья къ святынь Арконской перешло и на Ранскій народъ, который ее такъ украсилъ, такъ возвеличилъ, одарилъ такою властію. Его преданность богамъ поставила Ранскій народъ выше всѣхъ племенъ Балтійскихъ, возбудило къ нему какой-то благоговѣнный страхъ: «его боятся, пишетъ въ XII в. Адамъ Бременскій, за тѣсную связь его (*familiaritatem*) съ богами, или лучше сказать, демонами, которымъ Ране воздаютъ большее поклоненіе, нежели другія племена»⁽⁸²²⁾. Гельмольдъ, который повторяетъ это свидѣтельство Адама⁽⁸²³⁾, въ другомъ мѣстѣ выражается еще обстоятельнѣе: «Ране, иначе называемые Рунами, суть народъ жестокой, обитающій *въ сердцѣ моря*, чрезмѣрно преданный кумпрослуженію, первенствующій во всемъ Славянскомъ племени, имѣющій царя и знаменитѣйшій храмъ. Оттого-то, по причинѣ особеннаго благоговѣнія къ этому храму, они занимаютъ въ уваженіи (Балтійскихъ Славянъ) первое мѣсто, и сами на многихъ налагая иго, ничьего ига не терпятъ, и въ недоступности своихъ жилищъ находятъ себѣ защиту»⁽⁸²⁴⁾.

У Славянъ Балтійскихъ религіозное первенство было по тому самому и первенствомъ общественнымъ, и вѣра Славянскаго поморья, что Ране усерднѣе другихъ людей чтутъ боговъ, что они ближе къ нимъ и ими наиболѣе возлюблены, должна была съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать народъ Ранскій политическимъ главою и руководителемъ всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя признавали однихъ съ нимъ боговъ и поклонялись имъ въ его храмѣ.—И вотъ дѣйствительно Адамъ Бременскій свидѣтельствуетъ, что «у Славянъ Балтійскихъ законъ — въ дѣлахъ общественныхъ (*de publicis rebus*) ничего не рѣшать и не предпринимать наперекоръ мнѣнію Ранскаго народа»⁽⁸²⁵⁾; и ясно при этомъ выстав-

(822) Ad. IV, 18. ita metuuntur propter familiaritatem deorum vel demonum, quos majori cultura venerantur, quam ceteri.

(823) Helm, I, 2.

(824) Helm. I, 36.

(825) Ad. IV, 18. Rani.... gens fortissima Slavorum, extra quorum sententiam de publicis rebus nichil agi lex (у Гельмольда *fas*) est, ita metuuntur etc.

ляетъ Бременскій лѣтописецъ основаніе сего закона: «до такой степени, прибавляетъ онъ здѣсь, боялся Ранъ за связь ихъ съ богами» и проч. Тоже говоритъ и Гельмольдъ (826).—Адамъ Бременскій и Гельмольдъ между современными писателями о Балтійскихъ Славянахъ самые достовѣрные и ближе всѣхъ другихъ съ ними знакомые; имъ хорошо извѣстна была раздробленность этого народа, и много разъ говорятъ они о враждѣ и войнахъ между разными его вѣтвями; тѣмъ важнѣе и знаменательнѣе вышеприведенное ихъ свидѣтельство. Стало быть, разрозненныя племена Балтійскихъ Славянъ испрашивали въ общественныхъ дѣлахъ мнѣнія и согласія Ранъ и въ нихъ могли имѣть для своихъ распръ и междоусобій постоянныхъ судей и посредниковъ; стало быть, ежегодныя посольства, отправляемыя каждымъ племенемъ въ Аркону съ данью и урочными жертвами Святовиту, съ тѣмъ вмѣстѣ несли Ранскому богу, жрецу и народу, можно бы сказать, докладъ племени о дѣлахъ его, о задуманныхъ имъ предпріятіяхъ; стало быть, тѣ *ответы* (gesponsa, какъ говоритъ Гельмольдъ), за которыми постоянно стекались въ Аркону со всѣхъ концовъ Славянскаго поморья, не были какія-нибудь темныя прорицанія оракула, а положительно разрѣшали общественные вопросы, заключали въ себѣ приговоръ Ранскаго народа по тому или другому дѣлу.

Такимъ образомъ, Балтійскіе Славяне, при всей разъединенности своей, составили религіозный союзъ, основанный на общемъ благоговѣніи къ Арконскому Святовиту, и въ единодушномъ преклоненіи передъ волею божества нашли, казалось, то единство, какого не имѣли въ общественномъ строѣ.

По видимому огромное было значеніе и огромная власть союза Арконскаго. Какое сильное и благотворное вліяніе долженъ онъ былъ, казалось, имѣть на все Славянское поморье, которому недоставало только единства и совокупности въ дѣйствіяхъ, чтобы торжествовать надъ всѣми врагами! А между тѣмъ мы вліянія его не видимъ нигдѣ въ исторіи Балтійскихъ Славянъ, и

(826) Helm. I. 2.

Арконскій союзъ для нея какъ бы не существуетъ. — Конечно, можно предполагать, что всѣ эти разныя племена не всегда соблюдали въ точности свой «законъ» — спрашивать въ общественныхъ дѣлахъ совѣта у Ранъ, и даже когда спрашивали ихъ совѣта, не всегда ему слѣдовали; но намъ кажется, что такого рода случайныя отступленія не могли быть главною причиною этой исторической, такъ сказать, несостоятельности Арконскаго союза (827). Подобныя отступленія едва ли могли быть часты: мы знаемъ, до какой степени Балтійскіе Славяне благоговѣли предъ Святовитомъ, какъ еще при Гельмольдѣ изнемогающіе, почти уже истребленные Нѣмцами Вагры, старались, не смотря ни на какія гоненія, непремѣнно всякій годъ посылать въ Аркону своихъ представителей. Какое племя между Балтійскими Славянами захотѣло бы оскорбить Святовита неповиновеніемъ волѣ его, произнесенной въ Арконѣ? Какое племя не побоялось бы его гнѣва, когда все поморье твердо вѣрило, что онъ скачетъ по ночамъ на бѣломъ конѣ своемъ и поражаетъ противниковъ святыни Арконской? — Нѣтъ, невозможно, чтобы политическое безсиліе Арконскаго союза происходило только отъ несоблюденія или нарушенія его правилъ. Но на чемъ основывался этотъ союзъ? Не мысль народнаго единства поморья, не мысль племенъ дѣйствовать за одно, подъ однимъ руководствомъ, образовала его: онъ составился потому, что племена захотѣли подчинить себя и дѣла свои волѣ одного верховнаго божества, которое, по общему ихъ убѣжденію, обитало въ Арконскомъ

(827) Въ Житіи Оттона (Andr. 209) мы читаемъ любопытное извѣстіе, что Ране, узнавъ о переходѣ Щетинцевъ въ христіанство, страшно вознегодовали, за то, что они, «не обратясь къ нимъ и не спросивъ ихъ совѣта», отреклись отъ язычества (*graviter indignati, quod sine respectu et consilio eorum idolis renunciantes etc.*) и тотчасъ объявили имъ за это войну. Мы видимъ, что еще въ XII в. Равскій народъ могъ имѣть притязаніе на то, чтобы «имать городовъ Поморскихъ», чтобы богатый и могущественный Щетинъ спрашивалъ у нихъ совѣта и разршенія въ своихъ дѣлахъ, и что Щетинъ, пока былъ языческимъ городомъ, дѣйствительно соблюдалъ этотъ «законъ», о которомъ говоритъ Адамъ Бременскій: ибо нарушеніе его, необходимо послѣдовавшее за принятіемъ христіанства, было, очевидно, дѣломъ новымъ и необыкновеннымъ, если Ране рѣшились тотчасъ начать по этой причинѣ войну.

святилищѣ. Предполагалось, что волю свою оно объявляло въ гаданіяхъ, и что гаданія непреложно истолковывались жрецомъ. Жрецъ былъ, собственно, лишь простое орудіе сообщенія между Святovitомъ и людьми; въ самомъ же дѣлѣ, въ немъ сосредоточивался, имъ держался, отъ него зависѣлъ весь союзъ. Голосъ Святовита на землѣ, онъ повелѣвалъ не Ранамъ только, а всему поморью Славянскому. Когда лѣтописцы говорятъ намъ, что «всѣ Балтійскіе Славяне считаютъ долгомъ совѣтоваться съ Ранами о своихъ дѣлахъ», что «всѣ племена посылаютъ въ Аркону посольства и ждутъ оттуда отвѣта», то вѣдь это значитъ, что спрашиваютъ совѣта жреца, что посылаютъ посольства къ нему, за его приговоромъ. Но что могъ жрецъ этотъ сдѣлать для общаго блага племень, чья воля была въ его рукахъ? Могъ ли онъ вселить въ нихъ духъ народнаго единства, оживить ихъ мыслью объ ихъ великой Славянской землѣ и вести на общее дѣло? Какимъ бы гениемъ ни былъ одаренъ этотъ человѣкъ, ему не достало бы силы къ такому подвигу, при всей его власти: не потому, что власть эта не была матеріальная, но потому, что онъ былъ связанъ и опутанъ своимъ вѣчнымъ обманомъ. При всякомъ словѣ ему надлежало помнить, что говоритъ не онъ, а Святovitъ, рассчитывать, чтобы слово его и отгадывало совершившееся, и непремѣнно сбывалось въ будущемъ, и всегда во всякомъ случаѣ поддерживало вѣру въ его непреложность: можно себѣ представить, до какихъ ничтожныхъ мелочей и уловокъ эта ежедневная забота низводила жреца, какъ она его одолевала, какъ онъ долженъ былъ въ приговорахъ своихъ избѣгать отвѣтственности, бояться прямыхъ и ясныхъ указаній и ограждать свою непреложность туманностью двусмысленныхъ изрѣченій, какъ во всѣхъ отвѣтахъ своихъ разнымъ племенамъ и лицамъ онъ долженъ былъ льстить господствующимъ страстямъ. Нѣтъ, Арконскій жрецъ, по видимому самовластный и безотчетный владыка всего поморья Славянскаго, не въ силахъ былъ произнести предъ нимъ рѣшительнаго слова, смѣлою рукою водрузить знамя народнаго единства и вынудить у завистливыхъ племень отреченіе отъ пагубной старины. Феократическій союзъ Балтійскихъ Славянъ, возникшій въ средѣ жизни

племенной, не заключалъ въ себѣ новой стихіи развитія; онъ остался для нихъ бесплоднымъ, и жрецъ, глава его, былъ нѣтъ въ роковой борьбѣ разьединенныхъ Славянъ-язычниковъ противъ Католической Европы, какъ нѣтъ былъ самый истуканъ Святовита, когда, по словамъ Саксона, народъ ждалъ, что онъ словомъ гнѣва своего сразитъ Датчанъ, ворвавшихся въ его храмъ.

LXXVII.

Священный городъ Радигощъ въ землѣ Лютичей.

Неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ къ Арконѣ находились другіе храмы Балтійскихъ Славянъ, были ли они всѣ ей подчинены, или только нѣкоторые, и какія именно были тѣ, подвластныя Арконскому жрецу, капища Святовита, о коихъ говоритъ Саксонъ Грамматикъ. Но во всякомъ случаѣ всѣ другіе храмы на Славянскомъ поморьѣ, если прямо и не зависѣли отъ Арконы, то имѣли второстепенное значеніе предъ этой всенародною святынею Славянской земли⁽⁸²⁸⁾. Вездѣ однако повторялись, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, тѣже явленія, какія представились намъ въ Арконѣ, ибо по всему Славянскому поморью характеръ языческой религіи былъ одинаковъ: вездѣ богамъ присвоивалась гражданская власть, и храмины ихъ становились средоточіемъ общественнаго единства одного или нѣсколькихъ племенъ.

Послѣ Арконы первое мѣсто принадлежало Радигощу.

Мы видѣли, какія божества по преимуществу почитались въ этомъ великомъ святилищѣ Славянъ-язычниковъ. Подобно Арконѣ, Радигощъ былъ неприступною твердынею, посвященною единственно богослуженію. Называясь по-славянски несомнѣнно *Радигощемъ*, т.-е. городомъ Радигости⁽⁸²⁹⁾ (извѣстнаго божества),

(828) Sax. 896. Alia quoque fauna compluribus in locis hoc nomen habebat, quae per supparis dignitatis ac minoris potentiae flamines regebantur.

(829) *Радигощъ* есть древняя, по законѣмъ Славянскаго языка образованная, форма притяжательнаго прилагательнаго отъ имени *Радигость*: подобныя названія городовъ и деревень встрѣчаются въ большомъ числѣ, и преимущественно у Ляшкихъ Славянъ, напр. *Быдгощъ* (Польское имя г. Бромберга), *Вальгощъ*, т.-е. конечно *Волегощъ* или *Велегощъ*, и такъ звучало, очевидно, по-славянски имя древняго Поморскаго города Вольгаста (въ древнихъ

онъ у Нѣмцевъ чаще обозначался другимъ именемъ, *Ретрою*, происшедшимъ отъ названія Ратарей (*Retharii*, *Redarii* и т. п.), того племени, въ чьей странѣ онъ находился. — Эти Ратарей составляли, какъ мы знаемъ, одно изъ 4-хъ колѣнъ Лютицкаго племени. Радигощъ, однако, хотя и на ихъ землѣ построенный ⁽⁸³⁰⁾, принадлежалъ имъ сообща съ сосѣднимъ колѣномъ Доленчанъ ⁽⁸³¹⁾. Земля Ратарей и Доленчанъ лежала на югъ отъ верхняго теченія р. Пьны; у рѣки и озера *Tollense* (Доленицы). Въ точности однако мѣстоположеніе Радигоща неизвѣстно. Онъ построенъ былъ близъ озера, но при неопредѣленности и разногласіи двухъ лѣтописцевъ, Титмара и Адама Бременскаго, которые рассказываютъ про него, оба по наслышкѣ, нельзя угадать, какое именно было это озеро (озеръ во всей этой странѣ множество). Обыкновенно принимаютъ Прильвицкое, лежащее подлѣ большаго озера *Tollense* (Доленицы); во всякомъ случаѣ, оно было гдѣ-нибудь въ нынѣшнемъ Стрелицкомъ герцогствѣ.

Извѣстія о Радигощѣ наиболее запуталъ Адамъ Бременскій, который своими неясными показаніями побудилъ нѣкоторыхъ ученыхъ поставить въ маленькой землѣ Ратарей два отдѣльныхъ, первостепенныхъ средоточія Славянскаго язычества, и назвать одинъ изъ нихъ Радигощемъ, другой Ретрою. Обращая излишнее вниманіе на нѣкоторыя разнорѣчія лѣтописцевъ, они не взяли въ разсужденіе, что свидѣтельство Адама Бременскаго, принятое буквально, не имѣетъ смысла: «самый городъ Ретаріевъ (т.-е. Ратарей), Ретра, говоритъ онъ, имѣетъ девять воротъ и со всѣхъ

памятникахъ *Wologost*) и Поморской же деревни *Velgast*, Францбургскаго округа, *Вильгоща* въ Олькушскомъ, *Малогощъ* въ Келецкомъ уѣздѣ (въ грамотѣ 1136 г. *Malogost*, cod. Romer. N 13), *Залгощъ* (Жалигощъ?), по-нѣмецки *Salgast* въ Лужицахъ, и ии. др. (см. Cod. Romer. стр. 39); наконецъ самое имя Радигоща повторяется въ Польскомъ *Радогощъ* Ленчицкаго, и *Радгощъ* Остроленскаго уѣзда.

(830) Thietm, VI, 17. Est urbs quaedam in pago Riederirum, Riedegost nomine.

(831) Ad. II, 18.... Retharii, civitas eorum Rethre sedes ydolatriæ. Helm. I, 21. Riadari sive (въ смыслѣ *et*) Tholenzi, propter antiquissimam urbem et celeberrimam fanam, illud, in quo simulacrum Radigast ostenditur, regnare volebant etc.

сторонѣ окруженъ глубокимъ озеромъ; въ него входятъ по деревянному мосту, чрезъ который пропускаются только желающіе привести жертву или спросить предсказанія» (832). Слишкомъ нелѣпо было бы со стороны Ратарей выстроить среди озера городъ съ деватью воротами, въ который можно бы было попасть только чрезъ одинъ мостъ, да и то не всякому: или восемь воротъ было лишнихъ, или Адамъ не такъ выразилъ то, что хотѣлъ сказать. Титмаръ, писавшій слишкомъ за 50 лѣтъ до него, гораздо яснѣе и проще. Вотъ его слова: «Есть въ странѣ Ратарей городъ, по имени Радигощъ (Riedegost), трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ большимъ лѣсомъ, нетронутымъ и почитаемымъ у туземцевъ за священный. Двое воротъ открыты всякому; третьи на восточной сторонѣ, меньшія, ведутъ къ морю, вблизи лежащему и на видъ ужасному, и эти ворота не всякому бывають доступны. Въ этомъ городѣ нѣтъ ничего, кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева» (833). (Титмаръ, не выдавшій, какъ и Адамъ, этого мѣста, легко могъ принять озеро, у котораго лежалъ Радигощъ, за море; подобныя

(832) Ad. II, 18. Civitas ipsa novem portas habet, undique lacu profundo inclusas, pons ligneus transitum praebet, per quem tantum sacrificantibus aut responsa petentibus via conceditur. Слѣдующія за тѣмъ слова: «Credo, ea significante causa, quod perditas animas eorum, qui ydolis servant, congrue *novies Styx intersusa coercent*», — слова эти не идутъ къ дѣлу, и вѣроятно написаны именно для введенія въ рѣчь Виргиліева стиха: *novies*. (VI, 439), о которомъ лѣтописецъ вспомнилъ, какъ кажется, по поводу числа *девяти* воротъ Петрскаихъ: такія отступленія весьма обыкновенны у средне-вѣковыхъ писателей, любящихъ выставить свою начитанность, и въ особенности охотникъ до нихъ Адамъ Бременскій.

(833) Thietm. VI, 17. Est urbs quaedam in pago Riedigerun (безъ сомнѣнія ошибка вмѣсто Riedigerorum, ошибка, принимавшаяся переписчиками за настоящую форму собственнаго имени, и поэтому утвердившаяся во всѣхъ текстахъ), Riedegost nomine, tricornis ac tres in se continens portas (unaquaque per singula cornua, прибавлено въ некоторыхъ pp.), quam undique silva ab incolis intacta et venerabilis circumdat magna. Duæ ejusdem portæ cunctis introeuntibus patent, tertia quæ orientem respicit et minima est, tramitem ad mare juxta positum et visu terribile monstrat (quæ nulli facile patet прибав. нѣкот. pp.). In eadem est nil nisi fanum de ligno artificiose compositum.

ошибки не рѣдки; также разногласіе въ числѣ воротъ не имѣетъ важнаго значенія: кому не измѣнить память? Оставивъ въ сторонѣ мелочи, можно сказать слѣдующее о Радигощѣ, и это согласить разнорѣчія нашихъ источниковъ: Радигощъ находился въ неприступномъ мѣстѣ, огражденный лѣсомъ и озеромъ, а также валомъ или стѣною (иначе къ чему бы служили ворота?); въ немъ было нѣсколько воротъ, открытыхъ всякому; въ восточной сторонѣ находился храмъ, эта святыня окружена была со всехъ сторонъ водою, и къ ней вела только одна дорога, по направленію къ озеру, и одинъ мостъ, по которому пускался лишь тотъ, кто шелъ во храмъ для жертвоприношенія или гаданія.

Радигощъ былъ, какъ сказано, чисто богослужебнымъ городомъ; весь онъ сосредоточивался въ великомъ храмѣ Святовита-Сварожича и Радигоста; Титмаръ говоритъ даже, что въ немъ не было ничего, кромѣ храма, но это, конечно, нѣсколько преувеличено, потому что и жрецы, и прислужники, приходившіе издалека съ дарами или вопросами, должны были гдѣ-нибудь помѣщаться.

Самый храмъ, большой ⁽⁸³⁴⁾, выстроенный, по приведенному свидѣтельству Титмара, съ большимъ искусствомъ изъ дерева, внизу, у основанія, выложенъ былъ рогами разныхъ звѣрей, вѣланными такъ, что они точно поддерживали зданіе; стѣны, по словамъ того же писателя, были снаружи украшены чудесною рѣзьбой, изображавшею разныхъ боговъ и богинь ⁽⁸³⁵⁾.

LXXVIII.

Общественное и историческое значеніе Радигоща.

Какія были отношенія между Радигощемъ и Арконою, объ этомъ древніе памятники не говорятъ; но и Радигощъ называютъ они великою, общею святынею Славянскаго поморья ⁽⁸³⁶⁾. Гельмольдъ, въ разсказѣ о событіяхъ XI вѣка, называетъ городъ

(834) Ad. II, 18.

(835) Thietm. VI, 17. fanum de ligno artificiose compositum, quod pro basibus diversarum sustentatus cornibus bestiarum. Hujus parietes variæ deorum dearumque imagines mirifice insculptæ, ut cernentibus videtur, ornant.

(836) Thietm. VI, 18. Helm. I, 21.

Ратарей и Доленчанъ весьма древнимъ и храмъ Радигости знаменитѣйшимъ ⁽⁸³⁷⁾. Все племена Балтійскихъ Славянъ, по словамъ Титмара, чтили этотъ храмъ, поклонались его святынѣ, когда шли на войну, возвращаясь съ удачнаго похода, посвящали ему установленные дары и приносили въ немъ богамъ благодарственную жертву; обрядъ жертвоприношенія совершали жрецы; предметъ, угодный богамъ для жертвы, узнавали всякій разъ посредствомъ гаданія раскапываніемъ земли и шагами коня: проливалась въ честь боговъ кровь не только животныхъ, но и человеческая ⁽⁸³⁸⁾. Какъ въ Аркону, такъ и въ Радигощъ приходили изъ разныхъ мѣстъ за прорицаніями; ежегодно также отправлялись туда отъ Славянскихъ племенъ опредѣленные жертвоприношенія ⁽⁸³⁹⁾. Подобно Святовиту Арконскому, боги Радигощскіе имѣли свои знамена ⁽⁸⁴⁰⁾, къ которымъ Лютичи питали чрезвычайное благоговѣніе. Онѣ поручены были особеннымъ заботамъ и надзору жрецовъ, и только въ случаѣ похода выносили ихъ изъ храма: лишь пѣшими дозволялось нести ихъ, какъ рассказываетъ Титмаръ въ известномъ намъ уже описаніи Радигоща ⁽⁸⁴¹⁾. Видя передъ ратью своєю священныя знамена, Лютичи вѣрили, что идутъ за своими богами ⁽⁸⁴²⁾:

(837) Helm. I, 21. propter antiquissimam urbem etc.

(838) Thietm. VI, 18. Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur et simulacra....; inter quæ civitas supramemorata principalem tenet monarchiam. Hanc ad bellum proferantes salutant, illam prospere redeuntes munere debitis honorant, et quæ placabilis hostia diis offerri a ministris debeat, per sortes ac per equum, sicut præfatus sum, diligenter inquiritur. Hominum ac sanguine pecudum ineffabilis horum furor mitigatur.

(839) Helm. I. 21. Riaduri sive Tolenzi (см. выше, вымоську 401) propter.... celeberrimum illud fanum.... adscribentes sibi singularem nobilitatis honorem, eo quod ab omnibus populis Slavorum frequerantur propter responsa et annuas sacrificiorum impensiones.

(840) Thietm. IV, 17.

(841) Тамъ же: Vexilla quoque eorum nisi ad expeditionem necessaria, et tunc per pedites, hinc nullatenus moventur. Ad hæc curiose tuenda ministri sunt specialiter ab indigenis constituti....

(842) Thietm. VI, 16. Liuzici (т. е. Лютичи).... deos suimet precedentes subsequuti.

знамена были для нихъ въ походѣ представителями оставшихся въ Радигощѣ кумировъ, и нѣтъ сомнѣнiя, что общiя знамена боговъ, скорѣе чѣмъ мысль объ общемъ дѣлѣ или общее начальство, могли служить связью для лютицкихъ войскъ, которыя составлялись изъ отдѣльныхъ отрядовъ разныхъ племенъ. Свои знамена сопровождали въ походѣ и жрецы⁽⁸⁴³⁾, и конечно, передъ знаменами, какъ передъ изображениями своихъ боговъ-покровителей (*dii fautores*, по выраженiю Титмара), приносило лютицкое войско въ жертву знатнѣйшихъ между плѣнными врагами⁽⁸⁴⁴⁾. Титмаръ рассказываетъ еще, что отдѣльными знамена лютицкихъ боговъ (онъ не говоритъ, всѣ ли, или только нѣкоторыя) имѣли особый конвой (*comitatus*) изъ отборныхъ воиновъ⁽⁸⁴⁵⁾: но мы не знаемъ, была ли то временная стража, приставлявшаяся къ знаменамъ для обереженiя ихъ среди военныхъ опасностей, или такое воинство, которое исключительно посвящало себя служенiю богамъ, какъ арконская рать Святовита.

Средоточiе религиозное, Радигощъ, какъ Аркона, долженъ былъ получить у Балтiйскихъ Славянъ и общественную власть: онъ сдѣлался основанiемъ частнаго союза двухъ лютицкихъ коленъ, Ратарей и Доленчанъ⁽⁸⁴⁶⁾, и общаго союза лютицкаго. Для Ратарей и Доленчанъ обладанiе общими храмомъ было, кажется, источникомъ дружбы и крѣпкаго единства; въ отношенiи къ этимъ двумъ маленькимъ вѣтвямъ (земли ихъ, вмѣстѣ взятая, едва ли равнялась бы пространству одного нашего уѣзда), святилище Радигоща, быть можетъ, и восполняло недостатокъ собственно гражданской государственной связи; но какъ средоточiе

(843) Thietm. VII, 47. Liutici... dedecus deae suimet illatam querunt: nam haec, in vexillis formata, ... a quodam Herimanno ... lapide uno traiecta est. Et dum hoc *ministri* ejus imperatori dolenter retulissent, ad emendationem 12 talenta perceperunt.

(844) Thietm. IV, 9. Bolizlavus... urbem (Nemzi)... cum domino ejus... acquisivit, eundemque Liuticis ad decollandum dedit. Nec mora, diis fautoribus haec ostia ante urbem offertur.

(845) Thietm. VII, 47. deam cum egregio 50 militum comitatu alteram perdidere.

(846) Helm. I, 21.

обширнаго народнаго союза, отъ котораго слѣдовало бы, кажется, ожидать великаго дѣйствія въ Исторіи, Радигощъ оказывалъ такое же безсиліе, какъ Аркона, далеко уступая ей притомъ въ значеніи между Балтійскими Славянами. Нужно ли распростра- няться о причинахъ безсилія Радигощскаго союза, когда мы зна- емъ, что источникомъ его были тѣ же условія жизни религі- озной и общественной, которыя образовали союзъ Арконскій? Но по крайней мѣрѣ Аркона пользовалась общимъ признаніемъ на всемъ поморьѣ; Радигощъ простиралъ свою власть собственно только на Лютичей, т.-е. на четыре поколѣнія Лютичей въ тѣсномъ смыслѣ и на тѣ племена, которыя впослѣдствіи под- чинились ихъ вліянію и стали также носить почетное имя Люти- чей (какъ-то Укряне, сѣверные Морачане, Гаволяне и прилегаю- щія мелкія вѣтви). «Въ городѣ Радигощъ, что въ землѣ Лютичей, говоритъ Гельмольдъ⁽⁸⁴⁷⁾, созванъ былъ сеймъ всѣхъ Славянъ, которые обитаютъ на востокѣ»: подѣ Славянами, *обитающими на востокѣ*, онъ разумѣлъ, какъ кажется, эти именно лютичскія племена, противопоставляя ихъ вѣтвямъ западнымъ, ближайшимъ къ Голштиніи, Бодричамъ съ Ваграми и Полабцами и др. Что эти на- роды не подчинялись Радигощу, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, при закоренѣлой ихъ ненависти къ Лютичамъ, и Радигощъ, «богъ земли Бодрицкой»⁽⁸⁴⁸⁾, также какъ богъ Лютичей, долженъ былъ имѣть у Бодричей особое племенное капище (по преданію, оно находилось именно въ Мекленбургѣ)⁽⁸⁴⁹⁾. Когда Титмаръ писалъ, что радигощскому святилищу принадлежитъ «первен- ствующая власть» (*singularis monarchia*) надъ всѣми частными храмами волостей славянскихъ, то онъ, мы увѣрены, имѣлъ въ виду преимущественно народъ Лютичскій, т.-е. Гаволянъ и собственныхъ Лютичей, съ которыми только и могъ онъ озна- комиться въ своей Мерзебургской епархіи, а вовсе не думалъ

(847) Helm I, 16.... transivit in civitatem Rethre, quæ est in terra Lutitio- rum, convocatisque omnibus Slavis, qui ad orientem habitant.... Сравни. Ad. Brem. schol. 71: Fama est.... duos monachos.... in civitatem Rethre venisse, ubi dum verbum Dei publice annunciarent concilio paganorum etc.

(848) Helm. I. 52.

(849) Botho у Лейбница, Scr. r. Brunsv. III, 339.

объ отдаленныхъ и мало извѣстныхъ ему Бодричахъ. Также должно ограничить и слишкомъ общія выраженія Гельмольда въ слѣдующемъ его разсказѣ: «У четырехъ народовъ, именуемыхъ Лютичами или Велетами (Wilzi)... возгорѣлся сильный споръ о преобладаніи: Ратаре и Доленчане, которымъ принадлежалъ оный древній городъ и знаменитый храмъ, гдѣ показываютъ кумирь Радигостя, имѣли притязаніе на господство, приписывая себѣ честь особенной знатности, на томъ основаніи, что къ нимъ приходили отъ всѣхъ Славянскихъ народовъ за отвѣтами (responso) и для ежегодныхъ жертвоприношеній; Черезпѣяне же и Кичане не соглашались подчиниться имъ, и рѣшились оружіемъ защищать свою независимость».... Въ иную пору Радигощъ могъ, дѣйствительно, имѣть то значеніе, которое Гельмольдъ ему здѣсь приписываетъ: когда насиліе Германцевъ заставляло Бодричей прибѣгать къ Лютицкому союзу за помощью и дѣйствовать съ нимъ за одно противъ завоевателей, тогда Радигощъ и становился, на время, какъ бы общимъ средоточіемъ всего западнаго поморья⁽⁸⁵⁰⁾; но такой союзъ возникалъ случайно и не бывалъ продолжителенъ, и именно въ то время, къ которому относится разсказъ Гельмольда о междуособіи Лютичей, Бодричи и ближайшія къ нимъ вѣтви рѣшительно чуждались общенія съ Радигощемъ и его сеймомъ. Ясно, что слова Гельмольда о Радигощѣ, какъ о религіозномъ средоточіи *всѣхъ* (Балтійскихъ) Славянъ, не должны быть приняты буквально; впрочемъ, когда дѣло шло объ огромныхъ притязаніяхъ обладателей этого святилища, ему и не кстало было вводить, для точности выраженій, въ свой разсказъ разныя оговорки и ограниченія.

Зато въ разсказѣ этомъ мы видимъ другой признакъ глубокаго, характеристическаго различія между Радигощемъ и Арконою. Аркона была поставлена внѣ всякой племенной исключительности; частнымъ богамъ своего племени Ране, мы знаемъ,

(850) См. Helm. I, 16.—I, 23. Ioannes episcopus... in... Meckelenburg captus, servabatur ad triumphum... per singulas civitates Slavorum ductus ad ludibrium... corpus ejus in platea projectum est. Caput vero desectum, quod barbari conto præfigentes in titulum victoriæ deo suo Radigasto immolaverunt. Haec in metropoli Slavorum Rethre gesta sunt...

не только отвели особое святилище, но даже удалили ихъ въ другой городъ, въ Арконѣ же поклонялись они лишь *общему* богу поморья, шарившій со всеми другими племенами; ничье самолюбіе не могло быть оскорблено: единогласно и безирекословно признавалась Аркона всенароднымъ святилищемъ Балтійскихъ Славянъ, и то вліяніе, которое она давала Ранами на все поморье, не оспаривалось никѣмъ. — Своего Радигоща Лютичи не умѣли поставить на такую высоту: быть можетъ оттого, что вообще религіозная стихія у нихъ не достигла такого сильнаго развитія, какъ между Ранами. Мы не видимъ у Лютичей настоящей теократіи; жрецы имѣли у нихъ важное значеніе, но они не были полные властители народа, какъ на Ранѣ, — а на той степени грубой вещественности, на которой стояли Балтійскіе Славяне, большая или меньшая власть жрецовъ въ томъ или другомъ племени была, можно сказать, мѣриломъ большей или меньшей преданности племени своему божеству. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но Радигощъ, хотя и призывалъ поклонниковъ отъ всей земли поморской, хотя составлялъ средоточіе Лютичиныхъ поколѣній и всѣхъ племенъ, которыя къ нимъ присоединились, хотя, подобно Арконѣ, посѣщаемъ былъ многочисленными посольствами, получалъ отъ разныхъ племенъ установленныя приношенія и давалъ имъ указанія и совѣты отъ имени боговъ, при всемъ томъ однако не могъ освободиться отъ значенія *частнаго* святилища: Ратаре и Доленчане почитали его своею племенною собственностью, и вотъ мы видимъ зависть и соперничество другихъ племенъ, видимъ вооруженное возстаніе противъ Радигоща.

Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что Арконская святыня получила общенародное у Балтійскихъ Славянъ значеніе только со времени разрушенія Радигоща, который, по мнѣнію ихъ, былъ прежнимъ религіознымъ средоточіемъ всего поморья. Радигощъ, дѣйствительно, палъ лѣтъ за сто до Арконы; но Адамъ Бременскій, который еще изображаетъ Радигощъ какъ средоточіе, какъ обиталище славянскаго язычества (*sedes ydolatriæ*), свидѣтель тому, что уже въ его время Балтійскіе Славяне ничего не предпринимали безъ совѣта Ранѣ, и указываетъ именно на

религиозное начало этого явления; при томъ же всё известіе выставляють глубокую древность Арконскаго святилища (*simulacrum illud antiquissimum Zvantevith, quod colebatur abominacione Slavorum*. Гельмольдъ) ⁽⁸⁵¹⁾. Конечно, паденіе Радгоща должно было еще болѣе усилить вліаніе и власть Арконы, умножить число ея посѣтителей; но мы не сомнѣваемся, что оба храма существовали совмѣстно и процвѣтали въ продолженіе многихъ столѣтій, каждый съ своимъ особымъ значеніемъ въ общественной жизни Балтійскихъ Славянъ: Радгощь, какъ племенное капище Ратарей и Доленчанъ, которое, отъ перевѣса ли ихъ оружія, или отъ чего-либо другаго, сдѣлалось сначала средоточіемъ всѣхъ четырехъ Лютицкихъ вѣтвей, а потомъ привлекло къ себѣ и сосѣднія племена, по иврѣ того, какъ распространялось политическое вліаніе Лютичей; Аркона, — какъ издревле и всенародно признанная, неприступная «въ сердцѣ моря», *in corde maris*, по выраженію летописца, общая святиныя славянскаго поморья, средоточіе и блюстительница ихъ вѣры и языческаго общества.

LXXIX.

Общественное значеніе религіи у отдѣльныхъ племенъ и волостей (*жупы*) балтійскихъ.

Точно также, какъ общественная связь была для всѣхъ Балтійскихъ Славянъ въ Арконскомъ святилищѣ, а для народа Лютицкаго въ храмѣ Радгоща, — для cadaго племени и для каждой *жупы* на славянскомъ поморьѣ была она отдѣльно въ капищѣ, гдѣ племя или *жупа* поклонялась своему богу: вездѣ грубая преданность язычниковъ-Славянъ дѣлала божество какъ бы земнымъ властителемъ, средоточіемъ человѣческаго общества.

Гельмольдъ довольно подробно описалъ племенное поклоненіе ближайшихъ къ Нордалбингіи вѣтвей, Вагровъ, Полабцевъ и Бодричей. Вотъ его слова: «Кромѣ священныхъ рощъ и пенаговъ, которыми пренеполнены земли и города (славянскіе), пер-

(851) II, 12. Также Saxo 742: Arcon oppidum, *vetusto simulacri cuiusdam cultu inclytum*.

выя и главные божества были: Перунъ , богъ Старогардской страны, Жива, богиня Полабцевъ, Радигость, богъ земли Бодрицкой. Для нихъ были назначены жрецы и установлены жертвоприношенія и многочисленные обряды поклоненія. Жрецъ по указанію гаданій опредѣляетъ дни празднества въ честь богу, и сходятся мужчины и женщины съ дѣтьми и закалываютъ богамъ своимъ въ жертву быковъ и овецъ, а часто и людей, христіанъ, увѣряя, что кровь ихъ для боговъ усладительна. Заколовъ жертву, жрецъ отвѣдываетъ крови, чтобы вдохновиться къ прорицаніямъ. Ибо у многихъ существуетъ мнѣніе, что демоны легче призываются посредствомъ крови» (852). Въ другомъ мѣствъ Гельмольдъ дополняетъ это извѣстіе описаніемъ общественнаго значенія племенной сватыни у Вагровъ, Перуновой роци: «Она была для всей земли (Старогардской) общимъ святилищемъ, въ честь котораго назначенъ былъ жрецъ, опредѣлены были праздники и совершались разные обряды жертвоприношеній. Туда на другой день праздниковъ сходилъ народъ той страны со жрецомъ и княземъ для суда» (853).

Общественное значеніе племенной сватыни особенно ярко выдѣляется у Поморянъ. Въ Щетинѣ, какъ намъ извѣстно, были четыре кутины, общественныя зданія, которыя очевидецъ въ Житіи Оттона Бамбергскаго описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Одна изъ этихъ кутинъ, главная (та, которая служила храмомъ Святювида-Триглава), построена была съ удивительнымъ тщаніемъ и искусствомъ: внутри и снаружи на стѣнахъ находились выпуклыя изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныхъ такъ вѣрно и такъ естественно, что, казалось, дышали и жили, и, что особенная рѣдкость, — краски наружныхъ изображеній ни отъ какихъ дождей и снѣговъ не могли потускнѣть ни стереться, таково было искусство живописцевъ. Въ этомъ храмѣ, по старинному обычаю, который велся отъ предковъ, слагали захваченныя на войнѣ богатства и оружіе враговъ, и изъ всей добычи, въ морскомъ ли походѣ, или въ сухопутномъ бою пріобрѣтенной, закономъ опредѣленную десятину, а также въ немъ берегли зо-

(852) Helm. I, 52.

(853) Helm. I, 83.

лотые и серебряные кубки и сосуды, которые въ праздники выносились изъ святилища, и тогда изъ нихъ дѣлали гадательныя воздѣянiя, ѣли и пили знатные и могущественные люди (страны). Равнымъ образомъ большiе рога дикихъ быковъ (т.-е. зубровъ), позолоченные и выложенные дорогими каменьями, служивше для питья, и рога, устроенные для музыкальныхъ звуковъ, мечи, ножи и многочисленная утварь, драгоцѣнная, рѣдкая и на видъ прекрасная, все это тамъ хранилось въ честь боговъ... Три другiя *кутины* менѣе уважались и были менѣе украшены: внутри были только поставлены кругомъ скамьи и стояли столы, потому что тамъ бывали совѣщанiя и собранiя Щетинцевъ, и туда они приходили, пить ли, или серьезно толковать о своихъ дѣлахъ, въ положенные дни и часы» (854).

Но и эти *кутины*, которыя служили для общественныхъ собранiй, имѣли въ Щетинѣ значенiе священное. Вѣроятно, что онѣ находились подъ покровительствомъ божества, обитавшаго въ главномъ храмѣ, вблизи котораго онѣ и были построены (855). При каждой изъ нихъ, также какъ при главной *кутинѣ* Триглава, состоялъ особый жрецъ (856), и въ этомъ-то вполнѣ высказывается религiозный характеръ общественныхъ щетинскихъ избу. Принявъ христіанскую вѣру и истребляя памятники язычества, Щетинцы сочли долгомъ разрушить и эти общественныя избы за одно съ храмомъ своего идола. Подобно Ранамъ, Щетинцы, по свидѣтельству древняго писателя (857), при всякомъ дѣлѣ обращались къ своему святилищу и спрашивали воли Триглава; по указанiямъ, которыя давалъ имъ Триглавъ въ разныхъ гаданiяхъ, они предпринимали, либо откладывали походъ или морское плаванье (858): и здѣсь также, мы видимъ, язычники-Сла-

(854) Sefr. 105. 106.

(855) Такъ наз. *Anonymus San-cruciaris*, ошибочно приводя въ Щетинѣ только двѣ *кутины*, говоритъ объ нихъ: *ingenti cura vel arte constructæ, haud grandi ab-invicem intervallo distabant* (II, 11).

(856) Sefr. 107. *unum de quatuor sacerdotibus templorum.*

(857) S. Cruc. II, 11. *de quolibet eventu dominum Trigeloum consultari, præfatas semper continas frequentabant.*

(858) Sefr. 107. 108.

вине сдѣлали изъ божества какъ бы своего земнаго главу и вл-стителя. Вообще, поклоненіе Поморянъ было такое же, какое у другихъ балтійскихъ вѣтвей. Въ честь боговъ совершались праздни-ства, и тогда въ городъ стекался народъ изъ всей окрестности, изъ всей жупы ⁽⁸⁵⁹⁾, и предавался шумному веселію, пирамъ, общественнымъ играмъ, пѣснямъ и пляскамъ ⁽⁸⁶⁰⁾. Въ Воинѣ бывалъ всегда праздникъ въ началѣ лѣта, и онъ привлекалъ огромное стеченіе народа ⁽⁸⁶¹⁾; иногда и жрецъ, по особому какому-либо случаю, назначалъ праздникъ и созывалъ народъ ⁽⁸⁶²⁾. Боговъ чтили обильными жертвами ⁽⁸⁶³⁾, состоявшими не только изъ животныхъ ⁽⁸⁶⁴⁾, но даже изъ денегъ ⁽⁸⁶⁵⁾; были, кажется, по крайней мѣрѣ въ Щетинѣ, установлены какія-то постоянныя приношенія богамъ ⁽⁸⁶⁶⁾. Но человѣческихъ жертвъ Поморяне не звали: у Ранъ, Лютичей и Вагровъ пролитіе христіанской крови въ честь боговъ объясняется ненавистью прогнать насильственно налагаемаго на нихъ Нѣмцами исповѣданія; до Поморья же

(859) Sefr. 60 ex omni provincia. Andr. 162. cunctis provincialibus concurrentibus.

(860) Sefr. 60. ad castrum Pirissam propinquant, ecce illic hominum ad 4000 ex omni provincia confluisse aspexerunt: erat enim dies festus paganorum, quem lusu, luxu cantuque gens vesava celebrans, vociferatione alta eos reddidit attonitos. Ebbo 63. (Julinenses) ludis et saltationibus paganico more occupati. S. Cruc. II, 17. populus civitatis (Julin) eo usque vecordia progressus ej, ut erectis simulacris, quæ dudam abjecerat, profanas sacrorum suorum nundinas celebraret. Vides interea per totam civitatem ludos scenicos agi, clamore ac strepitu omnia commisceri....

(861) Ebbo 62. Julin cujusdam idoli celebritatem in initio ætatis maximo concursu et tripudio agere solebat. Andr. 162. ad prædictam idoli celebritatem cunctis provincialibus concurrentibus, ludosque et comessationes multififormi apparatu exhibentibus....

(862) Ebbo 100. Major ille pontifex idolorum (въ Щетинѣ), convocatis amicis suis, diem festum idolis agi præcepit.

(863) Ebbo 64. Sacrificia, quæ copioso apparatu sacerdotibus et fanis idolorum exhibebantur.

(864) Посланіе Отрога Бамб. (Pertz, VIII, 363: ne quid... comedant ydolothytum).

(865) Ebbo 55, 57.

(866) Ebbo 64.

мецкое завоеваніе не доходило, и здѣсь не было для язычниковъ повода къ такой злобѣ и жестокости; изъ чего, между прочимъ, видно, что человѣческія жертвы вообще у Балтійскихъ Славянъ не составляли кореннаго учрежденія, а появились отъ историческихъ причинъ ⁽⁸⁶⁷⁾.

Нельзя не замѣтить, что у Поморянъ, при тѣхъ же богахъ и обрядахъ, языческая вѣра не имѣла такого ожесточенія, какъ у западныхъ вѣтвей. Въ противоположность Водричамъ, Лютичамъ и Стодорянамъ, которые столько разъ подымали на христіанъ ужаснѣйшія гоненія и мучили ихъ неслыханными казнями, особливо священниковъ, въ противоположность Раванамъ, которые ежегодно багрили христіанскою кровью святилище своего бога, Поморянѣ являли, относительно христіанъ, даже когда христіане оскорбляли ихъ вѣрованія, удивительную кротость и терпимость.

Вспомнимъ приведенный уже случай съ тѣмъ католическимъ епископомъ, который, не зная ни слова по-славянски, пришелъ къ Поморянамъ въ Волинь, чтобы обратить народъ въ христіанство, и прямо принялся рубить знаменитый столбъ, величайшую

(867) Что человѣческихъ жертвъ у Поморянъ не было, несомнѣнно при молчаніи объ нихъ всѣхъ источниковъ: жизнеописатели Оттона Бамбергскаго, столь охотно выставляющіе темныя стороны славянскаго язычества, не преминули бы упомянуть о такомъ злодѣйскомъ обрядѣ; также убѣдительно въ этомъ отношеніи молчаніе грамоты 1124 г. (Pertz VIII, 263), свидѣтельствующей о подвигахъ Оттона на Поморьѣ и исчисляющей языческіе обряды и суеврїя, имъ запрещенные. Мы не разъ уже ссылались на эту любопытную грамоту; считаемъ не излишнимъ представить въ совокупности показанія ея, относящіяся до славянскаго язычества: «(Оттонъ, епископъ бамбергскій, посетивъ страну Поморянъ язычниковъ съ нѣкоторыми городами земли Лютичкой, окрестивъ и обративъ ихъ въ христіанство), запретилъ имъ: убивать своихъ дѣтей, каковое беззаконіе весьма сильно у нихъ господствовало;.... жениться на родственницѣ ближе шестаго и седьмаго колѣна и имѣть болѣе одной жены; хоронить умершихъ христіанъ между язычниками, въ лѣсахъ или поляхъ,.... и класть сучья надъ нихъ могилами; придерживаться всякихъ языческихъ обрядовъ и мерзостей, строить дома идоловъ (т.-е. языческія капища), посвящать ворожей, предаваться гаданіямъ; вѣтъ нечистое, мертвечину, давленнуну, жертвенное мясо (udolotitum, т.-е. idolothytum), вкушать отъ крови животныхъ; имѣть общеніе съ язычниками, вкушать пищу и питіе съ ними или изъ ихъ сосудовъ; во всемъ этомъ (запрещалъ онъ) слѣдовать языческому обычаю».

святню языческаго города: сами жрецы вытащили его изъ толпы, которая на него бросилась; и выпроводили съ миромъ изъ земли своей. Это неслыханный въ язычникахъ примѣръ добродушія: какъ высоко ставятъ оно воинственныхъ Поморянъ надъ сосѣдями ихъ Прусами, изображаемыми однако въ лѣтописяхъ народомъ самымъ тихимъ и мирнымъ, надъ Прусами, которые великаго проповѣдника Войтѣха, не причинившаго имъ ни малѣйшаго оскорбленія и уже покидавшаго ихъ землю, предали мученической смерти за то, что онъ, въ невѣдѣніи, прилегъ отдохнуть на Ромовскомъ полѣ, посвященномъ богамъ!

Надобно повторить не разъ уже представившееся намъ заключеніе: что Балтійскіе Славяне, когда только не были ожесточены внѣшними обстоятельствами, вѣрно хранили коренное свойство славянскаго племени, добродушную кротость.—Припомнимъ еще то, что въ этомъ же городѣ Волинѣ свободно проживали Греки, т.-е. Христиане православнаго исповѣданія, и только Саксы, т.-е. Католики (угнетавшіе Балтійскихъ Славянъ) должны были скрывать свою вѣру.

LXXX.

Общая послѣдствія религіознаго развитія Балтійскихъ Славянъ: ихъ упорство въ язычествѣ.

Недостатокъ извѣстій не позволяетъ судить объ общественномъ значеніи племенныхъ святилищъ на Ранѣ (въ Кореницѣ), въ Волинѣ, у Стодорянъ (въ Гавельбергѣ и Сгоръльцѣ), у разныхъ Бодрицкихъ вѣтвей и т. д. Но при свидѣтельствѣ Титмара, что «сколько у Балтійскихъ Славянъ областей, столько и храмовъ», при рассказѣ Гельмольда о Перуновой роцѣ, какъ о святнѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ судилищѣ и общественномъ средоточіи Старогардской земли; наконецъ при показаніяхъ Сефрида о священномъ значеніи общественныхъ щетинскихъ избъ, о жрецахъ, къ нимъ приставленныхъ, при любопытномъ его извѣстіи, что жители Хотькова или Гостькова (Gützkow) соглашались принять христіанскую вѣру, подъ условіемъ, чтобы имъ оставили ихъ прекрасный, вновь выстроенный языческій храмъ «для украшенія города» ⁽⁸⁶⁸⁾, т.-е., очевидно, какъ зданіе общественное,

(868) Sefr. 136. In hac civitate miræ magnitudinis ac pulchritudinis templum

а уже не богослужбное (иначе это требованіе было бы слишкомъ безсмыслѣнно), — при всемъ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, что племенные боги имѣли въ языческой религіи Балтійскихъ Славянъ такую же связь съ гражданскимъ обществомъ, такую же вещественно понятую надъ нимъ власть, какъ ихъ всенародное божество Святovitъ.

Вотъ къ чему, стало быть, привели Балтійскихъ Славянъ историческія обстоятельства, преждевременная дѣятельность и скороспѣлое развитіе, вызванныя въ нихъ ранними и постоянными столкновениями съ чужими народами: общественная связь народной и государственной жизни была отстранена отъ нихъ недолимыми преградами, а ея мѣсто заступила религія; религія, обращенная въ общественное учрежденіе, въ общественную власть, составила на Балтійскомъ поморьѣ внутреннюю связь отдѣльных племенъ и общее единство Славянскаго народа.

Сліяніе религіи съ земнымъ обществомъ, низведеніе ея на степенъ гражданскаго учрежденія, есть одно изъ величайшихъ золъ, какія только могутъ постигнуть народъ⁽⁸⁶⁸⁾: оно не можетъ не убить живой мысли о божествѣ, живой дѣятельности духа. Такова была участь Балтійскихъ Славянъ, не смотря на то, что у нихъ общественное значеніе религіи произошло не отъ холодныхъ мѣръ законодательства (какъ на пр. въ древнемъ Римѣ), а отъ особеннаго, искаженнаго, но тѣмъ не менѣе живаго развитія религіозной жизни въ грубой средѣ языческихъ понятій. Въ своей связи съ установленнымъ общественнымъ порядкомъ, религія Балтійскихъ Славянъ была всегдашней помѣхою всякому въ немъ нововведенію, и составляла, можетъ быть, одну изъ сильнѣйшихъ препонъ къ водворенію государственнаго строя: объ этотъ неизмѣнный союзъ языческихъ вѣрованій съ старымъ племеннымъ бытомъ разбились всѣ попытки единства, и жертвою егѳ палъ самъ Годескалкъ Прибыславовичъ, величайшій изъ людей Славянскаго поморья.

fuit; sed episcopus cum de fide Christianæ religionis eos per interpretem alloquitur,.... illi ad omnia paratos se asserebant, si modo sanum eorum inactum remanere potuisset; magnis enim sumptibus nuper exstructum fuerat multumque in eo gloriabantur, eo quod videretur magnum totius civitatis esse ornamentum.

(868) Эта мысль, очевидно, не можетъ относиться къ Израильтянамъ, какъ избранному Богомъ народу.

Но гибельнѣе всего были отношенія, въ которыя развитіе язычества и всё вообще обстоятельства поставили Балтійскихъ Славянъ къ христіанству. Опредѣляя характеръ славянскаго язычества, мы уже могли замѣтить, до какой степени всё Славянскіе народы были доступны евангельскому слову, и какъ одни только Балтійскія племена составили въ этомъ печальное исключеніе. Пагубное сліяніе религіи съ общественнымъ устройствомъ было виною того, что къ Балтійскимъ Славянамъ христіанская вѣра приходила съ враждою не только къ идоламъ и языческимъ суевѣріямъ, но и ко всему установленному ихъ гражданскому порядку. Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ народъ, и замѣчательно въ этомъ отношеніи указаніе Житія св. Оттона. Припомнимъ себѣ, что на Поморьѣ былъ въ каждомъ городѣ княжій дворъ, неприкосновенный пріютъ для всякаго, кто, скрившись въ немъ, прибѣгалъ къ княжескому суду, и эту неприкосновенность хранилъ стародавній, священнѣйшій законъ; но въ отношеніи къ проповѣдникамъ христіанства законъ былъ недействителенъ: когда Оттонъ Бамбергскій съ товарищами укрылся въ княжемъ дворѣ въ Волинѣ отъ насилія народа, то народъ и въ княжемъ дворѣ преслѣдовалъ ихъ, сталъ забрасывать камнями, ворвался въ самый дворъ и подъ угрозой смерти заставилъ выйти оттуда; и вотъ что при этомъ говорили Волинцы: «напрасно надвѣялись вы на убѣжище въ княжемъ дворѣ, когда именно, повелѣніемъ боговъ, изъяты изъ этого права такіе люди, какъ вы, испровергающіе нашу страну и наши древніе законы»⁽⁸⁶⁹⁾. Эти слова многозначительны: народъ Волинскій вѣритъ, что боги его изъняли христіанскихъ проповѣдниковъ изъ общаго права не только какъ нарушителей своей святыни, но главнымъ образомъ какъ противниковъ общественнаго строя земли (*subversores patriæ ac legum antiquarum*),—такъ крѣпко срослась здѣсь жизнь религіозная съ жизнію общественною! Не даромъ, стало быть, Щетинцы, принимая христіанство, вмѣстѣ съ капищемъ своего

(869) Andr. 130: *invanum eos ducis mansionem irrepsisse, quasi illic pacem habitari essent; cum subversores patriæ ac legum antiquarum extranei ab hac pacis conditione deorum suorum edicto censerentur.*

языческаго бога разрушали дома своихъ общественныхъ совѣщаній, и не удивительно, что на Славянскомъ поморьѣ введеніе христіанской вѣры тотчасъ такъ глубоко измѣняло всѣ общественныя отношенія, весь гражданскій строй.

Такимъ образомъ у Балтійскихъ Славянъ противъ духовнаго завоеванія христіанства стояли, всѣстѣ съ старою языческою религіею, и всѣ общественныя условія, весь бытъ народа, словомъ вся совокупность жизненныхъ его началъ; а здѣсь ужь и сама по себѣ, независимо отъ союза съ гражданскимъ обществомъ, языческая религія находила, мы знаемъ, силу огромную въ опредѣленности своихъ образовъ и понятій, въ своемъ систематическомъ развитіи. Хранителями ея поставлены были жрецы, и народъ облекъ ихъ властію, осыпалъ богатствами: понятно, съ какимъ упорствомъ и съ какою силою страстей отстаивали они свои кумиры. Въ прочихъ Славянскихъ земляхъ, гдѣ жрецовъ въ собственномъ смыслѣ не было, христіанство водворялось почти безпрепятственно, и только потомъ кое-гдѣ, въ случаѣ какого-нибудь общественнаго бѣдствія, появлялись частныя возмущенія, произведенныя въ народѣ приверженцами старины, «волхвами» и «кудесниками»; у Балтійскихъ Славянъ каждый шагъ христіанства съ систематическимъ, ожесточеннымъ сопротивленіемъ осларивался жрецами. Много разъ Житія св. Оттона свидѣтельствуютъ, что въ томъ или другомъ мѣстѣ христіанство было бы принято или утвердилось бы, если бы не препятствовали жрецы, что, на-примѣръ, въ Волинѣ народъ отказался отъ крещенія, «развращенный совѣтами своихъ жрецовъ»⁽⁸⁷⁰⁾, что когда христіанство было признано въ разныхъ городахъ Поморья, то жрецы, «оплакивая уменьшающіяся съ каждымъ днемъ выгоды и наслажденія, какія имѣли они отъ прежняго великолѣпнаго богослуженія»,⁽⁸⁷¹⁾ стали всячески стараться возвратитъ народъ къ язычеству, и въ этомъ дѣйствительно успѣли, что они «прибѣгали къ разнымъ ухищреніямъ, выдумывали видѣнія, сны, чудеса, стращали народъ разными ужасами»,⁽⁸⁷²⁾ и т. д.:

(870) Eppo 49. Sacerdotum suorum depravati consilio.

(871) Eppo 64.

(872) Sefr. 128.

на жрецовъ своихъ Поморяне, въ разговорахъ съ епископомъ Оттономъ, слагали всю вину народнаго сопротивленія христіанскимъ проповѣдникамъ, называли жрецовъ « виновниками всего зла » (875); оправданіе легкое и удобное! Во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствуесть, что вліяніе жрецовъ было значительное, хотя и ясно для насъ, что это сопротивленіе, это зло имѣло много другихъ, даже важнѣйшихъ, причинъ.

Къ числу ихъ нельзя не отнести еще и того, что Балтійская страна была послѣднимъ убѣжищемъ Славянскаго язычества. Въ теченіе трехъ столѣтій подвигалось христіанство между Славянами, шествуя съ юга на сѣверъ и мало по малу обхватывая все племя; послѣ крещенія Польши и Руси (966, 988), изъ всѣхъ Славянъ оставались въ язычествѣ однѣ Балтійскія вѣтви. Можно бы сказать, что язычество отступало на поморье и тутъ сосредоточивалось и готовило оборону. Съ упрямую гордостью Балтійскіе Славяне должны были сознавать, что они послѣдніе защитники вѣры отцовъ своихъ (874) противъ завоевательнаго исповѣданія иностранцевъ, Нѣмцевъ (такъ они называли христіанство (875); Нѣмцы же имъ особенно попрекали тѣмъ, что «когда весь міръ, всѣ народы обратились къ свѣту, они одни упорствуютъ во тьмѣ» (876), и такіе упреки, вмѣсто того, чтобы убѣждать, конечно только раздражали народъ и укрѣпляли его въ сопротивленіи.

LXXXI.

Отношенія современнаго христіанства къ Балтійскимъ Славянамъ. Исключительность и свѣтское значеніе средневѣковой Римско-Католической Церкви.

Тогда какъ у Балтійскихъ Славянъ развивались всѣ эти условія и не только заглушили въ нихъ внутреннее влеченіе къ христіанству, ощущаемое другими Славянами, но даже породили къ

(873) Ebbo 94. sacrilegos istos sacerdotes omnium malorum incentores. Смотри еще Ebbo 55. 76. 100. Sefr. 158. 161. 169. 170 и множ. другихъ мѣстъ.

(874) Sefr. 61. «Orbem universum Christianis legibus deditum, se solos universitati resistere non posse»: такъ говорятъ польскіе послы знати и старикамъ въ Пырицѣ на Поморьѣ; но для языческаго сознанія выводъ былъ противоположный.

(875) Ebbo 65. Teutonicus Deus.

(876) Sefr. 102. Helm. I, 83. Vos soli ab omnium discrepatis cultura ...

нему отвращеніе, само христіанство въ западной, Романо-германской Европѣ (а къ ней именно Балтійскіе Славяне были прикованы своимъ положеніемъ и исторіею) подвергалось такимъ вліяніямъ, которыя одни уже должны были возбудить къ нему въ этомъ народѣ жестокую вражду: въ томъ видѣ, въ какомъ оно имъ предлагалось, Балтійскіе Славяне не узнавали въ немъ божественной истины, возвѣщенной всѣмъ народамъ безъ различія и обнимающей ихъ братскою любовью, а скорѣе могли считать его орудіемъ Нѣмцевъ, которое служило имъ для господства надъ другими народами.

Съ VII в. начались попытки обращенія Славянъ въ христіанскую вѣру, со стороны обоихъ патріарховъ Европы, восточнаго и западнаго, пребывавшихъ въ единствѣ Вселенской Церкви. Первый пыталъ крестить Славянъ на Фракійскомъ полуостровѣ, второй въ Панноніи. Въ IX в. совершилось настоящее призваніе Славянскаго племени въ Церковь, когда она, великимъ подвигомъ Учителей Кирилла и Меѳодія, возвѣстила свою истину на славянскомъ языкѣ и показала Славянамъ, что она не исключительное преимущество Грековъ и Римлянъ, а равное достояніе всего челоуѣчества. Эта струя славянской проповѣди и славянскаго писанія, созданныхъ свѣтлою мыслию греческихъ братьевъ, «Философа» и война, разлилась тогда по всѣмъ землямъ славянскимъ. Окрещены были Болгаре, Сербы утвердились въ вѣрѣ, сами жители установили христіанство и славянскую церковь въ Моравскомъ царствѣ, простиравшемся отъ границъ Болгаріи до Кракова, крестился и Чешскій народъ; отъ Болгаръ христіанство перешло къ Руси; отъ Чеховъ, стоявшихъ уже внѣ единства Вселенской Церкви, но хранившихъ еще отчасти самобытность христіанской жизни, завѣщанную Меѳодіемъ, отъ Чеховъ приняла его Польша, и также, судя по многимъ признакамъ, земля Лужицкая. Но здѣсь это славянское благовѣстіе остановилось. Даръ Восточной Церкви, оно было сильно общеніемъ съ нею, и когда для западныхъ Славянъ это общеніе пресѣклось, когда пало Моравское царство и его мѣсто заняли языческіе Венгры, то должна была прекратиться у нихъ и живая проповѣдь славянская: Чехи уступили германо-римскому формализму, и мысль Кириллова

была подавлена во всемъ западномъ Славянскомъ краѣ, когда она еще не успѣла коснуться отдаленной страны Балтійской. Такимъ образомъ къ Балтійскимъ Славянамъ христіанство могло проникнуть уже только изъ западнаго источника, черезъ Германію.

Въ началѣ IX в., который являетъ въ Исторіи человѣчества такую великую эпоху, совершилось въ западномъ мѣрѣ соединеніе и сліяніе стихій германской и римской. Германскій мечъ возстановилъ Западную Римскую имперію, и вѣнчаніе Карла на санъ римскаго императора было торжественнымъ признавіемъ того соединенія. Западный мѣрѣ ново-европейскій созналъ себя единымъ цѣлымъ, и слѣдствіемъ внутренняго его самосознанія, воспитаннаго подъ вліяніемъ римскихъ государственныхъ понятій, было стремленіе къ обособленію духовному, къ созданію въ области религіи такого же отдѣльнаго единства, какъ въ области политической. Извѣстно, что Карловинги, въ которыхъ воплотилась сила Германскаго племени, возраставшая на римской почвѣ, по мѣрѣ своего возвышенія все болѣе и болѣе содѣйствовали властительнымъ стремленіямъ Папъ, и что церковное отторженіе Западнаго мѣра началось при Карлѣ Великомъ и съ его явной воли. Западная церковь совпала съ западнымъ государствомъ, она воскресила и приняла въ себя идею Римской монархіи, и хотя образовалось впоследствии нѣсколько романо-германскихъ государствъ, но церковь держала ихъ въ единствѣ не только религіозномъ, но и политическомъ: какъ папа былъ духовнымъ главою всего Западнаго мѣра, такъ вѣнчанный Папою Императоръ былъ его свѣтскимъ главою. Союзъ ихъ былъ таковъ, что побѣды меча императорскаго распространяли область Римской церкви, побѣды Креста распространяли область имперіи. Такимъ образомъ покореніе Саксовъ Карломъ В., временное завоеваніе Даніи Оттономъ подчинило ихъ Римской церкви, а обращеніе Польши и Венгріи въ христіанство дало германскимъ императорамъ право требовать надъ ними верховной власти, и это требованіе долга признавалось. Такъ построилось это государственное зданіе Римской церкви, плодъ самосознанія и обособленія Романо-Германскаго мѣра и подчиненія его правительственнымъ идеямъ стараго Рима. Эта церковь соотвѣтствовала, конечно, тогдашнимъ

потребностямъ Запада (доказательствомъ служить полное сліяніе Римской церкви со всею его жизнію въ средніе вѣка), но она утратила свой всечеловѣчскій характеръ, и Славянъ, вмѣсто того чтобы привлекать къ себѣ, должна была отталкивать. Приобщаясь къ ней, Славянинъ становился не просто членомъ церкви, исповѣдникомъ Христовой истины, а подданнымъ государства, которое съ церковью совпадало, и народа, на которомъ было основано зданіе церковнаго государства, т.-е. подданнымъ имперіи Германской и народа Нѣмецкаго, существенно враждебныхъ Славянамъ. Понятно, что Славяне не хотѣли подчиниться христіанству, когда оно имъ предлагалось въ такомъ видѣ, и вооруженною рукою отбивались отъ церковнаго государства Германскаго. Польша, какъ извѣстно, приняла Христіанскую вѣру не отъ Германіи, не смотря на политическую съ нею связь, а отъ Чеховъ, учениковъ Меѳодія; но и Польша и Чехи, вступивъ въ общеніе съ западнымъ христіанствомъ, должны были покориться верховной власти «священной» имперіи, и нужна была двадцатипятилѣтняя жестокая война подъ предводительствомъ сильнѣйшаго изъ древнихъ польскихъ государей, Болеслава Храбраго, чтобы возстановить политическую независимость Польши, Чехи же никогда не могли избавиться отъ подданства имперіи, сколько они ни проливали крови въ борьбѣ съ Нѣмцами.

LXXXII.

Неблагопріятныя отношенія средневѣковой Римско-Католической церкви къ Балтійскимъ Славянамъ.

Когда церковное государство, построившееся на западѣ, имѣло такія послѣдствія для тѣхъ западныхъ Славянъ, къ которымъ дошло живое слово Кирилловой проповѣди, то сколько эти послѣдствія должны были быть бѣдственнѣе для Славянъ Балтійскихъ, которымъ христіанство предлагалось прямо отъ Германіи, со всею исключительностью, какую придавалъ церкви союзъ съ воинственнымъ и гордымъ народомъ Нѣмецкимъ и его «священною» имперіею.

Нигдѣ эта исключительность, столь противная существу Хри-

стіанской вѣры, не достигала такой крайности, какъ въ отношеніяхъ Германіи къ Балтійскимъ Славянамъ ⁽⁸⁷⁷⁾. Другія, прилежавшія къ «священной» имперіи, страны (не говоря, разумѣется, о тѣхъ земляхъ, которыя участвовали въ обособленіи западнаго міра и имѣли съ Германією равныя права церковнаго гражданства), отчасти избѣгли этихъ крайнихъ послѣдствій совоплощенія церкви съ Германскимъ государствомъ, или чрезъ принятіе христіанства изъ другаго источника (какъ-то Чехія и Польша), или же слѣдствіе племеннаго родства съ Германією, или отдаленности, отвращавшей столкновения съ нею, или политическаго могущества, дѣлавшаго ея притязанія менѣе опасными (на пр. Данія, Швеція, Норвегія, Венгерія, также Польша). Балтійскимъ же Славянамъ не откуда было принять христіанство, кромѣ какъ изъ Германіи; природные враги Нѣмецкаго народа, они давали ему наиболее повода употребить христіанство противъ нихъ какъ орудіе завоеванія и рабства, а своимъ дѣйствительнымъ упорствомъ въ язычествѣ (причины коего намъ извѣстны) доставляли предлогъ прикрывать жестокость насильственнаго обращенія и даже истребленія — личиною Христіанской ревности; наконецъ, своею разрозненностью и внутреннею слабостью лишали себя возможности вести равную борьбу съ силами Германской имперіи.

Такимъ образомъ именно на Балтійскихъ Славянахъ проявились во всей своей наготѣ плоды богохульнаго слиянія Божіей церкви съ мірскимъ государствомъ, произведеннаго западнымъ міромъ, и той безчеловѣчной исключительности, которую онъ вслѣдствіе этого придалъ у себя Христіанской вѣрѣ.

Разумѣется, что Славянамъ язычникамъ при такомъ свѣтскомъ характерѣ Христіанской вѣры, какъ ее понимали и налагали на нихъ Нѣмцы, невозможно было отличать ея существенной истины отъ кротости отъ случайной жестокости и лжи, которую къ ней примѣшивали людскія страсти; да и ослѣпленіе было такое, что Нѣмцы сами, въ отношеніи къ Славянамъ, этого различія тоже

(877) Считаю долгомъ изъяснить здѣсь искреннѣйшую благодарность А. С. Хомякову за указанія его, которыми мнѣ пользовался особенно въ этой части нашего труда.

какъ будто не сознавали. Когда прѣехалъ къ Щетивцамъ проповѣдникъ Отгонъ Бамбергскій, вѣстники отправились отъ него къ старшинамъ города и стали ихъ уговаривать креститься, подкрѣпляя свои слова обѣщаніями и угрозами (*promittunt et terrent*); но тѣ отвѣтствовали: «что намъ за дѣло до васъ? мы не оставимъ законовъ отцовъ нашихъ; мы довольны своею вѣрою. У христіанъ есть воры, есть злодѣи, обрубають ноги, выкалываютъ глаза, всякія злодѣйства и казни творятся христіанскомъ противъ христіанина. Да не будетъ у насъ такой вѣри! Такими и тому подобными словами возражали они, прибавляеть лѣтописецъ, и затыкали уши, дабы не слышать слѣва» (878). И Католическіе вѣстники точно какъ бы не находили на это отвѣта, ибо для нихъ вѣра совоплотилась съ государствомъ, и вина государства падала на вѣру.

ЛХХХІІІ.

Исключительность средневѣковой Римской церкви въ отношеніи къ языку: отращеніе къ языку славянскому.

Вышнимъ, можно сказать, символомъ исключительности западнаго христіанства было изгнаніе народнаго языка изъ области религіи. Признанный языкомъ церкви, языкъ Латинскій лишалъ народъ (особливо въ земляхъ не-Романскихъ) слова Божія и вѣры: мы можемъ представить себѣ, какъ трудно казалось Балтійскимъ Славянамъ мѣнять старинную свою вѣру, которую они понимали, на чужую, смыслъ которой закрывали отъ нихъ непонятные звуки. Латинская литургія лишь возбуждала въ нихъ смѣхъ. Замѣчательно свидѣтельство древняго лѣтописца: Мерзебургскій епископъ Бозо, наставляя Славянъ въ христіанствѣ, просилъ ихъ, рассказываетъ Титмаръ, пѣть «*Kyrie eleison*» — диковинныя для необразованныхъ людей слова, удержанныя, какъ формула, Римскою церковью, и Славяне, которые, конечно, съ благоговѣніемъ произносили бы родное «Господи помилуй!»

(878) Sefr. 93. Mane facto Paulitius et legati primates adeunt, ea parte ducum se cum episcopo missos referunt, causam viam proponunt eis Evangelium, dant consilium, promittunt et terrent. At illi inquit: «Quid nobis et vobis? patrias leges non remitemus, contenti sumus religione, quam habemus. Apud

стали издѣваться надъ непонятною формулою и говорили, что ихъ учать пѣть бессмысленную пѣснь: «въ кри вольша, въ кри вольша» т.-е. «въ кусть ольха». Этотъ Босо былъ еще внимателенъ къ Славянамъ, и стараясь объ ихъ наставленіи, сталъ даже, — такъ говоритъ Титмаръ, — писать по-славянски (879). Какое же отвращеніе должны были возбуждать тѣ нѣмецкіе духовные (и таковы были почти всѣ), которые лишь силою и страхомъ заставляли Славянъ слушать и лепетать звуки непонятныхъ словъ!

О тѣхъ священникахъ, которые употребляли Славянскій языкъ для наставленія Славянской паствы, лѣтописцы упоминаютъ, какъ о какомъ-то необыкновенномъ явленіи христіанской добродѣтели, и это только доказываетъ рѣдкость такихъ случаевъ. Надобно еще замѣтить, что двое изъ сихъ благихъ проповѣдниковъ Евангелія, Босо и другой мерзебургскій епископъ, Вернеръ (880), дѣйствовали собственно не между Балтійскими Славянами, а въ странѣ Лабскихъ Сербовъ, которые крестились уже въ началѣ X в. (вѣроятно подъ вліяніемъ Чеховъ) и съ тѣхъ поръ не покидали христіанства; у Балтійскихъ Славянъ упоминается только объ одномъ нѣмецкомъ духовномъ, старогардскомъ священникѣ Брунѣ (Бруно), въ срединѣ XII в., кото-

Christianos, adjunct, fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, privantur oculis, et omnia genera scelerum et poenarum Christianus exercet in Christianum. Absit a nobis religio talis! Hæc et his similia protestantes, obturaverunt aures suas ne audirent verbum. Omnibus igitur obstinatis, per duos menses et plus ibi morantes, nihil pæne profecerunt.

(879) Thietm. II, 23 (Boso) ut sibi commissos eo facilius instrueret, Sclavonica scripserat verba, et eos kirieleison cantare rogavit, exponens eis huius utilitatem. Qui vecordes hoc in malum irrisorie mutabant Ukrivolza, quod nostra lingua dicitur: Aeleri (нѣмецкое слово, теперь и *Eller* и *Erte*, ольха) stat in fructum; dicentes: «Sic locutus est Boso,» cum ille aliter dixerit. Что касается до словъ: *Ukrivolza*, то ихъ значеніе ясно: Чешскій народъ и Лужичане и теперь говорятъ *вольша* вм. ольха, а слово *къръ* въ значеніи «кусть» известно Полякамъ (*kierz*, родит. *krza*), Чехамъ (*ker*, род. *krę*), Словакамъ (*ker*, род. *krá*) и др.: *кри* (въ *кри*) есть правильная форма нѣстнаго падежа.

(880) Chron. episc. Merseb. Libros schlavonicæ linguæ sibi fieri jussit, ut

рый дерзнулъ, для обученія народа, писать по-славянски (881). Но и въ этихъ, столь рѣдкихъ, явленіяхъ благочестивой ревности, живаго слова проповѣди не видно: попечительный о благѣ Славянъ нѣмецкій пастырь запасался книгою поученій на Славянскомъ языкѣ, написанныхъ латинскими буквами, и по ней при случаѣ проповѣдывалъ народу. Какъ убѣдительно должны были дѣйствовать на Славянъ эти проповѣди, читаемыя иностранцемъ, въ которомъ столько причинъ имъ было видѣть врага! Вообще Германскіе проповѣдники, особливо въ земляхъ славянскихъ, боялись ли они употреблять народный языкъ, или презирали его, но всегда являли къ нему какъ будто какое-то отвращеніе. Такъ даже Оттонъ Бамбергскій, даромъ что жилъ долго въ Польшѣ и хорошо зналъ Польскій языкъ (882), совершенно понятный Поморянамъ, проповѣдывалъ имъ черезъ толмача (Поляка) (883), и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ произносилъ нѣсколько словъ по-славянски (884).

LXXXIV.

Народная исключительность римскаго духовенства въ отношеніи къ Балтійскимъ Славянамъ. Последствія для нихъ вступленія въ Западную церковь.

Другимъ, болѣе пагубнымъ еще плодомъ исключительности и государственнаго характера Западной церкви, были враждебныя отношенія ея духовенства къ Славянамъ. Государственное значеніе Западной церкви дѣлало изъ средневѣковаго католическаго іерея и епископа такого же феодальнаго «господина» (seigneur, Herr) и война, какимъ былъ баронъ, его прихожанъ: вмѣстѣ съ баронами и вассалами ихъ шли духовные съ своими вассалами на войну съ Славянами, сражались съ ними,

latinæ linguæ caractere idiomata linguæ Schlävorum explicaret (Шафарикъ, Слав. Др., II, § 43, выписка 188.).

(881) Helm. I, 83. Quibus Slavis) et sacerdos Dei Bruno juxta creditam sibi legationem sufficienter administravit verbum Dei, habens sermones conscriptos verbis Slavici, quos populo pronuntiaret opportune.

(882) Sefr. 2. (883) Sefr. 56. Смотри тамъ-же, 65: populum ore alloquitur interpretis. 136. cum de fide Christianæ religionis eos per interpretem alloqueretur, и др.

(884) Sefr. 164. quodam tempore pueros in platea ludentes invenit, quos dum lingua barbara salutasset.

захватывали у нихъ добычу и плѣнныхъ, получали въ землѣ ихъ помѣстья; съ своей стороны, Славяне поступали съ ними точно также, какъ со всякимъ другимъ вооруженнымъ непріателемъ. Вотъ голословное извѣстіе Саксонскаго лѣтописца (885): «992 годъ: два раза въ этомъ году сражались наши противъ Славянъ, сперва 18 іюля, и въ этой битвѣ палъ Титгардъ (Thiethardus), *діаконъ* верденской церкви, знаменосецъ, со многими другими, потомъ 22 августа, и тутъ убитъ былъ Галегредъ (Halegred), знаменосецъ, *пресвитеръ* бременскій.» За тѣмъ это же духовенство, которое высылало своихъ членовъ на поле битвы съ Славянами, принимало на себя попеченіе объ ихъ духовномъ просвѣщеніи и спасеніи: что же могли чувствовать Славяне, слушая такихъ наставниковъ? Часто тотъ самый архіерей, который какъ военачальникъ покорилъ Славянъ, становился тутъ же ихъ пастыремъ. Такъ датскій архіепископъ Абсалонъ, котораго одно древнее католическое Житіе восхваляетъ слѣдующимъ образомъ: «мужъ великаго ума, краса духовенства, утѣшитель горюющихъ и страждущихъ, милостивый кормилецъ странниковъ и нищихъ и великій гонитель Славянъ, украшеніе вѣры» (886) и проч., — этотъ Абсалонъ совершилъ завоеваніе Раны, и Рана была приписана къ его епархіи; онъ сталъ посѣщать ее для освященія церквей, для наставленія и «конфирмаціи» народа.

Всѣ эти впечатлѣнія могли бы еще съ теченіемъ времени изгладиться въ умахъ Славянъ, и поколѣнія, рожденные и воспитанные въ христіанствѣ, забыли бы, что духовенство ихъ нѣкогда шло противъ ихъ народа съ мечемъ, въ рядахъ завоевателей, если бы оно принимало ихъ въ свое сословіе. Казалось бы естественнымъ стараться образовать для славянской паствы священниковъ Славянъ; но нѣтъ: Западная церковь, сдѣ-

(885) *Annalista Saxo*, у *Peprna*, VIII, 638.

(886) *Vita S. Wilhelmi Abbatis Roschildensis*, въ *Acta Sanct.* April. I, 630.
.... Absalon, homo magni consilii, clericorum decus, moerentium et afflictorum consolator omniumque religiosorum pius amator, totiusque populi modestus gubernator; advenarum et pauperum clemens sustentator, Sclavorumque maximus persecutor; ornamentum fidei etc.

лавшись какъ бы преимуществомъ и собственностью Германскаго народа и государства, хотѣла вручать свои должности лишь членамъ этого народа и государства. Во всей Исторіи Балтійскихъ Славянъ, не только у передовыхъ вѣтвей, обращенныхъ силою, но и у Поморянъ, крестившихся по собственному согласію, мы не находимъ ни одного епископа, ни даже священника изъ Славянъ, можетъ быть развѣ, въ послѣдующіе вѣка, когда славянская народность въ этихъ странахъ исчезала, духовныя власти препоручались иногда потомкамъ Славянъ по крови; но тогда ужъ это ничего не значило, потому что потомки Славянъ были онѣмечены. Эта исключительность приносила неисчислимый вредъ: она поддерживала въ христіанствѣ, насажденномъ на Славянской землѣ, иностранный характеръ; она здѣсь ставила въ ряды чужеземнаго, властительнаго сословія духовенство, которое въ другихъ странахъ Запада, напротивъ, покровительствовало народу и защищало его отъ угнетеній аристократіи; она лишала духовенство сочувствія къ его Славянской паствѣ и живаго интереса къ ея преуспѣванію: земля Славянская казалась священникамъ—Нѣмцамъ страной изгнанія, изъ которой можно было извлекать только дань да десятину, и когда въ этой странѣ водворялась какая-нибудь нѣмецкая колонія, то все духовенство стояло за нее противъ славянскаго населенія. Мы только что упоминали о священникѣ Брунѣ, которому поручена была паства въ Старомъ-гардѣ, у Вагровъ: «лишь только прибылъ онъ въ Старыгардъ, говоритъ Гельмольдъ ⁽⁸⁸⁷⁾, онъ приступилъ къ благочестивому дѣлу съ великою ревностью, и призвалъ народъ Славянскій къ благодати возрожденія, вырубая священныя рощи и уничтожая бѣсовскіе обряды. А какъ крѣпость и городъ (Старыгардъ), гдѣ была прежде каѳедральная церковь и (епископскій) престолъ, находились въ запустѣніи, то онъ «склонилъ грѣза (голландскаго) основать колонію Саксовъ, чтобы была священнику утѣшеніемъ народъ, знакомый по языку и образу жизни» ⁽⁸⁸⁸⁾. Такъ дѣйствовалъ у Славянъ тотъ благоче-

(887) I, 83.—(888) Obtinuit apud Comitem, ut fieret illic Saxonum colonia, et esset solatium sacerdoti de populo, cujus nosset linguam et consuetudinem.

стивый и попечительный о своей паствѣ Бруно, который одинъ между нѣмецкими проповѣдниками на Славянскомъ поморьѣ рѣшился писать по-славянски! Такъ и онъ старался о водвореніи Нѣмцевъ въ своемъ приходѣ, въ утѣшеніе себѣ! Что же дѣлали тогда другіе? И нужно ли говорить о томъ, какъ вся эта исключительность и неправда, все это лицемеріе, съ которымъ проповѣдывалось Евангеліе и въ тоже время отвергались самими проповѣдниками основныя его заповѣди, какъ все это оскорбляло и раздражало Славянъ, и какое возбуждало въ нихъ чувство гнѣва и омерзѣнія. Оскорбляло же и раздражало ихъ еще и то, что для нихъ закрытъ былъ, исключительностью нѣмецкаго духовенства, единственный выходъ, который могъ имѣть тогда простолюдинъ на поле дѣятельности умственной и политической, и что въ рукахъ враждебнаго народа находились, въ ихъ же землѣ, огромныя доходы и выгоды, сопряженныя съ духовнымъ званіемъ. Однимъ словомъ, на Славянскомъ поморьѣ Католическое духовенство, вмѣсто того чтобы сглаживать (какъ было въ земляхъ Романскихъ, покоренныхъ Германцами) различіе между побѣдителями и побѣжденными, именно его поддерживало и какъ бы освящало.

Всѣмъ этимъ и объясняется отчасти ненависть Балтійскихъ Славянъ къ своимъ нѣмецкимъ священникамъ и тѣ истязанія и казни, которымъ Славяне ихъ безпрестанно подвергали, пока не были совершенно покорены. Но чужеземность духовенства не составляла еще основной причины озлобленія Балтійскихъ Славянъ противъ христіанства: то не было еще главное, ни самое отвратительное изъ золъ порожденныхъ исключительностью Западной церкви. Главное и самое отвратительное зло, было то, что въ глазахъ Нѣмцевъ Славянинъ, принимавшій отъ нихъ вѣру,

Гельмольдъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (I, 88) о браденбургскомъ маркграфѣ Альбрехтѣ Медвѣдѣ: «призвалъ онъ Голландцевъ, Зеландцевъ, Фландровъ, и перевелъ отъ нихъ великое множество народу, и поселилъ ихъ въ городахъ и деревняхъ Славянъ; и великимъ утѣшеніемъ былъ ввездъ пришельцевъ для епископства Браденбургскаго и Гавельбергскаго (et confortatus est vehementer de introitu advenarum episcopatus Brandenburgensis nec non Havelbergensis)».

становился съ тѣмъ вѣстѣ подданнымъ ихъ, — не то чтобъ равноправнымъ съ ними членомъ государства, а данникомъ «священной» имперіи, которой сами они были гражданами.

Нѣмецкіе лѣтописцы жалуются неразъ, что христіанство не распространяется между Балтійскими Славянами: добродушные монахи обвиняютъ въ томъ корыстолюбіе Саксовъ, безжалостно угнетавшихъ Славянъ. «Я слышалъ, пишетъ въ XI в. Адамъ Бременскій ⁽⁸⁸⁹⁾, — я слышалъ отъ правдиваго короля датскаго, что Славянскія племена давно уже, безъ сомнѣнія, могли бы быть обращены въ Христіанскую вѣру, если бы не вренатствовало корыстолюбіе Саксовъ, умы которыхъ, говорилъ онъ (король), склонѣе къ собиранію дани, нежели къ обращенію языковъ. Не хотятъ видѣть несчастные, какою опасностью они на себя накликаютъ свою жадностью, сначала поколебавъ корыстолюбіемъ своимъ христіанство въ Славянской землѣ, а потомъ жестокостью принудивъ подданныхъ къ возстанію, и теперь отстраня для людей, которые охотно бы стали вѣровать, возможность обращенія, тѣмъ, что требуютъ все денегъ». Подобнымъ образомъ Гельмольдъ говоритъ ⁽⁸⁹⁰⁾: «Одержавъ побѣду, Славяне вооруженною рукою свергли иго рабства и съ такимъ упорствомъ духа стояли за свою свободу, что скорѣе рѣшились умереть, нежели принять снова наименованіе Христіанъ или платить дань начальникамъ Саксовъ. По-истинѣ, эту бѣду породило несчастное корыстолюбіе Саксовъ, которые, покуда одарены были силою и возвеличивались частыми побѣдами, не хотѣли признать, что война въ рукъ Божіей и что отъ Него побѣда, а напротивъ, такими налогами угнетали народъ Славянскій, который имъ удалось подчинить себѣ войною и договорами, что онъ горькою необходимостью принужденъ былъ сопротивляться *Божьему закону и подданству герцогамъ*».

Дѣло понятное, и сами Адамъ и Гельмольдъ обнажаютъ

(889) III, 22.

(890) I, 25.

корень зла: онъ заключался, конечно, не въ корыстолюбіи Саксовъ, которое было лишь однимъ изъ послѣдствій его, а въ цѣломъ порядкѣ вещей, который лѣтописцы тутъ же опредѣляютъ нѣсколькими словами, вырвавшимися, можно сказать, почти безсознательно; «умы Саксовъ склоняе къ собираию дани, нежели къ обращенію языковъ;» «Саксы своею жестокостію принудили Славянъ-Христіанъ, своихъ подданныхъ, къ возстанію;» «Славяне сопротивлялись Божьему закону и подданству герцогамъ;» здѣсь ясно, къ чему привело церковное государство Германцевъ. На Саксовъ, пограничное и по преимуществу враждебное Славянамъ нѣмецкое племя, внутренней логикой этого порядка вещей возложена была обязанность ограждать и распространять въ этой сторонѣ власть имперіи и крестомъ и мечемъ, обращая Славянъ и покоря ихъ (сознаніе этой церковной, такъ сказать, обязанности Саксовъ видно, между прочимъ, въ приведенномъ мѣстѣ Адама Бременскаго, который влагаетъ въ уста своего державнаго собесѣдника жалобу, что Саксы не довольно склонны къ обращенію языковъ). За то они же пользовались всеми выгодами отъ Славянъ: дѣлаясь Христіанами и поступая въ подданство къ «священному» государству, Славяне подчинялись представителямъ онаго въ этомъ краѣ, саксонскимъ герцогамъ и графамъ и дружинѣ ихъ, и они, которые налагали на нихъ дань, и собирали ее.

LXXXV.

Значеніе обращенія Славянъ для средневѣковой Германіи.

Впрочемъ сами Нѣмцы нисколько не скрывали смысла, какой для нихъ имѣло обращеніе Славянъ. Вотъ слова Титмара: «Племена (Славянскія, по преимуществу Стодорскія), которыя, принявъ христіанство, подчинены были какъ данники (tributarie serviant), королямъ и императорамъ, озлобленные надменностію Герцога Дитриха, единодушно взяли за оружіе» (891). Послушаемъ также, что говоритъ Адамъ Бремен-

(891) Thietm. III, 10.

скій.» Разказываютъ о королѣ Генрихѣ (Птицеловѣ), что онъ одною великою битвою нанесъ такой ударъ Славянскимъ племенамъ, что остальные (Славяне) добровольно *объщали и королю дань и Богу обращеніе въ христіанство*» (892). «Говорятъ, что король Оттонъ покорилъ своей державѣ всѣ Славянскія племена. Онъ ихъ съ такою силою захватилъ въ свою власть, что они охотно предложили побѣдителю *дань и обращеніе въ христіанство*, лишь бы имъ оставили жизнь и землю ихъ, и окрещенъ былъ весь языческій народъ» (893). Подобныхъ мѣстъ во всѣхъ нѣмецкихъ лѣтописахъ множество; но нигдѣ не встрѣчаемъ мы такого простосердечнаго выраженія, какъ у любекскаго священника Арнольда (въ концѣ XII-го и началѣ XIII в.): Арнольдъ пишетъ продолженіе Гельмольдовой хроники, и приступаетъ къ своему труду слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ покойный іерей Гельмольдъ не докончилъ, какъ предполагалъ, исторіи о *покореніи или призваніи* (въ церковь) *Славянъ* (de subactione seu vocatione Slavorum)... то мы рѣшились взяться за это дѣло» (894). Покореніе или призваніе Славянъ — это для Арнольда одно и то же, и вотъ что значила для современниковъ *исторія обращенія Славянъ*, предметъ Гельмольда, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи (895).—Мы не обвиняемъ ни Гельмольда, ни Арнольда, ни Адама Бременскаго, ни кого бы то ни было изъ средневѣковыхъ писателей: нѣтъ, они почти всѣ проникнуты живымъ христіанскимъ чувствомъ, а между всѣми заслуживаютъ особеннаго уваженія Адамъ Бременскій и Гельмольдъ, полные сердечной теплоты и благодушія,

(892) Ad. I, 58.

(893) Ad. II, 5. tanta virtute deinceps constrinxit, ut tributum et christianitatem pro vita simul et patria libenter offerrent victori....

(894) Arn. I, 1. Quia bonæ memoriæ Helmoldus sacerdos historias de subactione seu vocatione Slavorum, debito fine, ut voluit, non consummavit.... huic operi insistere decrevimus.

(895) Helm. lib. I, præfatio occurrit animo, ut scribam conversionem Slavicæ gentis.

полные христіанской любви и состраданія къ Славянамъ; тѣ выраженія, когорныя мы привели и въ которыхъ таится такая глубокая, ужасная безчеловѣчность, сказаны ими въ простотѣ душевной, безо всякаго чувства злобы: это отраженіе среды, въ которой жили лѣтописцы, голосъ средневѣковаго, католическаго и германскаго, Запада. Послушаемъ теперь голоса Славянина, послушаемъ, какъ въ разсказѣ Гельмольда⁽⁸⁹⁶⁾, послѣдній славянской князь западныхъ Балтійскихъ племенъ (его преемники стали уже Нѣмцами) опредѣляетъ положеніе, въ какое германскій и католическій Западъ ставилъ своихъ духовныхъ чадъ Славянъ, принимавшихъ отъ него Христіанскую вѣру. Въ 1155 г., епископъ Вагрской земли Герольдъ, со многими спутниками и между прочими съ самимъ Гельмольдомъ, предпринялъ объѣздъ своей Славянской паствы и прибылъ въ Любицу (Любекъ). «Въ слѣдующее воскресенье собрался весь народъ страны на любичкій торгъ, и пришелъ господинъ епископъ, и сталъ держать увѣщательную рѣчь къ народу, чтобы они, оставивъ идолы, чтили единого Бога, который въ небесахъ, и принявъ благодать крещенія, отреклись отъ злыхъ дѣлъ, именно отъ грабительства и отъ убійенія христіанъ. И когда онъ заключилъ рѣчь свою къ собранной толпѣ, то, при одобрительныхъ знакахъ народа, Прибыславъ (князь Вагровъ и Бодричей, христіанинъ) сталъ говорить: «Слова твои, о почтенный святитель, суть слова Божіи и клонятся къ нашему благу. Но какъ намъ ступить на этотъ путь, окруженнымъ и опутаннымъ столькими бѣдствіями? И чтобы ты могъ понять нашу напасть, выслушай терпѣливо мои слова: вѣдь народъ, который ты видишь предъ собою, твой народъ, и справедливо, чтобы мы раскрывали передъ тобою наше горе; твое же дѣло намъ сострадать. Властители наши такъ жестоко насъ угнетаютъ, что при податяхъ и тяжкомъ рабствѣ, на насъ наложенныхъ, намъ смерть лучше жизни. Вотъ въ нынѣшнемъ году мы, жители этого маленькаго уголка земли, заплатили 1000 маркъ герцогу, а графу сверхъ того еще столь-

(896) Helm. I, 83.

ко сотень (марк), а все таки мы их не удовлетворили, и всякій день насъ давятъ и выжимаютъ изъ насъ, до изнеможения. Когда же намъ досугъ думать объ этой новой вѣрѣ, какъ намъ строить церкви и принимать крещеніе, когда намъ всякій день приходится помышлять о бѣгствѣ? Если бы по крайней мѣрѣ было куда бѣжать! Перейти за Травну, — и тамъ такая же напасть; удалаться къ Пѣнѣ рѣкѣ, —напасть все та же. Что же остается намъ другое, какъ, покидая землю, бросаться на море и жить среди волнъ? И развѣ наша вина, что, изгнанные изъ родины, мы сдѣлали море небезопаснымъ и стали брать деньги съ Датчанъ и съ купцовъ, которые плаваютъ по морю? Развѣ это не вина властителей, которые насъ выгоняютъ ⁽⁸⁹⁷⁾»? На это господинъ епископъ сказалъ: «Что властители наши доселѣ дурно обращались съ вашимъ народомъ, не удивительно: они не считаютъ этого большимъ грѣхомъ съ язычниками, съ людьми не имѣющими Бога. Тѣмъ болѣе вы должны прибѣгнуть къ христіанской вѣрѣ и покориться вашему Творцу, предъ коимъ преклоняются тѣ, которые властвуютъ надъ міромъ. Вѣдь Саксы и прочіе народы, носящіе имя христіанъ, не живутъ ли покой-

(897) « Verba tua, o venerabilis pontifex, verba Dei sunt et salutis nostrae congrua. Sed qualiter ingrediemur hanc viam, tantis malis irretiti? Ut enim intelligere possis afflictionem nostram, accipe patienter verba mea. Populus enim, quem aspicias, populus tuus est, et justum est nos tibi pandere necessitatem nostram. Porro tui juris erit compati nobis. Principes enim nostri tanta severitate grassantur in nos, ut propter vectigalia et servitutem durissimam, melior sit nobis mors quam vita. Ecce hoc anno, nos habitatores brevissimi anguli hujus, has mille marcas duci persolvimus, porro comiti tot centenaria, et necdum evicimus, sed quotidie emungimur et premimur, usque ad inanitionem. Quomodo ergo vacabimus huic religioni novae, ut aedificemus ecclesias et percipiamus baptismum, quibus quotidiana indicitur fuga? Si tamen locus esset, quo diffugere possimus. Transeuntibus enim Travenam, ecce similis calamitas illic est; venientibus ad Panim fluvium, nihilominus adest. Quid ergo restat, quam ut omissis terris feramur in mare et habitemus cum gurgitibus? Aut quae culpa nostra, si, pulsati patria, turbaverimus mare et acceperimus viaticum a Danis sive institoribus qui mare remigant? Nonne principum erit haec noxa, qui nos propellant? »

но, довольные законнымъ порядкомъ? Вы же одни, какъ отъ всѣхъ отличаетесь вѣрою, такъ и отъ всѣхъ терпите разграбленіе.» А Прибыславъ сказалъ: «Если господину герцогу (саксонскому) и тебѣ благоугодно, чтобы у насъ былъ одинаковый съ графомъ (голштинскимъ, пограничнымъ начальникомъ Саксовъ) порядокъ и строй, то пусть дадутъ намъ права Саксовъ относительно поземельныхъ владѣній и доходовъ, и мы охотно будемъ Христіанами, ставемъ строить церкви и платить должную десятину.» Послѣ этого уѣхалъ нашъ епископъ Герольдъ...» (898).

LXXXVI.

Общая послѣдствія религіознаго развитія Балтійскихъ Славянъ и католическо-германскаго Запада. Борьба ихъ.

Эти слова, сказанныя славянскимъ княземъ нѣмецкому епископу, и на которыя тотъ не нашелъ отвѣта: «дайте намъ права Саксовъ, и мы охотно будемъ Христіанами!» не самое ли страшное обличеніе и проклятіе цѣлымъ народомъ того зданія, которое воздвигла гордость Западнаго міра и въ которомъ она хотѣла заключить христіанскую вѣру?

Такимъ образомъ несходныя обстоятельства одинаково привели и Балтійскихъ Славянъ и Нѣмцевъ къ совоплощенію вѣры

(898) Ad hæc dominus Episcopus ait: « Quod principes nostri hactenus abusi sunt gente vestra, non est mirandum: non enim multum se derelinquere arbitrantur in idololatriis, et in his, qui sunt sive Deo. Quin potius recurrunt ad ritum Christianitatis, et subjicite vos Creatori vestro: sub quo curvantur, qui portant orbem. Nonne Saxones et caeteræ gentes, quæ Christianum nomen habent, degunt cum tranquillitate, contenti legitimis suis? Vos vero soli, sicut ab omnium discrepatis cultura, sic omnium patetis direptioni.» Et ait Pribizlavus: «Si Domino Duci et tibi placet, ut nobis cum Conite eadem sit culturæ ratio, dentur nobis jura Saxonum in prædiis et redditibus, et libenter erimus Christiani, ædificabimus ecclesias et dabimus decimas nostras». Post hæc abiit Episcopus noster Geroldus etc.

съ гражданскимъ порядкомъ. Борьба между обоими народами должна была произойти ожесточенная. Намъ извѣстны причины ихъ давнишней вражды и безпрерывныхъ столкновений; и эта закоренѣлая, народная ненависть слилась съ враждою религиозною, ибо Нѣмцы, которыхъ устремляла на Балтійскихъ Славянъ необходимость упрочить и расширить свои границы со стороны Лабы, считали въ то же время войну съ ними священной, а Балтійскіе Славяне, отстаивая свои идолы отъ напора христіанства, съ тѣмъ вмѣстѣ защищали независимость родины и свою личную свободу. Въ этой борьбѣ состоитъ вся Исторія Балтійскихъ Славянъ съ IX в. Прежде была у нихъ, по несомнѣннымъ признакамъ, пора внутреннего развитія и творчества, въ которую выработали они свой племенной бытъ и свою языческую вѣру: мы видимъ въ исторіи ихъ плоды этой поры развитія, но самыя событія ея предшествуютъ исторической памяти. Исторія застаеъ Балтійскихъ Славянъ только въ эпоху застоя и паденія, когда они уже принуждены защищать свою старину отъ Германіи и христіанства, въ эпоху, которую древнѣйшій лѣтописецъ Саксовъ вѣрно опредѣлялъ въ слѣдующихъ словахъ: «Много проходитъ дней, что они борются съ переменнымъ счастьемъ, — Нѣмцы, добываясь великой и широкой области, Славяне, сражаясь, чтобы найти свободу, либо крайнее рабство»⁽⁸⁹⁹⁾.

Германія, какъ носительница высшихъ началъ, христіанскаго и государственнаго, хотя искаженныхъ народною исключительностью и феодализмомъ, сломила языческое упорство и племенную разрозненность Балтійскихъ Славянъ. Когда эта борьба ея съ передовыми племенами, Бодричами, Лютичами, Стодорянами, приходила къ концу, и эти Славяне были близки къ истребленію, то отдаленнѣйшая и менѣе озлобленная вѣтвь Поморянъ приняла изъ рукъ пѣмцакаго епископа христіанскую вѣру, а потомъ къ нимъ примкнули и Ране, по разрушеніи Арконы при-

(899) Widuk. II, 20. Transeunt sane dies plurimi, his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus.

нужденные креститься. Тутъ борьба приняла другой видъ, оставаясь въ сущности все та же, и началось мирное истребленіе славянской народности вліяніемъ нѣмецкаго духовенства и онѣмеченныхъ знатныхъ людей и князя. Принесенное отъ Германцевъ христіанство дѣйствовало такъ, что Вышеславъ, сынъ того Яроміра, который въ молодости былъ еще язычникомъ и сражался за ранскую независимость противъ Датчанъ и Нѣмцевъ, Вышеславъ, князь славянскаго племени Ранъ, въ договорномъ условіи съ шверинскимъ епископомъ о десятинахъ съ земли Требочецкой, гдѣ водворены были нѣмецкія поселенія, писалъ между прочимъ слѣдующее⁽⁹⁰⁰⁾: «Изъ подати Славянъ, известной подъ названіемъ *бископовница*, третья часть сбора, поступающаго съ тѣхъ, которые удалились отъ Нѣмцевъ, воздѣлывающихъ поля у крѣпости Требочца, и (переселились) по ту сторону ея, уступлена мнѣ господиномъ епископомъ на феодалномъ правѣ; а съ тѣхъ, которые до сихъ поръ остались жить вмѣстѣ съ Нѣмцами, вся десятина будетъ идти помянутому господину епископу⁽⁹⁰¹⁾. *Если же случится такое бѣдствіе,—отъ чего да сохранитъ Богъ!—и выше означенная земля возвратится въ прежнее состояніе, то-есть,*

(900) Cod. Pomer. N 134, отъ 24 ноября 1231.

(901) Ego Wiszieslavus, Dei gratia Ruianorum princeps cum pro Theutonicis ageretur colonis, qui terram Tribuzes inhabitarent, in decima que spectabat ad usus episcopi Zwerinensis Theutonico solvenda more. Dominus episcopus et ego convenimus sub hac forma dominus episcopus de collectura Sclavorum, que Biscopovniczha dicitur, illorum videlicet, qui Theutonicis agros illos colentibus cesserant ex alia parte castri Tribuzes, tertiam partem decime pheodali iure mihi concessit; illorum autem, qui adhuc cum Theutonicis resident, tota decima in usus cedet domini episcopi memorati. Точный переводъ этого мѣста довольно затруднителенъ, по запутанности синтаксиса; приводимъ объясненіе издателей Померанскаго «Codex diplomaticus» (стр. 313): «Die Slaven, welche den neu angesiedelten deutschen Bauern ihre Aecker geräumt haben, und in andre Dörfer der Landschaft Tribsee's versetzt worden sind, zahlen nach wie vor den slavischen Zehnten, d. i. die *Biscoponiza*, und der Bischof belehnt den Fürsten mit dem dritten Theile dieser *Biscoponiza*.»

что, съ изгнаніемъ Нѣмцевъ , Славяне снова начнутъ заселять ее (Si vero, sinistro succedente casu, quod Deus avertat, terra pretaxata in pristinum fuerit statum reversa, ita quod, Theutonicis expulsis, recolare terram Sclavi incipiant), то имъ (Славянамъ) платить подать , именуемую *бископовища*, сполна епископу, какъ прежде».

LXXXVII.

Общій взглядъ на предъидущее изложеніе.—Извѣстія о Балтійскихъ Славянахъ въ первой половинѣ VIII вѣка: Стурми и Боннеацій.

Здѣсь мы останавливаемся, кончивъ обзоръ внутренняго состоянія Балтійскихъ Славянъ и тѣхъ общихъ началъ и отношеній, отъ которыхъ зависѣла ихъ историческая судьба. Мы разсмотрѣли древнѣйшую исторію Славянскихъ поколѣній на Балтійскомъ поморьѣ; мы видѣли, какъ рано наступила для нихъ пора исторической дѣятельности, какъ они прошли чрезъ долгую эпоху борьбы и иноплеменнаго владычества, прежде чѣмъ упрочили за собою, въ V вѣкѣ, самостоятельное обладаніе роднымъ краемъ между Вислою и Лабю. Мы видѣли, какое вліяніе могла оставить въ нихъ эта первая эпоха ихъ жизни, и какое, еще сильнѣйшее, непрестанное и неизмѣнное вліяніе должны были имѣть естественныя условія ихъ географическаго положенія, по какому направленію, и во внѣшней дѣятельности, и во внутреннемъ развитіи, должно было пойдти это племя Славянъ, поставленное между двумя великими отраслями германскими, Нѣмцами и Скандинавами, протянувшееся, по открытому Скандинавамъ морскому берегу отъ Вислы до границъ Ютландіи, по открытому Нѣмцамъ берегу Лабы отъ Турингіи до болотъ Голштинскихъ, и разобщенное, мѣстными преградами, отъ своихъ славянскихъ братій на югъ. Вся внѣшняя дѣятельность Балтійскихъ Славянъ представилась намъ устремленною на западъ: безконечный пограничный бой съ Саксами и Датчанами, отважныя переселенія во внутреннія края Германіи, въ Голландію, въ Англію, обширная торговля съ западными народами, вотъ

что мы нашли у нихъ въ ту эпоху, когда они, еще не заняты исключительно защитой своего народнаго существованія отъ ударовъ Германіи, могли свободно располагать своими силами, въ эпоху, въ которую совершалось внутреннее ихъ развитіе, выработывались и слагались условія ихъ жизни бытовой и духовной. И мы видѣли, въ чемъ состояло это развитіе, какой опредѣлился у Балтійскихъ Славянъ народный характеръ, какой образовался у нихъ общественный строй, какая установилась религія: народный характеръ, въ которомъ воинственность, отвага и упорство составляли существенныя черты; общественный строй, происшедшій изъ племеннаго быта, гдѣ соединена была княжеская власть съ господствомъ народной общины и съ вліяніемъ сословія знатныхъ людей, и гдѣ дробленіе на племена и на волости было основаніемъ всего гражданскаго порядка; языческая вѣра, развившаяся изъ поклоненія силамъ природы въ определенную систему человѣкообразной миѳологіи и поставленная во главу общественнаго строя;—съ этими началами вошли Балтійскіе Славяне въ кругъ исторіи средневѣковой Европы, въ роковую борьбу съ германскимъ и католическимъ Западомъ, которую началъ Карлъ V. и которая разыгралась на Эльбѣ въ XII вѣкѣ, а въ странѣ Пеморянъ не раньше XIV-го.

Мы можемъ теперь приступить къ разсказу объ этой борьбѣ со всѣми ея обстоятельствами и превратностями, во всѣхъ краяхъ и углахъ, гдѣ велась она съ такимъ упорствомъ, столько столѣтій: сей разсказъ, который долженъ начаться отъ перваго перехода соединенныхъ силъ Германіи черезъ Лабу при Карлѣ Великомъ, будетъ содержаніемъ слѣдующихъ главъ нашего сочиненія.— Здѣсь же мы упомянемъ только еще, для полноты, о двухъ-трехъ фактахъ, которые относятся къ скудной лѣтописными извѣстіями исторіи Балтійскихъ Славянъ въ предшествующую эпоху: факты эти, принадлежащіе къ VIII вѣку, совершенно отрывочные, и не пришлось намъ привести ихъ въ прежнемъ изложеніи. Первый изъ нихъ довольно замѣчателенъ: это первый случай, гдѣ средневѣковой германскій памятникъ упоминаетъ о Балтійскихъ Славянахъ, и случай этотъ, въ сущности самый незначительный,

однако какъ бы провозвѣщаетъ то безчеловѣчїе, съ какимъ Германія потомъ отталкивала несчастныхъ Балтійскихъ Славянъ отъ христіанской истины. Случай былъ вотъ какой (именно въ 736 году) ⁽⁹⁰²⁾:

Ѣхалъ Стурми, родомъ Баварецъ, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ Евангелія въ Германіи и первый, бросившій сѣмена христіанства въ Турингіи (Германія потомъ чтла его въ числѣ святыхъ), Ѣхалъ верхомъ на ослѣ по торговой дорогѣ, ведшей изъ Турингіи въ Майнцъ. Тамъ, гдѣ дорога эта пересѣкается рѣкою Фульдю, онъ встрѣтилъ великое множество Славянъ, которые кувались и плавали въ рѣкѣ: мы знаемъ о переселеніяхъ Славянъ съ Балтійскаго поморья въ далекіе края средней и даже южной Германіи; то была, безъ сомнѣнія, толпа такихъ переселенцевъ. «Передъ этимъ множествомъ голыхъ людей, продолжаетъ жизнеописаніе, оселъ, на которомъ сидѣлъ мужъ Божій, задрожалъ отъ испуга, и смрадъ ихъ возбудилъ отвращеніе въ самомъ проповѣдникѣ. Они же, какъ язычники, стали насмѣхаться надъ работою Господнимъ и вздумали было бить его, но сила Божія удержала ихъ. Одинъ же изъ нихъ, который былъ у нихъ толмачемъ, спросилъ святаго, куда онъ ѣдетъ, и онъ отвѣчалъ ему, что отправляется далѣе, въ пустыню. Такъ онъ прѣѣхалъ мимо.»

Такова была первая, записанная въ Исторіи, встрѣча Балтійскихъ Славянъ съ германскимъ проповѣдникомъ. Встрѣча не предвѣщала добра. Стурми былъ, сколько извѣстно, человекъ самый ревностный и чистый; но лишь только коснулось дѣло Славянъ, народная ненависть точно заглушила въ немъ и завѣтъ Спасителя, и примѣръ апостоловъ, и долгъ евангельскаго вѣстника: гдѣ апостоль въ мирныхъ, купающихся странникахъ увидѣлъ бы братьевъ, ожидающихъ истины, и, можетъ быть, превратилъ бы купаніе для освѣженія силъ въ купаніе спасенія, тамъ германскій проповѣдникъ отворачивается, потому что оскорблено его обоняніе; гдѣ апостоль воспользовался бы толмачемъ, его понимающимъ,

(902) Vita S. Sturmi, у Пертца, II, 369.

чтобы по крайней мѣрѣ навести язычниковъ на размышленіи о скудости ихъ вѣры и тѣмъ приготовить ихъ къ новому слову, тамъ Стурми проходятъ мимо и отправляется куда же? въ пустыню.

Также и св. Бонифацій, величайшій изъ тружениковъ христіанства въ Германіи, не былъ благосклоннѣе къ Славянамъ. Онъ называлъ ихъ «мерзѣйшимъ» и «самымъ сквернымъ» поколѣніемъ людей⁽⁹⁰³⁾. Пользуясь ихъ переселенцами для воздѣлыванія церковныхъ земель въ Германіи, онъ, сколько извѣстно, не старался о распространеніи между ними Евангелія, и заботился лишь о томъ, чтобы основанныя ими церкви получали отъ нихъ выгоду. Онъ спрашивалъ у папы, могутъ ли германскія церкви брать подать съ нихъ, съ язычниковъ; на что Захарія писалъ въ отвѣтъ: «Ты желаешь знать, братъ мой, слѣдуетъ ли взискивать подать на Славянахъ, занимающихъ земли Христіанъ; на этотъ счетъ, по правдѣ, не нужно и совѣта, когда дѣло очевидное: ибо если они будутъ сидѣть безъ дани, то когда-нибудь станутъ присвоивать себѣ и землю, какъ собственность; а платя дань, будутъ знать, что и земля имѣетъ владѣльца»⁽⁹⁰⁴⁾. (Поселенія Славянъ Бонифаціемъ начались съ 741 года, отвѣтное письмо Захарія относится къ 751 году).

ЛХХХVIII.

Первыя сношенія Балтійскихъ Славянъ съ Франками. Союзъ Бодричей съ Пипиномъ и Карломъ В. противъ Саксовъ.

Историческими событіями VIII-ой вѣкъ въ отношеніи къ западнымъ Славянамъ вообще необыкновенно бѣденъ. Держава, основанная Самомъ у Чеховъ, къ которой примкнули и сосѣди Балтійскихъ Славянъ, Лабскіе Сербы, распалась еще въ концѣ

(903) S. Bonif. epist. N LXXII. Et Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum. См. Шафар. Слав. Др. II, § 43, выписка 28.

(904) См. Шафар. тамъ-же. Посланіе папы Захарія: Etenim de Sclavis

VII столѣтія, и не осталось слѣда отъ недолгаго могущества Сомова; Славянскія племена возвратились въ прежнюю разъединенность и неизвѣстность. Между тѣмъ племя Германское двигалось и росло. Оно развивалось и крѣпло на почвѣ покоренной Галліи, отражало отъ Европы силу Магометанъ, вступало въ сношенія съ Италіею, въ союзъ съ нарою. Подъ покровительствомъ Карловинговъ, христіанство распространялось въ коренной Германіи трудами великихъ проповѣдниковъ, и въ слѣдъ за нимъ подвигалось кровавымъ путемъ франкское владичество и государственное единство. Вѣтви Алеманновъ, Фризозъ, Баварцевъ, Туринговъ, мало по малу покоряемы были Франками, одни Саксы оставались въ племенной независимости. Съ ними не замедлили произойти столкновения. Съ этихъ поръ, вѣроятно, и начался союзъ Бодричей съ Франками: ближайшіе сосѣди и постоянные враги Саксовъ, они, конечно, были склонны къ дружбѣ съ народомъ, который на Саксовъ нападалъ, и самъ былъ еще далекъ отъ ихъ предѣловъ, не угрожалъ имъ прямою опасностью. Въ 748 г., шаткая еще власть Франковъ надъ племенами средней и восточной Германіи была въ большой опасности: братъ знаменитаго Пипина Короткаго, Грифо, возсталъ на брата и поднялъ противъ него Саксовъ. Пипинъ призвалъ Славянъ. Онъ вступилъ съ сильнымъ войскомъ изъ Турингіи въ землю Нордсавовъ или Нордшвабовъ, южной вѣтви Саксовъ ⁽⁹⁰⁵⁾, «и тутъ, говоритъ лѣтописецъ, пришли къ нему на встрѣчу вожди суроваго племени Славянъ, готовые помогать ему противъ Саксовъ, и ихъ было ратниковъ около ста тысячъ» ⁽⁹⁰⁶⁾. Мы не сомнѣваемся признать этихъ

Christianorum terram inhabitantibus, si oporteat censum accipere, interrogasti, Frater. Hoc quidem consilio non indiget, dum rei causa est manifesta. Si enim sine tributo sederint, ipsam quandoque propriam sibi vindicabunt terram; si vero tributum dederint, norunt dominatorem ipsam habere terram.

(905) На лѣвой сторонѣ Салы, близъ ея устья, около р. Боды, впадающей въ Салу.

(906) *Annal. Mettenses*, у Пертуа, I, 330.

Славянъ за Бодричей, соединившихся, вѣроятно, съ племенами Стодорянъ, сосѣдей означенной вѣтви Нордсавовъ, и также враждебныхъ Саксамъ : ибо во все послѣдующее время Бодричи и племена Стодорскія являются всегда на сторонѣ Франковъ противъ Саксовъ, тогда какъ другіе Славяне, жившіе въ этихъ краяхъ, Лютичи, Сербы и Чехи, враждовали съ Франками и дружились съ ихъ соперниками.

Во всякомъ случаѣ, замѣлательно, что на зовъ Пипина Славяне Прилабскіе могли выставить въ поле и перевести на чужую землю такое войско, что оно казалось современникамъ стотысячнымъ. Испугавшись силы франкской и славянской, Саксы просили мира и покорились Пипину. Войска разошлись, и съ тѣхъ поръ до времени Карла Великаго о Балтійскихъ Славянахъ нѣтъ извѣстій. Только лѣтописецъ Эингардъ говоритъ намъ, что «Бодричи, съ тѣхъ поръ какъ впервые вступили въ общеніе съ Франками, были для нихъ постоянными помощниками»⁽⁹⁰⁷⁾, и не трудно угадать, въ чемъ состояла эта помощь : Бодричи, и съ ними, безъ сомнѣнія, опять также прилабскія вѣтви Стодорянъ, продолжали свою пограничную войну съ Саксами, которую вели испоконъ вѣка, и разумѣется, развлекая силы Саксовъ, увѣдомля объ ихъ намѣреніяхъ и движеніяхъ, не мало содѣйствовали успѣху франкскаго завоеванія : не зная сами, что они дѣлали, они помогли Пипину и Карлу Великому низвергнуть, въ Саксахъ, послѣдній оплотъ племенной независимости въ Германіи и наложить на нее то государственное единство и устройство, посредствомъ котораго она потомъ покорила и уничтожила ихъ самихъ и весь народъ Балтійскихъ Славянъ; и когда Карлъ В., пройдя вдоль и поперекъ землю Саксовъ, сталъ на берегу Лабы, то Бодричи съ Стодорянами пришли къ нему съ поклономъ и указали ему дорогу, черезъ Лабу, на Славянское поморье.

(907) Einh. annal. d. 798 (Pertz, I, 185) Abodriti auxiliatores Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt.

ПРОПИЛЕИ. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леопольдовымъ. Москва. Въ университетской типографіи. Въ 8-ю д. Книга I. 1851. Стр. III, 359 и 101. Книга II. 1852. Стр. 256 и 224. Книга III. 1853. Стр. 420 и 206. Книга IV. 1854. Стр. 32, 584 и VIII.

Такъ-какъ въ Москвитянинѣ напечатанъ былъ отчетъ только о первой книгѣ ПроPILEевъ и только о нѣкоторыхъ статьяхъ второй и третьей, то считаемъ уместнымъ въ настоящее время, когда вышла уже и четвертая, обозрѣть составъ всѣхъ четырехъ книгъ. Потомъ поговоримъ подробнѣе о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ статей, о которыхъ прежде не было говорено въ Москвитянинѣ. Какія бы ни были причины тому, что о второй и третьей книгахъ не представлены были Москвитяниномъ въ свое время подробныя статьи (впрочемъ не онъ одинъ виноватъ въ этомъ передъ ПроPILEями), несправность наша имѣла и хорошее слѣдствіе: теперь обязывая насъ обозрѣть всѣ четыре книги, она даетъ возможность вѣрнѣе и безпристрастнѣе судить о направленіи и достоинствахъ этого полезнаго Сборника. По отдѣльнымъ книгамъ труднѣе было бы судить о томъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ ПроPILEи предначертанному редакторомъ плану; труднѣе было бы удержаться отъ тѣхъ крайностей въ сужденіи, въ какія впадали разбиравшіе прежнія книги ПроPILEевъ. А этѣ крайности, какъ нелпыя похвалы, такъ и безсмысленныя ругательства, вредятъ всякому полезному изданію, особенно у насъ: большинство читателей готово безъ разсужденія, на слово, вѣрить всякому печатному, особенно бранному, слову....

Прежде всего выскажемъ искреннюю нашу благодарность дѣятельному издателю: онъ дѣлаетъ больше, чѣмъ обвщаль, больше, чѣмъ мы надѣялись. Обвщаль онъ издавать въ неопредѣленные сроки по 30 листовъ большаго формата и убористой печати, а издаетъ ежегодно въ продолженіи четырехъ лѣтъ гораздо болѣе 30 листовъ: во второй книгѣ болѣе 36, въ третьей и четвертой болѣе 39 листовъ. Притомъ всѣ четыре книги наполнены оригинальными и во многихъ отношеніяхъ интересными и важными статьями; переводныхъ немного, да и тѣ всѣ до одной высокаго достоинства. Въ изданіи принимаютъ участіе почти всѣ наши филологи и многіе другіе ученые и литераторы: въ вышедшихъ по сіе время книгахъ встрѣчаемъ имена профессоровъ покойнаго Крюкова,

Грановскаго, Кудрявцева, Буслаева, Меншикова, Каткова, Шестакова, Куторги, Благовѣщенскаго, Бабста, Ординскаго; потомъ знаменитаго нашего поэта Жуковскаго, графовъ С. С. и А. С. Уваровыхъ, Авдьева, Беккера, Кёне, Линевица и другихъ. Кромѣ того Прописен, особенно посредствомъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ филологическихъ статей, открываютъ поприще для молодыхъ людей, посвящающихъ себя наукъ. Если принять во вниманіе известную русскую лѣнь, малое число лицъ, занимающихся у насъ классической филологіей, скромныя средства частнаго человѣка, служебныя и научныя занятія редактора, то нельзя не удивляться успешному изданію Прописеевъ, нельзя не признать ихъ однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ явленій въ нашей литературѣ, какъ прошедшей, такъ и настоящей! Сколько хлопотъ и издержекъ надлежало употребить г. Леонтьеву на приобрѣтеніе статей! Сколько времени потратить на изданіе ихъ! А онъ кромѣ того самъ еще всѣхъ дѣятельнѣе трудится для Прописеевъ: почти четверть статей, и статей замѣчательныхъ какъ по содержанію, такъ и объему, принадлежать ему.

Послѣ г. Леонтьева самыми дѣятельными сотрудниками въ Прописеевъ были профессора Благовѣщенскій, Шестаковъ и Кудрявцевъ.

Теперь посмотримъ, въ какой мѣрѣ держался г. Леонтьевъ своей программы, помѣщенной въ предисловіи къ первой книгѣ.

1). «Прописен, тамъ сказано, подобно первой книгѣ, будутъ выходить въ неопредѣленные сроки книгами около 30 листовъ большаго формата и убористой печати.» До сихъ поръ издано въ продолженіи четырехъ лѣтъ четыре книги, и въ каждой изъ трехъ послѣднихъ гораздо болѣе 30 листовъ.

2). «Каждая книга будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ». Отступленіе встречаемъ только въ четвертой. Оно, вѣроятно, отъ того произошло, что эта книга и безъ тѣхъ статей, которыми по плану издателя долженъ наполняться второй отдѣлъ, вышла значительно велика. Притомъ содержаніе ея такъ любопытно и разнообразно, что никому, надѣюсь, не вздумается укорять издателя за это отступленіе.

3). «Въ первомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи о жизни Грековъ и Римлянъ во всѣхъ ея проявленіяхъ: о религіи ихъ, искусствѣ, литературѣ, наукъ, политической исторіи, общественномъ и домашнемъ бытѣ; далѣе, характеристика замѣчательныхъ эпохъ, біографическіе очерки знаменитыхъ лицъ древняго міра; по временамъ и переводы первоклассныхъ произведеній древней литературы.» Въ вышедшихъ по сіе время четырехъ книгахъ мы находимъ:

О религіи — въ 4-й книгѣ основательное изслѣдованіе г. Безсонова о Фастахъ Овидія: «Опытъ характеристики одного изъ главнѣйшихъ источниковъ для изученія римской религіи.»

Объ искусствѣ въ 1-й книгѣ: *О гиратикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ* г. Благовѣщенскаго, *О различіи стилей въ греческомъ ваяніи и Егинскіе мраморы Мюнхенской галлереи* г. Леонтьева, три статьи, вполне знакомящія читателя съ древнѣйшей порою греческаго искусства и касающіяся вопросовъ, наиболѣе занимающихъ современную науку; потомъ *Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь* г. Булаева, прекрасная статья, имѣющая значеніе болѣе, чѣмъ археологическое, ибо излагаетъ воззрѣнія древнихъ Грековъ на Артеиду, Палладу, Геру и Афродиту, въ которыхъ греческая пластика выразила греческое понятіе о совершенствахъ женщины въ главнѣйшія и лучшія поры ея жизни; далѣе *Венера Милосская*, г. А. Н., восторженное, поэтическое описаніе одного изъ самыхъ высокихъ произведеній древняго искусства, хранящагося въ Луврѣ; *Венера Таврическая и Бакхическій памятникъ графа С. С. Уварова*, двѣ статьи г. Леонтьева, въ которыхъ описаны два превосходнѣйшія античныя изваянія, хранящіяся въ Россіи; о послѣднемъ въ 3-й книгѣ напечатана еще записка самого графа С. С. Уварова. Въ 1-й же книгѣ помѣщены статьи г. Леонтьева: *О новой теоріи греческой архитектуры* и (впрочемъ во второмъ отдѣлѣ) *Обзоръ изслѣдованій о классическихъ древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря*. Въ первой статьѣ г. Леонтьевъ знакомитъ съ важными результатами изслѣдованій берлинскаго архитектора Бѣттихера, сочиненіе котораго начало выходить въ 1844 году и обратило на себя вниманіе архитекторовъ и ученыхъ: Бѣттихеръ открылъ причины, которымъ слѣдовали греческіе зодчіе лучшаго времени при употребленіи архитектурныхъ частей; до него употреблялись онѣ произвольно. *Обзоръ изслѣдованій о классическихъ древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря* — весьма обстоятельная и дѣльная статья; авторъ разсмотрѣлъ труды Келера, Муравьева-Апостола, Кёппена, Одесскаго Общества Исторіи и древностей, Императорскаго Археологическаго Общества, Кёне, Ашика, Спасскаго, представилъ библіографію прочихъ сочиненій; гдѣ было возможно, сообщилъ біографическія свѣдѣнія о писавшихъ, и такимъ образомъ приготовилъ читателей къ статьямъ, въ высшей степени любопытнымъ, особенно для насъ Русскихъ, которыя напечатаны въ 3-й и 4-й книгахъ. Этѣ статьи суть: въ 3-й книгѣ — *Керчь и Тамань въ іюль мѣсяцѣ 1852 года* г. Беккера, въ 4-й книгѣ — *Древности Томи того же*

г. Беккера, *Два письма Стемпковскаго о мѣстоположеніи древняго Танаиса, разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и въ его окрестностяхъ и Древняя Синопа* г. Леонтьева, *Разысканія въ окрестностяхъ Симферополя и Севастополя* графа А. С. Уварова, и *О Керченскихъ гробницахъ* Ливевича. Такимъ образомъ почтенный редакторъ Прописевъ исполнилъ почти вполнѣ высказанное имъ въ 1-й книгѣ обѣщаніе познакомить русскую публику съ открытыми у насъ греческими древностями. — Къ отдѣлу искусства слѣдуетъ отнести и помѣщенную въ 3-й книгѣ статью г. Кене *Собраніе древностей Монферрака*.

По части древнеклассической литературы помѣщены въ 1-й книгѣ: *О Саллустіи и его сочиненіяхъ* г. Бабста, во 2-й книгѣ: *Объ Единѣ царь Софокла, Опытъ анализа* г. Кудрявцева, *Софокль и его значеніе въ греческой трагедіи* г. Шестакова; наконецъ три занимательныя, просто и ясно изложенныя статьи г. Благовѣщенскаго о римской сценѣ: *О началѣ римской комедіи и Ателланы* во 2-й книгѣ, *Римскія пантомимы* въ 4-й.

По части древней науки находимъ мы двѣ въ высокой степени замѣчательныя статьи (въ 1-й и 3-й книгахъ) г. Каткова: *Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи*, и *Филебъ, діалогъ Платона* г. Менщикова.

По части политической исторіи помѣщены въ 3-й книгѣ: *Критическія разысканія о законодательствѣ Алкмеоніда Клизомы*, глубокимъ и основательнымъ изслѣдователемъ Аѳинской исторіи М. С. Куторгою, и въ 4-й книгѣ переводъ съ нѣмецкаго извѣстнаго сочиненія незабвеннаго учителя почти всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ русскихъ филологовъ — Д. Л. Крюкова: *Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религиозномъ отношеніи*. Сюда же можно отнести начатыя во второмъ отдѣлѣ 2-й книги г. Леонтьевымъ статьи о греческой и римской исторіи по поводу недавно вышедшихъ сочиненій Грота и Герлаха (этѣхъ статей были три, двѣ во 2-й и одна въ 3-й книгахъ) и разборъ *Чтеній Нибуря о древней исторіи* г. Грановскаго. Читатели Прописевъ конечно съ нетерпѣніемъ ждутъ продолженія любопытныхъ статей г. Леонтьева объ исторіи Грота.

Общественнаго и домашняго быта Грековъ и Римлянъ касаются статьи въ 1-й книгѣ: г. Шестакова — *О роли паразитовъ въ древней комедіи*, Ордынскаго — *Занятія молодаго Аѳинянина*; во 2-й книгѣ: *Древнія Римлянки* г. Тихановича; его же въ 4-й книгѣ — *Бракъ и свадебныя обряды древнихъ Римлянъ*; въ 3-й книгѣ пере-

водъ немецкой статьи Августа Данца — *День въ римскомъ циркѣ* и *Bain* г. Благовѣщенскаго.

Къ біографическимъ очеркамъ знаменитыхъ лицъ древняго міра можно отнести упомянутую выше статью г. Бабста о Саллустіи; кромѣ нея помѣщены въ 4-й книгѣ *Антоній и Клеопатра* того же автора и *Диогенъ кирикъ*, переводъ статьи Гётлинга. Но истинное украшение этого отдела Пропилеевъ составляютъ три статьи г. Кудрявцева въ первыхъ трехъ книгахъ объ Агриппинѣ старшей и Мессалинѣ, объ Агриппинѣ младшей и Пoppеѣ Сабинѣ, подъ общимъ заглавіемъ: *Римскія женщины по Тацитѣ*. Всѣ три статьи безукоризненно хороши: и языкъ, и изложеніе, и содержаніе, — все дѣлаеъ ихъ необыкновенно увлекательными: едва ли другая какаѣ статья изъ пятидесяти девяти статей Пропилеевъ привлекаеъ такъ многихъ, такъ разнообразныхъ читателей, какъ прекрасныя статьи г. Кудрявцева.

Изъ классическихъ произведеній переведены во 2-й книгѣ *Едилъ царь, трагедія Софокла, переводъ съ греческаго въ стихахъ* г. Шестакова, въ 3-й *Хвастливый Воинъ, комедія Плавта, переводъ съ латинскаго* его же, и въ 4-й посмертный переводъ гекзаметромъ первой пѣсни и отрывковъ изъ второй, *Илиады* знаменитаго нашего переводчика В. А. Жуковскаго.

4). Во второмъ отдѣлѣ, котораго, какъ мы сказали, недостаеъ только въ 4-й книгѣ, г. Леонтьевъ положилъ помѣщать біографіи великихъ ученыхъ, занимавшихся классической древностію въ новое время, общіе обзоры ея изученія извѣстія и разборы новыхъ книгъ, выходящихъ по этой части какъ за границею, такъ и въ Россіи. Въ первыхъ трехъ книгахъ помѣщены біографіи трехъ знаменитѣйшихъ представителей филологіи послѣдняго времени — Винкельмана, Германа и Бекка. Самая лучшая по нашему мнѣнію — послѣдняя, написанная самимъ редакторомъ. Біографія же Винкельмана, составленная г. Георгіевскимъ, во многомъ неудовлетворительна. Біографія Германа — переводъ превосходной рѣчи проф. Яна; она заслуживала бы лучшаго перевода — Разобраны 1-й томъ Римской исторіи Герлаха и Бахофена и первые томы Греческой исторіи Грота самимъ редакторомъ, *Чтенія Нибура о древней исторіи* г. Грановскимъ; *Бабста Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распада* г. Кудрявцевымъ; г. Стасюлевича *Ликургъ Аѣнскій* г. Леонтьевымъ. О статьяхъ по поводу Герлаха, Грота и Нибура мы выше сказали. Рецензіи же разсужденій гг. Бабста и Стасюлевича — образцовыя! Особенно понравилась намъ рецензія разсужденія г. Бабста.

Кромѣ исчисленныхъ нами статей помѣщены еще слѣдующія, имѣющія непрямое отношеніе къ классической древности и къ Пропилеямъ: краснорѣчивое описаніе впечатлѣній, вынесенныхъ графомъ С. С. Уваровымъ при посѣщеніи Рима, прекрасно переведенное съ французскаго г. Ивановымъ; *Письма изъ Рима и Неаполя* г. Авдѣ-

ева (въ 3-й книгѣ); *Воспоминаніе о Шеллингѣ*; *Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ* г. Каткова, и *Объяснительныя замѣчанія къ письмамъ изъ Рима и Неаполя* г. Авдѣева (въ 4-й книгѣ). Первые три статьи очень умѣстны въ сборникъ статей по классической древности; но рѣшительно не понимаемъ, что понудило редактора напечатать статью г. Каткова: противъ чего она направлена? съ кѣмъ ратуетъ такъ непристойно? Рѣшительно не понимаемъ! Жалбемъ также, что состояніе нашей журналистики заставило г. Авдѣева напечатать въ *Пропилеяхъ* свои замѣчанія...

5). Наконецъ цвѣлю Пропилеевъ поставилъ издатель знакомить съ событіями, данными Исторіею, и съ воззрѣніями, уже выработавшимися въ наукѣ, — не столько говорить новое слово въ наукѣ, сколько знакомить съ современнымъ состояніемъ ея; назначеніе сборника — популярное; онъ, по предположенію издателя, долженъ вводить въ міръ древности по пути широкому и легкому, такому, который не требовалъ бы отъ читателей ни особенныхъ усилій, ни большаго запаса предварительныхъ свѣдѣній; языкъ статей долженъ быть по возможности легокъ и общедоступенъ, таковъ, какимъ пишутся журнальныя статьи.

Для того, чтобы опредѣлить, на сколько выполняють вышедшія до сихъ поръ четыре книги Пропилеевъ этому послѣднему условію, положенному самимъ редакторомъ, мы должны сдѣлать общее заключеніе изъ сдѣланнаго нами обзора.

Изъ *пятидесяти девяти* статей, вошедшихъ въ эти четыре книги, переводныхъ только *шесть*: двѣ статьи графа С. С. Уварова, одна Крюкова, одна Яна, одна Данца и одна Гётлинга; прочія всѣ оригинальныя; да и переводныя замѣчательны по своему достоинству и почти всѣ хорошо переведены; притомъ, кромѣ *Мыслей* Крюкова, всѣ онѣ не велики. Всего больше, какъ мы видѣли, обращено вниманіе на искусство древнихъ: въ 1-й книгѣ изъ пятнадцати статей девять исключительно посвящены искусству; во 2-й книгѣ конечно объ искусствѣ статей нѣтъ; за то въ 3-й опять нѣсколько большихъ статей, и почти половина 4-й книги занята изслѣдованіями о древностяхъ береговъ Чернаго моря. Но между Егинскими мраморами, произведеніями гіератического искусства, которыми такъ много занималась первая книга, и древностями Крыма, Танаиса, Синопы, Гомъ, большая разница: послѣднія близки намъ, заинтересуютъ многихъ Русскихъ. Потому, если можно было укорить издателя Пропилеевъ за то, что онъ большую часть первой книги наполнялъ статьями о греческомъ искусствѣ, то нельзя тогоже сказать о четвертой: отечественный интересъ искупаеть непопулярность многихъ статей ея. Да Пропилеи, какъ единственныи у насъ филологическій сборникъ, и не должны слишкомъ стѣсняться требованіями популярности. Иначе пришлось бы имъ исключить нѣкоторыя изъ самыхъ цѣнныхъ статей, и *Критическія разысканія* г. Куторги, и *Мысли* Крюкова, и *Исторію Греческой философіи* г. Каткова.

По популярности выше всех надлежит поставить *Римскихъ женщинъ по Тациту* г. Кудрявцева. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ его анализъ Едипа Царя Софоклова; какое-то странное впечатлѣніе производитъ эта статья: когда читаешь ее, то на первый разъ кажется, будто не соглашаешься съ г. Кудрявцевымъ; но потомъ, по соображеніи разныхъ мвствъ, открываешь, что разница была только кажущаяся. Объ *Опытъ анализа* можно сказать, что онъ отличается *плыучестію*, если можно такъ выразиться, *линій*. Потому вступить въ споръ съ нимъ считаемъ излишнимъ: весь споръ вертлся бы на словахъ. Укажу только на нѣкоторыя мвста. Стр. 73.

«Возвратившись къ нему (Едипу Царю Софокла) еще разъ «послѣ внимательнаго чтенія, мысль читателя напрасно ищетъ другаго, параллельнаго ему явленія во *всей* предшествующей литературѣ.»

Да развѣ намъ извѣстны *всѣ* трагедіи Софокла, не только *всѣ* предшествовавшая Софоклу литература? Такое же выраженіе встречаемъ на 99 стр.: «*Никогда до Софокла* древняя драма не изображала,» и т. д. Стр. 79. «Рвдкій успѣхъ Софокла между его современниками» и т. д. А какъ же онъ изъ 130 трагедій только за 20 получилъ первую награду? 88. «Слово Едипа звучитъ, какъ металлъ:» это такъ же слышно, какъ «*видно* (стр. 92), что счастье жизни Иокасты было уже возмущено не разъ.» Вообще г. Кудрявцевъ говорить о трагедіи Софокла, какъ будто о современной ему. Нѣкоторыя мвста не совсѣмъ ясны: стр. 72:

«Чтобы удовлетворительно рѣшить задачу, надобно было съ «*величайшею* постепенностью провести Едипа черезъ нѣсколько психическихкихъ явленій, вовсе не похожихъ одно на другое, такъ, что-«*бы* вниманіе зрителя въ отношеніи къ нему ни разу не раздѣлилось между искреннимъ участіемъ къ его положенію и сомнѣніемъ «*въ* возможности его.»

Стр. 77. «Въ трагедіи также есть *внѣшнее* дѣйствіе, но надъ «*нимъ* беретъ рѣшительный перевѣсъ внутреннее, которое въ то-«*же* самое время происходитъ въ сознани дѣйствующаго лица.»

Кромѣ *Римскихъ женщинъ* общедоступны и занимательны статьи гг. Грановскаго о Нибуръ, Леонтьева о Гротъ, Благовѣщенскаго о римской сценѣ и Баляхъ, Бабста о Саллустіи и Антоніи и Клеопатрѣ, и Тихоновича обстоятельныя, добросовѣстныя статьи о Римлянкахъ и о бракѣ у Римлянъ; скромный авторъ выставилъ вначалъ первой статьи двѣ книги, которыми пользовался при составленіи статьи; но при внимательномъ разсмотрѣніи открывается, что многіе факты собраны имъ самимъ, или можетъ быть взяты изъ другихъ книгъ.

Но вотъ чего не могу понять: что за странная мысль пришла г. Мещикову передать Платонова Филеба въ изложеніи? Зачѣмъ онъ живую, изящную форму Платонова діалога, форму, которая для

большинства читателей была бы занимательнее и увлекательнее содержания,—замѣнилъ изложеніемъ? и гдѣ же? въ популярномъ Сборникѣ, который и трудное старается облегчить, передать живѣе! Статья г. Менщикова гораздо бы болѣе нашла читателей, еслибы онъ, излагая Филеба, толкуя связь частей его, по возможности удержалъ діалогическую форму подлинника. Конечно, г. Менщиковъ послѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру Нѣмцевъ, но Нѣмцы, особенно въ настоящемъ дѣлѣ, намъ не указъ.

И такъ мы видимъ, что большая часть статей, вошедшихъ въ Пропилеи, удовлетворяютъ популярному назначенію Сборника; много капитальныхъ статей, какъ по изяществу и занимательности изложенія, такъ по содержанію; нѣкоторыя говорятъ и «новое слово въ наукѣ.» Издатель тщательно слѣдитъ за печатаніемъ: опечатокъ весьма немного; гдѣ нужно, прилагаетъ чертежи и рисунки; а главное, какъ мы видали, строго держится однажды начертанной имъ программы и вѣрнѣе своимъ обещаніямъ. По первой книгѣ мы ждали продолженія изслѣдованій о древностяхъ береговъ Чернаго моря, продолженія характеристики римскихъ женщинъ по Тациту, оковчанія статьи г. Каткова, статей о парфенонскихъ мраморахъ и о группѣ Ніобы,—а теперь, когда вышло четыре книги, мы не находимъ—только парфенонскихъ мраморовъ и группы Ніобы; прочія обещанія исполнены. Чего же еще требовать отъ русскаго филологическаго сборника? Г. Леонтьевъ умѣлъ расположить къ участію въ его изданіи почти всѣхъ русскихъ филологовъ, открылъ поприще для начинающихъ молодыхъ людей; мужественно борется со всеми затрудненіями, неизбежными съ изданіемъ русскаго Сборника по классической филологіи: послѣ этого можно извинить маловажные недостатки Пропилеевъ, тѣмъ болѣе, что онѣ безъ сомнѣнія съ каждой новою книгой будутъ уменьшаться. При рачительности г. Леонтьева можемъ надѣяться, что въ слѣдующихъ книгахъ будетъ болѣе однообразія и правильности въ языкѣ, въ писаніи собственныхъ именъ, болѣе единства въ планѣ, для чего, разумѣется, нужно горячее сочувствіе сотрудниковъ: первыя книги наполнялись статьями, которыя находилъ г. Леонтьевъ уже готовыми; въ 4-й книгѣ видимъ уже меньше случайности въ составѣ статей; еще меньше ея, конечно, будетъ въ слѣдующихъ книгахъ.

Теперь поговоримъ подробнѣе о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статьяхъ.

(Продолженіе будетъ).

Замѣтка для Историкъ просвѣщенія въ Россіи.

Въ Отечественныхъ Запискахъ уже давно начать печатаніемъ рядъ весьма любопытныхъ и важныхъ для Исторіи статей г. Забѣлина, подъ заглавіемъ: «Домашній бытъ Русскихъ Царей прѣжняго времени.» Домашняя жизнь представителей древней Руси описывается въ нихъ съ возможною полнотою и отчетливостію на основаніи матеріаловъ, большею частію, до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ. Надо отдать должную справедливость г. Забѣлину въ томъ, что онъ едва ли не первый изъ русскихъ ученыхъ приподнялъ таинственную завѣсу, скрывавшую отъ насъ домашній бытъ нашихъ предковъ, и познакомилъ насъ съ его особенностями. Въ послѣдней (VII) статьѣ (Отеч. Зап. N 12 прошлаго года) описывается авторомъ система обученія царевичей, при чемъ онъ коснулся важнаго вопроса о характерѣ древняго образованія въ Россіи вообще, о методахъ преподаванія и объ учебныхъ пособіяхъ того времени. Съ общими выводами г. Забѣлина относительно излѣдуемаго имъ предмета нельзя, конечно, не согласиться: все у него основано на документахъ, новыхъ и весьма важныхъ; но въ нѣкоторыхъ частностяхъ его послѣдняго труда есть недомолвки, происшедшія, можетъ быть, отъ совершенной еще неразработанности у насъ вопроса о древнемъ народномъ воспитаніи, отчего предоставляется изслѣдователю его огромная трудность—окинуть однимъ взглядомъ всѣ извѣстные матеріалы и отдѣльные на нихъ указанія. Желая съ своей стороны способствовать, по возможности, дальнѣйшей разработкѣ этого любопытнаго предмета, представляемъ нѣсколько своихъ замѣтокъ на послѣдній трудъ г. Забѣлина.

Говоря о характерѣ нашей древней педагогій, авторъ утверждаетъ, что старинная грамота являлась дѣтямъ сухимъ и суровымъ дидакаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и съ розгою въ другой, что въ старинной педагогій наказаніе вообще признавали неразлучнымъ спутникомъ науки (стр. 98 и 99). Съ этимъ мнѣніемъ автора безусловно согласиться нельзя; приведенная имъ въ доказательство выписка изъ записокъ Майора Данилова относится къ

позднѣйшему времени и едва ли тутъ уместна. Въ параллель къ свидѣтельству автора мы приведемъ другое извѣстіе, болѣе древнее, чѣмъ записки Данилова, именно сдѣлаемъ маленькую выписку изъ Степенной книги, изъ которой видно, что первый всероссійскій митрополитъ Михаилъ, при заведеніи училищъ «призываше всѣхъ сихъ учителей грамотныхъ, и наказываше ихъ правъ и благочиннѣ учиться юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такоже благонавію и правдѣ и любви и зачалу премудрости—страху Божию, и чистотѣ и смѣренномудрію. Учити же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и сладкимъ поученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ, да не унывають, не ослабываютъ; прилежно и часто послушивати и наказывати ихъ, предавати и комуждо ихъ урокъ ученія съ разсужденіемъ, противо коегождо силы, и со ослабленіемъ, да не унывають; но паче же всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня на пользу души жъ и тѣлу, отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески ошаятися.» Такое высоко-христіанское наставленіе учителямъ также могло имѣть обязательную силу и составляетъ, по нашему мнѣнію, замѣчательную черту древней русской педагогіи. Мы думаемъ, что при обсужденіи столь важнаго предмета, каковъ характеръ прежняго народнаго образованія, это наставленіе должно бы быть взято авторомъ во вниманіе, а не отринуто, какъ исключеніе и частный случай. Другой выводъ автора, что главнѣйшею и почти единственною цѣлію книжнаго образованія встарину была потребность государства въ церковнослужителяхъ, и что кругъ древняго образованія тѣсно ограничивался изученіемъ только самонужнѣйшихъ церковныхъ книгъ, почти исключительно обученіемъ механизму чтенія, — этотъ выводъ автора намъ кажется слишкомъ рѣзкимъ и одностороннимъ. Правда, въ характеръ древняго русскаго воспитанія превенствовало элементъ духовный, но не былъ исключительнымъ и единственнымъ: государство столько же нуждалось въ грамотныхъ людяхъ для цѣлей гражданскаго управленія, какъ и въ духовныхъ лицахъ; судебная часть всегда вѣрялась лицамъ свѣтскимъ и съ достаточнымъ образованіемъ; при каждомъ князѣ, безъ сомнѣнія, находилась всегда особая канцелярія изъ людей не только грамотныхъ, но и знакомыхъ съ необходимыми науками въ общежитіи, словомъ, изъ людей, по времени, образованныхъ. Уцѣлѣвшіе отъ весьма давняго времени памятники нашей письменности, особенно юридическаго и историческаго содержанія, писались, безъ сомнѣнія, не исключительно же лицами духовнаго званія, напротивъ, преимущественно свѣтскими. Наконецъ,

и сами князья получали книжное образование; для доказательства укажемъ хоть на Ярослава I, Владимира Мономаха и отца его Всеволода, какъ о томъ свидѣтельствуесть самъ Владимиръ Мономахъ: «яко же бо отецъ мой, дома сѣдя, изумвѣяше пять языкъ: въ томъ бо честь есть отъ нѣхъ земель.» Вотъ еще любопытное известіе 1-й Нов. лѣтоп., доказывающее, что и князья съ-молоду обучались: «той же зимы (1341 г.) прѣвха Михаилъ княжичъ Александровичъ, съ Теери въ Новгородъ, къ владыцѣ, сынъ крестьяный, грамотъ учитьсѣ.»

Что кругъ книжнаго обученія въ-старину ограничивался не однимъ только чтеніемъ и письмомъ, а вмѣщаль въ себя и нѣкоторыя научныя познанія, напр. грамматику и ариметику, можетъ служить подтвержденіемъ то обстоятельство, что грамматика существовала у насъ съ давнихъ поръ; припомнимъ грамматическіе труды Іоанна Экзарха Болгарскаго, Максима Грека, Зизанія и Смотрицкаго. Для большаго же удостовѣренія читателя въ томъ, что грамматика дѣйствительно входила въ кругъ школьнаго образованія, приведемъ выписку изъ грамматики XVIII вѣка, написанной для Новгородской Греко-Славянской школы Ѳеодоромъ Максимовымъ: «таже наукъ употребленіе, отъ нихъ же вопервыхъ есть грамматика: тая бо яко орудіе, наставникъ, и искусный дѣлатель, научаетъ насъ право писати, и въ разглагольствіяхъ безпогрѣшно глаголати, въ трудномъ же сочиненіи свободно разбирати и разсуджати, въ чуждыхъ діалектахъ свойства познавати, ясно и чисто на свой діалектъ преводити. Сего убо ради сія во всѣхъ школахъ, яко прочихъ наукъ основаніе, люботщателемъ первѣе преподается. А понеже сія наука и благопотребна есть люботщателемъ ко ученію, того ради должно всячески ей повсюду зрѣтисѣ, обноситисѣ и размножатисѣ, дабы люботщателие видяще читали, и читающе познавали, и познающе люботщательствовали, и тщащесѣ училисѣ, и учашесѣ пользовалисѣ, и пользующесѣ приходили къ прочимъ наукамъ.» (Пред. къ Слов. грам. иподьякона Ѳеодора Максимова. С. П. б. 1723 г.) Сверхъ того, доказательствомъ грамматическаго знанія въ-старину могутъ служить и древнія рукописи, большая часть коихъ писана вѣрно, отчетливо и даже изящно; принятая въ нихъ орѳографія соблюдалась строго отъ начала до конца. Конечно, и въ хорошихъ рукописяхъ попадаются иногда описки, какъ попадаются онѣ сплошь да рядомъ и у нынѣшнихъ писцовъ; но замѣчательно, что тѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ она писана лучше и правильнѣе; искаженіе текста рукописей грубыми описками и дурное правописаніе началось у насъ

не позже половины XVI вѣка съ введеніемъ полууставнаго почерка, скорописи, и съ измѣненіемъ древняго писчаго матеріала, пергамина, на бумагу. Это замѣчаніе, какъ ни кажется съ перваго взгляда страннымъ и несоответственнымъ, однакожь въ сущности справедливо, какъ засвидѣтельствуетъ, надвемся, каждый русскій археографъ, знакомый съ нашею древнею письменностію.

Что жъ касается до необходимости имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія въ начальной математикѣ, это уже само собой ясно; познанія въ этой наукѣ нужны не только для государственнаго чловѣка, но и для каждаго въ домашней жизни. Значительное развитіе внѣшней и внутренней торговли, особенно въ княжествахъ Новгородскомъ и Псковскомъ, можетъ служить отчасти доказательствомъ, что счетная и торговая часть были у насъ въ-старину не вовсе безызвѣстны.

Вотъ наши немногія замѣчанія на прекрасный трудъ г. Забѣлина. Не пустое желаніе найти ничтожные недостатки въ его обширномъ и прекрасномъ изслѣдованіи вызвало ихъ, а высокая важность описываемаго имъ предмета побудила насъ сказать объ немъ нѣсколько своихъ словъ. Кстати, замѣтимъ еще, что, по преданію, въ Новгородѣ было издревле училище и даже существовала иконописная школа; къ-сожалѣнію, намъ не удалось до сихъ поръ найти какихъ-либо точныхъ и положительныхъ объ нихъ документовъ, ранѣе начала XVIII вѣка; матеріалы же, касающіеся учрежденія при Петрѣ I въ Новгородѣ Греко-Славянской школы, у насъ находятся. Укажемъ только на одно извѣстіе XVII вѣка, относящееся до обученія,—которое мы нашли въ описи старыхъ дѣлъ: «въ 7191 году (1683 г.) подалъ челобитную изъ Ладоги Георгіевскаго монастыря дьячекъ Андрюшка Ѳедоровъ въ Новгородскую приказную палату, чтобъ ему дозволено было свѣйскіе и любскіе земель торговыхъ людей дѣтей ихъ грамотъ и писать учить.» Подлинника же этой челобитной мы не нашли.

И. КУПРИАНОВЪ.

Новгородъ.
Февраля 13-го.

ПОДРОБНОСТИ О КОНЧИНѢ АДМИРАЛА НАХИМОВА.

(Письмо изъ Севастополя).

....Увы! Нахимова уже нѣтъ! онъ палъ жертвою войны, 28-го іюня, въ 6-мъ часу вечера, на Малаховомъ курганѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ палъ Корниловъ. Вотъ нѣкоторыя подробности: 28-го числа, объѣдая (часу въ 1-мъ), онъ былъ очень веселъ и сказалъ между прочимъ адъютантамъ: «Господа, не расходитесь никуда — часа въ 3 я поѣду по бастионамъ; что-то крѣпко палить на 3-мъ». Послѣ объѣда легъ отдохнуть; въ 4-мъ часу всталъ и въ началѣ 5-го выѣхалъ. Когда стали спускаться подъ гору къ мосту, мимо церкви, близъ Адмиралтейства, бомба просвистѣла у нихъ надъ головами. «Видите, насъ привѣтствуютъ!» — Всю дорогу былъ веселъ и говорилъ съ адъютантами. Пріѣхалъ на 5-й номеръ, обошелъ его, осмотрѣлъ новыя непріятельскія траншеи, и поѣхалъ на Малаховъ курганъ. Когда шли до башни, не свиснула ни одна пуля. Онъ прошелъ башню и поднялся на одинъ изъ гласисовъ, обращенный къ Камчатскому редуту, и сталъ смотрѣть на вновь-возводимую непріателемъ траншею. Ему говорили: «Ваше Высокопревосходительство, что вы дѣлаете! можно-ли тутъ стоять?» но онъ, какъ и всегда, не послушался, отвѣчая постоянной своей поговоркой въ такихъ случаяхъ: «не всякая пуля въ лобъ-съ!» Но пуля, предназначенная ему, именно въ лобъ и попала. Онъ смотрѣлъ довольно долго — и вдругъ повалился назадъ, принятый на руки ординарцемъ, штыкъ-болтнымъ съ фрегата Коварны, Короткимъ (который мнѣ и рассказывалъ эти подробности; но кое-что добавили адъютанты). Пуля ударила нанскось въ лобъ надъ лѣвымъ глазомъ, пробивши черепъ. Подбѣжавшіе матросы подхватили его на руки и повесли на перевязочный пунктъ, устроенный на курганѣ же.

Когда ему вспрыснули лобъ и грудь водой, онъ очнулся, открылъ глаза и что-то заговорилъ, но разобрать было невозможно. Сдѣлавши перевязку, его понесли на простыхъ солдатскихъ носилкахъ къ пристани въ Аполлонову балку, и тутъ посадили на первый попавшійся яликъ, для перевезенія на Сѣверную сторону въ бараки; на пути, въ бухтѣ, яликъ былъ встрѣченъ катеромъ съ парохода Владимиръ, куда и пересѣли матросы съ носилками, въ которыхъ лежалъ адмиралъ. Всю дорогу онъ глядѣлъ и что-то говорилъ, а иногда опираясь на жерди носилокъ, приподымался на локтяхъ и держался на носилкахъ сидя. Такъ прибыли въ одинъ изъ сѣверныхъ госпитальныхъ бараконъ, (третій отъ штаба), гдѣ и положили Адмирала въ особой комнатѣ, на кровать; всѣ главные врачи города съѣхались туда въ одну минуту и принялись за осмотръ раны и за новыя перевязки. Разумѣется, было истощено все знаніе, все рвеніе, все искусство, какія только были. Я находился въ это время въ городѣ, и возвращаясь оттуда часу въ 6-мъ въ концѣ или въ началѣ 7-го, замѣтилъ суматоху и безпокойство. Провели лошадь Адмирала; потомъ проскакали его адъютанты; у его дома толпилось нѣсколько человѣкъ — и вдругъ я узнаю, что Адмиралъ убитъ.... кто говорилъ — убитъ, кто — раненъ.

Все потряслось въ городѣ; всѣ въ мигъ узнали объ этомъ, всѣ спрашивали, гдѣ же онъ; спѣшили къ пристани, ожидая, что его повезутъ съ Малахова прямо въ домъ.... многіе говорили, что онъ на Сѣверной, въ Михайловскомъ укрѣпленіи; я перѣхалъ черезъ бухту и побѣжалъ въ Михайловское — тамъ не было ничего. Тамошніе начальники хотѣли скрыть отъ матросовъ, говорили таинственно, но нельзя было скрыть — они уже все знали. Когда я шелъ оттуда въ бараки, мнѣ попадались на встрѣчу матросы и морскіе офицеры, уже видѣвшіе Адмирала. Я узналъ отъ нихъ, который баракъ, и пришелъ на горѣвшіе огни. Адмиралъ лежалъ безъ чувствъ; кругомъ было нѣсколько офицеровъ и докторовъ; на дворѣ подъ окномъ толпились другіе. Адмиралу дѣлали примочки; скоро достали гдѣ-то льду и стали прикладывать. Изъ раны вынута 16 косточекъ; показалось нѣсколько капель мозгу. Онъ только двигалъ рукой и больше ничего. Я пробылъ тамъ съ часъ и отправился домой, на фрегатъ, со священникомъ фрегата, отцемъ Веніаминомъ. Уходя, онъ благословилъ Адмирала, и потомъ сказалъ мнѣ, когда мы пошли: «не мнѣ бы его благословлять; я бы отъ него хотѣлъ получить благословеніе—такой былъ человѣкъ!» Только что я поужиналъ на фрегатѣ, какъ пришла гичка съ парохода

Владимиръ, отъ капитана Будакова: онъ просилъ меня въ баракъ снять черты Адмирала, пока онъ не скончался. Я поѣхалъ ту же минуту. Но рисовать было трудно: Адмиралъ двигался—и кромѣ того мѣшалъ невѣрный свѣтъ свѣчей. Утромъ на другой день, уѣзжая въ лагерь, я былъ у Адмирала, часу въ 7-мъ; ему было лучше; онъ открывалъ глаза; но глядѣлъ странно, едва ли узнавая; однако обращалъ глаза на всякаго, кто входилъ; однимъ глазъ. лѣвой, былъ тусклъ; лѣвой рукой онъ хотѣлъ нѣсколько разъ сорвать повязку, но руку останавливали. На обратномъ пути, на Фрегатѣ, въ 1-мъ часу дня, я опять заѣхалъ въ баракъ: Адмиралу было еще лучше. Онъ глядѣлъ кажется такъ же, какъ и прежде, но повязки не срывалъ, а только трогалъ ее рукой осторожно. Все-таки ничего не говорилъ. Мы имѣли смутную надежду... но сегодня утромъ эта надежда исчезла: Адмиралъ не открывалъ глазъ и дышалъ тяжело, лежа на боку. Въ такомъ состояніи нашелъ я его въ 7-мъ часу утра. Мнѣ сказали, что былъ консилиумъ; рѣшили, что безнадеженъ.... Баракъ былъ оцѣпленъ веревкой; приставленъ часовой для указанія, чтобы подъѣзжали не ближе 10-ти сажень. Когда я возвращался изъ лагеря въ 1-мъ часу—часоваго уже не было.... Адмиралъ скончался въ 10 часовъ съ четвертью. Часа черезъ четыре послѣ того, тѣло Адмирала было перевезено на южную сторону. Народъ, снимая шапки и крестясь, стекался на графскую пристань. Тѣлу предшествовалъ крестъ и священникъ съ пѣвчими. Морскіе офицеры несли кровать, на которой лежалъ Адмиралъ, закрытый пеленой. Народъ шелъ сзади.... Домъ его не далеко отъ пристани; прибывъ туда, тѣло положили на столъ и тотчасъ отслужили панихиду. Затѣмъ допустили народъ прощаться. Часа въ два, которые я провелъ въ домѣ, — пришло поклониться болѣе ста человекъ, генераловъ, офицеровъ и простыхъ матросовъ и солдатъ. Завтра его хоронятъ. Ни одна смерть не произвела здѣсь такого грустнаго впечатлѣнія, такого всеобщаго горя. Имя Нахимова было извѣстно всякому рядовому, всякой рыночной бабѣ. Онъ былъ простъ и доступенъ всѣмъ. Онъ обѣзжалъ ежедневно бастіоны, нерѣдко подъ самымъ сильнымъ штурпернымъ огнемъ, и не былъ никогда раненъ. Однажды только его контузило легко осколкомъ бомбы въ спину. Такое счастье сдѣлало его слишкомъ безпечнымъ; къ этому присоединился нѣкоторый фатализмъ—и онъ не слушался никакихъ предостереженій. Ѣздилъ по бастіонамъ всегда въ эполетахъ (единственный человекъ, который ходилъ въ Севастополь въ эполетахъ). Но вообще былъ чело-

вѣкъ не форменный и отъ другихъ формы не требовалъ;—высовывался изъ-за вала, дѣлая изъ себя цѣль непріятельскимъ штуцернымъ; безъ нужды лѣзъ въ огонь.... Я не знаю здѣсь никого, кто бы его не любилъ и не уважалъ. Когда онъ шелъ по улицамъ — всѣ снимали шапки. Одной изъ самыхъ достойныхъ чертъ его — была простота, доброта и терпѣніе въ выслушиваніи всевозможныхъ совѣтовъ отъ кого бы то ни было. Все это онъ взвѣшивалъ и соображалъ — и выводилъ заключеніе. Всякій матросъ говорилъ ему смѣло: нѣтъ, это не такъ. — Отъ чего не такъ? говори! — А вотъ отъ чего. —Нахимовъ выслушивалъ, задумывался—и нерѣдко говорилъ спасибо толковитому матросу — «такъ, такъ, молодецъ, дѣлай такъ!» — Ободрить, утѣшить бастионныхъ, онъ первый... миръ праху его! — Когда я привезъ печальную вѣсть на фрегатъ, нашъ священникъ сейчасъ же собралъ команду и отслужилъ панихиду. Матросы молились какъ объ родномъ отцѣ.

Были два странные случая передъ его смертью, пожалуй предзнаменованія. 26-го іюня, за ужиномъ, передъ нимъ пролилось что-то жидкое краснаго цвѣта, и пролившіяся струи образовали на скатерти могильный крестъ. Онъ сказалъ адъютантамъ: посмотрите, господа, что это значитъ — крестъ. Всѣ посмотрѣли и согласились. Онъ задумался; 28-го, въ тотъ самый часъ, когда онъ поѣхалъ на бастионы, у воротъ одного домика, не подалеку отъ дома Адмирала, стоялъ молодой человекъ, какой-то Грекъ. «Кто это поскакалъ?» спросилъ онъ у стоявшихъ тутъ же матросовъ и священническихъ служителей. Ему отвѣчали: Нахимовъ! «Не ѣздитъ бы ему!» сказалъ Грекъ: «первая пуля въ лобъ!» — и какая странность: этотъ самый таинственный предсказатель объявилъ мнѣ первый о томъ, что ранили Адмирала.

PS. Со дня на день ждемъ бомбардировки, а за нею штурма. Сегодня замѣчено, что многія амбразуры непріятельскихъ батарей открыты. Мы думали: ну! однако прошло такъ. Бомбардировка будетъ, кажется, двойная — съ суши и съ моря.

Въ настоящую минуту (12-й часъ ночи) идетъ довольно сильная стрѣльба. Ядра поминутно шлепаются въ бухту. Я пишу и слышу ихъ всплески; каждыя двѣ минуты — ударъ. Мы привыкли къ этому, какъ въ деревнѣ привыкаешь къ полету галокъ. Иногда приходится плыть на лодкѣ или купаться тамъ, гдѣ только-что плюхнула бомба. Идешь по дорогѣ и шагаешь черезъ ямы, за нѣсколько минутъ вырытыя ядрами.

ЛЮБОВЬ АФРИКАНЦА.

КОМЕДІЯ

Шоспера Мериме.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Хаджи-Нуманъ, *(названіе Хаджи носитъ всякій мусульманинъ, бывшій на Зеннъ-бенъ Гумейда. поклоненіи въ Меккѣ.)*

Баба-Мустафа.

Мойана.

Дѣйствіе происходитъ въ Кордуанъ, во время царствованія Абдерама. Кіоскъ въ садахъ Хаджи-Нумана.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Хаджи-Нуманъ и Баба-Мустафа

Хаджи-Нуманъ.

Ну чтожь?... Куда дѣвался Зеннъ?

Баба-Мустафа.

Омаръ, стражъ Калифа, сейчасъ сообщилъ мнѣ о томъ.

Хаджи-Нуманъ.

Говори.

Баба-Мустафа.

Онъ вчера видѣлъ его на торгу невольниковъ. Твой другъ разговаривалъ сначала съ однимъ изъ торговцевъ; потомъ вдругъ бросился на своего коня, и во всю прыть ускакалъ въ Деджемскія ворота.

Хаджи-Нуманъ.

А кто такой этотъ торговецъ невольниковъ?

Баба-Мустафа.

Господинъ! какъ мнѣ кажется, это долженъ быть Абу-Тагеръ, тотъ самый, что продалъ тебѣ вчера красавицу Мойану.

Хаджи-Нуманъ.

Ты говорилъ съ нимъ?

. Баба-Мустафа.

Нѣтъ; я не могъ дожидаться его, онъ былъ все время у кадія.

Хаджи-Нуманъ.

Что за причина этого побѣга? Что могло случиться съ Земномъ?!

Баба-Мустафа.

Такъ какъ онъ выѣхалъ въ Джеджемскія ворота, то я заключаю, что онъ отправился къ палаткамъ Семелалия, въ армию визиря.

Хаджи-Нуманъ.

Какъ! неужели онъ рѣшился сразиться съ невѣрными, не объявъ напередъ своего друга?

Баба-Мустафа.

Если угодно будетъ моему повелителю, я опять пойду къ Абу-Тагеру.

. Хаджи-Нуманъ.

Ступай сей-часъ же!... Постой! Отнесъ ли ты Мойанѣ подарки, которые я купилъ для нея?

Баба-Мустафа.

Отнесъ, господинъ, и собственными руками набросилъ на нее новый нарядъ. Аллахъ! какъ она хороша въ немъ! Понистинъ, много въ свой вѣкъ видѣлъ я красавицъ, но подобной Мойанѣ не видалъ, и если ты пожелаешь продать ее чрезъ нѣсколько времени, то навѣрно получишь тѣ же самые десять тысячъ долларовъ, которые заплатилъ за нее.

Хаджи-Нуманъ.

Я ее никогда не продамъ, Мустафа; еслибъ даже калифъ, властелинъ мой, у меня ее потребовалъ, я бь отказалъ ему, хотя бь пришлось мнѣ послѣ этого бѣжать къ Бедуинамъ Зеина и дожидать вѣкъ свой изгнанникомъ.... А что, какъ тебѣ показалось, довольна ли она осталась моими подарками?

Баба-Мустафа.

Она сказала, что рада, что имѣеть столько хорошихъ вещей, если посредствомъ ихъ покажется она еще лучше глазамъ твоимъ.

Хаджи-Нуманъ.

Прелестное созданіе!

Баба-Мустафа.

Сколько разницы между нашими женщинами и женщинами невѣрныхъ. Бывши плѣнникомъ въ Леонѣ, я видѣлъ ихъ обычаи. У насъ всѣ покорны другъ передъ другомъ, стараются угодить своему властелину, и достаточно двухъ евнуховъ, чтобъ управлять двадцатью женщинами; а попробуй въ Испаніи?... Тамъ, одна женщина справится съ двадцатью мужчинами!

Хаджи-Нуманъ.

Принеси шербетовъ и плодовъ; хочу, чтобы Мойана пришла сюда побесѣдовать со мной.

Баба-Мустафа.

Бѣгу, господинъ. (*Уходитъ*).

Хаджи-Нуманъ (*одинъ*).

Зеинъ, ты всегда останешься Бедуиномъ!... Всегда, подъ вліяніемъ мгновенной мысли, ты забываешь и друзей и обѣты свои, и несешься туда, куда влечетъ тебя порывъ страсти.... Я полагаю, что ему пришла охота помѣриться силами съ какимъ-нибудь невѣрнымъ рыцаремъ!... Да поможетъ ему Аллахъ.

Баба-Мустафа (*возвратившись*).

Господинъ, господинъ, твой другъ Зеинъ слѣзаетъ съ лошади у крыльца твоего. Клянусь Аллахомъ!... Боюсь, не случилось ли ужъ чего съ нимъ... На его Абжерѣ нѣтъ прежняго, золотомъ шитаго сѣдла... можетъ...

(*Входитъ Зеинъ, одѣтый очень просто*).

Хаджи-Нуманъ.

Зениъ-Бенъ-Гумейда, да будетъ Богъ съ тобою!

Зениъ.

Хаджи-Нуманъ, я тебѣ того же. Но скажи, есть ли у тебя пять тысячъ динаровъ?

Хаджи-Нуманъ.

Есть. Сей-часъ что ли они нужны тебѣ?

Зениъ.

Да, какъ можно скорѣй.

Хаджи-Нуманъ *(отдавая ключъ Мустафа)*.

Мустафа!

Бава-Мустафа.

Бѣгу! *(Уходитъ)*.

Хаджи-Нуманъ.

Ты видѣлъ лагерь визиря?... Видно, ужь соскучился въ Кордуанъ?

Зениъ.

Я былъ въ лагерь по неотлагаемому дѣлу. Я сдѣлалъ тамъ промѣнъ, Хаджи-Нуманъ, — можетъ быть, поступилъ опрометчиво... какъ Бедуинъ....

Хаджи-Нуманъ *(улыбаясь)*.

Не попалъ ли ты на караванъ?

Зениъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я на службѣ Абдерама, я позабылъ эти степныя забавы. Я тѣдилъ за тѣмъ, чтобъ всѣ свои драгоценности промѣнять на деньги.

Хаджи-Нуманъ.

Если не ошибаюсь, такъ ты продалъ даже украшеніе съ твоего кинжала.

Зеннъ.

Да, и всѣхъ лошадей, кромѣ Абжера, который, покуда я живъ, будетъ дѣлить со мной послѣдній кусокъ хлѣба. Но скажи мнѣ, не обманули ль меня?... Что по-твоему стоила оправа этого кинжала, подареннаго мнѣ нашимъ великимъ калифомъ?

Хаджи-Нуманъ.

Отъ девяти до десяти тысячъ динаровъ, а можетъ и больше.

Зеннъ.

Десять тысячъ палокъ проклятому жиду! Чтобъ Некиръ (*) искрошилъ его на десять тысячъ кусковъ своею косою!.. Клянусь гробницею Пророка, что сниму головы съ двѣнадцати жидовъ, въ первомъ испанскомъ городѣ, въ который попаду.

Хаджи-Нуманъ.

Я заключаю по твоему гнѣву, что ты сдѣлалъ невыгодную продажу.

Зеннъ.

Онъ далъ мнѣ полторы тысячи динаровъ.

Хаджи-Нуманъ.

Развѣ ты лишился разсудка, Бедуинъ, чтобъ входить въ дѣла съ жидомъ!

Зеннъ.

Мнѣ нужны были деньги, во что бы то ни стало.... Проѣзжая базаромъ, я увидѣлъ, какъ старый плутъ Абу-Тагеръ велъ на продажу невольницъ. Одна изъ нихъ меня поразила; а онъ хотѣлъ за нее девять тысячъ динаровъ.... Хаджи-Нуманъ.... до тѣхъ поръ я называлъ дуракомъ всякаго, кто платилъ за женщину болѣе, чѣмъ за лошадь.... но одинъ взглядъ на эту невольницу измѣнилъ мои мысли!.. и я почти готовъ былъ промѣнять Абжера на эту гурію, выпорхнувшую изъ рая; — но предпочелъ проскакать въ

(*) Ангель смерти.

лагерь; продалъ тамъ все свое достояніе, исключая только кинжала и Абжера, и со всѣми тѣмъ могъ собрать только четыре тысячи динаровъ.... за остальнымъ пришелъ къ тебѣ.

Хаджи-Нуманъ.

Ха, ха, ха, попался таки наконецъ сынъ степей!.. Вотъ онъ мой опрометчивый Бедуинъ... Подумай, несчастный! Возможно ли тебѣ покупать невольницу, когда у тебя не остается ничего для существованія. Чѣмъ будешь содержать ее и Абжера?

Зеннъ.

А развѣ нѣтъ у меня друга.

Хаджи-Нуманъ.

Который долженъ думать за тебя. Тебѣ нужно не пять, а десять тысячъ динаровъ. Ты ихъ сей-часъ получишь.

Зеннъ.

Благодарю тебя, братъ мой. Ты никогда не устаешь мнѣ дѣлать добро.

Хаджи-Нуманъ.

О Зеннъ, я все-таки останусь у тебя въ долгу. Ты помнишь ли, какъ мы съ тобой познакомились?

Зеннъ.

Помню.

Хаджи-Нуманъ.

Я былъ уже не въ силахъ продолжать путь свой въ Мекку. Ты опрокинулъ надо мной мѣхъ свой съ водою, не оставя для себя ни одной капли... Сколько ты долженъ былъ проработать погожъ отъ жажды!

Зеннъ.

Мы, арабы, можемъ болѣе вынести, чѣмъ вы, городскіе жи-гелл!.. Ты лежалъ на жгучемъ пескѣ, всѣми покнутый, и уже почернѣлый, словно высушенный скорпионъ... Какой же человекъ не сдѣлалъ бы того жъ, что я сдѣлалъ?..

БАБА-МУСТАФА (*возвращается*).

Господинъ, пять тысячъ динаровъ въ мѣшкахъ принесены въ сѣни. Желаетъ ли перечесть самъ?

Зейнъ.

Нѣтъ, нѣтъ, приведи скорѣй осла для вьюка, и еще отщитай мнѣ столько же. Ты получишь за это сто динаровъ. (*Уходитъ*).

Хаджи-Нуманъ.

Мустафа! Пусть другой рабъ исполнитъ, что повелѣлъ Зейнъ. Ты приведи сюда Мойану.

(*Мустафа уходитъ*).

Хаджи-Нуманъ (*одинъ*).

Бѣдный Зейнъ!.. Эта новая любовь до того вскружила ему голову, что онъ хотѣлъ даже пожертвовать своимъ Абжеромъ!.. Видно эта невольница произвела надъ нимъ слишкомъ сильное впечатлѣнiе!.. Горе тому, кто бѣ перекупилъ у него эту женщину!.. Онъ продалъ только оправу своего кинжала! лезвiе — осталось. (*Входитъ Мойана въ сопровожденiи Мустафы*). Подойди, царица красоты, сбрось свое пышное покрывало. Здѣсь никто, кромѣ твоего властелина, не увидитъ красотъ твоихъ.

Мойана (*сбрасывая покрывало*).

Чего желаетъ Левъ мой?

Хаджи-Нуманъ.

Приблизься, Мойана, сядь подлѣ меня... сюда, сюда.... Рабъ, подай угощенья... Ну скажи, Мойана, ты довольна нарядами, которые я прислалъ тебѣ?

Мойана.

Владыка мой, ты осыпалъ дарами покорную рабу свою... она не сможетъ никогда возблагодарить тебя.

Хаджи-Нуманъ.

Такъ ты получишь подарки еще драгоценнѣе этихъ бездѣлокъ.

Мойана.

О Левъ мой, покуда ты будешь любить меня, я и безъ подарковъ буду счастлива.

Хаджи-Нуманъ.

Милое дитя мое, я богатъ и могущественъ.... Мое богатство, мое могущество, все для тебя.... Пожелай, проси, и твои желанія исполнятся.

Мойана, *(цѣлуя его руку)*.

О мой Левъ! какъ осмѣлюсь просить у тебя милости, прежде чѣмъ буду того достойна.

Хаджи-Нуманъ.

Проси, и все получишь.... Не проси только Абжера, любимого коня моего друга Зеина.

Мойана.

Раба твоя такъ счастлива съ своимъ Львомъ, что у ней остается только одно желаніе.... Я родилась въ странѣ, которая, я думаю, очень далеко отсюда, вблизи города, называемаго Дамаскомъ. Мой родитель былъ богатый купецъ. Но за то, что онъ не исполнялъ обѣта своего сходить въ Мекку, Аллахъ лишилъ его своей милости, и въ одинъ годъ онъ потерялъ все свое имѣніе. Братъ мой былъ убитъ Курдами. Мать моя умерла отъ горя, и отецъ мой, чтобъ прокормиться съ тремя меньшими сестрами, принужденъ былъ меня продать. О мой повелитель! позволь мнѣ отослать имъ небольшую часть твоихъ даровъ, чтобъ мнѣ подѣлиться съ ними тѣмъ счастьемъ, въ которомъ утопаю подлѣ тебя.

Хаджи-Нуманъ.

Доброта ты воплощенная! Только-то ты просишь?... Твой отецъ и твои сестры будутъ жить въ здѣшнемъ городѣ, я дамъ богатое приданое сестрамъ твоимъ, хотябъ онѣ имѣли только сотую долю красоты твоей.

Мойана.

Повергаюсь къ стопамъ твоимъ.

Звинъ, *(за сценою)*.

Прочь, рабъ! не то убью тебя.

Хаджи-Нуманъ.

Кто осмѣливается входить сюда?... Мойана, накройся.

(Входитъ Зеинъ съ обнаженнымъ кинжаломъ. Мойана прячется за диванъ.)

Зеинъ—ли входить насильственно, когда другъ наединѣ съ своею невольницею?

Зеинъ.

Хаджи-Нуманъ, когда я принесъ тебя въ свой войлочный ша-теръ,—крокодила-ли спасалъ я, который, уязвивъ меня, хохочетъ надъ этой смертельной язвою.

Хаджи-Нуманъ.

Что хочешь ты этимъ сказать, Зеинъ?

Зеинъ.

Кто далъ тебѣ смѣлость оскорбить Зеина, сына Амру, шейка Гумейдовъ.

Хаджи-Нуманъ.

Но кто изъ насъ двухъ оскорбленъ болѣе?

Зеинъ.

Хитрый Мавръ, для чего ты предлагалъ мнѣ свои деньги, когда вырвалъ у меня ту, которую я цѣнилъ выше всѣхъ сокровищъ калифа.

Хаджи-Нуманъ.

Я!?!?

Зеинъ.

Не ты-ль купилъ невольницу у Абу-Тагера?

Хаджи-Нуманъ.

А какія-жь были твои права на нее?

Зеинъ, *(взмахивая кинжаломъ.)*

А вотъ увидишь.

Мойана, *(бросается между ними, покрывало спадаетъ съ нея.)*

Остановись, злодѣй!... Меня убей прежде его.

Хаджи-Нуманъ.

Ты потерялъ рассудокъ, Зеннъ!... Тебѣ-ль подымать руку на Нумана?... Что я тебѣ сдѣлалъ?... Не имѣлъ-ли я такихъ-же правъ на эту рабу!... Не на собственные-ль деньги я приобрѣлъ ее?... Моя-ль вина, что ты не успѣшилъ ее купить?

Зеннъ, *(смотря на Мойану, опускаетъ кинжалъ.)*

Ты правъ....

Хаджи-Нуманъ.

Вотъ слѣдствіе твоего бѣшеннаго нрава. Еслибъ не эта женщина... ты убилъ бы твоего брата.

Зеннъ.

Нѣтъ, я никогда не могу тебя убить. Тебя защититъ ангелъ небесный. Ты любимецъ его... а я добыча демона.

Хаджи-Нуманъ.

Я простилъ тебя, Зеннъ... но....

Зеннъ.

Безумный, вели этой женщинѣ набросить покрывало, иначе, я не ручаюсь за себя. Нуманъ, я прошу прощенья твоего... но вихрь степной не столько быстръ и жгучъ, какъ любовь Араба.

Хаджи-Нуманъ.

Успокойся, Зеннъ.

Зеннъ.

Слушай; когда я спасъ тебѣ жизнь, ты сказалъ мнѣ: проси у меня что хочешь, я все исполню. Просилъ-ли я тебя о чемъ-нибудь? скажи.

Хаджи-Нуманъ.

Нѣтъ.

Зейнъ.

Такъ уступи мнѣ эту женщину.

Хаджи-Нуманъ.

Да знаешь-ли, какъ я люблю ее?

Зейнъ.

Но любишь-ли ты ее такъ какъ я? сдѣлаешь-ли ты для нея вотъ это? (*прокалываетъ себѣ руку кинжаломъ.*)

Хаджи-Нуманъ.

Звѣрь ты эдакой, что сталося бы съ этой робкой пташкой...

Зейнъ.

Рѣшайся!... ну.... рѣшайся-жь!

Хаджи-Нуманъ.

Не могу.

Зейнъ.

У насъ, въ степяхъ, обѣты святы.

Хаджи-Нуманъ.

Возьми все, что ни есть у меня, все отдаю тебѣ...

Зейнъ.

Забавное вознагражденіе!... И ты это предлагаешь Зейну! Зейну, который отдалъ старику Елфараджи добычи многихъ лѣтъ за одного коня Абжера!... Ну такъ я, Зейнъ, предлагаю тебѣ Абжера и кинжалъ отцовской, въ промѣнъ за эту невольницу.

Хаджи-Нуманъ (*умоляя*).

Зейнъ! Зейнъ!

Зейнъ.

Не клялся ли ты гробницею пророка и своимъ атаганомъ исполнить первую мою просьбу?

Хаджи-Нуманъ.

Скажи, что бь сдѣлалъ ты на моемъ мѣстѣ?

Зейнъ (*нерешительно*).

Что бь сдѣлалъ я?...

Хаджи-Нуманъ.

Да, ты, Зеинъ!

Зеинъ.

Я... Я бѣ убилъ тебя!.. Обнажай кинжалъ...

Хаджи-Нуманъ.

Нѣтъ, я не могу поднять руки на того, кто спасъ мнѣ жизнь въ степи... Слушай, Бедуинъ, еще есть средство все уладить. Пусть Мойана избересть одного изъ насъ своимъ повелителемъ. Если она тебя предпочтетъ, — она твоя.

Зеинъ.

Это ли значить исполнить свой обѣтъ.

Хаджи-Нуманъ.

Мойана, избирай!

Мойана.

Ты и этотъ свирѣпый дикарь! О мой повелитель, твоя раба будетъ вѣчно любить одного тебя! (*бросается къ Нуману на шею*).

Зеинъ.

Да, вы созданы другъ для друга!.. А я обреченъ несчастію. Рожденіемъ своимъ я уморилъ мать свою; когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, стрѣлою выкололъ глазъ своему брату... а сегодня хотѣлъ убить моего друга... и попрекнулъ ему своимъ благодѣяніемъ... О! это недостойно Араба... Прощай, Хаджи-Нуманъ.

Хаджи-Нуманъ.

Зеинъ, проси у меня то, что бѣ я могъ отдать тебѣ.

Зеинъ.

Мнѣ ничего не надо.... Я возвращусь въ степь въ свой шатеръ.

Хаджи-Нуманъ.

Останься съ своимъ другомъ.

Зеинъ.

Не могу.

Хаджи-Нуманъ.

Зачѣмъ покидать меня.

Зеннъ.

За тѣмъ, что я когда-нибудь тебя убью... Я знаю себя.

Хаджи-Нуманъ.

Ты вправѣ меня убить, я заслужилъ твой гнѣвъ.

Зеннъ.

Кто повѣритъ, что женщина сдѣлала его клятвopеступникомъ, а меня почти убійцею!.. Но развѣ я не дѣлалъ вдовами многихъ женъ, в сиротахъ многихъ младенцевъ за тѣмъ, чтобъ завладѣть нѣсколькими верблюдами?

Хаджи-Нуманъ.

Останься со мной, Зеннъ, или я пойду съ тобою въ степи.

Зеннъ.

А рабу эту возьмешь съ собою?

Хаджи-Нуманъ.

У меня есть сестра, чудесной красоты, Зеннъ, я отдамъ ее тебѣ.

Зеннъ.

Братъ, скажи своей рабѣ, чтобъ сняла съ себя покрывало, хочу въ послѣднй разъ посмотреть на нее.

Хаджи-Нуманъ.

Мойана, исполни его просьбу, и взгляни на него привѣтливо, потому, что онъ другъ мнѣ.

Зеннъ.

Хаджи-Нуманъ.... Пусть Аллахъ (*взглянувъ на Мойану, онъ себя*). Нѣтъ... давай драться... пусть княжалъ рѣшить.

Хаджи-Нуманъ.

Ты опять бѣснуешься!... Мойана! удались.

Зеннъ (*заграждая ей дорогу*).

Нѣтъ, останься, Мойана. (*Нуману*) Низкій обманщикъ! Лжецъ! подлый клятвopеступникъ! ты не уйдешь отъ меня.

Хаджи-Нуманъ.

Несчастнй Зеннъ!... опомнись!

Зейнъ.

Эта женщина моя. Что мнѣ до того: любить или ненавидѣть она тебя?... Развѣ не укрощалъ я самыхъ рьяныхъ коней? Мнѣ ль не справиться съ этою рабою?... Мойана, иди за мной, или я сниму съ тебя голову.

Мойана (*бросаясь къ Нуману*).

Повелитель мой! Левъ мой!... защити меня!

Хаджи-Нуманъ.

Остановись....

Зейнъ.

Вынимай кинжалъ.

Хаджи-Нуманъ.

Ты не можешь защищаться, у тебя дрожитъ рука.

Зейнъ (*раньше его*).

Что ты скажешь объ этомъ ударѣ?

Хаджи-Нуманъ (*нанеся ему ударъ*).

А ты объ этомъ?...

Зейнъ (*падая*).

Радуйся, Кордуанецъ, ты сразилъ побѣдителя при Исменнѣ.

Хаджи-Нуманъ.

О горе мнѣ! Я убилъ своего благодѣтеля.

Зейнъ.

А я поднялъ руку на своего друга!... Я! шейкъ гостеприимныхъ Гумендовъ! Аллахъ! Аллахъ! Ты справедливъ!

Хаджи-Нуманъ.

О, что за муки открылись въ моемъ сердцѣ! Я преступилъ клятву.... и убилъ друга.

Мойана.

Повелитель мой....

Хаджи-Нуманъ.

Молчи, ничтожная.... Ты его убійца!... Ты не женщина, а аспидъ, ты нечестая сила.

Зеннъ.

Ангель смерти... зоветь меня... братъ, прощай! Абжера... не забудь... еще найди въ Донгалѣ арабку, она мать моего ребенка... (*Умираетъ*).

Хаджи-Нуманъ.

Мой братъ! Зеннъ! Зеннъ!

Мойна.

Владыка мой, позволь рабъ твоей...

Хаджи-Нуманъ (*поражая ее кинжаломъ*).

Вотъ тебѣ, несчастная! Пусть кровь Зенна смѣшается съ твоею кровью... Ну, Зеннъ, теперь мы останемся друзьями. Эта женщина умерла! Зеннъ! Зеннъ!... Чтожь ты мнѣ не отвѣчаешь, братъ мой?

Баба-Мустафа (*входитъ*).

Господинъ, ужинъ готовъ, и пьеса кончена.

Хаджи-Нуманъ.

А! это дѣло другое.

(*Убитые встаютъ*).

Мойна.

Милостивые государи, и милостивыя государыни, вотъ такъ-то кончается любовь Африканца, комедія, или, если вамъ угодно, трагедія, какъ это говорится по нынѣшнему.

Вы, безъ сомнѣнія, скажете, что эти два кавалера очень невѣжливы; и я совершенно согласна съ вами, и также думаю, что напрасно авторъ пьесы не придалъ своему Бедуину чувствъ болѣе европейскихъ. Но на это онъ осмѣливается сдѣлать слѣдующее возраженіе. Онъ слыхалъ, что Бедуины не имѣютъ обыкновенія отправляться въ Европу за образованіемъ, и что жаркій климатъ ихъ имѣетъ большое вліяніе на ихъ нравы. Что изволите вы думать о такомъ заключеніи? Впрочемъ, извольте думать все что вамъ угодно.... и извините ошибки автора.

М. В. ва.

ПРОПЕРЦІЯ РОССИ.

(РАЗСКАЗЪ ЛУИ ДЕЛАТРА).

I.

Въ боковомъ придѣлѣ церкви св. Петронія въ Болоньѣ, возлѣ алтара, при которомъ рѣдко служатъ, находится надгробный памятникъ, съ латинскою надписью и прекраснымъ барельефомъ, изображающимъ *цѣломудріе Юсифа*. Выполненіе этого скульптурнаго произведенія обличаетъ глубокое разумніе предмета, высокое художественное чувство и искусный рѣзецъ ваятеля. Юная жена Пентефрія невыразимо прекрасна. Она окружена соблазнительною роскошью, такъ сильно раздражающею чувственность. Длинные пряди волосъ небрежно разсыпаны по ея обнаженнымъ плечамъ; кажется, что слова слетаютъ съ ея устъ; безуміе страсти, отчаяніе безнадежности, угрызения совѣсти, отражаются въ ея чертахъ, въ ея позѣ. Юноша, столь же прекрасный, какъ она, отступаетъ и отворачиваетъ отъ нея голову; онъ хочетъ бѣжать, но соблазнительница зоветъ его, съ моленіемъ простираетъ къ нему руки и падаетъ къ ногамъ его, обремененная стыдомъ, горестію и любовію.

Подъ этимъ барельефомъ подписано, на латинскомъ языкѣ:

Здѣсь покоится
Проперція Росси,
Знаменитая ваятельница и стихотворица.
Родилась въ 1508 г., умерла 1530.
Несчастливая любовь
Свела ее въ могилу
На двадцать второмъ году жизни.
Молитесь за нее.

Ранняя смерть Проперции, слѣдствіе какой-то пламенной, непобѣдимой страсти, ея смиренная гробница въ темномъ углу почти покинутой церкви, трогательная просьба, оканчивающая эпитафію, тайна, положившая особенный отпечатокъ на существованіе этой художницы, все это, соединенное со святостью мѣста, съ тишиною и уединеніемъ, которыя царствовали вокругъ, возбуждало во мнѣ чувство сожалѣнія, проникнутое любопытствомъ.

Я часто слыхалъ о Проперціи, я видѣлъ ея произведенія, но вовсе не зналъ ея жизни. Видъ ея гробницы возбудилъ во мнѣ неотразимое желаніе прочесть ея біографію, познакомиться съ малѣйшими подробностями ея. Я досталъ ея жизнеописаніе, составленное однимъ изъ ея современниковъ, и изъ этой книги заимствовалъ рассказъ, который предлагаю читателю.

II.

Проперція еще не исполнилось двадцати одного года, когда слава ея распространилась такъ далеко и такъ была упрочена, что сянборы Венеціи пригласили ее на состязаніе съ Сансовіано и Паничели для украшенія знаменитой церкви della Salute. Они приготовили для нея роскошное и удобное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ одного изъ прекраснѣйшихъ дворцовъ города, на большомъ каналѣ, не далеко отъ моста Ріальто. Ей заказали четыре мраморныя статуи для украшенія внутренности церкви, и молодая художница немедленно принялась за работу. Какъ только узнали о ея прибытіи, домъ ея сдѣлался мѣстомъ сборища всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей Венеціи, всѣхъ живописцевъ, ваятелей, музыкантовъ и поэтовъ. Сансовіано Палладій, Тинторето и скептикъ-философъ, докторъ Тодеро, приходили смотрѣть, какъ работаетъ молодая художница-дѣвушка, и не знали, чему болѣе удивляться—ея таланту, или ея красотѣ.

Видѣвъ съ этими почитателями искусства, у Проперціи была огромная толпа поклонниковъ ея личныхъ достоинствъ. Многіе юноши изъ благороднѣйшихъ фамилій готовы были отказаться отъ наслѣдства своихъ предковъ, за счастіе облобызать нѣжную руку, творящую такіа чудеса искусства; не одинъ поэтъ повергалъ къ

стѣпамъ ея всѣхъ боговъ Олимпа и всѣ небесныя звѣзды. Между безчисленнымъ множествомъ сонетовъ и мадригаловъ, поднесенныхъ ей, есть одинъ достойный вниманія, вотъ онъ: «Прекрасная, какъ твои статуи, всегда ли ты будешь безчувственна, какъ онѣ. Въ былыя времена и мраморныя изваянія сочувствовали иногда слезамъ и моленіямъ смертныхъ; неужели ты всегда останешься неумолимою? Пигмаліонъ видѣлъ, какъ бѣлолицая Галатея улыбалась и отвѣчала любви его; ужели ты жесточе этой статуи и никогда никого не полюбишь? Не сами ли мы виновны въ твоей безчувственности? можетъ быть, мы не умѣемъ тронуть твое сердце. Какой счастливецъ разгадаетъ эту тайну? О! тогда горе тебѣ!»

Въ самомъ дѣлѣ Проперція равнодушно принимала обожаніе своихъ поклонниковъ. Про нее говорили, что она любитъ только свое искусство. Все пламя, всю страсть души своей, берегла она для своихъ статуй. Кромѣ ихъ ничто не занимало ее, ничто не трогало. Многіе искали руки ея, но она всѣмъ отказывала, говоря, что ей еще не наскучила свобода, и что ея искусство достаточно для удовлетворенія ея сердца.

Бѣдная, она не знала, что близка была минута, которая отмстила ей за всѣхъ отверженныхъ ею.

Въ одну изъ тѣхъ ясныхъ и теплыхъ ночей, какія бываютъ только въ Италіи, Проперція сидѣла на своемъ балконѣ, отдыхая отъ дневныхъ трудовъ, и задумывая новыя произведенія. Это былъ тотъ торжественный часъ, въ который мы ощущаемъ какою-то неотразимую потребность любить и быть любимыми, часъ того таинственнаго вліянія, которое льется съ лучей небесныхъ свѣтилъ и паритъ въ благовоніи цвѣтовъ, когда самыя тончайшіе ароматы возносятся къ небесамъ, самая чистѣйшая роса ниспадаетъ на землю; тотъ часъ, когда одинокая душа, то подымаясь съ благоуханіями, то опускаясь съ росой, ищетъ другую душу, свою сестру, которая, соединившись съ нею, должна пополнить ея существованіе.

Вдругъ раздались легкіе плески волявъ, гондола подплыла къ дому Проперціи, посыпалась гитара, и, вслѣдъ за короткой прелюдіей, голосъ звучный, свѣжій, выразительный, пропѣлъ, или, лучше сказать, страстно проговорилъ слѣдующія слова:

Già la notte bruna, bruna
 Si spiegò sulla laguna,
 No si sente voce alcuna
 Alcun remor:
 Già la stelle in schiera folta
 Sargun tutte ad una volta
 Deh! tu pur ti desta, e'ascolta
 Jino d'amor.

(Темная ночь легла на лагуны; не слышно ничьего голоса, никакого звука; бесчисленные звѣзды проснулись на небесах; проснись и ты, прекрасная, слушая пѣснь любви моей.)

Никогда Проперція не слыхала такого очаровательнаго голоса. Эта мелодія, этотъ голосъ вполне овладѣли душею юной художницы и возбудили въ ней тысячи новыхъ и дотоле ей неизвѣстныхъ чувствъ. Никогда пѣвецъ не трогалъ ее до такой степени. Эта простая баркарола показала ей выразительнѣе всѣхъ блистательныхъ каватинъ Порпоры и прочихъ современныхъ композиторовъ. Для кого поетъ онъ? думала Проперція. Не для меня ли?

Таинственный пѣвецъ продолжалъ:

Per te sfedo agni minaccia
 Purché il canto mio ti piaccia
 Non m'arretera e' non m'agghiaccia
 Alcun terror.
 Bidi a una alma a te asservita!
 Or che florida e la vita.
 Odi voce che t'invita
 Ai dolci error.

(Для тебя я презираю опасности, лишь бы достигла до тебя пѣснь моя. Меня никто не остановитъ, ничто не утратить. Прійми преданное тебѣ сердце, пока не миновала еще весна твоей жизни; внимай голосу, который зоветъ тебя къ наслажденіямъ).

Первый куплетъ привелъ Проперцію въ восторгъ, второй — въ умиленіе. Слезы струились по щекамъ юной художницы. Она часто плакала отъ радости или восторга; въ этотъ вечеръ, она, въ первый разъ, плакала отъ любви.

Наконецъ пѣвецъ запѣлъ снова:

Deh! t'affido o mia diletta!
 Alla bruna gondoletta
 Che sen'va sola soletta
 Inverso il mar.
 Deh! mi bea del divo aspetto!
 La, del mar sull'ampio petto,
 Senza tema né sospetto,
 Potremici amar.

(Довѣрся, о моя возлюбленная, легкой гондолѣ, которая одиноко плыветъ къ немолчному морю; обрадуй меня твоимъ взоромъ. Сядись! на широкой груди моря мы можемъ безпрепятственно, безбоязненно предаться любви).

Проперція поняла, что такое любовь, эта пѣсня ознакомила ее съ нею.

Она привстала, чтобъ разглядѣть незнакомца; притаившись за густыми вѣтвями деревьевъ, которые стояли на ея балконѣ, она могла все видѣть, не будучи сама видима. Ночь хотя была и ясна, но не столько, чтобъ можно было разсмотрѣть черты таинственнаго пѣвца.

Шумные всплески весель, предвѣщавшіе приближеніе нѣсколькихъ гондолъ, вѣроятно возвращавшихся съ какаго-нибудь маскарада, заставили незнакомца удалиться. Проперція не шевелилась за густою зеленью. Ея взоры были прикованы къ убѣгающей гондолѣ, и когда она потеряла ее изъ виду, воображеніе ея все еще летѣло за ней слѣдомъ.

Она утратила свое спокойствіе; ее все тяготило, самое ея искусство не имѣло для нея прежней прелести. Ваяніе, эта неподвижная поэзія, казалось ей холоднымъ и прозаическимъ въ сравненіи съ тою поэзіею чувствъ, которою она упивалась. Ея рѣзецъ лежалъ въ покоѣ, и если она брала его, то для того только, чтобъ трепещущею рукою изсѣкать образъ незнакомца въ томъ видѣ, какъ его создавала ей мечта, т.-е. красавцемъ, нѣжнымъ, страстнымъ, идеальнымъ, какъ звуки его пѣнія.

Тревога любви, ненасытная жажда желаній, могущественные двигатели для развитія поэтическаго направленія. Эти чувства, сильно

потрясая душевныя струны, часто извлекають изъ нихъ гармоническіе звуки. Проперція подъ этимъ вліяніемъ написала нѣсколько строфъ; вотъ отрывки изъ нихъ:

«Съ нѣкотораго времени я не узнаю себя. Чей-то голосъ меня преслѣдуетъ всегда и вездѣ. Этотъ голосъ, голосъ ли моего добраго генія, или голосъ моего искусителя, не знаю, но онъ мнѣ кажется такъ же сладостнымъ, какъ голосъ небожителей. Но часто духъ тьмы облакаетъ себя въ прелестныя образы! Ахъ! если онъ этимъ способомъ уловляетъ души, то о погибшихъ сядуетъ больше сожалѣть, чѣмъ осуждать ихъ.»

«Бѣдная Проперція! для того ли ты такъ долго противилась, чтобъ такъ скоро покориться? Но какъ позволить себя совратить съ пути истиннаго суетному призраку, мечтѣ, сновидѣнію! Гдѣ же твоя гордость? Одно мгновеніе ее уничтожило! Гдѣ твоя твердость? Одно дуновеніе обратило ее въ прахъ! Твоя невинность, невинность твоего сердца тебя наказала. Сладостный сонъ не остигаетъ тебя ночью; радость не краситъ дни твои. Твое счастье скрылось навсегда...»

Такъ прошло нѣсколько тяжелыхъ дней, въ борьбѣ со страстію и муками ожиданія. Наконецъ, однажды вечеромъ, подплыла та же самая гондола, послышался тотъ же голосъ. Проперція нѣсколько минутъ наслаждалась тѣмъ же счастіемъ, какъ и въ первый разъ, можетъ быть даже бѣльшимъ, какъ вдругъ отворившееся окно въ верхнемъ этажѣ обратило на себя ея вниманіе и прервало ея упоеніе. Лента, кинутая невидимою рукою, опустилась въ гондолу; молодой человѣкъ привязалъ къ ней письмо, потомъ гондола удалилась и окно затворили.

Это поразило какъ громомъ несчастную Проперцію. Она почти безъ чувствъ опустилась въ отчаяніи въ кресла, воскликнувъ:—это было не для меня!

На другой день она узнала, что надъ ней живетъ богатый патрицій, у котораго была дочь, по имени Марчелла. Незнакомецъ пѣлъ для Марчеллы.

Нѣсколько поэтическихъ отрывковъ, относящихся къ этому печальному времени жизни Проперція, ознакомятъ насъ лучше съ состояніемъ ея души, чѣмъ все описанія и умозаключенія.

«Творецъ, говоритъ она въ одномъ отрывкѣ, зачѣмъ Ты не оставилъ меня въ невѣденіи? Зачѣмъ я узнала печальную истину? Истина! я проклинаю тебя! ложь, я поклоняюсь тебѣ! обманъ, я зову тебя! Тебѣ я обязана лучшими минутами моей жизни, но онѣ были такъ скоротечны! И вотъ я принуждена сожалѣть о моемъ заблужденіи! что́ станетъ со мною? Богъ любви, пощади твою жертву! сжался, сжался надо мною; сжался!»

«О если бы я могла умереть, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ: только смерть перерветъ эту нить и успокоитъ меня. Но я молода: смерть не исполнитъ моихъ желаній. Прежде чѣмъ я закрою на вѣкъ глаза свои, надобно, чтобъ я была игрушкой моего злобнаго генія, — можетъ быть, чтобъ я пала предъ нимъ! Увы! я не смѣю заглянуть въ собственное свое сердце, боясь увидѣть въ немъ преступленіе....»

Почему вы болѣе не работаете? сказала докторъ Тодеро, войдя въ мастерскую Проперціи. Чѣмъ вы заняты, дитя мое? Вы стали печальны, а прежде всегда были такъ веселы? Вы плачете? что́ съ вами? Если бы я зналъ причину вашей печали, мнѣ легко было бы утѣшить васъ; жизнь наша безъ радостей—глупая шутка, и мы не должны быть ея игрушкой. Мы всѣ дѣти; бездѣлица насъ забавляетъ, пустяки насъ огорчаютъ. Философія стоекковъ насъ учитъ переносить все равнодушно. Ничего нѣтъ положительнаго, ничего нѣтъ истиннаго, кромѣ сомнѣнія и отверженія. Земной міръ есть олицетворенная неправда; онъ измѣняется каждый часъ, каждую минуту; съ начала нашего разговора, онъ, можетъ быть, переобразовался двадцать разъ. Смотрите на людей и вещи какъ они есть. Не берите на себя труда расточать объ нихъ болѣе заботъ, чѣмъ они стоять.»

Художники, друзья Проперціи, старались въ свою очередь развлечь ее; они приглашали ее на праздники, на прогулки по взморью, но Проперція отказывалась дѣлать эти удовольствія.

Въ одну ночь, когда вѣтеръ сильно завывалъ, когда небо было завѣшено густыми облаками, скрывавшими звѣзды, Проперція опять услышала обворожительный голосъ пѣвца. Увлеченная любовью и ревностью, она не дождалась окончанія перваго куплета; она схватила ленту, бросила одинъ конецъ въ гондолу, и вскорѣ взяла

ее обратно съ привязаннымъ письмомъ. Ночь была такъ темна, волненіе такъ сильно, что незнакомецъ могъ легко обмануться.

Гондола удалилась, и Проперція въ волненіи прочла слѣдующія строки:

«Прекрасная Марчелла!

«Завтра въ одиннадцать часовъ, я буду васъ ждать у Ріальто, «мы поѣдемъ въ маскарадъ въ казино Св. Марка; будьте по обыкновенію въ голубомъ домино.

Вашъ Джуліо.»

III.

На другой день, въ одиннадцать часовъ вечера, маска въ голубомъ домино таинственно входила въ гондолу, стоявшую внизу у Ріальто; гондола поплыла къ площади св. Марка. Джуліо обнялъ свою сопутницу, склонилъ свою голову на ея грудь. Въ продолженіи всего времени переѣзда они хранили глубокое молчаніе. Оба были очень взволнованы для того, чтобъ говорить, очень счастливы для того, чтобъ еще болѣе возбуждать свою радость. Истинное благополучіе не выразилось словами. Но по мѣрѣ того, какъ они приближались къ предназначенному мѣсту, страхъ овладѣвалъ Проперціею, и она чувствовала всю неприличность своего поступка. Наконецъ у ней родились страшныя желанія, ей хотѣлось, чтобъ сильный вѣтеръ взволновалъ лагуны.

— Проснитесь буре! сказала она; пучина, поглоти меня съ тѣмъ, кого я люблю, прежде нежели онъ узнаетъ свою ошибку. Вотъ счастливѣйшія минуты моей жизни! смерть! сдѣлай ихъ нескончаемыми! прерви мою жизнь, покуда не разстѣлось очарованіе!

Но ни стихія, ни смерть не вняли ея мольбамъ. Гондола тихо и безпрепятственно приплыла къ своему назначенію, Проперція и Джуліо вышли изъ нея и направили свои шаги къ казино Св. Марка.

Однако молодой человекъ сталъ какъ будто сомнѣваться, тревожное же состояніе его подруги не могло разсѣять его подозрѣній. Но впрочемъ онъ рѣшился дожидаться конца бала, чтобъ разрѣшить свои сомнѣнія. Такъ прошло два часа. Вдругъ Джуліо уви-

дѣлъ маску, въ которой узналъ Марчеллу; это открыло ему глаза. Онъ подошелъ къ ней, называя ее по имени. Марчелла отвернулась и хотѣла отъ него скрыться, почитая его недостойнымъ любви; но Джуліо, взявъ ее за руку, силой привелъ къ Проперціи, которая, слѣдя съ усиливавшеюся боязнію за движеніями молодого человѣка, походила болѣе на мертвеца, чѣмъ на живое существо. Джуліо устремился къ Проперціи, сорвалъ съ нея маску, громко вскрикнувъ: «Презрѣнная искательница приключеній, получи достойное наказаніе!»

Проперція упала безъ чувствъ среди толпы, которая ее окружила. Джуліо и Марчелла, воспользовавшись происшедшимъ безпорядкомъ, скрылись незамѣтно.

IV.

— Возможно ли, говорила княгиня Мен, одна изъ покровительницъ Проперціи, узнавъ о вчерашнемъ приключеніи отъ графа Б***, возможно ли, чтобъ Проперція допустила сдѣлать себѣ такое оскорбленіе? Не можетъ быть, это вѣрно не она, вы ошиблись!

— Я былъ не одинъ, всѣ находившіеся въ казино ее узнали, и когда она упала въ обморокъ, всѣ вскричали: — это Проперція! Впрочемъ вотъ мои пріятеля, которые были вмѣстѣ со мною и которые подтверждаютъ мои слова.

Съ полдюжины молодыхъ патриціевъ, которые ежедневно приходили къ княгинѣ съ повостями, вошли въ это время и подтверждали все сказанное графомъ Б***.

— Съ нея публично сорвали маску въ казино! сказала княгиня, ей наговорили дерзостей!? О, это невѣроятно! Какимъ образомъ она находилась съ этимъ человѣкомъ, и кто онъ такой?

— Думаютъ, сказалъ одинъ маркизь, что это любовникъ Проперціи, который, оставивши ее для другой, хотѣлъ доказать этой другой, ревновавшей его къ Проперціи, что онъ совершенно разорвалъ съ нею связь. Теперь мы знаемъ причину холодности Проперціи и вполне можемъ оцѣнить ея скромность.

— Вы не великодушны, маркизь, отказъ Проперціи васъ вооружилъ противъ нея. Я сейчасъ поѣду къ ней. Но вотъ докторъ Тодеро.

— Я отъ Проперціи, сказалъ Тодеро. Я хотѣлъ ее утѣшить, но тщетно. «Пройдетъ нѣсколько времени, говорилъ я ей, и все забудутъ объ оскорбленіи, которое вы получили, оно истребится даже изъ вашей памяти, и вмѣсто того чтобы страдать этимъ воспоминаніемъ, выкиньте его изъ головы теперь же. Къ-тому же увѣрены ли вы, что вы были оскорблены? Не чудилось ли это вамъ?...»

Рѣчь доктора была прервана пріѣздомъ одного полнаго сенатора, который, входя въ комнату, съ разстроеннымъ видомъ вскричалъ:

— Слышали ли вы важную новость?

— Да, мы слышали, отвѣчали разомъ молодые люди: вы хотите сказать объ оскорбленіи, нанесенномъ Проперціи.

— Эта новость пустая, есть другая гораздо значительнѣе....

— Что такое? говорите.... говорите, мы васъ слушаемъ.

— Марчелла Зено, дочь государственнаго совѣтника...

— Дочь отъ перваго брака, предназначенная отцемъ вступить въ Кармелитскій монастырь, перебила княгиня.

— Да, она самая, продолжалъ сенаторъ. Она вчера была задержана на площади св. Марка, съ человѣкомъ простаго званія, съ которымъ хотѣла бѣжать.

— Это ужасно! это неимовѣрно! воскликнули молодые дворяне.

— Вы знаете имя похитителя, спросила княгиня?

— Мнѣ называли его, кажется, Джуліо Піяцца; но теперь онъ засажень въ секретную, и мы ему докажемъ, какъ оскорблять патриціевъ

V.

Все сказанное сенаторомъ было справедливо. Въ ту минуту, когда, пробѣжавъ площадь св. Марка, Джуліо и Марчелла сѣли въ гондолу, два сбѣра въ маскахъ и вооруженные кинулись на молодую дѣвушку, которая не могла имъ сопротивляться, къ-тому же они зажали ей ротъ. Джуліо хотѣлъ броситься къ ней на помощь, но въ свою очередь былъ окруженъ сбѣрами, посаженъ въ гондолу и отвезенъ въ темницу, въ *Rozzi* или колодцы.

Это были подземные своды, устроенные ниже уровня моря; заключенные рѣдко выходили оттуда живыми. Марчелла была отослана къ отцу.

VI.

Проперція въ горестномъ положеніи своемъ оказала необыкновенную силу воли и твердость души. Она приняла нанесенное ей оскорбленіе, какъ справедливое наказаніе судьбы, и думала только о томъ, какъ поправить то зло, которое она сдѣлала. Марчелла, говорила она, обезчещена; Джуліо въ цѣпяхъ, всему этому виною я; я ихъ погубила. О! я мало еще наказана за это.

Сложенная бумага, кинутая на ея балконъ, обратила на себя ея вниманіе; это было письмо Марчеллы слѣдующаго содержанія:

«Я погибла, мой отецъ все знаетъ, меня хотятъ заключить въ монастырь. Джуліо васъ оскорбилъ, но онъ не зналъ, кто вы. Простите его. Вы можете много сдѣлать для его освобожденія, я—ничего. Я столько же свободна, какъ и онъ, съ меня не спускаютъ глазъ; я добровольно покоряюсь своей участи. Пусть я узнаю, что Джуліо свободенъ, и никто не услышитъ моего ропота. Вы его любите, пусть онъ меня забудетъ; пусть онъ любитъ васъ, какъ любилъ меня; любовь моя къ нему съ этой минуты—преступленіе: я не принадлежу болѣе свѣту, я отдана церкви. Я почти вычеркнута изъ списка живыхъ.... Я хочу, чтобъ онъ меня забылъ. Спасите его, Проперція. Прощайте».

«Марчелла.»

Проперція написала княгинѣ Мен, прося ее оказать Джуліо свое покровительство. Потомъ она подумала о средствахъ освободить Марчеллу изъ-подъ тиранской власти ея родственниковъ. Она передала ей кошелекъ, наполненный золотомъ. «Вотъ золото, говорила она въ запискѣ, сопровождавшей эту посылку; подкупите имъ своихъ стражей. Бѣгите съ вѣрнѣйшимъ вашимъ служителемъ въ Болонью, мы тамъ скоро увидимся.»

VII.

Спустя нѣсколько дней, въ гостиныхъ Венеціи только и было разговору, что о побѣгѣ Марчеллы Зено. Проперція выѣхала вслѣдъ за нею.

Повидимому письмо отъ болонскаго сената заставило поторопиться художницу своимъ отъѣздомъ. Проперцію увѣдомляли о скоромъ прибытіи папы Климента VII и императора Карла V, а равно и о предстоящей коронаціи послѣдняго.

Сограждане Проперціи торжествовали ея возвращеніе, она была осыпана всевозможными почестями; болонскій сенатъ заказалъ ей нѣсколько барельефовъ для украшенія триумфальныхъ воротъ, въ которыя должны были вѣзжать папа и императоръ.

Проперція съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялась за работу и кончила за нѣсколько дней до назначеннаго срока.

— Это для триумфальныхъ воротъ, сказала она, окончивши работу; а это для моей гробницы.

Для своей гробницы она предназначала барельефы, изображающіе цѣломудріе Іосифа. Въ этомъ произведеніи Проперція расточила всѣ свои старанія, все свое искусство.

Любители ваянія, посѣщавшіе ея мастерскую, говорили ей: «Это лучшее ваше произведеніе, вы превзошли самихъ себя. Это утвердить за вами вашу славу.» Это точно былъ прощальный привѣтъ генія, покидающаго землю.

Марчелла, жившая въ Болоньи подъ чужимъ именемъ, не оставяла Проперцію, къ которой была привязана священными узами благодарности. Часто двѣ подруги говорили о Джуліо, и не разъ при его имени проливали слезы. Изъ Венеціи увѣдомляли ихъ, что Джуліо нигдѣ не видно, и что вѣроятно онъ былъ осужденъ на пожизненное заключеніе въ *Pozzi*.

VIII.

Благодаря ходатайству княгини Мея, Джуліо былъ приговоренъ къ изгнанію и выпровожденъ изъ границу папской области. Зная, что Проперція живетъ въ Болоньи, онъ цоспѣшилъ въ этотъ городъ.

Онъ хотѣлъ кинуться къ ногамъ молодой художницы, умоляя ее о прощеніи. Первое лицо, которое онъ встрѣтилъ въ ея жилищѣ, была Марчелла, но она была печальна и присутствіе Джуліо только на минуту разсѣяло ея горе. — Проперція умираетъ, сказала она ему, и чувствуя приближеніе своей смерти, она нѣсколько уже дней посвящаетъ все свое время молитвѣ.

Присутствіе Джуліо возвратило на нѣкоторое время молодой художницѣ угасшія ея силы; она радовалась при мысли, что Марчелла будетъ счастлива.

— Вы должны благодарить меня, говорила она Джуліо: это я исторгла вашу Марчеллу изъ рукъ ея стражей.

Проперція была перервана криками народа, толпившагося у ея дома, и звуками трубъ и барабановъ. Потомъ послышались на лѣстницѣ шаги многихъ людей, и Проперціѣ громкимъ голосомъ доложили о прибытіи его святѣйшества Климента VII. Дѣйствительно папа, будучи страстнымъ любителемъ изящныхъ искусствъ, пріѣхалъ почтить дивный талантъ Проперціи и нашелъ ее на смертномъ одрѣ. Письмо Марчеллы къ княгинѣ Мея передаетъ намъ подробности кончины Проперціи:

«Княгиня, нашъ другъ не существуетъ. Проперція возложила на меня горестную и вмѣстѣ священную обязанность увѣдомить васъ о ея смерти: Она оставила нашъ міръ третьяго дня, 12 сентября (1530). Всѣ искренно сожальютъ о ней. Наканунѣ ея смерти ее посѣтилъ его святѣйшество папа; этимъ посѣщеніемъ онъ хотѣлъ засвидѣтельствовать свое уваженіе къ добродѣтели и таланту покойницы. Святѣйшій отецъ спросилъ ее, не можетъ ли онъ что-нибудь для нея сдѣлать, оказать ей какую-нибудь милость».

«Во-первыхъ, я прошу вашего благословенія, отвѣчала она, «потомъ поручаю вамъ Джуліо и Марчеллу. Соедините ихъ предъ лицемъ людей, какъ они соединены предъ лицемъ Бога, и успокойте гнѣвъ ихъ гонителей.» Папа, прощаясь съ умирающею Проперціей, далъ слово исполнить ея желаніе и устроить наше благополучіе.

«Эта высокая преданность дружбы истощила силы Проперціи: ей стало хуже, и на другой день она закрыла глаза на вѣки.

«Весь городъ сопровождалъ ея бранные останки. Папа и императоръ слѣдовали за ея гробомъ до церкви св. Петронія, гдѣ она предана землѣ, и гдѣ для нея была приготовлена смиренная гробница, которая украсится барельефомъ, только-что оконченнымъ ея рукою предъ самою смертью. Я потеряла болѣе чѣмъ сестру.— я лишилась друга.»

Вся Италия оплакивала смерть этой молодой художницы, жертву безнадежной, безумной любви.

А. ГРУ—ВА.

ПИСЬМО СЪ ОСТРОВА ЯВЫ

одного асгантскаго Негра, изучавшаго въ Германіи горныя науки.

Батавія. Спѣшу извѣстить васъ о моемъ благополучномъ плаваніи и прибытіи на островъ Яву. 7 мая сѣлъ я въ Голландіи на бортъ «регата «Сара-Лидія», и уже 6 іюня мы обогнули Зеленый мысъ. Мнѣ не удалось увидать моей родины; туманъ, состоящій, по изслѣдованію Еренберга, преимущественно изъ инфузорій, скрылъ ее отъ моихъ глазъ; высокія и прекрасныя горы острова Св. Антонія послали мнѣ только одинъ, и то, можетъ быть, послѣдній, родственныи привѣтъ. Да могу ли я называть Асганти своимъ отечествомъ? Мнѣ кажется, что связи мои съ нимъ окончательно расторглись съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ извѣстіе о смерти моего милаго кузена Поко, скончавшагося въ фортѣ д'Эльмина. Только смутныя воспоминанія дѣтства привязываютъ меня ко дворцу моего отца; но врядъ ли бы мы узнали другъ друга, если бы снова увидѣлись. Поко также никогда не возвращался въ Кузазію; король хотѣлъ видѣть его не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы онъ снова въ совершенствѣ усвоилъ себѣ родной языкъ; но бѣдняжкѣ не удалось исполнить его желаніе; губительная лихорадка, свирѣпствующая на западномъ берегу Африки, преждевременно похитила его. Со мною навѣрное было бы тоже. Да если бы я счастливо проникнулъ до золотого престола моего отца, если бы я возобновилъ въ своей памяти престые звуки моей родины, то могли ли мы понимать другъ друга? Образованіе, которое дѣлаетъ Европейца высшимъ существомъ въ глазахъ моихъ соотечественниковъ, было бы вмѣнено мнѣ въ величайшее преступленіе. Ахъ, если бы вы знали, какое безотрадное чувство возбуждается во мнѣ при мысли, что между мною и моими соотечественниками лежитъ такая ужасная пропасть; но къ-чему думать объ этомъ — ее никакъ не завалишь. Нѣтъ, не видать мнѣ пальмовыхъ рощей моей родины и золотыхъ слоновъ въ сокровищницѣ моего отца. Прощай навсегда мое любезное отечество!

Въ теченіи нашего долгаго плаванія мы на 25 нѣмецкихъ миль приблизились къ бразильскому берегу, и потомъ обогнули

Мысль Доброй Надежды. Съ 12 на 13 августа насъ застигла у мозамбикскаго берега страшная буря, едва не положившая преждевременный конецъ нашему путешествію. Потомъ мы плыли еще мимо острововъ Св. Павла, Амстердама, Христмена, и наконецъ послѣ стодвѣнадцатидневнаго плаванія бросили якорь въ батавской рейдѣ. Мнѣ необыкновенно понравилось плаваніе черезъ Зондскій проливъ. Огромныя скалы и горы, частью голыя, частью поросшія роскошными растеніями, возвышаются надъ мысомъ Явы. Со всѣхъ сторонъ врываются въ нихъ широкіе морскіе рукава, изъ которыхъ поднимаются зеленые острова, покрытые тропическою растительностью. Батавская рейда также окружена такими островами, необыкновенно заманчивыми для путешественника, утомившагося моремъ. Приятное чувство, съ какимъ послѣ долгаго плаванія вступаешь на твердую землю, было описываемо довольно часто, и я не думаю, чтобы во мнѣ, Африканцѣ, оно было слабѣе, нежели въ любомъ Европейцѣ.

Батавія лежитъ на намывной плоскости; она построена совершенно въ голландскомъ вкусѣ. Если бы не палящее солнце и не стройныя кокосовыя пальмы, возвышающіяся надъ домами, то я бы подумалъ, что нахожусь въ Амстердамѣ или Гаагѣ. Почти у каждаго дома есть садъ или плантація, вслѣдствіе чего городъ кажется весьма обширнымъ. Такъ какъ Батавія построена на болотистой почвѣ и находится у самаго моря, то воздухъ въ ней зараженъ нездоровыми испареніями. По-этому въ жаркое время года достаточные жители ищутъ убѣжища въ сосѣднихъ горахъ, строеніе которыхъ я надѣюсь вамъ описать впослѣдствіи. А теперь я ограничусь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями касательно здѣшняго образа жизни, съ которыми я, конечно, не успѣлъ еще вполне ознакомиться.

Прежде всего я вамъ скажу, что здѣсь вовсе не нужны ноги; самый незначительный путь совершается не иначе, какъ въ экипажѣ. Прогулки пѣшкомъ не только считаются излишествомъ, но даже глупостью, безуміемъ. Взятые обыкновенно дѣлаются между 8 и 9 часами утра, либо вечера. Дома каждый надѣваетъ на себя бѣлое платье, и страсть къ чистому бѣлью здѣсь сильнѣе, нежели въ самой Голландіи. Каждый старается жить какъ можно

спокойнѣ и удобнѣ, и самыя незначительныя домашнія хлопоты предоставляются слугамъ. Такая жизнь была бы прекрасна, если бы тамъ не было все чрезвычайно дорого. Два, три примѣра могутъ вамъ дать понятіе о тамошней дороговизнѣ: пара перчатокъ стѣитъ 4 флорина, черный фракъ 90, мѣсто въ театрѣ 10 флориновъ и т. д. Тѣмъ не менѣ Батавцы вообще любятъ наслажденія и роскошь. Не смотря на жаръ, они много танцуютъ и въ невѣроятномъ количествѣ истребляютъ шампанское и мороженое.

Вы знаете, что голландское правительство старается теперь поощрить въ своихъ остъ-индскихъ владѣніяхъ занятія горными промыслами, для чего оно и учредило небольшой корпусъ горныхъ инженеровъ. Я получилъ мѣсто въ главной администраціи и дирекціи, и дѣятельно занимаюсь копированіемъ картъ, отчасти принадлежащихъ, какъ мнѣ кажется, къ разряду картъ геогностическихъ.

Для изученія состоянія здѣшней горной промышленности насъ безпрестанно посылаютъ въ горные округа Явы и другихъ острововъ. Такъ я долженъ буду скоро отправиться въ Сурабая, чтобы обозрѣть открытыя тамъ копи каменнаго угля. Оттуда отправлюсь на острова Мадуру, Макасаръ и Борнео и посѣщу золотоносные округа послѣдняго, если только не помѣшаютъ морскіе разбойники и живущіе тамъ Китайцы, явно взбунтовавшіеся противъ правительства. Я съ радостью готовъ совершить эти путешествія и надѣюсь извлечь изъ нихъ пользу для науки. Можетъ быть, уже въ слѣдующемъ письмѣ я сообщу вамъ результаты моихъ занятій. А теперь — прощайте!

ШВЕЙЦАРСКІЯ ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ.

Швейцарскій Союзный Совѣтъ предлагаетъ въ проектѣ закона объ учрежденіи желѣзныхъ дорогъ провести слѣдующія линіи: 1) отъ Женевы до Морзее; 2) отъ Морзее и Уши (Ouchy) до Иѳертена; 3) отъ Иѳертена до Золотурна съ побочною линіею до Берна; 4) отъ Золотурна до Цюриха; 5) отъ Цюриха черезъ Романсгорнъ до Рорчаха; 6) отъ Цюриха къ Шафгаузену; 7) отъ Рорчаха до Кура съ побочною линіею до Валленштадта; 8) отъ Базеля до Ольтена; 9) отъ Ольтена до Люцерна; 10) отъ Біаска

до Локарно. Желѣзныя дороги отъ Женевы до Морзее и отъ Ивертена до Золотурна могутъ быть замѣнены водянымъ путемъ, пока еще не ощутилась настоящая потребность въ сухопутномъ сообщеніи

ВЕНГЕРСКІЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

Австрійское министерство торговли предложило Пестской торговой камерѣ карту Венгріи, на которой начертана проэктированная сѣтъ желѣзныхъ дорогъ. До сихъ поръ въ Венгріи только одна желѣзная дорога, идущая отъ Вѣны черезъ Пестъ до Спольнока (Szolnok), лежащаго на Тейсѣ. По вышеупомянутой проэктированной системѣ Пестъ является узломъ сѣти. Отъ него идетъ, во-первыхъ, Верхне-Венгерская или Пестъ-Тарновская дорога. Она идетъ черезъ Ерлау, Камау, Еперіесъ, поворачиваетъ на сѣверо-западъ и при Ней-Сандекѣ касается Галиціи.

Отъ Офена на юговостокъ идетъ по прямой линіи другая дорога, ведущая черезъ Стульвейсенбургъ въ Аграмъ. Отъ Пестъ-Спольнокской дороги отдѣляется при Сегледѣ вѣтвь, идущая до Сегедина. Эта дорога отъ сѣвера къ югу почти вертикально примыкаетъ къ Аграмо-Темешварской дорогѣ. Отъ Темешвара именно идетъ на сѣверъ линія черезъ Арадъ, Гросвардейнъ, которая, перейдя при Токаѣ черезъ Тейсѣ, примыкаетъ при Сцеренчѣ къ Пестъ-Тарновской дорогѣ. Близъ Арада при Зегентанѣ эта линія (Темешваръ-Сцеренчская) совпадаетъ съ Аграмо-Темешварскою дорогою. Отъ Зегентана спускается она къ Марошу, соединяется у Сегедина съ Пестъ-Сегединскою дорогою, идетъ отсюда прямо на западъ, переходитъ при Батѣ черезъ Дунай, и черезъ Фюнекирхенъ доходитъ до Ней-Канизы. Здѣсь съ нею совпадаютъ Офено-Аграмская дорога, спускающаяся черезъ Стульвейсенбургъ къ Платенскому озеру, и Вѣнско-Аграмская, служащая продолженіемъ Вѣнско-Эденбургской и достигающая черезъ Гюнсъ и Штейнмангеръ западной оконечности Платенскаго озера и потомъ Ней-Канизы. Три соединенныя отрамаи идутъ чрезъ Кенпрейницъ и Крейдъ къ Аграму. У Штейнбрюка всѣ эти дороги примыкаютъ къ Триестской желѣзной дорогѣ.

Чтобы обозначить эту сеть болѣе ясными линіями, вообразимъ себѣ двѣ параллельныя линіи, изъ которыхъ одна идетъ отъ Вѣны черезъ Пестъ къ верховью Тейсы (къ Токаю), а другая отъ Триестской желѣзной дороги черезъ Аграмъ къ Темешвару. Обѣ линіи идутъ отъ запада къ востоку; первая находится на сѣверѣ, а вторая на югѣ. Отъ сѣверной линіи вертикально спускаются къ южной три другія линіи; одна изъ нихъ идетъ отъ Вѣны черезъ Еденбургъ къ Аграму; другая начинается между Пестомъ и Сдольнокомъ и оканчивается у Сегедина, и наконецъ послѣдняя идетъ отъ Токая черезъ Дебречинъ и Арадъ къ Темешвару. Наконецъ отъ Аграма идетъ черезъ Стульвейсенбургъ, Пестъ etc. Осено-Аграмская дорога, діагонально пересѣкающая Венгрію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку до самаго Еперіеса; у этого города она поворачиваетъ на сѣверъ въ Галицію. Прежде всего будетъ строятся дорога отъ Сегледа къ Сегедину.

Бѣглый очеркъ великаго Каира.

Приступая къ характеристикѣ великаго Каира, мы считаемъ за нужное предупредить читателя, что онъ въ ней не найдетъ разсказа о томъ, какъ называются кварталы этого города, какъ управляютъ тамъ полицію, удовлетворяютъ насущнымъ жизненнымъ потребностямъ, взимаютъ подати и ведутъ торговлю, какъ караваны, пришедшіе изъ внутренней Африки, длинными вереницами тянутся по узкимъ улицамъ, какъ тамъ готовятъ и жарятъ сладкіе бананы. Все это уже не разъ было пересказано различными путешественниками. Поэтому нашъ очеркъ ограничится только указаніемъ значенія Каира въ отношеніи къ образованію. Великій Каиръ—это Римъ магометанской вѣры: въ немъ, какъ и въ городѣ Тиверіа, сосредоточивается могущественная и побѣдоносная религиозная пропаганда. Известно, что Азія покорена была исламу мечемъ калифовъ; нельзя сказать этого о черныхъ Мослимахъ, населяющихъ внутреннюю Африку: они обращены въ магометанство мирными усиліями бѣдныхъ, въ тишинѣ дѣйствующихъ каирскихъ проповѣдниковъ. Благодаря этимъ усиліямъ, магометанская вѣра проникла въ самое сердце Африки, такъ что всю эту часть свѣта

можно считать достояніемъ послѣдователей мекккаго пророка. Только въ наше время стала проникать въ нее христіанская пропаганда; но она еще не успѣла поколебать вліянія ислама.

Религіозная пропаганда всегда предполагаетъ школу, преподаваніе и цвѣтущее развитіе богословскихъ наукъ. Есть ли все это въ древнемъ городѣ Мамлюковъ? Въ магометанскомъ мірѣ никогда не возникала революціонная мысль отдѣлать отъ государственной церкви школу и преподаваніе. По-этому великая Ель-Азгарская мечеть въ Каирѣ и до сихъ поръ считается знаменитѣйшимъ университетомъ исламитаго востока. Въ ученomъ сословіи этой высшей школы живо олицетворяется вся магометанская ученость и образованіе, и кто изъ правовѣрныхъ жаждетъ высшихъ познаній, тотъ спѣшитъ къ этому, по его мнѣнію, самому чистому и свѣтлому роднику науки. Двѣнадцать старѣйшинъ (шейховъ) стоятъ во главѣ школы и какъ бы составляютъ высшее судилище и послѣднюю инстанцію во всѣхъ вопросахъ, касающихся вѣры и знанія. Кромѣ богословскихъ наукъ, въ ней преподаются грамматика и синтаксисъ арабскаго языка, риторика, верификація и алгебра. Какъ и во всякой магометанской школѣ, свѣтское законовѣденіе не отдѣлено въ ней отъ церковнаго, поэтому одинъ и тотъ же учитель преподаетъ философію и богословіе, этику, гражданское и уголовное право. Но въ самомъ жалкомъ состояніи находятся у Магометавъ естественныя и медицинскія науки; этотъ-то важный недостатокъ и побѣдилъ въ нихъ отвращеніе къ успѣхамъ христіанской науки.

Для вступленія въ каирскую школу требуется только умѣнье читать и писать и знаніе наизусть нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Корана. Зданіе университета довольно велико; оно расположено правильнымъ четырехугольникомъ на большой площади, находящейся въ центрѣ города. Одна сторона зданія назначена для богослуженія, а три другія состоятъ изъ небольшихъ колоннадъ, внутри которыхъ находятся комнаты, назначенныя для студентовъ. Свободная университетская жизнь христіанскаго запада неизвѣстна въ Каирѣ. Каждое отдѣленіе школы имѣетъ свою особенную бібліотеку. Студенты ничего не платятъ за ученье, преподаваніе совершенно свободно, и даже учителя не получаютъ никакого содержанія отъ государства. Прежде, какъ ученики, такъ и учителя содержались на доходы съ

имущество, принадлежавших Азгарской мечети. Но Мегмет-Али, хотѣвшій осчастливить Египетъ безъ содѣйствія просвѣщенія и науки, отнялъ у мечети большую часть ея недвижимыхъ имуществъ и доходовъ. Отъ этой конфискаціи онъ освободилъ только капиталы, на счетъ которыхъ содержались иностранные студенты; туземные же вмѣстѣ съ своими преподавателями принуждены содержать себя частными средствами. Впрочемъ въ великомъ Каирѣ нѣтъ для нихъ недостатка въ средствахъ приобрѣтенія: уроки въ богатыхъ домахъ, переписываніе книгъ, чтеніе молитвъ въ семейныхъ кружкахъ или надъ могилами прежнихъ египетскихъ властителей. Сверхъ того богатые родители нерѣдко дѣлаютъ подарки наставникамъ своихъ сыновей. До вышеупомянутой конфискаціи Азгарской университетъ насчитывалъ столько учениковъ, сколько теперь въ Берлинскомъ и Мюнхенскомъ университетахъ находится вмѣстѣ. Послѣ же этого несчастія число каирскихъ студентовъ уменьшилось до 1500 человекъ. Между этими избранными всегда можно найти Негровъ Внутренней Африки, которые привозятся въ Египетъ невольниками — идолопоклонниками, и возвращаются на родину пламенными проповѣдниками ученія о единомъ Богѣ.

Хотя исламъ и отказался отъ пропаганды съ помощью меча, но онъ тѣмъ не менѣе не мертвъ и не умираетъ, какъ у насъ вообще думаютъ. Исламъ заключаетъ въ себѣ еще много жизненной силы, и Африка есть поле, на которомъ должно быть испытано религиозное мужество его послѣдователей.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Менскій законъ *liquor law* въ Англіи. — Гдѣ хоронить мертвецовъ.

Въ настоящую минуту, въ Англіи происходитъ сильное волненіе умовъ. Дѣло идетъ о водвореніи тамъ новаго закона, наподобіе менскаго *liquor law* (закона о питьяхъ). Онъ успѣлъ уже найдти себѣ тамъ проповѣдниковъ, прозелитовъ, и, пожалуй, даже фанатиковъ, и вотъ въ послѣднее время добился до того, что имѣлъ свой первый митингъ въ Эксетеръ-Галлѣ. Цѣль его — уничтожить въ Соединенномъ Королевствѣ продажу всѣхъ вообще крѣпкихъ напитковъ, какихъ бы наименованій они ни были.

Извѣстно, что въ Сѣверной Америкѣ, одинъ изъ штатовъ Новой Англіи, именно Менъ, издалъ законъ, держащій подъ полнымъ запретомъ торговлю спиртуозными напитками. Штатъ Нью-Йоркъ, поддавшійся тоже филантропическому побужденію, ввелъ у себя менскій законъ, но однакожь выбросивши изъ него напередъ все, что было слишкомъ безусловнаго. Въ Менѣ, это ужъ порѣшенное дѣло,—кабаки всѣ закрыты, кофейныя съ каждымъ днемъ все теряютъ большую часть своихъ посѣтителей, малѣйшая торговля виномъ или водкой влечетъ за собой штрафъ, а всякій, маломальски подгулявшій, берется немедленно подъ стражу и препровождается въ ближайшее мѣсто сокрушенія о своихъ грѣхахъ, гдѣ ожидаютъ его кружка воды и Библія.

Грѣшно, конечно, поднимать на смѣхъ мѣру, порожденную, безъ всякаго сомнѣнія, самыми чистыми нравственными чувствами и безкорыстнымъ стремленіемъ поднять упавшаго ближняго; тѣмъ болѣе грѣшно, что извѣстно, какими безсмѣтными массами гибнетъ отъ

пьянства народъ въ большей части Сѣверныхъ Штатовъ Американскаго Союза; пьянство явилось тамъ истинной эпидеміей, бичемъ народнымъ. Удайся законодательной власти извести со свѣту не только—что пьянство, эту мать столькихъ пороковъ, и притомъ еще самыхъ гнусныхъ, самыхъ скотскихъ, но даже хоть вмѣстѣ съ нимъ и самое простое, обыкновенное употребленіе крѣпкихъ напитковъ, такъ всякій бы навѣрно отъ всего сердца одобрилъ тѣ усилія, съ какими идутъ Общества Умѣренности къ своей цѣли. Но къ несчастію, одніе насильственные мѣры, какъ—то: штрафъ и тюрьма, не могутъ въ этомъ случаѣ, все равно какъ и во всякомъ другомъ, обуздать и исправить пагубную страсть цѣлаго народонаселенія. Примѣръ тому Мень: правда, нѣтъ тамъ теперь больше кабаковъ, нѣтъ больше открытой и публичной продажи вина и водки; но за то торговля крѣпкими напитками нашла себѣ новые, сокровенные пути, дошла до страшныхъ размѣровъ, и если пьянство не дерзаетъ теперь показываться на улицы, такъ собственно, какъ слышно, потому, что оно заблагоразсудило лучше, для избѣжанія наказанія, угнѣздиться подъ кровлею домашняго очага. Хорошій же результатъ!

Но участь Мена и вообще Сѣверной Америки въ этомъ случаѣ не слишкомъ еще прискорбна. Вслѣдствіе своего отдаленнаго положенія, тамошнія страны не имѣютъ непосредственныхъ сношеній съ землями, занимающимися виннымъ производствомъ, и по этому самому нѣтъ въ нихъ особенно сильной торговли крѣпкими напитками; можетъ быть, они и взяли это въ расчетъ, при изданіи своего закона; можетъ, пожалуй, статья, что имъ и удастся хоть нѣсколько достигнуть желанной цѣли. Но если взять теперь Англію, такъ неужели же думаютъ, что легкая и простая вещь запретить въ ней производство и ввозъ водки? а въ особенности одинаково запретить какъ продажу водки, такъ и вина?—Филантропія, какъ общезвѣстно, выказываетъ при случаѣ довольно глубокое презрѣніе къ вопросамъ государственнаго дохода, и ей горя мало будетъ, что за потерю придется претерпѣть казначейству, когда акцизъ и таможенная пошлина, вмѣсто какихъ—нибудь 280 милліоновъ, вдругъ явятся къ нему съ пустыми руками. Но знаете ли, кто только благословитъ этотъ законъ о *питьяхъ*, въ случаѣ, если онъ будетъ принятъ въ Англію? Ахъ, господа,—разумѣется, контрабанда; ей тогда пред—

стоитъ страшная пожива, потому-что принудить всю массу англійскаго народонаселенія сидѣть на полной діетѣ, въ силу какого-нибудь акта Парламента, дѣло невозможное, да и съ того дня, какъ выйдетъ актъ о запрещеніи, потребуется такъ себѣ небольшая армія таможенныхъ стражей, которая въ состояніи бы была оцѣпить какъ есть весь периметръ береговъ Соединеннаго Королевства, для предотвращенія тайнаго ввоза иностранныхъ водокъ.

Въ Соединенномъ Королевствѣ, какъ извѣстно, производится сильное истребленіе водокъ разнаго рода. Судя по послѣднему донесенію, представленному въ Парламентъ, въ немъ произведено крѣпкихъ напитковъ, для внутренняго потребленія, 31,011,727 галлоновъ, даже хотъ пожалуй 139,552,772 литровъ; такъ, стало быть, въ годъ на каждого жителя приходится около 5 литровъ 17 к., почти-что въ три раза больше, чѣмъ во Франціи. Въ замѣнъ того, во Франціи вина истребляется такъ много, что на каждого жителя приходится отъ 600 до 700 литровъ; тогда какъ въ Англіи приходится на каждого брата не больше литра. Главный ея напитокъ пиво, которое тамъ является въ безчисленныхъ видахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, сильно наспиртованные, бываютъ часто вредны для здоровья такъ же, какъ джинъ и виски. Вѣроятно, на этихъ-то данныхъ и основываютъ возможность акклиматизировать въ Англіи менскій законъ, и вѣроятно на нихъ же рассчитываютъ и послѣдователи почтеннаго отца Матѣе, замысливъ посадить Британское царство на чистую воду, какъ другимъ бы хотѣлось посадить Англію на одни овощи. Да, хорошо, на овощи да на воду! Не знаемъ хорошенько, что хорошаго въ нравственномъ отношеніи пріобрѣла бы тогда англійская нація, но что навѣрно можно предсказать, такъ это то, что, ослабивши на-много матеріальныя ея силы, этотъ неумѣстный постъ очень скоро бы порѣшилъ ея мануфактурное могущество.

По настоящему, не стѣять тратить такъ много словъ на опроверженіе видимой нелѣпости. Запретить не значить еще искоренить; издавайте пожалуй, если ужъ хотите, законы противъ пьянства, обкладывайте пошлиной производство спиртуозныхъ напитковъ, набавляйте, пожалуй, ее въ случаѣ надобности; но не налагайте, вслѣдствіе какого-то ребяческаго непониманія вещей, позорнаго клейма одинаково какъ на полезное, умѣренное употребленіе, такъ и на

дѣйствительно пагубное злоупотребленіе. Какимъ же образомъ истребить пагубную страсть къ пьянству какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ?—спросятъ, пожалуй, съ отчаяніемъ озадаченные *филантропы*. Горю ихъ можно пособить слѣдующей рѣчью. Корень всякаго порока, все равно какъ и всякой добродѣтели, таятся въ душѣ человѣка. Такъ, стало быть, не затронувши души, не исправивши ее, одними насильственными мѣрами ничего хорошаго не подѣлаешь противъ всякаго порока. Прибѣгните напередъ всего, какъ къ вѣрному средству для спасенія падающаго человѣка, къ благотворному вліянію религіи, и озаботьтесь вообще о нравственномъ воспитаніи жителей, и не изгоняйте обыкновеннаго, умѣреннаго, употребленія вина. Посмотрите на Францію, да и вообще на всѣ страны, гдѣ вино является главнымъ, народнымъ напиткомъ, гдѣ употребленіе его доступно всѣмъ классамъ, и вы увидите, что пьянство тамъ рѣдкое явленіе; и, во всякомъ случаѣ, вино далеко не влечетъ за собою тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, къ какимъ доводитъ часто алкоголь.

Всякій истинный другъ человѣчества пожелаетъ Англіи оставить безъ вниманія этотъ *liquor law*, который, повторяемъ, не можетъ имѣть тамъ успѣха, и, для искорененія пагубнаго пьянства, прибѣгнуть къ религіи и нравственному воспитанію, озаботившись при томъ о гораздо болѣшемъ употребленіи въ народѣ винныхъ напитковъ.

Лондонъ, вслѣдствіе постоянно увеличивающагося въ немъ населенія, вынужденъ все захватывать подъ городъ мало по малу свои окрестности, такъ что его не на шутку занялъ теперь вопросъ: гдѣ же придется въ скоромъ времени хоронить умершихъ, которыхъ тамъ въ недѣлю наберется числомъ до 1000. Интересно, какъ Англичане приступили къ разрѣшенію этого вопроса, который, сказать мимоходомъ, самъ по себѣ такъ страненъ, что, кажется, и могъ только родиться, что въ землѣ чудаковъ, которые, въ свою очередь, не измѣнили коренному своему характеру и рѣшили его такъ, какъ только придетъ въ голову одному Англичанину.

Внутри города кладбища, вследствие билля о них лорда Пальмерстона, упразднены по той причинѣ, что они заражаютъ будто бы воздухъ; подлѣ же города все занято и заселено. Какъ тутъ быть? На выручку Лондона изъ этихъ тѣсныхъ обстоятельствъ явилась вдругъ неизмѣнная ему *компанія* на акціяхъ, которая тотчасъ же скупила 2,000 акровъ земли, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, на томъ основаніи, что въ слишкомъ близкомъ разстояніи земля очень дорога, а желѣзныя дороги все-равно сокращаютъ какое угодно разстояніе; что же касается до умершихъ, то имъ все равно, въ чемъ бы ихъ ни возили,—не взыщутъ. Самый же билль, возникшій вследствие этого предпріятія, носитъ громкое названіе *маз-золей-билля*, какъ словно всякій простолюдинъ лондонскій, не знающій, чѣмъ прокормить себя, въ состояніи воздвигнуть себѣ великолѣпный памятникъ. 11 іюня, въ засѣданіи Верхней Палаты, билль этотъ, послѣ нѣсколькихъ укорительныхъ словъ на счетъ спекулятизма, послѣгнувшаго даже на безмятежное успокоеніе усопшихъ, принятъ былъ къ слушанію уже во второй разъ.

Къ портрету Л. Н.

Ковачъ злокозненныхъ союзовъ,
 Мутитель счастья земли,
 Онъ шлетъ на насъ своихъ Французовъ,
 Чтобы на него они не шли.

С. ШЕВЫРГАВЪ.

М О Д Ы.

— Лифа съ высокими и закрытыми воротами предпочитаютъ лифамъ открытымъ, не смотря на жаркое время; бретели изъ матеріи или лентъ считаются до сихъ поръ лучшимъ украшеніемъ. Рукава большею частью отдѣлываютъ буфами, раздѣленными оборочками. Юбки украшаютъ воланами. На кисейныхъ платьяхъ воланы вышиваются или фестонируются, или наконецъ просто обшиваются гипюромъ; на баржевыхъ убираются густымъ рюшемъ, высѣченнымъ изъ гласе подъ цвѣтъ баржею; на шелковыхъ же просто высѣкаются или обшиваются тесемочкой, бархатцемъ или кружевомъ.

— Модныя мантильи разнообразны; однѣ, и большая часть, имѣютъ форму мантилій-шарфовъ; онѣ дѣлаются изъ пу-де-суа и убираются бархатцемъ и сверхъ того еще бахромой или кружевомъ; болѣе нарядныя вышиваются гладью. Другія имѣютъ видъ небольшихъ тальмъ или шубокъ, съ широкими прямыми рукавами. Последній фасонъ очень удобенъ для мантилій, назначенныхъ для прогулокъ.

— Въ шляпахъ до сихъ поръ нѣтъ ничего новаго; вотъ три новыя шляпы замѣчательно изящныя: — шляпа, составленная изъ полосъ басты, раздѣленныхъ буфами благо тюлю, отдѣланная съ одной стороны на самыхъ поляхъ букетомъ бѣлыхъ нарцисовъ; внутрь шляпы убранъ блондой и такими же цвѣтами. — Шляпа, вся составленная изъ бѣлой и розовой блонды, попеременно положенной одна послѣ другой; на поляхъ букетъ лавдышей; подъ полями тѣже цвѣты и блонда. — Шляпа рѣшетчатая изъ итальянской соломки, вся увитая мелкимъ плющемъ и вѣтками розовыхъ почекъ.

— Въ заключеніе приведемъ два превосходныхъ вечернихъ нарядовъ:

II

— Платье, составленное из широких бѣлыхъ газовыхъ лентъ, затканыхъ розовыми гирляндами, и полосъ чернаго бархату, обшитыхъ бѣлой блондой, съ обѣихъ сторонъ; лифъ и рукава отделаны блондами; на головѣ цвѣты, перемѣшанные съ брилліантами; на шевъ черная бархатная лента, съ брилліантовымъ аграфомъ въ видѣ цвѣтка.—Платье бѣлое тарлатановое, въ три юбки, зарубленные широкимъ рубцомъ; лифъ à la vierge; на головѣ комъ-пень изъ розъ, бѣлыхъ маргаритокъ и колосьевъ, перемѣшанныхъ съ кончиками голубыхъ бархатныхъ лентъ; букетъ тѣхъ же цвѣтовъ на лифѣ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Платье изъ пу-де-суа, убранное кружевомъ, бахромой и бусами; куафюръ изъ кружева, бархатцу, перьевъ и бусъ. — Платье изъ муару-антикъ, убранное гипюромъ; сорти-де-баль кашемировый, обшитый розовымъ плюшемъ и убранный кружевнымъ клокомъ.

Печатать позволено. Москва. июля 13 дня, 1855 г.

Ценсоръ *И. Безсомятинъ*.

Въ типографіяхъ: *Л. Степановой* и *В. Готье*.

5 10 8

FEB 21 1962

1

